АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Международные связи России до XVII в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории

Международные связи России до XVII в.

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

Редакционная коллегия:
Доктора исторических наук
А. А. ЗИМИН, В. Т. ПАШУТО

ОТ РЕДАКЦИИ

История международных связей России времени раннего и развитого феодализма за последние годы сделалась объектом пристального внимания не только ученых Советского Союза, но также историков зарубежных стран. Положение Древней Руси в системе европейских и азиатских государств, экономические связи Великого Новгорода с державами, представленными в Ганзе, возросший международный престиж Русского централизованного государства конца XV—XVI в.— эти и многие другие вопросы постепенно все более полно освещаются в исторической литературе. Интересными наблюдениями Б. Д. Грекова, касающимися дипломатических отношений Древней Руси с ее соседями, работами М. Н. Тихомирова о культурных связях России с южными славянами и М. В. Левченко — о русско-византийских отношениях, обстоятельной монографией К. В. Базилевича о внешней политике Русского государства второй половины XV в. и многими другими исследованиями историков и литературоведов начато, но отнюдь не исчерпано научное изучение международных связей России эпохи феодализма (до XVII в.). Дело это, важное само по себе, приобретает особое значение в современных условиях.

Достаточно беглого знакомства с зарубежной буржуазной историографией, особенно американской, западногерманской и католической, чтобы убедиться, какие усилия прилагаются нашими идейными противниками для искажения роли России в международной истории.

Делаются отчаянные попытки доказать, что «советский империализм» — прямой преемник «империализма» если не древнерусского, то московского; непрестанно публикуются книги и статьи, в которых отрицается принадлежность истории России к истории Европы; с усердием, достойным лучшего применения, выискиваются варяжские, византийские, католические,

иудейские, татарские и прочие «корни» русской культуры, государственности, загадочной «славянской души» и т. п.

Все это делается в конечном итоге ради одной цели — доказать, будто «неевропейское», незакономерно-своеобразное прошлое России, приведшее ее к Великой Октябрьской социалистической революции — только национальное явление, что от подобных потрясений прочно застрахованы «истинно европейские» государства.

Долг наших историков в содружестве с исследователями стран социализма, с передовыми учеными всех стран — уделить больше творческого внимания этой важной теме.

Сектор истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР решил посвятить этой теме очередной, третий из выпускаемых им сборников научных статей [1].

К участию в работе был привлечен наш актив — научные работники Москвы, Ленинграда и других городов. Кроме того, в сборнике любезно согласились участвовать некоторые видные зарубежные ученые, давно и успешно работающие на поприще истории международных отношений.

Международные связи России — тема по своему характеру интернациональная. Из публикуемых в сборнике статей ясно видно, какие огромные неиспользованные возможности — и археографические, и источниковедческие — таит она в себе. Масса иностранных источников еще не введена в научный оборот, множество русских материалов остается неиспользованным. Здесь, как нигде, чувствуется необходимость в притоке новых сил, теоретически подготовленных ученых, вооруженных знанием языков европейских и восточных, новых и древних. Только скрупулезное всестороннее изучение прошлого России в связи с историей соседних стран, в связи с мировой историей позволит затем создать обобщающий труд по истории ее международных связей и внешней политики.

Данный сборник — первый опыт такого рода коллективных усилий. Как всякий опыт, он отражает сильные и слабые стороны современного состояния науки. Помещая в хронологической последовательности статьи, каждая из которых вносит свою лепту в разработку большой проблемы, редакция отдает себе отчет в тематической многоплановости сборника. Полнее представлены в сборнике традиционные темы истории международных связей России — византийская (статьи В. М. Бейлиса. А. П. Каждана), прибалтийская (работы Н. А. Казаковой, Н. Н. Усачева, А. Л. Хорошкевич, И. П. Шас-

[1] Первые два сборника: «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, и «Русское государство в XVII веке». М., 1961.

кольского) и восточная (сообщения С. Н. Дас Гупта, Б. Н. Заходера, Ю. А. Лимонова, А. П. Новосельцева, М. В. Фехнер, С. О. Шмидта).

Среди публикуемых исследований преобладают относящиеся к области политических связей между странами. Это естественно для истории эпохи, когда внешние торговые связи не могли быть велики. Но они существовали, и какие большие возможности открывает их исследование, можно видеть по трудам профессора А. В. Флоровского, приславшего одну из своих работ для нашего сборника, а также из исследования ленинградского нумизмата В. М. Потина.

Политические отношения России с ее ближайшими соседями — Польшей (статьи немецкого академика Э. Винтера и профессора Торуньского университета Б. Влодарского) и Венгрией (исследования венгерского профессора Эммы Ледерер и советского историка В. П. Шушарина), ее сношения с западноевропейскими державами — Англией (работа Я. С. Лурье) и Ватиканом (сообщение В. А. Мошина) — также получили отражение в сборнике.

Теме взаимоотношений в сфере культуры посвящены статьи болгарского ученого И. Снегарова, немецкого — Г. Рааба и советского историка Л. Н. Пушкарева. Историю международного права разрабатывает И. Э. Клейненберг. На новые архивные источники обращает внимание исследователей Б. Б. Кафенгауз. В сборнике читатели найдут немало новых сведений по историографии. Источниковедческие темы освещают Л. В. Черепнин и Н. П. Долинин.

Внимательный читатель легко заметит, что в сборнике нет (да и не могло быть) полного единомыслия авторов по всем конкретным вопросам. Например, напрашивается сопоставление материалов, приведенных в работах В. М. Потина, М. В. Фехнер и А. В. Флоровского; различно оценивают ливонскую дань Н. А. Казакова и И. П. Шаскольский; нет единодушия среди авторов в оценке международных отношений XVI в. и т. п.

Если говорить о периодах в истории международных связей России до XVII в., освещенных в настоящем сборнике, то основное внимание уделено в нем Древней Руси и Русскому централизованному государству. Меньше статей относится к внешним связям русских земель времени политической раздробленности. Сборник характеризует интенсивные международные связи России, но, понятно, не исчерпывает эту важнейшую проблему. В нем недостаточно работ о культурных взаимоотношениях Руси с зарубежными странами, мало исследований источниковедческого характера и т. п. Предстоит критически оценить обширную русскую и зарубежную историографию и соответственно с этим сформулировать основные задачи дальнейших

исследований. Цель данного сборника более скромная — привлечь внимание научной общественности к важной теме. Редакция, однако, надеется восполнить эти и некоторые другие пробелы в одном из следующих сборников на ту же тему.

Тематика сборника — многопланова. Состав авторов интернационален. В нем участвуют ученые Советского Союза, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии, Югославии и Индии. Это еще одно убедительное свидетельство сотрудничества ученых во имя науки, дружбы народов и мира на земле.

А. П. Каждан

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1947—1957)

История русского средневековья привлекает в последнее время пристальное внимание зарубежных исследователей, и это вполне естественно: все более возрастающая историческая роль Советского Союза неминуемо влечет за собой и усиление интереса к его прошлому. За последние десять лет появилось немало книг и статей, посвященных этой теме.

В настоящем кратком обзоре мы затронем лишь русско-византийские отношения.

Буржуазные историки трактуют их идеалистически: движущей силой русского исторического процесса они объявляют князей и митрополитов, а историю культуры сводят к заимствованию идей; они нередко сознательно игнорируют бесспорные достижения советских историков и археологов или тенденциозно искажают смысл и сущность их трудов. В соответствии с этим они считают, что «основанное» норманнами Древнерусское государство не само вырабатывало свою цивилизацию, а восприняло ее извне [1].

Особенно отчетливо идеалистическая теория «культурного влияния» выразилась в работах, посвященных церковной истории Древней Руси. В буржуазной историографии мы встретим

[1] Эта концепция отразилась особенно отчетливо в статьях С. Рэнсимена («Византия и славяне») и барона А. Мейендорфа и Н. Бэйнза («Византийское наследие в России») в коллективном сборнике «Byzantium. An introduction to East Rome civilization». Oxford, 1948. В 1942 г. появилась статья бельгийского византиниста А. Грегуара. По его словам, христианизация славянства, основы которой были заложены Фотием, якобы определила весь дальнейший путь развития славянских народов. Только большевики, с горечью замечает А. Грегуар, свернули с этого пути, но он надеется, что большевизм окажется лишь «эпизодом» в истории России (H. Grégoire. The disruption of European unity. The Greek schism and its lasting political implications. «Belgium», vol. 2. New York, 1942, № 21, p. 19). Нет нужды опровергать эту «концепцию».

две основные точки зрения по этому вопросу: сторонники одной из них принадлежат к католическому лагерю и в соответствии со своими конфессиональными воззрениями утверждают, будто Русь получила христианство от Рима. Эти взгляды, высказанные в свое время Н. Баумгартеном и М. Жюжи, были развиты в книге М. Таубе [2], который рассматривал христианизацию Руси как своего рода «международное» мероприятие. Политический смысл этой концепции отчетливее всего выражен в антисоветской книге американской писательницы Мэри Джаст, которая утверждает, что первоначально Русское государство было тесно связано с папским престолом, а затем порвало с ним — и это явилось причиной всех несчастий русского народа. Книга завершается призывом к ниспровержению Советской власти и установлению католицизма в СССР [3].

Другие авторы исходят из того факта, что христианство пришло на Русь из Византии: так, например, бельгийский историк Э. Хонигман полагал, что первым русским митрополитом был грек Феофилакт Севастийский [4]; некоторые данные о русско-византийских церковных связях были собраны в статье западногерманского историка Г. Рауха [5]: по его мнению, еще в начале IX в. в Константинополе жил монах Фаддей — «славянин из Скифии» — и в середине IX в. в Киеве была построена церковь св. Ирины. Кстати сказать, автор — резко выраженный норманист.

Мы не станем подробно говорить о том, что «византийская» теория тоже является идеалистической и не учитывает внутренних причин, приведших к возникновению христианства на Руси [6]. Существенно отметить, что сторонники «византийской» теории утверждают, будто вместе с церковью Русь восприняла из Константинополя все религиозные, культурные и правовые формы [7], обособилась от Запада (во всяком случае с XI в., после разделения церквей) [8] и тем самым было заложено основа-

---

[2] M. de Taube. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars, vol. I. Paris, 1947.

[3] M. Just. Rome and Russia. A tragedy of errors. Westminster, Maryland, 1954, p. 172 f.

[4] E. Honigmann. Studies in Slavic church history. Byz., 17. Baltimore, 1944—1945, p. 128.

[5] G. von Rauch. Frühe christliche Spuren in Rußland. «Saeculum». Bd. 7. Freiburg — München, 1956, H. 1, S. 52, 55 f.

[6] В отличие от этого академик Э. Винтер (E. Winter. Die Christianisierung der Rus in der Diplomatie des Papsttums und Byzanz. «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», Bd. I. Berlin, 1957, S. 151) правильно подчеркивает, что принятие христианства на Руси было результатом общественных изменений, и прежде всего — процесса феодализации.

[7] W. K. Medlin. Moskow and East Rome. Genève, 1952, p. 37; ср. p. 61.

[8] G. Vernadsky. A history of Russia. New Haven, 1954, p. 15. В отличие от Г. Вернадского Ф. Дворник подчеркивает, что Русь X—XIII вв.

ние для разделения Европы на два мира: западный и русско-византийский [9]. Сторонники этой точки зрения утверждают, будто Русь, чье экономическое, политическое и культурное развитие осталось в рамках византийских традиций, в средние века принципиально обособилась от западных государств: в частности, они полагают, что Восточная Европа (Византия, Болгария, Русь) вовсе не знала феодализма.

Эта теория также имеет политическую подоплеку: буржуазные ученые стремятся с помощью исторических параллелей обосновать придуманный ими разрыв между «Западом» и «Востоком». На самом же деле, как свидетельствуют труды по истории не только СССР, но также Византии и Болгарии, экономическое и политическое развитие Восточной Европы шло в принципе по тому же пути, что и развитие других европейских стран, а отдельные особенности не приводили и не могли привести к созданию непроходимой пропасти.

Наряду с антинаучными общими концепциями мы можем найти в зарубежной буржуазной историографии последних лет немало существенных конкретных наблюдений, полезных для разработки истории Руси, в частности истории русско-византийских связей IX — начала X в. Еще до войны возникла дискуссия, во время которой А. Грегуар и ряд примыкающих к нему ученых предприняли попытку пересмотреть известия источников о наиболее ранних нападениях русских на Византию и доказать, что по крайней мере бо́льшая часть этих известий является легендарной. А. Грегуар еще в 1937 г. выступил со статьей, где сформулировал вывод о недостоверности рассказа летописи о походе Олега на Константинополь в 907 г. [10]

В 1949 г. в поддержку концепции А. Грегуара выступил английский ученый Р. Долли [11]. В своей критике он, правда, не

не была оторвана от Центральной Европы: об этом свидетельствует, в частности, проникновение в русскую церковь культа некоторых западнославянских святых (F. Dvornik. The making of Central and Eastern Europe. London, 1948, p. 242).

[9] I. Mirtschuk. Rom, Byzanz und Moskau im Kampf um die geistige Führung im osteuropäischen Raum. «Münchener Beiträge zur Slavenkunde», 1953, S. 24 ff.

[10] H. Grégoire. La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor. «Bulletin de l'Académie de Belgique», vol. 23. Bruxelles, 1937, p. 80 sq. Против А. Грегуара выступил Г. Острогорский: G. Ostrogorsky. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907. «Annales de l'Institut Kondakov», vol. 11. Prague, 1939, p. 47 sq. Ср. его же. History of the Byzantine state. Oxford, 1956, p. 229, n. 4. Идеи А. Грегуара были развиты его ученицей Ж. да Коста-Луйе: G. da Costa-Louillet. Yeut-il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860? Byz., 15, 1940—1941, p. 231 sq. См. возражения Е. Э. Липшиц («О походе Руси на Византию ранее 842 г.». «Истор. записки», кн. 26, 1948).

[11] R. H. Dolley. Oleg's mythical campaign against Constantinople. «Bulletin de l'Académie de Belgique», vol. 35. Bruxelles, 1949, p. 106 sq.

шел так далеко, как А. Грегуар, и был готов признать факт заключения договоров между Византией и Русью, тогда как А. Грегуар даже эти договоры называл легендарными. Вместе с тем Р. Долли утверждал, что договоры не были результатом успешного похода Олега на Константинополь; самый поход Р. Долли считал легендарным.

Аргументы Р. Долли заключаются в следующем. Во-первых, события начала X в. освещаются в ряде византийских источников: в хронике Симеона Логофета, в хронике Феодора Скутариота, в агиографических памятниках и т. п.; однако ни один из них не упоминает о походе Олега — и это тем более странно, что Симеон Логофет враждебно относился к правительству Льва VI (886—912) и имел все основания писать о неудачах этого императора [12]. Во-вторых, публицисты начала X в. также не говорят о походе Олега [13],— а ведь Николай Мистик и Лев Хиросфакт, отправленные в изгнание Львом VI, должны были бы использовать такую возможность в своей борьбе против Льва. В-третьих, арабские источники не упоминают о походе 907 г. [14]

Далее, участие русских в походе византийского флотоводца Имерия в 911—912 гг. [15] не может считаться аргументом в пользу достоверности известий о походе Олега в 907 г.: византийское правительство не включило бы в состав флота тех, кто лишь недавно воевал против Византии. В отряде Имерия участвовали только беглецы из Руси [16].

Наконец, Р. Долли утверждает, что положение Византийской империи в 906 г. было превосходным; Олег, которого он считает умным политиком, знал об этом и именно поэтому искал не войны с Византией, а мира. Вот почему он и добился заключения договора [17].

Не входя пока в рассмотрение первых пунктов аргументации английского исследователя, укажем на одно обстоятельство, сразу же подрывающее доверие к стройной на первый взгляд концепции. Положение Византийской империи на рубеже 906—907 гг. отнюдь не было столь превосходным, как это кажется Р. Долли. В конце 906 г. началось восстание одного из крупнейших византийских феодалов Андроника Дуки, поддержанного

---

[12] R. H. Dolley. Op. cit., p. 108 sq.
[13] Ibid., p. 111 sq.
[14] Ibid., p. 114 sq.
[15] Точная дата похода Имерия установлена Р. Дженкинзом (R. J. H. Jenkins. The date of Leo VI' Cretan expedition. «Mélanges St. Kyriakides». Saloniki, 1953, p. 277 sq.); М. В. Левченко («Очерки по истории русско-византийских отношений». М., 1956, стр. 118 и сл.») датирует этот поход 910 г.
[16] R. H. Dolley. Op. cit., p. 116 sq.
[17] Ibid., p. 128.

арабами: он был осажден, но продолжал борьбу, как явствует из совершенно определенных свидетельств Табари и Симеона Логофета, до февраля 907 г.[18] Андроник Дука был поддержан константинопольским патриархом Николаем Мистиком, который наложил на императора Льва церковную эпитимью и в течение долгого времени не допускал его в церковь, что не раз приводило к резким столкновениям в византийской столице. Лев VI был вынужден для разрешения конфликта обратиться к римскому папе и восточным патриархам. Легко видеть, что положение империи в 906—907 гг. было весьма напряженным, и русский князь вполне мог избрать этот момент для нападения на Константинополь.

В новой работе А. Грегуар[19], одобряя статью Р. Долли и считая доказанной легендарность известий о походе Олега на Константинополь, пытается объяснить, каким образом могла возникнуть эта легенда. По его мнению, она возникла после того, как Олег Святославич (умерший в 1113 г.) побывал в Царьграде. Впрочем, никаких аргументов в пользу этой теории, кроме сходства имен (это вообще излюбленный прием А. Грегуара)[20], в работе не приведено.

Почти одновременно с работой Р. Долли появилось небольшое исследование другого английского ученого Р. Дженкинза, поставившее под сомнение всю аргументацию А. Грегуара — Р. Долли. Отвергая основной аргумент, который они выдвигали,— молчание византийских источников о походе Олега,— Р. Дженкинз попытался проследить в так называемой хронике Псевдо-Симеона (один из изводов хроники Симеона Логофета) следы рассказа о набеге русских на Константинополь[21]. Остановимся на ходе рассуждений Р. Дженкинза.

---

[18] Мы следуем датировке А. А. Васильева; Р. Дженкинз, который был одно время наиболее последовательным противником этой датировки, принял ее в последнее время (R. J. Jenkins, B. Laourdas. Eight letters of Arethas on the fourth marriage of Lec the Wise. «Ἑλληνικά», t. 14. Ἀθῆναι 1956, p. 347).

[19] H. Grégoire. L'histoire et la légende d'Oleg, prince de Kiev. «La nouvelle Clio», vol. 4. Bruxelles, 1952, № 5—8, p. 281 sq. Ср. M. Lascaris. Les sources épigraphiques de la légende d'Oleg. AIPHOS, vol. 11, 1951.

[20] См. А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, вып. 11, 1953, стр. 71.

[21] R. J. H. Jenkins. The supposed Russian attack on Constantinople in 907: evidence of the Pseudo-Symeon. «Speculum», vol. 24. Cambridge, Mass., 1949, № 3, p. 403 sq. С возражениями против статьи Р. Дженкинза выступил Р. Долли, утверждавший, что рассказ Псевдо-Симеона имеет в виду не поход Олега, а экспедицию Льва Триполитанина против Константинополя [R. H. Dolley. Pseudo-Symeon (p. 705—707) and the Oleg controversy. «The Slavonic and East European Review», vol. 30. London, 1952, № 75, p. 554 sq.], однако, как признает и сам автор, его реконструкция текста является весьма вольной.

В хронике Псевдо-Симеона после рассказа об экспедиции арабов под командованием Льва Триполитанина (904 г.) имеется упоминание руси-дромитов [22] и странный список географических названий. Месемврия, Гем, Мидия, Селиврия, Македония, Никополь, Иерон, Фарос, гора Трикефал в феме Опсикий. Начало этого списка — не что иное, как перечисление тех пунктов, мимо которых проплывали русские по пути в Константинополь: речь шла, по-видимому, о каком-то путешествии или, скорее, набеге русских на Константинополь, причем они не только проникли в проливы, но и достигли (по суше?) Македонии и Опсикия. Немногим ниже Псевдо-Симеон снова говорит о руси: место это довольно трудное, и греческий текст явно испорчен, но можно видеть, что речь идет о вождях руси, получавших «божественные оракулы»; Р. Дженкинз видит в этом отражение легенды о вещем Олеге.

Конечно, вся эта реконструкция является весьма гипотетической, и все же ее нельзя просто отбросить: представляется весьма вероятным, что упоминание руси в византийской хронике при описании событий, последовавших непосредственно за 904 г., вполне может относиться к утраченному рассказу о походе Олега на Константинополь [23].

Через два года после работ Р. Долли и Р. Дженкинза появилось большое исследование А. А. Васильева, посвященное походу русских на Константинополь в 907 г. [24] Оно состояло из двух основных частей: в первой автор рассматривал все источники, в которых, по его мнению, отразился поход Олега, а во второй части — обширную историографию вопроса. Сразу же следует отметить, что советская историография была рассмотрена им не полно: например, автор не учел мнение М. Н. Тихомирова, относившего — на основании «Кэмбриджского документа» — поход Олега ко времени болгаро-византийских войн [25]; в качестве курьеза можно отметить, что М. В. Левченко, считав-

---

[22] Название «дромиты», по-видимому, происходит от «Дромос (бег) Ахилла», песчаной косы близ устья Днепра, откуда русские выплывали в Черное море. (A. Vasiliev. The second Russian attack on Constantinople. DOP, vol. 6, 1951, p. 193 sq.). См. о них также: C. Mango. A note on the Ros-Dromitai. «Mélanges St. Kyriakides». Saloniki. 1953. К. Манго считает, что Псевдо-Симеон имел в виду в этом месте либо поход 860 г., либо поход Олега (ibid., p. 461 sq.).

[23] Гипотезу Р. Дженкинза принимает и М. В. Левченко (указ. соч., стр. 112).

[24] A. Vasiliev. Op. cit.

[25] М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 141 и сл. В пользу этого соображения можно было бы привести еще известие Николая Мистика, который в одном из писем писал о союзе болгар с «варварами» (PG, t. 111, col. 297). Впрочем, нельзя с уверенностью говорить, что эти «варвары» — русские: это могли быть и арабы.

щий в 1940 г. поход Олега «полулегендарным» [26], почему-то причислен к западным исследователям [27].

Куда больший интерес для нашего читателя представляет первая часть работы А. А. Васильева, где рассматриваются сохранившиеся свидетельства источников.

Источники, привлекаемые А. А. Васильевым, могут быть разделены на две группы: греческие и восточные. Среди греческих памятников А. А. Васильев вслед за Р. Дженкинзом уделяет основное внимание свидетельству Псевдо-Симеона [28]. Другие греческие авторы не говорят прямо и непосредственно о походе Олега, но свидетельствуют об интенсивности связей между Византией и Русью в начале X в. По словам Льва Диакона, Игорь, напав на Византию в середине X в., презрел «клятвенные договоры» (τοὺς ἐνόρκους σπόνδας) [29]; подобно А. Рамбо и М. Я. Сюзюмову [30], А. А. Васильев справедливо усматривает в этих словах намек на русско-византийские договоры 907 и 911 гг. [31]; слова Льва Диакона опровергают гиперкритическую концепцию А. Грегуара; отрицать наличие договоров, предшествовавших походу Игоря, нет никаких оснований.

Кроме того, А. А. Васильев указывает, что император Лев VI упоминал флот «так называемых северных скифов» [32], что Константин Багрянородный знал не только о торговых операциях, но и о военных набегах Руси на империю [33], что вскоре после похода 907 г. русские воины участвовали в походе Имерия [34]: наконец, Лев Хиросфакт около 910 г. писал, что окружавшая его стража была «более скифской, нежели северные варвары» (А. А. Васильев видит в этих словах воспоминание о набегах русских) [35].

Но, пожалуй, еще более определенные известия о походе 907 г. сохранились у восточных авторов. А. А. Васильев обратил внимание прежде всего на свидетельство ал-Мас'уди, который был современником событий; ал-Мас'уди упоминает не только славянского князя ал-Дира (Дира русских летописей) [36],

---

[26] М. В. Левченко. История Византии. М.— Л., 1940, стр. 159 и сл. В своей новой книге («Очерки...», стр. 119) он гораздо решительнее признает поход историческим фактом.

[27] A. Vasiliev. Op. cit., p. 219.

[28] Ibid., p. 193.

[29] Leo Diaconus. Historia. Bonnae, 1828, p. 106.

[30] М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. ВО, т. 2, 1916, стр. 165.

[31] A. Vasiliev. Op. cit., p. 176.

[32] Ibid., p. 183 f.

[33] Ibid., p. 185.

[34] Ibid., p. 187.

[35] Ibid., p. 184.

[36] См. об этом: A. A. Vasiliev. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946, p. 177 sq. Об этой книге см.: N. Bănescu.

но и его преемника Алаванга, или Алаванджа, который воевал с греками, франками, Нокабардом [37] и другими народами [38]. В князе Алаванге А. А. Васильев видит Олега и считает, что свидетельство ал-Мас'уди прямо относится к походу Олега на греков.

Известие ал-Мас'уди подтверждается арабским писателем начала XII в. Марвази [39], который сообщает, что русские совершили морской поход и напали на Константинополь, «несмотря на цепи в заливе» [40]. Уже Р. Долли привлек известие Марвази, но полагал, что его следует отнести к событиям 860 г. Однако Р. Долли не обратил внимания на то, в каком контексте упоминал Марвази о походе русских на Константинополь: речь шла не только об этом походе, но и об экспедиции на «Хазарское море» и против Бердаа; эту экспедицию, в отличие от второго похода на Бердаа, А. А. Васильев датирует 912—913 гг. [41] Таким образом, и поход на Константинополь, о котором говорит Марвази, естественно было бы относить не к середине IX, а к началу X в.

У Марвази мы находим и другое сообщение о русско-византийских связях: по его словам, в 300 г. хиджры (т. е. в 912/913 г.) русские стали христианами [42]. Это известие Марвази о крещении руси около 912/913 г. воспринял Мохаммед ал-Ауфи, а также некоторые более поздние авторы [43]. Хотя В. Ф. Минорский и предполагает, что у Марвази — ошибка и что на самом деле речь идет о крещении 988—989 гг. [44], однако в такой поправке нет необходимости: недаром восточные писатели говорят, что вскоре после крещения 912/913 г. русские отпали от христианства. Возможно, что за заключением договора 911 г. последовало крещение какой-то группы явившихся в Константинополь русских воинов и купцов.

La première attaque russe de Constantinople. REB, vol. 6, 1948; ср. также: A. E. R. Boak. Earliest Russian moves against Costantinople. «Queens Quarterly», vol. 55. Ontario, 1948, № 3, p. 308 f. Критический разбор этой книги А. А. Васильева был дан М. В. Левченко (ВВ, IV, 1951, стр. 149 и сл.).

[37] По-видимому, это Νεμογάρδας Константина Багрянородного, т. е. Новгород (A. A. Vasiliev. The second Russian attack..., p. 179).

[38] Ibid., p. 178.

[39] См. V. Minorsky. Sharaf al-Zamān Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.

[40] A. Vasiliev. The second Russian attack..., p. 180.

[41] Ibid., p. 181.

[42] Ibid., p. 175.

[43] См. В. Бартольд. Арабские известия о русских. «Советское востоковедение», т. 1, 1940, стр. 39; R. Frye. Remarks on some new islamic sources of the Rus. Byz., 18, 1946—1948 (1948), p. 120; idem. Notes to islamic sources on the Slavs and the Rus. «The Muslim world», vol. 40. Hartford, 1950, № 1, p. 21 sq.

[44] V. Minorsky. Op. cit., p. 118.

Таким образом, известия Псевдо-Симеона, Льва Диакона и особенно арабских питателей ал-Мас'уди и Марвази не оставляют сомнения в исторической достоверности рассказа «Повести временных лет» об экспедиции Олега против Константинополя.

Наконец, нигилистическая гипотеза А. Грегуара опровергается и недавними наблюдениями польского ученого С. Микуцкого, подвергшего анализу русские договоры с греками 911, 944 и 971 гг. с точки зрения их дипломатических особенностей [45]. Автор приходит к выводу об аутентичности этих договоров; кроме того, он показывает, что договоры 911 и 971 гг. гораздо больше отличаются по форме от обычных византийских договоров, нежели соглашения 944 г. С. Микуцкий полагает, что договоры 911 и 971 гг. были составлены русской стороной [46], тогда как редактор договора 944 г. не пользовался соглашением 911 г. Возможно, что договор 944 г. вышел из византийской канцелярии [47].

Конкретным вопросам русско-византийских отношений посвящена работа А. Грегуара и П. Оргельса, которые пытаются уточнить, опираясь на данные константинопольского синаксаря, некоторые даты из истории русско-византийских войн [48]. Работа содержит три вывода. Во-первых, в соответствии с патмосской рукописью константинопольского синаксаря (X в.), относящей к 25 июня память об освобождении империи от τῶν Σαρακηνῶν καὶ τῶν Ῥοῦν, т. е. от сарацинов и руси (?), авторы заключают, что осада Константинополя русскими в 860 г., начавшаяся 18 июня, была снята уже 25 числа, а не продолжалась целый год, как это предполагал А. А. Васильев [49].

Возможно, что суждение А. Грегуара и П. Оргельса справедливо: М. В. Левченко убедительно показал, что осада эта не могла быть особенно длительной [50]. Однако авторы не учли, что уже 60 лет назад в статье, опубликованной в «Византийском временнике», Х. М. Лопарев использовал это свидетельство и пришел к аналогичному выводу [51]; гипотеза Х. М. Лопа-

---

[45] S. Mikucki. Études sur la diplomatique russe la plus ancienne. «Bulletin international de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Cl. de philol.-Cl. d'histoire et de philos.», № suppl. 7. Cracovie, 1953.

[46] Ibid., p. 37.

[47] Ibid., p. 30.

[48] H. Grégoire. P. Orgels. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople. Byz., 24, 1954 (1955), p. 141—145.

[49] A. A. Vasiliev. The Russian attack..., p. 218.

[50] М. В. Левченко. Очерки..., стр. 68 и сл.

[51] Х. М. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. ВВ, II, 1895, стр. 627. Эту же датировку принял и В. В. Мавродин («Образование Древнерусского государства». Л., 1945, стр. 215).

рева, кстати сказать, вызвала возражения В. Г. Васильевского, полагавшего, что на основании одной неисправной рукописи было бы рискованно строить такие заключения [52]. К сожалению, аргументация бельгийских византинистов ничего не прибавляет к рассуждениям Х. М. Лопарева и не опровергает сомнений В. Г. Васильевского.

Во-вторых, А. Грегуар и П. Оргелс датируют морскую победу над русскими 8 июня 941 г., а не 11 июня [53], что вполне вероятно. Наконец, авторы относят сражение у Доростола (971 г.), происходившее «в день св. Феодора», к 21 июля, которым синаксарь датирует память Георгия и Феодора. Это верное наблюдение; однако авторы не учитывают, что эту дату сражения, исходя, правда, из иных соображений, определил за несколько лет до них советский историк П. О. Карышковский [54].

Проблема русско-византийских связей в конце X в. была затронута и в статье А. В. Соловьева, который, анализируя легенду вислой свинцовой печати, найденной В. В. Хвойкой в Белгородке в 1909 г., отнес эту печать (вслед за Н. Петровым) [55] к Владимиру Святославичу и полагал, что на легенде стоял греческий титул русского князя: «василевс-автократор» [56]. К сожалению, А. В. Соловьев не заметил, что эта печать была рассмотрена таким видным знатоком сигиллографии, как Н. П. Лихачев, который скептически отнесся к попытке Н. Петрова восстановить на печати несохранившееся имя Владимира; по мнению Н. П. Лихачева, Н. Петров имел перед собой «экземпляр императорской византийской печати X века» [57]. Таким образом, повисает в воздухе и гипотеза А. В. Соловьева о титуле князя Владимира.

Русско-византийские отношения XI—XII вв. привлекают гораздо меньшее внимание современных буржуазных историков, хотя, пожалуй, нормальные экономические связи становятся в это время более интенсивными, нежели прежде. Хорошо известно, что византийские предметы проникали в это время на

---

[52] В. Г. Васильевский. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий. ВВ, III, 1896, стр. 95.

[53] Ср. также: H. Grégoire, P. Orgels. La guerre russo-byzantine de 941. Byz., 24, 1954 (1955), p. 156, n. 1.

[54] П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. ВВ, V, 1952, стр. 131, прим. 1.

[55] Н. Петров. Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода. «Труды Киевской духовной академии», год 54, 1913, кн. 5, стр. 62 и сл.

[56] А. В. Соловьев. О печати и титуле Владимира Святого. BS, 9, 1947, p. 31 sq.

[57] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. «Труды Музея палеографии», вып. 1. Л., 1928, стр. 168 и сл.

Русь [58]. Многие буржуазные исследователи, не учитывая работ русских ученых, преувеличивают масштабы византийского влияния на древнерусскую материальную культуру и даже приписывают византийским мастерам вещи, явно изготовленные на Руси. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась во время дискуссии по поводу так называемого «Иерусалимского креста» — энколпия русской работы, хранящегося в сокровищнице Гильдесгеймского собора. В 1955 г. А. Амманн выступил со статьей, где пытался доказать, что гильдесгеймский энколпий, несмотря на славянскую надпись на нем, является памятником византийского ювелирного искусства [59]. Однако, как показал немецкий историк Г. Лудат, концепция А. Амманна была построена на ряде произвольных заключений, причем А. Амманн не использовал русской литературы, посвященной «Иерусалимскому кресту». Считая этот энколпий произведением русского мастера, высоко оценивая ювелирное искусство Киевской Руси, Г. Лудат в то же время высказал некоторые критические замечания относительно трактовки гильдесгеймского энколпия в книге Б. А. Рыбакова [60].

Много говоря о влиянии Византии на Русь, буржуазные историки, однако, пренебрегают свидетельствами о проникновении в империю изделий русских мастеров и о воздействии русской ремесленной техники на византийскую. Тем не менее некоторый, хотя и скудный, материал уже позволяет ставить эту проблему.

Работы румынских археологов свидетельствуют, что изделия русских мастерских (овручские пряслица розового шифера, ювелирные изделия) проникали на Нижний Дунай [61]. Во время раскопок в Коринфе были найдены трехбусинные бронзовые височные подвески (примерно XII в.) — по мнению издателя, они были заимствованы с севера [62], т. е. из Руси. В этой связи было бы черезвычайно существенно вспомнить любопытное письмо византийского поэта Иоанна Цецы: он писал о подаренной ему чернильнице русской резьбы (τὸ ῥωσογλυφὲς μελάνδοχον), которую некий Феодор, прежде именовавшийся Всеволодом (Σεβλάδος), выточил из рыбьего зуба (ἐκ ὀστέου

[58] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 393, 404.

[59] A. M. Ammann. Ein wenig bekanntes byzantinoslavisches Enkolpion aus dem Domschatz in Hildesheim. «Πεπραγμένα Θ' Διεθνικοῦ Βυζαντινοῦ Συνεδρίου»,τ. 1, 1955, S. 126 f.

[60] H. Ludat. Das Jerusalemer Kreuz. «Archiv für Kulturgeschichte», Bd. 38. Münster—Köln, 1956.

[61] Şantierul arheologic Garvăn—Dinogetia. «Studii şi cercetări de istorie veche», t. 6. Bucureşti, 1955, p. 730—734; J. Barnea. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X-e au XII-e siècle. «Nouvelles études d'histoire». Bucarest, 1955, p. 171 sq.

[62] G. R. Davidson. The minor objects. «Corinth», 12. Cambridge, Mass., 1952, № 2014; ср. ibid., p. 251.

ἰχθύος) [63], т. е. из моржового клыка. Этот Всеволод-Феодор, о котором говорит Цеца,— русский ремесленник, занесенный судьбой в Византию и работавший по родным образцам.

Правильному пониманию русско-византийских отношений способствует и статья известного византиниста В. А. Мошина. Автор, опираясь на акты русского монастыря на Афоне и привлекая другие источники, рассматривает некоторые вопросы из истории русско-византийских отношений XI—XII вв. [64] Особенно существен анализ грамоты 1048 г., где говорится о незадолго до того происшедшем разгроме византийцами русского монастыря Ксилургу (Древодела), возникшего на Афоне в начале XI в., и о повелении императора Константина IX Мономаха дать удовлетворение обители Древодела. В. Мошин связывает этот погром с нарастанием антирусских настроений в Византии во время русско-византийской войны 1043 г. [65], а приказ императора — с примирением и заключением союза, скрепленного браком греческой царевны с Всеволодом Ярославичем, отцом Владимира Мономаха [66].

В. Мошин затрагивает также вопрос об участии Руси и Византии в таком крупном событии международной жизни XI в., как борьба империи и папства. По его мнению, Киевская Русь поддерживала римско-саксонскую коалицию, тогда как Алексей Комнин пытался опереться на Тмутаракань в борьбе против Киева [67].

Автор останавливается далее на интереснейшей грамоте 1142 г., представляющей собой опись имущества монастыря

---

[63] Joannis Tzetzae Epistolae, ed. Th. Pressel. Tubingae, 1851, p. 73. 9—12; см. Н. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. 1. СПб., 1896, стр. 80.

[64] В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. BS, 9, 1947, стр. 55 и сл.; 11, 1950, стр. 32 и сл. Анализ политики русского князя Ярослава в отношении Византии см. B. Widera. Jaroslaws des Weisen Kampf um die kirchliche Unabhängigkeit von Byzanz. «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», Bd. I. Berlin, 1957, S. 158 f.

[65] Трактовку грамоты 1048 г., предложенную В. Мошиным, принял и М. В. Левченко (указ. соч., стр. 398). Война 1043 г. была последним вооруженным столкновением Руси и Византии. Обычно считают, что одновременно с прекращением военных действий прекращается и служба русских дружинников в византийской армии: византийское правительство привлекает с 70-х годов XI в. преимущественно англичан. О варягах из Англии в XI—XIII вв. см. R. M. Dawkins. The later history of the Varangian guard: some notes. JRS, 37, 1947, p. 39 sq. Ср. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine state. Oxford, 1956, p. 293. Однако русские воины наряду с варягами и англичанами упоминаются в императорских грамотах конца XI в. [G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 28.79 (1060 г.), № 37.34 (1081 г.), № 41.31 (1086 г.)] и нередко на первом месте.

[66] В. Мошин. Указ. соч., 9, стр. 68 и сл.

[67] Там же, 9, стр. 79.

Древодела. Для нас особенно важно упоминание ряда русских вещей в этой описи: не только русских богослужебных книг, но и предметов домашнего обихода [68]. Наконец, в грамоте 1169 г. В. Мошин усматривает свидетельство о том, что после 1164 г., при киевском князе Ростиславе Мстиславиче, русско-византийские отношения снова нормализировались [69].

Русско-византийские отношения в период становления Русского централизованного государства [70] изучались в буржуазной историографии сравнительно мало. В последние годы в научный оборот были введены некоторые документы, рисующие судьбу русских людей, попадавших,— по-видимому, через Константинополь — на Балканы и дальше на запад: речь идет о документах XIV—XV вв., упоминающих русских невольников. Бельгийский ученый Ш. Верленден привел архивные материалы об использовании русских рабов в Испании (наиболее ранний из этих документов датирован 1398 г.) [71] и Франции (начиная с 1382 г.) [72]; аналогичные документы хранятся и в дубровницком архиве: югославский византинист Б. Крекич упоминает любопытное судебное дело, разбиравшееся в 1447—1448 г., когда некто Янья, по происхождению из России (de Russia), был признан рабом купца Николы [73]. По-видимому, венецианские и генуэзские купцы из Таны и Кафы покупали у татар русских пленников и сбывали их на Запад — может быть, даже на константинопольских рынках.

Мы рассмотрели в нашем обзоре некоторые работы буржуазных историков, вышедшие в 1948—1957 гг. и посвященные

---

[68] Там же, 11, стр. 36.

[69] Там же, 11, стр. 56.

[70] См. об этом: М. Н. Тихомиров. Византия и Московская Русь. «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 9 и сл. Об обращении Византии за помощью против татар к русским в 1398 г. см. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine state, p. 492. Об использовании на Руси XV—XVI вв. сочинения византийского писателя Агапита см. I. Ševčenko. A neglected byzantine source of Muscovite political ideology. «Harvard Slavic Studies», 2. Cambridge, Mass., 1954. Вопрос о русско-византийских культурных связях XIV—XVI вв. рассматривался также в литературе стран народной демократии. И. Дуйчев проследил отражение в переводной и оригинальной русской литературе XV—XVI вв. падения Константинополя (Iv. Dujčev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la litterature slave contemporaine. BS, 17, 1956, p. 280 sq.); К. Онаш изучал зарождение предреформационной идеологии на Руси и Византии (K. Onasch. Renaissance und Vorreformation in der byzantinisch-slavischen Orthodoxie. «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», Bd. I. Berlin, 1957, S. 296 f.).

[71] Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe médiévale, t. I. Brugge, 1955, p. 335.

[72] Ibid., p. 777.

[73] Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, стр. 99. Об уводе русских в плен татарами и продаже их в Константинополе см. также: V. Lamansky. Secrets d'état de Venise. SPb., 1884, p. 380 и особенно п. 2.

проблемам русско-византийских отношений. Если общие концепции этих авторов — идеалистические по своей сущности — дают искаженную картину исторической действительности и опровергаются трудами ученых СССР и стран народной демократии, то из конкретных наблюдений, сделанных в этих работах, советские исследователи могут, как мы видим, извлечь для себя немало полезных сведений.

* * *

L'historiographie bourgeoise contemporaine étudie avec une grande attention l'histoire des relations entre la Russie Kievienne et la Byzance. L'appréciation générale du caractère de ces relations est basée sur une conception erronée selon laquelle la Russie aurait été une sphere passive de l'influence de Byzance; les auteurs bourgeois, guidés par des considérations d'ordre politique, nient le rôle actif de la Russie dans l'adoption et l'interprétation de l'héritage de Byzance. D'autre part les chercheurs bourgeois, dans nombre d'études concrètes, mettent à jour des nouvelles données concernant l'histoire des relations entre la Russie et la Byzance (des monuments tant grecs qu'orientaux) et donnent une nouvelle interprétation, souvent substancielle, à des faits déjà connus. Les travaux de V. Minorsky, de A. Vasiliev, de R. Jenkins et de certains autres chercheurs sont riches en données de ce genre. Malheureusement, dans certains travaux d'auteurs étrangers nous rencontrons de véritables erreurs ou le retour à des conceptions périmées, qui découlent du fait qu'ils ignorent la littérature historique de la Russie prérévolutionnaire et soviétique.

В. М. Бейлис

АЛ-МАС УДИ О РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

в 50-х годах X в.

Из двух сочинений Абу-л-Хасана'Али ибн ал-Хусейна ал-Мас'уди (ок. 895—956 гг.), дошедших до нас, бо́льшее по объему и основное — «Промывальни золота и рудники самоцветов» (947 г.) — очень популярно как исторический источник. Второе сочинение ал-Мас'уди, написанное им в год смерти,— «Книга предупреждения и пересмотра» — не может, конечно, идти в сравнение с упомянутым по обилию материала, важного, кроме всего прочего, и для истории Восточной Европы X в. Но и с этой стороны отдельные сообщения ал-Мас'уди в «Книге предупреждения», своеобразном кратком итоге его прежних сочинений, заслуживают пристального внимания. Как источник по истории Восточной Европы последнее сочинение ал-Мас'уди привлекалось задолго до выхода в свет его критического издания [1]. Фрагменты из него, относящиеся к Каспийскому морю и близлежащим странам, были переведены Б. А. Дорном (на немецкий язык) [2], но в известное собрание А. Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» материалы из «Книги предупреждения» не вошли. А. Я. Гаркави сделал выписки в 1869 г. из парижской рукописи «Книги предупреждения», но они были им утеряны и нашлись уже тогда, когда упомянутый сборник был напечатан. Один из фрагментов «Книги предупреждения» привлек сразу же особое внимание А. Я. Гаркави в связи с упоминанием в нем названия «рус». Анализу этого отрывка посвящена статья Гаркави «Неизданное свидетельство Мас'уди о походе русских

[1] BGA, VIII.

[2] B. Dorn. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzende Länder. «Mélanges asiatiques...», t. VI, livr. 5. SPb., 1869—1873, p. 663—665.

на Цареград»[3]. Отрывок, разобранный в этой статье, действительно, очень интересен для историка русско-византийских отношений, но интерпретация, данная Гаркави, после установления текста представляется неприемлемой.

С этническими и географическими названиями, которые встречаются в этом фрагменте, связан ряд вопросов, требующих специального исследования. Предметом рассмотрения в данной статье является главным образом та часть сообщения ал-Мас'уди, где он говорит об отношениях русов и Византии.

Интересующий нас отрывок представляет собой описание одной из переправ через Константинопольский пролив, под которым ал-Мас'уди, как и некоторые его предшественники в средневековой арабской географии, имел в виду не только Босфор, но и Мраморное море с Дарданеллами. Однако, говоря об этом проливе, ал-Мас'уди упоминает о русах и их отношениях с Византией и, что особенно важно для нас, указывает на то, каковы были эти отношения в его время.

В названной выше статье А. Я. Гаркави перевел и впервые прокомментировал текст отрывка (по парижской рукописи), пытаясь показать, что ал-Мас'уди имеет в виду походы русов на Царьград, т. е. Константинополь, точнее, походы, связанные с именем киевского князя Игоря (941 и 944 гг.). Анализируется также название крупнейшего в представлении ал-Мас'уди племени русов ал-Куд-кана, отождествленного Гаркави с киевлянами (Куйабана). Хотя на этом предположении автор статьи настаивал, оно не нашло последователей в литературе ввиду малой вероятности и вовсе затерялось в числе многочисленных конъектур к этому названию. Сам А. Я. Гаркави после ознакомления с соответствующим местом лондонской рукописи[4] сомневался в своем толковании фрагмента[5], но его мнение о том, что ал-Мас'уди засвидетельствовал походы Игоря на Византию, утвердилось в литературе и принято также в работах советских историков[6].

Со времени опубликования статьи А. Я. Гаркави «Книга предупреждения и пересмотра» была издана де Гуе, а затем переведена на французский язык Б. Карра де Во. До сих пор,

---

[3] ЖМНП, ч. CLX, 1872, апрель, стр. 220—239.

[4] Известны лишь две упомянутые рукописи «Книги предупреждения и пересмотра» (Парижская и Лондонская). По ним и выполнено критическое издание де Гуе.

[5] А. Я. Гаркави. Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Цареград. ЖМНП, ч. CLX, стр. 238—239 (Postscriptum).

[6] См. В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 51; его же. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, стр. 105; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 139.

однако, фрагмент, прокомментированный А. Я. Гаркави, а позже И. Марквартом [7], не вызвал интереса византиноведов.

Так, в известной работе А. А. Васильева «Византия и арабы» интересующее нас сообщение ал-Мас'уди было опущено. Нет его и во втором издании книги А. А. Васильева на французском языке [8].

В 1896 г. норвежский арабист А. Сейпель включил указанное сообщение в свои «Арабские источники по истории норманов» [9], дав в 1928 г. список вариантов и некоторые конъектуры. Предлагаемый ниже перевод сделан по тексту «Книги предупреждения» с учетом вариантов, данных Сейпелем, а также переводов — русского (А. Я. Гаркави) и немецкого (И. Маркварта).

Вот как звучит интересующий нас отрывок: «Шестая переправа [через Константинопольский пролив] известна под названием Абуду (Абидос). Это устье пролива, впадающего в море Миср и аш-Шам (Средиземное море). Начало пролива из моря Майутис (Азовское море), называемого морем ал-Хазар, и ширина пролива в начале около десяти миль. Там [т. е. в начале пролива] имеется город, принадлежащий ар-Рум (Византии), который называется Мисийа и преграждает путь приходящим в это море кораблям ал-Кудкана и иных племен ар-Рус (русов). Ар-Рум (византийцы) называют их Арусийа в смысле «красные». И вошли многие из них в настоящее время в общность ар-Рум (Византийской державы) подобно тому, как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Бургар (болгары), которые [представляют собой] один из видов ас-Сакалиба (славян), и ал-Баджанак (печенеги) из тюрок. И они [византийцы] поместили их [русов, армян, болгар и печенегов] гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа (сирийской), обратили их против Бурджан (бургундцев?) и других народов, враждебных им и окружающих их владения» [10].

Толкование упомянутых в отрывке названий местностей и племен в литературе весьма разнообразно. Поэтому, прежде чем перейти к анализу основного содержания переведенного текста, необходимо хотя бы вкратце разъяснить некоторые из приведенных ал-Мас'уди названий местностей и народностей.

Абуду. Укрепленный город Абидос на малоазийском берегу пролива Дарданеллы. В описании Константинопольского

[7] J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 342—352.

[8] A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. II, part 2. Bruxelles, 1950.

[9] A. Seippel. Rerum Normannicarum Fontes Arabici... Osloae, 1896—1928, p. 66. Adnotationes criticae, p. XXX.

[10] BGA, VIII, p. 140—141. В интересах точности передачи географические названия даются в транслитерированной форме. В круглых скобках дано обычное значение названия, в квадратных — пояснения к тексту.

пролива в «Промывальнях золота»[11], в общем аналогичном приведенному в «Книге предупреждения», вместо названия Абуду в рукописях встречается Андалус (или Абдалус). Под этим названием описывается гористая местность, известная своей водой (как видно, целебной). Ввиду локализации Абдалус — Андалус на берегу пролива одна из исследовательниц предположила, что ал-Мас'уди и другие авторы употребляли название Андалус для обозначения Анатолии[12]. В действительности здесь ошибка рукописной традиции.

Море Майутис. Обычное у арабских авторов название Азовского моря (греч. Меотида). Майутис здесь употреблено вместо названия Черного моря — Бунтус (греч. Понтос). Утверждение ал-Мас'уди, что Константинопольский пролив выходит из моря, называемого Майутис, основано, по нашему мнению, на неверном понимании соответствующего места в сочинении ал-Баттани[13], главном источнике нашего автора в описании Черного — Азовского моря. Ал-Мас'уди неоднократно подчеркивал, что Бунтус и Майутис — одно море.

Море ал-Хазар. Это название применялось ал-Мас'уди и современными ему авторами обычно к Каспийскому морю. Ранее, однако, оно относилось к Черному морю. Морем хазар называл Черное море Ибн Хордадбех[14]. В. В. Бартольд полагал, что такое название Черного моря связано с наличием хазарских владений в Восточном и Юго-Восточном Крыму в IX в.[15]

Ар-Рум. Основное значение термина—«Византия» и «византийцы» («ромеи»). Иногда он употребляется для обозначения всех христианских государств Европы.

Мисийа, т. е. Мисия. Конъектура А. Сейпеля[16]. Де Гуе принимает чтение «Мусанна»[17] и считает это название не греческим именем собственным (поскольку населенных пунктов с названием, подобным данному, в византийских источниках мы не встречаем), а арабским словом (Мусанна — вал, дамба). Мисия — не город, а область на малоазиатском побережье Дарданелл. Употребление названия «город» по отношению к мест-

[11] Al-Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. II. Paris, 1861, p. 317.

[12] Н. К. Нефедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или в Анатолию? СВ, 1958, № 4, стр. 113—115.

[13] «Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum». Arabice editum... a C. A. Nallino, t. III. Milano, 1907, p. 27. Русский перевод см. И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. «Избранные сочинения», т. IV. М.—Л., 1957, стр. 103.

[14] BGA, VI, p. 103—105.

[15] W. Barthold. Bahr al-Khazar. «Enzyklopaedie des Islam», Bd. I. Leiden — Leipzig, 1913, S. 604.

[16] A. Seippel. Op. cit., p. XXX.

[17] BGA, VI, p. 103.

ности встречается в арабской географии, поэтому конъектура А. Сейпеля кажется нам более приемлемой, чем чтение, предложенное де Гуе, а также конъектура А. Я. Гаркави, предлагающего читать «Харсана» и видящего здесь название Херсонеса [18]. Самое упоминание города Мисийа — Мусанна ал-Мас'уди заимствовал у Ибн Хордадбеха, где оно употреблено также как название города в начале Константинопольского пролива [19]. Ф. Вестберг пытается отождествлять «Мусанна» с городом Templum Iovis Urii на основании историко-географических соображений [20].

Собственно, нам известно и греческое название местности Иерон на Босфоре, где тоже, как и в Абидосе на Дарданеллах, была расположена таможня [21], но оно мало соответствует арабскому названию, приводимому у Ибн Хордадбеха и ал-Мас'уди.

Ал-Куд-кана. Название наиболее многочисленного, если верить автору, племени (джинс) русов. Встречается только в обоих сочинениях ал-Мас'уди, причем в весьма разнообразных вариантах: ал-Луд.'ана, ал-Муд.'ана, ал-Луза'ийа, ал-Мад.гана, ал-Куз.кана [22]. Многочисленность вариантов породила большое число конъектур и попыток отождествления. Б. Н. Заходер на основании сравнительного анализа текстов Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха и ал-Мас'уди пришел к заключению, что употребление этого названия у ал-Мас'уди восходит к тексту Ибн Хордадбеха, а самое название, как предполагал еще И. Маркварт, является искажением имени еврейских купцов ар-Ра (х) данийа [23].

Арусийа — так у Сейпеля [24], у де Гуе — ар-Русийа, греческое ῥουσιοι — «красные», «рыжие».

Ал-Арман. Обычное у арабских авторов название армян [25]. Мнение норвежского историка Э. Квалена, что здесь следует видеть ал-Урман [26], название, позже употреблявшееся

---

[18] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 222, прим. 6.

[19] BGA, VI, p. 103.

[20] Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, новая серия, ч. XIII, 1908, январь, стр. 393.

[21] См. В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. «Труды», т. III, Пгр., 1915, стр. LXXIV, CXXXI, CXXXVII.

[22] Основные варианты даны по Сейпелю (op. cit., p. XXX).

[23] Б. Н. Заходер. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени «Рус» в арабской письменности. КСИВ, вып. XXII, 1956, стр. 11.

[24] Сейпель предпочитает сохранить чтение рукописи, больше соответствующее и греческому произношению.

[25] См. «Ibn-Wadih qui dicitur al Ja'qubi Historiae», ed. Th. Houtsma, t. I. Leiden, 1883, p. 203; J. Marquart. Op. cit., S. 491.

[26] E. Kvâlen. The early Norwegian settlements on the Volga. Vienna, 1937, p. 34.

для обозначения норманнов (Урмане русской летописи), кажется нам недостаточно обоснованным: написание обоих названий различно. Кроме того, роль армян в войсках Византии X в. хорошо известна.

Ал-Бургар — обычное у ал-Мас'уди, в отличие от других арабских авторов, написание этнического названия болгар. Здесь говорится о Дунайской Болгарии, хотя ал-Мас'уди порою смешивал дунайских болгар с волжскими, а по мнению некоторых исследователей, и с приазовскими.

Бурджан. Этим названием обозначали некоторые арабские географы дунайских болгар. Второе значение этого термина — бургундцы [27], но ал-Мас'уди употребляет это название в широком смысле, говоря и об иных народах Европы.

Как видно, понимание комментируемого фрагмента осложняется тем, что не все этнические и географические названия поддаются уверенному отождествлению. Кроме того, уже Сильвестр де Саси, одним из первых исследовавший «Книгу предупреждения», обратил внимание на то, что текст отрывка в парижской рукописи испорчен. Между тем А. Я. Гаркави предпринял попытку интерпретации текста, опираясь именно на парижскую рукопись. Разночтения по этой рукописи существенно меняют содержание текста. Так, вместо слов: «подобно тому, как вошли армяне» (кадухул ал-арман) в тексте стоит маловероятное с точки зрения арабской стилистики: «по входу в землю» (бидухул ал-ард), что А. Я. Гаркави перевел: «сухим путем». Кроме того, в слове «шахану» (разместили гарнизоном) отсутствие диакритических точек над «ш» привело А. Я. Гаркави к предположению, что русы, бургары и т. д. раздробили («сахану») византийские крепости на сирийской границе [28].

Как уже было сказано, неудовлетворительность толкования А. Я. Гаркави была в какой-то мере ясна и самому исследователю. Но и в постскриптуме к статье, несмотря на ряд оговорок, А. Я. Гаркави от своего мнения не отказался.

Исследование переведенного фрагмента предпринял и И. Маркварт, но его интересовали преимущественно возможности отождествления и разъяснения этнических названий, и свое внимание он сосредоточил на сопоставлении и разборе различных возможных конъектур к названию ал-Куд-кана [29].

Разумеется, сообщение ал-Мас'уди об отношениях Византии и русов представляет интерес лишь при условии выяснения достоверности этого сообщения, времени его возникновения, а также его оценки в свете показаний других источников.

---

[27] BGA, VII, p. 130 (Харун ибн Йахйа в передаче Ибн Русте).
[28] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 224—227.
[29] J. Marquart. Op. cit., S. 343 ff.

Описание Константинопольского пролива, Абидоса, Мисии (?) встречается у ал-Мас'уди в «Промывальнях золота». Сообщение о вхождении русов в «общность ар-Рум» является новым для ал-Мас'уди и основано на информации от осведомленных лиц: ал-Мас'уди, как это известно из его сочинений, был знаком с шейхом пограничных областей Сирии, неоднократным участником переговоров с Византией — Абу 'Умайром 'Ади ибн Ахмадом ибн 'Абд ал-Баки[30]; наконец, каким-то образом, может быть, из непосредственного знакомства, он имел возможность оценить глубокие познания в древней истории и философии византийского уполномоченного, назначенного для обмена пленных в 946 г.,— патрикия Иоанна Анфипата Мистика[31].

Не все сообщения ал-Мас'уди о византийских делах поддаются разъяснению в полной мере, но его осведомленность в этих вопросах по сравнению с другими арабскими авторами того времени представляется наиболее значительной.

Дата сообщения может быть установлена без особых трудностей: «Книга предупреждения» была написана ал-Мас'уди в год его смерти (956), а его утверждение «в настоящее время» мы принимаем с полным доверием: ал-Мас'уди отличается, судя по многим наблюдениям, точностью в хронологии современных ему событий. Более того, указание ал-Мас'уди следует воспринимать именно в том смысле, что современное положение установилось недавно, а раньше дело обстояло как-то иначе.

Как видно из переведенного текста, речь идет не о военных действиях русов против Византии, и дата сообщения отличается на 10—12 лет от даты походов, приведших к заключению договора 944 г. Следовательно, вывод А. Я. Гаркави, что ал-Мас'уди писал о походе Игоря, приходится отвергнуть.

Как же следует понимать слова ал-Мас'уди о том, что русы вошли в общность ар-Рум? Текст не дает права заключать, что ал-Мас'уди считал русов составной частью Византийской державы: ни один из упомянутых в тексте народов не был, собственно, подчинен Византии. Слово «джумла» мы переводим как «общность» (возможен перевод «сообщество»). Вопрос о точном составе этой «общности» и характере отношений союзных с Византией стран легко выясняется по византийским источникам; последние, однако, могут быть необъективны, а здесь, как видим, роль Руси ал-Мас'уди выделяет и подчеркивает особо. Смысл текста таков: армяне, а также болгары и печенеги еще до этого были в союзе с Византией, а о вступлении русов в союз ал-Мас'уди узнал лишь сейчас. Ал-Мас'уди имел

[30] BGA, VIII, p. 194.
[31] Ibidem.

сведения о могуществе русов: он первый в арабской географической литературе показал их политическую роль в Причерноморье и на Каспии.

Сообщение ал-Мас'уди об участии русов в борьбе Византии с ее внешнеполитическими противниками подтверждается и несколькими позднейшими, но зато более конкретными известиями. Так, египетский историк Ибн Зафир (1171—1226) сообщает об участии русов, армян и болгар в битве с войсками сирийского эмира, знаменитого противника Византии Сайф ад-Даула у крепости ал-Хадас 30 октября 954 г.[32] Аналогичное известие мы встречаем у Ибн ал-Асира[33] (1160—1234) и некоторых других авторов.

Известны также описания победы арабских войск в этом бою у арабских поэтов ал-Мутанабби, Абу-Фираса, Ибн Куджака и других современников и непосредственных участников событий[34].

Какова же была роль русских «воев» в Византии? Маркварт в специальном примечании к словам «вступили в общность ар-Рум» в переводе текста ал-Мас'уди считает, что русы вступили именно в качестве наемников в императорскую гвардию[35]. Но едва ли речь идет здесь о наемниках-ландскнехтах в обычном значении слова. Да и среди упоминаемых союзников не все служили, видимо, на одинаковых условиях.

Если наем воинов у печенегов, по описанию Константина Багрянородного[36], состоял лишь в том, что печенеги давали клятву, чиновник византийского императора передавал им дары, а затем попросту брал воинов, сколько ему было нужно, то воины-русы появлялись в Византии на основании известных пунктов договоров между русским князем и византийским императором. При этом о добровольной службе русских воинов говорит только договор 911 г.: «Елда же требуетъ на войну ити, и сии хотять почтити царя вашего, да аще в кое время елико их приидеть и хотять остатися у царя вашего своею волею, да будуть»[37].

По договору 944 г. существуют уже взаимные обязательства. Византийские императоры дают войска русскому князю:

---

[32] Русский перевод см. А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Приложение, стр. 85.

[33] Там же, стр. 118, но сражение датируется декабрем того же года.

[34] Подробное изложение событий см. А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 295, а также: M. Canard. Histoire de la dynastie des Hâmdanides de Jazîra, et de Syrie, t. I. Paris, 1953, p. 779.

[35] J. Marquart. Op. cit., S. 342, Anm. 1.

[36] Константин Багрянородный. Об управлении империей. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8.

[37] ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 28.

«Аще просить вои у насъ князь русский да воюеть, да дамъ ему елико ему будетъ требе». Русские воины в случае необходимости являются в Византию только по воле великого князя: «Аще ли хотети начнеть наше царство от вас вои на противящаяся намъ да пишемъ к великому князю вашему, и послет к нам, елико же хочем» [38].

Хотя в тексте договора 944 г. и нет указания на то, как действовали русские воины, естественно будет предположить, что они объединялись в целые отряды. В пользу этого говорит сообщение ал-Мас'уди о том, что они размещались гарнизонами в крепостях на сирийской границе. По-видимому, военные силы, предоставленные Русским государством Византии, были значительны (речь идет о «многих русах»).

Рассказ ал-Мас'уди нельзя рассматривать как простое подтверждение известного факта русской военной помощи Византии. Поскольку дата сообщения — 954—955 гг.— устанавливается точно и ал-Мас'уди сообщает об этом союзе как о важном событии, мы имеем право предположить, что в это время происходит сближение Русского государства с Византией.

В поездке великой княгини Ольги в Константинополь в 957 г. следует видеть не начало, а один из этапов этого сближения. Ольга поехала в Византию, как нам представляется, пожинать плоды военно-политического союза и, видимо, рассчитывала на дальнейшее сближение с Византией, на что косвенно указывает и принятие ею христианства. Но дипломатические результаты поездки были, видимо, меньшими, чем ожидалось: это отразилось в рассказе летописца. Правда, разочарование великой княгини связано было в первую очередь с вопросами этикета, но тем не менее, если верить летописи, оно привело к разрыву дружественных связей: послы византийского императора, пришедшие просить обещанного — «челядь, воск и скъру, и вои в помощь», были отосланы Ольгой [39]. О причинах недовольства Ольги мы, конечно, можем лишь догадываться. Возможно, что поводом для этого послужило поведение самого Константина Багрянородного, пытавшегося, как он сам об этом пишет, держать своих союзников (от которых в большой мере зависела безопасность государства) в почтительном отдалении. Исследователи отмечают, что 957—959 гг. были периодом охлаждения в русско-византийских отношениях [40]. В 960 г. снова отмечается участие русских войск в походе Никифора Фоки на Крит, окончившемся отвоеванием острова [41].

---

[38] Там же, стр. 37—38.
[39] Там же, стр. 45 (242).
[40] М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 231—235.
[41] Там же, стр. 234.

О значительной роли русских войск в войне с хамданидским эмиром Сайф ад-Даула свидетельствуют и известные стихи младшего современника ал-Мас'уди — знаменитого поэта Абу-т-Тайиба ал-Мутанабби (915—965). Абу-т-Тайиб жил при дворе Сайфа ад-Даула, и в его касыде, восхваляющей эмира (в связи с упомянутой выше победой при Хадасе) есть следующие слова: «И как надеются ар-Рум и ар-Рус на ее разрушение, когда такой удар копья служит ей основанием и столбами» [42].

Здесь впервые мы видим употребление рядом терминов «Рус» и «Рум» (впоследствии это часто встречается в восточной литературе при изображении двух мощных военных сил, являющихся наиболее опасными врагами мусульман).

Сирийская граница не была единственным местом применения войск союзников Византии. Ал-Мас'уди отмечает их роль в борьбе против Бурджан, в которых, по нашему мнению, в данном тексте следует видеть не бургундцев, а некое обобщенное название европейских противников Византии, о которых наш автор имел самое общее представление. Но ал-Мас'уди не говорит прямо о каких-либо войнах: он считает, что союзники Византии служили угрозой для ее противников. Не следует, на наш взгляд, искать в данном случае конкретного значения термина Бурджан, обозначавшего в ранних арабских источниках (ал-Хорезми) дунайских болгар. Лишь в одном случае, как отмечалось выше, текст уверенно позволяет отождествить «бурджан» с бургундцами [43]. Не исключена возможность и того, что ал-Мас'уди употребляет этот термин на основании книжных данных, и «бурджан» — это те же дунайские болгары, что и «бургар». Оба названия могли быть заимствованы из разных источников и не сопровождаться конкретными данными, которые бы позволили их отождествить.

Заметим, кстати, что информация ал-Мас'уди о дунайских болгарах в исследуемом отрывке была ближе к истине, чем в «Промывальнях золота». Здесь наш автор называет «бургар» славянами, а в первом сочинении в описании «бургар» есть черты явной контаминации с волжскими болгарами, а по мнению некоторых исследователей, и с венграми X в. [44]

[42] Текст см. A. Seippel. Op. cit., p. 68. Перевод и комментарий см. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 206—208. А. Я. Гаркави не устанавливает, по какому поводу были употреблены эти слова.

[43] См. прим. 27 на стр. 26.

[44] J. Marquart. Op. cit., S. 149—160. См. также мнение М. Канара в кн.: A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. II, part 2, p. 33. Макартни [C. A. Macartney. The Attack on Valandar. «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», Bd. VIII, Heft 1—2(1929—1930). Athen. 1931, S. 162] считает, что ал-Мас'уди называл булгар славянами под влиянием Ибн Фадлана. Однако следов знакомства с сочинением Ибн Фадлана у ал-Мас'уди нет.

Конечно, все обстоятельства отношений Византии с соседними народами Северного и Западного Причерноморья не могли отразиться в кратком сообщении ал-Мас'уди. Все это должно быть изучено на гораздо более широкой базе источников.

Особенный интерес представляют экономические связи Руси и Византии, но как раз о них ал-Мас'уди здесь не пишет, хотя ему прекрасно известны русы в качестве купцов.

Подведем некоторые итоги.

Ал-Мас'уди, с большим интересом собиравший сведения о русах, во время написания своего последнего труда располагал сведениями о союзных отношениях Руси с Византией, выразившихся, в частности, в посылке отрядов русских войск в византийские пограничные районы.

Эти союзные отношения возникли, как видно из слов ал-Мас'уди, лишь незадолго до 956 г. Однако, по летописным данным, договорные отношения Руси и Византии, начиная с договора 911 г., предусматривали военную помощь Византии со стороны Руси. Русские вои, судя по летописным данным, приходили в Византию не в качестве наемников, как думал Маркварт, а в составе отрядов, специально посланных русскими князьями.

Поездка Ольги в Константинополь в 957 г. возможно стоит в связи с союзными отношениями Руси и Византии, засвидетельствованными ал-Мас'уди.

Следует обратить внимание и на то важное место, которое занимали русы в числе союзников Византии. Ал-Мас'уди зафиксировал тот факт, что русские «вои в помощь», о которых скромно пишет «Повесть временных лет», играли в 954—956 гг. немаловажную роль в судьбах Византии. Поэтому краткое сообщение ал-Мас'уди кажется нам не лишенным интереса для истории внешней политики Русского государства середины X в.

* * *

Analysant l'un des fragments de la dernière œuvre de l'historien et géographe arabe al-Maçoudi, où il est fait mention des Rous, l'auteur de l'article établit que dans le texte d'al-Maçoudi il est question non pas d'une campagne russe contre la Byzance en 941—944 (la «campagne d'Igor»), comme le supposaient A. Garkavi et autres savants, mais des relations d'alliance entre la Byzance et la Russie. Contemporain attentif et au courant des événements, Al-Maçoudi a porté son attention aussi bien sur les modifications qui se sont opérées dans les relations entre la Byzance et la Russie vers le milieu de l'année 50 de X-e siècle que sur le rôle important des forces armées russes dans les troupes byzantines.

Б. Н. Заходер

ИТИЛЬ
(Три рассказа)

Географические сочинения на арабском и персидском языках, дошедшие до нас полностью или в отрывках позднейших компиляторов, представляют собой бесценный источник, особенно для периодов, о которых молчит или недостаточно полно рассказывает наша летопись. Нижнее Поволжье, где находилась столица Хазарского каганата, с глубокой старины было связано с гаванями каспийского побережья. Отсюда неоспоримая ценность тех сообщений, которые сохранились в восточной письменности. Значение этих письменных свидетельств громадно и потому, что археология, оказывающая такую существенную помощь историку в познании прошлого, в данном случае бессильна: Итиль, когда-то первоклассный центр торгового обмена со странами Европы и Азии, представлял собой эфемерное скопище юрт, шатров, глинобитных сооружений, не надолго переживших своих хозяев.

К сожалению, несмотря на неоднократное использование упомянутых памятников, исследователю восточной письменности предстоит еще изучение исторической топографии и истории Итиля. До настоящего времени аксиоматичным считается высказанное еще 90 лет назад Д. А. Хвольсоном положение, что «разные известия о частях хозарской столицы несогласны между собою» [1].

Цель настоящего очерка — подвергнуть разработке известия арабо-персидской письменности, относящейся к тому времени, когда центром собирания этих сведений было побе-

[1] «Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста...» В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869 (далее Д. Хвольсон. Ибн Даста), стр. 59.

режье Горгана (залива на юго-востоке Каспийского моря) с его портом Абаскун [2]

Несмотря на кажущееся разнообразие памятников, сохранивших эти известия, и множество вариантов, в сущности мы имеем дело с несколькими рассказами: варианты этих рассказов или отдельные их элементы и представляют все разнообразие описаний Итиля в восточной письменности, дошедшей до наших дней.

Извлеченные путем сопоставления одних текстов с другими, эти рассказы, обозначенные литерами «А», «Б», «Б1», «В», выглядят схематично (подобный схематизм присущ каждой реконструкции) примерно так.

Первый рассказ («А»). У хазар имеются два города, находящихся рядом друг с другом; население этих городов весною отправляется в степь и возвращается в города лишь к зиме.

Рассказ представлен в литературе сочинениями Ибн Русте [3], Гардизи [4], ал-Бекри [5], ал-Идриси [6], ал-Марвази [7], Мубаракшаха Марварруди [8].

Одновременно с этим рассказом в арабо-персидской письменности бытовал второй рассказ («Б»); его можно было бы назвать рассказом о двух частях Итиля. Схематически этот рассказ «Б» представляется в следующем виде.

Раздел 1. Хазар — название климата, столица же именуется Итиль; так же называется река, текущая от русов и булгар, один из рукавов которой вливается в Понт.

Раздел 2. Город Итиль делится на две части: одна часть, на запад от реки — бо́льшая, это и есть собственно Итиль;

---

[2] Б. Н. Заходер. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. СВ, 1955, № 3, стр. 113—115.

[3] Д. Хвольсон. Ибн Даста, стр. 17 (текст, перевод); BGA, VII, p. 139—140 (текст).

[4] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893—1894 гг. «Записки императорской Академии наук», VIII серия по историко-филологическому отделению, т. I, № 4, 1897, стр. 95—96 (текст); стр. 120 (перевод).

[5] «Fragments de géographes...», trad. et accompagnés de notes critiques par Ch. Defrémery (далее — Ch. Defrémery. Fragments). «Journal Asiatique», t. XIII. Paris, 1849, p. 462 (текст); p. 469 (перевод); «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», ч. 1 (статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена). Приложение к XXXII т. «Записок императорской Академии наук», № 2, 1878 (далее — В. Розен, I), стр. 43 (текст), стр. 60 (перевод).

[6] J. de Hammer. Sur les origines russes... SPb., 1827, p. 81 (текст), p. 67 (перевод).

[7] «Sharaf al-Zamān Tahir Marvazi on China, the Turks and India». Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1943 (далее — V. Minorsky. Marvazi), p. 21 (текст), p. 33 (перевод).

[8] «Ta'rikh-i Fakhru d-Din Mubarakshah...» Edited from an unique manuscript by E. Denison Ross. London, 1927, p. 42 (текст).

другая часть, к востоку от реки, зовется Хазаран, или Восточный Итиль. Царь вместе с войском и приближенными живет в западной части города (на языке хазар царь именуется *б. к., бак*), размер этой части приблизительно фарсах, эта часть города окружена стеной, в стене четверо ворот, обращенных к реке и в степь.

Раздел 3. Жилища в городе — шатры из войлока или из глины (дерева); дворец царя далеко от берега, сложен из обожженного кирпича; нет в Итиле больше ни одной постройки из обожженного кирпича — царь не разрешает строить из этого материала.

Раздел 4. В восточной части города много купцов, торговых мест, здесь живут мусульмане, число которых превышает 10 тысяч; у них соборная мечеть, мечети, муэдзины, училища; в этой же половине Итиля живут христиане, иудеи, идолопоклонники.

Изложенный рассказ повторяют многие авторы: в X в.— Ибн Русте[9], ал-Истахри[10], Ибн Хаукаль[11], ал-Мас'уди[12], ал-Мукаддаси[13], «Худуд ал-алам» — среднеазиатского анонима[14]; в XI в.— Гардизи[15]; ал-Бекри[16]; в XII в.— ал-Идриси[17]; в XIII в.— Йакут[18], Закарийа ал-Казвини[19]; в XVI в.— Ибн Ийас[20]; в XVII в.— Хаджи Халифа[21].

---

[9] Д. Хвольсон. Ибн Даста, стр. 17 (текст, перевод); BGA, VII, p. 139—140 (текст).

[10] BGA, I, p. 220—222 (текст).

[11] BGA, II, p. 278, 281 (текст); «Opus geographicum auctore Ibn Haukal...» Ed J. H. Kramers. Leiden, 1938 (далее — BGA, II, 2), p. 389, 392 (текст).

[12] Al-Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, vol. II. Paris, 1863, p. 11—12 (текст, перевод); J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 149 (перевод).

[13] BGA, III, p. 360, 361 (текст).

[14] В. В. Бартольд. «Худуд ал-'алем», рукопись Туманского. Л., 1930, стр. 38б (текст); введение стр. 31 (перевод); «Hudud al-Alam»... Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937 (далее — V. Minorsky. Hudud), p. 161 (перевод).

[15] В. В. Бартольд. Отчет..., стр. 95—96 (текст); стр. 120 (перевод).

[16] Ch. Defrémery. Fragments, t. XIII, p. 462 (текст); p. 469 (перевод); В. Розен, I, стр. 43 (текст); стр. 60 (перевод).

[17] J. de Hammer. Op. cit., p. 67 (перевод); p. 81 (текст).

[18] «Jacut's geographisches Wörterbuch...», hrsg. von F. Wüstenfeld (далее — F. Wüstenfeld. Wörterbuch), Bd. I. Leipzig, 1866, S. 112; Bd. II, S. 436, 437 (текст); «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». М.— Л., 1939, стр. 85 (перевод); А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана. Харьков, 1956, стр. 147 (перевод).

[19] «Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie», 2. Th., hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1847, S. 393 (текст).

[20] Рукопись Института народов Азии АН СССР, В 1033, л. 256 (текст).

[21] J. de Hammer. Op. cit., p. 125—127 (текст); p. 67—68 (перевод).

Естественным дополнением к этому рассказу является повествование (рассказ «Б1»), о том, что возле хазарской столицы нет деревень: с наступлением весны население Итиля отправляется за 20 фарсахов, где и занимается земледельческими работами; собрав урожай, хазары везут его в Итиль или по реке на судах, или по степи на повозках.

Повествование это сохранилось в сочинениях ал-Истахри [22], Ибн Хаукаля [23], Йакута [24], Хаджи Халифа [25] и в «Еврейско-хазарской переписке» [26].

Третий рассказ («В»), сохранившийся в сочинениях ал-Мас'уди [27], ал-Мукаддаси [28], и также в «Еврейско-хазарской переписке» [29], повествует о делении Итиля на три части; сам город расположен на двух берегах реки, вытекающей из страны тюрок, в середине реки находится остров, где «дом царя» и «дворец царя»; с острова на один из берегов перекинут мост из лодок.

Сравнение вышеизложенных рассказов, бытовавших в литературе средневековья, показывает, что рассказ «А» резко отличается от других рассказов своей архаичностью. В нем отразилось древнее предание об основании города. Легенды, как и монеты, стираются от длительного бытования — перед нами еле различимый, но все же заметный контур легенды, эталоном для которого служит легенда, с наибольшей яркостью запечатленная и персонифицированная в классических Ромуле и Реме, основателях Рима.

Отличием хазарской легенды от римской является то, что возникла она не в среде оседлого земледельческого населения, а среди кочевников, для которых земледелие являлось не основным, а дополнительным занятием. Отсюда ее бóльшая примитивность, сухость; создатели этой легенды еще не добрались до культурных высот римских мифотворцев. Архаизм и примитивизм — таковы характерные черты этого наиболее древнего по истории Итиля материала. Но и здесь, и там — одно и то же: у колыбели рожденного города стоят два имени, сопровождая

---

[22] BGA, I, p. 222 (текст).
[23] BGA, II, p. 281 (текст); BGA, II, 2, p. 392 (текст).
[24] F. Wüstenfeld. Wörterbuch, II, S. 437 (текст).
[25] J. de Hammer. Op. cit., p. 126—127 (текст); p. 67—68 (перевод).
[26] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 85—86, 102 (перевод).
[27] Al-Maçoudi. Prairies..., II, p. 7—8 (текст, перевод); J. Marquart. Op. cit., S. 152—153 (перевод).
[28] BGA, III, p. 360 (текст).
[29] П. К. Коковцов. Указ. соч., стр. 84, 85, 87, 102 (перевод).

всю его историческую жизнь. В графическом изображении источников, сохранивших рассказ «А», они таковы [30]:

Ибн-Русте:	*Сāр'ш.н*	سارعشن	*Х.б н.л'*	خبلع
			Хāл'	
Гардизи:	*Сāрг.ш*	سارغش	*Х.ç.л.г*	خيلغ
Ал-Бекри:	*Бāр'āш*	بارعيش	*Х..л'*	خثلغ
Ал-Марвази:	*Сāр'с*	سارعس		حلغ

Что означают эти имена, фиксированные арабской графикой? Названия героев-эпонимов? Племен?

Попытка расшифровать эти загадочные начертания была предпринята еще французским издателем текста ал-Бекри, арабского автора, впервые познакомившего европейскую филологию с рассказом о двух хазарских городах. В первом из двух названий французский издатель прочел имя Ar'aich [31]. Затем И. Маркварт, используя мало отмеченное до того наблюдение А. Вамбери о возможности понимания тюркского sary как «белый», прочел то же начертание, как «белый город» — sary — šar [32]. Позднее В. Вестберг, В. В. Бартольд и В. Ф. Минорский продолжили этимологический анализ Маркварта, читая встречающееся впервые в записках Абу Хамида ал-Гарнати название хазарского города Саксин, как позднейший вариант имени первого города, упомянутого в рассказе «А» [33]. Представляется, что этимологически эти гипотезы непременно должны быть связаны с расшифровкой названия Саркел; название это, как известно, встречается в греческой форме Σαρκελ в сочинении Константина Багрянородного и в форме *Ш.р.кил* в еврейско-хазарской переписке [34]. История расшифровки этого названия настолько значительна, что сама по себе может стать темой для очерка [35]. Среди отдельных предположений, высказанных разными исследователями и с весьма различных позиций, нас особенно привлекает расшифровка названия — «белый дом» [36], а также возможность идентификации Саркела с Итилем [37]. Не

---

[30] V. Minorsky. Hudud, p. 452. В приведенной В. Ф. Минорским таблице двух хазарских городов смешана терминология рассказа «А» с сообщением других источников.

[31] Ch. Derfémery. Fragments, p. 10, 17.

[32] J. Marquart. Op. cit., S. 1.

[33] V. Minorsky. Hudud, p. 453—454. Д. Хвольсон («Ибн Даста», стр. 45) не идентифицировал Саксин с Итилем, а искал первый где-то на р. Урал.

[34] П. К. Коковцов. Указ. соч., стр. 102, 105—106, прим. 18.

[35] Там же. См. также: К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 34—35 (подробная библиография вопроса).

[36] П. К. Коковцов. Указ. соч., стр. 105 (со ссылкой на Н. Н. Поппе); V. Minorsky. Hudud, p. 453, n. 4.

[37] К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 34 (прим. 7).

входя в обсуждение вопроса о местонахождении хазарского Саркела — *Ш.р.кила* («Белой Вежи» русских летописей), упомянем только, что арабографичное название хазарского города из рассказа «А» *Сарг.ш* в обоих элементах вполне совпадает со значением Саркел, если принять во внимание, что чувашскому «л» (а через чувашское «*шурă*» — белый, «*кил*» — дом и расшифровывается Саркел) в тюркском языке соответствует «ш». Слово *Сарг.ш*, короче говоря, может быть, как и Саркел, расшифровано — «белая вежа».

Как известно, сочетание «белая вежа» не такая уж редкость в топонимическом обиходе Восточной Европы, и, на наш взгляд, нет ничего удивительного, если и крепость на Дону, и город на Волге носили одно и то же название. Такое предположение в значительной мере подтверждается выражением Повести временных лет о походе в 965 г. князя Святослава на хазар, когда он «и град ихъ и Белу Вежю взя» [38]. Трудно думать, чтобы летописец, назвав по имени донскую крепость, забыл поименовать сам «град». Не правильнее ли предположить, принимая во внимание дату похода, что и в первой, и во второй части перечисления захваченного Святославом разумелось одно и то же — не два города, а две части одного города, расположенные на разных берегах Итиля. В X в., как явствует из рассказа «Б», на правом берегу помещалась резиденция верховной хазарской власти, на левом берегу был торгово-ремесленный «конец» Итиля. Летописец, соединяя союзом «и» слова «град» и «Белая Вежа», имел в виду захват Святославом не двух городов, а правую и левую стороны или концы одного и того же города [39].

Надо заметить, что упоминание о правом конце как о «белом» — не единственное в литературе. Рассказывая о походе на хазар в 737 г. (110 г. х.) халифа Мервана, Ибн ал-Асир говорит, что, пройдя хазарские города Баланджар и Самандар, арабские войска достигли ал-Байда (что значит в переводе «Белая»), где находилась резиденция кагана. Порядок и наименование городов, приведенных Ибн ал-Асиром, мы встречаем также в сочинении автора IX в. Ибн Хордадбеха, где находим те же самые города с добавлением отсутствующего

---

[38] Текст приведен по Лаврентьевскому списку (ПСРЛ, т. 1, вып. 1. Л., 1926, стб. 65). В других списках (Радзивилловском, б. Моск. Духовной академии, Ипатьевском) союз «и», соединяющий слова «град», «Белая Вежа», отсутствует.

[39] Очевидно, те же вопросы привели И. И. Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка», т. I. М., 1958, стб. 483), к предпочтению варианта, где отсутствует союз, что дает возможность осмыслить следующее за словом «град» выражение как наименование города.

у Ибн ал-Асира Хамлиджа [40]. Что могло послужить возникновению обозначения правого конца Итиля как «Белая» или «Белая Вежа»? Первое, что приходит на ум,— это, конечно, дворец царя, возможно, обладавший какой-либо белой башней или каким-то другим белым сооружением.

Происхождение названия «белая» может получить и другое объяснение. Истахри, Ибн Хаукаль, Якут [41] и последующие компиляторы сохранили указание на деление хазар на два разряда: один из этих разрядов именовался черные хазары, другой разряд состоял из белых (или светлых) хазар. Это явно социальное деление, носившее следы тюркоязычия قراخزر, у позднейших компиляторов совершенно элиминировалось, заменившись делением по цвету кожи; так, Ибн Ийас утверждает, что хазары делятся по цвету на белых и смуглых [42]. Имеются достаточные, как нам кажется, основания предполагать, что название «белая» могло прилагаться к итильскому правобережью не только благодаря наличию там «вежи», а потому, что это был центр, столица белых хазар. Если это предположение правильно, то на левом берегу мы должны разыскивать центр черных хазар.

Попытки расшифровать название второго хазарского города начались одновременно с расшифровкой первого наименования. Ш. Дефремери в названии второго хазарского города увидел слово Hatslog. Позднее В. В. Григорьев предложил то же начертание читать, как *хāн-балык,* т. е. ханский город [43]. В наше время высказывалось мнение о возможности чтения того же наименования, как *хатун-балык,* т. е. город царицы [44]. Как и все попытки, основанные на одном только чтении графически непонятного начертания, вышеупомянутые расшифровки остаются лишь предположительными. Тем не менее предложенное В. В. Григорьевым решение, думается нам, может быть оправдано не только схожестью, но и соответствующим фактическим материалом. В этом отношении представляет значительный интерес рассказ о юноше, торговавшем хлебом на итильском базаре. Юноша, по словам источников, сохранивших этот рассказ, имел все основания занять вакантное место

[40] «Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur», ed. Ch. J. Tornberg, vol. V. Lugduni Batavorum, 1871, p. 160; Ибн Хордадбех, in: BGA, VI, p. 124 (текст); p. 95 (перевод).

[41] BGA, I, p. 223 (текст); II, p. 283 (текст); BGA, II, 2, p. 394 (текст); F. Wüstenfeld. Wörterbuch, II, S. 438 (текст) и т. д.

[42] Рукопись Института народов Азии АН СССР, В 1033, л. 224 (текст).

[43] Мнения Ш. Дефремери и В. В. Григорьева изложены Д. А. Хвольсоном (Д. Хвольсон. Ибн Даста, стр. 58—59).

[44] А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар. СА, X, 1948, стр. 256, прим. 4 (со ссылкой на С. П. Толстова).

кагана, так как принадлежал к роду, из которого хазары только и выбирают каганов. К несчастью, юноша исповедовал ислам, а престол хазарского каганата мог быть занят лишь лицом, исповедующим иудаизм [45]. Присутствие представителя рода кагана на базаре левобережья в качестве торговца хлебом свидетельствовало о несомненном упадке влиятельного положения этого рода. Можно предположить также, приняв в расчет отсутствие в те далекие времена таких легких переправ через Волгу, как в наше время, что булочник — кандидат в каганы — не переправлялся ежедневно с правого берега на левый, а проживал на левобережье, где находились и его родичи. Если все эти наши предположения правильны, то становится понятным, почему второй город рассказа «А» мог именоваться ханским городом: именно здесь, на левом берегу, издревле был центр правящего рода, столица карахазар.

В данном очерке мы не касаемся вопроса, «когда и как установлен был сей чудный образ правления» [46], при котором верховный правитель, каган, произвольно избирался на престол, также произвольно лишался и престола, и жизни, а вся полнота власти сосредоточивалась в руках наместника, управлявшего делами государства и командовавшего войсками. Одно нам кажется совершенно несомненным: что данный образ правления означал преобладание одного знатного хазарского рода или племени над другим — белых хазар над черными хазарами. Итильская Белая Вежа уже во время похода на хазар халифа Мервана означала не только наличие белой башни, но и перемещение фактической верховной власти в руки белых хазар. Только этим и можно объяснить сообщение «Худуд ал-алам» о происхождении кагана, или тархан-кагана, из потомков наместника [47].

В конце X в., когда составлялась географическая компиляция среднеазиатским анонимом, очевидно, захват верховной власти белыми хазарами уже совершился; во всяком случае для посторонних наблюдателей, не принадлежавших к хазарскому придворному кругу, понятия «каган» и «наместник» объединились — каган превратился в потомка наместника, самый же титул наместника стал именем эпонима династии. С фактом смешения титула наместника и царского звания мы

---

[45] BGA, I, p. 224 (текст); II, p. 283, 284 (текст); BGA, II, 2, p. 395 (текст), ср. также: Al-Maçoudi. Prairies, II, p. 13—14 (текст и перевод).

[46] В. В. Григорьев. О двойственности верховной власти у Хазаров. Сб. «Россия и Азия», СПб., 1876, стр. 73.

[47] Читаю непонятное в рукописи انسا *ānsā*, как и Минорский: ايشا *āšā* (V. Minorsky. Hudud, p. 451), т. е. наместник, управляющий делами государства и командующий войсками (Д. Хвольсон. Ибн Даста, стр. 16).

встречаемся также в рассказе «Б», в сообщении о наименовании царя у хазар.

Наряду с названиями двух хазарских городов наши источники сохранили и другие топономические обозначения. Прежде всего, о самом слове «Итиль». Как явствует из раздела 1 рассказа «Б», термином «Итиль» в арабо-персидской письменности обозначали реку, текущую, по словам географов, «от русов и болгар» к хазарам, а также город, расположенный на этой реке. В источниках мы встречаем несколько начертаний этого имени: *Итиль* — اتل ; *Итиль* — اثل ; *Атиль* — آتل ; *Афиль* — افل

Разнообразие начертаний, наблюдающееся главным образом в отношении первой и второй буквы слова, показывает, что самое название Волги и хазарской столицы попало в арабо-персидскую письменность из чужого языка; записывавшие это слово арабской графикой, очевидно, не знали, как изобразить имеющимися в их распоряжении графическими средствами первый гласный и второй согласный звук. Лишь с течением времени орфографическая традиция приняла начертание *Итиль*, и Йакут в своем «Географическом словаре» уже приводит его как обязательное, сопровождая слово подробным орфографическим наставлением. Пространная редакция письма хазарского царя Иосифа содержит также название Итиль, правда, лишь в приложении к реке [48]. Вряд ли все же это слово можно считать хазарским; как отмечал И. Маркварт, близким к слову Итиль именем в разных источниках назывались Дон и Днестр [49].

Содержание раздела 1 рассказа «Б» показывает, что в ранней арабо-персидской письменности был период, когда название Итиль в применении к городу требовало пояснения, иначе незачем было авторам IX—X вв. пускаться в те пространные объяснения, какие мы находим в их сочинениях. Эти объяснения далеко не всегда понятны; не были они, по-видимому, понятны и средневековым географам: это относится, в частности, к определению слова «хазар», как «климат» или «название климата», встречавшемуся у ал-Истахри и Ибн Хаукаля. Уже персидский извод ал-Истахри, сохранившийся в довольно поздней рукописи Института народов Азии АН СССР, исправляет так непонятное место арабского оригинала: «Хазар — область у столичного города, называемого Итиль» (рук. С 610, л. 79 б). Йакут также считает необходимым вставить в изложение, в общем копирующее ал-Истахри, свое толкование: по его словам, название «хазар» означает государство, а не город,

[48] П. К. Коковцов. Указ. соч., стр. 98 и прим. 1, 2.

[49] J. Marquart. Op. cit., S. 532 (указатель под словом Atil): Atil, Itil, Etul, Etel.

Ибн Хаукаль — первый по времени автор, который не только свободно оперирует понятием Итиль — город, но и конкретизирует его, сообщая, что под понятием Итиль разумелось лишь правобережье, западная часть, в то время как левобережье, или восточная часть, именовалось Хазаран, или Восточный Итиль [50].

Перечисляя все эти отдельные наименования хазарской столицы, мы не должны забывать об отсутствии самих хазарских источников. Если не считать кратких и общих упоминаний в «Еврейско-хазарской переписке», то все, что мы знаем о топонимике Итиля, исходит из иноземной, по преимуществу мусульманской, колонии; быть может, даже разнообразие этих названий объясняется в значительной мере не происходившим исторически процессом замены одного названия другим, а случайными обстоятельствами, связанными с тем, откуда и каким путем попадало это название в восточную письменность. И все же, несмотря на все эти оговорки, преобладание в географической литературе на арабском и персидском языках общего наименования для правобережья и левобережья означало очень многое. Это говорило прежде всего о том, что существовавшие ранее полуоседлые пункты превратились в единый город. Это значило далее, что Итиль начал играть все бóльшую и бóльшую роль не только как центр каганата, но и как крупнейший торговый центр, о котором хорошо было осведомлено все купеческое каспийское побережье.

Разделы 2, 3, 4 рассказа «Б» рисуют структуру этого города.

Было бы, конечно, весьма неосторожно пытаться передать полностью этот рисунок, как вполне понятный и ясный. Увы, многие, притом очень существенные вопросы топографии и истории Итиля не могут быть разрешены даже гипотетически, и неизвестно, найдутся ли когда-либо материалы, необходимые для их разрешения. Но все же кое-что, хотя не совсем четко и ясно, может быть определено в настоящее время.

Разделы 2 и отчасти 3 рассказа «Б» касаются западной части города, где находилась, по словам наших источников, резиденция царя и ближайшего его окружения. Эта часть города, сообщает ал-Истахри, была обнесена крепостной стеной, из которой четверо ворот вели к реке и к югу — в степи. Ибн Хаукаль, обычно следующий за текстом ал-Истахри, утверждает, что не одна, а две части города были окружены стеной;

[50] Рукопись сочинения Ибн Хаукаля, изданная Крамерсом (BGA, II, 2, p. 389), именует западную часть города Хазараном, а восточную Итилем, что, несомненно, результат ошибки переписчика; во втором кратком описании Итиля Ибн Хаукаль (BGA, II, p. 278, 281) приводит более ясный текст, повторяя, что Хазаран известен как Восточный Итиль المعروف باتل الشرقى

по-видимому, тот же смысл мы должны видеть у ал-Мукаддаси в не совсем ясной фразе о городе, окруженном стенами[51]. Представляется, что утверждения Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси вряд ли могут быть оправданы реальными фактами и являются, очевидно, результатом каких-то недоразумений с текстом, быть может, даже не по вине самих авторов.

Побывавший в XII в. в хазарском городе гранадский путешественник Абу Хамид приводит точные промеры ширины реки зимою — 1840 шагов[52]. При наличии приблизительно полутора километров речной глади, отделявших одну сторону Итиля от другой, можно ли всерьез говорить о единой крепостной стене? Из построек внутри этой крепостной стены мы довольно явственно различаем два дворца; о двух дворцах говорит ал-Истахри, утверждая, что дворец кагана выше, чем дворец царя-наместника; два дворца мы встречаем и у ал-Мас'уди в рассказе «В»: один из этих дворцов поименован دار الملك, второй قصر الملك, т. е. «дом царя» и «дворец царя». Называя эти сооружения дворцами, мы имеем в виду, что это были не шатры или глинобитные мазанки, а архитектурные комплексы, построенные по последнему слову строительной техники, резко выделявшиеся своим внешним видом среди других городских сооружений.

Наши источники единодушно утверждают, что дворец кагана был сооружен из обожженного кирпича и что никому больше в Итиле не разрешали строить из упомянутого материала. Сообщение арабо-персидских источников весьма убедительно перекликается с рассказом Константина Багрянородного о построении византийцами по просьбе хазарского кагана крепости из кирпича. Отнесение этого рассказа ко времени правления императора Феофила (829—842) дает представление о времени построения крепостной стены и кирпичных дворцов итильского правобережья; естественно думать, что столичные царские сооружения были поставлены не позже, чем крепостные стены Саркела, понимая под последним крепость на Дону. На значительность этих дворцов указывают и косвенные данные: у кагана было 25 жен и 60 наложниц; вероятно, весь состав гарема располагал своим штатом прислуги; общее число людей, населявших крепость и составлявших ближайшее окружение кагана и царя-наместника, достигало 4 тыс. мужей[53]. Источники считают, что западняя часть равнялась примерно одному фарсаху, из чего можно заключить,

[51] Ср. А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 259.

[52] «Abu Hamid el Granadino y su relación de viaje por tierras Eurasiáticas», texto árabe, trad. e interpretación por C. E. Dubler. Madrid, 1953 (далее — C. Dubler. Abu Hamid), p. 8 (текст); p. 52 (перевод).

[53] BGA, I, p. 220 (текст); II, p. 278 (текст).

что внутри крепостной стены были не только здания, но и сады. Из четырех ворот крепости особенное значение имели ворота, ведшие на речное побережье (так мы переводим выражение ал-Мукаддаси ناحية النهر). Эти ворота вели к стоянке довольно обширного у хазар флота и к местности в устье реки, которую ал-Казвини называет стоянкой купцов (очевидно, заморских); здесь с приезжих гостей бралась торговая десятина, являвшаяся одной из доходнейших статей хазарского каганата.

Общие изменения в государственном устройстве хазар, очевидно, оказали свое влияние и на структуру западной части города. По словам ал-Мас'уди, каган вместе со своим гаремом находился внутри дворца царя-наместника, не имея права сесть на коня или показаться народу. Только учитывая такую изолированность кагана, можно понять обряд ежедневного торжественного посещения кагана царем-наместником. Ал-Мукаддаси называет вообще всю крепость «дворцом султана»; именно у этого дворца, по его словам (а не у крепости), были ворота с выходом на речное побережье к стоянке судов. Ал-Мас'уди также принадлежит сообщение о дальнейшем росте резиденции хазарского кагана; два дворца оказались теперь не «далеко от берега», как описывали их местоположение ал-Истахри и Ибн Хаукаль, а на острове; с острова на берег был протянут мост из лодок (рассказ «В»). Краткая и пространная редакции письма царя Иосифа также содержат упоминание о трех городах, составляющих хазарскую столицу: в одном из этих городов жил царь, в другом — царица и в третьем — представители разных племен и народов [54]. Если «дворец царя» помещался на острове, то надо думать, что «городом царицы» стало беловежское правобережье, куда, наверное, и вел с острова мост из лодок.

Влияние мусульманской колонии в Итиле, через которую и проникали главным образом сведения о хазарах и их столице в географическую науку Прикаспия, сильно сказалось на характеристике Хазарана, восточной части города. Суммируя сведения, один из современных авторов, занимавшихся историей Итиля, пишет следующее: «Наиболее подробно описана в источниках восточная часть Итиля, носящая имя Хазарана. Это торговая и наиболее оживленная «сторона». Здесь жили ремесленники, которых хазарский каган облагал податями (вазаифа), купцы и масса чернорабочего люда. По словам ал-Мас'уди, купцы и ремесленники пришли в страну хазарского царя по причине его справедливости и безопасности. По составу своего населения Хазаран был весьма пестрый город, каким должен быть огромный рынок, куда стекались товары из Вос-

[54] П. К. Коковцов. Указ. соч., стр. 84—85 и 102 (перевод).

точной Европы от русских, славян, буртасов, хорезмийцев и других народов Средней Азии, Китая, Ирана и Закавказья. Среди купцов больше всего было мусульман: по словам Ибн Хаукаля, их здесь было свыше 10 тыс. человек, не считая наемной гвардии из хорезмийцев»[55]. Подобная характеристика Хазарана, а за ним и всего Итиля твердо вошла в научный обиход и может быть подтверждена многими примерами.

Не отрицая ни в малейшей степени международного торгового значения Итиля (Хазарана), большой влиятельности его купеческой колонии, в том числе и в первую очередь мусульманской, мы все же полагаем, что основную и самую бо́льшую часть итильского населения составляли не купцы-иноземцы, не ремесленники и даже не хорезмийцы, а собственно хазарское население, стоявшее, как видно из рассказов «А» и «Б1», на грани между скотоводческим и оседлым земледельческим бытом. Это именно то население, которое ал-Идриси именует простонародьем — عامّة и которое, по его словам, находилось как в восточной, так и в западной части города. Многие рассыпанные повсюду в наших источниках намеки указывают на жизнь и деятельность этого населения.

По сравнению с роскошными царскими дворцами из обожженного кирпича, общий вид городских жилищ представлял довольно унылое зрелище. По большей части это были шатры, вряди ли в чем существенно отличавшиеся от шатров настоящих кочевников, да глинобитные, врытые в землю мазанки, не менее примитивные, чем и сами шатры. Скотоводство, которым продолжало заниматься население Итиля, даже осев в городе, наложило свой неизгладимый отпечаток на весь облик хазарских «улиц» и «площадей», названия которых не знает ни одно описание хазарской столицы. Да и можно ли было так называть песчаные пространства, покрытые кое-где жидкой степной растительностью, на которых нередко можно было встретить пасущиеся отары овец и верблюдов. И в X в., в период наивысшего расцвета международной торговли, итильское население славилось умелой выделкой кошм; по словам Ибн Ийаса, покрывавшие шатры кошмы отличались такой прочностью, что их не мог промочить дождь.

Но все же как ни примитивно было по своему занятию и образу жизни большинство итильского населения, оно ушло далеко вперед от своих предков, чье существование было запечатлено в легенде о двух хазарских городах. Весьма характерно для традиционности средневековой литературы, что новое, пришедшее в жизнь итильского населения, запечатлелось структурно в той же форме, что и рассказ «А». Но если в рассказе «А» ско-

[55] А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 261.

товодческое население двух хазарских городов уходило в степь для выпаса скота, то население рассказа «Б1» идет весной не в степь الصحراء, а на поля для сельскохозяйственных работ; оно собирает урожай, «повершье», как правильнее всего следует переводить арабский термин ارتفاع, этот собранный урожай везет на лодках и повозках в город. Наличие повозок и лодок говорит уже о местном плотницком и столярном деле. Все это невольно заставляет вспомнить замечательное наблюдение Ибн Хаукаля об итильских «шатрах из дерева», заменивших, очевидно, шатры из кошм.

Наши источники сравнительно мало сообщают о второй специальности итильского населения — рыбном промысле; яснее и подробнее говорит об этом Абу Хамид ал-Гарнати, лично наблюдавший этот рыбный промысел, удивлявшийся его размаху и оставивший детальное описание разных сортов рыб, различных видов их засола и вяления [56]. Но все же ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси, Йакут и другие повторяют единогласно, что основою существования хазар является рыба. Рыбий клей غرى السمك этих же авторов отмечается как главная статья хазарского экспорта. Скотоводы и земледельцы, жители Итиля, были одновременно рыбаками и отважными мореходами: не случайно после захвата князем Святославом хазарского «града» итильское и семендерское население бежало на острова Каспийского моря,— очевидно, путь на эти острова был хорошо знаком местным капитанам и лоцманам.

Таковы вкратце наши комментарии к «трем рассказам», приведенным в начале настоящего очерка. Совершенно очевидно, что эти комментарии не исчерпывают всех вопросов, которые стоят перед всяким приступающим к изучению раннесредневековой восточноевропейской тематики. Еще раз приходится повторить, что исследователю этой тематики предстоит сделать несравненно больше того, чем сделано до настоящего времени.

* * *

Cet article systématise les données de certaines sources orientales sur Itile, capitale des Khazars; il montre le rôle de cette ville comme centre de commerce transitaire sur la voie reliant les paus d'Europe Orientale aux états du Proche et Moyen Orent. On d voit une tentative d'expliquer certains termes des sources et d'éclaircir certains aspects de l'histoire du khaganat des Khazars aux IX — XII-o siècles.

[56] C. Dubler. Abu Hamid, p. 5—6 (текст), p. 51 (перевод).

М. В. Фехнер

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ПО ИСТОРИИ РУССКО-ВОСТОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

до середины XIII в.

Изучение внешних экономических связей Древней Руси привело советских историков к заключению, что в IX—XIII вв. импортируемые из стран Востока товары имели в Восточной Европе узкий рынок сбыта, почти исключительно среди верхушки феодального общества, и что восточная торговля, отличавшаяся в IX—X вв. значительной интенсивностью товарообмена, в XI в. полностью прекращается [1].

Однако анализ археологического материала, найденного при раскопках курганов на территории Древней Руси и относящегося к рассматриваемому времени, дает возможность наметить несколько иную картину.

В данной статье рассматривается не весь погребальный инвентарь курганов, а лишь такой массовый материал деревенских погребений X—XII вв., как бусы.

Бусы являлись одним из наиболее излюбленных украшений деревенского населения. В редкой курганной группе они не встречаются. Их изготовляли из стекла, сердолика, горного хрусталя и янтаря. Количество бус, обнаруженных в деревенских курганах, исчисляется несколькими десятками тысяч. Их носили не только в ожерельях, но также на шейных гривнах, височных кольцах и браслетах. Использовались бусы и в качестве пуговиц для мужской и женской одежды.

Являясь в основном предметом украшения, бусы имели, по-видимому, еще и побочные функции. Находки в Новгороде каменных и стеклянных бус (в наборе гирь X в.) и стеклянной

[1] П. Г. Любомиров. Торговые связи с Востоком в VIII—IX вв. «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. I, вып. 3. Саратов, 1923, стр. 16, 36; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 148—149; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 128.

бусины (в слое второй половины X в.) с отверстием, залитым свинцом, наводит на мысль, что они могли употребляться и в качестве разновесок. Известны также случаи, когда бусы находились в составе монетных кладов. Это делает вероятным предположение В. Л. Янина, что некоторые типы бус, отличавшиеся стандартностью в отношении формы и веса, могли употребляться и в качестве мелкой разменной монеты [2].

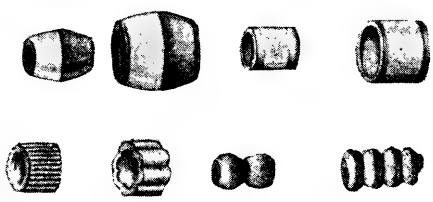


Рис. 1. Бусы из двухслойного стекла с металлической прокладкой

Ставя в центре исследования одни лишь находки бус, зарегистрированные на территории Древней Руси, мы, таким образом, учитываем только один объект внешней торговли; тем не менее анализ этого пусть специфического, но ходового товара все же позволяет выяснить некоторые тенденции в развитии русско-восточных связей X—XII вв.

Источниками для исследования послужили фонды Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Киевского исторического музея, а также фонды Псковского, Ярославского, Калининского, Рязанского, Смоленского, Костромского, Владимирского и Калужского областных музеев. Всего изучено более 26 тыс. экземпляров бус, обнаруженных при раскопках сельских погребений X—XII вв.

На территории Руси встречаются бусы, изготовленные преимущественно из стекла. Среди них особое внимание привлекают бусы из двухслойного бесцветного стекла с металлической прокладкой различных форм: боченкообразной, цилиндрической, ребристой, имеющей в поперечном сечении розетку, а также состоящие из двух или нескольких вместе соединенных кольцевидных бусин (рис. 1). Благодаря своему блеску эти бусы были очень привлекательны как украшение и имели широкое распространение среди древнерусского населения. В ряде областей, например в Смоленской, Калужской, Владимирской, Калининской, Ярославской, они составляют от 45 до 59 процен-

[2] А. Л. Монгайт. Новгородские гирьки. КСИИМК, вып. 41, 1951; С. А. Янина. Неревский клад куфических монет X века. МИА, № 55, 1956; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 179.

тов от общего числа всех найденных здесь бус. Интересно отметить, что за пределами Руси бусы из двухслойного стекла с металлической прокладкой нигде не обнаружены в большом количестве. Отдельные находки их известны лишь в Прикамье, Прибалтике, Средней Азии, на Северном Кавказе, на территории Вентрии и Швеции.

Техника выделки их была такова: на бусину из бесцветного или светло-желтого стекла накладывалась тончайшая золотая или серебряная фольга, поверх которой для лучшего закрепления металлического листика на стекле и защиты его от повреждений наплавлялся еще тонкий слой бесцветного прозрачного стекла. Эти бусы, найденные при раскопках, обычно прекрасной сохранности и почти не имеют следов выветривания. Время бытования золотостеклянных и серебростеклянных бус среди деревенского населения — с конца X до начала XII в., причем на XI в. приходится их максимальное распространение [3].

Долгое время считалось, что стеклянные бусы вообще и двухслойные с металлической прокладкой в частности представляют собой предмет импорта из стран Востока [4]. Однако широкий ареал распространения золотостеклянных и серебростеклянных бус на территории Восточной Европы и почти полное отсутствие подобных украшений за ее пределами склонили исследователей, занимающихся историей Древней Руси, к мысли, что эти изделия относятся к типичным славянским украшениям и являются продукцией местных мастеров, тем более что в X–XI вв. техника изготовления стекла и золотой смальты была уже известна, как об этом свидетельствуют раскопки в Киеве, Колодяжине, Райковецком городище и в Костроме [5].

Для решения вопроса о месте производства бус из двухслойного стекла с золотой и серебряной фольгой произведено, с одной стороны, картографирование всех находок этих бус на тер-

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 145—147; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 15; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Бел. А. Н. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III». Менск, 1932, стр. 104—105; Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 171—172.

[4] Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1902, вып. V, стр. 14; Е. Н. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 53.

[5] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 60; А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 32, 34, 110—113; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 399—400; В. А. Богусевич. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 47—48; его же. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 14—20; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950; его же. Древний Колодяжин. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 49—53; М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, стр. 158—169.

ритории Восточной Европы в целях определения районов их преимущественного распространения, с другой — химико-технологическое изучение этих изделий. Химический количественный анализ, дающий представление о составе стекольной смеси, об использованных сырьевых материалах и о технологических приемах их производства, является надежной базой при выявлении локальных особенностей интересующих нас бус[6].

Анализу подверглись 27 бус, найденных в различных областях рассматриваемой территории. Для сравнения были даны на анализ еще 10 образцов аналогичных бус из погребений, находящихся за пределами Руси и относящихся к различным хронологическим периодам.

Из 27 образцов, найденных на территории Древней Руси, только 3 образца относятся к калиево-свинцовым кремнеземным стеклам — типичным русским стеклам домонгольского времени, 1 образец — к калиево-кальциевым стеклам, а остальные 23 образца принадлежат к группе натриево-кальциевых кремнеземных стекол. Центры производства последних стекол, по данным М. А. Безбородова, сосредоточены были в странах Востока (Египет, Ливан, Сирия и др.), в Риме и в Рейнской области, где в I—VII вв. существовали римские стеклоделательные мастерские. Многочисленные химические анализы показали, что все египетские, арабские и византийские, а также большинство римских стеклянных изделий были изготовлены из натриево-кальциевого стекла, состоящего из песка и золы, морских растений или природной соды. Эта сода добывалась из высохших озер в 100 км к югу от Александрии.

Остальные образцы, привлеченные для сравнения из Гляденовского кострища и Кошибеевского могильника (III—V вв.), из Салтовского и Лядинского могильника (VIII—X вв.), из Люцина (XI—XII вв.), из катакомбных погребений Северного Кавказа (VII—IX вв.), также принадлежат к натриево-кальциевым стеклам[7].

Таким образом, выясняется, что большинство бус с металлической прокладкой, бытовавших в Древней Руси, действительно представляло собой продукт импорта. Вероятно, они проникали сюда из стран Востока, тем более что в начале средневековья двухслойные стекла с промежуточной позолотой являлись преимущественной продукцией стекольного производства Александрии. Возможность импорта золотостеклянных

[6] Химико-технологическое исследование бус было выполнено под руководством М. А. Безбородова в научно-исследовательской проблемной силикатной лаборатории Белорусского политехнического института.

[7] М. А. Безбородов. Технология производства стеклянных бус в древности. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959; его же. Стеклоделие в Древней Руси, стр. 12, 54, 192, 252, 254, 256 и др.

и серебростеклянных бус с Запада отпадает, так как известно, что в X—XI вв. западноевропейские стеклоделы перешли на местное сырье; они начали применять буковую золу вместо привозной золы морских растений или природной соды, в связи с чем изменился химический состав изготовлявшегося ими стекла. Все французские и немецкие стеклянные изделия XI—XIII вв. относятся к группе калиево-кальциевых кремнеземных стекол [8].

Однако, как можно судить по данным химического анализа, наряду с импортными бусами на Руси имелись также стеклянные бусы с металлической прокладкой местного производства. Из трех образцов, сваренных по древнерусскому рецепту, один найден в погребении на территории Калининской области (с. Васильевское), а два других — в курганных группах Смоленской области (д. Коханы Ельнинского района и д. Харлапово Дорогобужского района), расположенных сравнительно близко друг от друга. Обращает на себя внимание одна деталь декорировки бусин из Смоленской области: покровный защитный слой их — не бесцветный, как обычно, а окрашен в интенсивно желтый цвет, что создает впечатление, будто металлическая прокладка золотая, хотя в действительности она серебряная. Подобные подделки под золоченые бусы не раз встречались в курганах Смоленской области [9]; это дает основание считать, что в пределах последней существовала стеклоделательная мастерская, где по восточным образцам изготовлялись посеребренные и позолоченные бусы, а также их имитации.

Что же касается образца, изготовленного из калиево-кальциевого стекла (курган близ с. Васильевского Калининской области), то по главным компонентам он подобен раннесредневековым западноевропейским «зольным» стеклам. Однако количественные отношения этих компонентов у этого образца иные, чем в западных стеклах, что указывает на изготовление этой бусины по другому рецепту и из других сырьевых материалов. Можно полагать, что она привезена сюда из южных областей Древней Руси, так как стекла этого типа производились в Галиче и Киеве [10].

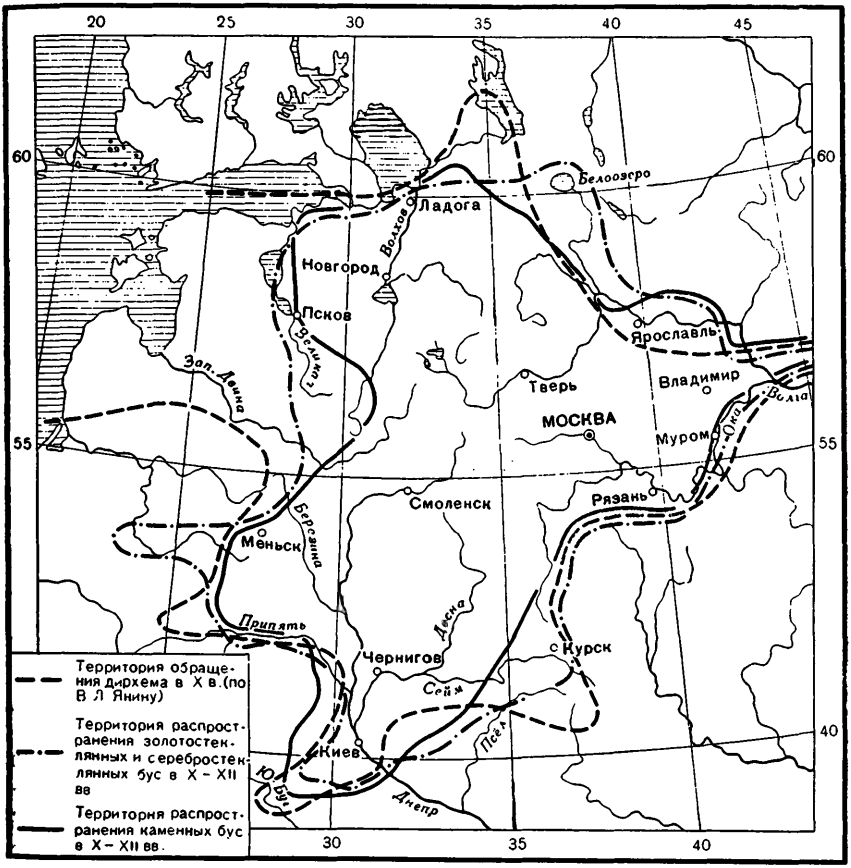
Картографирование находок золото- и серебростеклянных бус показало, что в X—XII вв. они имели широкое распростра-

---

[8] М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси, стр. 21, 89.

[9] Н. И. Савин. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Бел. А. Н. Працы археолёгічнай комісіі», т. II. Менск, 1930, стр. 228; А. Лявданский. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Бел. А. Н. Працы сэкцыі археолёгіі», т. III. Менск, 1932, стр. 14.

[10] М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси, стр. 192.



Распространение каменных бус и бус из двухслойного стекла на территории Руси X—XII вв.

нение на очень значительной территории Восточной Европы (см. карту). Любопытно, что граница распространения этих бус совпадает с границей распространения дирхема в X в. Такое совпадение отмечается не только на территории Руси, но и в Прикамье, Прибалтике, Средней Азии, а также в Швеции и Венгрии. Иными словами, в районах обращения дирхема всюду встречаются золото- и серебростеклянные бусы. Это подтверждает вывод, основанный на данных химико-технологического анализа: основная масса бус из двухслойного стекла с металлической прокладкой, бытовавших на Руси в X—XII вв., является объектом импорта из стран Передней Азии.

Торговля этими бусами шла, по-видимому, через Волжскую Болгарию. Их находки, частые в низовьях Оки, бассейнах Клязьмы, Москвы, верховьях Волги, Западной Двины, Днепра, Десны и Сожа, редеют по мере удаления к югу и юго-западу, к среднему течению Днепра, и в Киевской области они уже являются единичными. Известно, что дирхемы проникали на Русь также волжским путем [11].

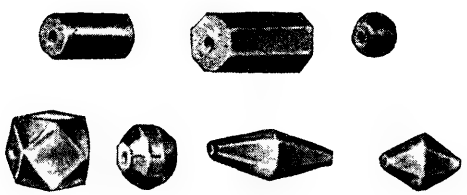


Рис. 2. Каменные бусы

Характерно, что расцвет торговли бусами с металлической прокладкой падает на XI в., когда приток дирхемов на Русь прекращается.

К изделиям восточного происхождения следует отнести также каменные бусы, выполненные из полупрозрачного красно-коричневого сердолика, горного хрусталя и аметиста (рис. 2). Ареал распространения каменных бус почти полностью совпадает с ареалом распространения украшений из двухслойного стекла с металлической прокладкой. Подобно последним, наибольшее количество находок сердоликовых и хрустальных бус приходится на бассейны Оки, Клязьмы, Москвы, верховья Волги, Днепра, Сожа и Десны. Эти бусы составляют в Московской, Рязанской, Калужской, Смоленской и Калининской областях от 16 до 71 процента от общего числа найденных здесь бус.

Формы каменных бус, время бытования которых — IX — начало XIII в., чрезвычайно разнообразны: известны цилиндрические, призматические, шарообразные, четырнадцатигранные и состоящие как бы из двух многоугольных пирамид, соединенных основаниями (так называемые бипирамидальные).

Бипирамидальные являлись на территории Руси самым распространенным типом сердоликовых бус. В археологической литературе они рассматриваются как предмет украшения, сделанный из местного сырья, форма которого возникла впервые у восточных славян. С этим трудно согласиться, так как бусы такой

[11] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 105—106.

формы встречаются на Востоке значительно раньше, чем на территории Восточной Европы. Например, в Северной Индии во время раскопок близ г. Пахарпура на территории монастыря VI—VII вв. найдено ожерелье, в составе которого находились 7 бипирамидальных сердоликовых бус. Бипирамидальные бусы встретились и при раскопках в г. Брахманабаде в слоях X в. Известны они и из погребений VII—IX вв. Дагестана [12].

Что касается возможности производства этих бус из местного сырья, то в геологической литературе не встречаются указания на наличие самостоятельных месторождений сердолика в центральных областях России. Это дает основание рассматривать сердоликовые бусы как изделия привозные. Можно полагать, что основная масса их проникала в Восточную Европу из Средней Азии, которая вела обширную торговлю каменными и в первую очередь сердоликовыми бусами. Согласно свидетельству ал-Бируни, автора книги «О драгоценностях», Басра, Кашмир, Бадахшан и Хорасан являлись в тот период крупными центрами производства различных поделок из камней [13].

По-видимому, с Востока импортировались и хрустальные бусы. Возможно вместе с тем, что часть изделий из хрусталя производилась на месте. Об этом свидетельствует находка в Киеве в жилище XIII в. амфоры с огромным количеством хрустальных бус, среди которых были бусы с не до конца просверленными отверстиями и бракованные. Известно также, что месторождения хрусталя имеются в ряде пунктов Киевской области [14].

Основной приток каменных бус, как и бус из двухслойного стекла, прекращается, очевидно, в XII в. Но благодаря прочности материала они удерживаются в быту еще и в XIII в.

Итак, анализ бусенного материала дает основание считать ряд категорий деревенских бус изделиями восточного происхождения, что согласуется с показанием Ибн Фадлана о ввозе бус в русские земли из стран Востока. При всей отмеченной неполноте этот массовый археологический материал свидетельствует о широте и степени охвата Руси восточной торговлей в X—XII вв.

---

[12] K. N. Dikshit. Excavations at Paharpúr. «Annual Report of the Archaeological Survey of India. 1927—1928». Calcutta, 1931, табл. XLVIIIa; idem. Beads from Achichhatra. «Ancient India», № 8. Calcutta, 1952; Могильник VII—IX вв. близ Бежта Дагестанской АССР. Раскопки Д. М. Атаева, 1957. Материал хранится в Институте истории Дагестанского филиала АН СССР (Махач-Кала).

[13] Г. Г. Лемммлейн. Минералогические сведения Бируни. «Бируни». Сб. статей под ред. С. П. Толстова. М.—Л., 1950, стр. 118, 120, 122.

[14] М. К. Картер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951; А. Е. Ферсман. Драгоценные цветные камни СССР, т. II. Л., 1925, стр. 37.

Многочисленные находки восточных бус в деревенских погребениях X—XII вв. не позволяют согласиться с господствующим в литературе утверждением, что импортные изделия имели на Руси узкий рынок сбыта среди верхушки феодального общества. Двухслойные стеклянные бусы с металлической прокладкой, сердоликовые и хрустальные были широко распространены среди деревенского населения, обитавшего при этом не только вдоль основных торговых путей, но и в стороне от них. Они могли попадать в деревню через городские рынки и ярмарки, собиравшиеся в погостах, а также благодаря купцам-коробейникам.

На примере бусенного материала видно, что торговые сношения Руси с Востоком, столь оживленные в X—XI вв., приостанавливаются в XII в. По-видимому, это произошло в связи с движением турок-сельджуков на арабские государства и господством в южных степях половцев.

* * *

L'auteur examine les trouvailles les plus répandues dans les tertres ruraux des X — XII-e siècles — des colliers de verre, de pierre et d'ambre.

L'analyse de nombreuses données prouve que certaines catégories de colliers sont d'origine orientale, ce qui coïncide avec le témoignage d'Ibn Fadlan sur l'importation dans les terres russes de colliers provenant des pays de l'Orient.

Les nombreux colliers orientaux découverts dans les tertres ruraux prouvent l'envergure du commerce oriental en Russie aux X-e—XII-e siècles et ne permettent pas d'accepter la thèse qui domine dans la littérature et selon laquelle les articles importés auraient trouvé un débouché restreint parmi les hautes personnalités de la société féodale.

Ю. А. Лимонов

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

В истории международных отношений Руси периода феодальной раздробленности важное место занимают внешнеполитические и торговые связи Владимиро-Суздальского княжества, которые поражают своей широтой. Среди них династические связи с Византией и Чехией; оживленные дипломатические сношения с византийским императором Мануилом Комнином и германским императором Фридрихом Барбароссой, с константинопольским патриархом и римским папой; тесные культурные связи с Болгарией, Византией и Германией, наконец, торговые отношения почти со всеми странами Европы, арабского Востока и Средней Азии.

Одним из интересных и малоизученных является вопрос о торговле Владимиро-Суздальской Руси с Востоком [1]. Изучение восточной торговли Владимиро-Суздальской Руси дает возможность, во-первых, рассмотреть многочисленные связи этого района со странами Востока, во-вторых, установить известную специфику вывоза из северных и северо-западных районов Руси, в-третьих, определить участие в восточной торговле русских купцов из земель, граничивших с Владимиро-Суздальским княжеством, и купцов из других стран Европы.

Торговля Владимиро-Суздальской Руси с Востоком шла по волжско-каспийскому пути. Шелковые ткани, пряности, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро в слитках, ювелирные изделия привозились арабами и персами из

[1] История восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества затронута в общем плане внешней торговли Руси лишь в таких обобщающих трудах, как «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 315—341; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 322, 323, 325 и др.

Индии, Персии, Хорезма и Ормуза в район Каспийского моря, Закавказья, Нижней Волги и через земли болгар попадали во Владимиро-Суздальское княжество.

Русские вывозили разнообразные меха (соболь, лисица, бобёр, горностай, рысь), некоторые изделия из меха, рыбий клей, моржовые клыки. Основная доля вывоза падает на сырье [2], но вывозились из Руси и некоторые ремесленные изделия, в том числе ювелирные украшения [3] и льняные одежды. Уже в начале XII в. в Закавказье было известно, что льняные одежды «ценою каждая в золотую монету» вывозятся из страны «русов» [4]. Вывоз такого товара, как льняные ткани, дает возможность безошибочно определить место их изготовления: Владимиро-Суздальская, Новгородская и Смоленская земли. Действительно, в основном только эти области производили лен-долгунец, так как в силу природных условий на юге Руси эта культура почти не произрастала.

Летописные источники ничего не сообщают о льне на юге Руси, если не считать упоминания Киево-Печерского патерика о масле, которое добывалось из льняного семени [5]. Однако это упоминание находится лишь в одном из списков патерика, в других его нет [6].

В южных землях (Киевщине, Переяславщине) основной культурой, из которой добывали растительное волокно, была конопля, возделывавшаяся здесь еще со скифских времен. В отличие от льна конопля хорошо растет на черноземе, хорошо переносит засуху, ей необходимо значительно большее количество солнечных дней, чем льну [7]. В древнерусских памятниках она выступает наряду со льном как культура, идущая на волокно, и при перечислении в тексте даже упоминается ранее его. «Аже мужь иметь красти конопли или лен и всякое жито...»,— встречаем мы в Уставе князя Ярослава Владимировича [8]. Название конопли в южнорусских областях сходно с названием одежды. Так, в орловском диалекте конопля назы-

---

[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 95.

[3] Ювелирные изделия владимирских мастеров были обнаружены в Волжской Болгарии («История культуры древней Руси», т. I, стр. 324).

[4] М. Тебеньков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-Намэ» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896, стр. 72.

[5] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. М., 1958, стб. 66, 67.

[6] «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 44, 164 и др.

[7] О разведении льна и конопли на Руси см. подробно: И. А. Сизов. К истории льноводства в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 2. М.—Л., 1956, стр. 407, 408, 414—417.

[8] «Памятники русского права», вып. 1. М., 1951, стр. 261, 269.

вается «посконей» и «замашкой»; в то же время встречаем: посконная рубаха, рубаха из замашки [9].

Разведение льна на севере и северо-западе [10] страны зафиксировано в источниках. Насколько большое значение придавалось этой торговле льном, можно судить по договорам 1266 и 1270 гг. между Новгородом и великим князем Ярославом Ярославичем. В статье о торговых пошлинах специально говорится о продаже льна в Суздальской земле: «...а то, княже, имати по 2 векши от лодье, и от воза, и от лну, и от хмелна короба...» [11] Производство льняных тканей во Владимиро-Суздальской земле подтверждается и многочисленными находками остатков льняных одежд при раскопках курганов в этом районе [12].

Упоминание о продаже льняных тканей, конечно, не дает возможности точно определить, где они были изготовлены. В то же время необходимо признать, что и местные, и привозимые из Новгорода и Смоленска льняные ткани покупались купцами, непосредственно торговавшими с Востоком, на территории Владимиро-Суздальской земли, полностью контролировавшей северную часть Волжского пути.

Находки монет также позволяют говорить о торговле с Востоком. На изучаемой территории было обнаружено свыше 50 кладов восточных монет — куфических, саманидских и аббасидских, датируемых VIII—XI вв. [13] Количество восточных монет, найденных в кладах, колеблется от нескольких монет до десятка тысяч. Происхождение монет может служить достаточным доказательством связей между арабским Востоком и Владимиро-Суздальской землей на протяжении нескольких веков. Были найдены монеты, выпущенные на севере Ирана (чеканенные в городе Казвине), в Центральном и Южном Иране — в Исфахане, Ширазе, Фаррисе [14]. Наряду с иранскими обнаружены монеты из Сирии — Дамаска, с Аравийского

---

[9] В. Даль. Толковый словарь, т. 2. М., б/г., стр. 152; т. 3. М., б/г., стр. 333.

[10] Лен также производился в Смоленском княжестве и в районе Берестья (Бреста) на территории нынешней Белоруссии. См. «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 29, 44.

[11] ГВНП, № 2 и 3, стр. 11, 12.

[12] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 322.

[13] А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 2—6, 14, 27, 46—48, 53—57 и др. В XI—XII вв. постепенно поток восточных монет уменьшается. В. Л. Янин объясняет это явление прекращением выпуска доброкачественной серебряной монеты в мусульманских странах и заменой ее низкопробной биллонной и медной (В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 152, 155 и др.).

[14] А. Марков. Указ. соч., стр. 5, 6.

полуострова — из княжества Оман, из города Басры, крупнейшего порта в Персидском заливе и перевалочного пункта на пути в Индию [15]. Монеты, чеканенные в Багдаде, говорят о торговых связях с Двуречьем; монеты Тбилиси, Самарканда, Бухары и Мерва — о связях с Закавказьем и Средней Азией [16].

Через посредников (волжских болгар и арабов) товары Владимиро-Суздальской Руси могли попадать далеко на восток — в Иран, Афганистан, в центры торговли и караванных путей. Так, об экспорте льна через Каспийское море в Иран говорится в персидском сочинении «История Табаристана» (начало XIII в.) [17]. В нем упомянуты льняные одежды, которые завозятся (в том числе, вероятно, и из Руси) лишь в Табаристан и которых нет в других районах Ирана. Из этого же сочинения узнаем, что торговля шла по Волге из Булгара в город Саксин, расположенный в дельте Волги, близ Итиля, и из Саксина морем в город Амоль, расположенный на южном берегу Каспийского моря [18]. Насколько была развита эта торговля, можно судить хотя бы по тому, что в XII в. до 400 больших морских кораблей ежегодно осуществляли перевозки товаров между Саксином и Амолем. С Саксином торговали не только купцы из Табаристана, которые ездили вверх по Волге и достигали города Болгара Великого, но и купцы Баку, Дербента и Хорезма [19].

В X—XIII вв. велась, возможно, и посредническая торговля с Индией. Известным подтверждением этого является упоминание о земле русов и о русских товарах в ряде сочинений индийских писателей, географов и историков. Так, Масуд Сад Салман (XI—XII вв.), поэт из Лахора, говорит в своих стихах о боевых доспехах из земли русов. Более детальное знакомство с Древней Русью обнаруживает Мухаммед Авфиз (XIII в.), который пространно описывает торговый путь по Волге, Волжскую Болгарию и племена славян [20]. Седьмая глава сочинения Мубаракшаха Марварруди «Тарих-и Фахруддин» (1206 г.), одного из первых исторических трудов, написанных в Индии, содержит довольно подробные сведения о русах, об их

[15] А. Марков. Указ. соч., стр. 4—6.

[16] Там же, стр. 3—6.

[17] تاریخ طبرستان تالیف بها الدین محمد بن حسن بن اسفندیار تهران قسم اول صر۷۷ Беха ад-дин Мухаммед ибн Хасан ибн Исфендияр. История Табаристана, ч. I. Тегеран, 1941, стр. 77.

[18] Там же, стр. 80.

[19] Там же, ч. II, стр. 89.

[20] Р. М. Кемп. Bharat-Rus. An introduction to Indo-Russian contacts and travels from mediaeval times to the October Revolution. Delhi, 1958, p. 8, 34. Кемп отмечает, что «литература Декана знала русских задолго до времени путешествия Афанасия Никитина», и термин «Ros» встречается во многих индийско-персидских сочинениях (ibid., p. 35).

расселении и о реке Дарья-и-Рус (Волга) [21]. В трудах историка Амира Хусрау (начало XIV в.) говорится о привозе из Руси в Индию мечей, льна и льняного полотна («katan-i-rusi»), которое ценилось очень высоко и которое обычно жаловалось индийской феодальной знатью своим приближенным в виде почетного дара («khilat») [22]. Арабский географ XIV в. Шегаб Эддин (Шихаб ад-дин) также писал, что дорогие льняные одежды, доставляемые из русской земли, пользовались большим спросом в индийском городе Дели [23]. Это известие подтверждается находками на территории Владимиро-Суздальской Руси. Близ Переяславля Залесского в 1853 г. были найдены афганские монеты раджей Кабула с санскритской надписью [24]. Находка оказалась не единичной; в курганах близ Ростова были найдены такие же монеты [25]. Кабул (как и города Балх, Газна, Герат) был крупным центром караванной торговли с Индией. Караванная торговля шла не только через Кабул, но и через Северо-Восточный Афганистан — провинцию Бадахшан, которая граничит с Индией. На территории Владимиро-Суздальской Руси и в районе самого города Владимира найдена целая серия бадахшанских монет [26].

Вопрос о том, доставлялись ли русские товары в далекие страны Азии только купцами-посредниками — арабскими, еврейскими, среднеазиатскими — или также и русскими купцами, в настоящее время еще не поддается решению. Как бы то ни было, нумизматические находки не противоречат предположению о спорадических торговых связях между Владимиро-Суздальской Русью и Индией.

Восточная торговля Владимиро-Суздальской земли отразилась на внешней политике ее князей. Об этом свидетельствуют как походы владимирских ратей, направленные на овладение территорией Средней Волги, так и ряд договоров между Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Болгарией, устанавливающих мирные отношения. В 1221 г., напри-

---

[21] Ibid., p. 32.

[22] Ibid., p. 35.

[23] М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 72. Этот факт заимствован либо у арабского географа-энциклопедиста Шихаба ад-дин Ахмед ибн Яхйа ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашки (1301—1349), либо у историка, географа и также автора энциклопедии Шехаба ад-дин Абу-л-Аббас Ахмеда ибн али ал-Калкашанди (1355—1418). Поскольку сведения об Индии в сочинениях обоих ученых почти идентичны, можно предположить, что рассказ о льняных тканях принадлежит первому из названных авторов. См. подробнее: И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. «Избранные сочинения», т. IV. М.—Л., 1957, стр. 414, 416, 860 и др.

[24] А. Марков. Указ. соч., стр. 4.

[25] Там же, стр. 54.

[26] Там же, стр. 5.

мер, был заключен мир между Болгарией и великим князем Юрием, подтвержденный особым договором [27]. Летопись также сообщает, что подобный договор был заключен при отце Юрия — великом князе Всеволоде [28]. Подобные мирные отношения создавали условия для укрепления торговых связей.

Присутствие болгарских купцов, посредников в восточной торговле, во Владимире зафиксировано уже в третьей четверти XII в. Так, «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» наряду с греческими, «латинскими» и еврейскими купцами упоминает во Владимире и гостей болгарских [29].

Многочисленные русские купцы посещали Волжскую Болгарию. Возможно, там существовали русские колонии; некоторым подтверждением этого служит упоминание о существовании христианского кладбища в столице Волжской Болгарии — Болгаре Великом. Так, «святой» Авраамий был похоронен на кладбище, где «прочих христиан погребаху земле Болгарской» [30].

Импорт восточных товаров шел не только во Владимиро-Суздальскую землю, но и в другие города Руси: в Киев, Смоленск, Новгород [31]. Многочисленные восточные товары, видимо, закупались «немецкими» купцами у русских «низовских» купцов. В частности, ввоз восточных пряностей во Владимиро-Суздальскую Русь настолько усилился, что в XII в. новгородские купцы считали, например, перец одним из основных предметов торговли «низовского гостя» и брали с него пошлину наравне с серебром, восточным перцем. Так, в уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича находим: «А у гостя им имати: у низовьского от дву берковска вощаных полъгривне серебра да гривенка перцю...» [32]. Этот товар отправлялся в другие страны Европы, где высоко ценился.

Говоря о ввозе в Новгород восточных товаров, надо иметь в виду вообще широкий размах суздальско-новгородской торговли; из «Низовской» земли везли хлеб, лен, воск, мед. Показательно, что в 1215 г. Ярослав Всеволодович в одном лишь Переяславле Залесском захватил 150 купцов-новгородцев. В Торжке собиралось до двух тысяч купцов. Стремление торговать во Владимиро-Суздальской Руси отмечено и в догово-

[27] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стб. 128.

[28] Князь Юрий заключил мир «яко же было при отце его Всеволоде» (там же).

[29] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 591.

[30] Там же, т. VII, стб. 135 (ср. там же, т. I, вып. 2. Л., 1926, стб. 452); А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 60.

[31] О связях Волжской Болгарии с Новгородом и Киевом упоминает арабский географ X в. ал-Истахри (T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejow Słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, str. 267).

[32] «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 176.

рах 1266 и 1270 гг. Новгорода с князьями [33]. В конце 60-х годов XIII в. Новгород выхлопотал специальную грамоту от татарского хана Менгу-Тимура, предоставлявшую новгородцам право торговли на территории Владимиро-Суздальской Руси. Об этой грамоте упоминается в договоре от 1270 г.: «А гостью нашему гостити по Суждальской земле без рубежа по цареве грамоте» [34].

Владимиро-Суздальские князья, приглашенные на княжение в Новгород, иногда использовали свое положение для непосредственной торговли с иноземными купцами, минуя новгородцев. Так поступали князья Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич. Сосредоточивая в своих руках большое количество продуктов из личных «низовских» имений, получая большую прибыль в виде «мыта» натурой и деньгами от торговли в городах, князья имели возможность вести крупную зарубежную оптовую торговлю. Подобная торговля была в высшей степени невыгодна Новгороду. Из вышеупомянутого договора 1270 г. между Новгородом и великим князем Ярославом Ярославичем узнаем, что новгородцы требовали, чтобы он не имел связей с «немецким» подворьем и торговал с «немцами» лишь через посредничество Новгорода [35].

О торговле Новгорода с Востоком свидетельствуют находки восточных монет и монет волжских болгар. На территории бывших Новгородской, Олонецкой и Петербургской губерний было найдено около тридцати кладов восточных монет VIII—X вв., в том числе новоладожский клад, который состоял из семи пудов серебряной монеты [36]. Попадаются и отдельные находки восточных изделий. В Великих Луках, например, был найден восточный, вероятно, иранский, сосуд (IX—X вв.) [37].

В свою очередь на владимиро-суздальской территории неоднократно находили новгородские гривны: например в Переяславском уезде [38], в Тверском уезде между Волгой и Тмакою. Показательно, что в последнем кладе находятся гривны и новгородские, и киевские [39]. Подобный подбор драгоценностей показывает, насколько оживленно и разносторонне протекала суздальская торговля в то время.

---

[33] ГВНП, № 2 и 3, стр. 10—13.

[34] Там же, № 3, стр. 13.

[35] Там же; см. также: М. Березков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. «Зап. филол. фак-та СПб. ун-та», 1878—1879, стр. 230, 231 и др.

[36] А. Марков. Указ. соч., стр. 27—31.

[37] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 330.

[38] А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. «Труды нумизматической комиссии», вып. I. Пгр., 1921, стр. 15.

[39] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М., 1953, стр. 147, 148.

Проникали восточные товары и в соседние земли — Псковскую, Смоленскую, Полоцкую, Витебскую; на их территории также встречаются многочисленные находки восточных монет. Помимо частых находок восточных монет и монет волжских болгар (всего 24 клада) [40], в Смоленской земле были обнаружены при раскопках фрагменты шелковых восточных тканей, бронзовый светильник [41]. Вероятно, купцы Смоленска, Полоцка, Пскова и других городов торговали с восточными купцами на территории Владимиро-Суздальского княжества, а некоторые даже в Волжской Болгарии. Так, в районе Верхнего Поволжья найден клад, датируемый по монетам XI—XII вв. Судя по многочисленным серебряным вещам, он принадлежал купцу из Полоцка, торговавшему здесь с восточными купцами, у которых он приобрел арабский серебряный пояс и арабскую конскую сбрую [42].

Принимали активное участие в восточной торговле и западноевропейские купцы. Выше уже отмечалось присутствие «латинских» купцов во Владимире. В Рижской долговой книге мы находим прямое указание на пребывание немецких купцов во Владимире: в записях 1286 г. дважды упоминается немецкий купец Любберт из Суздаля [43]. Это не единичный случай поездки туда немецких купцов: из записи 1287 г. ясно, что купец Николай Волк тоже ездил в Суздальскую землю [44].

Немецкие купцы были весьма заинтересованы в торговле с Владимиро-Суздальской Русью. Когда в 60-х годах XIII в. произошел конфликт между князем Ярославом и новгородцами, то «немецкие» купцы получили грамоту (ярлык) от татарского хана на право свободной торговли. Грамота Менгу-Тимура разрешает свободную торговлю («гостю чист путь») немецким купцам («...Рижанам, и большим и молодым, и кто гостит, и всем...») на «своей волости» — Владимиро-Суздальской земле [45]. Понятно, что в Ригу поступали также и товары восточного соседа Владимиро-Суздальской земли — Волжской

---

[40] А. Марков. Указ. соч., стр. 41—44.

[41] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XVI ст. Киев, 1895, стр. 99.

[42] Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 40.

[43] H. Hildebrand. Das Rigaische Schuldbuch (1286—1352). St. Petersburg, 1872, S. 69: «Lubbertus de Susdale tenetur Godeschalco campsori VII mrc. arg., de quibus secundo loco post dominum Suederum ad hereditatem suam respectum habebit»; вторая запись: «Notum sit, quod hereditas Lubberti de Susdale domino Mauricio usque ad festum beati Mychaelis obligatur, hoc pacto videlicet, ut eam postmodum vendere possit, quando sibi placuerit».

[44] Ibid., S. 111: «Nycholaus, dictus Wolk, centum mrc. arg. cum tribus mrc. arg. et I fert., Pasche solvet anno LXXXVII. Idem antedictus Nycholaus se adhoc obligavit, quod terram Susdale non intrabit».

[45] ГВНП, № 30, стр. 57.

Болгарии: в «Рижской долговой книге» находим запись о «двойных болгарских кусках» воска [46].

Несмотря на значительный урон, который был причинен нашествием татаро-монголов восточной торговле, она не прекратилась окончательно, волжский путь не потерял своего значения. Русские купцы продолжали вести торговлю в низовьях Волги. Послы египетского султана к монгольскому хану в 1263 г. отмечали, что на Нижней Волге «постоянно видны плавающие русские суда» [47].

Рассмотренный выше материал дает основания утверждать, что Владимиро-Суздальская Русь не только сама вела значительную восточную торговлю, но и выступала в качестве посредника в торговых связях с Востоком некоторых других русских земель. Говоря об известной специализации товаров, вывозимых в страны Востока, нельзя не отметить вывоза льна. Хотя Владимиро-Суздальская земля не являлась единственным производителем льняных изделий, тем не менее, она была главным поставщиком льняного полотна восточным купцам.

* * *

Dans l'histoire des relations internationales de la Russie durant la période du morcellement féodal, une place importante revient aux relations de commerce et de politique extérieure de la principauté de Vladimir-Souzdal. Les sources écrites ainsi que les données archéologiques et numismatiques permettent d'affirmer que la terre de Vladimir-Souzdal entretenait des relations commerciales avec la Transcaucasie, l'Iran, l'Asie Centrale et, peut-être, l'Inde. L'importation des marchandises orientales se faisait par le territoire de la terre Vladimir-Souzdal et s'étendait également aux autres villes de la Russie: Kiev, Novgorod, Smolensk. Une part active dans le cemmerce avec l'Orient revenait également aux marchands d'Europe Occidentale qui venaient à Novgorod et à Vladimir pour y acheter des marchandises orientales. De leur côté, les marchands de Vladimir et de Souzdal se rendaient à Riga pour y faire un commerce analogue. Le commerce par la voie de la Volga à la Caspienne continuait toujours dans la seconde moitié du XIII-e siècle, après l'invasion tatare.

En parlant de la confection spécialisée des marchandises exportées de la Russie de Vladimir-Souzdal, on ne peut omettre l'exportation de la toile de lin et des articles de lins qui, ainsi que les autres marchandises russes, étaient. très appréciés sur les marchés de l'Orient.

---

[46] H. Hildebrand. Op. cit., S. 45, 46.

[47] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 63.

А. В. Флоровский

ЧЕШСКО-РУССКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ X—XII вв.

Семьдесят лет назад появилась скромная по размеру и оформлению статья В. Г. Васильевского, посвященная древней торговле Киева с Регенсбургом [1]. Эта небольшая работа стала надолго важным пособием при изучении одного из направлений торговых отношений Руси с европейским Западом, и ссылки на нее повторяются в любом исследовании по этой истории вплоть до наших дней. А когда в 1905 г. эта статья была опубликована по-немецки в издании Исторического общества в Регенсбурге, она прочно вошла в оборот и в западноевропейской научной литературе. Эта статья действительно интересно и серьезно информировала читателей и историков о древнейших торговых отношениях русского Приднепровья с немецким Верхним Подунавьем и открывала важные перспективы изучения экономических русско-баварских отношений.

За истекшие со времени выхода в свет этой статьи В. Г. Васильевского десятилетия накопилось немало нового материала, значительно расширилась источниковедческая база, выяснилась возможность использовать новые источники — восточные, археологические, нумизматические, изменились самые предпосылки изучения экономической истории Киевской Руси, использованный В. Г. Васильевским материал получил новое истолкование и т. д. Ввиду этого понятны возможность и необходимость проводить новые пересмотры поставленной Васильевским проблемы в соответствии с современным состоянием источников и научной методологии.

Данный очерк имеет своею задачей сделать подобный пересмотр вопроса в той его части, которая касается экономиче-

[1] В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, ч. CCLVIII, 1888, июль, стр. 121—150.

ских отношений Киевской Руси с Чехией; «регенсбургская проблема», впрочем, неизбежно займет и здесь известное место, поскольку русско-чешские торговые отношения трудно было бы изолировать в целом от торговых связей самой Чехии с Регенсбургом, с Верхним Дунаем вообще. В то же время мы рассматриваем этот наш очерк и как дань признания и уважения к работе замечательного русского ученого В. Г. Васильевского (1838—1899), одного из создателей лучших научных традиций досоветской русской византинистики и медиевистики.

Современные взгляды на Древнюю Русь существенно отличаются от тех воззрений, которые пользовались едва ли не всеобщим признанием в науке в конце XIX в. и первые десятилетия нашего столетия. Работами советских ученых, в особенности исследованиями покойного Б. Д. Грекова, был доказан феодальный характер общественного строя Киевской Руси. Нашло правильное объяснение и то обстоятельство, что Русь поддерживала широкие внешнеторговые связи, а участие ее господствующего класса в международном торговом обороте занимало важное место в общих перспективах древнерусской хозяйственной истории. Киевская Русь играла крупную роль в международной торговле в разных направлениях — и на юг (Византия, Балканы), и на восток (хазары, Волга, Кавказ), и на север (Прибалтика, варяги), и на запад (Средняя Европа).

Нас будут занимать торговые связи Киевской Руси с Чехией, т. е. одно из слагаемых западного направления русской внешнеторговой деятельности. Это западное направление остается обычно несколько в тени при характеристике экономических отношений Древней Руси по сравнению, например, с направлением южным (русско-византийским) или восточным (русско-хазарским, русско-волжским и т. д.), что объясняется в известной мере скудостью и сложностью источников. Отношения Киевской Руси с Чехией до недавнего времени оставались вообще как-то вне внимания историков и не получали достаточно места в общей схеме международных отношений Древней Руси. В последние два-три десятилетия в этом деле достигнуты значительные успехи. Позволю себе сослаться на мою книгу «Чехи и восточные славяне» (том первый с главами о Киевской Руси вышел в 1934 г.), где собрано немало соответствующего материала и можно найти подробные данные о предшествовавшем изучении этого вопроса. Обильный дополнительный материал сведен в первой главе моей книги «Československé obchodni styky v minulosti (X—XVIII století)». Praha, 1954. В последующие годы по этому вопросу вышел в свет еще ряд работ, которые подтверждают заключение о росте

интереса к проблеме участия Древней Руси в торговых отношениях с Чехией в X и последующих веках [2].

Торговые связи между Киевской Русью и Чехией с Моравией в X и последующих веках развивались в сочетании со связями политическими (династическими) и культурными. Не входя здесь в обсуждение возможности подобных связей еще в эпоху существования и развития Великоморавского государства в IX—X вв., о чешско-русских взаимоотношениях в X—XII вв. можно говорить уже с полной определенностью. В памяти русских современников эта связь Киевской Руси с Чехией была совершенно ясной, а некоторые памятники тогдашней письменности подтверждают это с абсолютной бесспорностью. Известные слова Повести временных лет под 996 г. о том, что киевский князь Владимир I жил в дружбе с «окольными» князьями венгерским, польским и чешским «Андрихом», отражают, конечно, не только добрососедские отношения Владимира Святославича (умер в 1015 г.) с князем Чехии Ольдржихом (умер в 1034 г.) [3], но и более старые формы этих русско-чешских взаимоотношений. Именно в этой связи нужно учитывать сообщение Повести временных лет о занятии киевским князем в 981 г. так называемых червенских городов и Перемышля к востоку от верхнего течения Вислы. Как бы ни толковать это сообщение летописи в смысле прежней принадлежности этих городов «ляхам», чехам, бужанам или хорватам, как бы ни восстанавливать вероятное первоначальное чтение этого рассказа [4], несомненно, что Владимир I продви-

[2] В целях экономии места в настоящей статье не делаются подробные и полные ссылки на источники и литературу, использованные и цитированные в названных выше моих работах, но приводятся указания лишь на не упомянутые там новые материалы и исследования по занимающему нас вопросу. См., например, B. Widera. Die wirtschaftliche Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI. Jahrhunderts. «Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Völkern der Sowjetunion». Berlin, 1954, S. 3—39; в советской литературе о чешско-русской торговле некоторую общую сводку дает А. И. Виноградова («Чешский город в XIV — начале XV в.». КСИС, вып. 14, 1955; ее же. К вопросу о возникновении городов в Чехии. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. X, 1954, стр. 408—412, ср. Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избранные труды, т. 2. М., 1959, стр. 388—389); R. Holinka. K česko-ruskym vztahům v X. stoleti. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», ročník II, č. 2—4. Brno, 1953, str. 220 a n.; I. Pfaff, V. Závodský. Tradice česko-ruskych vztahů v dějinách. Praha, 1957, str. 18—20.

[3] Ср. скептические соображения о достоверности и датировке летописного сообщения 996 г.: A. F. Grabski. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi v początkach XI wieku. «Slavia Orientalis», R. 6. Warszawa, 1957, str. 164 i nast.

[4] Недавняя гипотеза В. Д. Королюка нам не представляется вполне убедительной; она встретила несогласие и со стороны некоторых других исследователей. Ср., например: A. F. Grabski. «Повесть временных

нул тогда границы владений Киевского княжества чуть ли не вплоть до верховьев Вислы, где, как известно, в то время заканчивались владения пражских Пржемысловичей, проходили (правда, недолго, лишь до 999 г.) границы Чешского государства. Во всяком случае именно здесь могли возникнуть непосредственные территориально-политические и иные контакты между Чехией и Русью, переживавшими время интенсивного политического и культурного роста.

Именно в этой обстановке сближения между Чехией и Русью надо искать объяснение появления двух чешек среди жен киевского князя Владимира. Конечно, очень соблазнительно видеть в этих чешках представительниц владетельной фамилии, в той или иной степени близких к самому главе Пржемысловичей. Позже, в XI—XII вв., такие браки между членами русского княжеского дома и Пржемысловичами не были редкостью. Так, возможно, что дочь Изяслава Ярославича в 1075 г. вышла замуж за князя моравского, в 1132 г. князь брненский Вратислав женился на русской княжне, может быть, дочери теребовльского князя Василька, а в 1143 г. новгородский князь Святополк Мстиславич женился на одной из моравских же княжен, скорее всего, близкой родственнице князя Оты III, нашедшего именно на Руси в 1126 г. и позднее убежище от враждебного ему князя Собеслава Чешского, и т. д.

Все эти факты, восстанавливаемые на основании анализа скупых источников, бесспорно свидетельствуют, что между княжеским домом Киевской Руси и династией Пржемысловичей были постоянные связи. За ними естественно предпола-

---

лет», jako źródło do dziejów Polski w swietle nowszej literatury. «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego». Warszawa, 1955, 1—2 (10—11), str. 260—267; H. L u d a t — «Historische Zeitschrift», Bd. 177, H. I. München, 1954, S. 182. Нам не кажется достаточно основательной недавняя попытка польского историка Ст. Кучиньского совсем отвергнуть историческую достоверность летописного рассказа о занятии князем Владимиром так называемых червенских городов. Даже отрицая наличие враждебных отношений между Владимиром и «ляхами» в конце X в., нужно все же считаться с полной фактической правдоподобностью основы летописного сообщения 981 г. о расширении границ Руси на запад в сторону Днестра и Сана, и никак не может опорочить этот рассказ последующая более точно известная история червенских городов в рамках польско-русских отношений. Сомнительна и возможность лишь позднейшей вставки в интересующий нас текст имени Перемышля (вместо Перемиля у Червена). Ср. St. M. K u c z y ń s k i. O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom w związku s początkami państwa polskiego. «Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego», r. 4 (1949). Wrocław, 1952, str. 114—122; e g o ж e. O powstaniu wzmianki z roku 981 w «Powieści lat doczesnych». Ibid., r. 8 (1953) dodatek 6. Wrocław, 1955, str. 1—13; e g o ж e. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII. «Slavia Orientalis», r. 7, z. 2. Warszawa, 1958, str. 223—255.

гать известную политическую основу сотрудничества, которым было затронуто и княжеское окружение — боярство, воинство и т. п.

В старой чешской (по преимуществу легендарной) генеалогической традиции не раз упоминаются связи чешской знати с русской княжеской средой. Так, русский корень приписывается роду Рыжмберков, от русской княжеской семьи ведет начало и знаменитый моравский дом Жеротинов. Правда, каждый старинный генеалог, занимавшийся этими родами, по-своему изображал русско-чешские первичные связи, но интересно, что именно в этой области искались корни знатных семей; род Жеротинов, например, через русское звено вел свое начало от греческих императоров, что повторял и Я. А. Коменский, ссылавшийся на несохранившийся труд о древностях Моравии и на «Annales vetustissimi Russorum» [5].

Чешские воины очень часто привлекаются в XI и особенно в XII в. к участию в русских междукняжеских спорах и конфликтах; русские летописцы той поры нередко отмечают их присутствие на Волыни, в Киевщине и в иных краях Руси.

Не менее важно учесть и известные факты культурных чешско-русских отношений. В этой области Киевскую Русь и Чехию с Моравией сближала их этническая общность, а также то, что они принадлежали в X—XI вв. к сфере церковно-славянской богослужебной и письменной традиции, своими корнями уходившей в старую великоморавскую, кирилло-мефодиевскую культурную основу. Уже на этом первичном этапе мораво-паннонского культурного развития между русскими славянами и обитателями чехо-моравских просторов налаживался известный контакт, который затем сохранил свою силу и приобрел новые формы. Примечательно, что именно на русской почве и в русском письменном наследии сохранились чешские памятники церковно-славянской письменности и литера-

[5] Свою роль в этих генеалогиях играло то обстоятельство, что в ряде чешских родов (Дрславичей, Рыжмберков, Чернинх) в XI и последующих веках было в обороте имя или прозвище Рус, которое, едва ли имея по своему первичному смыслу этническое значение (например русый в противопоставлении черному), приобретало его в родовой традиции и в генеалогических вымыслах. Ср. А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935, стр. 71; M. Kolař, in: «Památky Archeologické», VIII. Praha, 1928, str. 81; Zd. Kalista. Královský Koniši Černin (1197—1212). «Časopis společnosti přátel starožitnosti českych», XXXVII (1928). Praha, str. 56; Calin de Marienburg. D. F., Virtus leonina (генеалогия Жеротинов). Viennae, 1683, p. 2—4, 14 sq., 17, 32; на стр. 16—17 — генеалогическая таблица [по Кругериусу (Clenodia sive Cimelia) и по Папроцкому]; ср. Th. J. Pessina de Czechorod. Mars Moravicus... Pragae, 1677, p. 230 sq. (о русском князе Олеге в Моравии в X в.).

туры (преимущественно агиографического характера) или же переводные с латинского. Имена чешских святых князя Вацлава и княгини Людмилы стали своими в русской среде (во всяком случае уже в XI в.), а чешская церковная среда тогда же усвоила культ первых русских святых Бориса и Глеба. Политические и династические отношения, проникновение чешских воинов на Русь и русских людей в чешскую среду, а также культурные связи создавали живую ткань чешско-русского общения.

Понятно, что в условиях феодализма эти отношения не всегда развивались по линии дружбы и солидарности; порою возникали расхождения и конфликты. Сто́ит вспомнить известный поход Владимира Мономаха в 1076 г. против Чехии, когда русские князья достигли ее границ, действуя совместно с польскими князьями. Эти русско-польско-чешские княжеские конфликты могли временами серьезно осложнять отношения, однако они не могли устранить стремления к обмену культурными ценностями. Именно в этой более широкой перспективе становятся убедительными немногочисленные, к сожалению, свидетельства источников о русско-чешской торговле.

Уже первое свидетельство источников, вызывающее до сих пор сомнения, взятое в более широком контексте, приобретает бо́льшую ясность и бесспорность. Мы имеем в виду известное положение Раффельштеттенского мытного устава начала X в., регулировавшего торговые права и обязанности торговцев на Верхнем Дунае. Там говорится о купцах, приходящих сюда из страны «Ругов» и «Боеман» («de Rugis vel de Boëmanis») и доставляющих мед, воск и рабов. Следует, однако, еще преодолеть скептицизм многих (особенно западноевропейских) исследователей относительно смысла приведенных данных. Недавняя попытка австрийского автора Цёллнера истолковать упоминание Ругов в этом тексте как реминисценцию ругов времен Одоакра V—VI вв., т. е. обитателей Австрии, нам представляется ошибочной, ибо трудно допустить, чтобы законодатель при определении прав и обязанностей известной категории людей — торговцев — применял термин, уже в его время звучащий лишь как историческое воспоминание: такое употребление полузабытого термина могло лишь затуманить дело, а никак не разъяснить и уточнить правовую формулу мытного устава. Законодатель мог употребить то или иное имя лишь в смысле конкретной реальности его времени, и здесь неизбежно возникает аналогия между именами «Русь» и «Ругия». Для начала X в. мы не имеем прямого примера их отождествления, но уже с середины этого столетия такое отождествление в письменной немецкой традиции становится обычным, и есть все основания датировать эту практику уже

началом X в. А если это так, то мы получаем драгоценное свидетельство о том, что уже в начале X в. купцы из Руси и Чехии совместно выступали на верхнедунайском рынке как поставщики известных сортов товаров, типичных для тех хозяйственных условий, в каких жила и развивалась Русь: мед, воск и рабы были типичными товарами восточноевропейского торгового оборота, находившими, очевидно, сбыт уже в начале X в. и в Чехии, и через нее на Верхнем Дунае, в Регенсбурге и т. д.

Следующее по времени свидетельство источников о торге Руси со Средней Европой тоже не является совершенно бесспорным, правда, не столько в своем существе, сколько в отношении того, кто именно выступал активной стороной в контакте между Восточной Европой и Чехией, Прагой. Мы имеем в виду известное свидетельство еврейского путешественника Ибрагима ибн Якуба от 966 г. Говоря о Чехии и Праге, Ибрагим ибн Якуб упоминает о том, что в Прагу из Кракова приходили торговцы — русы и славяне, привозившие разные товары, в том числе и рабов. Здесь критика останавливает свое внимание как на раздельном обозначении русов и славян, участников этого торга, так и на появлении их из Кракова. В связи с убеждением в широком участии норманского элемента в создании русской, а может быть, и польской, государственности и убеждением в том, что имя «Русь» относилось именно к этим норманским воителям и предпринимателям, некоторые авторы готовы признать участие северогерманских «русов» в этом торге в Праге, а самый Краков рассматривать как норманскую политическую и экономическую базу [6]. Если учесть, что раздельное обозначение «русов и славян» у авторов X в. (например, у Константина VII Порфирородного и некоторых арабских писателей) было довольно обычно, нет необходимости непременно искать этих «русов» в Северной Европе, ибо в это время Русь и русские уже весьма активно создавали крупное средоточие восточнославянской политической жизни на Днепре. Русы и славяне Ибрагима ибн Якуба одинаково шли в Прагу, при этом везли свои товары через Краков — один из главных пунктов на пути между Прагой и Киевом.

Краковская область в верхнем течении Вислы находилась во второй половине X в. в сфере интересов Чехии, которая, несомненно, владела этой областью до 999 г. Следует учесть и

[6] Ср. трезвый пересмотр этих догадок: H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, особенно str. 31 и сл.; ср. несколько скептических соображений о связях Галичины с норманнами северным путем в работе археолога Я. Пастернака (см. о ней: М. Андрусяк, в «Analecta ordinis Sancti Basilii Magni», t. II, fasc. 1—2. Romae, 1954, p. 287—288).

факт присоединения к Киевской области червенских городов в 981 г. Не останавливаясь на вопросе о точной датировке этих событий, нужно признать, что оба эти обстоятельства не могли не быть связаны и с экономическими взаимоотношениями Праги и Киева. Теперь, хотя бы и на короткий срок, пришли в соприкосновение земли Чехии и Руси, и торговый путь, который шел, по словам Ибрагима ибн Якуба, через Краков, приобретал особое значение. Не исключено, что самое распространение власти Праги в сторону Кракова и нажим Владимира I на червенские города в направлении Вислы могли определяться и экономическими расчетами, стремлением овладеть торговым путем Прага — Киев с обеих сторон для создания непосредственной торговой связи[7]. Прага — Краков — червенские города (рядом с ними особенно Перемышль на Сане) — Киев — вот прямая линия этого торгового общения, оказавшаяся на несколько десятилетий X в. в руках двух ставших соседями славянских государств.

Вспомним еще одно свидетельство — первого летописца Польши Анонима Галла. Рассказывая о древней Польше, он заметил, что эта страна, именно Малая Польша, лежит в стороне от больших путей и редко кем посещается — разве лишь теми, кто едет ради своих торговых дел на Русь. Значит, через Малую Польшу лежал торговый тракт, очевидно, с запада на восток, на Русь; этот путь как раз и совпадает с намеченной нами линией Прага — Краков — Перемышль — Киев.

Перемышль, как видим, был в те времена важным звеном единой цепи торговых связей. И как раз сравнительно недавно это обстоятельство получило новое подтверждение в связи с использованием старого, но забытого средневекового еврейского источника. В сохранившемся в традиции XII—XIII вв. сочинении одного из талмудических ученых первой половины XI в. имеется сообщение о захвате в Перемышле во время смуты в плен двух еврейских детей; один ребенок был затем отведен в Прагу для продажи. Это сообщение подтверждает, что Перемышль и его население имели прямой торговый контакт с Прагой, куда (на рынок невольников) могли отвозить и пленных из Перемышля[8].

---

[7] Ср. T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, str. 148 i nast.; его же, в кн.: A. Czapkiewicz, T. Lewicki, S. Nosek, M. Opozda-Czapkiewicz. Skarb dirhemów arabskich z Czechowa. Warszawa — Wrocław, 1957, str. 247, 259; ср. Fr. Dvornik. The making of Central and Eastern Europe. London, 1949, p. 90, 302 sq.

[8] Ср. комментарий к этому еврейскому тексту, впервые широко использованному при изучении истории Древней Руси Ю. Бруцкусом (1927), в исключительно ценной польской сводной работе. Fr. Kupfer i T. Lewicki. Źródła hebrajskie do dziejow słowian i niektórych innych ludów

Настаивая на исторической достоверности указанного выше направления чешско-русского торгового контакта, мы не можем не признаться, что на пути к принятию этого тезиса стоят известные препятствия археологически-нумизматического характера. При изучении торговых связей Древней Руси с арабским Востоком, Закавказьем и Средней Азией, с одной стороны, и с Прибалтикой и Скандинавией, с другой, мы имеем возможность опереться на такое важное обстоятельство, как локализация находок монетных кладов с восточным серебром (дирхемами). Со времени выхода замечательной книги П. Савельева этот материал все более растет и сохраняет, как показывают новейшие труды, свою доказательную силу[9]. Очевидно, в X—XI вв. арабское серебро играло крупную роль во внутренних торговых отношениях в Восточной Европе и являлось показателем внешних торговых сделок. Казалось бы, арабское серебро должно обнаружиться и на путях из Восточной Европы на запад, т. е. и на пути Киев — Прага, как постоянный и непременный спутник торговых сношений. Однако в данном случае дело обстоит как будто иначе, и это давало основание некоторым исследователям отрицать существование чешско-русской торговли или во всяком случае недооценивать ее.

Этот скептицизм подкреплялся тем, что западное и чешское серебро также не проникало на Русь в X—XI вв., хотя оно постоянно присутствует в многочисленных находках к северу от Чехии в сторону балтийского побережья.

В самом деле, мы утверждаем, что существовало живое торговое общение между Киевской Русью и Верхним Дунаем, а между тем регенсбургских монет не находят на территории Руси, во всяком случае Руси Южной, и цепочка их находок идет от Верхнего Дуная через Чехию на север по Одре и далее к Балтийскому морю. Чешское серебро в X—XI вв. было одним из крупных элементов денежного обращения Средней и Северной Европы. Однако оно проникало на Русь не путем Прага — Краков — Перемышль — Киев, интересующим нас, а через Прибалтику и затем от Рижского и особенно Финского залива в северные и северо-западные области Восточной Европы. В этом легко убедиться, взглянув на карту находок чешских динаров. В массе западноевропейского серебра они при-

---

Środkowej i Wschodniej Europy. Wrocław — Warszawa, 1956, str. 41 i nast., 158—159, 272 i nast.; ср. T. Lewicki. Źródła arabskie..., t. 1, str. 147 i nast.

[9] Ср. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; ср. В. Л. Янин. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси. ВИ, 1955, № 8, стр. 135—142.

сутствуют в незначительном количестве. Этот факт говорит о том, что чешские динары не использовались на Руси в качестве самостоятельной платежной единицы. Их нельзя рассматривать и как непременное свидетельство торговых сделок [10].

Эти фактические указания надлежит в полной мере учесть. И все же дело обстоит не так печально с нашим тезисом о торговле в направлении Прага — Киев через Краков — Перемышль. Это признал и замечательный чешский нумизмат и историк Г. Скальский.

В последнее время произошли некоторые существенные изменения в локализации находок арабских дирхемов в Восточной Европе, в Польше и в Чехии. Если еще несколько лет назад таких находок в Чехии и Моравии, по существу говоря, не было (нельзя же было принимать в расчет два-три обломка дирхемов, найденные в Праге!), то теперь мы располагаем для Моравии большой находкой арабских дирхемов в Кельчи — как раз на торговом пути из Моравии на север в сторону Кракова, т. е., возможно, на одном из путей, примыкавших к нашей большой дороге Прага — Краков — Киев [11]. С другой стороны, теперь имеется ряд находок и на территории Польши

---

[10] В приложенной к моей книге 1954 г. («Česko-ruské obchodní styky v minulosti...») карте нужно сделать теперь несколько поправок и дополнений. Находка, отмеченная в северо-восточном углу Ладожского озера, в действительности должна быть указана у юго-восточного угла. Это еще до сих пор в печати подробно не описанная находка у дер. Вихмязь на р. Паше; здесь среди 13 990 западноевропейских монет было обнаружено 10 чешских динаров XI в. Я чрезвычайно благодарен руководству Нумизматического отдела Гос. Эрмитажа в Ленинграде за сообщение мне точных сведений об этой находке 1933 г. У Ладожского же озера (в Лодейном Поле) в 1949 г. были найдены в кладе начала XII в. три чешские монеты первой половины XI в. (см. А. А. Маркова. Третий Лодейнопольский клад средневековых западноевропейских монет. «Нумизматический сборник», вып. 2. М., 1957, стр. 134 и сл.). Недавно было найдено около 25 чешских динаров середины XI в. в Минской области (Копыльский район); шесть экземпляров поступило как подарок в коллекцию Нумизматического отдела Национального музея в Праге. В общем число найденных на территории Советского Союза чешских серебряных динаров теперь составляет около 100 экземпляров. Ср. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., стр. 154—156. Это число значительно возросло после новой находки в белорусской деревне Дегтяны, где, по газетным сообщениям, среди 246 монет преобладают чешские X—XI вв. Однако и эта находка говорит о северном пути проникновения чешского серебра в Восточную Европу.

[11] Ср. «Nálezy minci v Čechách, na Moravě a ve Slezsku», D. II. Praha, 1956, str. 21 (№ 1473), 54 (№ 1652); I. Štepková. Islámské stříbro z nalezu v Kelči na Moravě. «Numismatický Sbornik», IV. Praha, 1957 str. 78 i nast.; ср. P. Radoměrský. Poklad Komárovský. «Časopis Slezského Musea», V. Opava, 1955 (о находке западноевропейских монет на том же пути, что и кельчский клад).

в этом же и восточно-западном направлении — у Люблина, Перемышля и на р. Сан [12].

Едва ли можно, учитывая все данные о торговых путях, ограничиться лишь допущением, что эти находки свидетельствуют или о проникновении торговцев с Востока и из Киевской Руси в края добычи соли в Галичине (но не далее на запад), или же об ориентации торговых интересов с русского Востока через Люблин на Среднюю Вислу и далее к южному балтийскому побережью [13]. Возможно, что уже тогда — в X—XI вв.— путь через Люблин шел и к течению Одры, к Вроцлаву, который играл такую важную роль в торговых связях Чехии с Польшей и с землями к востоку от нее, например в XIV в. и, конечно, ранее (ср. Плано Карпини). И как бы сравнительно редки ни были еще эти находки арабских монет в этом западном направлении восточноевропейской торговли, все же нельзя никак пренебрегать ими и не видеть в них хотя бы и менее красноречивое, чем находки дирхемов в самой Восточной Европе, подтверждение реальности этого торгового пути с русского Востока на среднеевропейский Запад. Во всяком случае эти нумизматические находки позволяют значительно ослабить державшееся ранее прочно в науке польской (Р. Якимович) и чешской признание лишь северных (балтийских) торговых связей между Востоком и Средней Европой (ср. данные о роли силезского Ополе на торговом пути Киев — Краков — Ополе — Кладзко — Чехия).

Нумизматическо-археологические данные о северном направлении чешской торговли позволяют предполагать, что Чехия поддерживала торговлю и с Северной Русью через Великую Польшу (где арабских находок больше, чем в Польше Малой), и далее, возможно, по Бугу (Дрогичин) [14], Неману, через Минск — Гродно и, наконец, Псков — Великий Новгород. Общая ориентация чешской торговли в северном — великопольском и балтийском — направлении делает вероятной и эту северную чешско-русскую торговую связь.

Торговый контакт Чехии с Восточной Европой не ограничивался лишь направлением на Днепр, но развивался и иным путем, а именно на Нижний Дунай. Сейчас было бы напрасно вновь поднимать вопрос о том, действительно ли политическое

[12] О важном кладе в предместье Люблина Чехове см. «Skarb dirhemów...», str. 237 i nast., 257—258, 269—270.

[13] Ср. «Skarb dirhemów...», str. 247.

[14] Ср. T. Lewicki. Znaczenie handlowe Drohiczyna nad Bugiem we wczesnym średniowieczu i zagadkowe plomby ołowiane znalezione w tej miejscowości. «Kwartalnik historii kultury materialnej», r. IV, № 2, Warszawa, 1956, str. 289—297; A. F. Grabski. Studia..., str. 174—175; W. Szymański. Kontakty handlowe Wielkopolski w IX—XI wieku. Poznań, 1958, str. 73—74.

и экономическое влияние Киевской и Галицкой Руси простиралось вплоть до нижнего течения Дуная. Русские позиции на Дунае в тот период сейчас не подвергаются сомнению. И вот в этой области русские источники отмечают налаживание торгового контакта Руси и с Чехией. Стóит вспомнить знаменитые слова Святослава Игоревича, записанные в летописи под 969 г., о том, что на Дунае «вся благая сходятся». Едва ли это значит, что, например, в Киеве эти и иные заграничные «блага» уже совсем не «сходились», как склонен допускать В. Л. Янин [15]. Среди этих «благ» оказываются и товары из Чехии и Венгрии (серебро и кони). Вполне возможно, что кони шли сюда главным образом из Венгрии, хотя могли вывозиться и из Чехии, но серебро было, скорее всего, чешского происхождения, так что не лишена некоторого основания догадка одного русского нумизмата (Н. Бауера), что русские гривны той поры отливались и из чешского серебра.

Об этой чешской торговле с русскими на Нижнем Дунае имеется и несколько более позднее свидетельство грамоты князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Эта грамота вызывает споры и сомнения. Она известна в двух несходных в некоторых частях текстах, изданных в середине XIX в.; оригинал остается неизвестным. Ввиду этого самый текст грамоты не может быть признан исправным и вполне надежным и требует серьезной проверки со стороны языка и конкретных фактов. Но историческое ее содержание не подложно, оно соответствует другим достоверным данным бесспорных свидетельств, поэтому мы имеем право обращаться к этой грамоте как к надежному источнику [16]. В частности, мы можем использовать любопытное указание грамоты на то, что на Нижний Дунай в город Берлад и в Малый Галич (т. е., скорее всего, Галац) привозили товары и из Чехии (грамота определяет порядок оплаты сборов с них и т. п.). Грамота Ивана Берладника исторически перекликается со словами князя Святослава и в свете их получает свое обоснование.

Мы не можем точно установить, какими путями шли чешские товары на Нижний Дунай. Едва ли они направлялись по течению Дуная на всем его протяжении; скорее, они шли через Венгрию и затем, думается, по основной магистрали: Чехия —

---

[15] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., стр. 11; T. Lewicki. Źródła arabskie..., t. I, str. 146.

[16] Ср. В. В. Мавродин. Русские на Дунае. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», серия гуманитарных наук, № 87, 1943, стр. 9—10; ср. E. Frances. Slavii pe pămîntul patriei noastre în veacul al XII-lea. «Studii. Revistă de istorie», anul 8, № 3. Bucureşti, 1955, p. 65—80; J. Barnea. Byzanc, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X-e au XIII-e siècle. «Nouvelles études d'histoire...» Bucarest, 1955, p. 169—180.

Краков — Перемышль, откуда могло быть ответвление пути на Буковину, Закарпатскую Украину и т. д., поскольку можно проследить цепочку находок арабских дирхемов от Перемышля через южные склоны Карпат на Станислав, Коломыю и Хуст в Закарпатье.

Вполне возможно, что именно в этом направлении развивалась торговля Чехии и с Византией [17]. Чешско-византийская торговля могла проходить и на Нижнем Дунае (по словам Святослава, сюда, в Переяславец, из Византии доставлялось золото, шелка и вина, из Руси — меха, воск, мед и др., а из Чехии и Угрии — серебро и кони), и затем на мораво-паннонской и чехо-моравской территории [18]. Это позволяет включить занимающие нас чешско-русские торговые отношения X—XII вв. в более широкую перспективу международных экономических связей. Путь Прага — Краков — Киев приобретает в таком случае транзитное значение с далекими восточноазиатскими перспективами. Еврейско-арабское торговое посредничество в этом смысле является весьма показательным [19].

Нужно полагать, что русский рынок был связан со среднеевропейскими центрами еще иным путем, а именно через Венгрию. Это направление, вероятно, отклонялось от магистрали Киев — Перемышль — Краков где-либо в Галиче и затем включалось в систему путей со Среднего Дуная, скорее всего, от Эстергома на запад через Словакию (Братислава, Нитра), Моравию и Чехию или через Австрию и Баварию, в Регенсбург. Свидетельство XI—XII вв. о пути едущих в Регенсбург через Угрию еврейских купцов [20] перекликается с документальными данными более позднего времени, с известным Эстергомским тарифом 1288 г., где упоминаются — рядом с чешскими, польскими и др.— купцы, «идущие из Руси», везущие типично русские товары — меха, рабов и др. Дата этого

---

[17] Ср. H. Evert-Kappesowa. L'etat et l'avenir des etudes byzantines en Pologne, BS, an. 19, № 2, 1958, p. 229.

[18] Ср. соображения Т. Левицкого: Fr. Kupfer — T. Lewicki. Źródła hebrajskie..., str. 45 i nast.; ср. L. Glaser. Der Levantehandel über Ungarn im 11. und 12. Jahrhundert. «Ungarische Jahrbücher», Bd. XIII. Berlin — Leipzig,1933, S. 356—363.

[19] Ср. R. Holinka. Op. cit.; Fr. Kupfer — T. Lewicki. Źródła hebrajskie..., особенно str. 42—43, 50—51, 66 i nast.; 70 i nast.; 118 i nast.; 132, 146—147, 154—155, 165, 166; подробности о дороге Испания — Китай через Восточную Европу см. T. Lewicki. Źródła arabskie..., t. I, str. 98 i nast.; 118 nast.; 141—152, 301 i nast., особенно комментарий к Ибн Хордадбеху; «Skarb dirhemów...», str. 237 i nast.

[20] Ср. Fr. Kupfer — T. Lewicki. Źródła hebrajskie..., str. 67 i nast., здесь наши указания на документ 1288 г. не учтены, хотя они прямо подтверждают предположение. Т. Левицкого (ср. T. Lewicki. Źródła arabskie..., t. I, str. 310).

документа не должна нас смущать. Видимо, традиции торговых отношений и их формы оказывались весьма живучими.

Рассмотренные литературные и нумизматические данные о русско-чешской торговле в X—XII вв. могут быть подтверждены археологическими материалами о составе русско-чешского обмена. Письменные и вещественные данные иллюстрируют лишь участие русской стороны в этой торговле; предметы чешского вывоза на Русь не поддаются такому определенному установлению, если не считать приведенных выше свидетельств о чешском серебре.

И Раффельштеттенский мытный устав начала X в., и Ибрагим ибн Якуб в 966 г. говорят о составе русского вывоза в Чехию и на Верхний Дунай. Их показания вполне соответствуют общим данным о хозяйственной жизни Руси. Из Руси на Запад шли в значительном количестве прежде всего продукты лесных промыслов — мед, воск, меха и кожи. Кроме этого, на среднеевропейский рынок, в том числе и на рынок пражский, в X и последующих веках доставлялся также ходкий живой товар, т. е. рабы. Это были пленные или же купленные для перепродажи люди различного (в том числе восточного) происхождения. Прага была тогда крупным центром работорговли; недаром в еврейских кругах X—XII вв. Чехия называлась Ханаан, т. е. страной, где торгуют рабами[21]. Этот торг рабами находился главным образом в руках еврейских купцов и не зря на известных гнезненских вратах пражский епископ Войтех изображен освобождающим рабов из рук именно еврейских торговцев.

Предметы русского производства, упомянутые в письменных источниках, не исчерпывают состава русского экспорта. Помимо них, надо принять во внимание изделия восточноевропейских ювелиров и металлоделателей. В Чехии и Моравии встречаются находки различных металлических изделий или несомненно русского происхождения, или же хранящие черты влияния русского ювелирного искусства и русской металлообрабатывающей техники. Эти предметы могли найти сюда доступ, скорее всего, путем торговли, Высказываемое иной раз предположение, что эти изделия могли быть занесены как военная добыча, едва ли может быть принято в качестве исчерпывающего[22]. Такими захватами можно было бы объяснить

---

[21] Ср. Fr. Kupfer—T. Lewicki. Źródła hebrajskie..., str. 28 i nast.; R. Jakobson. Reč a pisemnictvi českých židů v dobé přemyslovské. New York, 1957, str. 4; ср. T. Lewicki. Źródła arabskie..., t. I, str. 93 i nast., 296 i nast., 300; T. Lewicki. Osadnictwo słowianskie i niewolnicy słowiańsky w krajach musulmanskich wedlug średniowiecznych pisarzy arabskich. «Przegląd historyczny», t. 43, z. 3—4. Warszawa, 1952, str. 485 i nast.

[22] Ср. W. Szymański. Kontakty..., str. 7 i nast., 47, 53.

появление изделий из драгоценных металлов, но никак не простых предметов ремесленного производства.

После замечательной работы Б. А. Рыбакова нельзя уже сомневаться в том, что русский ювелир мог создавать прекрасные образцы изделий и что они могли быть предметом широкого сбыта и спроса. Общая тенденция чешского культурного развития X и последующих столетий естественно сочеталась с интересом к восточноевропейским изделиям религиозного и домашнего обихода. В решении этого вопроса нужна, понятно, осторожность. Однако для истолкования многих явлений у нас имеется более или менее прочная почва под ногами, если учитывать взаимосвязи не только собственно чешско-русские, но и чешско-польские, польско-русские и т. д. Мы имеем в виду изделия, находимые в Чехии и Моравии и своими художественными и техническими особенностями обнаруживающие свое восточноевропейское, русское происхождение [23].

Это прежде всего складные бронзовые литые крестики, так называемого корсунского типа, хорошо известные на Руси и представленные в ряде находок в Чехии. Речь идет в данном случае об изделиях, несомненно, киевской или южнорусской ремесленной работы. В Киеве была найдена и форма для отливки таких крестов, причем один из найденных в Чехии крестов прямо тождественен по форме и размерам некоторым русским образцам XI—XII вв. Наряду с ними в Чехии обнаруживаются и иные изделия русского художественного ремесла. Таковы, например, серебряные эмалевые перлы (XI в.), височные кольца так называемого «киевского» типа, состоящие из кольца с тремя и более плетеными украшениями в виде корзиночки (на Руси они были в свое время — в XI—XII вв.— очень распространены [24], причем, возможно, при производстве их были использованы более старые византийские или восточные образцы) [25].

---

[23] Очень важно учитывать аналогичные наблюдения в области русско-польских отношений, которые недавно четко сформулировал К. Ждзевский. (K. Jażdżewski. Stosunki polsko-ruskie we wczesnem średniowieczu w swietle archeologii. «Pamiętnik słowiański», t. IV, z. 2. Wrocław, 1954, str. 340—360). См. снимки некоторых найденных в Чехии русских изделий в моей книге 1954 г. «Česko-ruské obchodni styky v minulosti», а также в кн.: I. Pfaff, V. Závodský. Tradice..., иллюстрации № 10, 11, 12, 13; ср. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 141, 146, 261, 293, 424—425.

[24] Ср. их новые снимки: Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954.

[25] Высказывается, правда, догадка, что находимые в Чехии височные кольца этого типа свидетельствуют скорее о влиянии польских дериватов киевских изделий (ср. R. Turek in: «Časopis Národního Musea v Praze. Oddil duchovědný», r. 125, č. 2. Praha, 1956, str. 235; ср. W. Szymański. Kontakty..., str. 53). См. о новых находках этих изделий, например, в Мо-

Очень напоминают аналогичные русские изделия и находимые в Чехии привески разного типа, лунницы и т. п. Возможно, что из Руси попали в Чехию и особые серебряные гривны-круги (образец из Шлукнова), кольца (например, золотой перстень с камнем алмандином из находки у города Жатца), стеклянные бусы и т. д. Исследователи инвентаря русских и чешских находок художественных изделий констатируют известную близость и в области самой художественной техники находимых в Чехии и на Руси предметов, что ставит перед нами вопрос о возможности влияния русской техники или об общности и близком родстве известных технических приемов и художественных сюжетов и орнаментики. Здесь далеко не все еще так ясно, чтобы делать категорические заключения, но все же допущение известного русского влияния на чешскую технику не является слишком смелым. Речь идет в данном случае о связи между техникой выполнения знаменитого рога из Черной могилы под Черниговом и техникой хотя бы серебряного изображения оленя с птицей на спине из могилы у Желенок в Духцовском крае Чехии и др. Техника некоторых подобных чешских изделий вообще оказывается необычной для местных мастеров, что дает основание видеть в ней усвоение русских приемов, подражание русской художественной манере.

Было бы несколько неосторожно делать из этих сопоставлений слишком широкие выводы и использовать каждую аналогию для заключения о русском влиянии и русском происхождении тех или иных предметов. Известная общность стиля и техники, сюжета и форм памятников материальной культуры от Руси вплоть до Моравии и Чехии может получить объяснение в общих условиях этнической и культурной близости славян в средние века. Известная случайность археологических находок и самая художественная пестрота и национальная сложность запаса изделий на Руси требуют осторожности в решении конкретных вопросов взаимозависимости, влияния, происхождения и т. д. Однако можно полагать, что за этими фактами стоит и торговая связь между Русью и Чехией и Моравией, заносившая и на здешний рынок те изделия, которые были предметами обихода и купли-продажи на русской почве.

Ныне стало обычным говорить о проникновении в Чехию таких русских изделий, как висячие замки. Прямые

равии (Старе Место): V. Hrubý. Staré Mesto. Velkomoravskě pohřebiště «Na valách». Praha, 1955, str. 312, 314 (торговля из восточных и византийских областей); A. Točik. Nové výskumy na pohrebištiach z X. a XI. st. na Slovensku. «Archeologické rozhledy», r. 7, № 4. Praha, 1955, str. 490, 492, 499, 500; mp. R. Turek. Dva významné přirůstky našich pravěkých sbirek. «Časopis Národniho Musea v Praze. Oddil duchovědný», r. 124. Praha, 1955, str. 193—194.

свидетельства чешских источников относятся к XIV—XV вв., однако в это время название «русские замки» было настолько обычным, что попало в латинско-чешские словари. Ввиду этого можно датировать усвоение этой формы русских замков в Чехии гораздо более ранним временем, примерно серединой XIII в. Может быть, еще тогда чехи познакомились с этими замками, скорее всего, висячими, трубчатой формы, и настолько привыкли к ним, что затем усвоили и самое их производство с обозначением их — по обычаю, как сказано в одном из источников, vulgariter,— русским именем [26].

Нужно оговориться, что в инвентаре чешских археологических находок средневекового материала не были обнаружены до сих пор образцы некоторых изделий, которые между тем проникали (и, конечно, путем торговли) на Запад именно из Руси. Это касается, например, изделий русской керамики, обычно с эмалью (писанки или игрушки), или весьма старых по традиции (может быть, с VII—VIII вв.) изделий из овручского розового шифера (типичные пряслица) [27]. В находках на территории Польши эти изделия — явление нередкое и весьма типичное, так же как типичны стеклянные изделия — перстни, браслеты — и некоторые виды вооружения — сабли, шишаки (шлемы) и т. п. (самостоятельная выработка польских шлемов развивалась затем под русским влиянием) [28]. Не исключено, что со временем и эти виды русских изделий обнаружатся в чешских находках. Может быть в Польше легче предполагать присутствие самих русских носителей известного подбора изделий, чем в Чехии. Находка погребения целой русской, видимо, дружины в обычной русской одежде, с русскими изделиями и т. п. в Лютомерске у Лодзи едва ли вообще возможна в Чехии.

Весьма ограниченный круг письменных и вещественных источников по истории чешско-русских торговых отношений в X—XII вв. не позволяет определить более точно самих активных участников этих отношений. Если с чешской и моравской стороны это не вызывает особых сомнений, поскольку дело касается прежде всего Праги, Брно и Оломоуца, то не-

---

[26] Ср. Б. А. Колчин. Мастерство древнерусских кузнецов. В кн.: «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 177 и сл.; ср. В. Л. Янин. Великий Новгород. Там же, стр. 237.

[27] Ср. Z. Szafrańska. Iak datować przęśliki z rózowego łupku? «Z otchłani wieków», r. 20. Poznań, z. 11—12, 1951, str. 196—197; см. об этих пряслицах, заменявших мелкие монеты, замечания В. Л. Янина («Денежно-весовые системы...», стр. 189; ср. W. Szymański. Kontakty..., str. 30 i nast., 51).

[28] Ср. J. Olczak. W sprawie terminologii dotyczącei niektórych zabytków szklanych. «Kwartalnik historii kultury materialnej», r. 4, № 2. Warszawa, 1956, str. 298.

сколько сложнее вопрос о Руси, особенно в начальный период развития русской государственности. Соблазнительно искать активных участников русской торговли с Чехией прежде всего среди уличей и тиверцев, дулебов, бужан-волынян и др., т. е. обитателей Приднестровья. В научной литературе эта возможность определенно подчеркивается — как в работах Н. Л. Рубинштейна, так и в последние годы в работе Г. Б. Федорова, обращающего внимание на известное сходство (хотя и не тождество) некоторых видов пастовых бус, серебряных и медных украшений, встречающихся одинаково и в области расселения тиверцев, и в землях Чехии и Моравии, Польши, Венгрии и т. д. в X—XI вв.[29] Эта аналогия дает достаточное указание на круг культурных и экономических связей тиверцев.

Однако было бы неосторожно настаивать на изолированности или хотя бы на преобладающей роли тиверцев в этих связях, в частности с чехами и обитателями Моравии, тем более что тиверцы как своеобразная культурно-племенная единица сравнительно быстро были поглощены с общим развитием государственности и культуры Древней Руси. С другой стороны, последующая ориентация чешско-русской торговли на Галичину, а затем на Волынь и Киев дает достаточно оснований видеть активных ее участников в русских купцах, выразительно изображенных в знаменитом описании днепровского пути, сделанном Константином VII Порфирородным в середине X в.

Мы не располагаем аналогичными свидетельствами о движении русских купцов по путям от Днепра на запад — на Владимир-Волынский, Перемышль и далее в земли Польши и Чехии. Здесь не было и такого эффектного и волнующего воображение преодоления природных препятствий в виде порогов и бурных спадов многоводных рек и т. д. Единственное русское известие о таких караванах имеется в «Истории Российской» В. Н. Татищева (под 1129 г.), но к этой вставке в основной текст труда (на основании неизвестного ныне источника) приходится относиться осторожно, хотя в своей основе рассказ об ограблении русских купцов в Польше на пути в Моравию никак не может внушать сомнения, если припомнить, что рассказывают западноевропейские источники о путешествиях на Русь немецких, регенсбургских и иных купцов, для которых, как профессионалов и частых посетителей Руси, усвоено было на Западе обозначение Ruzarii. В их сообществе естественно предполагать присутствие и чешских, и моравских, и самих русских купцов.

---

[29] Г. Б. Федоров. Славяне Поднестровья. В кн.: «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 139, 150, 152.

В рамках истории собственно чешско-русской торговли X—XII вв. нельзя, конечно, найти ответа на вопрос, как именно была организована эта торговля. Но нет сомнения, что в своей основе, во всяком случае с русской стороны, это была прежде всего торговля продуктами сельского хозяйства и промысла как княжеских доменов («полюдье»), так и имений феодалов разной категории. В их руках естественнее всего предполагать и скопление известных контингентов пленных-рабов как для местного хозяйства, так и для продажи за границу. Исполнителями этих экспортных операций могли быть агенты княжеского и боярского хозяйства и скупщики-посредники, обладавшие известными финансовыми возможностями и организационными средствами. Среди этих скупщиков были, конечно, и предприниматели-евреи, имевшие в определенный период заметное хозяйственное влияние на Руси (ср. время киевского князя Святополка Изяславича и еврейский погром в Киеве в 1113 г.) и игравшие заметную роль в хозяйственной, особенно торговой, жизни в Чехии и Моравии. Данные о живых и постоянных связях чехо-моравских еврейских общин с еврейскими общинами на Руси могут пролить свет на решение интересующего нас вопроса [30].

От рассказов Ибн Хордадбеха о поездках еврейских купцов с запада на восток (раданиты) [31], через рассказ Ибрагима ибн Якуба к данным о баварских «рузариях» и киевских событиях 1113 г. или к сообщению ал-Идриси о восточно-западном пути идет более или менее прямая, хотя и прерывистая, линия положительной информации.

Сделанный обзор данных о русско-чешских торговых отношениях в X—XII вв., к сожалению, не может быть дополнен сведениями о весьма важной их стороне — о степени их интенсивности и пройденных ими этапах развития. Можно лишь в общей форме предполагать, что вывоз из Древней Руси на Запад, в частности в Чехию и Моравию, был более значителен, чем чехо-моравский вывоз, поскольку спрос на восточноевропейское сырье и рабов должен был быть на Западе более значителен, чем русский спрос на чехо-моравские и западноевропейские товары вообще.

Чешско-русские экономические связи были лишь одним из слагаемых общего развития международной торговли Руси; они входили одной из нитей в сложное сплетение отношений с Польшей, Венгрией, Баварией (Регенсбург) и т. д. В некото-

[30] См. материал об этом в книге Купфера и Левицкого (Źródła hebrajskie..., passim).

[31] Новейшее издание текста и подробный его анализ см. T. Lewicki. Źródła arabskie..., I, passim, особенно str. 62—63, 69, 77, 79, 119—120, 364—365.

рой мере нам удается выяснить конкретные формы и особенности этого чешско-русского слагаемого. В общей картине экономических отношений Древней Руси с остальной Европой эти чешско-русские связи заслуживают дальнейшего пристального изучения.

* * *

Sur la base du règlement de Raffelstetten (903—906) et de l'information d'Ibrahim ibn Yakub (966), l'auteur retrace le tableau d'ensemble des relations commerciales entre la Russie Kievienne et l'Europe Occidentale par la voie Kiev — Cracovie — Prague — Haut Danube. Ce tableau trouve aussi sa confirmation dans les données archéologiques. La voie Prague — Cracovie — Kiev cependant n'est pas confirmée d'une manière suffisamment claire par des découvertes des dirhems arabes et des monnaies tchèques (en argent) qui n'ont été retrouvées que dans la Russie du Nord. Pour l'histoire du commerce aux XI—XII-e siècles nous ne possédons que des informations isolées communiquées par Tatiščev sur 1129 et le diplôme d'Ivan Berladnik de 1134. La chronique russe mentionne aussi les relations commerciales des Russes avec les Tchèques au X-e siècle sur les bords du Danube inférieur.

В. М. Потин

ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРИТОКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МОНЕТ НА РУСЬ в XII в.

В денежном обращении Древней Руси XI — начала XII в. большую роль играли западноевропейские денарии. На территории Восточной Европы зафиксировано около 370 кладов и отдельных находок с западными монетами [1]. Среди последних, особенно со второй половины XI в., подавляющее большинство составляют денарии, чеканенные на территории Германии. Поэтому, рассматривая вопрос о прекращении притока западноевропейских монет на Русь, мы имеем в виду прекращение поступления прежде всего германских монет.

Н. П. Бауер считал, что денарии перестали попадать на Русь в третьем десятилетии XII в. и обращались здесь едва ли позднее 1150 г.[2] В. Л. Янин относит прекращение притока и окончание обращения западных монет к началу XII в. Оба мнения, в основном правильные, требуют все же некоторого уточнения. Монеты XII в. обнаружены только в пяти древнерусских кладах — из г. Лодейное Поле (1878 г.), из Спанко, Скадино, Куолаярви и Белгорода Днестровского[3]. Сюда можно добавить два денария германского императора Генриха V (1106—1125), найденных в Ленинградской области и Коми АССР[4]. На многие сотни монет X—XI вв. в названных кладах

[1] Топография находок западноевропейских монет, составленная автором статьи (Гос. Эрмитаж, отдел нумизматики. Рукопись). Ср. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 155: там говорится о более чем 200 находках.

[2] N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. ZfN, Bd. 39(1929), 40(1930). Автореферат см.: ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 239, 241.

[3] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 155, 184.

[4] N. Bauer. Die russischen Funde..., ZfN, Bd. 39 (1929), № 1—3; Bd. 40 (1930), № 3—4, S. 23—24, 70—73, 75—78, № 23, 3, 12; idem. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des II.

приходятся единичные экземпляры денариев XII в.[5] Поэтому можно согласиться с первой частью датировки В. Л. Янина. Приток западноевропейских монет на Русь в основном закончился в начале XII в. Незначительное количество западных монет, вероятно, продолжало проникать на Русь до четвертого десятилетия XII в., судя по наиболее позднему Скадинскому кладу, зарытому после 1130 г., а не в 1075—1100 гг., как полагал Н. П. Бауер[6].

О причинах прекращения притока западноевропейских монет в Восточную Европу высказан ряд мнений. Б. А. Романов считал, что наличие кладов западноевропейских монет не отражает внутренней потребности русской экономики. Вследствие этого изменение «временного положения» Древней Руси в международной торговле привело к прекращению ввоза на Русь западной монеты[7]. Это утверждение уже подверглось критике В. Л. Янина[8].

Основными путями проникновения западноевропейской монеты на Русь были северные пути — через Балтику. Но источники вовсе не говорят о прекращении здесь торговли; в XII в., наоборот, можно предполагать ее усиление. Об этом свидетельствуют сообщения летописи о плавании новгородцев на о. Готланд, в Данию «за море»[9], факт ограбления русских купеческих кораблей в Дании в 1157 г.[10], привилегии архиепископа Райнальда Кельнского для г. Медебаха 1165 г. и Фридриха I Барбароссы для Любека 1188 г.[11], возникновение в XII в. иноземных купеческих дворов в Новгороде, появление первых русско-немецких торговых договоров[12] и другие дан-

---

und 12. Jahrhunderts. ZfN, Bd. 42 (1935), № 3/4, S. 161—171, клад № 10 (50a). Белгородский клад хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа.

[5] N. Bauer. Die russischen Funde..., S. 83, № 25; idem. Nachträge..., S. 172, № 12 (78a). Исключение составляет клад из Белгорода Днестровского, состоящий из 716 германских брактеатов (односторонних монет, отчеканенных на тонкой серебряной пластинке) второй половины XII в. Этот клад стоит совершенно обособленно среди других древнерусских кладов и, вероятно, связан с крестовыми походами.

[6] N. Bauer. Nachträge..., S. 161, 171; В. М. Потин. К вопросу о составе и датировке Скадинского клада. «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XVII. Л., 1960, стр. 71—73.

[7] Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1951, стр. 390.

[8] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 181—184.

[9] НПЛ, стр. 22, 23, 26, 39.

[10] Saxonis Grammatici. Gesta danorum, ed. A. Holder. Strassburg, 1886, p. 482.

[11] K. Keutgen. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1901, S. 146, 184, № 141 и 153.

[12] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 340.

ные [13]. Не прерываются и южные связи Руси, в частности с Регенсбургом [14].

Проникновение итальянских купцов на Черное море, установление здесь их господствующего положения приходится не на начало XII в., а на более позднее время, когда ввоз западноевропейских монет на Русь давно уже прекратился. Об этом говорят не только находки византийских монет, но и дальние путешествия русских людей на Восток через Константинополь в начале XII в. [15] О том, что Византия продолжала быть заинтересованной в связях с Северным Причерноморьем, свидетельствует текст привилегии 1170 г., выданной генуэзцам, в которой повторялось ограничение 1169 г., гласившее, что для посещения Матрахи и Росии в устье Азовского моря требуется каждый раз специальное разрешение [16]. Археологический материал свидетельствует о новом оживлении в XII в. русских связей с Корсунью [17]. Высказывания некоторых исследователей об установлении господства итальянцев на Черном море чуть ли не с XI в. [18] не соответствуют фактам [19].

---

[13] В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 107—123, особенно стр. 108.; Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1951, стр. 347—349; Н. Н. Усачев. Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами. Автореферат канд. диссертации. М., 1952; L. K. Goetz. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 24—25, 26, 28; H. J. Seeger. Westfalens Handel und Gewerbe vom 9. bis zum Beginn des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1926, S. 106—114, 148—153; H. G. Schroeder. Der Handel auf der Düna im Mittelalter. HBll, Bd. XXIII, 1917. München und Leipzig, 1918, S. 25—26, 27, Anm. 1.

[14] «Regensburger Urkundenbuch», Bd. I. München, 1912, S. 12—14, № 43; В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом, ЖМНП, ч. CCLVIII, 1888, июль, стр. 135—145; А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. «Сборник, посвященный С. Ф. Платонову». СПб., 1911, стр. 239; И. Андреевский. О правах иностранцев в России. СПб., 1854, стр. 70; В. Т. Пашуто. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 170—172; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 343.

[15] Хождение черниговского игумена Даниила (в кн.: «Путешествия русских людей по Святой земле», изд. Сахарова, ч. I. СПб., 1839, стр. 112, 118).

[16] A. Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. München — Berlin, 1906, S. 238—239; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 404.

[17] А. Л. Якобсон. Русско-корсунские связи XI—XIV вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 119—120, 123; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья). ВВ, XIV, 1958, стр. 133, табл. II—IV.

[18] См. А. Л. Якобсон. Указ соч., стр. 119.

[19] М. К. Старокадомская. Русское торговое население генуэзской Кафы. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 147—154. О черноморских связях Руси в XII в. см. также: В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 92—107; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 429—497.

Объяснение прекращения притока западных монет на Русь утратой ею выгодного положения в международной торговле уже в начале XII в. в определенной степени сближается с точкой зрения некоторых ученых-норманистов, считающих присутствие западноевропейских монет X—XII вв. в Прибалтике и на Руси результатом торговли викингов [20]. Советские археологи и историки доказали, что находки вещей, так или иначе связанных со скандинавскими странами, даже в географически близком им Приладожье становятся сравнительно редкими со второй четверти XI в. [21], а приток западноевропейских монет на Русь продолжается до конца названного столетия во все возрастающем размере. Хронологическое распределение скандинавских монетных кладов и их состав отличаются от хронологии и состава древнерусских кладов [22]. Поэтому искать объяснение интересующего нас явления в истории скандинавских государств мы не имеем никаких оснований.

Прекращение притока германских монет коснулось не только территории Древней Руси, но и ряда других стран, в том числе Польши. Естественен интерес польских историков и археологов к этому явлению. По Г. Ловмяньскому, прекращение массового притока немецких монет в Польшу объясняется ростом польского ремесла, вызвавшим развитие локального обмена и вместе с этим отечественной чеканки [23]. В. Шиманьский, не соглашаясь с Г. Ловмяньским, пытается объяснить изучаемое явление наступившим равновесием польско-немецкого торгового баланса [24]. Оба польских историка повторяют ошибку Б. А. Романова: явление, характерное для ряда стран, они пытаются объяснить специфическими условиями одной из них. Видимо, надо искать общую причину прекращения притока германских монет в страны Северной и Восточной Европы; особенности же развития отдельных государств могли вызвать лишь некоторые отклонения, придать своеобразный характер единому процессу.

Такое «универсальное» объяснение, общее для экономики значительной части Европы, предлагает немецкий нумизмат В. Яммер (Хатц); она указывает, что прекращение притока

---

[20] H. Gebhart. Münzfunde als Quellen der Wirtschafts- und Kulturgeschichte im 10. und 11. Jahrhundert. «Deutsches Jahrbuch für Numismatik». München, 1938, S. 160; S. Mews. Gotlands Handel und Verkehr bis zum Auftreten der Hansen (12. Jahrhundert). Inaug-Diss. Greifswald, 1937, S. 73—79.

[21] Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 75—76.

[22] Автор подготавливает по этому вопросу специальную статью.

[23] H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, str. 225, przyp. 177.

[24] W. Szymański. Kontakty handlowe Wielkopolski w IX—XI wieku. Poznań, 1958, str. 64, przyp. 77.

западных монет свидетельствует не о перерыве в международной торговле и объясняется не только проникновением христианства, но и изменениями в структуре хозяйственной жизни, когда торговля начинает вестись по принципу «товар за товар» [25]. Примерно такого же взгляда придерживается В. Геверник, считающий, что с XII в. вместо денег из Германии начинают вывозить товары, причиной чего служит, с одной стороны, развитие немецкого ремесла, с другой — растущий вместе с христианизацией спрос на высокоценные изделия на севере и востоке Европы [26].

Меновая торговля была важнейшей формой торговли в раннее средневековье. И позже, с развитием денежного хозяйства, она продолжала играть крупную, но все уменьшающуюся по значению роль [27]. XII и последующие века — время роста товарно-денежных отношений. Феодалы и купечество все более стремились иметь в своем распоряжении солидные запасы монет, золота, серебра. Одним из источников пополнения этих запасов была крупная международная торговля.

С XII в. международная торговля претерпевает существенные изменения. Все бо́льшие массы товаров приходят в движение; кроме предметов роскоши, характерных для торговли раннего средневековья, первостепенное значение приобретают сырье, продукты первой необходимости [28]. За этими массами товаров В. Геверник и В. Яммер и не заметили, видимо, роста количества драгоценных металлов, вовлеченных в международную торговлю.

Мы подсчитали по Рижской долговой книге (1286—1352 гг.) число платежей натурой и число платежей в монете и весовом серебре. Первые составляют 27% от общего числа сделок [29].

А. Л. Хорошкевич, опираясь на собранный ею обширный материал о ввозе на Русь драгоценных металлов, пришла к выводу, «что именно серебро в конце XIII— начале XIV в. по ценности составляло основную массу импортных товаров» [30]. Надо ду-

[25] V. Jammer. Die Anfänge der Münzprägung im Herzogtum Sachsen (10. u. 11. Jahrhundert). Hamburg. 1952, S. 21.

[26] W. Hävernick. Epochen der deutschen Geldgeschichte im frühen Mittelalter. HBzN, N. F., Bd. 3, H. 9/10 (1955/56), S. 8.

[27] J. Kuczynski. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1949, S. 133.

[28] Ibid., S. 138—139; J. Schreiner. Bemerkungen zum Hanse-Norwegen-Problem. HGbll., 72. Jg., 1954, S. 67.

[29] «Das Rigaische Schuldbuch (1286—1352)», hrsg. von H. Hildebrand. S. Petersburg, 1872. В число сделок с оплатой натурой включены и смешанные сделки, где платежи производились и товарами, и деньгами (монетами, серебром).

[30] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV—XV веках (состав ввоза и вывоза). Канд. дисс. М., 1958 (машинопись, на правах рукописи), гл. II («Ввоз благородных металлов»), § 3, стр. 364—408

мать, что число торговых сделок, осуществляющихся на монетное или слитковое серебро, не уменьшилось в XII—XIII вв. по сравнению с предшествующим периодом и в других частях Европы [31]. Растущее значение монеты и слитков для Фландрии и Лотарингии XII в. показал еще в 1932 г. Ганс ван Вервеке [32]. В Италии, хотя и здесь часто торговали, рассчитываясь товаром за товар, основными средствами платежа были монеты и серебро в слитках, а особенно (в отличие от северного района европейской торговли) золото — как монета и как нечеканенный металл [33].

Конечно, серебро, ввозившееся на Русь в XII и последующие века, также являлось товаром. Но и в немонетной форме оно было товаром особого рода. «Золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности», «золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую [34]. Эта характеристика, безусловно, применима и к серебру, являющемуся наряду с золотом наиболее удобным эквивалентом товаров. «Торговля золотом и серебром как товарами (как сырым материалом для изготовления предметов роскоши),— пишет в другом месте К. Маркс,— образует естественно возникший базис для торговли слитками (Bullion trade) или торговли, которая обслуживает функции денег как всемирных денег» [35]. Эту особенность торговли серебром необходимо учитывать при изучении русских экономических связей с другими странами Европы и денежного обращения Древней Руси.

Среди советских нумизматов и историков наиболее распространено объяснение прекращения притока западноевропейских монет, предложенное в 1930 г. Н. П. Бауером. «Расцвет на Западе феодального строя,— писал Н. П. Бауер,— превращает монету в территориальный знак со все более и более убывающим количеством серебра в монетном кружке, который вследствие этого становится непригодным для вывоза за пределы феода и тем более для целей накопления» [36]. Этот тезис о низком качестве западноевропейской монеты как об основной причине «отказа» от нее еще сильнее подчеркивает В. Л. Янин. «На рубеже XI—XII вв.,— утверждает он,— ввоз денария в Восточную Европу прекращается совершенно, что может быть объяснено полной деградацией к этому времени серебряной западноевро-

---

[31] J. Kuczynski. Op. cit., S. 133; R. Kötzschke. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters. Jena, 1924, S. 518, 528.

[32] Hans van Werveke. Monnaie, lingots ou marchandieses? «Annales d'histoire économique et sociale», № 17, Septembre 1932. Paris, p. 454.

[33] A. Schaube. Op. cit., S. 114—115.

[34] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 131.

[35] Там же, т. III. М., 1950, стр. 330.

[36] Н. П. Бауер. Указ. соч., стр. 237.

пейской монеты, которая в результате постепенной порчи в фискальных целях к началу XII в. перестала быть пригодной для обращения вне феода, чеканившего ее» [37]. Подобное объяснение прекращения притока западноевропейских монет опирается на ложное представление о высоком качестве их серебра в X—XI вв. и повсеместном катастрофическом ухудшении его в XII в. Мы попытались выяснить действительное качество монетного серебра в X — XII вв., собрав об этом данные, опубликованные ранее в нумизматических исследованиях и статьях и определив пробу серебра некоторых монет с помощью Ленинградской инспекции пробирного надзора. Сначала приведем пробы серебра монет X—XI вв., встречающихся в наших кладах.

Герцоги Баварии Генрих I (973—982) и Генрих II (985—995) наряду с монетами высокого качества серебра (930/1000) чеканили монету с пробами 710, 672, 550, 477. Монеты с именами Оттона и Адельгейды имеют пробу серебра 928, 855, 630, 520 [38], монеты этого же типа из клада Прибров были от 955-й до 875-й пробы [39]. Проба серебра так называемых вендок — 850, 800 [40]. Если англосаксонские монеты Этельреда II (978—1016) имеют серебро пробы 805, 800, 780, то подражания им, нередкие в русских кладах,— 570, 520 [41]. Монеты датского короля Кнуда «Святого» (1080—1086) не только легки по весу, но и имеют пробу серебра 550 [42].

Проба серебра фрисландских монет Бруно III (1038—1057) — 900, Эгберта II (1068—1090) — 700 [43], одна из монет Эмдена XI в. оказалась 600-й пробы [44].

О качестве серебра монет XII в., т. е. времени, когда прекратился их ввоз на Русь, говорят следующие факты.

Одними из самых распространенных в наших кладах являются кельнские монеты. В течение всего XII в. они сохраняют свой высокий вес и пробу от 867 до 965 [45]. Монеты Вормса конца

[37] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 155 (со ссылкой на приведенное выше высказывание Н. П. Бауера); см. также: И. Г. Спасский. Русская монетная система. М., 1957, стр. 30; А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., стр. 393.

[38] E. Fiala. Ceske denary. Praha, 1896, s. 114, pozn. 1.

[39] E. Bahrfeldt. Der Priebrower Hacksilberfund. «Berliner Münzblätter», 1925, 45. Jg., N 270/271, S. 280.

[40] E. Fiala. Op. cit., s. 114, pozn. 1.

[41] Ibidem.

[42] G. Galster. Die Münzen Dänemarks bis etwa 1625. «Blätter für Münzfreunde». Halle, 1937, 72. Jg., № 9, S. 134.

[43] S. Wigersm. Ecnige aanteckeningen over de nederlandsche in het bizonder over de frische muntgeschiedenis. «Tildschrift voor Munt en Penningkunde». Amsterdam, 1906, 14. Jaarg., S. 107.

[44] Акт Ленинградской инспекции пробирного надзора от 26 февраля 1959 г.

[45] W. Hävernick. Die Münzen von Köln. Köln, 1935, S. 10. Акт Ленинградской инспекции пробирного надзора от 26 февраля 1959 г. мо-

XI— начала XII в. были 775—875-й пробы, после 1115 г.—820 [46]. Денарии Трира, чеканившиеся в первой половине XII в.,— 750—875-й пробы, позже качество серебра повышается [47].

Письменные источники второй половины XII в. свидетельствуют о торговле регенсбургских купцов с Русью через Австрию [48]. Каково было качество монетного серебра в областях, прилегающих к этому торговому пути?

Монеты Регенсбурга, чеканенные герцогом Людвигом I (1183—1213), имели пробу 692, позднее повысившуюся до 788. Монеты соседнего Нюрнберга в начале XIII в. не имели пробы ниже 700 [49]. Монеты Фризаха (Каринтия), чеканившиеся архиепископом зальцбургским Конрадом (1125—1147), имели 880-ю пробу [50], пфенниги г. Кремса на Дунае из клада, датируемого 1175 г.,— от 824 до 947 [51], венские пфенниги конца XII в.—762 [52].

Пфенниги Тюбингена (Юго-Западная Германия) конца XII — первых лет XIII в. чеканились из серебра от 815-й до 843-й пробы [53], а монеты Северной Германии — из серебра от 707-й до 900-й пробы [54]. Монеты Кведлинбурга времени Беатрисы II (1138—1160), Магдебурга — периода Вихмана (1152—1192), Бранденбурга — времени Пшибыслава-Генриха (умер в 1150 г.) имели серебро 950-й пробы [55]. Брактеаты клада Паусниц 1150 г. имели пробу от 875-й до 938-й [56]. Сама техника изготовления брактеатов не позволяла использовать серебро плохого качества [57].

неты первой половины XI в., чеканенные архиепископом Германом II (1039--1046), были 869 пробы.

[46] E. Bahrfeldt. Zur Münzgeschichte der Reichstadt Worms in Mittelalter. «Berliner Münzblätter», 1900, 21. Jg., № 237, S. 281.

[47] E. Born. Zeitalter des Denars. Ein Beitrag zur deutschen Geld-und Münzgeschichte des Mittelalters. Leipzig, 1924, S. 130.

[48] См. В. Васильевский. Указ. соч., стр. 135—145.

[49] H. Gebhart. Der Münzfund von Hersbruck. «Mitteilungen der Bayerischen Numismatischen Gesellschaft», Bd. 54. München, 1936, S. 55, 66—69, 78, 107.

[50] A. Luschin von Ebengreuth. Friesacher Pfennig. NZ, N. F., Bd. 16 (56), 1923, S. 37.

[51] F. Dworschak. Studien zum österreichischen Münzwesen des Mittelalters. NZ, N. F., Bd. 28 (62), 1935, S. 66.

[52] B. Hóman. Friesacher, Wiener und böhmische Münzen in Ungarn zwischen den Jahren 1200. bis 1338. NZ, N. F., Bd. 11 (51), 1919, S. 8.

[53] G. Schöttle. Geld- und Münzgeschichte der Pfalzgrafschaft Tübingen. «Jahrbuch des Num. Vereins zu Dresden». Dresden, 1911, S. 26, 40.

[54] W. Jesse. Der Wendische Münzverein. Lübeck, 1928, S. 49—51.

[55] Акт Ленинградской инспекции пробирного надзора от 26 февраля 1959 г.

[56] E. Bahrfeldt. Beiträge zur Brakteatenkunde. Berlin, 1914, S. 99.

[57] Эта мысль была высказана И. Г. Спасским при обсуждении нашего доклада на тему настоящей статьи на заседании секции славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в феврале 1959 г.

Остановимся кратко на качестве серебра монет других европейских стран, кроме Германии. Датские брактеаты середины XII в. чеканились из хорошего серебра [58]. Норвежские монеты Гаральда III (1046—1066) делятся на две группы: с пробой около 900 и около 500. Позже монеты уменьшились в весе, но стали чеканиться из серебра высокого качества. Денарии Сверре Сигурдсона (1177—1202) были 938-й пробы, а норвежские брактеаты — от 875-й до 938-й [59].

Чешский князь Вратислав II (1062—1092) чеканил монету с 583-й пробой серебра, его преемники Бржетислав II (1092—1100) — с 614-й, Боривой (1100—1120) — с 426—465-й, Владислав I (1109—1125) от 559-й до 634-й [60]. Монет этих князей не найдено в древнерусских кладах, хотя в них встречаются монеты Яромира (1008—1034) и Ольдржиха (1012—1037), которые наряду с монетами высокого качества (917—950-й пробы) чеканили также монету с 620-й пробой серебра [61]. Из 267 монет венгерского короля Кальмана (1095—1116), подвергшихся анализу, только 16 (оболы) имели пробу ниже 790. Из 1923 монет Иштвана II (1116—1131) 1661 монета имела пробу серебра от 675 до 880, 262 монеты — от 450 до 700 [62].

Таким образом, в XII в., мы можем наблюдать те же явления, что и в XI в.: наряду с монетами высококачественного серебра обращаются монеты серебра низкопробного. Нередко один и тот же правитель, как мы видели, чеканит и хорошую, и плохую монету. Заметное снижение качества монетного серебра можно отметить не в Германии — важном поставщике серебряной монеты для Древней Руси — и не в скандинавских странах, а в Чехии и Венгрии, монеты которых встречаются в кладах Восточной Европы в единичных экземплярах [63].

Чтобы правильно ответить на вопрос о причинах прекращения притока западных монет на север и восток Европы, необходимо обратиться к основному источнику, свидетельствующему о денежном обращении эпохи, экономические явления которой слабо отражены в письменных памятниках,— к монетным кладам, их топографии и хронологии.

Нами собран материал о 842 кладах XI—XII вв., содержа-

---

[58] G. Galster. Op. cit., S. 137.

[59] H. Holst. Die Münzen Norwegens bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. «Deutsche Münzblätter», 1942, 62. Jg., № 475/476, S. 464—465, 469.

[60] E. Fiala. Op. cit., s. 113—114.

[61] Ibidem.

[62] B. Hóman. Magyar penztörténet. 1000—132. Budapest, 1916, 256. old.

[63] Исключением является Дегтянский клад (БССР), значительную часть которого составляли чешские денарии. См. В. М. Потин. Дегтянский клад денариев середины XI в. «Труды Государственного Эрмитажа», т. IV. Л., 1961, стр. 23—29; V. Potin. Děgtánský poklad a česko-ruské styky v XI. století. «Moravské numismaticke zprávy», 1959, № 5, s. 5—7.

щих германские монеты. Для этого использованы и работы по топографии кладов отдельных стран, и сведения о ряде неопубликованных кладов, хранящихся в музеях [64].

Из указанного выше числа кладов на XI в. приходится 640, из которых 613 (95,8%) найдены вне границ средневековой Германии и только 27 (4,2%) являются внутренними кладами.

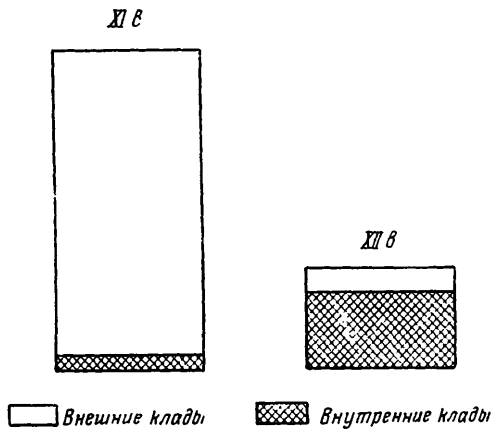


Рис. 1. Соотношение кладов монет XI—XII вв.

На XII в. приходится всего 202 клада, из них 155 (76,74%) — внутренние и 47 (23,26%) — внешние клады. Особенно ясно можно видеть происшедшие изменения из следующей диаграммы (рис. 1). Таким образом, можно сделать некоторые важные для нас наблюдения: во-первых, общее число монетных кладов в XII в. по сравнению с XI в. значительно сократилось (более чем в три раза); во-вторых, если основная масса монет XI в. использовалась для внешней торговли, то в XII в.— для внутреннего денежного обращения.

Сокращение числа монетных кладов в XII в. по сравнению с XI в. не может не являться следствием уменьшения чеканки монет. Такой вывод не противоречит данным о росте числа монетных дворов, имевшем место в XII в. [65] XII век — период решающих успехов феодальной раздробленности, когда сеньоры забирают в свои руки право чеканки. Некоторая часть

[64] Ср. также карты монетных кладов в кн.: «Staatliche Museum zu Berlin. Geld, Münze und Medaille. Führer durch die Schausammlung des Münzkabinetts», Berlin, 1957, Karten № 2, 3.

[65] A. Suhle. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum. 15. Jahrhundert. Berlin, 1955, S. 136, 183—202.

сеньориальных монетных дворов имела ничтожную производительность, что можно видеть из сравнения арендных сумм двух таких дворов — кельнского и крейцнахского. Первый в 1174 г. был сдан в аренду за 1600 марок [66], второй в 1237 г. на четырехлетний срок — за 24 марки [67]. Если крупнейшие церковные и светские феодалы уже в XI в. чеканили монету, то в XII в. средние и даже сравнительно мелкие сеньоры стремятся к обладанию правом монетной чеканки и приносимым этим правом доходам. Именно за счет мелких предприятий, а также за счет организации монетного дела в захваченных на Востоке славянских землях, выросло в XII в. число монетных дворов средневековой Германии [68].

Распыление средств и ресурсов сырья для чекана тормозило деятельность монетных дворов. В. Дипенбах (для Майнцского монетного двора) и В. Геверник (для Кельнского) показали, что в XII в. эти важнейшие центры чеканки монеты переживают период ослабления и застоя [69]. В. Геверник в большом специальном исследовании о кельнских монетах писал: «Объем чеканки в Кельне хотя стал (в XII в.— *В. П.*) существенно меньше, но здесь все же в противоположность большинству местных дворов чекан никогда не был прерван на долгое время» [70].

Значительную часть времени сеньориальные монетные дворы работали вхолостую в связи с так называемыми изъятиями монеты из обращения (Verrufungen). Периодически, иногда один-два раза в год, старая монета должна была сдаваться населением в обмен на новую в пропорции 12 : 9, т. е. с убытком в 25%. Старая монета шла на перечекан [71]. Подобная практика феодальных сеньоров, приносившая им немалый доход, не могла содействовать увеличению количества обращавшейся в стране монеты.

Значительная часть серебра во все большей степени потреблялась внешней торговлей, но уже не в монетной форме, как мы увидим далее, а главным образом в виде слитков [72].

При уменьшившемся количестве выпускаемой монеты росли потребности в ней внутри Германии. Именно к XII в.

---

[66] E. Born. Op. cit., S. 156.

[67] K. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, Bd. II. Leipzig, 1886, S. 378.

[68] W. Hävernick. Münzwesen am Mittelrhein in der Staufenzeit. «Frankfurter Zeitung», 1933, № 41, S. 74; A. Suhle. Op. cit., S. 136.

[69] W. Diepenbach. Die Wandlungen der Münzstätte Mainz. «Berliner Münzblätter», 1927, 47. Jg., № 300, S. 184.

[70] W. Hävernick. Die Münzen von Köln, S. 2.

[71] W. Taeuber. Geld und Kredit im Mittelalter. Berlin, 1933, S. 88—89; A. Suhle. Op. cit., S. 78, 82.

[72] Можно предполагать, что часть монет намеренно переливалась на слитки. См. об этом ниже.

К. Маркс относит завершение в Германии первого крупного разделения труда — отделения города от деревни[73]. Если в 900 г. в Германии было около 30 городов, то в 1125 г.— 150[74]. Соответственно значительно вырос процент городского населения. Развитие городов сделало особенно большие успехи в XII—XIII вв.[75] XII век сохранил для нас первые цеховые документы и записи городского права, историю ожесточенной борьбы горожан против сеньоров[76]. В это время происходит дальнейшая специализация ремесла и рост числа ремесленников[77]. Увеличивается количество еженедельно собирающихся рынков, которые часто становятся местом поселений ремесленников и ядром новых городов[78].

Римские дороги в области Рейна и Мозеля, использовавшиеся в X—XI вв., частично выходят из употребления, новые пути появляются в районах, ранее находившихся в стороне. К. Лампрехт объяснил это явление проникновением денежного хозяйства в новые для него области[79]. Развитие сельского хозяйства, углубление имущественной дифференциации среди крестьян способствовало вовлечению и деревенского населения в товарно-денежные отношения[80]. При уменьшившемся чекане монеты и увеличении потребности в ней внутри страны изменилась монетная система и сама монета. Происходит приспособление последней к нуждам внутреннего денежного обращения.

В специальной литературе уже не раз указывалось на снижение веса денариев, начавшееся в XI в. и в XII—XIII вв. достигшее наиболее значительных размеров. Так, например, во Франконии вес королевских денариев с начала XI до начала XII в. снизился с 1,25 г до 0,84 г, епископских — с 1,36 г до 0,89 г, а затем до 0,78 г; в Саксонии вес королевских денариев упал с 1,17 г до 0,88 г, монет церковных феодалов — с 1,31 г до

---

[73] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. М., 1955, стр. 148; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1948, стр. 425.

[74] J. Kuczynski. Op. cit., S. 132.

[75] Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 259; H. Mottek. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss, Bd. I. Berlin. 1957, S. 121; J. Kuczynski. Op. cit., S. 132—133; H. Seeger. Op. cit., S. 127—128.

[76] E. Rütimeyer. Stadtherr und Stadtbürgerschaft in den rheinischen Bischofsstädten. Ihr Kampf und die Hoheitsrecht im Hochmittelalter. VfSWG, H. III, 1928; G. Schmoller. Deutsches Städtewesen in älterer Zeit. Bonn—Leipzig, 1922, S. 122—143; H. Mottek. Op. cit., S. 165—170.

[77] H. Mottek. Op. cit., S. 170—172; H. Seeger. Op. cit., S. 127—128.

[78] H. Mottek. Op. cit., S. 159—162; G. Schmoller. Op. cit., S. 47—59.

[79] K. Lamprecht. Op. cit., S. 242.

[80] Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 261; H. Mottek. Op. cit., S. 147—151; J. Kuczynski. Op. cit., S. 126—129.

0,80 г, герцогских — до 0,52 г[81]. Вес епископских денариев Трира понизился с 1,08 г до 0,82 г[82], а денариев Констанца со второй половины X в. до 1120 г — с 1,2 г до 0,5 г, а в 1160 г.— до 0,46 г.[83]

Порча монеты в фискальных целях и влияние периодических изъятий монеты из обращения едва ли являются единственными причинами уменьшения ее веса[84]. Такое предположение подтверждается тем, что в ряде феодальных владений одновременно чеканились два разных типа денариев, имеющих различную стопу, так называемые тяжелые и легкие денарии[85].

Там, где вес денариев остался без изменений, например в Кельне, начинают чеканить монеты мелких номиналов: оболы и квадранты. В Кельне регулярная чеканка оболов начинается со времени архиепископа Арнольда (1138—1151); чеканка квадрантов возникает в середине XII в. и принимает постоянный характер со времени архиепископства Райнальда (1159—1167)[86]. Чеканку оболов и квадрантов В. Геверник объясняет развитием мелкого денежного обращения, мелкой торговли[87]. Г. Гебхарт полагает, что в конце XII в. в области Регенсбурга покупательная способность денария часто выходила за пределы потребности каждодневного мелкого обращения[88]. Видимо, одной из причин уменьшения веса монеты в XII—XIII вв. является и ее приспособление к нуждам этого обращения.

В конце первой трети XII в. на значительной части территории Германии, а несколько позже и в ряде других стран начинается выпуск брактеатов — односторонних монет, чеканенных на тонкой серебряной пластинке[89]. Малый вес, тонкость и хрупкость этого рода монет делала их годными прежде всего для внутреннего обращения.

---

[81] K. Th. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. II. Leipzig, 1891, S. 499—501.

[82] K. Lamprecht. Op. cit., Bd. II, S. 406—407.

[83] E. Born. Op. cit., S. 254.

[84] B. Homan. Geschichte des ungarischen Mittelalters, Bd. I. Berlin, 1940, S. 421; E. Born. Op. cit., S. 134—139.

[85] Чеканка монет по так называемой легкой стопе началась, например, в Веттерау около 1100 г.; вес новых пфеннигов по отношению к старым был вдвое меньшим. См. W. Hävernick. Das ältere Münzwesen der Wetterau. Marburg a. d. Lahn, 1936, S. 20.

[86] W. Hävernick. Die Münzen von Köln, S. 7.

[87] Ibidem.

[88] H. Gebhart. Der Fund von Haugenried. «Mitteilungen der Bayerischen Numismatischen Gesellschaft», München, 1932, S. 50.

[89] E. Born. Op. cit., S. 178. R. Höfke. Über das Wesen und Entwicklung der Brakteaten. «Monatsblatt der Numismatischen Gesellschaft in Wien», Bd. III, 1894, S. 302—303, 109—110; K. Günther. Untersuchungen über die Herkunft der Brakteatenform in der deutschen Münzprägung des Mittelalters. «Deutsche Münzblätter», 60, Jg., 1940, № 456. S. 178—188; 1941, № 457, S. 197—205.

Если до XII в. в различных местах Германии еще придерживались каролингских монетных традиций и каролингской монетной стопы, когда из фунта (серебра) чеканились 240 денариев и существовало, правда, очень относительное, единство монетного дела, то в XII в. различные части Германии чеканят монету самого разнообразного веса [90]. До установления феодальной раздробленности денарии королевского чекана имели хождение на всей территории империи; теперь же большинство монет обращается почти только в пределах владений сеньора, чеканившего монету [91]. Новый этап развития западноевропейской монетной системы ряд исследователей, в том числе Э. Борн, посвятивший рассматриваемому вопросу специальную монографию, называет периодом территориального, местного денария или регионального обращения [92]. Статистика кладов, как мы уже видели, подтверждает только что описанные изменения [93]. Интересно отметить, что исследователи указывают на подобные же процессы не только в Германии, но и в других странах, например, в Дании [94].

С XII в. не только развивалась мелкая повседневная торговля и товарно-денежные отношения постепенно проникали в одну сферу хозяйственной жизни за другой, но росла и крупная международная торговля [95]. Если в X—XI вв. носителями торговли были купцы, странствующие с ручной поклажей или пользовавшиеся вьючными животными, то в XII в. совершенствуется сухопутный и особенно водный транспорт [96]; объем международной торговли значительно возрастает. В произведении Рудольфа из Эмса «Добрый Герхард» («Der Gute Gerhard») герой повествования — кельнский купец, отправляясь в торговую поездку, одной из целей которой был Новгород, берет с собой 50 марок серебра [97], т. е. немногим менее 12 кг.

Состояние венецианских купцов Мейрано в XII в. исчисля-

[90] A. Suhle. Op. cit., S. 70—72.

[91] E. Born Op. cit., S. 165.

[92] Ibid, S. 154; W. Hävernick. Epochen..., S. 9.

[93] См. W. Hävernick. Epochen..., S. 8—9.

[94] G. Galster. Graese-Fundet og andere Fund pa Sjaelland af Mønter fra kongerne Niels og Erik Emune. «Aarbørger for nordisk oldkyndighed og historie». København, 1955, s. 61—101. Статья известна автору по рецензии Г. Хатца: HBzN, Bd. III, H. II, 1958, S. 607.

[95] K. Th. Inama-Sternegg. Op. cit., Bd. II, S. 382; H. Mottek. Op. cit., S. 151—155; K. Kötzschke. Op. cit., S. 506—507; W. Hävernick. Epochen..., S. 8; H. Seeger. Op. cit., S. 128—129, 149—150.

[96] С. Н. Орлов. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде. СА, 1958, № 4, стр. 207—209; М. Р. Вилсонс. Археологические раскопки в городе Риге. КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 130.

[97] P. Nolte. Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Literatur des Mittelalters. Göttingen, 1909, S. 31.

лось в 70 тыс. марок, а в отдельные торговые экспедиции на Восток итальянские купцы в начале XIII в. вкладывали суммы в 17—20 и более тысяч марок [98].

Проникновение товарно-денежных отношений в каждодневную хозяйственную жизнь вызывало снижение веса монеты, чеканку мелких номиналов и брактеатов. Феодальная раздробленность привела к пестроте и запутанности монетных систем. Поэтому состояние монетного дела, недостаточный объем чеканки и характер самой монеты не могли удовлетворить растущих запросов крупной внутренней и международной торговли. Многочисленными исследованиями нумизматов и историков средневекового денежного обращения доказано, что выход из этих противоречий и затруднений был найден в использовании в крупной внутренней и международной торговле серебряных слитков, фигурирующих в источниках обычно под названием marca argenti [99].

Слитки были более удобны для выплаты больших сумм, испытания качества серебра, транспортировки и отличались «легкой и более экономичной обратимостью из денежной сферы в ремесленную» [100]. Они всюду охотно принимались, и их можно было выгодно обменять на местную монету. Указанные преимущества иногда, вероятно, заставляли переплавлять монеты в слитки. Б. Пик, проделавший химический анализ слитков клада из г. Гота (около 1185 г.), полагает, что они изготовлены путем плавки монет тех же типов, которые найдены в этом кладе [101]. На слитки иногда переплавлялись украшения и драгоценная серебряная и золотая посуда [102]. Наконец, торговля слитками

---

[98] И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. 1, изд. 8. М.—Л., 1931, стр. 248.

[99] W. J. L. Bode. Das ältere Münzwesen der Staaten und Städte Niedersachsen. Braunschweig, 1847, S. 38—41; H. Grote. Münzstudien, № XVI, Bd. VI, H. 1. Leipzig, 1865, S. 34—75; P. Joseph. Die Münzen von Worms. Darmstadt, 1906, S. 41; J. Menadier. Die Aachener Münzen. Münzen, Urkunden und Akten. Berlin, 1913, S. 28, 60, 68; E. Born. Op. cit., S. 266—293; A. Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte. München und Berlin, 1926. S. 180—184; W. Jesse. Wendischer Münzverein. S. 24—77; idem. Münz- und Geldgeschichte Niedersachsen, «Werkstücke aus Museum, Archiv und Bibliothek der Stadt Braunschweig», H. 15. Braunschweig. 1952, S. 39; H. Buck. Das Geld und Münzwesen der Städte in der Landen Hannover und Braunschweig. Frankfurt a/M., 1935, S. 7—23; G. Löning. Das Münzrecht im Erzbistum Bremen. Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches im Mittelalter und Neuzeit. Weimar, 1937, S. 152; E. Born. Die Bremer Mark und Barrenwärung in Niedersachsen. «Blätter für Münzfreunde». Halle, 1942, S. 293—306.

[100] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 182—183.

[101] H. Buchenau und B. Pick. Der Brakteatenfund von Gotha. München, 1928, S. 1.

[102] H. Suhle. Op. cit., S. 136.

была формой, в которой происходило передвижение серебра из мест добычи в районы, где оно обращалось в качестве денег или использовалось как сырье [103]. В источниках XII—XV вв. упоминается раммельсбергское серебро, серебро из Шнееберга [104]. В. Борнеман высказывает предположение о гарцском происхождении двух слитков, найденных в 1938 г. в Зоннеборне (Тюрингия) [105].

Недавно нумизмат Г. Хатц пытался поставить под сомнение широту слиткового обращения на территории Германии, ограничивая его лишь областью Северного Гарца [106]. Хатц выдвигает два основных довода: во-первых, отсутствие находок слитков в ряде областей, в письменных источниках которых встречается термин marca argenti; во-вторых, указанный термин не всегда обозначал слиток, но мог быть и счетной единицей, возникшей в 40-е годы XIII в. [107] Но с доводами Г. Хатца едва ли можно согласиться. Источники и специальные исследования указывают на распространение слиткового обращения на всей территории средневековой Германии (в различных частях ее в большей или меньшей степени).

Ганс ван Вервеке в одной из своих статей, появившейся еще в 1932 г., проделал интересный анализ источников. Он попытался установить, как изменялся состав сокровищниц фландрских и лотарингских феодалов в XI—XII вв. [108] На многих примерах Вервеке показал, что в XII в. состав казны эволюционирует по сравнению с XI в. Вместо дорогих тканей, одежды, золотой и серебряной утвари там начинают преобладать монеты и слитки [109]. Для Аахена обращение слитков доказано работой И. Менадье, для Вормса—П. Йозефом. В городских регистрах Кельна в семидесятые годы XII в. упоминаются marcae argenti из Раммельсберга, важнейшего центра добычи серебра [110]. Под

---

[103] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 330; А. Л. Хорошкевич. Указ. соч., стр. 373.

[104] LUB, Abt. II, Bd. I, 1900, S. 420—421, № 580.

[105] V. Bornemann Bemerkungen zu dem Silberbarrenfund von Sonneborn. «Blätter für Münzfreunde». Halle, 1939, 74. Jg., № 8/10, S. 441—442; см. также: W. Hävernick. Der Silberbarrenfund von Sonneborn. Ibid., № 4/5, S. 390—392.

[106] G. Hatz. Beitrag zur mittelalterlichen Münzgeschichte Verdens an der Aller und zur Frage der Bremer Silbermarken. HBzN, Bd. III, H. II, 1958, S. 333—395.

[107] Ibid., S. 363—364, 369.

[108] H. van Verveke. Op. cit., S. 452—468.

[109] Ibid., S. 453—455.

[110] Pro 56 marc. col. monete vel 50 marc. examinati argenti quod Ramisberch appelatur; pro 56 marc. col. denariorum (12 sol. pro marca) sive pro 50 marc. argenti de Ramesberch [«Kölner Schreinurkunden», hrsg. von R. Hoeniger», Bd. I. Bonn, 1884, S. 125 (1172—1178 гг.). Цит. по кн.: K. Th. Inama-Sternegg. Op. cit., S. 412, Anm. 5].

названными раммельсбергскими марками серебра едва ли можно видеть что-либо, кроме слитков. Как показал И. Кан, в области Констанца и Боденского озера использование слитков в качестве средства платежа известно с начала XII в., а во второй четверти XIII в. движимое состояние констанцского соборного капитула складывалось не из монет, а из слитков [111]. Использование слитков в Швабии исследовано Г. Гроте [112]. Епископ Вольфгер из Пассау в свое путешествие в Италию (1203—1204) берет слитки серебра, которые по дороге успешно обменивает на местную монету [113]. Обращение слитков в Северной Германии доказано многочисленными работами Боде, Йессе, Бука, Борна, Зуле и других исследователей. Хорошо известен договор нижнесаксонских городов 1382 г., регулирующий качество слиткового серебра [114].

В сочинении конца XIII в., рассказывающем о товарах, стекающихся в Брюгге, упоминается о слитках серебра (argent en plate), поступающих туда из Венгрии и Польши [115]. Источники говорят об использовании в XIII в. слитков (plate d'argent, platas aliquas argenteas) в английской [116] и итальянской торговле [117].

Ниже мы постараемся показать, что ввоз серебра на Русь после прекращения притока западноевропейских монет осуществлялся прежде всего в виде слиткового и весового (вещевого) серебра. Выводы Г. Хатца делают совершенно необъяснимым приток серебра в Восточную Европу в XII в., в эпоху значительного уменьшения количества чеканенной монеты, находившейся в обращении.

Термин marca argenti в XII в. едва ли мог обозначать счетную единицу. Трудно представить себе одновременное возникновение двух различных счетных марок — marca denariorum и marca argenti. Сами термины «марка денариев» и «марка серебра» показывают их отличие друг от друга. В XIII в. marca argenti продолжает оставаться обозначением для слитков, иногда для весового серебра. Примеры Г. Хатца показывают лишь, что с 40-х годов XIII в. при счете на марки серебра иногда осуществлялся их пересчет на пфенниги, т. е. выплата могла про-

---

[111] J. Cahn. Münz- und Geldgeschichte von Konstanz und des Bodenseegebiet im Mittelalter. Heidelberg, 1911, S. 11, 86, 161.

[112] H. Grote. Münzstudien, Bd. VI, H. I. Leipzig, 1865, S. 34—75.

[113] W. Jesse. Quellenbuch zur Münz- und Geldgeschichte des Mittelalters. Halle a/S., 1924, S. 249—252, № 370; A. Luschin von Ebengreuth. Op. cit., S. 180; E. Born. Zeitalter des Denars..., S. 209.

[114] W. J. L. Bode. Anhang II, S. 185, № 1; H. Buck. Op. cit., S. 18.

[115] HUB, Bd. 3. Halle, 1882, S. 419, Anm. 1.

[116] Ibid., S. 323, 439, № 568 и 1306.

[117] A. Schaube. Op. cit., S. 114—115.

изводиться монетой [118]. Известно, что иногда и сумма, обозначенная в монете, выплачивалась слитками [119]. Необходимо также напомнить, что в древнерусских договорах с немцами marca argenti равнозначна гривне серебра [120], а в Рижской долговой книге встречается выражение marca Novgardensis argenti [121], под которым едва ли можно подразумевать обозначение счетной единицы, если вспомнить, что Новгород в XIII—XIV вв. не имел собственной монеты. Обращение слитков подтверждается не только письменными источниками, но и находками самих слитков. Находимые на территории Германии, скандинавских стран, на о. Готланде, в Польше и в Восточной Прибалтике слитки XII—XV вв. имеют лепешкообразную форму [122].

Наиболее ранние их находки датируются концом XI — началом XII в. [123], хотя мелкие лепешкообразные, еще плохо установившейся формы слитки бывают в кладах XI в. [124]

Сравнительно небольшое число находок на территории Германии слитков, изготовлявшихся там же, объясняется преимущественным использованием слитков в международной торговле. Здесь уместна аналогия с монетами X—XI вв., большинство которых находят за пределами стран, где они чеканились. Но англосаксонские и германские денарии указанного периода, попадая на территорию других государств, продолжали выполнять свою функцию денег, в то время как слитки являлись товаром, хотя и особого рода. Слитковое серебро шло

[118] G. Hatz. Op. cit., S. 366 (пример 336a), 369. Г. Хатц и сам указывает, что собранный им материал еще не может окончательно решить вопроса о значении термина marca argenti и доказывает лишь, что бременскую марку серебра не всегда можно идентифицировать со слитками (ibid., S. 370).

[119] H. Grote. Münzstudien, Bd. VI, H. I. Leipzig, 1865, S. 55.

[120] L. K. Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 30—31; Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XIII в. ПИДО, III. М—Л., 1940, стр. 182—183.

[121] «Das Rigaische Schuldbuch», S. 22, № 290; S. 44, № 610.

[122] N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. NZ, Bd. 62 (1929), S. 77—120: Bd. 64 (1931), S. 61—100. F. Dworschak. Ungarische Silberbarren des 12. Jahrhunderts. «Numizmatikai Közlöny», 28—29. evf., 1929—1930, Budapest, 1933, 72—73. old.

[123] Клад г. Фульда 1115 г. (F. Friedensburg. Braunschweigische Markstücke. «Blätter für Münzfreunde». Halle, 1912, Jg. 47, Sp. 5072; J. Menadier. Der Münzschatz der St. Michaeliskirche zu Fulda. ZfN, Bd. 22, 1900, S. 105). Слиток, найденный на о. Готланд (без точного указания места и датировки, но, вероятно, конца XI — начала XII в.), клад № 676 (M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Lund, 1947).

[124] Например в кладе Виньско (Винциг), Силезия, датируемом 1025 г. (E. Bahrfeldt. Der Hacksilberfund von Winzig. «Berliner Münzblätter», 1901, 22. Jg., № 252. Sp. 3049—3051); в кладе XI в. из местечка Руда, пов. Велюнь (Польша). A. Cupieniec. Przewodnik po dziale numismatycznym museum archeologicznego w Łódzi. Łódź, 1954, str. 141, tab. XXXII,

на чекан местной монеты, на переплавку в слитки местного веса и формы, на изготовление ремесленных изделий.

Явления и процессы древнерусской экономики и денежного обращения XII в. имеют много сходного с явлениями и процессами, прослеженными нами в других странах Европы.

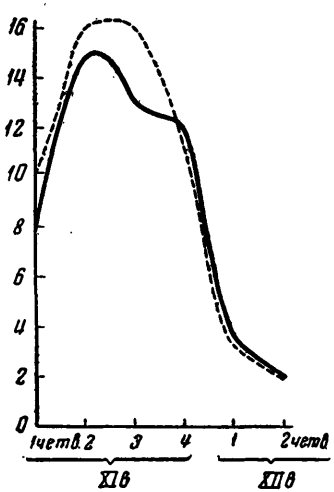


Рис. 2. Образование древнерусских монетных кладов в XI — середине XII в.: — древнерусские клады; — — — — — клады Европейской части СССР (без Прибалтики)

Если количество городов Древней Руси в XI в., по данным М. Н. Тихомирова, достигало 89, то в XII в. их насчитывается 224 [125]. Источники называют наибольшее число новых городов именно для XII в. [126] С XII в. начинается расцвет Новгорода [127]. По мнению Б. А. Рыбакова, расцвет древнерусского городского ремесла наступает около середины XII в. [128] Оно продолжает совершенствоваться и в техническом, и в художественном отношениях. Наблюдается приспособление древнерусских мастеров к массовому выпуску продукции [129]. В сельском хозяйстве примитивная отработочная рента стала уступать ренте продуктами, при которой крестьянин имел больше возможностей для производства избыточного продукта [130] и для продажи его на рынке. Внутренняя торговля в XI и начале XII в. переживает расцвет [131]. По мнению В. Л. Янина, «на протяжении X—XI вв. потребность в монете на Руси неуклонно росла», и в XII в. не имелось никаких внутренних причин для «отказа» от монеты [132]. Уже на основе этой краткой характеристики древнерусской экономики действительно можно предположить, что потребность в металлических средствах обращения должна была неуклонно расти.

---

[125] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 36, 39.
[126] Там же, стр. 36.
[127] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 15—16.
[128] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 450.
[129] Там же, стр. 278, 433, 521, 780.
[130] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. I, изд. 2-е. М., 1952, стр. 243.
[131] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути, стр. 363.
[132] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 182.

Обратимся снова к статистике кладов.

Мы располагаем сведениями о 60 датированных кладах [133] на территории Европейской части СССР, за исключением Прибалтики [134]. На рис. 2 показана динамика образования древнерусских монетных кладов за полтора столетия (XI — середина XII в.) [135].

Число кладов, уже в первой четверти XI в. достигшее десяти, растет во второй и третьей четвертях (16 и 16 кладов), несколько уменьшаясь в последней четверти этого столетия

[133] В указанное число не входят находки единичных монет (до пяти экземпляров).

[134] Из кладов Восточной Прибалтики мы можем отнести к древнерусским лишь два клада — из дер. Мокашаны и Эверсмуйже (Латвийская ССР) — на основании географического положения мест находок (верховья р. Великой) и особенно состава кладов.

[135] Использованы данные о следующих кладах: Ширинич (N. Bauer. Die russischen Funde, S. 66—70, № 2); Лодейное Поле I (S. 70—73, № 3); Буяницы (S. 73, № 4); Шпаньково (S. 75—78, № 12); Боровская (S. 78—79, № 14); Старая Ладога I (S. 80—81, № 17); Нагинщина 1 (S. 84—100, № 28); Ручьи (S. 101—109, № 33); Полна (S. 109—124, № 35); Забельское (S. 124—126, № 36); Собачьи Горбы (S. 127—131, № 49); Молоди (S. 133—134, № 50); Демшино (S. 135—140, № 54); Васьково (S. 140—146, № 56); Псковская губ. (S. 146—148, № 58); Смоленск (S. 148—149, № 60); Дорогобуж (S. 149, № 64); Полоцк (S. 149—156, № 65); Стражевичи I (S 161—162, № 68); Стражевичи II (S. 162—163, № 69); Поречье (S. 163—164, № 70); Денисы (S. 165—167, № 77); Ростов (S. 173, № 99); Даниловский уезд (S. 172, № 97); Звенигород (S. 179—189, № 126); Москва (S. 180—183, № 129); Мартышкино (S. 80, Anm. 1); Ушаки (S. 131—132, Anm. 1); Мокашаны (S. 58—60, № 115); Эверсмуйже (S. 60—64, № 116); Лодейное Поле II (N. Bauer. Nachträge..., S. 154—159, № 3/3a); Куштозеро (S. 159, № 4); Устье (S. 160, № 8/48a); Карамышево (S. 160, № 9); Скадино (S. 161—171, № 10/50a); Селезнево (S. 172, № 13/130a); Киев I—II (В. Е. Данилевич. Монетные клады Киевской губернии до первой четверти XV столетия. «Труды IX Археологического съезда», т. I. М., 1895, стр. 261—262); Людвище (R. Gaettens. Der Fund von Ludwisczcze. Halle a/S., 1934); Старая Ладога II (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, вып 11, 1945, стр. 41); Лодейное Поле III (А. А. Маркова. Третий Лодейнопольский клад... «Нумизматический сборник», «Труды ГИМ», вып. XXVI. М., 1957, стр. 134—139); Льговка (Н. М. Маслов. Льговский клад. КСИИМК, вып. 23, 1948, стр. 105—107); Новгород (Б. А. Колчин. Топография Неревского раскопа. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1, МИА, № 55, 1956, стр. 129); Дегтяны (V. Potin. Op. cit.). Неопубликованные клады, хранящиеся в Гос. Эрмитаже: Вихмязский, Нагинщина II, Свирьстрой I, Свирьстрой II, Ложголовский, Белгород-Днестровский, а также клады из д. Ручьи (руколись А. А. Марковой) и Сенненский (письменное сообщение И. Д. Галькевича). К перечисленным находкам надо добавить клады на территориях, экономически связанных с Древней Русью, но в XI в. еще слабо ею освоенных (например, Карелия, Подвинье и т. д.): Падмозеро (N. Bauer. Die russischen Funde, S. 66, № 1); Благовещенское (S. 173, № 15); Вещево-Хейньоки (S. 25, № 28); Сосново-Рауту (S. 25, № 27); Куркийоки (S. 24, № 25); Куолаярви (S. 23—24, № 23); Крещеный Баран (S. 184, № 130a); Хроменьце (K. Stronczyński. Dawne monety polskie dynastyi Piastów i Jagiellonów. Cz. I. Piotrków, 1883, str. 68).

(13 кладов). Если учитывать клады только на основной древнерусской территории, динамика зарытия кладов остается почти неизменной (8, 15, 13, 12 кладов).

Необходимо подчеркнуть, что до 20-х годов XI в. на территории Руси важную роль продолжает играть восточная монета, составляющая значительную часть кладов этого времени [136]. Следует иметь в виду и различия в значении кладов восточных

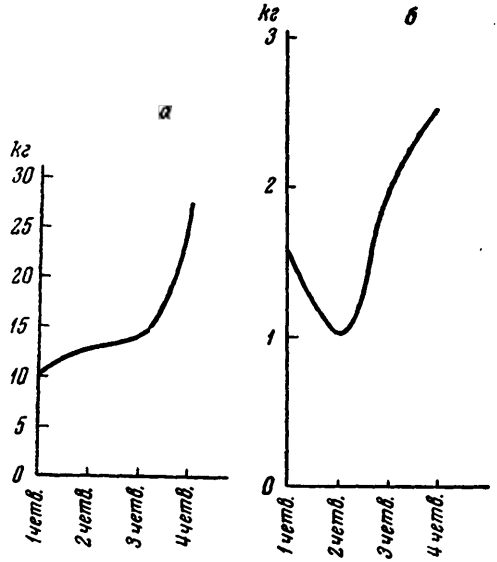


Рис. 3. Вес кладов монет в XI в.:
а — общий вес кладов; *б* — средний вес кладов

монет и кладов западноевропейских денариев для изучения денежного обращения Древней Руси. Ареал обращения дирхема был весьма велик, охватывая не только древнерусскую территорию, но и Прибалтику, скандинавские страны, Польшу и другие западнославянские земли до Эльбы. Основной путь проникновения дирхема на Запад проходил через Восточноевропейскую равнину. Поэтому можно не удивляться величине древнерусских кладов куфических монет, ибо, оценивая их, надо учитывать потребности в монете не только Руси, но и всей огромной области обращения дирхема. Приток же западноевропейских монет вызывался «исключительно внутренними потребностями русской экономики... Русь была конечным пунктом движения денария с Запада на Восток» [137]. В связи с этим

[136] См. В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 152—153.
[137] Там же, стр. 153.

клады западноевропейских монет дают возможность более точно проследить экономические процессы и явления Древней Руси.

Возвращаясь к рис. 2, мы отмечаем резкое падение числа кладов с начала XII в. (три клада первой четверти столетия и два — во второй). На причинах прекращения притока западноевропейских монет мы останавливались выше. Но можем ли мы сказать что-либо о предполагаемом росте потребности в металлических средствах обращения в результате проведенного формального анализа числа кладов? Нет, пока не можем. Для того, чтобы картина древнерусского денежного обращения стала более ясной, надо учесть, во-первых, величину кладов, во-вторых, роль иных металлических средств обращения. Выше (рис. 3) мы даем график веса кладов монет рубленного серебра (Hacksilber) и серебряных слитков XI в. (всего по данным о 47 кладах, включая два клада слитков) [138].

На первую четверть XI в. приходится 7 кладов (общим весом в 10 864 г, на вторую — 16 кладов (13 351 г), на третью — 13 кладов (13 797 г), на четвертую — 11 кладов (27 803 г). Средний вес кладов за каждую четверть XI в. соответственно — 1552, 1014, 1976, 2527 г [139]. Из приведенных данных видно, что, за исключением переходного времени — второй четверти XI в., когда уменьшается средний вес кладов, причины чего мы попытались объяснить выше, XI столетие характеризуется непрерывным увеличением количества металлических средств обращения (прежде всего монеты) и повышением среднего веса кладов. Указанные изменения говорят о росте денежного обращения, увеличении объема торговых сделок, богатств феодалов-землевладельцев и купцов, которые, как правило, были владельцами зарытых сокровищ.

Гораздо бóльшие трудности представляет изучение кладов XII в., состояших главным образом из слитков, часто в сопровождении вещей, но очень редко встречающихся совместно с монетами. Датировка слитков еще очень неточна и допускает колебания в 50—100 лет [140]. Вещевые клады XII в. в работе

[138] Клады монет на основной древнерусской территории, указанные в прим. 135 на стр. 103 за исключением следующих кладов: Дорогобужского, Киевских и кладов XII в.: Шпаньковского, Скадинского, Первого Лодейнопольского и Белгород-Днестровского. Как уже было сказано выше, учитываются клады слитков — Великоселецкое I и Великоселецкое II (NZ, Bd. 62, 1929, S. 84, № 7, 8).

[139] По материалам кладов, использовавшихся для подсчета общего веса находившегося в обращении серебра, исключая восемь находок, из состава которых нам известна лишь незначительная часть (клады Ушаковский, Ростовский, Даниловский, Мартышкинский, Куштозерский, Сенненский, Льговский, из Псковской области), а также монеты, обнаруженные при раскопках в Новгороде.

[140] NZ, Bd. 62, 1929, S. 101—111; Bd. 64, 1931, S. 86—91.

Г. Ф. Корзухиной датируются весьма условно. Они разделены ею на две группы кладов, зарытых в XI — начале XII в., а также между 70-ми годами XII в. и 1240 г.[141] Такая хронологическая классификация кладов приводит к зачеркиванию промежутка в 50—60 лет между началом и 70-ми годами XII в. Так как большинство кладов последнего периода (70-е годы XII в.— 1240 г.) Г. Ф. Корзухина связывает с монгольским нашествием[142], то хронологический разрыв увеличивается еще больше. Таким образом, почти все монетные гривны, найденные в вещевых кладах, должны быть отнесены к XIII в., в то время как сама Г. Ф. Корзухина считает, что «отливка денежных гривен определенного веса относится к концу XI в.»[143]. Такого же мнения придерживаются В. Л. Янин и И. Г. Спасский[144].

Попытаемся выделить хотя бы некоторые клады XII в., содержавшие слитки. К ним исследователи относят клады из Киевской усадьбы Гребновского (1889 г.), из Сахновки (1900)[145], из Старой Рязани (1908)[146]. Слитки XII в. содержал Кутуковский клад (1673)[147]. Н. П. Бауер датирует этим же временем так называемые «черниговские» слитки, найденные в ряде кладов[148].

К наиболее ранним новгородским слиткам относятся длинные слитки Тверского, Херсонесского и Пустополковского кладов, лишенные еще высокой «спинки», характерной для более поздних монетных гривен этого типа. Н. П. Бауер, первоначально относивший их к XIII в., в одной из последних своих работ уточнил их датировку первой четвертью XIII столетия[149]. Но начало изготовления длинных новгородских гривен надо отнести по меньшей мере к XII в., так как слитки такого типа уже встречаются в готландских кладах XI—XII вв.[150] Ряд нов-

[141] Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 23—32, клады № 29—64 и 65—175.

[142] Там же, стр. 43—46.

[143] Там же, стр. 28.

[144] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 161—162, 170—171; И. Г. Спасский. Русская монетная система, стр. 33.

[145] NZ, Bd. 62, 1929, S. 101, № 39—40.

[146] А. Ф. Федоров. Монетные клады Рязанской губернии. «Труды Спасского отделения Общества исследователей Рязанского края», вып. II. Спасск, 1928, стр. 7; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 170.

[147] Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 142—143, № 161.

[148] NZ, Bd. 62, 1929, S. 111—116, № 87—94.

[149] NZ, Bd. 64, 1931, S. 61—68; Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента, стр. 202.

[150] Так, слитки Тверского клада, хранящиеся в Гос. Эрмитаже под инвентарными номерами 536, 576, 698, 706, 747, однотипны или полностью совпадают со слитками кладов Готланда, изображенными в книге М. Стенбергера (M. Stenberger. Op. cit., Bd. I. Lund, 1947, № 293, табл. 7, рис. 14; № 427, табл. 229, рис. 5; № 42, табл. 235; № 500, табл. 239, рис. 8; клады датируются серединой XI — началом XII в.).

городских гривен, датировавшихся прежде еще более поздним временем, чем слитки Тверского и некоторых других кладов, также имеют аналогии в кладах о. Готланда [151].

Гривны киевского типа обычно датировались XII — первой половиной XIII в. [152] Уже В. Л. Янин правильно указывал, что начало обращения киевских слитков надо искать не в XII, а в XI в. [153] В литературе отмечался случай находки киевской гривны в составе клада куфических монет [154]. Таким образом, мы видим, что обращение киевских и части новгородских гривен надо отнести к более раннему периоду, чем это делалось до сих пор, хотя массовое применение слитков начинается на Руси где-то на рубеже XI—XII вв. Об этом говорит и общий состав кладов, и то, что именно с XII в. в источниках часто используется термин «гривна серебра» [155].

После этих предварительных замечаний мы можем сделать некоторые сопоставления количества металлических средств обращения в XI и в XII вв. При этом надо учесть, что основная масса серебра в XI в. использовалась в виде монеты, обслуживавшей и мелкую, и крупную торговлю, бывшей средством платежа и при незначительных, и при весьма солидных для своего времени сделках, в то время как в XII в. мы имеем дело почти исключительно с обращением слитков, использовавшихся при крупных платежах.

Примерный вес древнерусских кладов монет (вместе со слитками и так называемым «рубленым серебром») XI в. несколько более 65 кг. С учетом монет, найденных в могильниках,

[151] Например, слиток из Рязанского клада 1828 г. (Гос. Эрмитаж, инв. № 500) полностью совпадает по размеру и форме со слитком Готландского клада Домерарве (1080 г.) (M. Stenberger. Op. cit., № 613, табл. 260, рис. 12). Того же типа, что и последний слиток,— гривны Рязанского клада (инв. № 499) и Старковского клада 1883 г. (инв. № 518). Гривна (половинка) Старковского клада и гривна Новгородского клада 1850 г. (инв. № 735) весьма напоминают слиток клада Седра Бюруммет (ок. 1050 г.) (ibid., № 569, табл. 220, рис. 9).

[152] NZ, Bd. 62, 1929, S. 101—111; А. А. Ильин расширял время их обращения до начала XIV в. (А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пб., 1921, стр. 7). Б. А. Рыбаков считал, что они появляются не ранее середины XII в. (Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 244).

[153] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 71. Янин указывает на находку шестиугольного киевского слитка при раскопках Новгорода в 1954 г. в слое второй половины XI в. Точнее находка датируется 1070—1080 гг. (Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 104, 137).

[154] Клад из с. Борки Рязанской губернии (1875) (А. Ф. Федоров. Монетные клады Рязанской губернии. Спасск, 1928, стр. 8).

[155] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 162. См. также мнение по этому вопросу: Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 391. Примеры использования термина см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стб. 589—591.

русских серебряников и обнаруженных отдельно от западноевропейских монет византийских милиарисиев, названную цифру надо увеличить до 70—72 кг. Монеты и та незначительная часть слитков, которую мы уже теперь можем отнести к XII в., по нашим подсчетам, имеют вес свыше 42 кг [156]. Но при этом надо учесть, что на время с XII в. по 40-е годы XIII в. приходится значительное число слитков с весом около 130 кг [157]. Немалая часть этих слитков, надо полагать, была уже в обращении в XII в. Конечно, подсчеты наши весьма приблизительны, но они могут свидетельствовать, что, несмотря на ряд трудностей, которые переживала в XII в. русская торговля [158], все же развитие ее происходило по восходящей линии, что объем ее возрастал [159] и «переход к феодальной раздробленности отнюдь не остановил развития товарного производства» [160].

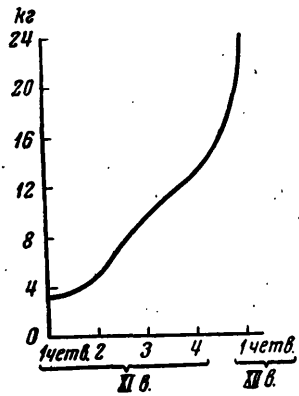


Рис. 4. Крупнейшие клады XI—XII вв.

Об этом же говорит и рост величины кладов (рис. 4). Самый крупный клад первой четверти XI в. (из с. Денисы) весил 3550 г, второй четверти (Боровский клад) — 4800 г, третьей четверти (Полоцкий клад) — 9430 г, четвертой четверти (Вихмязский клад) — 13 004 г. Наибольший клад XII — начала XIII в. (Тверской весили свыше 24 кг [161].

---

[156] NZ, Bd. 62, 1929, клады № 39, 40, 87—94, 110, 111, 113; Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., слитки клада № 161; А. Ф. Федоров. Монетные клады, стр. 7, слиток Старорязанского клада; монеты первого Лодейнопольского, Спанковского, Скадинского и Белгород-Днестровского кладов.

[157] NZ, Bd. 62, 1929, слитки кладов № 41—64, 65—84, 95—108; Bd. 64, 1931, № 116, 118, 121, 165, 166. 168, 187; Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., № 66, 67, 76, 77, 97, 104, 109, 120, 137.

[158] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути, стр. 318; Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 102, 109.

[159] Ср. ошибочное мнение: J. Kinkel. Die altrussische Volkswirtschaft nach den ältesten literarischen und Rechtsquellen Altrussland (von 6. bis 14. Jahrh.). VfSWG, Bd. X, 1912, S. 324.

[160] Л. В. Данилова и В. Т. Пашуто. Товарное производство на Руси (до XVII в.). ВИ, 1954, № 1, стр. 123.

[161] Мы склонны предполагать возможность зарытия Тверского клада в конце XII в., а не в период монгольского нашествия, как думают Б. А. Рыбаков («Ремесло Древней Руси», стр. 239) и Г. Ф. Корзухина (указ. соч., стр. 44). В пользу нашего предположения говорит состав клада: большинство гривен — наиболее раннего киевского типа, им сопутствуют новгородские слитки XII в. Остальные типы слитков, например литовские.

Рязанский клад 1828 г., относящийся к XIII в., весил свыше 39 кг [162].

Проделанный нами анализ кладов говорит не только о значительном количестве серебра, находившегося в обращении в XII в., но и о продолжавшемся его притоке на Русь из других стран Европы [163]. В XII столетии, как мы видели, приток серебра не мог осуществляться в форме монеты, ибо для этого времени характерно ослабление чеканки, уменьшение внешних кладов Германии, одного из главных экспортеров этого металла. Уже отмечалось, что в XII в. для внешнеторговых расчетов стали все более применяться слитки. Но что говорят письменные источники о роли слитков в древнерусской торговле с другими странами?

Обратимся к Рижской долговой книге 1286—1352 гг., использовав ее наиболее обширную часть, относящуюся к XIII в. Оплата долговых сумм, согласно записям книги, производилась различно. Долг мог погашаться поставкой товаров: воска, тканей, железа, но мог и возмещаться уплатой в серебре или монете. Оставив в стороне записи о выплате натурой, так как вопрос об этом разбирался выше, обратимся к терминологии книги, касающейся сделок в двух последних формах.

Все интересующие нас термины, говорящие о характере сделок, можно разделить на три группы: во-первых, сделки, в записи которых фигурирует marca argenti (№ 2, 560, 561) [164],

должны были находиться в обращении уже на рубеже XII—XIII вв. (см. Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 66—67). Некоторые вещи клада отличаются своей архаичностью: серебряные серьги имеют сходство с серьгами из Забельского (1080 г.) и Шалаховского кладов (рубеж XI—XII вв.) (ср. Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 97—98, № 49, и стр. 26). Серебряная цепь имеет наконечники из звериных голов, но наконечники такого рода уже не изготавливались в XII—XIII вв. (ср. там же, стр. 148 и 26). Замки шейных гривен снабжены ушками, что характерно больше для XI в., чем для XII—XIII вв., когда был распространен замок в виде двух трубочек на концах пластинчатых наконечников (ср. там же, стр. 25, 148; см. также: «Записки Русского археологического общества», т. XI, 1915, стр. 13).

[162] NZ, Bd. 64, 1931, S. 67, табл. 8, № 10 (118).

[163] Еще М. Д. Хмыров («Металлы, металлические изделия и минералы в древней России». СПб., 1875, стр. 57—59, 60—61) отмечал, что Русь и в XII в. была богата серебром. А. Аттман пишет, что богатые клады золотых и серебряных слитков на русской земле в 1100—1400 гг. являются свидетельством импорта серебра с Запада на Русь [A. Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik (1558—1595), Lund, 1955, s. 62]. Плохое качество серебра некоторых ремесленных изделий XII в. можно объяснить массовым характером продукции. Интересно отметить, что серьги Харивского клада (VII—VIII вв.), украшенные зернью и сканью, имели пробы 875—916, в то время как серьги простой работы — 600 (см. Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. «Археологія», т. VIII. Київ, 1953, стр. 42).

[164] В скобках даны лишь примеры употребления терминов, а не полный их перечень.

marca argenti Rigensis (№ 182, 296), marca Novgardensis argenti (№ 290, 610); во-вторых, сделки, в записи которых говорится только о марке и ее фракциях (ferto, loto, satin) без уточняющего слова argenti (№ 2, 560, 561); в-третьих, сделки, из записи которых явствует, что они полностью или частично оплачивались в монете, например: marca in denariis (№ 828), marcae denariorum (№ 77), marcae in numero denariorum (№ 94) и т. п.

По общепризнанному мнению исследователей, под marca argenti следует понимать слиток серебра в марку весом [165]. Под словом marca без добавления argenti в большинстве случаев надо, по-видимому, также понимать слиток или весовое серебро. Такого мнения придерживался издатель Рижской долговой книги Г. Гильдебранд [166].

Подобное толкование термина подтверждают и следующие наблюдения: во-первых, в ряде записей Рижской долговой книги наряду с маркой упоминаются и ее весовые фракции — фертоны, лоты и сатины; во-вторых, разница между весовой маркой серебра и счетной маркой пфеннигов была значительной (6—7 : 1), а должник и кредитор были, конечно, заинтересованы в точной записи суммы долга; в-третьих, в записях встречаются упоминания marcae Novgardensis (например, № 212: centum marcae Novgardensis et centum marcae Rigensis), без добавления argenti. Но под новгородской маркой серебра обычно понимают гривну серебра, слиток.

В первой группе (с расчетами на марку серебра) — 365 записей, во второй группе (со счетом марками, без добавления слова argenti) — 584 и в третьей группе (долги, обозначенные в счетной марке пфеннигов) — 71. Таким образом, расчеты в монете прямо указаны в 71 случае из 949 [167]. Даже если учесть, что марка серебра в ряде случаев могла быть счетной единицей, все же можно утверждать, что большинство сделок совершалось с оплатой нечеканенным серебром.

В. Йессе произвел подобные подсчеты для Любека, использовав его городскую книгу. За время с 1200 по 1300 г. на 64 сделки в marca denariorum приходится 39 в marca argenti [168]. Здесь мы видим соотношение в пользу расчетов монетой, но все же и в этом северогерманском городе около 38% городских сделок осуществлялось с помощью слитков. В письме Гамбур-

---

[165] См. выше, стр. 100—101. Иногда это мог быть не слиток, а серебряный лом или вещевое серебро.

[166] H. Hildebrand. Op. cit., S. XLVII—XLVIII. См. также мнение К. Лампрехта: K. Lamprecht. Op. cit., S. 386—387.

[167] H. Hildebrand. Op. cit., S. 1—117 (расчеты произведены за период с 1286 по 1300 г.).

[168] W. Jesse. Wendische Münzverein, S. 76.

га к Любекскому совету 1259 г. прямо говорится о вывозе серебра через Гамбург с указанием на то далекое время, когда вывоз серебра через море еще не был обычным [169]. О торговле серебром говорят и ганзейские документы 1265 и 1352 гг. [170]

Из приведенных данных видно, что в XIII в. в Восточной Прибалтике, являвшейся воротами, открывавшими путь на территорию Руси, торговля велась путем взаимной поставки товаров или на слитки, весовое серебро, причем вторая форма торговли преобладала.

В XIII в., которым датируются использованные записи Рижской долговой книги, по сравнению с XII в. чеканка монет в Германии значительно выросла. В это время появляются первые золотые монеты и начинается чекан более крупных серебряных [171]. Поэтому для XII в., когда чеканка монеты была весьма слабой [172], относительное значение слитков в торговле Западной Европы с Восточной должно было быть еще более высоким.

Прямые указания источников о ввозе на Русь слитков немногочисленны и относятся к сравнительно позднему времени.

В грамоте рижан витебскому князю Михаилу Константиновичу 1298 г. упоминается о 70 гривнах корного серебра [173]. А. К. Марков первый сумел объяснить выражение «корное серебро» как название немецких лепешкообразных слитков [174]. В дальнейшем такое толкование было поддержано Н. П. Бауером [175]. В документах XIV—XV вв. неоднократно ведется счет серебра на штуки (Stukke Sulvers, Stucke Zulvers и т. п.) [176]. В 1436 г. русские жаловались, что ввозимое серебро хорошее только сверху, а внутри плохое [177]. Интересен ответ Рижского совета Ивану IV в 1550 г., который писал в Ригу о плохом качестве ввозившихся талеров. Совет заявлял, что талеры чеканятся в большом количестве за границей и ввозятся теперь вместо серебряных слитков (Sulverkokenn), что совет сам охотно

---

[169] A. Kisselbach. Die wirtschaftlichen Grundlagen des deutschen Hanse und Handelsstellung Hamburgs bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts Berlin, 1907, S. 105.

[170] HR, Bd. 1. Leipzig, 1870, S. 7, § 14; S. 108, № 176, § 1.

[171] A. Suhle. Op. cit., S. 137—142.

[172] См. выше, рис. 1.

[173] РЛА. стр. 27.

[174] А. А. Ильин. Топография..., стр. 4.

[175] Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента, стр. 186.

[176] 70-е годы XIV в.— HUB, Bd. III. Halle, 1882, S. 318—319, № 566; 1393 г.— HUB, Bd. V. Leipzig, 1899, S. 69, № 119; 1396 г.— LUB, Bd. IV. Reval, 1859, S. 267, № 1510; 1409 г.—HUB, Bd. V. S. 463, № 883; 1412 г.— ibid., S. 563, № 1084; 1413 г.— ibid., S. 570, № 1093.

[177] LUB, Bd. IX. Riga — Moskau, 1889, S. 42, № 80, § 9.

бы допустил ввоз слитков, как в прежние времена [178]. В этом документе имеется указание на форму слитков — Silberkuchen — круглых лепешкообразных слитков, о которых говорилось выше. В таможенной новгородской грамоте 1571 г. упоминается «серебро немецкое, ефимки и полуефимки, и шкили, и всякия немецкия деньги, и корки серебряныя с немецкими клейны» [179]. Лепешкообразные серебряные слитки найдены на о. Готланд [180], в Эстонии [181]. Непосредственно на территории Древней Руси кладов с немецкими слитками не найдено. Весьма близок по форме и весу к немецким слиткам слиток Борщовского клада. Датировка этого клада противоречива, и настаивать на безусловном немецком происхождении слитка, как это делал Н. П. Бауер [182], нет достаточных оснований.

Чем же объяснить почти полное отсутствие, так сказать, вещественных доказательств ввоза слитков на Русь в XII—XIV вв.? Нужно отметить, что источники по истории русско-немецких отношений XIII—XV вв. удивительно внимательны к вопросам плавки серебра, принадлежащего иностранным купцам, пребывающим на Руси. Эти вопросы затрагивает и договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. [183], и немецкий вариант проекта договора с Новгородом 1268 г. В последнем документе говорится не только о приеме серебра официальным ливцом (так, вероятно, надо понимать выражение «examinator argenti»), но и указываются подробности расчета с немцами «после переплавки металла, при котором ливец должен высчитать «Superposicio» [184]. Сарториус и Лаппенберг понимают под этим термином добавление лигатуры, меди, которое затем должно быть учтено [185]. Наиболее вероятным нам кажется понимание под Superposicio «угара», убыли серебра при переплавке серебряного сырья в слитки.

Как доказано И. Г. Спасским и М. П. Сотниковой, «угар» постоянно учитывался при литье слитков и до конца XIV в. отмечался на них специальными нарезками [186]. В 1335 г. немцы

---

[178] «Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga». Riga, 1896, S. 214.

[179] А. А. Ильин. Топография..., стр. 4.

[180] M. Stenberger. Op. cit., S. 258—259, № 676; HBzN, H. II, 1957. S. 364.

[181] NZ, Bd. 62, 1929, S. 99; Bd. 64, 1931, S. 63, № 114.

[182] Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента, стр. 203; NZ, Bd. 62, 1929, S. 98, № 38; Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 85, № 17.

[183] HUB, Bd. I. Halle, 1876, S. 232; «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 66.

[184] L. K. Goetz. Handelsverträge, S. 155.

[185] Ibidem.

[186] М. П. Сотникова. Серебряные платежные слитки Великого Нов-

требовали от новгородцев, чтобы ливцы серебра отвечали бы совместно, если один из них, взяв серебро для переплавки, бежал бы[187]. В 1402 г. лифляндские города пишут немецким купцам в Новгороде, что серебро может приниматься только официальными ливцами[188]. Новгородская скра также не раз говорит об отвешивании серебра ливцами[189].

Такое постоянное внимание источников к вопросам плавки серебра заставляет предполагать, что немецкие слитки, вещевое серебро[190], возможно, монеты, в небольшом количестве проникавшие в Восточную Европу, уже частично переплавлялись иноземными купцами у русских городских ливцов. Те же немецкие слитки и монеты, которые в результате торговых сделок попадали в руки русского купечества, видимо, также в редчайших случаях избегали переплавки в слитки в стране, где обращение их было необычайно развито, а монетного обращения в течение долгого времени не было. Известно о литье слитков в Риге, Новгороде, Киеве. Разнообразие типов слитков позволяет думать и о других центрах их производства. Литье слитков, вероятно, производилось не только городскими ливцами, но и при княжеских дворах. Об этом свидетельствует известное сообщение Ипатьевской летописи под 1288 г. о том, что князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»[191].

Западные монеты конца X — начала XII в., поступая на Русь, продолжали выполнять свои старые функции, обслуживая древнерусское денежное обращение. Обращение же слитков развивалось на западе и востоке Европы параллельно, хотя на Руси оно приобрело бо́льшие размеры. Немецкие слитки серебра были прежде всего товаром, правда, особого рода, с помощью которого было наиболее легко совершать всевозможные коммерческие расчеты. Чтобы стать составной частью русского денежного обращения, они должны были принять форму и вес русских слитков.

города (вопросы техники и эпиграфики). Автореферат канд. дисс. Л., 1956, стр. 13—16.

[187] HUB, Bd. II. Halle, 1879, S. 250, № 569; L. K. Goetz. Handelsverträge, S. 156; М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, стр. 159.

[188] L. K. Goetz. Handelsverträge, S. 156.

[189] W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1914, IV ред., § 45; V ред., § 53; VI ред., § 31.

[190] Ввоз его засвидетельствован договором 1229 («Памятники русского права», стр. 66). О драгоценностях «латинского» происхождения сообщает Киево-Печерский патерик («Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 215).

[191] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 914.

У нас нет прямых свидетельств, кроме нескольких монетных кладов, о ввозе на Русь серебра в XII в. Но значительное увеличение масс этого металла, находившегося в обращении, анализ форм европейской торговли, свидетельства более поздних источников, часть которых восходит к началу XIII в., т. е. к верхнему рубежу исследуемой эпохи, говорят, что такой ввоз осуществлялся, что серебро поступало на Русь в значительной мере в виде нечеканенного металла, в виде слитков.

В XIII—XV вв. с ростом европейской чеканки мог увеличиться и приток на Русь иностранной монеты, но XII век, переломный в развитии денежного хозяйства Европы, сделал свое дело — привел к использованию новых средств обращения в древнерусской мелкой розничной торговле. Поступавшие монеты могли идти только на слитки, на изготовление ремесленных изделий, и, наконец, с XIV в. для чеканки собственной монеты.

Может возникнуть вопрос: почему с прекращением притока западноевропейских монет и при наличии запасов серебра все же произошел «отказ» русского денежного обращения от использования монеты? Почему русский чекан возобновился не в XII, а в XIV в.? Выяснение причин так называемого «безмонетного периода» выходит за рамки избранной нами темы, требуя глубокого и всестороннего изучения. Мы можем здесь отметить лишь некоторые явления в развитии европейской экономики XII в., которые не могли не иметь места и на территории Древней Руси. Мы имеем в виду то обстоятельство, что при общем росте товарно-денежных отношений в XII в. меновая торговля и натуральные повинности продолжали играть весьма важную роль.

По известному Кобленцскому тарифу 1104 г., пошлина в большинстве случаев взимается натурой [192]. Первое Страсбургское городское право говорит не только об оплате купленных товаров деньгами, но и о меновой торговле [193]. В ряде случаев сказывался недостаток монеты, характерный для XII в. Избранный в 1190 г. трирским архиепископом прелат Иоанн не имел достаточно наличных денег, чтобы заплатить за паллиум, и должен был взять под залог золотые вещи из соборной церкви [194].

Итальянский историк Ромео Розарио приводит данные о характере повинностей крестьян в области Мантуи. Если перед 1099 г. в документах отмечено три случая выплаты повинностей в денариях, то в 1110—1149 гг.— лишь один случай.

[192] F. Keutgen. Op. cit., S. 48—50, № 80.

[193] «Urkundenbuch der Stadt Strassburg», Bd. I. Bearb. W. Wiegand. Strassburg, 1879, S. 470 № 616.

[194] A. Dopsch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930, S. 165.

В 1150—1199 гг. оброк в денариях отмечен 24 раза, натурой 19 раз и смешанный — 5 раз [195].

Если в областях с развитой монетной чеканкой можно указать на отдельные случаи роста натурального обмена и натуральных повинностей, вызванных недостатком монеты, то на Руси, не имевшей прочных традиций монетного дела, почти полное прекращение притока западноевропейских денариев, естественно, должно было привести в сфере мелкого розничного товарооборота к усилению меновой торговли.

В связи с публикацией за границей сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего на Руси в середине XII в., снова высказано предположение об использовании в безмонетный период так называемых меховых денег [196].

Только дальнейшие исследования, обобщающие накопленный археологический материал и данные письменных источников, могут решить вопрос о формах мелкого розничного товарооборота в безмонетный период.

* * *

Dans les années 40 du XII-e siècle, l'afflux en Russie des déniers d'Europe Occidentale cesse brusquement. D'ordinaire ce phénomène était expliqué par la baisse sensible de la qualité de l'argent des pièces de monnaie. Mais, à l'époque dont il est question l'argent des pièces de monnaie occidentales n'avait pas subi de modifications si importantes pour avoir pu être la cause du «refus» de son importation.

A la suite de l'apparition des relations «marchandise-argent» dans l'économie féodale des Etats européens, on voit s'accroître le besoin intérieur en monnaie; celle-ci s'adapte aux besoins du commerce intérieur. Le caractère territorial de la monnaie du XII-e siècle, son poids insignifiant étaient en contradiction avec les besoins croissants du commerce extérieur qui devait modifier ses formes et, en particulier, avoir recours à l'utilisation de l'argent en lingots.

L'accroissement de la quantité d'argent en circulation en Russie au XII-e siècle, par rapport au XI-e, prouve que ce métal continuait d'affluer, mais l'absence presque totale de découverte de monnaies de la seconde moitié du XII-e siècle prouve, d'après l'auteur, que l'argent n'était plus importé sous forme de monnaies, mais sous forme d'objets et de lingots.

---

[195] R. Rosario. La Signorina dell'abate di Sant Ambrosio di Milano sul comune rural di origgio nel secole XIII. «Rivista storica Italiana». Napoli, A. LXIX (1957), t. IV, p. 475.

[196] А. Л. Монгайт. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домоигольский период. ВИ, 1958, № 3, стр. 183—188; его же. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 169—181.

Б. Влодарский

ЯТВЯЖСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПОЛЬСКО-РУССКИХ СВЯЗЯХ X—XIII вв. *

Известный арабский купец родом из Испании Ибрагим ибн Якуб в своем описании, совпадающем по времени с периодом правления Мешко I в Польше, сообщает, что Польское государство граничит на севере с прусскими племенами [1]. Из источников периода Мешко I известно, что тогда, когда Ибрагим собирал сведения о восточных соседях Франкского государства, польско-прусские отношения были добрососедскими. Об активной политике Мешко I ничего неизвестно, хотя выход к восточному побережью Балтийского моря, если учитывать территориальное положение Польши, был бы для нее весьма важен, так как Польша тяготела к устью Одры (Одера) и западным границам.

В соответствии с древнейшим польским документом — «Dagome iudex» (990—992 гг.) — граница Польши проходила по морскому побережью до границ прусских земель, а затем по прусской границе до пределов Руси [2]. При этом неизвестно, чтобы в этот период со стороны прусских племен осуществлялись враждебные действия по отношению к соседям. По-види-

---

* Ятвяжскую проблему в польско-русских взаимоотношениях я рассматриваю с иной точки зрения, нежели она представлена в современной исторической литературе. Ограниченность размера статьи не дает возможности подробно и полно обосновать мою точку зрения, в силу чего, быть может, некоторые вопросы не найдут здесь всестороннего освещения. Подробно см. B. Włodarski. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich. «Zapiski Historyczne». Toruń, 1959, t. 24, zesz. 2—3.

[1] Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich. MPH., seria II, t. I. Kraków, 1946, p. 50.

[2] «...infra hos affines, sicuti incipit a primo latere longum mare, fine Pruzze usque in locum, qui dicitur Russe» (J. Ptaśnik. Dokument Dagome iudex. Kraków, 1911, str. 21).

мому, у этих племен были слабо развиты тенденции к образованию государства [3].

Другим государством, граничащим с территорией пруссов, была Русь. Когда власть киевских князей распространилась на Турово-Пинскую землю, они столкнулись с самым многочисленным и сильным из прусских племен — ятвягами [4]. Несмотря на отдаленность Киева от Ятвяжской земли, имевшей естественными границами болота и леса, уже со времен Владимира Святославича совершаются частые походы войск русских князей на ятвягов. Советские историки считают, что исторические судьбы Руси были издавна тесно связаны с судьбами народов восточного побережья Балтийского моря [5].

Распространение власти Древнерусского государства в направлении прусских земель имело большое хозяйственное значение. Несомненно, что главные торговые пути «из варяг в греки» проходили по Днепру и Волхову к Новгороду и Ладоге [6], однако во внешней торговле [7] важную роль могли играть также Западная Двина [8] и Неман, который в верхнем течении протекал по русской земле. Владение устьем Немана сократило бы торговый путь на запад и в скандинавские страны. Русская западная торговля проходила транзитом через Польшу; когда же возникали конфликты с Польшей, Русь была

[3] Г. Ловмяньский (H. Łowmiański. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów. «Przegląd Historyczny», t. 41. Warszawa, 1950, str. 158) считает, что тенденции к экспансии, которые выявляются в племенном обществе, можно рассматривать как симптомы внутреннего брожения, в результате которого при обычном процессе происходит образование новых форм государственного строя.

[4] Турово-Пинское княжество возникло на территории славянского племени дреговичей с городами Пинском и Туровом на Припяти. Города эти, лежащие на пути из Киева в Польшу, по которому проходили войска и купцы, были значительными политическими центрами уже в X в. О роли этого княжества свидетельствует тот факт, что киевские князья направляли сюда своих старших сыновей (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 414—415). Название «ятвяги» в польских источниках встречается впервые в документах Конрада Мазовецкого в XIII в. Это название он принял от русов, с которыми был в тесном контакте. Первоначально ятвягов поляки называли Pollexiani либо Geti (Kronika Wincentego Kadłubka. MPH, t. 2, p. 421; см. St. Zajączkowski. O nazwach ludu Jadźwingów. «Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu», t. 18. Toruń, 1953, str. 175 n). Границы территории ятвягов обозначает А. Каминьский (A. Kamiński. Jaćwież. Łódź, 1953); Петр. Дюсбург (Petrus de Dusburg. Chronica terrae Prussiae. SRP, t. 1) характеризует ятвягов как самое многочисленное и сильное прусское племя.

[5] В. Т. Пашуто. О возникновении Литовского государства. ИАН, серия истории и философии, 1952, т. IX, № 1, стр. 42.

[6] ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 11.

[7] О русско-немецких отношениях см. Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2. М., 1959, стр. 389—390.

[8] О Западной Двине как о третьем водном речном пути наряду с Днепром и Волгой см. ПВЛ, ч. 1, стр. 12.

вынуждена пользоваться дальним, окольным путем к северным портам Балтийского моря, хотя путь через прусские земли был короче.

Повесть временных лет сообщает, что Владимир Святославич жил в согласии со всеми соседями, а также с польским князем Болеславом[9]. Правление Владимира Святославича было периодом расцвета Древнерусского государства[10]. В 981 г. Владимир занимает червенские города[11], а два года спустя (983 г.) идет походом на ятвягов, которых подчиняет[12]. В то время ятвяги не признавали господства над собой Руси, с которой они имели, по-видимому, связи, как можно предполагать на основании участия ятвяга в посольстве князя Игоря в Византию (944 г.)[13]. Поход 983 г. распространял господство Киевской Руси на прусские земли в направлении балтийского побережья, однако дальнейшему русскому продвижению в западном направлении препятствовало желание древнерусских князей и правящей знати поддерживать добрососедские отношения с Польшей[14]. В Польше, надо полагать, поход против ятвягов расценивали как косвенно направленный против нее самой, ибо подчинение ятвягов закрепляло господство Киевской Руси над червенскими городами.

Как было уже указано выше, в годы правления Мешко I о походах поляков на прусские земли ничего неизвестно. Возможно, что события на западной границе Польши заставили воздержаться Мешко I от похода на пруссов. Занятие западного побережья и добрососедские отношения с императором Оттоном III дали возможность Болеславу Храброму (992 г.) заняться пруссами. С этого времени польские князья особое внимание уделяют пруссам и ведут здесь такую же политику, как и в отношении Поморья.

К концу правления Мешко I, по-видимому, относится соглашение между Польшей и Германией по вопросу о разделении сфер влияния, на основании которого Мешко I в 991 г. содействует Оттону III в его походах на славянский Бранибор, где

---

[9] ПВЛ, ч. I, стр. 86, под 996 г.; см. комментарий Д. С. Лихачева (ПВЛ, ч. II. М.—Л., 1950, стр. 350). Стефан Венгерский [Иштван I «Святой»] правит с 997 г. А. Грабский (A. Grabski. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w początkach XI wieku. «Slavia orientalis», R. 6. Warszawa, 1957, str. 169) относит это сообщение к 1004—1012 гг.

[10] Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2, стр. 376.

[11] ПВЛ, ч. I, стр. 58; ч. 2, стр. 326.

[12] Там же, ч. I, стр. 58: «Иде Володимер на *ятвягы*, и победи *ятвягы*, и взя землю их».

[13] Там же, ч. I, стр. 34.

[14] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 93.

князь признает затем власть императора [15]. Болеслав Храбрый в начале своего правления тоже высылает военные подкрепления Оттону III, однако сам не принимает участия в походе в связи с грозившей, по сведениям немецкого хрониста, опасностью со стороны Руси [16]. Несогласия между Польшей и Русью могли возникнуть в связи с ятвяжским вопросом.

Не подлежит сомнению, что Польша в результате соглашения с Германией имела свои выгоды: позднейшее письмо Брунона Кверфуртского к Генриху II, написанное по совету Болеслава Храброго, подтверждает, что Болеслав был не против подчинения лютичей Германии при условии согласия императора на покорение Польшей прусских земель [17]. Имело ли место в связи с этим соглашение Польши с ятвягами и какую роль сыграл в этом деле Болеслав Храбрый, трудно сказать. Быть может, ятвяги, опасаясь продвижения на запад границы Древнерусского государства [18], хотели использовать польско-русское соперничество из-за прусских земель. Польско-русской войны в 992 г. так и не произошло. Видимо, Болеслав Храбрый временно отказался от притязаний на ятвяжские земли, сосредоточив все внимание на западных прусских племенах [19]. Вскоре после этого Болеслав направил в Западную Пруссию пражского епископа Войтеха [20]. Миссия епископа не дала ожидаемых результатов. Через несколько дней по прибытии в Пруссию он был умерщвлен. Несмотря на неуспех этой миссии, Болеслав не отказался от своих прусских планов. По Гнезненскому соглашению (1000 г.) Оттон III отдал Болеславу языческие земли — как уже покоренные, так и те, которые он предполагал покорить в будущем [21]. Речь шла, конечно, о землях пруссов. Смерть Оттона III в 1002 г. и воцарение Генриха II аннулировали предыдущее соглашение между

[15] Annales Hildesheimenses. MGSS, t. 3, p. 68.

[16] Ibid., p. 69: «Bolizlao vero Misachonis filius, per seipsum ad dominum nequaquam valens, imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum». По Б. Д. Грекову («Избранные труды», т. 2, стр. 376—377), тогда началась война, в которой одержал победу Владимир, хотя немецкий анналист упоминает лишь об опасности со стороны Руси.

[17] MPH, t. 1, p. 226—228.

[18] О польско-ятвяжских связях в то время см. H. Lowmiański. Op. cit., str. 172.

[19] Следует отметить, что в то время Руси угрожали печенеги, находившиеся на подступах к Киеву. Для устранения этой опасности Владимир приступил к возведению ряда городов; то же проделал затем Ярослав Мудрый (ПВЛ, ч. I, стр. 83; ч. II, стр. 343).

[20] Несомненно, что под лозунгом распространения христианства скрывались политические цели.

[21] Cronica Galli-Anonimi. MPH, Nov. ser., t. 2. Kraków, 1952, p. 20: «Insuper etiam in ecclesiasticis honoribus quidquid ad imperium pertinebat in regno Polonorum, vel in aliis superatis ab eo vel superandis regionibus barbarorum, sue suorumque successorum potestati concessit».

германским королем и польским князем и заставили Болеслава направить свои силы на западную границу.

В начале XI в. Болеслав не отказался от реализации прусской программы. Весьма возможно, что к концу X в. ятвяги освободились от власти киевского князя в связи с опасностью, грозившей Руси со стороны печенегов [22]. Этим воспользовался Болеслав, несмотря на возможность конфликта с Русью. Из последующих событий очевидно, что Болеслав имел соглашение с печенегами, что имело для него большое значение, так как угроза с двух сторон была весьма опасной для Руси Б. Д. Греков указывает, что в связи с процессом феодализации обнаруживаются региональные задачи отдельных княжеств, входящих в состав Киевской Руси, а также сепаратистские тенденции [23].

Согласно летописи и на основании вышеуказанного письма Брунона к Генриху II [24], можно судить о серьезной угрозе Руси со стороны печенегов. Соглашение с печенегами, по которому Владимир дал им в качестве заложника своего сына, не было выгодным для Руси. В этой обстановке Болеслав послал Брунона в зону, граничащую с ятвягами. Хотя миссия Брунона не увенчалась успехом и он сам погиб, по-видимому, на границе пруссов, Литвы и Руси [25], есть основание предполагать, что Болеславу все же удалось в какой-то форме подчинить ятвягов: об этом свидетельствуют упоминания в хронике Галла Анонима [26], а также эпитафия на саркофаге Болеслава Храброго [27].

Можно предполагать, что такая политика по отношению к ятвягам была причиной неприязни Ярослава Мудрого к Болеславу. Титмар, упоминая о соглашении Ярослава с Генрихом II, сообщает, что Ярослав в 1017 г. отправился походом в Польшу и пытался занять какой-то город [28]. По мнению С. Закшевского, этим городом было Берестье [29], находившееся в границах Польши, так как там скрылся Святополк, изгнан-

---

[22] ПВЛ, ч. I, стр. 87: «В лето 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьние вое на Печенегы, бе бо рать велика бес перестани...»

[23] Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2, стр. 383 и сл. Об этом также свидетельствуют выступления Святополка и Ярослава против отца.

[24] MPH, t. 1, p. 227.

[25] «Chronica Thiethmari», wyd. M. Jedlicki. Poznań, 1953, str. 453: «In confinio predictae regionis (речь идет о пруссах) et Rusciae»; Annales Quedlinburgenses. MGSS, t. 3, p. 80: «In confinio Rusciae et Lituae», а также и другие немецкие источники.

[26] Cronica Galli-Anonimi, p. 17.

[27] MPH, t. 1, p. 320, где упоминание о готах относится к ятвягам.

[28] «Chronica Thiethmari», str. 560—563: «Russorum regem ut sibi (Генриху) per internuncium promisit suum», «Boleslaum peciisse, nilque ibi ad urbem possessam proficisse»; НПЛ, стр. 15; см. ПВЛ, ч. II, стр. 363.

[29] St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry. Lwów, 1925, str. 287, 300.

ный из Киева Ярославом [30]. По мнению же Д. С. Лихачева, Берестье находилось тогда в русских руках, потому что Святополк, укрываясь в нем, не был уверен в личной безопасности и боялся погони [31]. Это неубедительный аргумент, ибо и приграничный польский город Брест также не давал ему гарантии безопасности. В Повести временных лет под 1022 г. имеется указание о новом походе Ярослава на Берестье [32].

Связи Польши с ятвягами, надо полагать, продолжались и в начале правления Мешко II. К этому заключению приводят немецкие (гильдесгеймские и магдебургские) анналы, в которых имеется указание на участие язычников, по-видимому, ятвягов [33], в походах (1028 и 1030 гг.) Мешко II против немцев. Превосходство Польши над ятвягами было невыгодно Ярославу, и, кроме конфликта из-за червенских городов, являлось еще одной причиной неприязни, возникшей между князьями Руси и Польши, о чем свидетельствует бегство братьев Мешко II на Русь.

Ятвяжский вопрос в польско-русских связях особенно обостряется в тяжелый для Польского государства момент после изгнания и возвращения Казимира I. Ослабление Польши совпадает с ростом международного значения Древнерусского государства, особенно после объединения всех русских земель Ярославом в 1036 г. В 1030 г. Ярослав отправился походом в Польшу и занял Белзскую землю [34]. В следующем году Ярослав отправляется снова походом в Польшу и занимает остальные червенские города [35].

После смерти Мешко II (1034 г.) внутренняя неурядица в Польше еще более возросла. Вдовствующая княгиня Рихеза, как и Казимир I, сын Мешко II, были изгнаны феодалами, стремившимися к захвату власти. Казимир бежал в Венгрию, а оттуда в Германию. В стране вспыхнуло восстание [36]. Этим воспользовались соседи, которые подвергли Польшу разграблению. Самым тяжелым было нападение чехов (1038—1039 гг.). Казимир пребывал в Германии до конца 1040 г.,

---

[30] ПВЛ, ч. I, стр. 98.

[31] Там же, ч. II, стр. 367.

[32] Там же, ч. I, стр. 99; ч. II, стр. 369; Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2, стр. 388.

[33] Annales Hildesheimenses. MGSS, t. 3, p. 97, «a. 1028 (Misaco...) per semet ipsum suosque immo diaboli satellites, nimiam crudelitatis sevitiam... exercuit»; Annales Magdeburgenses. Ibid., t. 16, p. 169: «Meseco dux Polonorum (...) clam assumptis satellitibus diaboli exercitum paganorum». Вопрос о язычестве ятвягов я рассматриваю в работе «Problem jaćwiński...».

[34] ПВЛ, ч. I, стр. 101; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 171.

[35] ПВЛ, ч. I, стр. 101; ч. II, стр. 373.

[36] Cronica Galli-Anonimi, p. 42.

а затем возвратился с немецкой помощью в Польшу в начале 1041 г., причем за возвращение его ратовали и некоторые феодалы, обеспокоенные восстанием. Наиболее опасным противником возвращения Казимира был знатнейший феодал, один из приближенных Мешко II — Мислав, намерением которого было захватить власть Пястов. Он подчинил себе Мазовию, ставшую самым богатым польским княжеством.

Для укрепления своего положения Мислав действует в союзе с поморскими племенами, ятвягами и, по-видимому, литовцами против Руси. Эта политика Мислава была преградой для наступления Руси в районы балтийского побережья и угрожала ее господству над червенскими городами. Насколько опасен был для Руси мазовецко-балтийский блок, видно из дальнейшего развития событий. Так, например, в 1038 г. Ярослав отправляется походом на ятвягов, и поход заканчивается неудачей [37]; два года спустя он идет войной против литовцев, об исходе которой летопись не содержит сведений [38]. Эти два похода не пошатнули позиции Мислава. Поэтому ликвидация Мазовецкого княжества Мислава стала политической необходимостью для Руси, а также способствовала реставрации Казимира, пребывавшего в Германии. Киевский князь был непосредственно заинтересован в союзе с Казимиром. Интересное сообщение дает немецкий летописец — Анналист Саксон о том, что в конце 1040 г. в Германию к Генриху III прибыло русское посольство с дарами [39]. Не подлежит сомнению, что целью этого посольства было, между прочим, возвращение в Польшу Казимира, а также свидание с ним и совещание по вопросу о союзе против Мислава.

Относя возвращение Казимира к началу 1041 г., трудно допустить, чтобы он сразу же мог начать борьбу с могущественным Миславом, так как сперва должен был утвердить свою власть. Действия против Мислава Ярослав начал самостоятельно (в 1041 г.) [40]. Поход Ярослава был вызван политиче-

[37] ПВЛ, ч. I, стр. 103; ч. II, стр. 377 (в новгородско-софийском своде: «на зиму ходи на ятвягы, и не можааху их взяти»).

[38] Там же, ч. I, стр. 103.

[39] Annalista Saxo. MGSS, t. 6, p. 684: «Rex in festo sancti Andree (30 XI) in Altstide placitum habuit, ubi et legatos Rusorum cum muneribus suscepit».

[40] ПВЛ, ч. I, стр. 103. По Повести, поход был на Мазовию, указание же в «Очерках истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» (ч. I, стр. 171) о походе на Польшу может создать ложное представление об отношении Ярослава к Польше Казимира. Уже после того, как настоящая статья была написана, появились заметки советского историка В. Королюка о походах Ярослава против Мислава («Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в.». «Славянский архив», 1958). Исходя из положений О. Бальцера и С. Кентжиньского, что Казимир вернулся в Польшу и женился на сестре Ярослава в 1039 г., автор считает, что первый поход

скими соображениями, а не помощью Казимиру. Повесть временных лет умалчивает о результатах предпринятого Ярославом похода; по-видимому, основная цель Ярослава — свержение Моислава — не была достигнута. Ярослав добился частичных успехов, заняв отдельные земли, в связи с чем русско-мазовецкая граница оказалась продвинутой на запад от Бреста за Дрогичин, который был построен Ярославом как опорное укрепление на Буге для дальнейших военных действий против Моислава. Хотя поход 1041 г. был предпринят перед формальным заключением соглашения между Казимиром и Ярославом, однако, он способствовал утверждению власти Казимира.

Отпор со стороны Моислава ускорил заключение союза Ярослава с Казимиром. Договор был заключен, по моему мнению, во второй половине 1041 г., во всяком случае после похода в том же году Ярослава на Моислава [41]. Договор был выгоден обеим сторонам. Моислав в союзе с балтийскими племенами оказывал сопротивление продвижению Ярослава к Балтийскому морю. Опасность, грозившая червенским городам, и заинтересованность в торговых путях через Мазовию определили политику Ярослава в вопросе о том, кому она должна принадлежать — Моиславу или Казимиру. В случае победы над Казимиром Моислав стал бы грозным противником Древнерусского государства, и Ярослав понимал преимущества союза с Казимиром. Однако для Казимира этот союз был более необходим, ибо в случае победы Моислава прекращалось правление династии Пястов.

За участие Ярослава в войне против Моислава Казимир соглашался вернуть *русских* военнопленных, захваченных в 1018 г. Болеславом Храбрым, признать новую русско-польскую границу и, по-видимому, отказывался от наступления на ятвяжскую землю. Порукой этого соглашения были два брака: Казимира с сестрой Ярослава Марией и сына Ярослава — Изяслава — с сестрой Казимира Гертрудой [42]. Очевидно, Моислав располагал значительными силами, если окончательная победа над ним имела место лишь в 1047 г.; против него действовали объединенные силы Ярослава и Казимира, причем главная роль принадлежала русским войскам, и летопись поэтому приписывает победу русскому оружию [43].

Ярослава против Моислава состоялся в том же году и что таких походов Ярослава было четыре. Анализ же источников приводит к выводу, что Казимир вернулся в Польшу лишь в 1041 г. и походов Ярослава было три (1041, 1043, 1047 гг.). Подробно см. B. Włodarski. Problem jaćwiński.

[41] Дату эту приводит Ян Длугош (J. Długosz. Opera omnia, v. 1, ed. A. Przedziecki. Cracoviae, 1887, p. 276—277).

[42] ПВЛ, ч. I, стр. 104; ч. II, стр. 380—381.

[43] Там же, ч. I, стр. 104.

Смерть Моислава помогла Казимиру объединить Мазовию с остальной Польшей. Из-за отсутствия источников трудно судить, насколько ятвяжская земля сделалась зависимой от Руси. Во всяком случае летописных указаний о дальнейших походах Руси против ятвягов мы не встречаем.

В результате внутренних феодальных распрей после смерти Ярослава ятвяжским вопросом интересуются лишь отдельные удельные русские князья — соседи ятвягов. То же явление мы наблюдаем несколько позже и в Польше. Со стороны русских удельных князей против ятвягов предпринимаются походы, имеющие лишь ответный характер — как результат набегов со стороны ятвягов, желавших использовать для своих целей внутреннюю неурядицу на Руси. Были случаи, когда и русские князья, ведя между собой борьбу, призывали себе на помощь опасных соседей [44].

В 1102 г. полоцкий князь Борис Всеславич предпринял поход против ятвягов, закончившийся разорением ятвяжской земли и захватом военной добычи [45]. В 1112 г. такой же поход совершил волынский князь Ярослав Святополкович [46]. Ответный характер имели и польские походы против пруссов [47]. В 1147 г. Болеслав Кудрявый предпринимает поход против ятвягов, в котором принимают участие и русские отряды [48]. Был ли поход Болеслава в 1167 г. направлен также против ятвягов, сказать трудно.

О дальнейших польских и русских походах против ятвягов с того времени сведений мы не имеем. Лишь в 1193 г. Казимир Справедливый предпринимает поход против ятвягов, и, хотя Кадлубек приписывает ему захватнические цели, более вероятным представляется, что Казимир пытался принудить ятвягов прекратить набеги на Польшу.

В 1196 г. в поход на ятвягов отправляется волынский князь Роман Мстиславич [49]. Этот поход, как и поход Казимира Справедливого, внес успокоение лишь на непродолжительное время, ибо после смерти Романа Мстиславича ятвяги продолжают снова набеги на Русь в союзе с литовцами [50]. Возможно, что тяжелые экономические условия, вызванные, в частности,

---

[44] «Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую» (см. А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.— Л., 1946, стр. 73).

[45] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2. М., 1773, стр. 199; автор однако не указывает источника.

[46] ПВЛ, ч. I, стр. 195; Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, т. 1. Л., 1927, стб. 289) упоминает даже о двух походах.

[47] H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 2. Wilno, 1932, str. 248.

[48] Annales Magdeburgenses. MGSS, t. 16, p. 188.

[49] Ипатьевская летопись (ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908, стб. 702).

[50] Там же, стб. 721.

неурожаями, заставляли ятвягов и литовцев осуществлять набеги на Русь и Польшу [51]. Набеги эти, по-видимому, производили большие опустошения, что специально подчеркивается в летописи [52].

Старший сын Романа Даниил, добившийся после многолетних усилий власти над Волынским княжеством, счел необходимым войти во временное соглашение с литовцами и пруссами, так как ему грозило нападение со стороны Польши и Венгрии. В 1219 г. было заключено соглашение [53]. Возможно, что в связи с этим имел место поход русских и пруссов против Польши в 1220 г., о чем сообщают польские и чешские анналисты [54], а Густынская летопись, правда, позднейшая, называет этих пруссов ятвягами [55]. Вскоре, однако, связи Даниила с ятвягами прекратились, ибо уже в 1228 г. ятвяги совершили нападение на землю Романовичей. Под Брестом Даниил, действовавший совместно со своим братом Васильком, нанес поражение ятвягам [56]. В 1229 г. эти русские князья отправляются в Польшу для оказания помощи Конраду в борьбе за краковскую землю, поручая защиту отчины от ятвягов пинскому князю Владимиру. В последующие годы, как об этом повествует летопись, также имели место походы русских против ятвягов.

Ярославская битва в 1245 г., положившая предел венгерской экспансии в Галицкой Руси и окончательно укрепившая власть Даниила в Галиче, дала ему возможность заняться разрешением ятвяжского вопроса. Он задумал устранить опасность, грозившую постоянно со стороны ятвягов, и подчинить их своей власти. Политика Даниила отличалась большой мобильностью и требовала исключительной энергии для ее проведения в разных направлениях [57]. Ятвяжский вопрос Даниил пытался разрешить путем соглашения с мазовецкими князьями, которые имели сходные цели. Соглашение было тем более необходимо, что появились новые претенденты на прусские земли в лице Тевтонского ордена и литовского великого князя Миндовга. Тевтонский орден, воюя в западных прусских землях, еще не дошел до Ятвягии, но притязал на нее, о чем свидетельствовали папские буллы.

---

[51] H. Łowmiański. Studia..., t. 1, str. 173.
[52] ПСРЛ, т. 2, стб. 721.
[53] Там же, стб. 735—736.
[54] Annales Pragenses. «Fontes rerum Bohemicarum», t. 2, p. 283; Rocznik Krasińskich, MPH, t. 3. p. 132.
[55] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 334.
[56] ПСРЛ, т. 2, стб. 751.
[57] Подробнее о правлении Даниила см. В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Уже в 1246 г. прибыли к Васильку послы Конрада Мазовецкого и призывали его выступить совместно в поход [58], который, однако, в связи с обильно выпавшим снегом был прерван.

После смерти Конрада Мазовецкого (1247 г.) князем Северной Мазовии, находившейся по соседству с ятвягами, сделался его тяжело больной старший сын Болеслав. Даниил настоял на том, чтобы Болеслав завещал княжение своему младшему брату Земовиту, который сделался позднее зятем Даниила. Из летописного сообщения видно, чем руководствовался Даниил, склоняя Болеслава к передаче Северной Мазовии Земовиту [59].

После смерти Болеслава (1248 г.) во всей Мазовии стал княжить Земовит, и сразу же к нему прибыли послы Даниила и Василька, склоняя к общему походу против ятвягов [60]. Таким образом, замысел Даниила втянуть Земовита в общую противоятвяжскую войну был осуществлен. На протяжении ряда лет предпринимались совместные походы Даниила, Василька и Земовита против ятвягов. В этих походах участвовали также отряды краковско-сандомирского князя Болеслава Стыдливого. Хотя целью походов было подчинение ятвягов, своим участием в них Болеслав стремился лишь к устранению опасности набегов со стороны ятвягов [61]. К захвату ятвяжской земли стремился также третий сын Конрада Казимир Куявский.

Отсюда возникло соперничество в отношении прусского вопроса между русским князем Даниилом и Земовитом, а также Казимиром Куявским, литовским великим князем Миндовгом и Тевтонским орденом. Ятвяжская земля делается объектом политического дележа сильнейших соседей. По соглашению с Тевтонским орденом Миндовг наделяет Орден частью ятвяжской земли, по соглашению же с Даниилом отдает ему южные земли ятвягов.

Для крестоносцев наиболее опасным соперником был, по-видимому, Казимир Куявский, если учесть, что в конце 1254 г. был заключен в Рацёнже Мазовецком договор с Даниилом и Земовитом Мазовецким, по которому Тевтонский орден уступал им одну треть ятвяжской земли за помощь в ее захвате [62]. В. Т. Пашуто предполагает, что одной из причин времен-

---

[58] ПСРЛ, т. 2, стб. 808.
[59] Там же, стб. 810.
[60] Там же.
[61] Во время одного похода (1253 г.) Даниил короновался в Дрогичине. В. Т. Пашуто [«Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.)». М., 1956, стр. 243] приходит к выводу, что «этим он (Даниил) подчеркнул свои права на ятвяжские земли в глазах крестоносцев и Литвы».
[62] «Preussisches Urkundenbuch», Bd. I. Königsberg, 1882, № 298.

ного соглашения Даниила с папской курией было желание получить возможность колонизации ятвяжских земель [63].

Зимой 1255/56 г. Даниил совместно с Земовитом и с помощью Болеслава Стыдливого предпринял последний большой поход против ятвягов, закончившийся полной победой. Южные земли были опустошены, победители возвратились с богатой добычей, а южные ятвяжские племена, признав над собой господство русского князя, обязались уплачивать дань и строить города для русских гарнизонов на своей собственной земле [64]. Нашествие татар на Литву и ятвяжскую землю (1258 г.), в котором также принимал участие и Василько, действуя по принуждению татарских ханов, повлекло за собой срыв мирных отношений Миндовга и ятвягов с юго-западными русскими князьями [65]. И снова начинаются литовско-ятвяжские набеги на Русь, Польшу и Орден [66].

Внутреннее брожение в Литве после смерти Миндовга ослабило положение ятвягов. Этим воспользовался Болеслав Стыдливый и организовал большой поход против них [67]. Поход этот закончился победой поляков и значительно ослабил силы ятвягов. Они стали искать защиты у литовского великого князя Тройдена, который сумел вновь объединить под своей властью всю Литву. Следует предполагать, что были организованы походы на польские и русские земли, так как источники сообщают об ответных походах со стороны русских и польских князей [68].

Такое положение не могло сохраняться долго. Когда в 1282 г. ятвяги потерпели поражение от Лешка Черного и возникла опасность со стороны Тевтонского ордена, большинство ятвягов, не желая подчиниться немецкому владычеству, переселилось в Литву, а часть — на территорию Руси [69]. Однако источники не упоминают о переселении ятвягов в Польшу; это объясняется тем, что польско-ятвяжская граница была трудно преодолимой в связи с природными условиями [70].

Сформулируем основные выводы. Отношение обоих государств — Польши и Руси — к ятвяжской земле было почти

---

[63] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 253.

[64] ПСРЛ, т. 2, стб. 831—835.

[65] Там же, стб. 847—848.

[66] St. Zajączkowski. Przymierze polsko-litewskie. «Kwartalnik historyczny». R. 40. Lwów, 1926, str. 580; H. Łowmiański. Studia..., t. 2, str. 335.

[67] MPH, t. 2, p. 808, 839, 878; t. 3, p. 171; J. Długosz. Historia Polonica, t. 2. Cracoviae, 1874, p. 390.

[68] J. Długosz. Historia Polonica, t. 2, p. 430; ПСРЛ, т. 2, стб. 870—871.

[69] Petrus de Dusburg. Op. cit., t. 1, p. 143, 146.

[70] A. Kamiński. Op. cit., str. 91.

одинаковым. Феодальные государства Польша и Русь имели превосходство над прусскими племенами и, как видно из источников, старались навязать им свое господство. Большую роль играло при этом стремление упрочить границы на балтийском побережье. Под наибольшей угрозой находились ближайшие прусские племена, особенно ятвяги.

Киевская Русь времен Владимира Святославича смогла навязать свое временное господство ятвягам. Несколько лет спустя, при Болеславе Храбром, Польша также выступает с планами захвата ятвяжских земель, и в этой области начинается соперничество между двумя государствами. Используя внутренние политические затруднения последних лет правления Владимира, а также постоянную опасность со стороны печенегов, ятвяги смогли сбросить господство Руси. Этим воспользовались правители Польши.

Когда Польша в 30-х годах XI в. серьезно ослабела, новый киевский великий князь Ярослав Мудрый пытался восстановить господство над ятвягами, однако этому воспрепятствовало сильное государство Моислава, пытавшегося отстранить Пястов и занять их место. Конечно, это противоречило планам Руси в отношении ятвягов, так как Моислав теснее связался с прусскими и литовскими племенами, образовав сильный государственный блок. Ятвяжский вопрос находился в центре переговоров между Ярославом и находившимся в изгнании Казимиром. Представляется весьма правдоподобным, что за содействие в борьбе против Моислава Казимир соглашался, кроме прочих уступок, на подчинение ятвяжских земель Руси. Мы не знаем, завоевал ли Ярослав ятвягов, побеждая Моислава. Во всяком случае феодальные усобицы после смерти Ярослава и внутренние распри в Польше на рубеже XI и XII вв. облегчили ятвягам восстановление политической независимости.

Феодальная раздробленность Польши и Руси способствовала переходу ятвягов к решительным действиям против этих государств, особенно против Мазовии и Волынской Руси. Когда на западной границе возникает новая для них опасность со стороны Тевтонского ордена, пруссы ищут помощи у возникающего Литовского государства. Постоянные набеги ятвягов и литовцев на русские и польские земли возродили в Польше и на Руси планы покорения ятвягов, чтобы избавиться в будущем от их нападений. Организатором ответных походов был галицко-волынский князь Даниил Романович. План Даниила частично был осуществлен, и южные ятвяжские племена временно признали господство Руси. Со смертью Даниила прекращается зависимость ятвягов от Руси.

На основании указаний источников, относящихся к последнему десятилетию XIII в., можно судить, что у ятвягов начал

образовываться более сплоченный государственный организм [71]. Однако было уже поздно. Тевтонский орден продвигался на восток, и ятвяжские племена стали покидать свои родные земли и переходить на территорию Литвы и Руси. Почти никто из ятвягов не остался на ятвяжской земле, и они исчезли со страниц истории. Ятвяжская земля перестала существовать и подверглась разделу между Литвой, Русью и Тевтонским орденом.

* * *

Dès le X-e siècle on voit se manifester une tendance de la part de la Pologne et de la Ruthénie, de s'emparer des côtes de la mer Baltique tout en subjuguant les tribus prussiennes disséminées entre la Vistule inférieure et le Niémen. La Pologne avait pour objectif la conquête des côtes de la Baltique tout le long de son territoire, tandis que la Ruthénie cherchait à gagner des voies de commerce plus directes avec l'Occident et le Nord. Parmi les Prussiens, les Iatvièges constituaient la plus importante tribu. Le territoire qu'ils occupaient était l'objet de discorde entre la Pologne et la Ruthénie. Les relations entre la Ruthénie et les Iatvièges remontent au IX-e s. En 983 Vladimir, prince de Kiev subjugue les Iatvièges, mais ceux-ci s'affranchissent bientôt de cette domination. Boleslas le Vaillant en profite et, en 1008, leur envoie Brune de Querfurt dans le but de les convertir au christianisme. Cette mission dissimulait en même temps un but politique. Il est vrai, que Brune y trouva bientôt la mort, mais Boleslas réussit à dominer les Iatvièges. Cet état des choses dure jusqu'au début du règne de Mieszko II et est à l'origine des relations hostiles entre la Pologne et la Ruthénie. C'est par conséquent, à cette époque que le prince de Kiev Jaroslav le Sage pénètre en Pologne. Le problème des Iatvièges, à travers les relations polono — russes, s'aggrave particulièrement à l'époque de la décadence de l'Etat polonais après l'expulsion de Casimir Ier. Un important Etat, celui de Maslav se forme en Masovie. Celui-ci aspire à gouverner toutes les régions polonaises et s'oppose au retour de Casimir Ier. D'autre part, l'Etat de Maslav empêche l'expansion russe vers les terres occupées par les Iatvièges. Ce fait décide Jaroslav de prêter concours à Casimir. En 1041 un accord est conclu contre Maslav. Jaroslav a contribué à l'écrasement de l'Etat de Maslav. Casimir a renoncé à la conquête des Iatvièges. On ne sait pas, si les Iatvièges ont été subjugués par la Ruthénie. Le morcellement féodal de la Ruthénie et de la Pologne au XII-e s. a permis au Iatvièges de maintenir leur indépendance et même de piller la Pologne et la Russie. Les

[71] A. Kamiński. Op. cit., str. 177.

principautés polonaises de Masovie et les russes de Halicz et de Volhynie passent à la défensive. Ce n'est qu'au XIII-e s., que le prince de Halicz Danilo et celui de la Masovie Ziemovit élaborent un projet de conquête du pays des Iatvièges. Mais, les deux nouveaux Etats mûrissent le même plan: l'Ordre Teutonique et la Lituanie. Ces deux Etats se disputent le pays des Iatvièges. Sous cette pression les Iatvièges ne réussissent pas à défendre leur indépendance politique. En grande partie, ils s'établissent en Lituanie ou en Ruthénie. L'Ordre Teutonique, la Lituanie et la Ruthénie se partagent le pays.

В. П. Шушарин

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в IX в.

История взаимоотношений Древней Руси и Венгрии, древнерусской народности и венгерских племен в IX в. привлекает внимание исследователей прежде всего потому, что в это время происходило тесное общение народов-соседей, которое влияло на складывание связей между ними и позднее.

К этой теме не раз обращались историки. В последнее время ею занялся, в частности, историк-эмигрант Г. Вернадский. Стремясь доказать характерную для современной реакционной буржуазной историографии мысль о «неспособности» русского народа к самостоятельному историческому творчеству, Г. Вернадский, произвольно толкуя сообщения Повести временных лет, Константина Багрянородного, а также некритически воспринимая рассказ Анонима — нотария венгерского короля Белы III — и данные топонимики, пытается уверить читателя, что в конце IX в. Киев был «покорен» вождем венгерских племен Альмошем в результате войны с местными князьями. Венгры — вассалы хазар — осуществляли контроль над Киевом, а князья Аскольд и Дир были якобы наместниками Альмоша [1]. Произвольное обращение Г. Вернадского с материалами русской летописи было раскрыто М. Н. Тихомировым [2]. Кроме того, взгляд Г. Вернадского на роль венгров в ранней истории Древней Руси далеко не оригинален: его разделяло немало представителей и венгерской дворянско-буржуазной историографии.

Концепция завоевания Древней Руси венграми восходит к историческому сочинению «Деяния венгров» (Gesta Hungaro-

[1] G. Vernadsky. Lebedia. Studies on the Magyar Background of Kievan Russia. Byz., 14, F. 1—2. Bruxelles, 1939, p. 199, 201; idem. Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 332; idem. Kievan Russia. New Haven, 1948, p. 24; idem. Lebedia. Studien über den madjarischen Hintergrund des Kiewer Rußland, in: G. Vernadsky und M. Ferdinandy. Studien zur ungarischen Frühgeschichte. München, 1957.

[2] М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. ВИ, 1946. № 4, стр. 186.

rum) нотария венгерского короля Белы III, написавшего свой труд, как установил Л. Силадьи, в 1196—1203 гг.[3] Аноним излагает историю союза племен венгров до их прихода на территорию современной Венгрии и рисует картину их расселения на Дунайской низменности; ему принадлежит рассказ о подчинении венграми Киева, Галича и Владимира в IX в.

Венгерские дворянско-буржуазные историки XIX и XX вв. в целях разжигания вражды между венгерскими, русскими и украинскими трудящимися повторяли и развивали рассказ Анонима о покорении Руси Альмошем[4]. Историки народно-демократической Венгрии, отвергнув этот реакционный взгляд, поставили вопрос о необходимости выяснения многосторонних русско-венгерских отношений IX в. Работами Э. Мольнара и Й. Перени положено начало изучению этой темы с марксистских позиций[5], хотя не со всеми выводами этих авторов можно согласиться: нам представляется, например, неприемлемым положение Э. Мольнара о феодальной эксплуатации венграми восточных славян в IX в.[6] и спорным утверждение Й. Перени об уплате частью восточнославянских племен дани венграм[7]. К исследованиям этих авторов примыкает статья советского историка М. А. Павлушковой, которая пришла к выводу о неправомерности утверждений относительно господства венгров над славянами в IX в.[8]

Следует заметить, что критика дворянским историком Н. М. Карамзиным рассказа Анонима о покорении Руси не способствовала выяснению истинного характера русско-венгерских связей IX в., поскольку велась с позиций русского великодержавия[9].

Важность и недостаточная разработанность данной темы делают необходимым изучение ее на основе пересмотра свидетельств различного рода исторических памятников.

---

[3] L. Szilágyi. Az Anonymus-kérdés revizioja. Sz., 1937, 149, o.; ср. «Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában». Bp., 1957, 89. o.

[4] M. Horváth. Magyarország történelme. 2., böv. kiad., I. k. Pest, 1871, 36. o.; Gy. Lazár. Az orosz birodalom története. I. k. Temesvar, 1890, 60. o.; F. Kubinyi. Orosz fejedelmek a IX. század végén. Sz, 1901, 755. o.; B. Homán. A magyarok honfoglalása és elhelyezkedése. Bp., 1923, 26—27. o.

[5] Э. Мольнар. Проблема этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955; Й. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. «Studia Slavica», t. 2, № 1—4. Bp., 1956.

[6] Э. Мольнар. Указ. соч., стр. 127.

[7] Й. Перени. Указ. соч., стр. 9.

[8] М. А. Павлушкова. Русско-венгерские отношения до начала XIII века. «История СССР», 1959, № 6, стр. 149—155.

[9] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. 5-е, т. I. СПб., 1842, стр. 83, прим. 302.

Труд Анонима в качестве источника по истории русско-венгерских отношений указанного времени должен стать предметом нашего особого рассмотрения. Выяснение обстоятельств его создания, той общественной среды, которая определила характер и особенности изложения истории русско-венгерских отношений, должно явиться средством выявления истинной картины русско-венгерских связей конца IX в.

В науке нет единой точки зрения на историю венгерских племен до IX в. н. э. Ряд исследователей (Й. Деер, Й. Дарко, Г. Фехер, Д. Моравчик, Т. Халаши Кун и др.) предполагает существование так называемой «кавказской прародины» венгров: по мнению этих авторов, венгерские племена, известные под названием оногуров, савардов (сабиров) и турок, около 463 г. пришли на Северный Кавказ (в район, ограниченный нижним течением Дона, Черным морем, Кавказскими горами, Каспийским морем и нижним течением Волги) и находились здесь — в основном в бассейне Кубани — до начала IX в. Примерно с середины VII в. венгерские племена были под властью Хазарского каганата [10]. Подобные выводы строятся на основе данных языкознания (связь между племенным названием о н о г у р ы и славянским названием венгров — у г р ы), но не подкрепляются археологическим материалом [11].

Новейшие исследователи по-разному относятся к этой теории. Э. Мольнар не признает существования «кубанской прародины» [12]; Й. Перени, напротив, именно из признания «кубанской прародины» исходит в своих построениях о существовании связей между венграми и восточными славянами уже в VI—VII вв. [13] Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, отметим, что гипотеза о «кубанской прародине» не может быть принята ввиду отсутствия археологического материала, подтверждающего ее. Так, известный венгерский археолог Н. Фettих признает наличие археологических памятников, которые могут быть связаны с венграми-кочевниками, только с 30—40-х годов IX в. [14]

Вполне определенно можно говорить о взаимных контактах венгров и восточных славян во время пребывания первых в Леведии и Этелькёзе (Ателькузу). Сведения об этих областях содержатся в сочинении Константина Багрянородного «De

[10] T. H a l a s i K u n. A magyarság Kaukázusi története, in: L. L i g e t i. A magyarság östörténete. Bp., 1943, 71—72, 98. o.

[11] Й. П е р е н и. Указ. соч., стр. 9—11.

[12] Э. М о л ь н а р. Указ. соч., стр. 96.

[13] Й. П е р е н и. Указ. соч., стр. 11—12.

[14] N. F e t t i c h. A levediai magyarság a régészet magvilágitásában. Sz, 1933, 255. o.

administrando imperio» (942—952 гг.). Как и большинство византийских авторов, Константин Багрянородный называет венгров турками: «Народ турков в старину имел жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией по имени первого воеводы их... Они жили три года вместе с хазарами, помогая им во всех войнах... а другая часть (венгров.— *В. Ш.*) вместе со своим воеводою и предводителем Леведием поселилась в западной стороне, в местах, называемых Ателькузу, где ныне живет народ печенежский» (гл. 38). В гл. 40-й своего труда Константин снова говорит об области Этелькёз (Ателькузу): «Местность же, где турки жили раньше, называется по имени протекающей там реки Этель и Кузу: ныне там живут печенеги, а турки, прогнанные печенегами, пришли и поселились в той земле, где живут ныне» [15] (т. е. на территории современной Венгрии). Несмотря на столь неопределенное указание, историки более или менее единодушны в локализации упомянутых Константином областей. Большинство исследователей (буржуазные историки Д. Паулер, Й. Тури, Л. Кёвари, Х. Марцали, Г. Фехер, Ш. Домановский, Н. Феттих, Б. Хоман; современные венгерские исследователи Э. Мольнар, Й. Перени, А. Шош, а также советский ученый В. В. Мавродин) сходилось в конечном счете на том, что Леведию следует искать в области между Доном и Днепром, а Этелькёз (Ателькузу) — между Днепром и Дунаем [16]. Особняком стоят мнения К. Цегледи, помещающего Леведию к востоку от Дона, а Этелькёз — между Доном и Северским Донцом, и В. А. Пархоменко, располагающего Этелькёз в бассейне Припяти [17]. Э. Мольнар, присоединяясь к общепринятому мнению о расположении Леведии (между Доном и Днепром) делает попытку более точной ее локализации: в Леведии он видит лесостепную область между Киевом и Воронежем [18].

Единодушны историки в отношении хронологии. Появление венгров в Леведии датируется 30-ми годами IX в.: в это время (точнее — в 836—838 гг.) Продолжатель Георгия Амартола упоминает отряд венгров, действующий в районе нижнего

[15] Константин Багрянородный. Об управлением государством. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 17—19.

[16] B. Hóman és Gy. Szekfü. Magyar történet. 7-dik kiad. I. k. Bp., 1941, 635—636. o. (здесь же см. сводку мнений различных авторов о местоположении Леведии и Этелькёза и библиографию вопроса); В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 192; Й. Перени. Указ. соч., стр. 18; «Archäologische Funde in Ungarn». Bp., 1956, S. 363.

[17] K. Czeglédy. A magyarság Dél-Oroszországban, in: L. Ligeti. A magyarság őstörténete, 102. o.; В. А. Пархоменко. Путь из хазар в угры. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 5. Тбилиси, 1937, стр. 369—370.

[18] Э. Мольнар. Указ. соч., стр. 116.

течения Дуная [19]. Под давлением печенегов в 889—890 гг. венгры перешли из Леведии в Этелькёз, где пробыли около шести лет. После второго нападения печенегов они переходят из Этелькёза на территорию современной Венгрии и занимают ее в 895—896 гг. Хронология этих событий, предложенная еще Д. Паулером, является общепризнанной [20]. Нам важно отметить, что венгры находились в тесном соприкосновении с восточными славянами в течение почти всего IX в. Территория, где они соприкасались, также более или менее определена.

После этих предварительных замечаний обратимся к сообщению Анонима. Рассказу о походе венгерских племен через земли восточного славянства Аноним посвящает пять глав (с 7-й по 11-ю) [21].

Приведем полностью эту часть хроники [22].

«Глава 7. О выходе венгерских племен с их прародины. В 884 году [23] от рождества Христова, как говорится об этом в хрониках с погодным изложением событий (in annalibus... cronicis) [24], семь лиц, имевших княжеское достоинство (principales persone) и называемых [по-венгерски] hetumoger [семь мадьяр] [25], выступили из земли Ски-

---

[19] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica (далее — BT), 2. Aufl., Bd. I. Berlin, 1958, S. 269—270.

[20] Gy. Pauler. Lebedia, Etelköz, Millenarium. Sz, 1880, 117. о. Д. Паулер считает датой занятия родины 895 г., современные венгерские историки — 896 г. («Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában». Bp., 1957, 9. o.).

[21] Единственный экземпляр труда Анонима, сохранившийся до нашего времени, представляет собой копию второй половины XIII в. По данным Ф. А. Гомбоша, текст источника был издан с 1746 г. 15 раз на языке подлинника и 5 раз — в переводе на венгерский язык: F. A. Gombos. Catalogus fontium historiae hungaricae..., t. I. Bp., 1937, p. 229).

[22] Перевод сделан нами по последнему изданию: SRH, I. Bp., 1937, p. 42—44. Мы использовали также перевод источника на венгерский язык Д. Паиша: «Magyar Anonymus»... Forditotta Pais Dezsö. Bp., 1926, 30—39. o. Сокращенное изложение интересующей нас части хроники Анонима приводит Н. М. Карамзин (указ. соч., т. I, стр. 83, прим. 302).

[23] Венгерский исследователь А. Якубович полагает, что дата 884 г. появилась в результате ошибки переписчика, опустившего цифру V между цифрами XXX и IIII, сохранившимися в тексте (SRH, I, p. 41). Предположение это можно признать основательным, поскольку немецкий хронист Регино, труд которого был известен Анониму, указывает как дату выхода венгров из Скифии 889 г.

[24] В этом справедливо усматривают признание автора в использовании им более ранних, не сохранившихся до нашего времени хроник.

[25] Данное место хроники Анонима следует рассматривать как свидетельство о существовании союза семи венгерских племен в период до занятия родины. Сведения о семи венгерских племенах были почерпнуты Анонимом или его предшественником из народного предания, о чем свидетельствует венгерское название совета вождей — hetumoger. Венгерские историки доказали существование в раннее средневековье народного предания о семи венгерских воинах, погибших во время похода на Германию

фии [26] по направлению на запад. В их числе вышел из этой области вождь Альмош, сын Юдьека, из рода короля Магога, муж, оставивший по себе добрую память, бывший их [князей] господином и советником. Вышел он со своей женой и сыном своим Арпадом, а также с двумя сыновьями своего дяди Хюлека, Совардом и Кадочей, и огромной неисчислимой массой союзных народов. Много дней шли они через пустынные края, переправились через реку Этиль [27], сидя на бурдюках, как это принято у язычников (super tulbou sedentes ritu paganismo) [28], и нигде не встретился им путь, который бы вел к городу или человеческому жилью. И не питались они плодами трудов человеческих, как было у них обычно принято, а утоляли голод мясом и рыбой, пока не вошли в землю Руси (in Rusciam) [29], которую называют Суздаль (Susudal). И юноши их почти каждый день проводили на охоте. Поэтому с тех дней до настоящего времени венгры — лучшие охотники среди других народов. Двигаясь таким образом, вождь Альмош со всеми своими [спутниками] вступил в землю Руси, называемую Суздаль.

в X в. Доказан также факт переработки и использования хронистами этого сказания. См. B. Hóman. A Szent László-kori Gesta Ungarorum és XII—XIII. századi leszármazói. Bp., 1925, 25. o.

[26] Под именем Скифии у Анонима фигурирует прародина венгров. Название этой области и ее описание были заимствованы автором венгерской хроники конца XI в., которую используют последующие хронисты, в том числе и Аноним, из хроники немецкого автора Регино. Об использовании венгерскими хронистами народных преданий о прародине венгров свидетельствует сохранение ими венгерского названия этой прародины [см. в труде Анонима: Scithia... que Dentumoger dicitur (cap. I.), Gens... Hungarorum... de gente Scithica, que per ydioma suum proprium Dentumoger dicitur (cap. 5)]. Венгерский буржуазный историк Йожеф Деер (ныне в эмиграции — в ФРГ), произведя реконструкцию текста с описанием Скифии в хронике конца XI в., показал, что венгерское название прародины — Dentumoger — было уже известно ее автору (Jó. Deér. Szkitia leirása a Gesta Ungarorumban. Bp., 1931, 16. o.).

[27] Etyl (Etil, Itil) — по-тюркски река. Арабские источники, а также Константин Багрянородный обозначают этим именем Волгу («Об управлении государством», стр. 16). Аноним также имеет в виду Волгу, по соседству с которой расположена Суздальская земля.

[28] Такой способ форсирования рек характерен для кочевников. Развернутое описание переправы кочевников в начале X в. находим у Ибн Фадлана (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 130).

[29] Такое название Руси характерно для западноевропейских памятников X—XVI вв. на латинском языке. Жителей Руси эти памятники обычно обозначают термином Ruteni, применяемым в дальнейшем и Анонимом. Термин Ruscia известен венгерским грамотам 1211, 1212, 1224, 1229, 1233, 1248, 1259 гг. (I. Szentpétery. Az Árpád-hazi királyok okleveleinek kritikai jegyzeke. I. k. Bp., 1923—1930, p. 85, 89, 135, 147, 150, 160, 265, 376). О названии Ruscia в западноевропейских памятниках см. B. O. Unbegaun. Le nom des Ruthènes slaves. AIPHOS, vol. 10. Bruxelles, 1950, p. 611—618.

Глава 8. О Руси (De Rutenia) [30]. После этого достигли области Русов (ad partes Rutenorum) и, не встретив какого-либо сопротивления, прошли до самого города Киева (Kyev). А когда проходили через город Киев, переплывая [на паромах — transnavigando] реку Днепр [31], то захотели подчинить себе королевство Русов. Узнав об этом, вожди (duces) Русов сильно перепугались, ибо они услышали, что вождь Альмош, сын Юдьека, происходит из рода короля Аттилы, которому их предки платили ежегодную дань. Однако киевский князь (dux de Kyeu) собрал всех своих вельмож (primates) [32], и, посовещавшись, они решили начать битву с вождем Альмошем, желая лучше умереть в бою, нежели потерять свое королевство и помимо своей воли подчиниться вождю Альмошу. Тотчас же киевский князь, отправив своих послов, призвал на помощь семь половецких вождей (VII duces Cumanorum) [33], своих

[30] Обращает на себя внимание различное наименование Северо-Восточной Руси (Ruscia) и Руси Киевской и Галицко-Волынской (Rutenia, partes Rutenorum). Термин Rutenia применяется наряду с названием Ruscia в западноевропейских источниках лишь с середины XII в. для обозначения всех русских земель (B. O. Unbegaun. Op. cit., p. 614); в венгерских документах он появляется в конце XII в. и употребляется параллельно с термином Ruscia в XIII—XIV вв. (грамоты около 1195, 1256, 1267 гг.— I. Szentpétery. Op. cit., I, p. 52, 342, 476). Б. Унбегаун предполагает, что применять термин Ruteni в узком его значении — для наименования православных жителей Великого княжества Литовского, Украины и Белоруссии в противоположность жителям «Московии» — начали лишь в XVI в. (B. O. Unbegaun. Op. cit., p. 616). Однако различное обозначение Северо-Восточной Руси и южнорусских областей Анонимом в начале XIII в. позволяет утверждать, что противопоставление отдельных частей Русской земли в памятниках Восточной Европы восходит к более раннему времени.

[31] Венгерский хронист различает способы переправы венгров-кочевников через Волгу, которую они форсировали вплавь (transnataverunt), и через Днепр, форсировавшийся при помощи таких средств, как лодки, паромы. Среди многочисленных переправ через Днепр, известных по летописям, можно отметить «перевоз Киевский», о котором идет речь во введении к Повести временных лет (ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 13) и в Ипатьевской летописи под 1135 и 1146 гг. (ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 295, 327). Был перевоз и у Вышгорода, немного выше Киева (там же, стб. 472). По мнению советского историка военного дела Древней Руси, здесь обычно переправлялись войска, шедшие из Суздальской земли (П. А. Раппопорт. К вопросу о системе обороны Киевской земли. КСИА, № 3. Киев, 1954, стр. 25).

[32] Как установил Л. Силадьи, этот термин применяется в венгерских грамотах XII в. для обозначения крупных феодалов — приближенных короля, называемых также в источниках principes, iobagiones, maiores, proceres, magnates (L. Szilágyi. Op. cit., 4. o.). Применение этого слова в данном рассказе характеризует представление автора хроники о Киевском княжестве его времени (конец XII в.).

[33] Явное перенесение современных хронисту представлений в более древние времена. Половцы (куманы, куны византийских и западноевропейских памятников) появились на Руси впервые, согласно сообщению летописи, в 1054 г. (ПВЛ, ч. I, стр. 109).

самых верных друзей [34]. Тогда эти семь вождей, имена которых: Эд, Эдёмен, Эт, Бёнгер, Очад — отец Ертура, Вайта, Кетель — отец Алаптольмы, собрав немалое число всадников, выступили против вождя Альмоша, двигаясь быстрой рысью, ради дружбы своей с киевским князем. И киевский князь со своим войском выступил им навстречу, а [затем] усилившись благодаря помощи половцев, он начал двигаться с огромным числом воинов против вождя Альмоша. Однако вождь Альмош, которому помогал дух святой, надев оружие (armis indutus), расположив войско в боевой порядок, сидя на своем коне, объезжал строй, ободряя своих воинов. Затем он неожиданно остановился перед всеми ними и сказал им...» [Далее Аноним приводит речь Альмоша, которую он взял целиком из «Деяний Александра Великого», вставив в соответствующие ее места обозначения венгров (Scithici), Русов (Rutheni) и половцев (Cumani)] [35].

«Воины вождя Альмоша, выслушав его речь, зажглись огромным мужеством. Тотчас зазвучали боевые трубы с обеих сторон (per partes), смешались [в бою] оба войска, начав ожесточенное сражение друг с другом. И было убито очень много Русов и половцев. Упомянутые же вожди Русов и половцев, увидев, что их воины побеждены в бою, обратились в бегство и ради спасения своей жизни поспешно удалились в город Киев.

Вождь Альмош и его воины преследовали Русов и половцев до самого города Киева. Воины вождя Альмоша рубили голые головы половцев, словно то были сырые тыквы. Князья же Русов и половцев, вошедшие в город, увидев отвагу венгров, оставались там, словно немые.

Глава 9. О мире между вождем (Альмошем) и Русами. Вождь Альмош и его воины, одержав победу, подчинили себе земли Русов и, забрав их имения (вопа), на вторую неделю пошли на приступ города Киева. И когда они начали приста-

---

[34] Из множества фактов, характеризующих русско-половецкие отношения XI—XII вв. (войны, мирные соглашения, союзы, вассальная зависимость), венгерский хронист выделяет лишь союзнические связи. В этом, несомненно, отразились представления венгров о половцах как союзниках русских князей, сложившиеся под влиянием участия этих кочевников в русско-венгерских войнах на стороне Руси. Решающая роль половецкого отряда хана Боняка в разгроме венгерского войска у Перемышля в 1099 г. отмечается русскими летописями и венгерской Иллюстрированной хроникой (ПВЛ, ч. I, стр. 179; SRH, I, p. 423—424). Помогали половцы русским князьям и в борьбе против отряда венгерского короля Гезы II в 1151 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 443; SRH, I, p. 460).

[35] Ср. комментарий Д. Паиша к последнему изданию текста хроники Анонима (SRH, I, p. 44).

лять лестницы [36] к [городской] стене [37], то князья половцев и Русов сильно испугались при виде мужества венгров. И когда они поняли, что не в силах им сопротивляться, тогда киевский князь и другие князья Русов и половцев, находившиеся там, направив послов, попросили вождя Альмоша и его князей (principes) [38] заключить с ними мир. Когда же послы пришли к вождю Альмошу и попросили его, чтобы он не изгонял их (послов.— *В. Ш.*) господ с мест, которые те занимают (de sedibus suis), то вождь Альмош, посовещавшись со

---

[36] Маловероятным представляется наличие лестниц для осады городов у венгров-кочевников IX в. По мнению венгерского военного историка Д. Эрдейи, военные машины для осады крепостей (tormentum, instrumentum) появились у венгров лишь в середине X в., во время походов в страны Западной Европы (Gy. Erdélyi. A magyarok hadi szervezete és hadvezetési müveszete ezer éven át. Bp., 1942, 26. o.). Лестницы для осады городов (лествицы) на Руси известны также для сравнительно позднего времени: в Повести временных лет о них не упоминается, появляются они в русских летописях при описании событий XIII в. (ПСРЛ, т. II, стб. 852). Истории русско-кочевнических войн X—XI вв. не известны попытки войск степняков брать русские города приступом. Кочевники обычно блокировали эти города, заставляя их защитников страдать от голода (С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 198). Все эти моменты позволяют поставить под сомнение истинность факта, излагаемого хронистом.

[37] Здесь хронист снова переносит факты, характерные для современной ему действительности (конец XII — начало XIII в.), во времена более древние (конец IX в.). Советскими археологами установлено, что три известных поселения, существовавших на месте Киева в VIII—X вв., лишь к концу этого периода слились в один город. Первым укреплением этого города является так называемый Ярославов вал, о строительстве которого сообщает Повесть временных лет под 1037 г. (ПВЛ, ч. I, стр. 102) и остатки которого обнаружены в результате раскопок. Более древние укрепления (стены) не найдены (М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 115, 233; П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 116). С другой стороны, венгерскому хронисту было известно о современных ему укреплениях городов Галицко-Волынской Руси. Сведения о первоклассных укреплениях города Холма сохранены русской летописью (ПСРЛ, т. II, стб. 845). Археологам известны остатки оборонительных сооружений ряда городов Галицко-Волынского княжества: Галича, Владимира-Волынского, Плеснеска, Другабеца, Белза, Звенигорода, Пересопницы, Теребовля (О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР, Київ, 1957, стр. 6, 8, 17, 19, 22, 25, 40, 49, 70). В результате раскопок сравнительно недавнего времени удалось выяснить устройство оборонительного вала древнего города Плеснеска, сооруженного в середине или конце XI в. (И. Д. Старчук. Розкопки на гор. Пліснеско в 1949 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 5. Київ, 1955, стр. 33). С укреплениями галицко-волынских городов, несомненно, приходилось иметь дело венгерским войскам во время их походов на Русь в XII в.

[38] Характерно выделение хронистом бояр (primates) из окружения киевского князя и князей (principes), возглавлявших отдельные венгерские племена, во главе союза которых стоял Альмош.

своими [князьями], отправил обратно послов Русов с требованием, чтобы князья и их вельможи отдали ему своих сыновей в качестве заложников (in obsides) [39], уплатили бы в виде ежегодного (annuatim) налога десять тысяч марок [40], а кроме того, предоставили бы продовольствие, одежду и другие необходимые вещи. Князья же Русов, хотя и не по своей воле, однако все это отдали вождю Альмошу. Но они попросили вождя Альмоша, чтобы венгры, покинув землю Галича (terra Galicie) [41], удалились бы за лес Ховош (ultra silvam Houos) [42] на

[39] Отдача заложников (русские летописи называют их обычно «тали») — явление довольно частое в истории русско-кочевнических отношений. Бруно Кверфуртский в письме к императору Генриху II (около 1008 г.) говорит об отдаче «в заложники мира» великим князем Владимиром Святославичем своего сына (О г л о б л и н. Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II. «Университетские известия». Киев, 1873, № 8). О случаях выдачи заложников кочевникам сообщает Повесть временных лет при описании событий 997 г. (осажденные белгородцы выдали заложников печенегам) и 1095 г., когда Владимир Мономах отдал «в тали» половецкому хану своего сына Святослава. Кочевники давали заложников русским в 944 г., перед походом Игоря на Византию, в 997 г., во время переговоров белгородцев с печенегами. В 1101 г. половцы и русские князья при заключении мира обменялись заложниками (ПВЛ, ч. I, стр. 34, 87, 88, 148, 182). Обычай выдачи заложников был давно известен венграм. По свидетельству Продолжателя Георгия Амартола, в 943 г. при заключении мира с византийцами венгры выдали в качестве заложников представителей своей знати (В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 568).

[40] Марка (marca) в качестве денежной единицы появляется в венгерских документах, по наблюдению Л. Силадьи, лишь с 1146 г. Источник данного текста, следовательно, не может восходить к более раннему времени.

[41] Обращает на себя внимание неожиданное упоминание Галицкой земли. Место действия рассказа — под стенами Киева. Наиболее вероятной в этом случае была бы просьба русских князей к венграм покинуть Киевскую землю. По смыслу текста выходит, что киевские князья считали район Киева Галицкой землей, что не соответствует действительности. При описании «подчинения» русских земель венграм хронист, очевидно, имел в виду прежде всего земли Галицко-Волынского княжества, попытки овладеть которыми не раз предпринимали в XII—XIII вв. венгерские короли. Термин Анонима — terra Galicia — согласуется с обозначением Галицкой земли в венгерских грамотах первой половины XIII в. (N. K o v a c s. Betürendes nevmutató Wenzel Gustáv Árpádkori Uj Okmánytárhoz. Bp., 1889, 248. o.; M. C z i n á r. Fejér György Magyarországi okmánytárának betürendü tárgymutatója. Pest. 1866, 160. o.).

[42] Убедительного объяснения это географическое название пока не получило. Д. Паиш сближает его с современным венгерским наименованием горного района в бывшем комитате Марамарош (ныне в Закарпатской обл. УССР) Хавашердё (Havaserdö) — Заснеженный Лес,— предлагая на этом основании при переводе хроники Анонима транскрипцию «лес Хаваш». Современные польские ориенталисты Ф. Купфер и Т. Левицкий усматривают в термине «Houos» своеобразную транскрипцию древнерусского слова «гвоздь» — лес. SRH, I, p. 45; Fr. K u p f e r i T. L e w i c k i. Zródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej

запад, в землю Паннонии, которая первоначально была землей короля Аттилы. И расхвалили венграм землю Паннонии, сказав, что она прекрасна чрезвычайно. Сказали также, что там сливаются известнейшие источники вод — Дунай и Тиса — и другие знаменитейшие источники, изобилующие прекрасной рыбой. Эту землю, сказали они, населяли славяне, болгары и валахи (Sclavi, Bulgarii et Blachii), а также пастухи римлян (ac pastores Romanorum). Ибо после смерти короля Аттилы римляне назвали землю Паннонии своим пастбищем, так как их стада паслись в земле Паннонии. И по праву землю Паннонии называют пастбищем римлян, ибо и ныне римляне пользуются благами Венгрии (Hungarie). Чего же больше?

Глава 10. О семи половецких вождях. Вождь Альмош и его вельможи (urimates)[43], посовещавшись между собой, исполнили просьбу князей Русов и заключили с ними мир. Тогда князья Русов, т. е. [князья] киевские и суздальские[44], чтобы не быть изгнанными со своих мест (de sedibus suis), отдали своих сыновей вождю Альмошу в качестве заложников и вместе с ними послали ему десять тысяч марок и тысячу лошадей с седлами и удилами, украшенными по русскому обычаю, а также сто половецких мальчиков и сорок верблюдов для перевозки грузов, бесчисленные меха ласки и белки[45] и многие другие, также бесчисленные дары. Тогда упомянутые выше вожди половцев [следуют имена семи половецких вождей], увидев милость вождя Альмоша, проявленную им по отношению к Русам, упали к его ногам и добровольно подчинились ему, сказав: «С сегодняшнего дня тебя избираем своим госпо-

---

i Wschodniej Europy. Warszawa — Wrocław, 1956, str. 77. Ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стб. 511.

[43] Возможно, автор хроники, употребляя этот термин, хочет сказать, что Альмош держал совет с более широким кругом представителей племенной знати, нежели семь вождей племен, упоминавшихся ранее.

[44] Хронист снова переносит обстановку своего времени в древность. Различение киевских и суздальских князей могло появиться лишь после 30-х годов XII в., когда Ростово-Суздальская земля вышла из-под власти Киева. Венгерский хронист конца XII — начала XIII в. был осведомлен не только о существовании отдельных княжеств — Киевского и Суздальского, но и борьбе их друг против друга, поскольку венгерский король Геза II в середине XII в. принимал участие в столкновениях князя Изяслава Мстиславича с суздальским князем Юрием Долгоруким на стороне первого. В частности, один из шести походов этого короля на Русь (весной 1151 г.) был совершен против войск Юрия Долгорукого (ПСРЛ, т. II, стб. 418 и сл.).

[45] В этом утверждении, несомненно, отразилось представление венгерского автора о Руси как стране, изобилующей мехами. О ввозе русскими лицами пушнины в Венгрию в XII в. свидетельствует известный эстергомский тариф 1198 г. [G. Fejér. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (далее — Fejér), VII/5. Budae, 1841, p. 143].

дином и повелителем до самого последнего нашего потомства. И куда бы ни повела тебя твоя судьба, всюду мы последуем за тобой». И то, что они сказали на словах вождю Альмошу, они скрепили присягой, поклявшись по языческому обычаю. Вождь Альмош и его вельможи таким же образом связали себя по отношению к ним клятвой и присягой. Тогда эти семь половецких вождей согласились идти в Паннонию вместе со своими женами и детьми, а также с огромной массой [своего народа][46]. Подобным образом многие из Русов присоединились к вождю Альмошу и пришли с ним в Паннонию. Их потомство до сегодняшнего дня проживает в различных местах Венгрии[47].

Глава 11. О городах Владимир и Галич (De civitatibus Lodomer et Galicia). Тогда вождь Альмош и другие лица княжеского достоинства, называемые hetumoger, а также половецкие вожди вместе со своими родственниками, слугами и служанками вышли из Киева и в сопровождении киевских Русов пришли к городу Владимиру[48]. Владимирский князь[49]

[46] В венгерской исторической литературе принято мнение о том, что в рассказе Анонима о присоединении к венграм половцев нашел отражение факт вхождения кавар (кабар) в союз венгерских племен, о чем сообщает Константин Багрянородный (указ. соч., стр. 18). О племени кавар имеются сведения также в «Адмонтских анналах» под 881 г., их следы сохранились и в топонимике средневековой Венгрии (Gy. Németh. A honfoglaló magyarság kialakulása. Bp., 1930, 233. o.; BT, II, S. 144).

[47] Здесь Аноним предпринимает попытку объяснить происхождение славянского населения Венгрии, следы которого в его время сохранялись в топонимике страны: в гл. 57-й своего труда он упоминает о «крепости Русов» (SRH, I, p. 118). В действительности венгры-кочевники осели на территории, с древности населенной славянскими племенами. В ходе оседания происходило взаимодействие и слияние двух культур — славянской и кочевнической. В последнее время этот процесс четко прослежен на основе археологического материала (Zd. Váňa. Mad'ari a Slované ve světle archeologických nálezů X.—XII. století. «Slovenská archeologia», II. Bratislava, 1954, str. 96). Нельзя также пройти мимо факта сохранения в топонимике Венгрии, Словакии и Трансильвании многочисленных названий с корнем «Русь», «Русский» (А. А. Кочубинский. О русском племени в Дунайском Залесье. «Труды VII Археологического съезда», т. II. М., 1891, стр. 65).

[48] Автор повествует о половецком обществе XII в. и более позднего времени, для которого характерно появление классового неравенства. См. З. Шарапова. Социально-экономический и политический строй половцев. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. 28, 1953, стр. 109—138; Gy. Györffy. A kunok feudalizálódása. «Tanulmányok a parasztság történetéhez Magyarországon a 14. században». Bp., 1953, 251. o. Владимир — это город Владимир-Волынский. Здесь его название дано в транскрипции, характерной для венгерских грамот первой половины XII в.: Lodomer, Lodomeria (N. Kovacs. Op. cit., 404. o.) Этим же именем венгерские источники обозначают Волынскую землю, Волынское княжество, стольным городом которого являлся Владимир.

[49] Хронист знает двух князей — волынского и галицкого, два отдельных княжества. Следовательно, данная часть хроники была написана или

и его вельможи последовали с драгоценными дарами до границы королевства (regni) [50] навстречу вождю Альмошу и добровольно открыли ему город Владимир. И вождь Альмош со всеми своими [спутниками] оставался в этом месте [51] в течение трех недель. На третьей же неделе владимирский князь отдал двух своих сыновей вместе со всеми сыновьями своих вельмож (cum omnibus filiis iobagionum suorum) вождю Альмошу в заложники. И, кроме того, предоставил как вождю, так и его вельможам две тысячи марок серебра, сто марок чистого золота с бесчисленными мехами и покрывалами (cum... palliis), а также триста лошадей с седлами и удилами, двадцать пять верблюдов в тысячу волов для перевозки грузов и другие неисчислимые дары. А на четвертой неделе вождь Альмош со своими [спутниками] пришел в Галицкую землю (in Galiciam) [52] и здесь выбрал себе и своим [спутникам] место для отдыха. Когда об этом услышал князь Галицкой земли [53], он

восходит к источнику до конца XII в., когда князь Роман Мстиславич объединил галицкие и волынские земли. См. «История СССР», т. I. М., 1956, стр. 113.

[50] Средневековые латинские памятники применяют для обозначения княжеств русской земли термин «regnum» — королевство, а князей часто называют королями — «reges». В этой терминологии выражалось признание международного авторитета Руси (M. Andrusiak. Kings of Kiev and Galicia. «The Slavonic and East European Review», vol. 33, № 81. London, 1955, p. 349). Венгерские источники в этом отношении не составляют исключения. Интересно, что, стремясь завладеть галицко-волынскими землями, венгерские короли присваивали себе титулы королей «Галицкой земли» (так именует себя Бела III в грамоте 1189 г. — Fejér, II, p. 247) и «Волынской земли» (титул Андрея II в документе 1205 г.— Feiér. VII/5, p. 166).

[51] Здесь хронист не говорит о занятии венграми самого города Владимира, хотя, по его словам, русский князь и предоставил им такую возможность. Более того, дальнейшее изложение содержит косвенное признание того факта, что власть в самом Владимире принадлежала русскому князю, а венгры располагались вне города, что вполне естественно для кочевников.

[52] От Киева к Верецкому перевалу в Северных Карпатах более коротким был, безусловно, известный в раннее средневековье путь непосредственно через Галич, без захода во Владимир. Но, очевидно, при описании маршрута венгров Аноним имел в виду дороги, существовавшие в его время. Характерно, что войско Батыя, следовавшее в 1240 г. от Киева к северокарпатским перевалам и через них в Венгрию, пошло не прямо на Галич, а сначала — на Владимир, откуда повернуло на юг (ПСРЛ, т. II, стб. 786). Этот путь монгольского войска, впрочем, был обусловлен его стратегическими целями (разгром очагов сопротивления русских войск — таких, как Кременец, Данилов и др.). Возможно, Аноним ведет венгров через Владимир потому, что в XII—XIII вв. в Венгрии хорошо была известна дорога к этому городу. По ней часто совершали походы венгерские отряды (в 1123, 1143, 1152, 1188—1190, 1205—1233 гг.), о чем сохранились сведения в русской летописи и венгерских хрониках. Интересно, что русская летопись называет путь от Владимира в Венгрию «королевской дорогой» (ПСРЛ, т. II, стб. 447).

[53] Характерное различение волынского и галицкого князей.

вышел навстречу вождю Альмошу босиком со всеми своими вельможами и предоставил в пользование (ad usum) вождя Альмоша различные дары; открыв ворота города Галича, он оказал ему гостеприимство, словно своему господину, отдав ему в качестве заложника единственного своего сына вместе с сыновьями вельмож своего королевства; кроме того, он подарил как вождю, так и всем его воинам десять наилучших скакунов (farisii) [54] и триста лошадей с седлами и удилами, три тысячи марок серебра и двести марок золота, а также прекраснейшие одежды. После того, как вождь Альмош пробыл на месте своего отдыха в течение одного месяца в Галицкой земле [55], ее князь и другие его сотоварищи (consocii) [56], чьи сыновья были отданы в заложники, начали просить вождя Альмоша и его знатных [приближенных] (nobiles), чтобы они ушли на запад за [лес] Ховош, на землю Паннонии. Сказали они им, что земля эта чрезвычайно хороша и что там сливаются известнейшие источники, имена которых, как мы сказали выше, Дунай, Тисса, Ваг, Марош, Кёрёш, Темеш и другие [...]

Глава 12. Как они вошли в Паннонию. Вождь Альмош и его вельможи, приняв советы Русов, заключили с ними наикрепчайший мир. Князья же Русов, чтобы их не изгнали с их мест, как мы уже сказали, отдали сыновей своих в заложники вместе с бесчисленными дарами. Затем князь Галицкой земли приказал, чтобы впереди [венгров] пошли две тысячи лучников (duo milia sagittatorum) [57] и три тысячи крестьян (III-a milia rusticorum), которые должны были расчистить путь через лес Ховош до границы Унга (ad confinium Hung) [58]. И нагрузил весь тягловый скот (iumenta) [59] продовольствием и другими

---

[54] От греческого «фарес» — конь. В византийских памятниках означает арабского скакуна или коня под седлом. Поэтому Д. Паиш переводит: «десять великолепных арабских скакунов» («Magyar Anonymus», 37. o.). От этого же греческого слова — древнерусские: фарис, фарь — конь, скакун (И. И. Срезневский. Указ. соч., т. III. М., 1958, стб. 1352).

[55] Из текста явствует, что автор различает место отдыха венгров и город Галич. Хроника, следовательно, не содержит утверждений о занятии венграми-кочевниками городов Владимира и Галича.

[56] Этим термином хронист называет бояр, окружающих галицкого князя. Ему, очевидно, известна значительная роль галицкого боярства.

[57] Лук и стрелы — оружие, получившее широкое применение на Руси в период раннего средневековья. См. А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения истор. фак-та МГУ», вып. 4, 1946, стр. 4, 13.

[58] Город Ужгород в Закарпатской области УССР на берегу р. Уж, венгерское название — Унгвар. В Венгерском королевстве с XIII в. существовал комитат (область) Унг, центром которого был Унгвар. Аноним имеет в виду название комитата.

[59] Наличие у венгров-кочевников тяглового скота и телег подтверждается сообщением Повести временных лет о том, что в 898 г. венгры

необходимыми вещами и снабдил для пропитания домашними животными в огромном количестве. Тогда семь лиц княжеского достоинства, называемые hetumoger, и те семь половецких вождей, имена которых мы назвали выше, вместе со своими родственниками, а также вместе со слугами и служанками по совету и при помощи Русов вышли из Галицкой земли в землю Паннонии. И пройдя таким образом через лес Ховош, они удалились в область Унг (ad partes Hung)...». Далее Анонim подробно описывает занятие венграми их новой родины, доводя изложение событий до правления князя Такшоня (947—около 970).

Непременным условием выяснения характера русско-венгерских отношений IX в. является отделение в рассказе Анонима правды от вымысла. В наше время выполнение этой задачи, сформулированной еще в 80-х гг. XIX в. И. Пичем [60], осуществимо благодаря определению места, которое занимает в истории венгерского летописания хроника Анонима. Трудами венгерских буржуазных историков Х. Марцали, Ф. Толди, Д. Шебештьена, Д. Паулера, Ш. Домановского и Б. Хомана установлено соотношение между сохранившимися историческими сочинениями XIII—XIV вв. Итоги этих разысканий были подведены в работе Б. Хомана «„Деяния венгров" (Gesta Ungarorum) времени Ласло Святого и произведения XII—XIII вв., происходящие от этого труда» [61]. Б. Хоману удалось воссоздать историю развития летописания в Венгрии, доказать зависимость известных ныне венгерских хроник от общего протографа — сочинения «Деяния венгров» (Gesta Ungarorum), которое он датирует 1091—1092 гг. Б. Хоманом была предложена реконструкция содержания и объема этого протографа. Основные выводы этого автора, схема развития венгерского летописания, выдвинутая им, и реконструкция содержания протографа были приняты венгерскими историками [62]. Некоторые авторы высказали лишь предположение о появлении протографа венгерских хроник не в конце, а в середине XI в.— в правление короля Андрея I (1047—1060) [63]. Такой точки зрения придерживается и последний исследователь вопроса — венгерский

«пришедъше къ Днепру сташа вежами...» (ПВЛ, ч. I, стр. 21). Вежи — это кибитки, поставленные на колеса. См. С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 203.

[60] J. L. Pič. Zur rumänisch-ungarische Streitfrage. Leipzig, 1886, S. 409.

[61] B. Hóman. A Szent László-kori. Gesta Ungarorum és XII—XIII. századi leszármazói. Bp., 1925.

[62] «Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában», 53. o.

[63] J. Györy. Gesta regum — gesta nobilium. Bp., 1948; Gy. Györffy. Krónikáink és a magyar őstörténet. Bp., 1948, 5. o.

историк средневековой литературы Янош Хорват младший[64]. Для целей нашего исследования важно отметить еще один вывод венгерского источниковедения: труд Анонима остался неизвестным хронистам XIII в., пользовавшимся, как и нотарий Белы III, протографом середины (или конца) XI в.[65]

Таким образом, независимость имеющихся в нашем распоряжении текстов сочинения Симона (Шимона) Кезаи и так называемой Иллюстрированной хроники от труда Анонима и восхождение этих памятников к общему источнику — протографу середины XI в.— позволяют восстановить содержание рассказа о движении венгров мимо Киева в хронике середины (конца) XI в.

Сочинение Симона Кезаи «Деяния венгров» (Gesta Hungarorum)[66] и Иллюстрированная хроника[67] состоят из двух ча-

---

[64] J. Horváth. Árpádkori latinnyelvü irodalmunk stílusproblémái. Bp., 1954, 308. o.

[65] B. Hóman. A Szent László-kori..., 49. o. Против этого господствующего в литературе взгляда выступил Д. Дьёрфи, но и он вынужден признать наличие рассказа о прохождении венгров мимо Киева в хронике середины XI в. (Gy. Györffy. Op. cit., 150. o.).

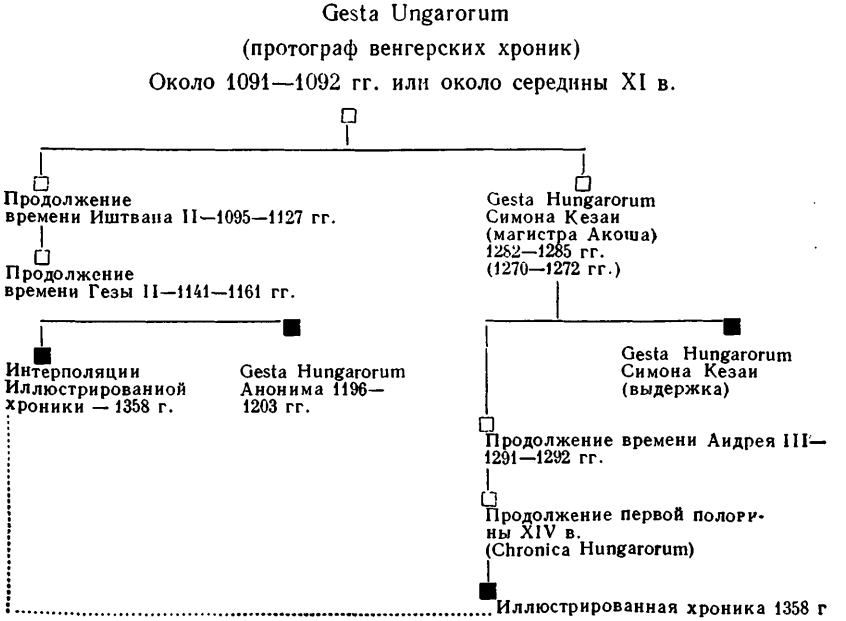
[66] Сохранившаяся до нашего времени хроника Симона Кезаи (Simon de Keza) представляет собой выдержку из утраченного труда «Деяния венгров» (Gesta Hungarorum), создание которого датируется 1282—1285 гг., по мнению Б. Хомана, или 1270—1272 гг., как считает Ш. Домановский (B. Hóman. A Szent László-kori..., 60. o.; S. Domanovszky. Kézai Simon mester krónikája. Bp., 1906, 127. o.). По мнению большинства исследователей, автором этого не дошедшего до нас обширного сочинения был тот же Симон Кезаи. В последнее время Д. Дьёрфи высказал предположение об авторстве магистра Акоша (Gy. Györffy. Op. cit., 161. o.). Установлены и источники этого обширного труда; одним из них исследователи считают протограф венгерских хроник конца (по Б. Хоману) или середины (по Ш. Домановскому) XI в., откуда почерпнуты сведения о событиях интересующего нас времени, содержащиеся как в первой части хроники (история гуннов), так и во второй ее части (история венгров); при описании событий 1047—1272 гг. автор пользовался списком венгерских королей или краткой хроникой, не сохранившимися до нашего времени. При составлении истории гуннов были использованы также сочинения Иордана и других писателей раннего средневековья. См. B. Hóman. A Szent László-kori..., 68. o.

[67] Иллюстрированная хроника (Chronicon pictum), или, как иногда ее называют, Венская Иллюстрированная хроника (долгое время она была собственностью Венской придворной библиотеки, ныне хранится в Библиотеке Венгерского национального музея им. Сеченьи), описывает события с древнейших времен до 1330 г. Ее составитель — монах из Секешфехервара Марк Кальти — начал свою работу в 1358 г. Текст протографа середины (или конца) XI в. с описанием интересующих нас событий дошел до автора этой хроники в составе «Хроники Венгров» (Chronica Hungarorum) первой половины XIV в., послужившей основой труда Марка Кальти. Эта хроника была продолжением исторического сочинения, созданного при короле Андрее III (1291—1292) на основе «Деяний венгров» Симона Кезаи или магистра Акоша (1282—1285). Как было отмечено выше, автор последней работы имел дело непосредственно с протографом XI в. Иллюстрированная хроника представляет собой ценный источник по ис-

стей. В первой части каждого из этих памятников содержится история гуннов, которых авторы отождествляют с венграми (Huni sive Hungari); вторые части хроник посвящены истории венгров. Положение о родстве венгров и гуннов высказывалось и Анонимом (Альмош, по мнению последнего, из рода «короля Аттилы»).

Еще представители буржуазного источниковедения доказали необоснованность рассказа о родстве гуннов и венгров. Было отмечено, что автор этого рассказа использовал для своей компиляции не только сочинения Орозия, Исидора, Иордана и Готтфрида из Витербо, но и протограф венгерских хроник середины (конца) XI в. Более того, последний

тории Венгрии XI—XII вв. благодаря наличию в ее тексте вставок с описанием событий этого времени. Установлено, что источником этих интерполяций послужила хроника с изложением истории Венгрии с древнейших времен (она включала протограф XI в.) до времени короля Гезы II (1141—1161 гг.) (B. Hóman. A Szent László-kori..., 69, 72, 93. o.). В тексте Иллюстрированной хроники содержатся 142 миниатюры, изготовленные, как предполагают, королевским гербописцем Миклошем Медьеши около 1370 г. Последние представляют собой не только ранние памятники венгерского изобразительного искусства, но и источник по истории Венгрии XIV в. («Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában», 168. o.). См. также схему венгерского летописания: черные квадраты — сохранившиеся хроники, белые квадраты — утраченные произведения.



явился для автора истории гуннов-венгров главным источником. События IX—X вв., излагаемые в протографе, автор истории гуннов механически переместил во времена Аттилы. Структура рассказа о гуннах повторяет построение истории венгров, составляющей вторые части хроник Симона Кезаи и Иллюстрированной. Таким образом, элементы, заимствованные автором истории гуннов из венгерского источника XI в., не имеют никакого отношения к подлинным гуннам, но могут быть использованы для реконструкции соответствующих частей протографа венгерских хроник [68]. Все это делает возможным использование соответствующих мест не только вторых, но и первых частей труда Симона Кезаи и Иллюстрированной хроники для восстановления содержания рассказа протографа середины (конца) XI в. о пути венгров-кочевников в Паннонию.

Вот что сообщает Симон Кезаи о пути гуннов-венгров в Паннонию: гунны, вышедшие из Скифии (под этим именем, как и у Анонима, здесь фигурирует прародина гуннов-венгров), «прошли земли печенегов и белых кунов-половцев (Bessorum et Comanorum alborum terras). Затем вступили в Суздаль, Русь и земли черных кунов (Susdaliam, Rutheniam et nigrorum Comanorum terras ingressi) и, наконец, благополучно, (хотя) и против воли упомянутых народов, достигли реки Тиссы». Тот же хронист во второй части своего труда, говоря о венграх, отмечает, что по пути в Паннонию они «прошли страны печенегов, белых кунов-половцев и город Киев (transierunt per regna Bessorum, alborum Comanorum et civitatem Kyo) и затем поселились в долине реки Унг, где основали крепость». Далее Симон Кезаи сообщает о том, что «Арпад (сын Альмоша) со своим народом первым преодолел горы Русов (Ruthenorum alpes, как хронист называет Карпаты) и на реке Унг первым разбил свои лагери (sua castra)...» [69].

Сходное описание пути гуннов и венгров в Паннонию находим в Иллюстрированной хронике. Гунны, согласно этому источнику, «выйдя из Скифии, прошли затем [земли] печенегов и белых кунов-половцев и, наконец, вступили в Суздаль, Русь и в землю черных кунов (куманов). Выйдя отсюда, они достигли Тиссы...» При изложении истории венгров Иллюстрированная хроника, в отличие от Анонима и Симона Кезаи, ведет их в Паннонию не через Верецкий перевал в Северных Карпатах, а южнее — в Трансильванию: «...в течение трех месяцев венгры спустились с гор и пришли на границу королевства Венгрии, т. е. в Трансильванию (scilicet in Erdelw; здесь хро-

---

[68] B. Hóman. A. Szent László-kori..., 50, 59. o.
[69] SRH, I, p. 148, 164—165.

нист применил венгерское название этой области — Erdély) вопреки воле упомянутых народов».

Чтó это за народы, видно из перечня мест, пройденных венграми до прихода в Трансильванию: «Пройдя через страны печенегов, белых кунов-половцев, через Суздаль и город под названием Киев, венгры, наконец, перешли через горы...» Интересно, что в первой части Иллюстрированной хроники ее автор обнаруживает знание двух путей в Венгрию — через долину реки Унг (Уж) и через Трансильванию. Отсюда, по сообщению Иллюстрированной хроники, венгры совершают нападение на великоморавского князя Святоплука [70]. Это нападение на Великоморавскую державу (902—906) стоит в непосредственной связи с занятием венграми своей новой родины. Аноним, как мы видели, приводит венгров через Северные Карпаты. Но, как выяснил Б. Хоман, ему известен был путь и через Трансильванию: вожди венгерских племен, не упомянутые Анонимом при описании событий, связанных с переходом венгров через перевал в Северных Карпатах, появляются в хронике Анонима, когда он начинает излагать военные действия на юге страны [71].

Сравнение соответствующих мест Анонима и Иллюстрированной хроники приводит к выводу о наличии в их общем источнике — протографе середины (конца) XI в.— сведений о движении венгров-кочевников в Паннонию и через перевал в Северных Карпатах, и через трансильванские перевалы. Это мнение разделяется современными венгерскими историками [72].

Но не только это вытекает из рассказа протографа XI в. относительно движения венгров в Паннонию. Б. Хоман, реконструируя данную часть древнего памятника, пришел также к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что в протографе XI в. содержались сведения о движении венгров-кочевников через земли печенегов, белых кунов — половцев русских летописей, черных кунов — торков русских источников, узов византийских авторов [73], а также через Суздаль, Русь (Ruthenia) и Киев [74].

---

[70] SRH, I, p. 254, 285, 281.

[71] B. Hóman. A Szent László-kori..., 86 o.

[72] «Archäologische Funde in Ungarn». Bp., 1956, S. 366; «Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korsakában», 13. o.

[73] Значение терминов «белые куны (куманы)» — cumani albi — и «черные куны (куманы)» — cumani nigri — выяснил венгерский историк Бела Кошшаньи (B. Kossányi. Az úzok és kománok történetéhez a XI—XII. században. Sz, 1924, 534, 537. o.). Его трактовка этих этнических наименований принята и нынешними историками (см. BT, I, S. 90; II, S. 228).

[74] B. Hóman. A Szent László-kori..., 96. o.

Наличие этой географической номенклатуры в протографе середины (конца) XI в. подтверждается не только материалами памятников, восходящих к этому протографу, но и существованием упомянутых в древнем источнике географических и этнических обозначений в реальной исторической действительности того времени.

Автор этого времени знал печенегов (bessi, bisseni). Известно, что эти кочевники владели южнорусской степью от Волги до Прута с конца IX до середины XI в.[75] В тесной связи с отходом печенегов к Дунаю в середине XI в. находится, по всей видимости, их нападение на южную область Венгерского королевства (Срем) в 1071 г. Об этом сообщает Иллюстрированная хроника[76]. Часть печенегов в XI в. перешла в Венгрию и была поселена ее королями в пограничных областях с обязанностью нести военную службу и охранять рубежи страны[77]. Таким образом, печенеги и области их недавнего обитания были известны автору венгерской хроники второй половины XI в. и представляли для него определенный интерес. Известно далее, что этот кочевой народ окончательно сошел с арены истории после поражения, нанесенного ему в 1122 г. византийским императором Иоанном II. Часть печенежской орды в 1150 г. находилась на службе у венгерского короля Гезы II и использовалась им в войне против Византии[78]. Не удивительно поэтому умолчание об этом народе в хронике Анонима, писавшего на рубеже XII—XIII вв. Сосредоточив свое внимание на описании половцев как союзников русских князей, Аноним опустил упоминание о печенегах и их стране, встретившееся ему в хронике XI в., поскольку эти кочевники его не интересовали да и представления об этом народе у него не было.

Венгерскому автору протографа второй половины XI в. были известны и белые куны (куманы) — половцы, появившиеся в южнорусских степях в середине XI в.: как сообщает Повесть временных лет, в 1054 г. князь Всеволод Ярославич, сидевший в Переяславле, заключил мир с половецким ханом Болушем[79]. Судя по хронологии половецких набегов на Русь и Венгрию, о которых независимо друг от друга сообщают Повесть временных лет и венгерская Иллюстрированная хроника, половецкие отряды, проходившие с боем через русские

[75] С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 165—166.

[76] SRH, I, p. 369—370.

[77] Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Прага, 1933, стр. 19; J. Belitzky. A nyugatdunantuli és felvidéki besenyö telepek, in: «Emlékkönyv Domanovszky Sándor születése 60-dik fordulójának ünnepére». Bp., 1937, 59—95. o.; I. Kniezsa. A nyugatmagyarországi besenyök kérdéséhez. Ibid., 323—337. o.

[78] BT, I, S. 88.

[79] ПВЛ, ч. I, стр. 109.

земли, обрушивались затем и на владения венгерских королей. Так, под 1068 г. русский летописец сообщает о приходе на Русь огромного войска половцев («Придоша... половьци мнози») и о разгроме ими русского войска на реке Альте (Льто) [80]. В том же году, по сообщению Иллюстрированной хроники, «язычники-половцы (pagani Cuni)... ворвались в Венгрию... и неожиданно возвратились назад, уведя с собой бесчисленное множество мужчин, женщин и скота...» [81]. Очевидна также связь между набегом половецкого хана Копульча (Copulch) на Трансильванию в 1091 г. [82] и борьбой против половцев теребовльского князя Василько Ростиславича в 1092 г. [83] Известен также набег на Венгрию половецкого хана Кутеска (Kutesk) в 1085 г. [84] Эти свидетельства источников позволяют сделать вывод о том, что венгерский автор второй половины XI в. имел вполне определенное представление о белых кунах-половцах.

Что касается проводимого этим хронистом различия между куманами (кунами) белыми и черными, то оно отражает географические представления того времени. В пользу такого предположения говорит наличие Белой и Черной Кумании на карте арабского географа ал-Идриси 1154 г., отразившей, безусловно, представления более раннего времени [85].

Венгерский хронист второй половины XI в. имел реальное основание для упоминания о «черных кунах (куманах)», под именем которых в его сочинении фигурируют торки русских летописей, которых византийские авторы называют узами. С. А. Плетнева пришла к выводу, что разгромленный русскими князьями торческий союз прекратил свое существование в 1060 г. Бóльшая часть племен, входивших в его состав, пошла на службу к киевским князьям. Автор протографа второй половины XI в. знал о торках-узах-черных кунах, поскольку последние вторгались в Венгрию незадолго до своего похода на Византию в 1064 г. [86] Не могло остаться неизвестным ему и поселение части разгромленных торческих племен в пограничных районах русской земли. Отсюда упоминание о «земле черных кунов (куманов)». В 40-х годах XII в. кочевники, находившиеся под властью Руси, образовали так называемый черноклобуцкий племенной союз (черные клобуки — собирательное название кочевников Поросья). Из федератов они

---

[80] ПВЛ, ч. I, стр. 112.
[81] SRH, I, p. 366.
[82] Ibid., p. 412—413.
[83] ПВЛ, ч. I, стр. 141.
[84] SRH, p. 408.
[85] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 40—41.
[86] BT, I, S. 91.

превратились в вассалов русских князей [87], что означало окончательную утрату ими самостоятельности; эти обстоятельства могут объяснить исчезновение «черных кунов (куманов)» в сочинении Анонима. Зная лишь половцев-«белых кунов (куманов)» как союзников русских князей, каковыми они выступали иногда в его время, и не имея определенного представления о торках (черных кунах), сравнительно давно утративших свою самостоятельность, Аноним не смог объяснить встретившееся ему в протографе второй половины XI в. деление кунов (куманов) на белых и черных и, исходя из своего представления о половцах как о едином племени, опустил это различие.

Не вызывает сомнения сознательное внесение в текст протографа второй половины XI в. наименования Суздальской земли [88]. Материалы русских летописей убеждают, что во второй половине XI в. Суздальская земля хорошо известна в других областях Руси, в частности в Киеве [89]. Материалы археологических раскопок свидетельствуют об интенсивном развитии здесь земледельческого хозяйства с IX в. [90] Самый факт выхода Суздальской земли из-под власти киевских князей в 30-х годах XII в., рост силы и международного авторитета ее князей в последующее время — результат развития этой области в IX—XI вв. Из Суздальской земли вел к Киеву торговый путь (через Курск) [91].

Протограф венгерских хроник второй половины XI в. упоминал о прохождении венгров через Русь, Русскую землю (Ruthenia). Характерно, что венгерский автор второй половины XI в. применяет термин «Русская земля», «Русь» (Ruthenia) рядом с наименованием земли Суздальской. Он имеет в виду Русскую землю в узком смысле. Известно, что русские летописцы применяли термин «Русь», «Русская земля» в широком смысле, для обозначения всей русской земли, и при наименовании одной из областей Руси — Киевской земли [92].

[87] С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 165—166, 218—219, 225. Автор неправомерно отождествляет торков с гузами. Ошибочность такого смешения доказана Белой Кошшаньи (B. Kossányi. Op. cit., 519. o.).

[88] S. Domanovszky. Anonymus és a II. Géza korabeli Gesta. Sz. 1933, 181. o.

[89] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.— Л., 1950, стр. 160; ср. ПВЛ, ч. I, стр. 99, 108—109; ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 73.

[90] А. Д. Варганов. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.). КСИИМК, вып. 12, 1945, стр. 127—134; Е. И. Горюнова. К истории городов Северо-Восточной Руси. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 20—21.

[91] И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923, стр. 38.

[92] М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, VI—VII, 1947, стр. 80.

Двоякое значение этого термина было, очевидно, известно и венгерскому хронисту второй половины XI в. Аноним, пользовавшийся на рубеже XII—XIII вв. его произведением, сохранил различные наименования Руси в широком (Ruscia) и узком смысле (Rutenia). Возможно, применение автором протографа второй половины XI в. термина «Русская земля» для обозначения одной лишь Киевской области служит аргументом в пользу древности использованной им традиции. Более поздние венгерские памятники упоминают Русскую землю лишь в широком смысле. Так, венгерский монах-доминиканец Рикард, описавший в 1237 г. путешествие другого доминиканца (Юлиана) в Великую Венгрию (на Волге, близ Волжской Болгарии), считал, что между Венгрией и областью венгров-язычников на Волге находится Русская земля, Русь (terra Ruthenorum, Rucia). Здесь этот термин применен в широком его толковании, поскольку территория между Венгрией и Волгой включала в себя различные области Руси, в том числе Киевскую и Суздальскую земли. Через последнюю, кстати, проходил и путь монаха Юлиана [93].

Различая Русь в узком и широком смысле, всю русскую землю и Киевскую область, хронист второй половины XI в. не мог не упомянуть города Киева, центра страны, которая, по определению Илариона, «ведома и слышима есть всеми концы земля» [94].

Итак, автор протографа второй половины XI в. при описании маршрута венгров-кочевников выразил свои довольно верные представления о Руси и соседних с ней народах. Можно думать, что он располагал достаточными возможностями для получения сведений о Русской земле. Венгерские исследователи, высказавшие такого рода предположения, опирались на единичные факты: Б. Хоман ссылается лишь на пребывание в Венгрии русского князя Ярослава, зятя короля Ласло I «Святого» [95]; Д. Дьёрфи указывает на возможность получения информации от лиц, сопровождавших венгерского короля Андрея I при его возвращении из Руси [96].

Свидетельства источников, по нашему мнению, позволяют говорить не о единичных фактах, а о тесных политических и культурных связях Руси и Венгрии в XI в. Эти связи

[93] L. Bendefy. Fontes authentici itinera (1235—1238) fr. Juliani illustrantes. «Archivum Europae Centro-Orientalis», t. III, f. 1—3. Bp., 1937, p. 9—18. Русский перевод: С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив», т. 3. М.— Л., 1940, стр. 76 и сл.

[94] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». Под ред. А. И. Пономарева, вып. I. СПб., 1894, стр. 70.

[95] B. Hóman. A Szent László-kori..., 67. o.

[96] Gy. Györffy. Op. cit., 150. o.

находили выражение прежде всего в установлении дипломатических контактов и частых династических браках представителей венгерского королевского дома Арпадов и русской княжеской фамилии. Повесть временных лет под 996 г. сохранила сообщение о том, что киевский великий князь Владимир «бе живя съ князи околними миром, съ Болеславом Лядьским, и съ Стефаном Угрьскымь, и съ Андрихом Чешьскымь. И бе миръ межю ими и любы» [97]. Никоновская летопись говорит о наличии дипломатических связей между Русью и Венгрией в самом начале XI в.: в 1000 г. на Русь «приидоша послы от... королей Чежьских и Угорских» [98]. Иллюстрированная хроника свидетельствует о женитьбе венгерского герцога Ласло, по прозвищу Сар (двоюродный брат короля Иштвана I, умер до 1031 г.), на русской княжне [99]. Их сыновья [100] герцоги Андрей (будущий король Андрей I) и Левенте, спасаясь от интриг королевы Гизеллы, бежали в Польшу, откуда перебрались в Киев. На Руси венгерские герцоги находились с 1034 по 1046 г. Здесь Андрей женился на дочери Ярослава Мудрого Анастасии [101]. С именем этой венгерской королевы исследователи обычно связывают основание двух православных монастырей, первыми обитателями которых могли быть выходцы из русских земель. Один монастырь находился около города Вышгорода, другой — в Тормове (комитат Бихар). В последнем нашли убежище монахи чешского Сазавского монастыря, изгнанные оттуда в 1055 г. за принадлежность к православию [102]. На венгерской герцогине был женат тмутараканский князь Ростислав Владимирович, внук Ярослава Мудрого. После смерти мужа (1065 г.) великий князь Изяслав разрешил ей возвратиться на родину [103]. Русский князь Ярослав Святополкович был женат на дочери короля Ласло I «Святого» [104]. Повесть временных лет сообщает под 1097 г., что Ярослав Святополкович отправил к венгерскому королю Кальману посольство, которое просило оказать Ярославу помощь

---

[97] ПВЛ, ч. I, стр. 86.

[98] ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 68.

[99] SRH, I, p. 344.

[100] На основании свидетельств некоторых источников венгерский историк Я. Карачоньи считает отцом этих герцогов брата Ласло Сара — Васоя-Василия (Vazul). (J. Karácsonyi. I. Andras atyja. «Turul», 24. k. Bp., 1906, 111. o.).

[101] M. Wartner. Az Árpádok családi története. Nagybecskerek, 1892, 117—123. o.

[102] Z. Pozsonyi. Árpádkor és Kelet. Szeged, 1935, 47. o.

[103] M. Wertner. Szent László királynak orosz veje. «Turul», 8. k. Bp., 1890, 126. o.; К. Лосский. Ростислав Владимирович. «Русский биографический словарь», т. 17. Пгр., 1918, стр. 169.

[104] A. Wertner. Az Árpádok családi története, 205—209. o.

в борьбе против князя Володаря Ростиславича [105]. В 1072 г. король Геза I направил на Русь посольство во главе со своим братом Ласло (будущий король Ласло I «Святой») «просить помощи своих друзей» для борьбы против претендента на королевский престол Шаламона. Миссия будущего короля окончилась неудачей, и он возвратился на родину ни с чем. Рассказ об этом сохранился в Иллюстрированной хронике [106]. Таковы факты, вполне определенно зафиксированные источниками. Заслуживают внимания также предположения венгерских историков о браке венгерской герцогини и Святослава Владимировича [107], который на пути в Венгрию («бежащю ему в Угры») [108] был убит Святополком в 1015 г., а также о женитьбе венгерского князя Михаила (дядя короля Иштвана I «Святого») на русской княжне в конце X в. Основанием для последнего предположения служат славянские православные имена сыновей Михаила — Васой (Василий) и Ласло (Владислав) [109].

Результатом тесных русско-венгерских политических и культурных связей в XI в. и явилось хорошее знание венгерским хронистом Руси и ее соседей.

Возникает вопрос о достоверности сведений, сообщаемых самим протографом второй половины XI в. о пути венгров в Паннонию. Б. Хоман на основе исследования текстов памятников, в которых отразился протограф венгерских хроник, выявил источники, использованные его автором. Это — хроника Регино и его продолжателя, Алтайхские анналы, а также устные предания. В частности, при составлении рассказа о движении венгров через Русь им использовались фамильные предания королевского дома Арпадов. Б. Хоман сделал вывод о достоверности сообщаемых этим памятником сведений [110].

Следует подчеркнуть, что достоверность сведений протографа о пути венгров-кочевников в Паннонию подтверждается не только анализом текстов венгерских хроник, но и свидетельствами других источников, возникновение которых не связано с протографом второй половины XI в.

Мы уже имели случай убедиться в том, что при описании пути венгров автор протографа пользуется географическими представлениями, отражающими реальное местоположение современных ему стран и народов. Говоря, в частности, о том, что венгры «прошли земли печенегов», хронист имел в виду

---

[105] ПВЛ, ч. I, стр. 179.
[106] SRH, I, pp. 377—378, 381.
[107] M. Wertner. Az Árpádok családi története, 113, 583. o.
[108] ПВЛ, ч. I, стр. 94.
[109] Gy. Györffy. Op. cit., 148. o.
[110] B. Hóman. A Szent László-kori..., 85, 97. o.

район, занятый этим народом в близкое ему время. Его сообщение подтверждается свидетельством Константина Багрянородного, писавшего в 948—952 гг., что в области Ателькузу, где ранее жили венгры, «ныне... живут печенеги» [111]. В Ателькузу венгры перешли из Леведии также под давлением печенегов. Это произошло в 889 г., за шесть-семь лет до их ухода из Ателькузу [112].

После оставления печенегами южнорусских степей последние были заняты половцами — белыми кунами венгерского протографа. Этот народ появился по соседству с Русью в середине XI в. и был современником нашего автора. Поэтому, говоря о прохождении венгров через южнорусские степи (в пределах которых, по мнению большинства исследователей, приведенному выше, локализуются Леведия и Ателькузу), автор протографа и называет эти области землей половцев — белых кунов (куманов). Доказательством пребывания венгерских племен в южнорусских причерноморских степях, о которых говорит автор протографа, называя их «землями половцев», служит также наименование этого района — «Оногория» (Onogoria) — у анонимного равеннского географа IX в.[113] Венгерский ориенталист И. Тури справедливо, на наш взгляд, отождествляет Оногорию этого памятника с Леведией [114]. Сообщение хрониста о прохождении венгров-кочевников через область торков-узов находит подтверждение к топонимике. Здесь, в Поросье, находится река Угорский Тикич (приток р. Синюхи) [115].

Достоверность рассказа протографа о движении венгерских племен на территорию их нынешней родины через перевал Верецкий (в Северных Карпатах) и через перевалы в Трансильванских Карпатах подтверждается археологами. Я. Пастернак в 1935 г. вскрыл погребение венгра-кочевника в д. Крылос (близ древнего города Галича). Результаты его раскопок дали новое доказательство для определения пути венгерских племен в Паннонию через Галич — Калуш — Болехов — долину р. Опур — Верецкий перевал. Известны 12 погребений венгров-кочевников на этом пути за Карпатами (в долине р. Латорица, ныне в Закарпатской области УССР) и множество аналогичных погребений в междуречье Тиссы и Бодрога. Путь через Карпаты использовался уже в период бронзы и гальштадтской куль-

---

[111] Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 19.
[112] BT, I, S. 87.
[113] «Ravennatis Anonymi Cosmographia». Berlin, 1860, p. 170.
[114] Jó. Thury. A magyarok eredete, őshazája és vándorlása. Sz, 1896, 796. o.
[115] J. L. Pič. Op. cit., S. 402.

туры [116]. Судя по находкам клада римских монет в Дубовицах около Калуша и отдельных монет римского времени в Войнилове (район Калуша) и в Болехове [117], дорога эта существовала и в период Римской империи. В средние века она служила главным средством сообщения между Галичем и Венгрией. По этой дороге, на которой стоял Синеводский (Синеволодский) монастырь св. Богородицы (нынешнее с. Верхнее Синевидное), в 1241 г. бежали массы галичан «от безбожных татар» в Венгрию [118]. Дьюла Ласло на основе археологического материала доказал наличие торгового пути между Киевом и Венгрией через Трансильванию в X в. [119] Есть основания предполагать, что трансильванский перевал Быргеу (по-венгерски — Боргои) был использован в 1068 и 1085 гг. половцами для вторжения в Венгрию [120]. О бегстве князя Ростислава Михайловича в Венгрию через трансильванский перевал Родна (Борсуков делъ) сообщает галицко-волынская летопись под 1235 г. [121] На основании свидетельств современника и очевидца монголо-татарского нашествия на Венгрию варадского каноника магистра Рогерия [122] можно судить об использовании в 1241 г. монголами трансильванских перевалов Родна, Быргеу и Ойтуз [123]. Как видим, вполне достоверен рассказ венгерского автора второй половины XI в. о проникновении венгерских племен на их новую родину через Верецкий перевал и перевалы Трансильвании.

Несомненным представляется и свидетельство венгерского протографа о проходе венгерских племен через район Киева. Этот факт зафиксирован и автором Повести временных лет под 898 г.: «Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше къ Днепру сташа вежами; беша бо ходяще аки се половци...» [124].

Исследователями высказано больше всего возражений против свидетельства протографа о пребывании венгров-кочевников в Суздальской земле. Нам известны лишь два историка, признающие возможность следования венгерских племен через эту область: Д. Фейер [125] и Д. Рохоньи [126]. Отрицают такую

[116] J. Pasternak. A krylosi (Galicia) magyar sirleletek. «Archeologia Hungarica», vol. 21. Bp., 1937, 141. o.
[117] K. Majewski. Importy rzymski na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, str. 108, 114, 156.
[118] ПСРЛ, т. II, стб. 787.
[119] Gy. László. A honfoglaló magyar nép élete. Bp., 1944, 118. o.
[120] J. Rónai Horváth. Magyar hadi krónika. I. k. Bp., 1895, 48, 57. o.
[121] ПСРЛ, т. II, стб. 778.
[122] SRH, II, p. 564.
[123] B. Hóman és Gy. Szekfü. Magyar történet, I. k. 540. o.
[124] ПВЛ, ч. I, стр. 21.
[125] Fejér, t. VII, v. 5, p. VI—VII.
[126] Gy. Rohonyi. A honfoglalás története. Bp., 1896, 63. o.

возможность Хенрик Марцали [127], Д. Паулер [128], Ш. Домановский [129], Т. Халаши Кун [130] и другие сторонники теории «кавказской прародины» венгров. Однако эти авторы упускают из виду, что проверка сообщения протографа о маршруте венгерских племен была произведена еще в первой половине XIII в. монахом Юлианом, совершившим два путешествия из Венгрии в страну венгров-язычников на Каме. Первое путешествие началось до сентября 1235 и закончилось в конце 1236 г., второе продолжалось с осени 1237 до весны 1238 г. [131] Доминиканец Рикард, описавший в 1237 г. первое путешествие Юлиана, несколько раз ссылается на «Историю венгров», «писания древних» (gesta Ungarorum, scripta antiquorum) как на источник, из которого Юлиан и его товарищи узнали о существовании древней родины венгров, «Великой Венгрии», «откуда вышли семь вождей со своими народами, чтобы найти себе место для обитания, так как их земля не могла прокормить населявших ее жителей из-за огромной численности последних». Из своего источника, по словам Рикарда, Юлиан и его товарищи знали лишь, что родина венгров находится на востоке, но о точном ее расположении не были осведомлены [132].

Думается, однако, что древний источник, которым, как справедливо полагает Б. Хоман, мог быть только протограф венгерских хроник второй половины XI в. [133], дал Юлиану определенные ориентиры для отыскания «Великой Венгрии». О том, что Юлиан и его товарищи знали примерное расположение цели своего путешествия, свидетельствует их маршрут. Доминиканцы пересекли Болгарию и византийские владения, по морю добрались от Константинополя до Тамани (Matrica), затем через Аланию и страну Вела с городом Бунда (Vela, Bunda) настоящее название которых пока не установлено, Юлиан попал в Великую Болгарию (Magna Bulgaria, Волжская или Камская Болгария), откуда через два дня пути достиг области венгров-язычников, расположенной «на большой реке Итиль» (iuxta

[127] K. Vaszary, R. Fröhlich, B. Kuzsinszky, G. Nagy és H. Marczali. Magyarország a királysag megalapitásáig. Bp., 1895, 14—15. o.

[128] Gy. Pauler. A magyar nemzet története Szent Istvánig. Bp., 1900, 212. o.

[129] S. Domanovszky. Anonymus és a II. Géza korabeli Gesta, 52. o.

[130] T. Halasi Kun. Op. cit., 74. o.

[131] В последнее время выдвинуто предположение лишь об одном путешествия Юлиана. См. D. Sinor. Un voyageur du troisième siecle: le Dominicain Julien de Hongrie. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London», vol. XIV, part 3, 1952, p. 598.

[132] L. Bendefy. Op. cit., p. 24; С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 77.

[133] B. Hóman. A Szent László-kori..., 33, 34. o.

flumen magnum Ethyl) [134], под именем которой здесь, вероятно, фигурирует река Кама.

В пользу нашего предположения говорит не только направление движения Юлиана (с юга на север), но и материал об этническом составе ряда уездов Пермской губернии во второй половине XVI — первой половине XVII в., изученный уральским краеведом А. Ф. Теплоуховым. Выводы этого автора, к сожалению, остались не известны исследователям вопроса о прародине венгров. А. Ф. Теплоухов, изучив списки фамилий сельского населения ряда уездов Пермской губернии, относящиеся к 1579—1623 гг., пришел к заключению, что в это время и ранее данные районы были населены уграми — манси (вогулами), ханты (остяками) и югричами, обитающими ныне в бассейне Оби. Коми-пермяки переселились в Пермскую губернию позднее из районов Вологодской и Вятской губерний [135]. Языки этих народов входят в одну группу с венгерским языком. Венгры-язычники, найденные Юлианом,— это предки нынешних обских угров, имевшие в свою очередь общих предков с венгерскими племенами, ушедшими из мест их общего обитания в поисках новой родины. Ничем другим нельзя объяснить наличие общего языка у венгров-христиан и венгров-язычников в XIII в. Последние, по словам Рикарда, «самым внимательным образом слушали Юлиана, так как их язык был вполне венгерским языком, так что он понимал их, а они — его». Этот же автор сообщает, что венгры-язычники «знают благодаря рассказам старцев (per relationes antiquorum), что те венгры (т. е. венгры-христиане.— *В. Ш.*) произошли от них, но не знают, где они находятся» [136].

Таким образом, сведения о Великой Венгрии, записанные Рикардом, несомненно, со слов Юлиана, и этнографические материалы, изученные А. Ф. Теплоуховым, свидетельствуют, что прародина венгров (Скифия венгерских хроник, Dentumoger) находилась в бассейне реки Камы. Гипотеза последнего исследователя этого вопроса — Э. Мольнара, помещающего прародину венгров в район, границами которого являются на севере — Камская Болгария, на западе — Волга, на юге — река Урал, на востоке — территория современной Башкирии [137], нуждается, следовательно, в уточнении.

---

[134] L. Bendefy. Op. cit., p. 24. С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 81.

[135] А. Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами. «Зап. Уральского общества любителей естествознания», т. 39. Свердловск, 1924, стр. 106.

[136] L. Bendefy. Op. cit., p. 24. С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 81.

[137] Э. Мольнар. Указ. соч., стр. 100.

Пользуясь при первой поездке протографом, где имелось указание на Суздальскую землю как на территорию, через которую прошли венгерские племена, Юлиан и смог найти родину венгров. Описание обратного пути доминиканца из первого путешествия подтверждает, что Суздальская земля находилась по соседству с областью венгров-язычников: через Суздальскую землю шел от них наиболее короткий путь на запад. «Итак,— говорит Рикард про Юлиана,— когда он пожелал вернуться, то венгры указали ему иную дорогу, по которой он бы мог быстрее добраться... Возвращаясь из вышесказанной Венгрии, он в 15 дней прошел по реке царство (страну) мордвинов (regnum Morduanorum)»[138]. Эта область граничила с землями Владимиро-Суздальской Руси, князья которой стремились распространить свою власть и на мордовские земли[139].

Из описания второго путешествия, составленного самим Юлианом, видно, что через Суздальскую землю вел путь на запад, использованный в XIII в. кочевниками-монголами. По этому пути ехали послы монгольского хана к венгерскому королю. Через Суздальскую землю в страхе перед монгольским нашествием бежали жители соседней «Великой Венгрии». Вот что пишет Юлиан: «Одна часть [татарского войска] у реки Этиль с восточного края подступила к Суздалю... [Хан] отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским... Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию, меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие перед лицом татар венгры-язычники...»[140]

Итак, нет оснований отвергать сообщение протографа второй половины XI в. о прохождении венгров-кочевников через Суздальскую землю по пути в Паннонию.

Хронист второй половины XI в. дал и краткую характеристику отношений венгерских племен с жителями областей, пройденных ими.

Венгры, по его словам, прошли через эти территории вопреки воле народов, населявших их. Нельзя не заметить в этом выражении хрониста отголоска преданий о столкновениях венгерских племен с различными народами.

---

[138] L. Bendefy. Op. cit., p. 25. С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 82.

[139] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, М., 1953, стр. 332—333.

[140] L. Bendefy. Op. cit., p. 42—43. С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 86, 88, 89.

Выяснив содержание рассказа венгерского хрониста второй половины XI в. и убедившись в достоверности сведений, сообщаемых им, мы можем перейти к оценке сообщения Анонима о русско-венгерских отношениях конца IX в. Теперь мы имеем возможность выделить в рассказе нотария короля Белы III, написанном на рубеже XII—XIII вв., сведения, почерпнутые его автором из достоверного сообщения протографа второй половины XI в., и элементы, внесенные самим Анонимом.

Ныне общепризнано, что одним из источников, использованных Анонимом, был протограф второй половины XI в.[141] В его рассказе о движении венгерских племен по территории Руси легко выделяются сведения, почерпнутые из древнего источника.

Это — указания на пребывание венгров в Суздальской земле, упоминание о Киеве и Руси (в значении Киевской земли) и движении венгров через Северные Карпаты, описание действий половцев (землю половцев — белых кунов-куманов Аноним заменил семью племенами половцев — союзников киевского князя). Остальные факты, характеристики, оценки представляют собой плод труда Анонима или предшествующих ему авторов[142].

В комментариях к переводу отрывка из сочинения Анонима мы уже отметили ряд мест текста, в которых нашли отражение факты и обстоятельства, характерные не для времени описываемых событий, а для более поздней поры — XII — начала XIII в. К ним относятся характеристика половцев как союзников русских князей, описание штурма Киева венгерским войском с применением лестниц, указание на стены (оборонительные сооружения) вокруг Киева, упоминание о марке как денежной единице, различение князей киевских и суздальских,

---

[141] L. Szilágyi. P. magister forrásai és módszere. «Magyar Nyelv», 43. évf. Bp., 1947, 117. o.

[142] Венгерские источниковеды установили, что сочинение второй половины XI в. «Деяния венгров» (Gesta Ungarorum) было продолжено неизвестными авторами при Иштване II (1095—1127) и при Гезе II (1141—1161). Эти продолжения не сохранились в самостоятельном виде, но послужили источником интерполяций Иллюстрированной хроники в частях, относящихся к событиям до середины XII в. Ш. Домановскому удалось доказать, что Аноним пользовался протографом второй половины XI в., продолженным в годы правления Гезы II. Поэтому не исключена возможность переработки и дополнения предшественниками Анонима текста хроники второй половины XI в., относящегося к событиям до прихода венгров на их новую родину. Однако вполне определенно можно говорить о переделке данного текста только Анонимом на рубеже XII—XIII в. См. B. Hóman. A Szent László-kori..., 69, 75, 93. o.; S. Domanovszky. Anonymus és a II. Géza korabeli Gesta, 181—184. o.

волынских и галицких, описание перехода венгров к Верецкому перевалу окольным путем — через Владимир и Галич, а не прямо через Галич. Наличие в рассказе Анонима этих моментов изобличает в его авторе современника событий XII — начала XIII в.

Теперь следует отметить в рассказе Анонима те моменты, отсутствующие в протографе второй половины XI в., время появления которых не может быть установлено на основе одного лишь текста хроники нотария.

В рассказе Анонима бросается в глаза подробное повествование о подчинении венгерским вождем Альмошем русских земель. В протографе второй половины XI в. ничего подобного нет. Следовательно, можно предположить, что повествование о покорении русских земель венграми является плодом творчества анонимного нотария короля Белы III и возникло на рубеже XII—XIII вв.

Но сравнительно позднее происхождение интересующего нас повествования само по себе не свидетельствует о его недостоверности. Нам предстоит поэтому, рассматривая отдельные элементы сообщения анонимного нотария Белы, определить возможные источники и обстоятельства, обусловившие их появление.

Отметим прежде всего, что изучаемый отрывок пронизан одной основной идеей — идеей покорения русских земель венгерскими вождями. Этой мысли автор подчиняет освещение каждой детали. Текст его включает, кроме фактов, объяснимых лишь условиями XII—XIII вв., следующие положения: решение венгерских вождей о покорении Руси, испуг русских князей при известии об этом решении, совещание киевского князя со своими вельможами и их желание дать венграм бой, призыв русских князей к их союзникам-половцам, выступление киевского князя с половцами против венгров, подготовка Альмошем своего войска к бою и его речь, обращенная к воинам, сражение венгров с русско-половецким войском, победа венгров, бегство русских и половецких вождей в Киев, преследование венграми русских и половецких воинов до Киева, подчинение венграми русских земель и захват имений, просьба русских и половецких вождей о мире, требование Альмоша о предоставлении ему заложников, выкупа, а также помощи продовольствием и т. д., исполнение этого требования русскими князьями, просьба русских князей к венграм об уходе в Паннонию с указанием пути туда, заключение мира между венгерскими вождями и русскими князьями, присоединение к венграм половцев, встреча венгров волынским князем и его добровольное подчинение им, трехнедельная стоянка венгров в районе Владимира-Волынского, предоставление волынским князем венграм выкупа и заложников, до-

бровольное подчинение галицкого князя венграм, получившим от него заложников и дары, пребывание венгров в Галицкой земле в течение одного месяца, просьба галицкого князя к венграм об их уходе в Паннонию, заключение «наикрепчайшего мира» между венграми и русами, помощь галицкого князя в подготовке пути для венгров через Карпаты, предоставление венграм продовольствия и других необходимых вещей.

Для определения происхождения и степени достоверности каждого из этих элементов рассказа Анонима нужно иметь представление о тех источниках, которыми пользовался автор. Исследователи выяснили, что, кроме протографа венгерских хроник второй половины XI в., Анонимом использованы «Exordia Scithica» Юстина, «История гибели Трои» Дареса Фригийского (Dares Phrygius), «Деяния Александра Великого» (Gesta Alexandri Magni), хроника прюмского аббата Регино (до 907 г.), а также устные предания [143]. В интересующем нас отрывке, как мы уже отмечали, отражен материал, почерпнутый Анонимом из венгерской хроники второй половины XI в., а также использован текст речи Александра Македонского (в качестве «речи» Альмоша) из «Деяний». Влияния других письменных источников в этом рассказе не чувствуется. Перечисленные элементы рассказа о покорении венграми русских могут, следовательно, представлять собой или отголоски устных преданий, услышанных и использованных Анонимом, или плод вымысла последнего.

Сочинение Анонима содержит достаточно определенные свидетельства автора об использовании им устного предания и о его отношении к сведениям, сообщаемым сказителями, песенниками (ioculatores). О творчестве последних сохранились свидетельства источников XII—XIII вв. Песни венгров упоминаются в хронике Эккехарда XII в. [144] В грамоте 1219 г. называется королевский крестьянин (удворник) по имени Regös, что по-венгерски значит «сказитель», и говорится о его песнях [145]. В документах XIII в. упоминаются королевские деревни, где живут сказители (ioculatores). Интересно, что эти деревни носят славянское название «igric». Эти источники позволяют судить о

---

[143] Последнее исследование вопроса об источниках Анонима: L. Szilágyi. P. magister forrásai és modszere, 117. o. s köv. В противоположность Б. Хоману, считавшему, что Аноним использовал лишь предания, бытовавшие в пределах эгерского диоцеза (верховья р. Тиссы), Д. Паиш полагает, что можно говорить об отражении в труде Анонима устной традиции различных районов Венгрии. См. B. Hóman. A Szent László-kori..., 44—45. o.; «Magyar Anonymus». Bp., 1926, 14. o.

[144] MGSS, VI, p. 183.

[145] Gy. Sebestyén. A magyar honfoglalás mondái, I. k. Bp., 1904, 252. o.

том, что часть сказителей находилась на службе у короля [146]. Несомненно также наличие в Венгрии XIII в. сказителей, представлявших народную культуру. Их творчество, хранившее предания далекой языческой старины, отвергалось церковью. Так, Будский собор 1279 г. в статье VII своего постановления предписывал священникам «не обращать внимания на актеров, шутов и сказителей» (mimis, histrionibus et joculatoribus non intendant) [147].

Только изучение высказываний Анонима об устном предании может привести к выяснению его подлинного отношения к этому источнику. Два противоположных мнения, высказанных по этому вопросу в литературе, страдают, как нам кажется, односторонностью и не могут быть приняты. Б. Хоман и Д. Шебештьен рассматривают Анонима как автора, игнорирующего народное предание, выступающего против его использования [148]. Янош Хонти, наоборот, утверждает, что нотарий Белы III считал песни и сказания достоверными источниками и использовал их [149].

Анонim упоминает сказания и сказителей четыре раза. В гл. 25-й он признает, что описание войны венгерского вождя Тётеня (Tuhutum) взято им из сказаний: «Ut dicunt nostri ioculatores...». Песенников-сказителей нотарий Белы III помещает рядом с музыкантами, развлекающими Арпада на пиру (гл. 46). Два других высказывания Анонима особенно интересны. В прологе к своему сочинению он следующими словами обосновывает необходимость использовать записанные сочинения, а не устное предание: «Ведь если бы благороднейший род Венгрии узнавал происхождение своего поколения и когда-либо происшедшие события из лживых сказок крестьян или из песен сказителей, похожих на бред, то он оказался бы очень безобразным и довольно непристойным». Представитель класса феодалов, придворный священник выразил очень ярко свое отношение к народному преданию: оно лживо, ибо представляет в непристойном виде происхождение и историю господ.

Но ввиду недостаточности других источников Анонim вынужден был использовать материал «лживых сказок крестьян». После описания нападения венгров на Хорватию в гл. 42-й он поместил красноречивое признание: «Если вы не хотите верить описанию войн и подвигов [венгерских воинов], помещенному

---

[146] J. Horváth. A magyar irodalmi müveltség kezdetei. Bp., 1944, 76. o.; «Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában», 91. o.

[147] Gy. Sebestyén. Op. cit., I, 173. o.

[148] B. Hóman. A Szent László-kori..., 25. o.; Gy. Sebestyén. Op cit., I, 265, o.

[149] J. Honti. Anonymus és a hagyomány. Bp., 1942, 13. o.

на этих страницах, то поверьте песням болтливых сказителей и лживым сказкам крестьян, которые до сегодняшнего дня не предают забвению подвиги и войны венгров... Если бы я не услышал о них из лживых сказок крестьян, то не предпринял бы сочинение настоящего труда, так как ни в одном кодексе историографов я не нашел их описания» [150]. Итак, по признанию самого нотария, он использует в качестве основного источника народные предания. Но их свидетельства он считает лживыми, поскольку они представляют в невыгодном для него свете историю господствующего класса. Ясно, что при таком положении Анониму оставался лишь один выход: для того, чтобы написать правдивую, с его точки зрения (т. е. прославляющую его заказчиков), историю венгерских феодалов, и прежде всего королей, пришлось переработать в нужном ему духе, подчинить своей идее имевшийся в его распоряжении материал народных сказаний. Результатом переработки и явилось его сочинение. Ясно, что предпринятое Анонимом превращение народных сказаний, излагающих достоверные факты истории венгерских вождей и королей и потому невыгодных им, в панегирик этим же деятелям потребовало от нашего автора, кроме собственной трактовки фактов, известных ему из народной традиции, привнесения дополнительного материала. Последний представляет собой литературный вымысел.

Попытаемся выделить в рассказе анонимного нотария о покорении венгерскими вождями русских земель его второй слой — факты, взятые Анонимом из достоверного народного предания. В рассказе о покорении Руси нашла выражение главная мысль всего сочинения Анонима — мысль о покорении венграми славянских земель. Значительная часть труда Анонима посвящена описанию занятия различными венгерскими вождями областей будущего Венгерского королевства и подчинения им коренного населения, в основном славян. Согласно описанию Анонима, часть славян была покорена силой, а часть, например коренные жители будущей области Сабольч (гл. 20) [151] подчинились добровольно (sua sponte).

Оба эти момента можно наблюдать и в рассказе о покорении Руси: подчинение киевских князей после их поражения в битве и добровольное признание верховной власти венгерского вождя волынскими и галицкими князьями.

Положение Анонима о подчинении венграм Руси по своему происхождению является плодом творчества автора хроники. Это — вымысел, не имеющий никаких оснований в исторической действительности IX в. Чисто литературное его происхождение

---

[150] SRH, I, p. 33.
[151] SRH, I, p. 62.

обнаруживается при рассмотрении свидетельств других памятников о русско-венгерских отношениях IX в., при изучении характера источников, использованных Анонимом, при внутреннем анализе самого его текста и, наконец, при выявлении социальной среды и обстановки, в которых он возник.

О русско-венгерских отношениях до занятия венграми их новой родины сохранились сведения в русской летописи, у арабских и персидских авторов, в протографе венгерских хроник второй половины XI в. и в сочинении Анонима. Не входя в детальное рассмотрение этих источников, отметим главный для нашего изложения момент — ни в одном из этих памятников, кроме последнего, нет утверждения о покорении венграми русских княжеств. Рассказ об этом событии содержится только в труде анонимного нотария короля Белы III.

Но, может быть, наш автор использовал при составлении рассказа о покорении венграми русских земель какой-то известный лишь ему одному древний источник, содержавший сведения о господстве венгерских вождей над русскими в IX в.? Известны два источника данного отрывка хроники Анонима: протограф второй половины XI в. и устное народное предание. Содержание первого памятника было уже предметом нашего рассмотрения. Мы убедились, что в нем отсутствуют сведения о покорении венграми Руси. Народное предание, известное Анониму, также не могло содержать рассказа о покорении русских земель венгерскими вождями. Этот вывод следует из оценки Анонимом народных сказаний как «лживых сказок крестьян». Если бы автор почерпнул из этого источника свою основную идею, он не мог бы назвать его лживым. Более того, в этом случае он обязательно бы сослался на сказителей как на источник своих сведений. Такой ссылки у Анонима мы не находим. Очевидно, народные сказания потому и были для автора хроники «лживыми», что содержали сведения и выводы, противоречащие его основной идее — идее подчинения русских земель венгерским вождям. Следовательно, автор хроники не имел в своем распоряжении источников, содержавших сведения о покорении Руси венграми. Рассказ об этом он мог составить лишь на основе собственного вымысла.

Этот вывод напрашивается и при сопоставлении отдельных деталей самого рассказа о покорении Руси. При изучении данного отрывка сочинения Анонима бросаются в глаза противоречия между положениями, выражающими основную идею автора, и отдельными фактами, сообщаемыми им же. С утверждением автора о подчинении венграм русских земель после поражения войска киевского князя и его союзников-половцев никак не согласуется основной факт русско-венгерских отношений того времени, признанный и описанный в том же рас-

сказе,— уход венгерского союза племен с покоренных ими земель. Если венгерские вожди, как утверждает Анонim, захватили и подчинили себе русские земли, то что же вынудило их покинуть эти земли? Почему венгерские племена не остались на Руси и не осели там, как это произошло в Паннонии? Ведь и во время пребывания на Руси в обществе венгров-кочевников существовали предпосылки для переходов к полуоседлому образу жизни. В противоречии с основной тенденцией хроники нотария находится и двукратное указание на заключение венграми «наикрепчайшего мира» с русскими князьями.

Противоречит этой тенденции и основной факт истории Руси этого времени — наличие у оседлого народа — славян-земледельцев — раннефеодального государства. Признает существование русского государства в IX в. и Анонim. Это явствует из его указаний на русских князей, вельмож и их имения, крестьян и войска. Появление венгров на русской земле не привело к ликвидации государства. Автор признает и этот факт. История же Киевской Руси свидетельствует, что она не раз успешно противостояла набегам кочевников, не имевших еще своей государственной власти. К числу таких народов принадлежали и венгры.

Что побудило Анонима сочинить это тенденциозное и полное противоречий повествование? Как всякий исторический памятник, труд Анонима является продуктом своего времени и отражает классовую позицию его автора. Понятно поэтому, что будучи королевским натарием и священником[152], Анонim предпринял попытку обосновать политику венгерского господствующего класса и католической церкви в отношении Руси.

Направление и характер политики венгерских королей по отношению к Руси в XII—XIII вв. определялись агрессивными устремлениями венгерских феодалов. Попытки последних поживиться за счет русских княжеств, использовать в своих интересах междоусобную борьбу князей восходят к концу XI в. и продолжаются в течение всего XII и первой половины XIII в. В 1092 г. король Ласло I «Святой» совершает первый поход против Руси[153]. В 1099 г. в русские земли вторгается венгерское войско во главе с королем Кальманом. Оно было разбито при

---

[152] По мнению Л. Силадьи, ныне общепризнанному, автором хроники мог быть только эстергомский пробст Петр (L. Szilágyi. Az Anonymus-kérdés reviziója, 191—192. o.). Почти все авторы, принимавшие участие в полуторавековом споре о личности Анонима, предполагали, что он являлся представителем церкви. Были выдвинуты гипотезы, что он был пробстом обудским, пожоньским или фехерварским, епископом трансильванским. См. S. Domanovszky. Anonymus és a II Géza korabeli Gesta, 39. o.

[153] SRH, I, p. 414—415.

Перемышле соединенным русско-половецким войском [154]. Иллюстрированная хроника сохранила свидетельство о подготовке Калыманом похода на Русь в 1106 г. [155] На 1123 г. падает поход венгерского войска во главе с королем Иштваном II под Владимир-Волынский [156]. В 1139 г. король Бела II посылает войско в помощь киевскому князю Ярополку Владимировичу против князя Всеволода Ольговича под Чернигов [157]. Галицкий князь Владимирко Володаревич в 1144 г. использовал военную помощь венгров — отряд во главе с Белошем («Бан» русской летописи), дядей короля Гезы II по матери,— для борьбы против киевского князя Всеволода Ольговича [158].

Активно вмешивается в междоусобную борьбу русских князей король Геза II. При нем в течение короткого времени (1148—1152 гг.) венгерские войска совершили шесть походов на русские земли, помогая князю волынскому и великому князю киевскому Изяславу Мстиславичу против галицкого князя Владимирка Володаревича и ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого. Как полагает Ходинка, венгерское войско приходило на Русь весной 1148, в январе 1150, в октябре 1150, весной 1151, в июне-июле 1151, весной 1152 г. О походе весной 1152 г. сохранилось свидетельство также в Иллюстрированной хронике [159].

Новый этап агрессии венгерских феодалов против русских земель начинается при короле Беле III, на службе у которого находился автор рассматриваемого нами произведения. Этот король, четыре раза посылавший на Русь войска (в 1188, 1189, 1190 и 1202 гг.), предпринял попытку присоединить Галицкое княжество к Венгерскому королевству [160]. В 1188 г. он явился во главе войска в Галич под предлогом помощи его князю Владимиру Ярославичу. После занятия Галича, как сообщает русский летописец, Бела III «не посади в нем Володимера, но даде весь наряд Галичанам (т. е. заключил соглашение с частью галицкой знати) и посади в нем сына своего Андрея». Венгерский король увел галицкого князя Владимира Ярославича с семьей в Венгрию, где заточил его в тюрьму [161]. Уже в грамоте от 2 мая 1189 г. Бела III именует себя «королем Галича» (rex

[154] ПВЛ, ч. I, стр. 179; SRH, I, p. 423—424.
[155] SRH, I, p. 426.
[156] ПСРЛ, т. II, стб. 287.
[157] Там же, II, стб. 301; т. I, вып. 2. Л., 1927, стб. 305.
[158] Там же, т. II, стб. 314; т. I, вып. 2. Л., 1927, стб. 311.
[159] A. Hodinka. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp., 1916, 88. o.; SRH, I, p. 460.
[160] Об этом сообщают Ипатьевская летопись (ПСРЛ, т. II, стб. 659—667, 717—719) и польские хронисты XII—XIII вв. Винцентий Кадлубек и Богухвал («Monumenta Poloniae Historica». Ed. A. Bielowski, t. II. Lwów, 1872, p. 412, 423, 420, 535).
[161] ПСРЛ, т. II, стб. 661.

Galicie) [162]. Несмотря на вооруженную помощь, пришедшую из Венгрии в Галич к королевичу Андрею в 1189 г., последний в следующем году был изгнан галичанами, которым помогал польский король Казимир [163]. Борьбу населения Галича против венгерских феодалов советские историки справедливо квалифицируют как народно-освободительное движение [164]. Советские и венгерские историки-марксисты справедливо отмечают, что агрессивная политика венгерских королей по отношению к русским землям в XII—XIII вв. служила целям папской курии, стремившейся распространить свое влияние на территорию Галицко-Волынского княжества [165].

Ясно, что составление придворным священником венгерского короля Белы III рассказа о покорении венграми русских княжеств в IX в. преследовало цель обосновать и оправдать агрессию венгерских феодалов против русских земель.

Возвращаясь к тексту хроники, отметим, что некоторые положения разбираемого нами отрывка, являясь выражением основной идеи автора, не могли содержаться в предании и представляют собой литературный вымысел. Таковы, на наш взгляд, утверждение Анонима о решении венгерских вождей покорить Русь, описание испуга русских князей при известии об этом намерении венгров, речь Альмоша, обращенная к венгерскому войску (ее текст, как уже было отмечено, заимствован из «Деяний Александра Великого»), утверждение о покорении венграми русских земель и захвате ими имений русских князей, добровольное подчинение волынского князя венграм, а затем такое же подчинение князя галицкого. Все эти части рассматриваемого отрывка представляются плодом литературного вымысла Анонима.

Этого нельзя сказать о следующих за ними утверждениях, содержащих описание столкновения венгров с русскими: совещание киевского князя с его вельможами и решение этого совещания дать бой венгерскому войску, призыв русских князей к их союзникам-кочевникам (только не половцам), выступление киевского князя со своими союзниками-кочевниками против венгров, сражение венгров с русско-кочевническим войском, победа венгров, бегство русских и вождей союзных с ними племен в Киев, преследование венграми своих противников до Киева.

[162] Fejér, II, p. 247.

[163] ПСРЛ, т. II, стб. 666.

[164] В. В. Мавродин. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII—XIII веков. «Уч. зап. Ленинградского ун-та, серия исторических наук», вып. 5, 1939, стр. 11; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 372.

[165] В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, стр. 196; «Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában», 63. o.

Нетрудно заметить, что перечисленные элементы повествования Анонима представляют собой переработку возможного сообщения народного сказания о столкновениях венгерских племен с Древнерусским государством. Вспомним отголосок этого предания в протографе второй половины XI в., сохранившем сообщение о проходе венгерских племен через ряд областей «вопреки воле» их жителей. Можно предполагать, что народное сказание содержало описание столкновений венгров с русским войском с упоминанием их побед над русскими и русских над венграми.

Возможно, что утверждения Анонима относительно просьбы русских и половецких вождей о заключении мира и об исполнении этой просьбы Альмошем, выдвинувшим свои требования, выполненные русскими князьями, а также указание на выполнение Альмошем просьбы русских князей об уходе венгров с их земли и повторенное два раза сообщение о заключении мира между венграми и русскими имеют в своей основе народное предание об установлении мирных отношений между венгерскими племенами и русскими князьями после вооруженных столкновений.

Требование венгров о предоставлении им заложников также могло сохраниться в народном предании. Возможно, что в этом случае обе стороны предоставили заложников друг другу. Из сочинения Константина Багрянородного известно, что при переговорах византийских императорских чиновников с печенегами «чиновник дает им своих людей в заложники и сам получает от печенегов других заложников, заключает их под стражу на судах и тогда договаривается с ними» [166].

Аноним изображает предоставление русскими венграм по условию мира продовольствия и других даров как своего рода выкуп. Возможно, что после заключения мира с русскими венгры получили от них помощь продовольствием и другими припасами. События, предшествовавшие появлению венгерских племен на Руси по пути в Паннонию, делают понятным упоминание о помощи продовольствием и другими припасами. Венгерские племена приняли участие в болгаро-византийской войне 894—896 гг. на стороне империи против болгарского царя Симеона, который направил печенегов на венгров, оставшихся в Этелькезе во время похода их войска. Вернувшиеся из этого похода воины и остатки венгерского населения Этелькёза были вынуждены переселиться за Карпаты. Об этих событиях сообщает византийский хронист Лев Грамматик [167], а также Лев

---

[166] Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 8.
[167] Leonis Grammatici Chronographia. Bonnae, 1842.

VI Философ в своей «Тактике»[168], Продолжатель Георгия Амартола[169], Константин Багрянородный[170], Фульдские анналы[171] и некоторые славянские памятники[172]. Примечательно, что в одном из источников (в письме к епископу Дадону, написанном в 904 г.) упоминается о «голоде, от которого пострадали венгры»[173].

Таким образом, на основании изучения особенностей хроники Анонима и фактов истории венгерского союза племен в конце IX в., зафиксированных различными источниками, можно сделать вывод, что венгерское народное предание, использованное нашим автором, содержало сведения о столкновениях венгерских племен с русскими и об установлении между ними мирных отношений. Условиями этого мира были уход венгров с русской земли в Паннонию и предоставление русскими их бывшим противникам помощи продовольствием и другими предметами первой необходимости.

Рассмотрим теперь сведения других источников о русско-венгерских отношениях IX в. и попытаемся установить, отличаются ли по своему характеру свидетельства различных памятников относительно интересующих нас событий.

Обратимся прежде всего к источникам русским. Для русского летописца проход венгров через его страну — заметное событие. Он отметил под 898 г.: «Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше къ Днепру сташа вежами; беша бо ходяще аки се половци. Пришедше от въстока и устремишася чересъ горы великия яже прозвашася горы Угорьскиа и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску. Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покорившe я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и попленишa землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи»[174].

Русский автор здесь не только указывает на факт движения венгров мимо Киева, но и дает краткую справку об их дальнейшей судьбе. Он отмечает такие события, как переход венгерских племен через Карпаты, занятие ими Паннонии и

---

[168] Gy. Moravcsik. Bölcs Leó Taktikaja mint magyar történéti forrás. Sz, 1951, 349. o.

[169] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. I, стр. 529—530.

[170] Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 19.

[171] MGSS, I, p. 411.

[172] Х. Лопарев. Чудо святого Георгия о Болгарине. СПб., 1894, стр. 20, 22, 23.

[173] Gy. Pauler. Lebedia, Etelköz, Millenarum, 116. o.

[174] ПВЛ, ч. I, стр. 21.

покорение ее населения (славян и волохов) [175], войны венгров с Византией (934 г.) [176] и Великоморавской державой (902—906 гг.). Русский летописец имеет ясное представление об образе жизни венгров во время их пребывания на Руси: венгры, по его сообщению,— кочевники, живущие и передвигающиеся в вежах — кибитках, поставленных на колеса [177]. Упоминание о половцах является в то же время указанием на время составления данного летописного известия: в окончательной редакции оно не могло появиться раньше 1054 г. (дата первого появления этого кочевого народа на Руси) [178]. По мнению А. А. Шахматова, исследовавшего состав летописных сводов, предшествовавших Повести временных лет, известие о прохождении венгров мимо Киева отсутствовало в своде 1073 г. [179]. Данное сообщение могло возникнуть, следовательно, или в середине 90-х годов XI в. (1095—97 гг.) как часть так называемого Начального свода, или в 1113 г., когда Нестором была написана Повесть временных лет в ее первой редакции.

С установлением даты возникновения интересующего нас отрывка тесно связан вопрос о его источниках. Попытка решения была предпринята А. А. Шахматовым. Установив прежде всего, что дата прохождения венгров мимо Киева — 898 г.— весьма близка к действительной и не может быть признана выдумкой русского летописца, А. А. Шахматов высказал предположение, что сама эта дата, а также сведения о приходе венгров с востока на Дунай, об их войне с жившими здесь славянами и волохами, об изгнании волохов и покорении венграми славян были взяты составителем Повести временных лет из древнего источника — «Сказания о преложении книг на славянский язык». Это «Сказание» было составлено, по мнению А. А. Шахматова, в среде западных славян, вероятнее всего, в Моравии, и проникло на Русь в XI в. вместе с другими мо-

---

[175] Вопрос об этнической принадлежности волохов русской летописи был предметом неоднократного рассмотрения в исторической литературе. Последние исследователи — советский автор С. П. Толстов и венгерский историк М. Дьони — высказывают различные мнения. Первый считает волохов кельтами, второй — жителями Восточной Франкской империи. См. С. П. Толстов. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае. СЭ, т. 2, 1948; M. Gyóni. Les Volochs des Annales primitives de Kiev. «Etudes Slaves et Roumaines», vol. 2, f. 2. Bp., 1949, p. 92 (там же и обзор литературы вопроса).

[176] Сведения об этом событии были почерпнуты русским летописцем из хроники Продолжателя Георгия Амартола, переведенной на Руси в середине XI в. См. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. I, стр. 566.

[177] С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 203.

[178] ПВЛ, ч. I, стр. 109.

[179] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 541.

равскими памятниками. В качестве источника сведений летописца о пути венгров-кочевников через Русь (мимо Киева, через гору, называвшуюся во времена летописца Угорской [180] и далее через Карпаты, именуемые летописцем горами Угорскими [181]), послужила, по справедливому мнению А. А. Шахматова, географическая номенклатура [182].

Предположения этого исследователя относительно источников данного отрывка Повести временных лет поддержаны советскими авторами Д. С. Лихачевым [183] и А. Н. Насоновым [184]. Изложенные выше выводы представляются нам вполне приемлемыми. Не думаем, однако, что А. А. Шахматовым установлены все источники летописного известия о прохождении венгров мимо Киева. И уж совсем нельзя согласиться с резко отрицательным отношением А. А. Шахматова к роли русского народного предания в сохранении сведений о пребывании венгров на Руси. «Отрицаю,— писал А. А. Шахматов,—...чтобы рассказ о прохождении Угров мимо Киева и хронологическое определение этого события... могли быть извлечены составителем Повести временных лет из народного предания и вообще из русского источника...» [185].

Но ведь «Сказание о преложении книг на славянский язык» не содержало сведений об образе жизни венгров-кочевников и о факте прохода их мимо Киева. А. А. Шахматову не удалось найти в этом источнике и упоминаний о походе венгров на Моравию и Чехию. Появление в Повести временных лет этих известий следует объяснить, на наш взгляд, знакомством летописца с современными ему устными преданиями о венграх и их истории [186]. Доказательством сохранения русской

---

[180] О существовании под Киевом ко времени составления Повести временных лет урочища (горы) Угорского сохранилось свидетельство также в рассказе летописца об убийстве Олегом Аскольда и Дира: Олег «приплу подъ Угорьское...». Про Аскольда здесь же говорится: «и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское...» (ПВЛ, ч. 1, стр. 20).

[181] Кроме статьи 898 г., Карпаты названы Угорскими горами также в космографическом введении к Повести временных лет (Кавкаисинскыя горы, рекше Угорьски) и в описании событий 1015 г. («Святополкъ же... уби Святослава, пославъ ко горе Угорьстей, бежащю ему в Угры».— ПВЛ, ч. I, стр. 10, 94).

[182] А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРЛ, IV. М.— Л., 1940, стр. 82, 83, 91.

[183] ПВЛ, ч. II, стр. 215, 256—257.

[184] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 464.

[185] А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники, стр. 83.

[186] Последний исследователь вопроса об источниках летописной статьи 898 г. Э. Иглои высказал предположение, что не только эта статья, но и рассказ венгерского протографа середины XI в. восходят к русскому устному преданию, известному в Венгрии благодаря пребыванию герцогов

народной традицией памяти о пребывании венгров-кочевников на Руси является топонимика. Русский летописец ссылается на часть географических названий, сохранивших память о венграх. Могли быть ему известны и другие наименования, которых довольно много сохранилось на территории бывшей Киевской Руси до XIX в. Таковы урочище «Венгерская гора» между Киевом и Житомиром [187], реки Угорский Тикич, Угр и Угер, села и местечки Угруйск и Угруйска Воля, Угорце, Угринов, Угорники, Угор (Хугор) [188].

Русские авторы X—XII вв. имели четкое представление о венграх, выделяя их среди других народов. Венгерским исследователям тюркологу Д. Немету и слависту Я. Мелиху удалось установить происхождение славянского наименования венгров — «угры». Эти авторы пришли к выводу, что еще в языке славян-антов в V в. возникло слово Qgre для обозначения племени оногуров. Источником для этого славянского слова явился термин *ongur,* который употреблялся в языке тюрок-болгар для наименования оногуров [189], составивших ядро Великой Болгарии, образовавшейся в начале VII в. в районе Меотиды. После распада этого племенного объединения (середина VII в.) часть оногуров осталась в Причерноморье, о чем свидетельствует источник середины VIII в. «Список епископств» [190]. Славянское обозначение оногуров было в последующие времена перенесено на народы, жившие на месте этого племени,— на хазар, а затем на венгров, в состав которых вошли потомки оногуров [191].

О первоначальном распространении славянами названия «угры» на хазар свидетельствуют два ранних перевода греческих текстов на древнерусский язык. Анонимный византийский автор «Откровения Мефодия Патарского» (VII—VIII вв.) обозначает хазар словом «турки» (tourkoi); русский переводчик, работавший до середины 90-х годов XI в. (его перевод был известен автору Начального свода) перевел этот термин словом «Оугорьско». Автору более позднего перевода (XIII—XIV вв.) уже не известно данное обозначение хазар, и он применяет в отношении этого народа термин «Тоурци» [192]. Пере-

Андрея и Левенте на Руси. [E. Iglói. Az orosz öskrónika (Повесть временных лет) magyar vonatkozásu helyeröl. Debrecen, 1959, 61. o.].

[187] В. Б. Антонович. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893, стр. 39—40.

[188] J. L. Pič. Op. cit., S. 400—404.

[189] J. Melich. Über den Ursprung des Namens Ungar. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 38. Berlin, 1923, S. 248.

[190] BT, I, S. 66, 465.

[191] J. Melich. Op. cit., S. 249.

[192] В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897, стр. 92, 108.

водчик хроники Георгия Амартола и его Продолжателя, трудившийся в середине XI в., также перевел турок-хазар этого автора термином «оугры»[193]. В переводе XIV в. этот народ обозначен термином «тоурькы»[194]. Характерно, что уже в начале XII в. автор Повести временных лет Нестор, используя первый перевод, не нашел возможным оставить для обозначения хазар термин «угры» (этим словом он обозначил современных ему венгров в остальных местах своего труда) и провел различие между уграми белыми (хазарами) и черными (венграми): На Дунай, говорит Нестор, «придоша угри белии, и наследиша землю словеньску... паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послеже при Олзе»[195]. Источники времени Нестора свидетельствуют, что это различение белых и черных угров не было придумано им, а взято из жизни и перенесено в прошлое. Так, Белую и Черную Венгрию различают Бруно Кверфуртский (1008 г.)[196] и автор интерполяции XII в. хроники Адемара[197].

Применение слова «угры» по отношению к хазарам — отзвук далекого прошлого. Для всех русских авторов XI—XII вв. этот термин наполнен вполне определенным содержанием: соседи-венгры хорошо известны на Руси. Именно потому, что русские люди в это время хорошо знали венгров, они уверенно переводили словом «угры» различные термины, применявшиеся византийскими авторами для обозначения этого народа. Переводчик хроники Продолжателя Георгия Амартола знает, что «турки» этого автора — вовсе не турки, а венгры-угры[198]. Русский книжник, имевший дело с «Златоструем», видит в «скифах» (skufai) этого памятника X в. вовсе не скифов, а хорошо известных ему угров (оугьри)[199]. Автор болгарского «Жития Наума» (924 г.) проявляет знакомство с греческим термином для обозначения угров — «пеоны»: «Оугри Пеонскіи езык»[200]. Сочинение XII в. «Повесть о латынех, когда отлучишася от грек», содержит рассказ о крещении двух венгерских князей в Константинополе в середине X в. Автор «Повести» знает греческое, славянское и венгерское название угров: «Пеони,

[193] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. I, стр. 412.
[194] А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники, стр. 83.
[195] ПВЛ, ч. I, стр. 14.
[196] MGSS, XV/2, p. 726.
[197] MGSS, IV, p. 130—131.
[198] BT, II, S. 321; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. I, стр. 529—530, 566, 568.
[199] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. III, гл. XXIII. Златоструй XII в. СПб., 1867, стр. 26.
[200] П. А. Лавров. Жития св. Наума Охридского и служба ему. СПб., 1907, стр. 5.

глаголеме Оугри, иже сами нарицаются Магере...» [201]. Хорошее знание соседней страны — Венгрии — обнаружили и автор памятника первой половины XIII в.— «Слова о погибели Русской земли». Прославляя Владимира Мономаха, он отмечает, что, опасаясь этого князя, «угры твердяху каменыи городы железными вороты...» [202]. Историкам известны укрепления на границах Венгерского королевства — засеки (indagines, gyepü). Для их устройства применялись дерево и камень. В засеках имелись ворота для прохода войск и купцов. В венгерской топонимике часто встречается название «Железные ворота». Исследователь данного вопроса К. Таганьи справедливо отмечает, что это название нужно понимать не в буквальном смысле, а как «хорошее, словно из железа, укрепление» [203]. Отражение этих реальных обстоятельств появилось в русском памятнике как результат близкого знакомства русских людей с Венгрией.

Хорошее знание русскими авторами — современниками Нестора — венгров, их настоящего и прошлого делает понятным появление в труде этого летописца достоверного сообщения о проходе венгров через Русь и сведений из их истории. Это обстоятельство позволяет сделать предположение также и об источнике сведений Нестора относительно войны венгров с Моравией в начале X в. Летописец мог использовать не только западнославянское «Сказание о преложении книг», но и рассказы людей, побывавших в Венгрии, знакомых с ее историей.

Итак, русские авторы XI—XII вв. хорошо знали венгров и были знакомы с их историей. Для нас важно заметить, что ни один из них не сохранил упоминаний о факте покорения Руси венграми. Русский памятник Повесть временных лет содержит сообщение, подтверждающее свидетельство венгерского народного предания. Нет оснований сомневаться в полноте и объективности известия этого источника о русско-венгерских отношениях IX в. Нельзя также не заметить, что материал русской топонимики, использованный еще Нестором, подтверждает свидетельство венгерского народного сказания о продолжительном пребывании венгров на Русской земле. Только этим можно объяснить многочисленность «венгерских» географических названий в южнорусских областях.

---

[201] А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 187.

[202] Х. Лопарев. Слово о погибели Рускыя земли. СПб., 1892, стр. 23.

[203] K. Tagányi. Alte Grenzschutz-Vorrichtungen und Grenz-Odland: gyepü und gyepüelve. «Ungarische Jahrbücher», Bd. I. Berlin — Leipzig. 1921, S. 106—107.

Косвенное подтверждение этого факта содержится в кратких свидетельствах источников относительно походов венгров из южнорусских степей на запад. О первом походе (862 г.) известно из хроники Гинкмара, епископа Реймского (она составляет третью часть Бертинских анналов)[204], а также из Аламаннских анналов[205]. По сообщению Фульдских анналов, в 892 и 894 гг. венгерские отряды помогали восточнофранкскому императору Арнульфу в его борьбе против великоморавского князя Святоплука[206]. Паннонское житие Мефодия сообщает о встрече последнего с «королем венгров» на Дунае[207]. Историки предполагают, что произошло это во время похода венгров на запад в 881 г.[208] Описание встречи Кирилла с отрядом венгров в 861 на пути этого распространителя христианства в Хазарию через Южную Русь, содержащееся в его паннонском житии[209], подтверждает факт пребывания венгерских племен в этих областях во время походов их отдельных отрядов на другие страны Европы.

Приведенные выше указания немецких хроник на появлении венгерских отрядов в пределах Германской империи помогают уяснить характер отношений венгров-кочевников с населением Южной Руси в это время. Условием этих походов было обеспечение тыла, для чего венгры должны были установить мирные отношения со своими восточными соседями — славянами Киевской Руси.

Сведения о характере русско-венгерских отношений IX в. сохранились и в сочинениях арабских и персидских авторов. Ибн Русте в своей энциклопедии «Дорогие ценности», написанной около 903—913 гг.[210], говоря о славяно-венгерских отношениях, отмечает: «Мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными...». Из дальнейшего изложения выясняется, что слова автора о господстве венгров над славянами нельзя понимать буквально: речь идет о набегах кочевников-венгров на славян-земледельцев с целью приобретения рабов. «Воюя славян,— говорит Ибн Русте,— и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли», где и продают

---

[204] MGSS, I, p. 458.
[205] Ibid., p. 50.
[206] Ibid., p. 408, 410.
[207] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 77.
[208] Gy. Moravcsik. Bizánc és a magyarság. Bp., 1953, 37. o.
[209] П. А. Лавров. Материалы..., стр. 12.
[210] И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. «Избранные сочинения», т. IV, М.— Л., 1957, стр. 159.

грекам рабов[211]. Приблизительно так же характеризует отношения венгров со славянами анонимный персидский географ в сочинении, написанном в 982 г.: «Венгры воюют со всеми неверными, проживающими вокруг них, и обычно выходят победителями»[212].

Сторонники теории господства венгров-кочевников над славянами любят ссылаться на эти свидетельства, считая их доказательствами факта подчинения славян венграм в IX в.[213] Для установления степени достоверности сообщаемых этими персидскими авторами сведений необходимо установить источник, использованный ими, и время, к которому относятся эти сообщения. Исследователь данных текстов В. В. Бартольд пришел к выводу, что сведения о венграх, приводимые Ибн Русте, анонимным географом и персидским автором Гардизи (XI в.), восходят к одному источнику. Таким источником, по мнению В. В. Бартольда, могло быть сочинение перса Ибн Хордадбеха[214]. Известно, что этот автор составил первую редакцию своего труда в 846 г., а вторую — в 855 г.[215] Ясно, что он мог использовать лишь сведения, относящиеся в основном к первой половине IX в., так что неправомерным является привлечение свидетельств Ибн Русте и персидского анонимного географа к характеристике русско-венгерских отношений в течение всего IX в.

Сообщения этих авторов относятся ко времени столкновений венгерских племен со славянами, о которых сообщает также венгерское народное предание.

Известно также свидетельство персидского географа Гардизи в его труде «Краса повествований», написанном в 1049—1053 гг.[216], о набегах венгров на славян и о постройке славянами крепостей[217] для защиты от венгров. Долгое время это свидетельство исследователи относили ко времени до занятия венграми их новой родины, т. е. к IX в. Но, как удалось доказать венгерскому востоковеду М. Кмошко, хотя известие Гардизи и содержит слой сведений, восходящих к труду Ибн Хордадбеха и относящихся в IX в., сам автор, описывая отношения венгров со славянами, имел в виду венгров X — первой

---

[211] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах... СПб., 1869, стр. 27.

[212] V. Minorsky. Hudūd al-Alam. London, 1937, p. 101.

[213] G. Vernadsky. Lebedia, in: G. Vernadsky und M. Ferdinandy. Studien zur ungerischen Frühgeschichte, S. 22.

[214] В. В. Бартольд. «Худуд ал-'алем», рукопись Туманского. Л., 1930, стр. 25.

[215] И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 148.

[216] Там же, стр. 262.

[217] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 122—123.

половины XI в.[218] Этот вывод ныне вынужден признать и Г. Вернадский[219].

Из рассмотренных нами источников, таким образом, только венгерское народное предание, переработанное Анонимом, будучи наиболее полным источником, рисует картину развития русско-венгерских отношений IX в., описывая и столкновения венгров с Русью, и установление между ними мирных отношений. Остальные источники сохранили сведения или о столкновениях (восточные авторы), или о русско-венгерских мирных отношениях (русская летопись). Различаются эти памятники лишь объемом содержащихся в них сведений, а не их характером.

Данные источников о прохождении венгров в Паннонию через Русь после установления мирных отношений со славянами подтверждаются материалами археологических раскопок. Украинскому археологу К. В. Берняковичу удалось проследить на территории современного Ужгорода три славянских поселения VIII—XII в.— в Галагове, Радванке и на территории ужгородского замка. Установлено, что Ужгород возник в результате роста и слияния этих трех поселений. Археологу не встретились следы разрушений, пожаров или другие признаки перерыва в развитии славянской культуры в Закарпатье в отмеченное время[220]. Между тем источники, рассмотренные нами, сохранили достоверные сведения о движении через район Ужгорода (Hung венгерских хроник) венгров по пути в Паннонию в конце IX в. Венгры-кочевники прошли через Русь не как ее завоеватели.

Таким образом, в результате сопоставления свидетельств различных по своему происхождению и характеру памятников может быть установлена картина русско-венгерских отношений IX в.

Свидетельства источников не оставляют места для утверждений сторонников теории господства венгерских вождей над восточными славянами и дают возможность проследить динамику взаимоотношений Руси с венграми-кочевниками — переход от военных столкновений к мирному урегулированию, на основе которого венгерские племена прошли через русские земли в Паннонию.

---

[218] M. Kmoskó. Gardizi a törökökről. Sz, 1927, 166. o.

[219] G. Vernadsky. Essai sur les origines russes, t. I. Paris, 1959, p. 164—165.

[220] К. В. Бернякович. Археологические исследования в Закарпатской области в 1948 г. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 4. Київ, 1952, стр. 180; его же. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3. Киев, 1954, стр. 49.

* * *

L'article est consacré à l'éclaircissement du caractère des relations de l'union des tribus hongroises et de l'Etat russe ancien avant la soi-disant „occupation de la patrie". L'analyse du récit d'un anonyme (fin du XII-e — début du XIII-e siècle) et d'autres chroniques hongroises a permis d'émettre une hypothèse sur l'interprétation des relations russo-hongroises dans le protographe datant de la moitié du XI-e siècle et dans la légende populaire hongroise, utilisés par les chroniqueurs plus récents. Les sources, qui ne sont pas parvenues, jusqu'à nous comprenaient, selon l'auteur, des données sur le développement des relations entre les tribus hongroises et la Russie: après des conflits armés les deux parties avaient conclu un traité de paix, sur la base duquel les nomades hongrois s'étaiens retirés dans les Carpathes en passant par les terres russes. L'étude des sources donne la conviction que le récit de l'anonyme sur la «conquête» de la Russie par les chefs hongrois n'est qu'une fantaisie littéraire. Les renseignements fournis par les monuments russes orientaux et d'Europe Occidentale, ainsi que les données archéologiques confirment ces conclusions.

Э. Ледерер

ВЕНГЕРСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Венгерская буржуазная историография трактовала татаро-монгольское нашествие на Венгрию в довольно упрощенной форме. Она, с одной стороны, считала это нашествие событием, относящимся исключительно к истории Венгрии, с другой стороны, сравнивая последнее с поражением при городе Мохаче в 1526 г., причисляла его к национальным трагедиям [1]. Однако можно ли с этим согласиться, можно ли сопоставлять поражение при реке Шайо в 1241 г. с поражением при Мохаче в 1526 г., за которым вскоре последовало установление турецкого ига? Эти два вопроса теснейшим образом связаны друг с другом, какими бы различными они не казались на первый взгляд.

Общеизвестно, что нашествие войск монгольских ханов, начавшееся в апреле 1241 г., закончилось их отходом летом следующего года. Правильно отмечали летописцы татарского нашествия Рогерий и Фома Сплитский, а также историки прежних лет, что господство монголов в Венгрии означало нищету и страдания, гибель и грабежи, что завоеватели оставили за собой развалины. При этом, однако, недостаточно подчеркивался тот факт, что это опустошение все же продолжалось лишь в течение одного года и восстановление страны могло осуществиться — хотя и с известными трудностями — за

[1] Zs. Rosty. A tatárjárás történelme negyedik Béla király idejében. Pest, 1856; L. Szalay. A tatárjárás Magyarországon 1241—1242. Pest, 1856; Gy. Pauler. A sajómezei csata. «Hadtörténelmi Közlemények». Bp., 1893; Ö. Olcsváry. A muhi csata. Sz, 1902; J. Pálffy. A tatárok és a XIII. századi Európa. Bp., 1928; L. Zichy. A tatárjárás Magyarországon. Pécs, 1934; Jó. Félegyházy. A tatárjárás történeti kutfőinek kritikája Vac, 1941.

сравнительно короткий срок. После 1242 г. Венгрия не попала под татарское иго, как это произошло, например, с Русью. 150-летняя турецкая оккупация существенно отличается в в этом отношении от татарского нашествия, так как она задержала развитие производительных сил Венгрии на целое столетие. Мы не хотим утверждать, что буржуазная историография не знала и не излагала событий монгольского завоевания. Однако она изучала его в основном в качестве предпосылки монгольского нашествия на Венгрию. Буржуазная историография вовсе не занималась анализом международного положения в последующие за нашествием десятилетия, внешнеполитическими действиями татаро-монгольских правителей; она полностью обошла и вопрос об общей военной стратегии монголов. Без этого, однако, нельзя объяснить, как могла Венгрия избежать векового ханского гнета, почему невозможно сопоставлять монголо-татарское нашествие со 150-летним турецким игом.

Мы ставим своей задачей осветить указанный вопрос. К решению его следует приступить, знакомясь с военной стратегией монголов, с одной стороны, и анализируя положение Руси и ее позицию по отношению к монголам — с другой. Сюда относится, как мы в этом убедимся ниже, и рассмотрение некоторых фактов внешнеполитической деятельности правительств Венгрии и западных стран.

Нашествие монголо-татар обрушилось на Венгрию в апреле 1241 г., когда ее положение было весьма сложным [2]. В условиях борьбы между феодальной знатью и королем Белой IV, армия не в состоянии была задержать натиск даже менее опасного противника. Монголы, таким образом, могли легко разбить относительно малочисленное войско короля, который уже не располагал ни личными дружинами феодальных вельмож, ни старой военной организацией двора, ни помощью королевских сервиентов. В данных условиях было почти невозможно привлечь к борьбе народное ополчение. Лишь в северных комитатах местами сопротивлялись гарнизоны (в основном народные силы) крепостей. Большинство народа, где только это оказалось возможным, бежало и, терпя лишения, пыталось дождаться отхода татар. Последние опустошили значительную часть страны и, переправившись зимой по льду через Дунай, преследуя бежавшего на запад короля, дошли до самой Далмации. Весной 1242 г. преследо-

[2] Изложение истории событий монголо-татарского нашествия мы не ставим своей целью, так как это сделано нами в статье «Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи», опубликованной на русском языке («Acta historica Academiae Scientiarum Hungariae», t. II, f. 1—2. Bp., 1952).

ватели остановились на берегу моря; впрочем, вскоре они начали отходить и очистили всю страну, оставив за собой развалины.

В венгерской историографии не раз упоминалось о том, что угроза со стороны татар в 1242 г. отпала, что последним и на ум не приходило еще раз двинуться на Венгрию. Нам думается, что те, кто придерживается подобного мнения, не понимают общей военной стратегии татар. Последние обычно не завоевывали побежденной территории одним вторжением; за первым натиском следовал долгий перерыв, когда татары основательно закреплялись в тылу. Лишь после этого наносился второй, решительный удар, в результате которого подчинялись ранее повоеванные территории.

Пример подобных действий можно видеть в Корее. За первым вторжением монголо-татар последовал долгий перерыв, окончательно она занята была только в 1241 г. (как раз в год нашествия татар на Венгрию) [3]. Примером служит также и первое вторжение в южнокитайскую область Сунг, имевшее место еще в 1236 г.; окончательный же захват этой области произошел только при Хубилае. Уже в 1220 и 1221 гг. монголо-татары попытались вторгнуться на территорию Грузии. Но утвердиться в Закавказье им удалось лишь в 1236—1237 гг. [4] Характерен также промежуток в 13 лет, прошедший со дня битвы на Калке (1223 г.) до вторичного вторжения в русские земли и в половецкую степь (1236 г.)

Очевидно, монгольская знать не считала окончательным большое нападение на территории, лежавшие западнее русских земель. Но о новом наступлении она могла думать только в случае вполне благоприятного для нее развития событий в завоеванных русских землях. Однако уже в 1242 г. она получила неблагоприятные известия: во многих местностях вспыхнули восстания, галицко-волынский князь Даниил не подчинился татарам: он еще в 1241 г. предпринял поход против предателей — болоховских бояр, земли которых находились на границах Киевского, Галицкого и Волынского княжеств, где «оставили бы их татарове, да им орють пшеницю и проса». Даниил «грады их огневи предасть и гребля их раскопаша» и этим самым затруднил снабжение монгольской армии продовольствием [5]. При таких обстоятельствах

---

[3] H. H. Howorth. History of the Mongols, from the 9th to the 19th century. London, 1876, p. 135.

[4] Примеры приводятся из статьи Эдёна Шютца, основанной на изучении армянских летописей (Ö. Schütz. A mongol hóditás héhány problémájáról. Sz, 93. évf., 2—4. sz, Bp., 1959, 209—232. o.).

[5] В. Т. Пашуто. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951, стр. 80.

монгольские правители стремились прежде всего укрепить господство над русскими землями и лишь после этого идти на запад. Батый именно из-за противоречий между ним и двором великого хана старался создать на подчиненных ему территориях независимую от великого хана власть. Он хотел достичь этого, основав Золотую Орду. Батый проявил себя способным организатором, ему удалось укрепить Золотую Орду, однако полного подчинения русских земель он не достиг[6].

Таким образом, угроза со стороны татар существовала еще в течение ряда десятилетий после первого вторжения их в Венгрию. Большой заслугой короля Белы IV является то, что он правильно понимал обстановку и зорко следил за каждым движением татар.

Что же помешало татарам возобновить свое наступление на Венгрию, чтобы ее окончательно поработить? Приступая к изучению поставленных выше вопросов, следует рассмотреть положение граничивших с Венгрией русских земель, позицию их русских князей, а также внешнюю политику, проводимую королем Белой IV. Следует вкратце осветить и внешнюю политику главных «защитников христианства» от язычников — римского папы и французского короля; наконец, нужно остановиться на самом важном вопросе — на сопротивлении монголам Руси.

В политике, проводимой королем Белой IV, после монголо-татарского нашествия произошли значительные сдвиги. Силы феодальной раздробленности окрепли, и король должен был с ними считаться. Бела IV ясно сознавал, что он может успешно повести борьбу с татарами лишь в том случае, если феодалы, обладающие крепостями и личными войсками, встанут на его сторону и предоставят ему свои военные силы. Поддерживая их, позволяя строить новые крепости, раздавая им имения, он деятельно готовился отразить новый натиск татар.

Его внешнеполитические меры, направленные к той же цели, несколько запоздали. Дело в том, что папство оказывало решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику Венгрии во времена предшественников Белы и еще в начале его правления; проявляя большую заботу о создании родственных и дружественных связей между «христианскими», т. е. римско-католическими, династиями Восточной и

---

[6] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 58 и сл.

Средней Европы, оно в корыстных интересах подстрекало их на борьбу против «еретиков» (русских, болгар и богомилов). Еще до татарского нашествия папа хотел, чтобы Бела начал крестовый поход против болгарского царя Асеня. Папа поддерживал захватническую политику венгерских королей XII в. по отношению к Руси, используя противоречия между раздробленными русскими княжествами. Папская курия решила использовать создавшиеся условия для распространения своего господства на русские земли. На северных славянских и русских территориях она в тех же целях поддерживала немецкое рыцарство. В период, предшествовавший татарскому нашествию, политика Белы по существу соответствовала этой линии папской политики. Еще непосредственно перед нашествием Бела, выдавая свою дочь замуж за бежавшего от татар в Венгрию Ростислава Михайловича, думал, вероятно, об укреплении своей власти на территории Галича. Это, само собой разумеется, упрочило бы здесь также и власть папы. Возникает вопрос, что же было причиной изменения внешней политики Белы?

После нашествия татарские ханы стремились подчинить русских князей. Они признали переяславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича великим князем, передав в его руки также и Киев. Но в те времена северо-западные и юго-западные русские земли продолжали оставаться еще вне сферы татарского владычества, и татарская знать стремилась распространить свою власть именно на эти территории. В Юго-Западной Руси натиску татар наиболее усиленно сопротивлялся галицко-волынский князь Даниил Романович, задержавший до 1257 г. их продвижение на запад. «Уже само географическое положение Юго-Западной Руси заставляло ордынских политиков соблюдать известную осторожность: они не могли не видеть в Галицко-Волынской Руси форпоста тех государств, которые оставались вне татаро-монгольского контроля»[7], Бела не сразу после татарского нашествия осознал эту важную роль Галича. Укрепление власти Даниила после посещения им Золотой Орды, политика Даниила, приведшая к так называемому союзу с папой, могла обратить в 1246 г. внимание Белы на этот важный внешнеполитический фактор.

Как мы видим, в годы, непосредственно следовавшие за татарским нашествием, во внешней политике Белы не произошло существенных изменений. Когда Ростислав, сын черниговского князя Михаила, княжившего одновременно и в

[7] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 235.

Киеве, и в Галиче, выступил в 1243 г.[8] с претензией на Галич и подготовил поход против Даниила, опираясь на тамошних бояр — противников Даниила, Бела предоставил армию для захвата Галича[9].

С 1246 г., Бела IV находился, как ниже увидим, в союзе с Даниилом Романовичем. Русские летописцы, начиная с 1245 г., пишут о прочной власти Даниила в Галиче и именно этим объясняют его сопротивление татарам.

Поворот к сближению с Русью во внешней политике Белы IV произошел в 1245 или 1246 г. Это нельзя считать следствием влияния папы; наоборот, постепенное разочарование Белы в папе и в западных «союзниках» укрепляло его стремление найти поддержку на Руси. Здесь нельзя придавать значение дипломатическим оборотам речи и серьезно принимать во внимание употребляемые Белой выражения, что заключением браков с восточными династиями он «был вынужден» «обеспечить» безопасность «истинно христианских» стран. Подобные выражения встречаются в его переписке с папой. Бела постепенно все яснее понимал политическую двуличность папы и западных дворов, хотя трудно сказать, знал ли венгерский король, что они, и в первую очередь Франция, были в союзнических отношениях с монголами; вероятно, однако, шпионы и послы о многом информировали короля.

После ухода татар из Венгрии достойный преемник Григория IX, новый папа Иннокентий IV, очень воинственный представитель идеи мирового господства курии, на призывы Белы о помощи в ответном письме от 1243 г. заявлял, что он с большой печалью узнал об опустошении Венгрии и предоставил участникам крестового похода против татар права, равные правам крестоносцев св. земли. Итак, в сущности он повторяет содержание письма Григория IX от 1241 г., которое в новых условиях имело еще меньше смысла, чем прежде[10]. На соборе, созванном в Лионе в 1245 г., представителями ряда европейских держав было решено для защиты от татар организовать строительство крепостей и осведомлять друг друга в случае усиления татарской опастности. Это распоряжение Лионского собора осталось, естественно, лишь на бумаге, так как продвижение татар на запад было приостановлено, а упомянутые в решении собора короли даже и

---

[8] Так как даты Ипатьевской летописи весьма ненадежны, мы не совершим ошибки, если не примем летописной датировки.

[9] A. Hodinka. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp., 1916. 419, 280. old.

[10] G. Fejér. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (далее — Fejér), IV/1. Budae, 1829, p. 301.

не думали принимать меры против татар, которые, как они знали, находились далеко от их границ [11].

Монгольское иго в те времена отягощало из европейских стран по существу только Русь, причем Золотая Орда старалась укрепить свою власть над русскими княжествами. Галицкий князь Даниил Романович дольше всех сопротивлялся стремлениям Орды. Вплоть до 1245 г. он не ездил на поклон к хану.

Папство еще в начале XIII в. с помощью немецких и шведских крестоносцев старалось распространить свое владычество на Русь, а после занятия Византийской империи крестоносцами в 1204 г., ссылаясь на падение главной восточной державы, требовало от русских князей так называемой унии. С татарским завоеванием перед папой открывались новые возможности. Стремясь, с одной стороны, найти путь («modus vivendi») к соглашению с татарами, папство одновременно старалось уговорить Галицкое княжество заключить союз под знаком объединения сил против татар и таким образом добиться распространения своей власти на русские земли [12].

В 1245 г. папский посол францисканец Иоанн де Плано Карпини выехал к монголам, чтобы «принести чем-нибудь пользу христианам» [13]. Буржуазные историки пишут, что поездки папского и позднее французского послов в Орду были лишь «наивными» попытками привлечения монголов к христианству. В действительности же нельзя представлять ни папу, ни французского короля, а также «благочестивых» францисканцев настолько наивными, что они надеялись будто бы одним своим появлением убедить самых могучих завоевателей мира в истинности христианского учения. Здесь речь идет о серьезных и сложных политических маневрах. Плано Карпини был замечательным наблюдателем и хорошим дипломатом. В своем сообщении он точно взвешивает соотношение сил, ведет переговоры с различными русскими князьями и пытается начать переговоры с самим Батыем.

По пути к Батыю Карпини встретился с князем Даниилом, возвращавшимся тогда от хана. Хан назвал Даниила своим «мирником» (союзником), и, как пишет Карпини, старался обращаться с ним с особым уважением; это, естественно,

---

[11] G. Wenzel. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus (далее — Wenzel), VII. Bp., 1869, p. 198.

[12] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 252.

[13] Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина (далее — И. Плано Карпини, В. Рубрук). СПб., 1911, стр. 1.

означало, что Батый одновременно стремился распространить свою власть и на Юго-Западную Русь. Карпини предложил Даниилу союз папы, и Даниил согласился. Вскоре после этого из папской канцелярии в течение одного дня вышло шесть булл, направленных в Юго-Западную Русь. В них папа брал страну под «опеку св. Петра», направлял легата для искоренения «греческих заблуждений» и т. д.

Таким образом, целью папского союза было создание «унии», расширение папской власти, а отнюдь не организация борьбы против татар. Одновременно с переговорами на Руси папа продолжал посылать своих послов к татарам для заключения с ними соглашения. В 1247 г. он послал к татарам доминиканцев; целью этого посольства было «достижение повиновения папе западных народов» — народов, находившихся к западу от татар и отказывавшихся повиноваться папе, но подчиненных владычеству татар,— т. е. русских. Это стремление папы довольно четко вырисовывается из сообщения 1253 г. талантливого западного дипломата Вильгельма Рубруквиса [14].

Следовательно, в конце 40-х годов XIII в. папская курия, подстрекавшая немецкое рыцарство против Руси, одновременно хотела с помощью татар или своего союзника Даниила достичь «духовного» владычества над русскими землями. Однако Даниил быстро раскусил эту политику и уже в 1248 г. порвал сношения с папской курией.

Нет оснований полагать, что Беле IV была ясна вся сложность папской политики. Но то, что в пору самой большой татарской опасности не было получено от западных соседей никакой помощи, заставило его задуматься о будущей политике. К сожалению, мы не имеем всех писем, направленных Белой папе. О них мы знаем отчасти только из ответных папских посланий. Но очевидно, что в письмах Белы постоянно прорываются нотки разочарования, вызванного отсутствием помощи. Бела был здравомыслящим человеком, старавшимся спасти Венгрию от нового татарского нашествия. В его действиях после 1243 г. и особенно после 1245 г. ясно обнаруживается это стремление. Выступая против предателя — герцога Фридриха Бабенберга (Воинственного), чтобы приобрести обратно захваченные последним западные местности Венгрии, Бела хотел восстановить единство страны.

В русских летописях говорится, что Бела, начавший, наконец, в 1246 г. войну против захватившего западные обла-

---

[14] О посольстве доминиканцев 1247 года см. «Continuatio ex speculi naturalis libro XXXII». MGSS, t. XXIV, p. 163; И. Плано Карпини, В. Рубрук, стр. 65 и сл.

сти Фридриха Воинственного, обратился за помощью к Даниилу [15]. Согласно сообщениям венгерских и иностранных хроник, герцог Фридрих был убит и западные области были вновь воссоединены с Венгрией. Фридрих был последним отпрыском династии Бабенбергов. Сразу после его смерти началась борьба за австрийское наследство, в которой принял участие также и союзник венгерского короля Даниил. Бела сам отмечал, что в те времена его «опаснейшим противником», «главным врагом» был герцог Бабенберг. Следовательно, не случайно Бела именно против него заключил союз с русским князем [16].

Подобные изменения внешней политики Белы IV, естественно, не равнозначны прямому отказу от его прежней политической линии. Это было бы совершенно невозможно со стороны одного из самых верных римскому папе государей Европы.

Просьбы к курии о поддержке в борьбе с татарами не прекращались. За такой помощью король обратился к папе впервые еще накануне нашествия татар на Венгрию. В то время между папой Григорием IX, одним из наиболее воинственных поборников мирового господства курии, и императором Фридрихом II шла кровавая борьба, главным образом за овладение Италией. В этой борьбе папе удалось привлечь на свою сторону союзы итальянских городов и с их помощью воспрепятствовать осуществлению планов Фридриха. Эта борьба была настолько острой, что папа объявил крестовый поход против «антихриста» Фридриха. Первые известия о продвижении татар не очень заинтересовали ни папу, ни Фридриха. Правда, папа «не без пролития многих слез» принял к сведению известие о событиях в Венгрии и заверил Белу IV в том, что «папский престол берет под свою защиту его и его семью», а также всех тех, кто выступает против татар, обеспечивая им «отпущение грехов» в той же мере, «как и участникам крестового похода в святую землю». Но больше папа не сделал ничего [17]. Даже после получения известия о вторжении татар в Венгрию, папа не отказался от объяв-

---

[15] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 813.

[16] «Contra ducem Austrie nostrum inimicum capitalem...» (из жалованной грамоты 1256 г. Белы управляющим Козме и Ахиллесу.— Wenzel, II, p. 269).

[17] «Tartaris invasum et occupatum non sine multarum lacrimarum effusione didicimus... personam et familiam tuam sub protectione sedis apostolice recipientes... omnibus qui assumto crucis signaculo contra Tartaros... processerint, illam immunitatem concedimus... quae terre sancte succurrentibus in generali concilio conceduntur» [из письма Григория IX, направленного королю Беле в 1241 г.— Katona. Historia critica regum Hungariae (далее — Katona), t. V, p. 933].

ления там крестового похода против Фридриха II. Немецкий историк прошлого столетия О. Вольф, занимавшийся историей монголов, прямо обвиняет папу в том, что он уже тогда был союзником татар [18].

Просьбы о помощи возобновились после поражения при р. Шайо, когда король отправил своих послов ко двору императора и к папе. Даже император Фридрих II был потрясен при получении этих известий и, подобно папе, принял их к сведению «с возбужденной душой». В июле 1241 г. император направил английскому, французскому и другим королям письмо, в котором очень красноречиво и подробно описывал обычаи, армию татар, опустошение Венгрии, бегство венгерского короля. Однако далее он сообщал, что единственным препятствием для вступления его в войну является папа, «открыто объявляющий против нас тот крестовый поход, который он должен был бы объявить против татар и грабителей святой земли». В письме нет ни слова о помощи Венгрии, на которую рассчитывал злосчастный король Бела. В своем письме Фридрих писал: *«постарайтесь защитить...* объединенными силами от врага, который собирается переступить *границы Германии*, защитить эти границы, *как двери христианства»*. Имелось в виду, что через эти двери варвары могли вторгнуться и в страны королей, которым адресовано письмо [19].

Некоторые немецкие князья еще раньше обратили внимание на опасность. В апреле 1241 г. между ними шла оживленная переписка. Каждый из них предупреждал о необходимости укрепления границ, чтобы татары не могли вторгнуться на территорию Германии. О том, что следует изгнать татар из Венгрии, что надо оказать помощь венгерскому королю, нигде нет ни слова [20]. Правда, «благочестивые» епископы объявляли

---

[18] «...Davon war aber Gregor IX. so weit entfernt, dass er die Kreuzpredigt gegen den Kaiser in Ungarn nicht einmal aufhob... er war hiermit ein guter Bundesgenosse der Tataren» (O. Wolff. Geschichte der Mongolen oder Tataren. Breslau, 1872, S. 315).

[19] «Nec hec sine magna animi perturbatione potuimus didicisse... per legatos et nuncios suos crucem quam adversus tyrannidem Tartarorum vel Saracenorum terram sanctam invadentium et occupatium exercisse debuit et decebat, jussit contra nos... publicari...»; «ut contra hostes Germanie terminos jam ingredi proponentes velut christianorum januam viribus aggregatis... exercitum valeat obtineri...». Письмо императора Фридриха II было опубликовано в кн.: Matthaeus Parisiensis. Historia Angliae, а на основании этого — в кн.: J. L. A. Huillard-Bréholles. Historia diplomatica Friederici Secundi, t. V. part 2. Paris, 1859, p. 1448 sqq.

[20] Письмо рейнского пфальцграфа Оттокара аугсбургскому епископу Зиботу (Wenzel, II, p. 139); в ответ на это Зибот в своей церковной области объявил в июле крестовый поход (ibid., p. 140). Тюрингский пфальцграф Генрих, возможно, еще в марте в своем письме королю Конраду просил у него помощи, «так как нашим непосредственным границам угрожает

иногда крестовые походы, однако их целью была защита только непосредственно своих территорий; они молились о том, чтобы «бог отстранил» от них монголов «без того, чтобы воевать с ними» [21].

Когда летом 1241 г., как говорится в вормских летописях, поступило известие об уходе татар, светские и церковные князья срочно распределили между собой деньги, собранные для крестовых походов.

Вестники приносили из Венгрии все более ужасные сообщения; король Бела из монастыря в Чазме близ Загреба отправил новых послов к папе (вернее, к коллегии кардиналов, так как в августе 1241 г. после смерти Григория IX папский престол не был занят вплоть до 1243 г., за исключением семнадцатидневного правления папы Целестина). Письмо, отправленное из Чезмы, датировано 19 января 1242 г., имя папы в нем не указано. В этом письме Бела просит не туманных обещаний, а решительной помощи, точно перечисляя, из чего она должна состоять. Указывая, что это уже третье посольство, направленное им к папскому двору, он просит, чтобы папа прислал арбалетчиков-венецианцев, так как только с их помощью можно воспрепятствовать переходу татар через Дунай, «от чего спаси всемогущий бог». Кроме того, папа должен объявить крестовый поход таким образом, чтобы вспомогательные войска пришли в Венгрию «до страстной недели великого поста». Как известно, помощь от папы и на этот раз не пришла, а татары разорили весь задунайский край.

Очевидно, безрезультатность этих просьб о помощи и толкнула Белу IV на то, чтобы заключить упомянутый выше союз с Даниилом.

Но Бела не отказался от мысли, в случае нового нападения татар, просить помощи и у папы. Именно поэтому мы встречаемся с адресованными папе письмами короля тогда, когда он получал от своего восточного союзника известия о возможном новом продвижении татар.

Конкретная цель заключенного с Даниилом союза состояла именно в том, чтобы получать от князя постоянную информацию, которая могла в дальнейшем способствовать организации совместной обороны. Среди грамот, выданных Белой, начиная со второй половины 40-х годов, появляются пожалования лицам, «бывшим на Руси с посольством».

опасность» («Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae», v. I. Praha, 1855, p. 472). Фрейзингенский епископ Конрад предупреждал об опасности констанцского епископа, советуя ему запасать продовольствие для армии (Wenzel, II, p. 141).

[21] J. L. A. Huillard-Bréholles. Op. cit., t. V, part. 2, p. 1211; (из пастырского послания констанцского епископа).

В венгерской, а также и в зарубежной историографии о соглашении, заключенном Белой IV с Даниилом, говорится как об одном из обычных в те времена феодально-династических союзов. Венгерская историография, особенно периода контрреволюционной хортистской диктатуры, старалась вовсе умалить значение этого союза.

Характер союза четко освещает именно те документы, в которых говорится о посольствах. В одном из документов читаем, что сын Обихка, награжденного за заслуги имением Қоарцег Миклош, «будучи послан в посольство... на Русь..., получил обещание от высочайшего князя Даниила, только что вернувшегося на родину от татар, что он в официальной грамоте расскажет о положении татар, ибо он видел [их] и ознакомился с ними...» [28].

Итак, в отличие от других посольств, здесь выделяется та исключительно серьезная цель, с которой отправлял Бела своих гонцов к Даниилу. Но еще бо́льший интерес представляют два документа — от 1251 и 1259 гг., выданные Белой IV некоему Германусу из деревни Қомлош.

Германус был, вероятно, простым солдатом одной из крепостей; в экстренных случаях он играл роль курьера между Белой и Даниилом. Бела не случайно создал такую курьерскую службу: он хотел иметь постоянные сведения о передвижениях татар и мог получить их только от Даниила. В документе от 1251 г. говорится и о том, что Германуса за заслуги в курьерской службе из рядов «servilis» выдвинули в ряды

---

[22] Ad partem Ruscie... in nostra legacione profectus ab illustrissimo Duce Danela, qui Tartarorum Principe visitato ad propria rediens, universum statum Tartarorum, prout viderat et cognoverat edisserendum nobis promiserat stili officio conditum, reportavi... (Wenzel, VII, p. 164). И. Сентпетери по формальным признакам считает этот документ фальшивым (J. Szentpétery. Az Árpádhazi királyok oklevéleinek kritikai jegyzeke. I. k. Bp., 1923, 228. o.). В документе при перечислении титулов короля фигурирует неправильное слово «primogenitus». Кроме того, в этом датированном якобы 1244 г. документе год царствования Белы обозначен словом «vigesimo» (двадцатый), что, действительно, неправильно. Дьюла Паулер (G. Pauler. A magyar nemzet története az Árpádhazi kiralyok alatt. 2. k. Bp., 1893, 520. o.), анализируя содержание этого источника, считает его достоверным, допуская ошибку в датировке на два года. Так как документ сохранился в копии, снятой в 1296 г., то указанные выше ошибки мог сделать его переписчик. Мы со своей стороны считаем вероятным, что документ составлен не в 1244, а в 1254 г.; в этом случае правилен и год царствования — «vigesimo». Д. Паулер говорит об ошибке в дате (1244 г.), так как он правильно полагает, что здесь идет речь о посещении Даниилом татар в 1245 г., после чего Миклош и был у Даниила. Посольство было отправлено к Даниилу, вероятно, около 1246 г., так как в документе говорится, что Даниил «как раз вернулся обратно». Но это отнюдь не означает, что в перечислении заслуг Миклоша не может быть речи о более раннем случае посольства, даже если документ датирован 1254 г.

«детей боярских святого короля»[23]. В 1259 г. пожалованные Германусу земли передаются ему в вечную собственность с условием, что «он в будущем, как и до сих пор, будет верно служить нам в посольствах в Россию...»[24].

Деревня Комлош находилась на северной границе комитата Шарош, непосредственно близ галицкой границы. За один день можно было легко проделать путь до Галича и обратно. То, что простой слуга-курьер в течение восьми лет стал дворянином, доказывает важность этой службы.

Итак, союз существовал еще в 1259 г., и Бела не хотел отказаться от хорошо действующей курьерской службы даже в то время, когда в Галицко-Волынском княжестве уже укрепилось господство татар. В 1256 г. в перечислении заслуг Иордана, сына Арнольда, также фигурирует выполненная в России миссия[25]. Следовательно, Бела видел, что защитить Венгрию от нападения татар может только борьба русских[26], что нужно сохранять тесную, п о с т о я н н у ю связь с русским князем. Направленные на Венгрию нападения задерживала Галицко-Волынская Русь, которая непосредственно граничила с Венгрией. Князь Даниил в какой-то степени все же сопротивлялся татарам, и естественно, что в союзе с ним Бела мог видеть гарантию отражения татарского нападения. Бела, как католик, наряду с русским союзом, пытался добиться и поддержки от папства. Он не мог отказаться от помощи католических правителей: император и «христианнейший» французский король все еще были в его глазах защитниками веры. Поэтому он повторно посылает им свои письма и послов, когда угроза татарского нашествия становится реальной, и старается организовать общеевропейскую защиту от татар. Наиболее активно действует Бела IV во время нападения Куремсы. Он старается активизировать все находящиеся в его распоряжении силы, включая и половцев. Тогда писали, что «он предпочитает половцев своему сыну»[27].

Содействие Белы заключению брака между сыном Даниила Романом и Гертрудой Бабенбергской, имевшей наслед-

---

[23] «...in legationibus nostris ad dilectum cognatum nostrum Danilam ducem Ruthenorum deferendis...» (I. S z e n t p é t e r y, Op. cit., I. k., 2. r., 296. o.).

[24] «Ita tamen, quod in deferendis legacionibus in Rusciam nobis sicut hactenus fideliter servire teneatur...» (W e n z e l, VII, p. 505).

[25] K a t o n a, VI, p. 251.

[26] В этом очерке мы не касаемся борьбы русского народа против татар. В следующем очерке, специально посвященном русско-венгерскому союзу, мы подробно рассмотрим вопрос о восстаниях русского народа против татар, воспрепятствовавших подготовке нападения на венгерскую территорию.

[27] K a t o n a, VI, p. 179, 187.

ственную долю в Австрии, также служило, вероятно, целям сближения с Даниилом. В это время, в 1252 г. (или в 1253 г.) король отправил известное письмо папе, в котором старался доказать, что татарское нашествие угрожает не только Венгрии, что «татары ведут свои бесчисленные войска против всей Европы» [28].

В этом письме чувствуется горькое разочарование. Бела пишет: «Мы обратились за помощью к трем выдающимся дворам христианства — к Вашему двору, который христиане считают божьим и главой всех дворов, к императорскому и французскому дворам — и не получили никакого утешения или помощи, если не считать слов» [29]. Тон просьбы о помощи, обращенной к католическим правителям, становится патетичнее; Бела IV все яснее осознает цену их обещаний.

Возникает вопрос, что стало известно Беле IV о плане союза, который попытались заключить французский король и папа с монголами. Не исключено, что послы, отправленные Белой к папе и французскому королю, осведомляли его об этих попытках. В письмах Белы к папе порою проскальзывает эта осведомленность.

О возможностях союза между папой и монголами мы уже упоминали в связи с поездкой Плано Карпини и союзом папы, заключенным с Даниилом. Знаем мы и о плане союза между Людовиком IX «Святым» и монголами, который в известной мере осуществился. В конце 1248 г. или весной 1249 г. к Людовику IX, отправившемуся в крестовый поход и находившемуся тогда на Кипре, как пишет автор его биографии Жуанвиль, прибыли монгольские послы с предложением союза в борьбе против сарацин. Об этом же сообщает епископ Одо в письме папе Иннокентию IV [30]. Чтобы понять суть этого союза, необходимо коснуться международных экономических связей той эпохи.

Одной из целей крестовых походов было обеспечение внешней торговли с Востоком — левантинской торговли. Восточные товары перевозились до портов по сухопутным караванным

---

[28] «Contra totam Europam suum innumerabilem exercitum destinaret» (Fejér, IV/2, p. 218—224). Датой этого письма Сентпетери по формальным признакам считает 1250 г., но, судя по содержанию, оно было написано в 1252 или в 1253 г.

[29] Ibidem: «... tres totius Christianitatis principaliores Curias: scilicet Vestram quae divina et magistra omnis Curiae a Christicolis creditur... et imperialem... Francorum etiam curiam requiri fecimus de quibus omnibus nihil consolationis, vel subsidium recepimus, nisi verba».

[30] J. de Joinville. Histoire de Saint Louis. Ed. par Nat. du Wailly. Paris, 1874, p. 285; «Odonis Episcopi Tusculani ad Innocentium IV Papam», in: «Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum». Ed. L. d'Achery, t. III. Paris, 1723, p. 624.

путям, которые проходили через территории двух мусульманских держав — египетских султанов и багдадских калифов. Эти мусульманские державы брали, понятно, дань с западных, главным образом итальянских и французских, купцов. Единственным открытым был путь через Аккон, находившийся в руках христиан, но мусульманские государства постоянно угрожали и этому пути. Как известно, император Фридрих II в интересах обеспечения караванных путей заключил с египетским султаном торговый договор. Римский папа и французский король, несмотря на то, что они были сильно заинтересованы в укреплении итальянских торговых городов и французских морских портов, не могли сделать то же самое. Они попытались обеспечить свои все уменьшавшиеся владения в «святой земле» с помощью «крестовых походов», вооруженной борьбы против мусульманских стран. Людовик IX в своей внутренней политике в значительной мере опирался на поддержку укреплявшихся городов; опорой пап в их борьбе за мировое господство были итальянские города, одновременно они находились в тесной финансовой связи с крупными итальянскими банками.

Если посольства папы к монголам в 1245—1247 гг. имели целью лишь установление господства над русскими землями, то в связях папы и французского короля с монголами, начиная с 40-х годов XIII в. главную роль играл так называемый вопрос о «святой земле».

Посольство татар 1248 или 1249 г., предложившее, по словам Жуанвиля, «помощь ему [королю] в отвоевании иерусалимского королевства от сарацин»[31], не достигло цели. Людовик «Святой» был тогда еще в полной уверенности, что ему одному удастся одержать победу; он, как пишет Жуанвиль, «еще чуждался» союза с этими варварами, хотя уже тогда при дворе раздавались голоса, что монголы не такие уж ужасные люди, что их «власть происходит от бога» и они в конечном итоге являются продолжателями господства могучего христианского короля «попа Иоана», которого победили[32].

[31] «...vindrent li messaige des Tartares a li, et li firent entendant que il li aidroient conquere le royaume des Jerusalem sur les Sarrazins...». J. de Joinville. Op. cit., p. 258.

[32] J. de Joinville. Op. cit., p. 259: «Et sachiez que, li roi se repenti fort quant il y envoya». В Европе была распространена сказка о стране «попа Иоана». В ней говорилось, что где-то далеко на Востоке царствует христианский царь, чья власть распространяется на живущих там «неверных». Буржуазная историография представляет дело так, что западные державы отождествляли державу монголов с владением «попа Иоана» и потому не боялись их. В средневековых хрониках в конце XIII в. преобладало мнение, что монголы, правда, победили попа Иоана, но в конечном итоге они продолжали его дело и помогали христианам одолеть «неверных»; монголов тогда приветствовали как «спасителей христиан».

Как известно, крестовый поход Людовика IX не имел успеха, сам король попал в плен, и ему удалось освободиться только после выплаты большого выкупа. В 1252—1253 гг. египтяне и сирийцы заключили мир, и это сделало безнадежным положение не только крестоносцев, но и христианских княжеств «святой земли» [33].

Людовик IX не оставил «святую землю». Очевидно, он чего-то ждал. Немецкий исследователь истории крестовых походов говорит, что он «молился богу, устраивал крестные ходы, испрашивая господа подать ему знаменье» [34].

В действительности же Людовик IX ждал очень реального «знаменья», а именно извещения от своего посланника Вильгельма Рубруквиса о том, удалось ли тому заключить договор с монголами о восстановлении на «святой земле» потерянного «христианами» господства. В 1253 г. Людовик IX уже «не чуждался» заключения с монголами договора; он решительно предложил им союз, если они, выступив против арабов, двинут на египетского султана силы, способные защитить христианские княжества.

Рубруквис был весьма тонким дипломатом, который действовал во время своей щекотливой миссии исключительно осторожно, домогаясь помощи монголов, но не торопя при этом заключение открытого союза с ними. Ведь в это время (1253 г.) было очень рискованным шагом со стороны «христианнейшего» государя заключить открытый союз с язычниками, непосредственно угрожавшими католическим (не еретическим!) странам — Венгрии и Польше.

Рубруквис осторожно протестует против того, что он является официальным послом Людовика IX, заявляя, что он и члены его посольства — простые священники, т. е. монахи, которые приехали в страну монголов исключительно с целью распространения христианства среди неверных [35].

Рубруквис рассказывает, что он поехал к сыну хана Батыя хану Сартаху, так как слыхал, что тот — христианин. Когда же меня «расспрашивали, еду ли я по своей воле или меня посылают, я ответил, что никто не заставлял меня ехать..., я еду по своей воле, а также по воле моего настоятеля. Я очень остерегался, чтобы отнюдь не сказать, что я ваш [Людовика IX] посол» [36]. Но одновременно он проговаривается, что Сартах получил письмо от Людовика IX [37]. Он «остерегается» сообщить в своем описании смысл этого письма, но мы узнаем, что

---

[33] B. Kugler. Geschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1880, S. 376.
[34] Ibidem.
[35] И. Плано Карпини, В. Рубрук, стр. 163.
[36] Там же, стр. 81.
[37] Там же.

письмо было очень важного содержания, так что Сартах не считал себя компетентным вынести решение, и именно поэтому Рубруквис вынужден был проделать длинный и тяжелый путь до ставки Батыя [38]. Это письмо содержало действительно «трудные и важные дела», и не зря Рубруквис в Акконе дал перевести его на сирийский и арабский языки, чтобы монгольский хан легче мог понять его [39].

Так дошел Рубруквис с письмом до Батыя. В то время Батый был почти полновластным повелителем монгольского государства, он уже создал Золотую Орду, и великий хан Менгке был его креатурой [40]. Однако Батый, желая выиграть время, не вынес сам решения по этому «исключительно важному» письму, а послал Рубруквиса в Каракорум к великому хану, заявив, что только тот может решить данный вопрос. В одной из бесед при ханском дворе Рубруквис кое-что выдал относительно содержания письма, но таким образом, что для непосвященных вопрос оставался все же неясным.

В сообщении Рубруквиса говорится следующее: «Во время также этого пути тот секретарь, которого мы дожидались в Кайлаке, сказал мне, что в грамоте Батыя, которую он посылал Мангу-хану, содержалось сообщение, будто вы искали войска и помощи от Сартаха против сарацинов. Тогда я выразил сильное удивление и пришел даже в беспокойство, так как знал и содержание вашей грамоты, и то, что в вашей грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему [т. е. Сартаху] быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста... поэтому я замолчал, не говоря ничего ни за, ни против, так как боялся противоречить словам Батыя, чтобы не попасть в клеветники без должного основания» [41]. Итак, содержание письма очевидно: это предложение союза [42].

Рубруквис прибыл к Менгке и передал письмо Батыя. В Каракоруме он вынужден был оставаться до тех пор, пока Менгке не вынес решение по этому делу. Рубруквис рисует очень интересную картину жизни Каракорума, точно перечисляя и послов, прибывших к великому хану. Из этого перечисления мы узнаем о посещении каракорумского дворца послами как багдадского калифа, так и египетского султана. Рубруквис хорошо осведомлен о переговорах с багдадским калифом и рассказывает, что великий хан был согласен заклю-

---

[38] Там же, стр. 91.
[39] Там же.
[40] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 75.
[41] И. Плано Карпини. В. Рубрук, стр. 115.
[42] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 266.

чить мир с багдадским калифом только в том случае, если последний снесет все укрепления. Однако он пишет и о другом варианте, а именно, что великий хан требовал от калифа 10 тыс. голов лошадей [43].

Следовательно, «наивный» Рубруквис во время пребывания в Каракоруме внимательно следил за событиями и за тем, каких результатов могут достичь послы противника. О переговорах с великим ханом, которые были, вероятно, длительными и обстоятельными, сообщение Рубруквиса дает очень неясные сведения, как и об ответном письме, посланном великим ханом с Рубруквисом. Здесь интересно лишь то, что Менгке хотел отправить вместе с письмом и своих послов. Рубруквис решительно отклонил это, заявив: «Я не посмел бы взяться провожать его послов за пределы его земли, так как между нами и вами есть земля, где идет война (terra guerre), а также море и горы; кроме того, я только бедный монах...» [44]. Здесь речь идет опять-таки о том, чтобы не обнаружить союза французского короля с монголами.

«Бедный монах» Рубруквис и в остальном не был столь уж скромным и бедным. Его сообщение полно жалоб на плохое снабжение. Он рассказывает, что даже за деньги нельзя получить ни мяса, ни вина [45]. Когда члены посольства в течение восьми дней должны были страдать от холода и голода, «бедный» францисканец, член монашеского ордена, проповедовавшего нищету, восклицает: «Здесь узнал я, какое мученичество терпеть нужду» [46].

Считается, что в результате посольства Рубруквиса не было заключено никакого союза между французским королем и монголами. Действительно, Людовик IX к тому времени, как вернулся Рубруквис, уже оставил Аккон и находился во Франции. Однако нельзя не найти взаимосвязи между посольством Рубруквиса и крупным наступлением на арабский халифат, начатым в 1255 г. Хулагу-ханом, братом Менгке. Между 1256 и 1258 гг. было закончено завоевание Ирана, в 1258 г. был взят Багдад [47]. Примечателен и следующий факт. Рашид-ад-Дин пишет, что когда Хулагу отправился в этот поход, он получил он Менгке следующее указание: «Во всех случаях совещайся и советуйся с Докуз-хатун». Что же касается Докуз-хатун, то Рашид пишет: «Докуз-хатун [принадлежащая] к кости кереит, рочь Уйку, сына Онг-хана... Так как народ кереит в основном исповедует христианство, то она постоянно поддер-

[43] И. Плано Карпини, В. Рубрук, стр. 161—162.
[44] Там же, стр. 151.
[45] Там же, стр. 84.
[46] Там же, стр. 122.
[47] Б. Д. Греков, А Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 75.

живала христиан, и эти люди в ее пору стали могущественными. Хулагу-хан уважал ее волю и оказывал тем людям покровительство...» [48]. Все историки прошлого столетия, занимавшиеся историей монголов, обращали внимание на то, что Хулагу, истребивший семью багдадского калифа и беспощадно относившийся к магометанам, «во всем угождал сирийским и палестинским христианам» [49]. Возможно, что и это явилось результатом миссии Рубруквиса.

Бела IV в 1250 г. продолжал переписку с папой, возобновив свою просьбу о помощи. Даниилу Романовичу удалось в 1253 г. отразить наступление войск татарского воеводы Куремсы, однако в 1258 г. один из способнейших воевод Золотой Орды Бурундай сломил сопротивление Даниила и поработил Юго-Западную Русь.

Бела в отчаянии вновь обратился за помощью к папе. Письмо до нас не дошло, но о его содержании можно судить по ответу папы Александра IV от 1259 г. Письмо папы начинается с упрека Беле: папа надеется, что жалобы продиктовало «сыновье доверие, а не оскорбленная душа» [50]. Бела, говорится в письме папы, утверждает, что, когда татары совсем опустошили и разгромили его страну, покойный папа Григорий оказал ему помощь не действиями, а только словами и подобную же помощь получил он после смерти папы Григория со стороны коллегии кардиналов. Папа не понимает, как Бела, «не рассмотрев причины и время, когда курия не могла выполнить его просьбу, считает себя в праве обсуждать с ропотом этот вопрос»: он должен знать, какие опасности угрожали церкви, когда тиранически свирепствовал тогдашний император Фридрих. Естественно, что при таких обстоятельствах борющийся за «благо народов» папа не мог оказать ему помощи. Позже, при новом папе, татары уже убрались из страны, и, таким образом, нужды в помощи не было [51].

Далее папа переходит к обсуждению содержания письма Белы. Мы узнаем, что татары предложили Беле союз с тем условием, чтобы сын или дочь Белы заключили брак с дочерью или сыном татарского хана и чтобы Бела дал четвертую часть

---

[48] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III. М.—Л., 1946, стр. 18, 24.

[49] O. Wolff. Op. cit., S. 402—403; «Mit dem Heiden Hulaku konnte er nun um so weniger in gutem Vernehmen bleiben, als dieser sich durch die grausame Ermordung des Kalifen Moteaassim Billah und dessen Familie, am 20. Februar 1258, und Vernichtung des Kalifates, durch barbarisches gegen andere moslemische Dynastien und Orte, z. B. Damaskus, so wie auch durch Begünstigung der Christen in Syrien und Palästina den bitteren Hass, namentlich aller Sunniten, zugezogen hatte...».

[50] «...licet credamus, eam non ex iactura laesi animi, sed ex libertate filialis confidentiae processisse...» (Katona. VI, p. 289).

[51] Ibidem.

своего войска в помощь татарам — тогда они не оккупируют его страну, не будут требовать дани и т. д. На это папа отвечает: «...надо, чтобы каждого христианского князя и вообще все страны мира отталкивал способ спасения своей жизни и жизни его родственников с помощью таких ненавистных и презренных средств, с подчинением небесного земному...», ибо «лучше умереть, чем жить в грехе... Да будет чужда тебе, нашему любимейшему сыну, мысль ради светского счастья или привилегий, ради избежания какой-либо опасности загрязнить самого себя, величие твоей личности таким подлым браком... и, *оторвавшись от тела верующих, заключить союз с неверными нациями,* обменяв, таким образом, имя борца Христа на имя борца неверных»[52]. Но ведь «неверные не имеют веры», следовательно, заключенный с ними союз и брак будет считаться недействительным. После этого в письме идут елейные слова о снисходительности бога, который награждает добрых и наказывает злых, а потому Бела должен верить и надеяться на бога, который спасет его. Прочие просьбы, высказанные венгерским послом, папа выслушал доброжелательно и обещал сделать все, что можно. «Однако,— продолжал он,— не считай унижением твоего королевского величия, если мы не сможем послать тебе тысячу арбалетчиков, которых ты просил от нас в помощь...; на римской церкви лежат такие тяжелые задачи, она страдает под такими тяжелыми долгами..., что не может взять на себя нового бремени...»[53].

В то время как папа столь решительно предостерегал венгерского короля от заключения возможного союза с «неверными», татарский «король» (как известно из малой Эрфуртской летописи) в 1262 г. отправил в Париж к Людовику IX торжественное посольство из 24 знатных татар в сопровождении двух доминиканцев-переводчиков. Летописцу это казалось не совсем естественным, и поэтому он присовокупил, будто послы требовали «чтобы король подчинил себя и всю свою страну татарам: в противном случае они нападут на Францию». После этой не совсем вероятной вставки он продолжает: «Король Людовик, проведя совещание со знатью

---

[52] Ibidem: «...quod abruptus a corpore fidelium et foedo foedere infidelium nationibus fias, de propugnatore Christiani nominis fidelium impugnator...».

[53] Ibidem: «Sane petitiones tuas, quas praefatus nuncius ex parte tua nobis obtulit, audivimus aure benevola, et quas pro tempore et loco potuimus ad exauditionis effectum duximus effectu benignitatis solitiae admittendas. Non tamen ferat indigne sublimatitis regiae altitudo si de mille ballistariorum subsidio, quod a nobis inter cetera postulasti, non est tibi eo, quo requisisti ordine satisfactum... Romanam siquidem Ecclesiam tot premunt arduae occupationis molimina, totque gravant sarcinae debitorum, quod aequanimiter assequi debet, si guum non possit, ad alia onera non assurgit...».

страны, с почетом принял послов в Париже, а затем в мире отправил их дальше к папе Александру»[54]. Следовательно, Людовик IX вел свои переговоры о союзе с монгольским ханом с ведома и согласия папы.

Существовало несколько разновидностей союза с монголами. На наш взгляд, весьма существенна разница между соглашением Даниила или Белы с татарскими ханами и между попытками заключить с ними союз западных государей или папы. Даниил, заключая с татарами договор, и Бела, стремясь к заключению договора с ними, преследовали цель отодвинуть опасность, грозящую полным разорением их странам. Папа и французский король, в отличие от них, вступали в переговоры в корыстных целях, имея в виду агрессию и материальные выгоды.

Положение Венгрии после 1259 г. ухудшилось. Союз Белы IV с Даниилом после капитуляции последнего перед Ордой уже не давал никаких гарантий. В это время, преимущественно в 60-е годы XIII в., венгерский король вступает в непосредственные переговоры с татарами, которые успешно вел сын Белы, младший король Иштван через своего ловкого дипломата Мишкоха Панита. В одной грамоте Иштвана от 1277 г. говорится, что он отвратил «руку татар, направленную уже вооруженно против нас», и приобрел для Венгрии спокойствие[55].

Успех этих переговоров зависел от весьма важного внешнего условия. В 1262 г. по всей Руси вспыхнули мощные восстания против притеснений татарских откупщиков. По свидетельству русских летописей, они «велику пагубу людям творили» и «многы души крестьянскыя» уводили в рабство. Против этих злоупотреблений «бысть вечье (вече) на бесермены по всем градом руским, и побиша татар везде, не терпяще насилия от них...». Городская беднота восстала в Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле, а также в других городах[56].

---

[54] «Anno Domini 1262. rex Tartarorum misit sollempnes nuncios circiter 24 nobiles Tartaros cum duobus fratribus ordinis Predicatorum, qui essent interpretes linguarum, ad regem Francie Ludevicum, ut se et totum regnum Francie dicioni subiceret Tartarorum; alioquin Franciam inpugnaret tempore procedente. Quod Ludowicus rex, habito consilio cum primoribus regni sui, constanter rennuit; ipsos tamen nuncios honorifice Parisius tenuit et eosque ad papam Alexandrum pacifice remisit». (MGSS, t. XXIV, p. 202).

[55] «Ha Deus! que conventio lucis ad tenebras vel quid ad plebem catholicam et devotam cum infidelium communion perfida seu dampnatorum hominum participatione dolosa, vel quid etiam lupos rapaces et perditionis ac dispersionis semper avidos cum pastoris eterni contumelia et agni celestis oifensa ovium gregi mitissimo applicari, vel columbas colubris couniri? Ha Deus! (Wenzel, III, p. 84).

[56] В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, стр. 220—221.

Следовательно, татарские военные силы нельзя было оттягивать с территории Золотой Орды. Именно в то время, когда татары могли считать, что укрепленный тыл дает им возможность вторгнуться в западные области, эти вновь и вновь вспыхивавшие народные восстания мешали их продвижению. Этим и объясняется успех переговоров Мишкоха Панита. Татарские силы слабели и в связи с распадом самой Орды, где образовалась орда Ногая. Ногаю хотелось распространить свою власть на Северное Причерноморье, подчинив галицко-волынские земли [57].

Хотя с 1284 по 1285 г. разорительные «нахожденья» татар возобновлялись, Орда уже не располагала такой силой, как в начале века. Венгрия сравнительно легко отразила удар Телебуги, несмотря на то что в это время она переживала расцвет феодальной раздробленности. Татары не смогли нанести Венгрии новый, решительный удар с целью ее окончательного порабощения, как это соответствовало их военной стратегии.

Таким образом, татарское нашествие 1241 г. не повторилось. Борьбой русского народа Венгрия, как и многие другие европейские страны, была избавлена от нового татарского разорения и ига. Вначале это явилось результатом венгерско-русского союза, позже — последствием народных восстаний на Руси против Золотой Орды.

* * *

L'étude de l'invasion des Mongols en Hongrie, en 1241, traite principalement des relations internationales lors de l'invasion. Elle a pour but d'élucider la raison pour laquelle l'invasion des Mongols en Hongrie n'amena pas le pays à une catastrophe, pourquoi les Tartares n'occupèrent pas le pays pour une longue durée. Selon la stratégie de guerre des Tartares, l'occupation définitive du pays que l'on voulait assujettir n'était achevée, en général, que plusieurs années, parfois même des dizaines d'années après le premier assaut, lorsque les Tartares avaient déjà assuré leur position dans l'arrière-pays. La nouvelle occupation de la Hongrie fut empêchée par la situation incertaine des Tartares en Russie, où les insurrections populaires se renouvelèrent après 1260. Avant cette date l'alliance du roi hongrois Bela IV et de Daniil permit au prince de Galicie-Volhynie résister aux Tartares le plus longtemps. L'étude envisage également l'attitude des puissances occidentales et en premier lieu celle du pape et du roi de France, Louis IX, dans la question mongole, ainsi que l'alliance avec les Mongols, conclue en 1250.

[57] В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, стр. 223.

Н. Н. Усачев

К ОЦЕНКЕ ЗАПАДНЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ СМОЛЕНСКА в XII—XIV вв.

Западные торговые связи Смоленского княжества нашли незначительное отражение в иностранной, дореволюционной русской и советской исторической литературе [1].

Большой вклад в разработку интересующей нас темы внесли исследователи, которые специально занимались вопросами экономики Древней Руси или изучением русско-ливонско-ганзейской торговли (И. Тихомиров [2], М. Н. Бережков [3], А. Сапунов [4], И. М. Кулишер [5]; в советской науке — С. А. Покровский [6], Б. А. Рыбаков [7] и др.).

Меньшее внимание интересующему нас вопросу уделяли немецкие и немецко-прибалтийские историки, так или иначе касающиеся русско-немецкой торговли в средние века.

[1] См. И. М. Красноперов. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV в. ИО. СПб., 1894, т. VII, стр. 81—99; П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895 (особенно глава «Промышленность и торговля», стр. 87—156); Д. П. Маковский. Смоленское княжество. Смоленск, 1948, стр. 140—173, 236—246.

[2] И. Тихомиров. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке. ЖМНП, ч. CLXXXV, 1876, май, стр. 162—174.

[3] М. Н. Бережков. О торговле русских с Ригою в XIII и XIV веках. ЖМНП, ч. CLXXXIX, 1877, февраль, стр. 330—357; его же. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879, гл. III, стр. 89—109.

[4] А. Сапунов. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893, стр. 263—288.

[5] И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923, стр. 98—114.

[6] С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 36—37.

[7] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 104—114, 173, 177—180, 234, 239—240 и др.; его же. Торговля и торговые пути. В кн.: «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1951, стр. 315, 369, особенно 335—341. См. также: Н. Н. Усачев. Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами в XII—XIV вв. М., 1952 (рукопись канд. дисс. хранится в Гос. биб-ке им. В. И. Ленина).

Родоначальники ганзейской историографии Г. Ф. Сарториус и Ю. М. Лаппенберг, выдвинувшие тезис о безраздельном монопольном положении и диктате Ганзы в балтийской торговле, уже упоминали о немецко-смоленских торговых связях[8].

Среди позднейших немецких историков уделил внимание средневековой смоленско-немецкой торговле Л. К. Гётц[9]; старавшийся учитывать соответствующие исследования русских ученых. Но и он оставался верен традициям немецкой националистической историографии.

Положение с источниками, на основании которых можно судить о западном направлении внешнеторговых связей Смоленска XII—XIV вв., весьма сложно. Источники разнообразны по своему характеру (хроники, торговые грамоты, археологические материалы и т. д.), но их, к сожалению, мало[10].

Исключительно важное место занимает обширная договорная грамота смоленского князя Мстислава (Федора) Давыдовича, данная им в 1229 г. Риге, Готланду и немецким городам в связи с заключением с ними торгового договора. Эта грамота известна в литературе и как договор 1229 г., а также под названием «Смоленская торговая правда», которая представляет собой основную часть договорной грамоты Мстислава Давыдовича[11–12]. «Смоленская торговая правда» стала правовой основой торговли западнорусских городов, особенно Смоленска, с немцами[13].

---

[8] G. F. Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. Hrsg. von J. M. Lappenberg, Bd. I. Hamburg, 1830, S. 108—111 и особенно 112—117.

[9] См. L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 231—324; idem. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 447—472.

[10] Имеются в виду монументальные публикации немецко-прибалтийских и русских источников, и прежде всего: «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках». Найдены в Рижском архиве К. Е. Напьерским и изданы Археографической комиссией. СПб., 1857 (далее — «Грамоты XII—XIV вв.»); «Русско-ливонские акты», собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868; «Liv-Est- und Curlandisches Urkundenbuch», Bd. I, Reval — Riga — Moskau, 1853; «Hansisches Urkundenbuch», Bd. I, Halle, 1876 и др.

[11–12] См. РЛА, стр. 420—443. Ср. «Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв.», вып. II, составитель А. А. Зимин. М., 1953, стр. 54—84.

[13] Н. Н. Усачев. «Смоленская торговая правда» как юридическая основа торговли Смоленска с Ригой, Висби и северогерманскими городами в XIII—XIV вв. Сб. «Тезисы докладов научной конференции Смоленского пед. ин-та». Смоленск, 1956, стр. 34—35.

Все остальные официальные документы (грамоты), относящиеся к торговым сношениям Смоленска с другими странами Европы в XIII—XIV вв.[14], хотя и не носят столь самостоятельного характера, как «Правда», но тем не менее тесно связаны с ней.

Написанная на русском языке, «Смоленская торговая правда» 1229 г.[15], однако, истолковывалась обычно в буржуазной литературе как документ немецкой «культуры»[16].

Текст договорной грамоты 1229 г. смоленского князя Мстислава дошел до нас в шести (A, B, C, D, E, F) в разное время составленных списках.

В связи с этим П. В. Голубовский с полным правом утверждал, что договор 1229 г. рассматривался сторонами, его заключившими, «... всегда как основной закон, впоследствии дополнявшийся, но никогда не переменявшийся»[17]. Г. Гильдебранд справедливо считал, что договор послужил «на целые столетия прочной основой для торговых сношений Средней России с Западом»[18]. Практическое значение договор 1229 г. сохранял на протяжении не только XIII, но даже и XIV в. Этим прежде всего и объясняется тот факт, что договор 1229 г. стал нам известен в целом ряде копий-оригиналов, которые могут служить «самым главным источником для истории торговли Смоленска с Западом»[19].

Выяснение времени происхождения каждого списка текста договора 1229 г. породило целую полемику в научной

---

[14] См. РЛА, стр. 451—453; И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863, стр. 223—225 (фототипический снимок так называемой грамоты неизвестного смоленского князя с пергаменного подлинника); А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1893, № 36. Сама грамота неизвестного князя представляет собой проект договора, что разделяется всеми, но вопрос о времени его появления не нашел общего признания, на чем мы остановимся особо. В указанных публикациях встречаются и другие интересующие нас грамоты. См. также: СГГД, ч. II, 1819, стр. 6, 10 и 11; «Грамоты XII—XIV вв.», № IV, VII и VIII; РЛА, стр. 19—23; LUB, Bd. I, № CDCII (492); HUB, I, № 1829 и другие издания.

[15] В. И. Борковский. Смоленская грамота 1229 года — русский памятник. «Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. Гуманитарные науки». Ярославль, 1944, вып. 1, стр. 27—46; С. М. Успенский. Язык смоленских грамот XII—XIV вв. «Филологический сборник Смоленского обл. краеведческого научно-исследовательского ин-та». Смоленск, 1950, стр. 20; А. Д. Ботяков. Синтаксис договора 1229 года как памятника русского языка. Б/м, 1948. Хранится в Гос. биб-ке имени В. И. Ленина.

[16] G. F. Sartorius. Op. cit., S. 112 u. w.; ср. Н. Калачев. Исследования о «Русской правде», ч. I. Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской правды», 2-е изд., СПб., 1880, стр. 259—263.

[17] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 110.

[18] H. Hildebrand. Das deutsche Kontor zu Polozk. «Baltische Monatschrift», 1873, Bd. XXII, S. 51.

[19] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 110.

Мнения о времени появления текстов копий-оригиналов 1229 г.

Редакция *	Списки **	А.А. Куник (1868 г.)	П.В. Голубовский (1895 г.)	Л.К. Гетц (1916 г.)	Н.П. Лихачев (1928 г.)	М.Н. Тихомиров (1941 г.)	В.И. Борковский (1944 г.)	А.Д. Ботяков (1948 г.)	А. А. Зимин (1953 г.)
Вторая (или Готландская)	A		Между 17 января и мартом 1229 г. Представляет собой действительный оригинал Смоленской торговой правды [3]		Принадлежит князю Федору Ростиславичу, и есть такая же копия с договора князя Мстислава, как и редакция «В» [10]		После 25 марта 1229 г. [15]		В январе-феврале 1229 г. [23]
	B		В конце XIII — начале XIV в., при Александре Глебовиче; представляет собой сп. А [4]		Выдан Александром Глебовичем около 1300 г. [11]		После сп. А [16]	В княжение Александра Глебовича (1297—1313) [18]	Сделан при Александре Глебовиче, княжившем в Смоленске в 1297—1313 г. [24]
	C	Позже списка В [1]	Между 1230 и 1297 гг. Сделан со сп. А, но ранее снят с экземпляра В [5]					Около 1232 г. [19]	Очевидно, принадлежит сыну князя Александра — Ивану Александровичу (княжил в 1313—1358 гг.) [25]

Первая (или Рижская)	Д	Конец XIII в. [2]	Не ранее 1274 г. Есть позднейшая копия с древнейшего сп. Смоленской торг. правды с позднейшими прибавлениями [6]	Старорусский сп. Д во многих частях более истинно-старорусский, чем А [9]	Принадлежит князю Глебу Ростиславичу (1270—1277). Скопирован с текста [12]		Составлен вскоре после сп. А, но официально признан в последней четверти XIII в. [17]	До 1270 г. [20]	Составлен в 70-х годах XIII в. [26]
	Е		Не ранее 1274 г. и до 1358 г. Копия с протографа экземпляра Д [7]			Мог возникнуть только после монгольского нашествия [13], а оригинал его не мог восходить ранее середины XIII в. [14]		Около середины XIV в. [21]	Составлен в 70-х годах XIII в. [27]
	F*** (G)		Не ранее второй половины XIII в. Копия с протографа экземпляра Д [8]					Скопирован со списка Д [22]	До 1270—1277 гг. [28]

* Впервые такая разбивка на редакции была произведена А. А. Куником в его Приложении № 1 к РЛА.

** Имеются в виду обозначения списков договора 1229 г., как они даны в РЛА, стр. 420—443 [сп. А, В, С, Д, Е, F (G)].

*** Эти списки считаются тождественными (см. РЛА, стр. 417; «Памятники права»..., стр. 55).

[1] РЛА, стр. 414. [2] Там же, стр. 410, 415. По М. А. Дьяконову — раньше экземпляра В (см. М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912, стр. 27). [3] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 138—139. [4] Там же, стр. 116, 131. [5] Там же, стр. 132. [6] Там же, стр. 121 и сл. 132. [7] Там же, стр. 132. [8] Там же. [9] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, S.298. [10] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, стр. 23. [11] Там же, стр. 23 и 30—31. [12] Там же, стр. 25. и сл., 55. [13] М. Н. Тихомиров. Исследования о «Русской правде». М.—Л., 1941, стр. 146; прим. 4. [14] Там же, стр. 145. [15] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 33—34. [16] Там же, стр. 39. [17] Там же стр. 46. [18] А. Д. Бутяков. Указ. соч., стр. 166. [19] Там же, стр. 148. [20] Там же, стр. 163. [21] Там же, 166. [22] Там же, стр. 167. [23] «Памятники права...», стр. 54. [24] Там же, стр. 56. [25] Там же. [26] Там же, стр. 55. [27] Там же. [28] Там же; А. А. Зимин излагает краткую историю появления текста смоленского договора 1229 г. и его списков (см. там же, стр. 54—56).

литературе, итоги которой (с середины XIX в. до наших дней) можно наглядно представить по нашей таблице (стр. 206—207).

Принимая отмеченные в таблице хронологические рамки возможного появления списков [A, B, C, D, E. и F (G)] договора 1229 г., мы тем самым допускаем распространение действий и значения его основных юридических норм в торговле смольнян с немцами по крайней мере до второй половины XIV в. О том, что договор 1229 г., несмотря на перерывы в торговле, действовал и сохранял силу даже в конце XIV в., мы с достоверностью узнаем хотя бы из переписки рижских послов в Литве с советом Риги.

В одном из писем конца XIV в. эти послы запрашивали мнение рижского совета о том, как им относиться к «Смоленскому договору», ибо «в нем написано, что русские имеют право плавания от Готланда к Травне»[20]. Действительно, статья 18 (20) договора 1229 г. формулирует это право буквально так: «Тако Русиноу ехати из Гочкого берега дь Травны»[21]. Совершенно очевидно, что в данном случае речь шла только о договоре 1229 г., который все еще сохранял свою силу и в конце XIV в.

Обращение к данному документу было еще реальной потребностью для деловых людей той поры. В обнаруженном в 1840 г. Калайдовичем юридическом сборнике второй половины XIV в. текст договора 1229 г. был помещен рядом с «Русской правдой». Такой сборник мог быть составлен, как полагают исследователи, для какого-то частного лица, нуждающегося по роду своих занятий в юридических справках из важнейших имеющих действие и силу законов его времени[22].

Следовательно, мы имеем достаточно оснований утверждать, что договор 1229 г. среди прочих юридических древних актов сохранял свою правовую силу до конца XIV в.

Совокупность богатых археологических и более скудных письменных данных убеждает нас в раннем развитии материальной культуры древнего Смоленска, особенно в XI—XIII вв., когда он вырастает в один из крупнейших древнерусских городов[23].

---

[20] РЛА, стр. 97, № CXXVI.

[21] Там же, стр. 432, § 18(20)в (сп. А).

[22] См., например: М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской правде». М.— Л., 1941, стр. 143.

[23] М. Н. Тихомиров. Города Древней Руси, изд. 2, М., 1956, стр. 354—355; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.— Л., 1948; его же. Ремесло, в кн.: «История культуры древней Руси», т. I, стр. 78—182,

Внешние торговые сношения древнего Смоленска завязались очень рано. Приведя соответствующие данные, Б. А. Рыбаков намечает для Киева IX—XI вв. «два мощных потока, направленных на Запад: первый — через Волынь, Краков на Прагу и Регенсбург, а второй — *через Смоленск, Новгород,* Ладогу и *польские и вендские города Южной Прибалтики*» (курсив наш.— *Н. У.*) [24].

«Путь в немцы», который шел из Днепра через небольшой волок в Западную Двину и Рижский залив «моря Варяжского», хорошо был известен нашим древним летописцам. Особенно оживает этот путь на рубеже XII—XIII вв., когда в связи с расколом Древнерусского государства на ряд самостоятельных феодальных княжеств возрастает местный интерес земель к внешней торговле.

Приблизительно около этого времени в Смоленске, вероятно, и появилась «немецкая слобода». Очевидно, из числа немецких купцов, часто посещавших город и подолгу живших в нем, был тот богатый «Лудольф из Смоленска», о котором упоминает Генрих Латвийский как о представителе посольства русских князей, направленном в Ригу в 1210 г. [25]

Неопровержимым свидетельством ранних и прочно установившихся смоленско-немецких торговых сношений является, конечно, и упоминание о немецкой церкви в Смоленске в договоре 1229 г. [26]. По-видимому, смоленские купцы установили свои связи с немцами гораздо раньше «основания» Риги (1201 г.) и вряд ли позже второй половины XII в., когда немецкие купцы появились на своих кораблях в Восточной Прибалтике. Предприимчивые и умудренные многовековым опытом плавания не только по рекам, но и по морю, купцы Смоленска могли издавна ездить на своих «учанах» на остров Готланд (подобно тому, как много раньше они появлялись со своими «однодеревками» в Константинополе) [27] и, очевидно,

---

особенно стр. 101, 105, 114, 117—119, 145, 153, 169 и 180; Торговля и торговые пути, там же, стр. 315—369, особенно стр. 330, 341, 347 и 362—363; Д. П. Маковский. Смоленск с древних времен до XVIII века, в кн.: Д. П. Маковский и В. С. Орлов. Смоленск с древних времен до XX века. Смоленск, 1948, стр. 5—54; Д. И. Белогорцев. Архитектурный очерк Смоленска. Смоленск, 1949; его же. Новые исследования древнесмоленского зодчества. Сб. «Материалы по изучению Смоленской области». Смоленск, 1952, стр. 87—126.

[24] Б. А. Рыбаков. Ремесло, стр. 480.

[25] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского (далее — Генрих). М.— Л., 1938, стр. 124; ср. М. Н. Бережков. О торговле русских с Ригою в XIII—XIV вв., стр. 333.

[26] «...а другая у латинской церкви...» [сп. А, § 32(29) — РЛА, стр. 436] или «...а другая в немецьской Богородици...». (сп. Д, §29 — РЛА, стр. 437).

[27] Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8—10.

достигали собственно немецкой земли еще на рубеже XI—XII вв.

Главный торговый путь между Смоленском и Висби мог пролегать по системе рек Днепр — Западная Двина и по Балтийскому морю. Этим путем и впоследствии смоленские купцы на своих «ладьях» и «учанах» обычно плыли вниз по Днепру до того места, где он ближе всего подходил к истокам Каспли, до которой затем добирались волоком. По Каспле купцы попадали в Западную Двину, и, минуя Витебск, Полоцк и Ригу, достигали Балтийского моря. Нередко смоленские купцы добирались со своими товарами до Каспли или даже до Витебска гужевым транспортом. Зимний санный путь на большом протяжении шел, вероятнее всего, по замерзшим руслам тех же рек. Этим же путем и таким же способом прибывали немецкие купцы в Смоленск [28].

В начале XIII в. Смоленск стремится не только расширить внешнеторговые связи, но и сделать их более устойчивыми, надежными. Впервые такой случай представился Смоленску уже в 1210 г. В это время «вечный мир» с немцами заключил Полоцк [29], тесно связанный в ту пору со Смоленском. Смоленск не мог остаться в стороне от этого мира [30].

Заключенное соглашение имело также целью, как сообщает Генрих, «открыть купцам взаимный доступ» друг к другу. Он был открыт и смоленским купцам. Подтверждение этому можно видеть уже в собственно смоленских источниках официального и торгового характера, одним из которых является «проект договора» неизвестного смоленского князя с Ригой, Готландом и немецкими городами, предшествовавший, как мы покажем ниже, договору 1229 г. и послуживший ему прототипом. В этом документе имеется одна любопытная статья, которая представляет собою своеобразную ссылку неизвестного смоленского князя на предыдущие соглашения или установления с немцами, какие были при его «...отци, при Мьстиславе Романовици и при» его «брате при Мьстиславе»... [31]. Соглашения с немцами могли произойти при Мстиславе Романовиче (1197—1212) [32]. Это соответствует гипотезе об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г. «Вечный мир» 1210 г., как видно из описанных Генрихом последующих

---

[28] См. РЛА, стр. 25—28.

[29] См. Генрих, стр. 124; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли XIV столетия. Киев, 1896, стр. 221.

[30] Подробнее см. Н. Н. Усачев. Об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г. «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та», вып. V. Смоленск, 1957, стр. 201—221.

[31] РЛА, стр. 452.

[32] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 134, 185 и 291.

событий на западнодвинском торговом пути, был затем (после битвы на Калке) подтвержден русскими и немцами.

Состоявшееся в это время, т. е. в 1223 г.[32а], возобновление мира, по словам хрониста, представляло повторение того, который «заключен был уже ранее». Но до этого ни о каком другом мире русских с немцами у хрониста речи не шло, кроме «вечного мира» 1210 г. Смоленск в сообщении о возобновлении мира не только прямо упомянут, а и выставлен на первый план: «Тогда король Смоленский, король Полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить мира. И возобновлен был мир, во всем таким же, какой уже был заключен ранее»[33].

Укрепивший свою власть в Подвинье[34] Смоленск, вероятно, выступил со своим «проектом договора», который, однако, по каким-то причинам не был подписан немецкой стороной. Этот «проект» дошел до нас[35] с ссылкой на Мстислава Романовича, предшественника неизвестного князя. Таким образом, оба источника («Проект» и «Хроника» Генриха) весьма созвучны, причем ссылаются они, безусловно, на один и тот же «вечный мир» 1210 г.[36], который был возбновлен в 1223 г.

Сторонники другого взгляда, установившегося с легкой руки П. В. Голубовского, считают, что договор 1229 г. уже в первое десятилетие после его заключения был пересмотрен и будто бы это могло случиться при смоленском князе Всеволоде Мстиславиче (т. е. в 1239—? гг.). С именем этого князя, по их утверждениям, и связано появление грамоты, которая фигурирует в литературе как грамота неизвестного смоленского князя[37]. Она же известна и как «проект договора», поскольку на ней сохранилась одна печать с неясным начертанием имени какого-то смоленского князя.

А. Д. Ботяков в специальном разделе своей работы[38], посвященном выяснению исторических условий возникновения «проекта договора смоленского князя», с достаточными основаниями утверждает, что он не мог появиться после договора 1229 г., а, скорее, предшествовал ему.

Этой мысли созвучны выводы, которые высказал

[32а] Генрих ошибочно датирует битву на Калке 1222 г.

[33] Генрих, стр. 210.

[34] В. И. Пичета. Образование белорусского народа. ВИ, 1946, № 5—6, стр. 19.

[35] См. РЛА, стр. 451—453.

[36] Ср. Н. Н. Усачев. Об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г., стр. 218.

[37] См. В. П. Голубовский. Указ. соч., стр. 175 (№ 1 О), 205 и др.

[38] А. Д. Ботяков. Указ. соч., гл. 3, § 5.

М. Н. Тихомиров[39]. Он нашел, что тексты второй редакции договора 1229 г. весьма близко стоят к «Русской правде». При этом «особую близость к тексту Пространной правды», по его мнению, обнаруживает «проект договора», который он, однако, по традиции относит к 1234 г. Между тем, по словам М. Н. Тихомирова, «почти полное тождество постановлений проекта договора и Пространной правды не нуждается в комментарии». Уже в этой связи невольно задумываешься над тем, что «проект» — более ранний памятник, чем договор 1229 г. По-видимому, этим в известной мере и объясняется то, что замечательная терминология смоленского договора, в особенности проекта 1234 г., как подчеркивает М. Н. Тихомиров, чрезвычайно напоминает Пространную правду, которая появилась раньше этих памятников и, несомненно, являлась для них одним из источников. Следовательно, «проект» мог послужить источником для договора 1229 г. В пользу этого говорит и известное несовершенство «проекта» в сравнении с договором 1229 г. Это подметил еще Гётц, хотя он и относил его без каких-либо доказательств к 1250 г. «Проект» в сравнении с договором 1229 г. характеризуется им как «более короткий... и немного незаконченный»[40]. На это же обратил внимание и А. Д. Ботяков, который выяснил исторические условия возникновения «проекта» и договора 1229 г.[41].

А. Д. Ботяков резонно возражает П. В. Голубовскому, что «проект» не мог появиться вслед за договором 1229 г., как тот предполагает, а, скорее, предшествовал ему. Трудно предполагать, чтобы преемники Мстислава Давидовича (даже в условиях пережитого Смоленском в 1230 г. голода из-за неурожая) пошли на пересмотр заключенного в 1229 г. и оправдавшего себя договора, чтобы предпринять попытку нового соглашения. Кроме того, все новые требования в «грамоте неизвестного князя» относятся только к Смоленску и не считаются с фактом безусловной зависимости от него Витебска и Полоцка, установившейся еще до 1229 г. и, несомненно, существовавшей в течение последующих ближайших десятилетий. Существенным возражением Голубовскому является и то, что слова, приведенные в «грамоте неизвестного князя» («при моем отце и моем брате Мстиславе»), как отмечал А. Д. Ботяков, могли быть сказаны не Всеволодом Мстиславичем и выражать не прямые родственные связи. Наконец, А. Д. Ботяков считает, что «если вообще относить появление договора неизвестного смоленского князя (список «К»

[39] М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской правде», стр. 220—224.

[40] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge..., S. 334.

[41] См. А. Д. Ботяков. Указ. соч., гл. 3, § 5, особенно стр. 147—167.

у Голубовского) к первому десятилетию, то нельзя найти убедительного ответа на целый ряд существенных вопросов, возникающих в связи с этим».

Таких вопросов у А. Д. Ботякова поставлено пять. Прежде всего, непонятно нарушение порядка следования статей, логически связанных между собой в договоре 1229 г. и разорванных в «проекте». При этом некоторые статьи, изложенные в договоре 1229 г. в первоначальном тексте «проекта», здесь отнесены в конец и выступают (наряду с указанными отдельными постановлениями — пунктами, статьями) как бы позднее добавленными к ранее имевшемуся тексту (например, §§ 11, 12, 20). Далее, почему после изложения первых десяти статей «проекта», соответственно совпадающих с договором 1229 г. (в обеих редакциях), составитель находит необходимым записать: «Тако межи себе оустановим»[42], как будто за десять лет до этого те же самые статьи не были согласованы и утверждены, или теперь они находились в специальном подтверждении, либо даже требовали нового обсуждения? Как отмечает Ботяков, возникает также неясность в связи с тем, что составитель ограничивается записью: «А на волоце, како то есть пошло»[43], возможной либо при условии, что соответствующие постановления договора 1229 г. [см. §§ 15, 33(16), 27(17), 16(18)], имеющиеся в обеих редакциях, прочно вошли в повседневную практику, стали обычными и не было надобности в их изложении, либо при условии, что письменного изложения этих норм еще не было, хотя уже имелась известная традиция достаточно продолжительной практики. Трудно также объяснить, заявляет исследователь, наличие непосредственной связи некоторых статей «проекта» по своим лексическим особенностям (например, §§ 1а, 3с и др.) с «Русской правдой» и известных соответствий постановлениям договоров русских с греками, несмотря на то, что аналогичные статьи сформулированы и в тексте договора 1229 г. (в обеих редакциях).

Наконец, А. Д. Ботяков ставит вопрос о том, как понять при предложенном П. В. Голубовским толковании противоречия, вытекающие из некоторых несоответствий трактовок отдельных положений в статьях наших документов. В частности, указывается на несоответствие статьи «проекта»: «А како боудеть... гость..., а мне его по доуме поущати»[44] аналогичным санкциям, зафиксированным в статьях [§ 18 (20)] договора 1229 г. В конечном счете совокупность рассмотренных А. Д. Ботяковым данных позволяет ему сделать достаточно обосно-

[42] РЛА, стр. 452.
[43] Там же.
[44] Там же.

ванный вывод, что грамота так называемого «неизвестного смоленского князя» принадлежит не кому иному, как Мстиславу (Федору) Давыдовичу (1219—1230), а самый текст ее явился проектом договора, предложенного им немцам вскоре после 1223 г.

И действительно, даже при беглом сопоставлении текстов наших памятников становится очевидным, насколько юридически менее совершенен и строен «проект» по сравнению с договором 1229 г. Трудно допустить, чтобы более позднее письмо могло быть менее совершенным в изложении. Вероятнее всего, грамота неизвестного смоленского князя могла быть для договора 1229 г. только прототипом, проектом для его оформления.

Таким образом «Смоленская торговая правда», вошедшая в договор 1229 г. [45] и составившая затем основу доганзейских и раннеганзейских торговых сношений Смоленска с Ригой, Висби и северогерманскими городами в XIII—XIV вв., появилась не на пустом месте, а на достаточно подготовленной почве. Инициаторы и авторы договора 1229 г., смольняне хорошо продумали условия, прежде чем направили в Ригу «своего лоучьшего попа Еремея и с нимь оумьна моужа Паньтелея», чтобы «утвердить мир» на основе данной ими «Правды». При этом смольняне старались создать такую юридическую основу соглашения «ажьбы мир был и до века; и оурядили пак мир, како было Роусьи любо и всемоу Латиньскомоу языкоу, кто в Роусь гостить» [46],— как сказано во вступлении. И действительно, русские авторы написали такую «Правду», в которой ясно и приемлемо для обеих сторон говорилось: «како то дерьжати Роусьи с Латиньскимь языкомь правдоу, а Латиньскомоу языкоу с Роусью дерьжати правдоу...» [47].

Условия взаимного равноправия, положенные в основу всего договора 1229 г., сначала обеспечили его принятие, а затем и обоюдовыгодные торговые сношения заинтересованных сторон.

В документе почти нет статей, которые не отражали бы паритетных начал и взаимных выгод торгующих сторон, подписавших этот знаменательный для своего времени международной акт. В том, что в этом памятнике нет условий, выгодных лишь одной стороне, Ф. Фортинский справедливо видел одно из важных преимуществ договора 1229 г. перед всеми известными документами этого рода той поры [48].

[45] См. РЛА, стр. 440, § 35(37) с (сп. А).
[46] Там же, стр. 420 (вступление) (сп. В).
[47] Там же, стр. 422 (сп. В).
[48] Ф. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877, стр. 364—365.

По-иному к этому факту отнесся И. М. Кулишер, утверждавший, что, «хотя весь упомянутый договор построен на принципе взаимности и в каждой статье за правом, предоставляемым «латинескоу» на Руси, следует то же право, устанавливаемое в пользу «роусина» в «Ризе и на Гочком березе», тем не менее из ряда... статей договора можно усмотреть, что в действительности имеются в виду лишь немцы на Руси, но не русские в Риге или на Готланде» [49]. Поэтому автор стремился «вывести предположение, что на первом плане стояла торговля немцев в русских областях, тогда как торговая деятельность русских даже в ливонских городах и на Готланде имела меньше значения» [50].

Политику диктата не прочь было осуществлять в XIII в. северогерманское купечество. Но провал политики «натиска», вынудил северогерманских купцов заключить равноправные торговые договоры [51].

Тот факт, что в основу договора 1229 г. была положена «Русская правда», свидетельствует, что юридические основы русского права оказались достаточно совершенными и более приемлемыми, чем немецкие, для обеих договаривающихся сторон.

Из общего принципа взаимности договора 1229 г. вытекало и решение более частных вопросов, связанных с практическим осуществлением торговых сношений сторон.

Соглашение о взаимно беспрепятственном проезде по водному («низом») и сухопутному («верхом») пути купцам каждой стороны до места конечного торгового пункта другой договаривающейся стороны и обратно было, конечно, важнейшим условием (дать купцам «свободен путь», «а рубежа не деяти» или «не бороните», «а путь им чист»).

Вместе с тем право проезда связано и с другими условиями, которые обеспечивают известную свободу торговли. Мы встречаем статьи о значительных правах по покупке и продаже товаров на чужбине. В проекте договора эти вопросы сформулированы более слитно и в общем виде (например, общее право беспрепятственного проезда объединено с правом беспошлинного проезда купцов со своими товарами), в то время как в договоре 1229 г. эти условия нашли известную дифференциацию и получили более четкое толкование [52].

---

[49] И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли, стр. 105.

[50] Там же, стр. 106; ср. G. F. Sartorius. Op. cit., S. 115—117, 123—124.

[51] См. В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, стр. 109—110; ср. Н. Н. Усачев. Об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г., стр. 213.

[52] Ср. РЛА, стр. 451—452 («Проект») и стр. 432, § 17 (19) и 18 (20).

Обе стороны были обязаны соблюдать согласованные договором, подтвержденные и скрепленные условия торговли. В конце договора 1229 г. добавлена специальная статья об отношении к тем, кто вздумает пренебречь соглашением не только в целом, а даже любым его частным установлением. В ней весьма выразительно говорится: «который Роусин, или Латинескыи противоу сее правды молвить, того почьсти за лихии моужь» [53]. Смольняне вели активную торговлю с ганзейским купечеством. Их поездки за море, по крайней мере до Любека и реки Травны, подтверждаются соответствующими статьями «проекта» и договора 1229 г., а также последующими актами. В проекте договора имеется статья, которая свидетельствует, что требование «чистого пути» — отнюдь не условно, а отражает живую потребность обеих сторон, реальную практику их торговой жизни. В статье прямо говорится: «А места на корабли вольная, как Немечичю, тако и Смолнянииноу» [54]. И спустя полстолетия, витебский князь Изяслав в 1264—1265 гг. требовал свободы поездок для своих купцов «в Любьце» (без «рубежа») [55].

Гарантии «чистого пути», вытекающие из договора 1229 г., представляли собой реальное право свободного проезда купцам по сухопутным дорогам и водным путям «из Готьского берега... до Смольньска». «Тако Русину ехати из Гочкого берега... дъ Травны» [56].

Взаимное право «чистого пути», отраженное в договоре 1229 г., распространялось не только на основную торговую магистраль от Смоленска до Висби и Любека или от Травны и Готского берега до Смоленска: оно сохраняло свое значение и для передвижения купцов со своими товарами внутри земель договорившихся сторон, хотя полной ясности в этом отношении на основании § 18 (20) договора 1229 г. мы не имеем.

В частности, относительно права поездок немцев в пределах Смоленской земли мы встречаем только следующее: «Аже Латинеский (купец.—*Н. У.*) оусхочеть ехати и — Смольнеска... своймь товаромь в йноу стороноу, про то его князю не держати, ни иномоу никомоуже» [57]. Вероятно, здесь идет речь о предоставлении права на беспрепятственный проезд «латинским» купцам с их товарами через территорию Смоленского княжества. В этом смысле трактовалась соответствующая статья и в проекте договора. «А како боудеть,— говорится в ней,— Немьчьскыи гъсть Смоленьске, а почьнеть ся кто от них про-

[53] РЛА, стр. 442 «е» (в «концовке» список А, В, С).
[54] Там же, стр. 451.
[55] Там же, стр. 13, XXV в.
[56] Там же, стр. 437, § 31 (сп. Д) и стр. 432, § 18(20) (сп. А).
[57] Там же, стр. 432, § 18 (20)а (сп. А).

сити выноую землю, то како то было при моемь отци, при Мьстиславе при Романовици, и при моемь брате, при Мьстиславе, о нем ся прашати, а мне е по доуме поущати»[58]. В более поздних документах и рассматриваемое нами право (как право транзита) также трактуется в духе договора 1229 г.[59]

В соответствии с такого рода понятием права проезда иностранных купцов «въиноую землю» находятся и известные свидетельства о торговых связях Суздаля и Москвы в XIII—XV вв. с купцами северогерманских городов[60]. Торговые пути этих городов на Запад не могли миновать территорию Смоленского княжества[61].

Транзитное право проезда русских купцов с их товарами в собственно немецких землях сформулировано во второй части той же § 18 (20). «Тако [т. е. «точно таким же образом»][62] Роусиноу ехати из Гочкого берега дъ Травны»[63].

§ 34 (36) договора 1229 г. трактует о свободном плавании по Двине. В ней говорится: «Пискоуп Ризкии, мастьр божьих дворян, и вси земледержци, ти дають Двиноу свободноу, от вьрхоу и до низоу в мъре, й по въде и по берегоу, всемоу Латинескомоу языкоу й Роуси кто правыи купьчь есть, от моря даемо свободно, кто хочете по Двине ехати оу вьрх или оу низ»[64]. Поскольку статья предоставила немцам и русским одинаковые права на Двине, она не нарушила общего духа взаимности и паритета сторон[65].

К этой статье, примыкает и та, где рассматривается вопрос о торговых пошлинах. «Всякому Латинескомоу человекоу свободен путе из Гочкого берега до Смоленска без мыта. Тая правда есть Роуси из Смольнеска до Гочкого берега»[66]. Статья говорит о беспрепятственном и беспошлинном проезде купцов обеих сторон.

---

[58] Там же, стр. 452; Ср. С. М. Успенский. Указ. соч., стр. 125; см. А. Д. Ботяков. Указ. соч., стр. 154.

[59] Правда, в списках договора 1229 г. Рижской редакции (D, E, F) говорится не о праве поездок «въ иноу стороноу», а о поездках со «своимь товаром въ ин город» (см. РЛА, стр. 433, § 20). Такая формулировка не исключала и городов за пределами Смоленского княжества.

[60] См. упоминания об этом в «Рижской долговой книге» под № 1770 (от 1287 г.) и РЛА, № 266, стр. 236.

[61] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути, стр. 348.

[62] См. С. М. Успенский. Указ. соч., стр. 130.

[63] РЛА, стр. 432, § 18 (20)в (сп. А).

[64] Там же, стр. 438 и 440 (сп. А).

[65] В списках D, E, F договора 1229 г.: Епископ «же Рижьскыи Фолкоун, мастер божьих дворян, и вси волостелеве по Рижьскои земли, дали Двиноу волноу» и т. д. (РЛА, стр. 439 и 441 — сп. Е).

[66] РЛА, стр. 436, § 25 (31)а и в (сп. А); ср. стр. 432, § 17 (19) (сп. А, В, С); стр. 433, § 19а и в (сп. D, E, F), § 18(20) (сп. А. В, С) и § 20 (сп. D, E, F).

Любопытна одна деталь: если немецкие купцы на пути от Риги до Смоленска освобождались от платежа мыта и могли продавать свои товары в Смоленске «свободно», «без... борони», то при покупке и взвешивании на городских весах определенных товаров они обязаны были платить «весчую» пошлину [67]. Это касалось только таких товаров, как воск [68], золото [69] и серебро в поделках («соуды серебренные») [70], в гривнах [71] и шедшее в переплав («серебро пожигати») [72]. Односторонний характер этих статей объяснялся заботой Смоленска о накоплении у себя драгоценных металлов [73].

Воспользовались смоленские власти и возможностью сбора с немцев «весчей» пошлины при взвешивании воска, который был ходовым товаром [74]. Взималась ли «весчая» при продаже других товаров и в каком размере, в договоре не сказано. По-видимому, на этот вопрос следует ответить отрицательно.

В § 21 (30) говорится: «Латинескомоу есть вълно оу Смольнеске, которыи товар хъчьть коупити, бес пакости. Тако делаїти Роуси оу Ризе и на Гочкомь березе» [75]. Как видно, здесь речь шла об обязательности договора для обеих сторон.

Кажется, до покорения татарами в 1275 г. Смоленского княжества у сторон, заключивших договор 1229 г., не было необходимости пересматривать его. Не знаем мы до 60-х годов XIII в. и исторических фактов, которые могли бы указать

---

[67] Настоящее постановление отнюдь не исключает ст. 21 (30) договора 1229 г. о вольной покупке любого товара «без пакости» и почти не урезывает ее, так как касается особо ценных товаров.

[68] «Латинескомоу дати от двою капию въску весцю коуна Смольнеская»,— читаем в ст. 27 (24). См. РЛА, стр. 434 (сп. А).

[69] «Коупить Латинескыи гривноу золъта, дасть весити, дати емоу весце ногата Смольнеская. Аже продасть, не дати ничегоже» [РЛА, § 28 (25) а и в (сп. А)].

[70] «Аже Латинский коупить соуды серебреные, дати емоу весцю от гривны серебра по ногате Смольнескои. Аже продасть, не дати ничегоже» [РЛА, стр. 434 и 436, § 29 (26) а и в (сп. А)].

[71] «Аже Латинеский коупить гривну серебра, дати емоу вьсцю две векши. Аже продасть, не дати ничего же» [РЛА, стр. 436, §30 (27) (сп. А)].

[72] «Аже Латинеский дасть серебро пожегати, дати емоу от гривны серебра коуна Смольнеская» [РЛА, стр. 436, § 31 (28) (сп. А)].

[73] Еще Н. М. Карамзин писал, что «предки наши, давая им (немцам.— *Н. У.*) свободу и права в России, не забывали собственных выгод. Таким образом, увольняя чужеземных гостей, продавцов серебра и золота от всякой пошлины, хотели через то умножить количество ввозимых к нам металлов драгоценных» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1818, стр. 215).

[74] Ср. Н. Н. Воронин. Жилище. В кн.: «История культуры древней Руси», т. I, 1951, стр. 232.

[75] РЛА, стр. 436 (сп. А).

на нарушение данного договора или на разрыв торговых сношений между Смоленском и немцами [76]. Правда, известные перебои могли быть, поскольку торговля шла через Полоцк и Витебск. Об этом свидетельствует факт заключения полочанами в 1264—1265 гг. двух аналогичных договоров с Ригой [77]. В то же время в обоих полоцко-рижских договорах мы встречаем намеки на подтверждение прежних условий торговли, т. е. тех, которыми пользовались полочане в торговле с немцами наряду со Смоленском по договору 1229 г.

Это можно понять из следующих слов одного из договоров: «На семь к мне целовати крест в правду, любовь имети и мир, как было при первых князьях Полочьскы[х]. Полочаном, Видьбляном волное торгованье в Ризе, на Готьскомь бере[зе] и в Любьце. А рубежа не деяти» [78]. То же можно видеть и в словах другого договора: «А старому миру стояти», и выше: «Верху того, Немечькому гостю в Полочьскую волно ехати торговати, купити и продати. Такоже Полочаном и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берег» [79]. Следовательно, ни немцы, ни смольняне не испытывали необходимости в каких-либо новых подтверждениях договора 1229 г., который все еще сохранял свою силу с момента его подписания [80].

И только в 70-х годах XIII в. новое подтверждение договора 1229 г. стало неизбежным в силу изменений политических условий. Тормозящее влияние на торговлю смольнян с немцами прежде всего оказало вмешательство Ливонского ордена. По воле орденских властей в 1270 г. западнодвинский путь был объявлен закрытым из-за якобы постоянно совершающихся ограблений немецких купцов русскими [81]. Затем Орден под тем же предлогом предпринял в 1277 г. попытку ограничить торговлю немцев пределами Ливонии, исключив из сферы их торговых сношений рынки Руси [82].

Кроме того, в 70-х годах Смоленск стал более заметно ощущать на себе влияние власти Орды. Об этом красноречиво свидетельствует особая приписка к договору 1229 г., внесения которой, должно быть, добились в конце 70-х или в начале 80-х годов немцы при новом возобновлении или подтверждении ими договора [83]. В этой приписке говорится о необходимости ограждения немцев в Смоленске от татарских постоев в тех

[76] Ср. А. Д. Ботяков. Указ. соч., стр. 171.
[77] Ср. РЛА, стр. 13, № XXVa и в.
[78] Там же, стр. 13, № XXVв.
[79] Там же, стр. 13, № XXIVa.
[80] В Смоленске не встречаем мы и известной практики подтверждения соглашений каждым новым князем.
[81] LUB, Bd. I, № 418, p. 531.
[82] Ibid., № 452, p. 566—567.
[83] Ср. А. Д. Ботяков. Указ. соч., стр. 165.

дворах, где они проживают [84]. Приписка могла быть сделана только после появления татар в Смоленске, т. е. после 1275 г.

Вмешательство Ордена в смоленско-немецкие торговые дела и появление татар привели к некоторым затруднениям в торговле.

О расстройстве нормальных торговых сношений русских с немцами на западнодвинском пути в эту пору свидетельствует и известная жалоба рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу на «обиды», которые чинились в его княжестве немецким купцам [85]. Возможно, что здесь речь отчасти идет о тех ответных репрессиях за притеснения, которым подвергались русские, витебские купцы со стороны Ордена. Об этом своим посланием витебский князь Михаил Константинович и ставил в известность смоленского князя Федора Ростиславича, как можно заключить из письма митрополита Риги [86].

Витебский князь обратился к смоленскому, вероятно, потому, что тот по-прежнему считался верховным судьей для витеблян в Подвинье. Именно поэтому и митрополит рижский в завязавшемся споре с витебским князем об «обидах» также счел нужным обратиться «ко своему милому сынове, князю великому Феодору», как он его называет [87].

При создавшихся условиях витебский князь Михаил Константинович принял весьма действенные меры против немцев; он сохранил за ними лишь право приезжать в Витебск и проезжать через него в другие города, запретив, однако, торговать им в своем княжестве с приезжими купцами. Ратманы пишут витебскому князю: «Мы тобе поведываем другую обиду, у чомь то еси неправду деял, както ныне новую правду ставишь, както есме не чювали от отчов, ни от дедов, ни от прадедов наших. Аже ты велишь кликати сквозе торг: гость со гостемь не торгуи!» [88].

Видимо, бесперебойных торговых сношений по западнодвинскому пути между русскими и немцами в конце 70-х — начале 80-х годов не было. В связи с этим смоленский князь Федор Ростиславич обратился с грамотой к рижскому епископу, магистру и ратманам с предложением подтвердить прежние условия торговли о беспрепятственных сношениях между смольнянами и немцами [89]. Подтверждение договора 1229 г. было сделано князем в грамоте 1284 г. лишь в общих чертах.

---

[84] РЛА, стр. 443—445 (сп. D).
[85] Там же, стр. 26—28, № XLIX.
[86] Там же, стр. 18, № XXXIV.
[87] Если митрополит в своем послании титулует смоленского князя «великим», то витебского он именует лишь «наместником» первого.
[88] РЛА, стр. 26—27. № XLIX.
[89] См. СГГД, ч. II. М., 1819, стр. 6 (III).

Так, мы читаем в ней: «Поклон от князя от Федора к Пискоупоу и к Мастероу и к Ратманом. Што боудеть нам речь с Пискоупомь, или с Мастеромь, то ведаемся мы сами; а вашомоу гостеви семо боуди поуть чист, а нашомоу гостеви боуди к вам поуть чист; а роубежа не деяти, ни нам в себе в Смоленьске, ни вам в себе в Ризе и на Гоцьскомь березе коупьцом»[90]. Со своей стороны немцы обсудили эти предложения[91] и нашли их вполне приемлемыми. Однако в связи с появлением в Смоленске татар немцы пожелали официально оградить свои интересы.

Отсюда появилось известное добавление к ранее действовавшему договору 1229 г.: «Што немецьских дворов и дворищь Смоленьске коупленины и церкве их место, не надо бе никомоужо, комоу дадять ли, посадять ли кого немци, то по своей воли; а на которомь подворьи стоять Немци, или гость Немьцьский, не поставити на томь дворе князю ни Татарина, ни иного которого посла»[92]. Такое добавление к договору 1229 г., предложенное немцами, не встретило возражений со стороны смольнян.

Немцы успели ко времени фиксации этой приписки обзавестись в Смоленске значительной недвижимой собственностью в виде храмов, «дворов и дворищь». Кроме того, были и «подворья», где жил «гость Немьцьский»[93]. Торговля немецких купцов в Смоленске велась регулярно, и размеры ее были значительны.

После 1284 г. вплоть до конца XIII в. мы не знаем фактов нарушения договора 1229 г. В самом же конце XIII в. смоленский князь Александр Глебович особой грамотой подтверждает прежние дружественные торговые отношения с Ригой[94]. Вот ее текст: «Поклон от князя Смоленьского, от Олександра

---

[90] Там же.

[91] Из грамоты Федора видно, что для подтверждения древнего договора в Смоленск явились немецкие послы из Риги и, кроме того, из Брауншвейга и Мюнстера (см. П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 126). Этот состав послов отражает в какой-то мере и круг прибалтийско-немецких городов, с которыми Смоленск был связан тогда своей торговлей.

[92] РЛА, стр. 443—445 (сп. D).

[93] См. подробнее: Н. Н. Усачёв. К вопросу о немецком торговом дворе в древнем Смоленске. В сб. «Рефераты и тезисы докладов XI научной конференции Смоленского пед. института». Смоленск, 1960, стр. 78—80.

[94] Нам не известно в точности, чем была вызвана эта краткая подтвердительная грамота. А. Д. Ботяков, обратив внимание на то, что подтверждение сделано по старой Готландской редакции (сп. B), допускает возможность, что таким возвращением к первоначальному тексту князь хотел избавиться от обременительной для него приписки о татарах, внесенной в Рижскую редакцию текста при его предшественнике (см. А. Д. Ботяков. Указ. соч., стр. 166).

от Глебовича, к ратманом к Рижьским и ко всем горожаном. Како есте были в л[юб]ви с отцемь моимь Глебомь [95] и с моимь стрыемь Федоромь [96], тако будете и со мною в любви. А язь тоеже любви хочю с вами. Гость ко мне пущаите, а путь им чист. А мои мужи к вам едуть и путь имь чисто» [97]. Эта грамота в еще более общих чертах, чем предшествующая грамота Федора Ростиславича, подтверждает давние дружественные отношения Смоленска с Ригой.

Документ адресуется только «к ратманам к Рижьским и ко всем горожанам» и ничего не говорит о «Гочькомь березе», о «Травне» или «Любеке». Грамота Александра Глебовича оставляет впечатление, что немецко-смоленские торговые сношения этой поры ограничивались пределами Риги. Князь дает свою подтвердительную грамоту с изъявлением готовности по-прежнему сохранять дружественные и торговые отношения, несмотря на какое-то нарушение их Ригой. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют слова князя: «...тако будете и со мною в любви. А язь тоже любви хочю с вами». Идеал же «любви» князя, как легко понять, заключался в поддержании ранее определенных соглашениями торговых сношений смольнян с немцами, как то было при его отце Глебе Ростиславиче (? — 1277) и дяде Федоре Ростиславиче (1280—1297).

О приобретении Ригой к концу XIII в. известных преимуществ в ганзейско-смоленской торговле, кажется, говорит еще один факт, запечатленный в «Рижской долговой книге» под 1289 г.: рижские ратманы обрели право распоряжаться деньгами немецкой церкви в Смоленске [98].

Вслед за одной из попыток Риги ограничить взаимные поездки смоленских и северогерманско-готландских купцов их встречами на рижской рыночной площади, видимо, и появилась эта грамота Александра Глебовича.

В соответствии с этой грамотой находится и приписка в тексте списка «В» договора 1229 г.: «Се яз князь Смоленьскии Олександр докончал есмь с Немьци по давному докончанью,

---

[95] Глеб Ростиславич, старший брат известного нам смоленского князя Федора Ростиславича, умер в 1277 г.

[96] Федор княжил в Смоленске с 1280 по 1297 г., а умер в 1299 г. Александр же Глебович вступил на княжество в 1297 г. и княжил в Смоленске до 1313 г. Неизвестно, однако, при жизни Федора или после его смерти дал Александр Глебович эту грамоту. Во всяком случае она могла появиться лишь около 1330 г., но не ранее 1297 г.

[97] См. «Грамоты XII—XIV вв.», № 8 (VIII); РЛА, стр. 23, № XLVII.

[98] «Domus Sancti Spiritus tenetur domino Arnoldo Crispo et Andree Parwo ex parte ecclesie beate virginis in Smalencike XII mrc. arg. Quando repoposcerint, in VIII diebus sequentibus solvere debent» [H. Hildebrand. Das Rigaische Schuldbuch (1286—1352). SPb., 1872, S. 87, № 1336]. Ср. М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой..., стр. 102.

како то докончали отци наши, деди наши. На тех же грамотах целовал есмь крест, а се моя печать»[99].

Следовательно, Рига должна была удовлетворить законные требования смоленского князя о сохранении «чистого пути». Пользуясь покровительством своих князей, долгое время успешно охранявших «чист путь» на запад, смоленские купцы не переставали интересоваться заморскими поездками не только в XIII, но и в XIV в.

Уже в середине XIV в. мы вновь встречаемся с тем же мотивом защиты прежних условий торговли. В новой подтвердительной грамоте смоленского князя Ивана Александровича, которую он дал между 1333 и 1358 гг.[100] магистру, архиепископу, ратманам и всем рижанам, написано: «... ездити Немцемь в дом святей Богородице и ко мне... а моим ездиши в Ригу...»[101]. Это послание вызвано нарастающим нежеланием рижан пропускать через свой город русских купцов в Балтийское море. Князь настаивает на соблюдении прошлых договорных условий торговли. Он торжественно объявляет в своей грамоте, что «докончал есмь по деда своего докончанью и по старым грамотам...»[102]. Вообще, принципы «старины» в сношениях между смольнянами и немцами, отразившиеся в договоре 1229 г., были весьма сильны. Устойчивость сложившихся торговых сношений сторон на основе «Смоленской торговой правды» составляет характерную яркую черту смоленско-немецкой торговли на протяжении XIII—XIV вв. Этим и обусловливается то, что во всех дошедших до нас свидетельствах о торговле Смоленска с Западом в интересующую нас пору встречаются ссылки на прежнее старое право, которое в конечном счете восходит к «Смоленской торговой правде»[103].

Только в конце XIV в. Рига получила возможность на некоторое время взять всю торговлю по Западной Двине с русскими городами в свои руки.

---

[99] РЛА, стр. 420 (сп. В).

[100] 1333—1358 гг.—время княжения Ивана Александровича в Смоленске (П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 179—180). М. Н. Бережков (а вслед за ним и А. Сапунов) пишет: «Так как Гедимин со своими сыновьями заключил торговый договор с Ригой в 1338 г. (см. РЛА, стр. 67, № 83.—*Н. У.*), то, по всей вероятности, и договор смоленского князя относится к этому времени» (см. М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой, стр. 102; А. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 274—275). Нам такое мнение кажется не лишенным основания.

[101] СГГД, ч. II, стр. 11.

[102] Там же, стр. 10.

[103] Даже во времена Витовта рижские послы сообщали из Литвы в Ригу, что русские на основании старых смоленских грамот требуют свободы проезда в немецкие города: «...van den Smollenschen brieuen... dat die Rusen moghen segelen van Gotlande in die Trauene vnd dar stote...» (РЛА, стр. 97, № CXXVI). Ср. П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 122.

Смоленская торговля с Ригой, Висби и северогерманскими городами с завоеванием в 1404 г. Смоленска в дальнейшем определялась уже соответствующими грамотами и договорами литовских князей [104], однако основной принцип «чистого пути», как он был в свое время зафиксирован в трактате 1229 г., не забывался не только смольнянами, но и полочанами [105].

Следовательно, «Смоленская торговая правда», составляющая главную часть договора 1229 г., являлась надежной основой смоленско-ганзейской торговли до конца XIV в.

* * *

Cet article donne un aperçu sur le commerce extérieur de Smolensk aux XII—XIV-e siècles fondé sur l'analyse du traité conclu en 1229 par le duc de Smolensk Mstislav Davidovitch avec Riga, Gotland et les villes allemandes. L'auteur émet l'hypothèse que le traité de 1229 fut précédé par un accord entre Smolensk et Riga, qui nous est parvenu dans le dit «projet de traité» que les chercheurs rapportaient aux années 30—40 du XIII-e siècle. D'autre part, l'auteur en comparant les différentes rédactions du traité de 1229 et en étudiant d'autres sources s'applique à prouver que les normes essentielles de ce traité restaient en vigueur, au moins, jusqu'à la seconde moitié du XIV-e siécle. Les tentatives de l'Ordre et de Riga de se soumettre le commerce de Smolensk, aboutirent à un échec. L'établissement du pouvoir de la Horde sur la principauté de Smolensk suscita de sérieuses difficultés dans les relations de cette ville avec l'Occident. Mais, même à cette époque dans le commerce avec Riga, Wisby et les villes septentrionales de l'Allemagne Smolensk est un partenaire égal en force et droits.

Le commerce entre Smolensk et les villes allemandes aux XIII—XIV-e siècles est stable et de grande envergure.

---

[104] См. РЛА, стр. 111—126.

[105] «...сами што мы из старых записей не выступаем ничого...» — подчеркивали полочане в 90-х годах XV в. в письме рижанам (РЛА, стр. 242, № CCLXXIX; ср. Ф. Фортинский, Указ. соч., стр. 368).

Л. В. Черепнин

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ XIV — начала XV в. В МОСКОВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

1

Задача настоящей статьи — выяснить, в какой мере в московских летописных сводах, создававшихся на первых этапах объединения русских земель в единое централизованное государство, отражался интерес к вопросам международной жизни. При этом надо сразу оговориться, что тема статьи — не международное положение Руси и не внешняя политика Русского государства (или отдельных русских княжеств) XIV — начала XV в. в широком смысле слова. Меня интересует более узкая проблема — степень осведомленности составителей летописных сводов о международных отношениях своего времени, их общеполитический кругозор.

Поэтому я прежде всего ставлю вопрос о том, какими сведениями из области истории и современного положения зарубежных стран располагали летописцы. Этот вопрос тесным образом связывается с другим: почему составители летописных сводов обращали внимание на определенные государства и народы, а в жизни этих государств и народов их интересовали определенные стороны? Наконец, мне кажется важным раскрыть, как, под каким углом зрения рассматриваются в московских летописных сводах международные связи Руси (политические и культурные) и связи других стран между собой.

Ограничивая область исследования, я не говорю о том, как освещаются на страницах летописных сводов войны Руси с теми или иными государствами, как воспроизводятся в памятниках летописания конкретные факты военных действий. Я касаюсь вопроса о войнах Русского государства лишь постольку, поскольку в летописях можно найти оценку их значения для международного положения того времени. Специально останавливаюсь я на имеющихся в летописных памят-

никах сведениях о войнах других государств между собой (помимо Руси), ибо по этим сведениям можно судить, насколько воспроизводящие их авторы были в курсе международных событий и отношений.

Летописание в Москве велось (при княжеском дворе и митрополичьей кафедре) уже со второго десятилетия XIV в.[1] Объем и содержание московских летописных записей XIV — начала XV в. можно установить прежде всего путем анализа летописей Симеоновской и Троицкой (по реконструкции текста последней, принадлежащей М. Д. Приселкову)[2]. Дополнительными источниками для решения указанной задачи могут служить (в большей или меньшей степени) Московский летописный свод конца XV в., летописи Воскресенская, Софийские — первая и вторая, Львовская, Типографская, Ермолинская, Никоновская[3].

В области анализа летописной идеологии наша наука достигла больших результатов. Изучая летописные своды, исследователи смогли выявить сложность феодальной общественной мысли, отражающей борьбу различных политических тенденций, интересов разных группировок в среде господствующего класса, светских и церковных идей. Самое большое достижение советской науки заключается в том, что через произведения летописного характера как памятники феодальной в своем основном русле литературы удалось составить представление и о демократических направлениях в публицистике, хотя и придавленных, но не уничтоженных грузом идейных представлений господствующего класса.

Известия о международной жизни в московских летописных сводах преподносятся под углом зрения официальных мнений великокняжеской власти. Лишь иногда можно уловить здесь борьбу тенденций — церковной и светской, митрополичьей и великокняжеской, еще реже — аристократической и демократической. Но важно, что сквозь призму официальных концепций отражаются прогрессивные мысли представителей передовой части феодального класса (а иногда горожан) об условиях национального развития Руси в связи с другими странами в обстановке формирования централизованного Русского государства.

Хронологические рамки настоящей статьи выбраны не

---

[1] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 293—294.

[2] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста (далее — ТЛ). М.— Л., 1950.

[3] Специального анализа известий Никоновской летописи я не даю и привлекаю этот свод лишь в той мере, в какой он отражает летописание XIV — начала XV в.

случайно. Довести рассмотрение вопроса об отражении в московском летописании событий международной жизни до начала XV в. (примерно до второго десятилетия) дает право прежде всего то обстоятельство, что в 1408 или 1409 г. в Москве был завершен наиболее ранний (из известных) летописный свод (Троицкая летопись). Кроме того, начало XV в. явилось существенной гранью в самой трактовке проблемы международных связей московскими летописцами. Такие важные для Руси события, как нашествие в 1395 г. войск Тимура, а в 1408 г.— Едигея, русско-литовская война 1406—1408 гг., шведская агрессия 1411 г., усилили интерес летописцев к международной жизни, вызвали с их стороны ряд откликов с оценкой взаимоотношений между различными странами.

При рассмотрении того, как ставились на протяжении XIV и в начале XV в. московскими летописцами вопросы международной жизни, имеются все основания наметить два этапа. Гранью между ними является Куликовская битва 1380 г. Победа, одержанная на Куликовом поле русскими войсками над Мамаевой Ордой, имела большое международное значение. И не случайно она пробудила у публицистов и книжников интерес в международном плане к таким проблемам, как борьба с агрессией; взаимоотношения между государствами, возникшими в результате завоеваний, и покоренными народами; взаимосвязи народов, возникающие в процессе сопротивления завоевателям, и т. д.

Рассмотрим вначале отражение в памятниках летописания событий международной жизни до 1380 г.

2

Пожалуй, больше всего летописцы интересуются взаимоотношениями Руси с Золотой Ордой. Это и естественно, ибо ордынское иго в это время давило русский народ, задерживало экономическое развитие Руси, мешало ее политическому объединению.

В летописных сводах много известий о поездках русских князей в Орду за ярлыками на великое княжение, о гибели в Орде некоторых из них, о посещении ордынских ханов русскими митрополитами, о приходе ордынских «послов» в русские земли, чтобы утвердить на великокняжеском столе представителей отдельных княжеских домов, получивших ханские ярлыки, и для других целей. Из летописного текста видно, что в большинстве случаев, характеризуя того или иного ордынского посла, летописец употребляет эпитеты «лют», «силен», говорит, что он население «разграби, и монастыри пожьже, и села и люди плени», «много пакости учини», «мно-

го христиан иссече», что от него «много тяготы» было жителям [4].

Из летописных памятников видно, что летописцы расценивают ордынское иго как зло. Но московские князья до Дмитрия Донского еще не вели активной организованной борьбы с татарским «насилием». Поэтому летописцы подчеркивают их лояльность в отношении золотоордынских ханов и в то же время затушевывают активную роль народных масс в сопротивлении гнету, установленному Ордой, замалчивают или извращают мощные освободительные движения, подобные тому, которое развернулось в Твери в 1327 г.

Касаясь политической истории Золотой Орды, летописцы прежде всего обращают внимание на смену верховных правителей золотоордынского государства, которая не могла не касаться непосредственно московских князей. Сохранились летописные известия о смерти хана Токты и воцарении Узбека [5] (1312 г.), о смерти жены Узбека ханши Боялынь (1323 г.) [6] и его самого (1342 г.), о воцарении Джанибека, об убийстве им во время усобицы двух своих братьев — Хидырьбека и Тинибека [7], о присоединении при Джанибеке к улусу Джучи Азербайджана (в 1357 г. «взя царь Чжанибек Тивережьское царство») [8].

В летописных сводах имеются и характеристики отдельных ордынских ханов. Особенно отрицательными чертами охарактеризован Узбек — как правитель, не хотевший «пощадети роду христианьского» [9]. В сравнении с ним его преемник Джанибек представлялся «добрым» [10].

С конца 50-х годов XIV в. летописные сведения о политической истории Золотой Орды становятся более подробными. Главное внимание летописцы обращают на участившиеся там феодальные усобицы — «мятежи» и «замятни». Видимо, правящие круги Московского княжества пристально следили за распрями ордынских феодалов, ослаблявшими единство государства (что было на руку князьям Северо-Восточной Руси).

В летописях описывается «замятня велика», имевшая место в 1357 г., когда сын Джанибека Бердибек убил своего

[4] ПСРЛ, т. 25, стр. 161, 167.
[5] Там же, т. 18, стр. 88; т. 5, стр. 205; т. 7, стр. 186; т. 10, стр. 178; т. 20, стр. 174; т. 23, стр. 97; т. 24, стр. 107; т. 25, стр. 160; ТЛ, стр. 354.
[6] ПСРЛ, т. 18, стр. 89; т. 10, стр. 189; ТЛ, стр. 357.
[7] ПСРЛ, т. 18, стр. 94; т. 7, стр. 207; т. 10, стр. 213; т. 20, стр. 181; т. 23, стр. 106; т. 24, стр. 117; т. 25, стр. 173; ТЛ, стр. 365.
[8] ПСРЛ, т. 25, стр. 180; т. 5, стр. 228; т. 8, стр. 10; т. 10, стр. 229; т. 20, стр. 187.
[9] Там же, т. 25, стр. 161.
[10] Там же, т. 25, стр. 180.

отца (преданного темником Товлувием, именуемым летописцами «окаанным») и двенадцать своих братьев [11].

Под 1358 г. в летописных сводах помещен рассказ о «крамоле» одного из ордынских князей Магмет-Ходжи (Мамат-Хожи), убившего ханского «любовника» и бежавшего в Орнач (Ургенч), где его настигли гонцы, посланные ханом, и по повелению последнего предали казни [12].

Далее в летописных сводах отражены политические события в Орде, происшедшие на рубеже 50-х и 60-х годов XIV в.: свержение Бердибека и воцарение его брата Кульны, убийство последнего другим братом Наврузом, который стал ханом, а затем был убит его соперником Кидырем (Хызром) [13].

Давая общую оценку политической борьбы, происходившей в Орде в это время, летописные своды квалифицируют ее как «мятеж силен», приведший к тому, что «мнози царие побиени быша, и царевичи, и рядци иссекошася сами межи себе» [14].

Особенно внимательно прослежен в летописных сводах путь продвижения к власти в 60-х — 70-х годах XIV в. эмира Мамая, который стал активно действовать в начале 60-х годов, после свержения Кидыря и воцарения его сына Тимур-Ходжи. По летописям, Мамай «замяте всем царством его и бысть мятеж велик в Орде» [15]; Тимур-Ходжа бежал за Волгу, где был убит.

Летописцы стремятся показать, как в условиях распада политического единства Орды и борьбы между собой различных группировок в среде татаро-монгольской знати ненадолго выдвигается временщик Мамай, использующий эту борьбу (ослаблявшую ее участников) и временно сосредоточивающий большую власть в своих руках.

Летописи детально и красочно описывают войну 60-х — 70-х годов XIV в. между различными татарскими князьями, появлявшимися на политической арене, захватывавшими целые области Золотой Орды, затем утрачивавшими власть или устранявшимися своими соперниками. Перед глазами читателей встают образы хана Абдаллаха (Авдулы), поддерживаемого Мамаем на Горной стороне Волги; Кильдибека, выдававшего себя за сына Джанибека; Мурида (Амурата), укре-

[11] Там же, т. 18, стр. 100; т. 5, стр. 228; т. 8, стр. 10; т. 10, стр. 229; т. 20, стр. 188; т. 23, стр. 112; т. 24, стр. 122; т. 25, стр. 180; ТЛ, стр. 376.

[12] ПСРЛ, т. 18, стр. 100; т. 8, стр. 10; т. 10, стр. 230; т. 24, стр. 122; т. 25, стр. 180; ТЛ, стр. 376.

[13] ПСРЛ, т. 18, стр. 100; т. 5, стр. 228—229; т. 8, стр. 10—11; т. 10, стр. 232—233; т. 20, стр. 189; т. 23, стр. 112; т. 24, стр. 122; т. 25, стр. 180—181; ТЛ, стр. 376—377.

[14] ПСРЛ, т. 25, стр. 181.

[15] Там же.

пившегося в Сарае; Пулад-Темира (Булак-Темеря), покорившего булгар и державшего под своим контролем «весь Волжский путь»; Тогая (из Бездежа), взявшего в свои руки власть над Наручадской страной (областью по р. Мокше); Азиза, Магмет-Салтана (Мамат-Салтана), Арабшаха (Арапши), одержавшего в 1377 г. победу над русскими войсками на реке Пьяне [16].

Летописцы проявляют хорошую осведомленность о событиях, имевших место в Золотой Орде, большую наблюдательность и здравое понимание их политического смысла.

Летописные своды отмечают тяжелые последствия феодальных смут для населения, находившегося под властью Орды: «Гладу же... велику належащу, и замятне мнозе, нестроению на долзе пребывающу, и не престаяху межу собе ратящеся и убивающеся божиим попущением на них...» [17].

Оценка политических условий, при которых происходило выдвижение Мамая, содержит скрытую мысль о том, что для поддержания своего авторитета и укрепления своей власти ему был нужен поход на Русь и этот же поход явился началом его конца.

В летописных сводах рассматривается вмешательство Орды в русско-литовские отношения, содействовавшее разжиганию вражды между Литвой и Русью (участие хана Джанибека в конфликте между князьями Ольгердом Гедиминовичем литовским и Семеном Ивановичем московским в 1348–1349 гг.) [18]. Таким образом, летописцы подчеркивают важность для Руси такого внешнеполитического фактора, как характер взаимосвязей Литовского и золотоордынского государств.

Внимание летописцев останавливается на вопросе о взаимоотношениях Золотой Орды и Волжско-Камской Болгарии, непосредственно затрагивавших русские княжества, заинтересованные экономически и стратегически в возможности так или иначе использовать волжский путь. Под 1370 г. в летописях говорится о походе на болгар татарско-русского войска под водительством ханского посла Ачи-Хожи и нижегородских князей и о смещении болгарского правителя князя Асана [19].

---

[16] ПСРЛ, т. 18, стр. 101, 103, 106, 109; т. 5, стр. 229—233; т. 8, стр. 11—15; т. 11, стр. 2, 5, 9, 12—15, 27; т. 20, стр. 190—192; т. 23, стр. 113—115, 120; т. 24, стр. 122, 124—126, 134; т. 25, стр. 181, 185, 193, 394; ТЛ, стр. 377, 385, 389, 402.

[17] ПСРЛ, т. 25, стр. 181.

[18] Там же, т. 18, стр. 96; т. 7, стр. 215; т. 10, стр. 219—221; т. 20, стр. 185; т. 23, стр. 109; т. 24, стр. 119; т. 25, стр. 177; ТЛ, стр. 369.

[19] ПСРЛ, т. 18, стр. 109; т. 8, стр. 17; т. 11, стр. 12—13; ТЛ, стр. 389—390.

Летописцы хорошо представляют себе социальный состав населения золотоордынских владений в пределах Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, прикаспийских областей и сообщают некоторые сведения о тех событиях в жизни этого населения, о которых широко распространялись слухи. Представляет интерес летописная запись под 1346 г. о страшной эпидемии, свирепствовавшей в Орначе (Ургенче), Астрахани, Сарае, Бездеже и погубившей многих местных жителей: бесермен (мусульман), татар, армян, обезов (абхазцев), евреев, фрягов (генуэзцев), черкасов (черкесов), и др.: «Бысть мор силен... на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати»[20]. Под 1364 г.— новое известие о «море», начавшемся в Бездеже и распространившемся оттуда в Нижний Новгород и другие русские города[21]. Под 1375 г. летописи говорят о гибели ушкуйников в устье Волги у города Астрахани (Хазиторокани), где они были разбиты ратью под предводительством местного князя Салчея[22].

Значительное место в московских летописных сводах занимает проблема русско-византийских взаимоотношений. Отмечаются прежде всего связи церковные, в форму которых облекались отношения политические. В летописях содержатся сведения о поставлении в Константинополе на Русь митрополитов Петра (1308 г.), Феогноста (1328 г.), Алексея (1354 г.), Киприана (1376 г.)[23], о поездках русских митрополитов в Византию[24], о присылке константинопольским патриархом на Русь духовенства[25] и т. д.[26]

Как правило, подобные сведения лаконичны, сухи, имеют официальный характер, не вскрывая связанной с актами избрания церковных иерархов политической борьбы между Византией и Русью (стремившейся к церковной, а следовательно, и к политической, самостоятельности), между церковью и государством.

Наиболее подробно (но в то же время в официально протокольном стиле) говорится об отправке великим князем

[20] ПСРЛ, т. 25, стр. 175; т. 18, стр. 95; т. 5, стр. 225; т. 7, стр. 210; т. 10, стр. 217; т. 20, стр. 184; т. 23, стр. 108; ТЛ, стр. 368.

[21] ПСРЛ, т. 18, стр. 103; т. 8, стр. 12; т. 11, стр. 3; т. 20, стр. 191; т. 23, стр. 113; т. 24, стр. 123; т. 25, стр. 182; ТЛ, стр. 380.

[22] ПСРЛ, т. 18, стр. 116—117; т. 5, стр. 235; т. 8, стр. 24; т. 11, стр. 24; т. 20, стр. 196; т. 23, стр. 120; т. 24, стр. 132; т. 25, стр. 192; ТЛ, стр. 400.

[23] ПСРЛ, т. 18, стр. 87, 91, 99, 118; т. 5, стр. 204, 218, 228, 235; т. 7, стр. 185, 201; т. 8, стр. 9, 24; т. 10, стр. 176, 195, 227; т. 20, стр. 173, 178, 187, 197; т. 23, стр. 97, 102, 111, 120; т. 24, стр. 107, 116, 121; т. 25, стр. 159, 168—169, 179, 192—193; ТЛ, стр. 352, 359, 374.

[24] ПСРЛ, т. 18, стр. 99; т. 23, стр. 104, 112; т. 24, стр. 122; т. 25, стр. 171, 180; ТЛ, стр. 375.

[25] ТЛ, стр. 401.

[26] См., например, ТЛ, стр. 369.

Семеном Ивановичем и митрополитом Феогностом послов в Византию с просьбой об утверждении в качестве преемника Феогноста на русской митрополии Алексея и рассказывается о посвящении последнего (когда пришло время) патриархом Филофеем [27].

Совершенно в ином, публицистически страстном тоне описана политическая борьба, разыгравшаяся после смерти митрополита Алексея (1378 г.), когда встал вопрос о его преемнике. Константинопольская патриархия выдвигала Киприана, ранее поставленного на митрополию в Киев, а Дмитрий Донской, стремясь достичь независимости русской церкви от Византии и подчинить ее великокняжеской власти, желал, чтобы в Северо-Восточной Руси был отдельный митрополит, и в качестве кандидата на этот пост намечал Митяя. В специальной повести о Митяе, в разных редакциях вошедшей в состав московских летописных сводов, дан яркий портрет этого коломенского попа, импозантного по внешности, высокого, плечистого, «рожаиста», носившего «браду... плоску и велику и свершену», обладавшего громогласным голосом («глас имея доброгласен износящ»), достаточно грамотного и хорошо знавшего церковные песнопения. Автор повести о Митяе, с одной стороны, осуждал последнего за то, что тот самовольно, не дожидаясь своего утверждения константинопольским патриархом, занял митрополичий пост («еще не поставлен сыи вселеньскым патриархом, но сам дръзнул на таковый превысокии степень и на дворе на митрополиче живяше и хожаше в всем сану митрополиче...») [28]. С другой стороны, в оценке этого необычного поступка Митяя чувствуется некоторый оттенок одобрения со стороны составителя его жизнеописания.

Столь же противоречива и оценка поведения Митяя в отношении русского духовенства. Повесть о Митяе в несколько сатирических тонах говорит о его быстром продвижении из попов в архимандриты, а затем в митрополиты, что вызывало негодование черных князей церкви (типа суздальского епископа Дионисия, являвшегося наиболее откровенным противником Митяя): «... иже до обеда белець сыи, а по обеде архимандрит, иже до обеда белець и мирянин, а по обеде мнихом началник и старцем стареишина и наставник и учитель и вожь и пастух» [29]. Но ирония здесь настолько тонкая, что трудно понять, кто в большей степени является ее объ-

---

[27] ПСРЛ, т. 18, стр. 98; т. 23, стр. 111, 121; т. 24, стр. 121, 135; т. 25, стр. 179.

[28] ПСРЛ, т. 18, стр. 122.

[29] Там же.

ентом — недавний «белец», теперь «мнихом началник», или же те «старцы», которые вынуждены ему подчиняться.

Осуждает разбираемая повесть Митяя за поборы с духовенства, за самовластный тон в отношении монахов, игуменов, епископов: «...и нача вооружатися на мнихи, и на игумены; епископи и презвитери въздыхаху от него, глаголюще: „воля господня да будет“» [30].

Идеологическое содержание повести о Митяе сложное. Объясняется это как сложностью и остротой самой идеологической и политической борьбы в русском обществе и на международной арене, связанной с его избранием в митрополиты, так и тем, что дошедший до нас текст повести отразил ряд редакций. В тексте рассматриваемого литературного произведения получили отзвук настроения духовных феодалов, недовольных властной политикой пришедшего к руководству делами русской церкви коломенского попа, которого поддерживал сам великий князь московский, хотевший подчинить себе церковь. В памятнике звучит также голос сторонников митрополита Киприана, за которыми стояла византийская патриархия, не желавшая утрачивать свое влияние на русскую церковь. В то же время в повести о Митяе слышатся (хотя и приглушенные) голоса той части светских и духовных феодалов, которым была по душе политика великого князя, направленная к тому, чтобы освободить Русь от церковно-политической зависимости от Византии. Наконец, пробиваются в повести о Митяе через толщу феодальной идеологии демократические тенденции рядового духовенства, близкого к горожанам, стремившегося к реформе церкви и поэтому не без иронии обращавшего внимание на то, что коломенский поп заставил служить себе «боляр митрополичих» [31].

Нашла отражение в летописных сводах и сложная международная обстановка русско-византийских переговоров по вопросу о преемнике Алексея на посту митрополита. Подробно описывается путешествие Митяя, добивавшегося своего утверждения на митрополичьей кафедре константинопольским патриархом (вместо Киприана), в Византию, поездка туда же противника Митяя, суздальского епископа Дионисия, смерть Митяя в пути на корабле и поставление в Константинополе (после длительных споров и политической борьбы) митрополитом на Русь одного из его спутников — переяславского архимандрита Пимена. Из летописей выясняется, что на решение константинопольским патриархом вопроса о но-

[30] Там же.
[31] Там же.

вом русском митрополите существенное влияние оказало воздействие некоторых международных сил. Сторонники Пимена заняли деньги по ростовой кабале на имя великого московского князя у фрягов (генуэзцев) и бесермен (турок?) и широко раздавали их в виде «посулов» приближенным византийского императора и патриарха [32]. Вероятно, представители руководящих феодально-купеческих кругов Турции и итальянских колоний в Крыму не жалели денег на то, чтобы подкупить будущего русского митрополита. Не было ли это обстоятельство одним из факторов, побудивших Дмитрия Донского первоначально отказаться признать Пимена в его новом сане? Борьба по вопросу о кандидате на митрополичью кафедру затянулась еще на долгие годы.

Касаясь русско-византийских отношений, летописи видят их не только в области церковно-политической, в сфере, определяющей роль византийских императора и патриарха, в выдвижении и утверждении русских митрополитов, в надзоре и контроле за делами русской церкви. В летописных сводах нашли отражение и культурные связи. Мы встречаем в летописях данные о деятельности византийских иконописцев на Руси. В 1323 г. игумен «именем Иван Царегородец» «сверши и украси» церковь св. Феодора в Твери [33]. В 1344 г. «писцы» митрополита Феогноста, прибывшие из Византии («греци»), расписывали Успенский собор в московском Кремле [34].

Отмечают летописи и переселения русских людей в Византию, не указывая, правда, на их роль в культурной жизни этой страны, фиксируя внимание лишь на русско-византийских связях чисто церковно-религиозного характера. Под 1374 г. в летописи находим сообщение об ученике Сергия Радонежского игумене Афанасии, который ушел в Константинополь (Царьград), «купи себе келью, и дал адрафат», и дожил «в молчании» до глубокой старости [35].

Несомненный интерес представляют имеющиеся в летописях данные о прибытии на Русь за «милостыней» духовенства из пределов захваченных египетскими мамлюками Палестины, Синайского полуострова, Трапезундской империи. Эти данные свидетельствуют и о культурных связях, проявляющихся, правда, в узкой сфере церковных сношений, и об определенной политике поддержки московскими светскими и церковными властями православного населения стран Малой

---

[32] ПСРЛ, т. 18, стр. 123—125; т. 8, стр. 28—32; т. 11, стр. 35—41; т. 25, стр. 196—200; т. 23, стр. 122; ТЛ, стр. 407—413, 417—418.

[33] ПСРЛ, т. 18, стр. 89; т. 7, стр. 199; т. 10, стр. 189; ТЛ, стр. 357.

[34] ПСРЛ, т. 18, стр. 94; т. 7, стр. 209; т. 10, стр. 216; т. 20, стр. 184; т. 23, стр. 107; т. 25, стр. 175; ТЛ, стр. 357.

[35] ТЛ, стр. 397; ПСРЛ, т. 11, стр. 21.

Азии, Средиземноморья и т. д., подвергавшегося религиозным преследованиям или находившегося под их угрозой. Под 1371 г. в летописи находим известие о приходе на Русь из Иерусалима митрополита Германа «милостыня ради и о искуплении долга, понеже много им насилие от поганых сарацин». В 1376 г., согласно летописным данным, на Руси побывал с той же целью архимандрит иерусалимского Михайло-Архангельского монастыря Нифонт. Тогда же с просьбой о «милостыни» приходил митрополит Марко с Синайской горы. В 1388 г. летописи отмечают прибытие в русские пределы за «милостыней» трапезундского митрополита Феогноста [36].

Летописцы проявляют осведомленность о событиях международной жизни стран Средиземноморья. Под 1365—1366 гг. в летописях помещено известие о нападении на Александрию войска под предводительством правителя острова Кипра и о посылке египетским султаном «рати» на Антиохию и Иерусалим. Кипрский князь избил местных жителей: сарацин (арабов?), бесермен, турок, фрягов и др. Египетский же султан в ответ «въздвиже гонение велие на христианы, святыа церкви разграбив затвори, а христианы муча многоразличными муками, и по многых муках смерти предааше, а имениа их взимаху, а манастыря синаискыя разграбив раззори, ...священикы изби», патриарха антиохийского Михаила, митрополитов и епископов «распя, а иных в темницу вверже». Под давлением византийского императора султан освободил из заключения духовных лиц, взяв с них большой выкуп [37].

Видимо, еще до падения в 1453 г. Византийской империи и до того, как зародилась доктрина «Москва — третий Рим», московское правительство и церковные власти пытались завоевать политический авторитет в покоренных египетскими мамлюками и другими завоевателями странах с православным населением. Подобная политика усиливала позиции Руси в отношении к Византии и в то же время являлась средством противодействия католической агрессии.

Из стран, находившихся к западу от Руси, ей приходилось больше всего иметь дело с Великим княжеством Литовским. Русско-литовские торговые и политические связи, культурное взаимодействие постоянно нарушались войнами, вызывавшимися как захватнической политикой литовских правителей и бояр, стремившихся завладеть русскими, украинскими и

[36] ПСРЛ, т. 18, стр. 111, 117, 138; т. 5, стр. 231; т. 8, стр. 18, 24, 52; т. 11, стр. 15, 25, 94; т. 24, стр. 127, 132; т. 25, стр. 186, 192, 214; ТЛ, стр. 392, 400, 433.

[37] ПСРЛ, т. 18, стр. 104—105; т. 8, стр. 14; т. 11, стр. 7; т. 24, стр. 124; т. 25, стр. 183—184; ТЛ, стр. 382—383.

белорусскими землями, так и действиями некоторых русских князей (например тверских), приводивших литовские войска на Русь. Положение в Литве в силу этого не могло не интересовать русских летописцев. Московские летописные своды обращают внимание прежде всего на факты политической (точнее, династической) истории Литовского княжества. Так, в летописях сказано о смерти Гедимина (1341 г.), причем перечислены его сыновья, среди которых наиболее выдающимся по своим качествам государственного деятеля, воина и дипломата назван Ольгерд. Далее говорится о дворцовом перевороте в Литве — устранении Кейстутом и Ольгердом Гедиминовичами от власти их брата Явнута (1345 г.), о разделе Ольгердом перед смертью Литовского государства между своими сыновьями, о его кончине и вокняжении Ягайла Ольгердовича (1377 г.) [38].

Касаясь русско-литовских отношений, летописцы, помимо описания войн, особенно усилившихся с 40-х годов XIV в., фиксируют внимание на мирных соглашениях литовских князей: брата Гедимина Воина и др. с Новгородом (1326 г.), Ольгерда Гедиминовича с московскими великими князьями Семеном Ивановичем (1349—1350, 1352 гг.) и Дмитрием Ивановичем (1371 г.) [39].

В летописных сводах можно найти сведения о брачных связях между представителями и представительницами русских и литовских княжеских фамилий: о женитьбе князя Семена Ивановича московского на литовской княжне Августе-Анастасии (1333 г.), о браке великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича и дочери великого князя Александра Михайловича тверского Ульяны (1350 г.), о женитьбе князя Владимира Андреевича серпуховского на дочери Ольгерда Гедиминовича Елене (1371 г.) и т. д. [40]

Занимаясь историей Литвы, летописцы не могли обойти вопрос религиозный, ибо наличие там православного населения было одним из факторов, содействовавших русско-литовским культурным связям, а преследование православия являлось одним из моментов, вызывавших освободительные

[38] ПСРЛ, т. 18, стр. 118; т. 5, стр. 223, 224, 235—236; т. 7, стр. 207, 209—210; т. 8, стр. 29; т. 10, стр. 213, 216; т. 11, стр. 25—26; т. 20, стр. 181, 184, 197; т. 23, стр. 106, 107, 120; т. 24, стр. 117, 118, 133; т. 25, стр. 173, 175, 192; ТЛ, стр. 387, 402.

[39] ПСРЛ, т. 18, стр. 96, 97, 110—111; т. 5, стр. 217, 226; т. 7, стр. 199, 215; т. 8, стр. 18; т. 10, стр. 190, 221, 223; т. 11, стр. 15; т. 20, стр. 185, 186, 193; т. 23, стр. 109, 110, 116; т. 24, стр. 119, 120, 128; т. 25, стр. 167, 177, 178, 186; ТЛ, стр. 370, 372, 392.

[40] ПСРЛ, т. 18, стр. 92, 97, 111—112; т. 7, стр. 204, т. 8, стр. 19; т. 10, стр. 206, 221; т. 11, стр. 15; т. 20, стр. 179, 186, 194; т. 23, стр. 104, 109, 111—112, 116; т. 24, стр. 116, 119—120, 121, 128; т. 25, стр. 171, 177, 180, 187; ТЛ, стр. 361, 371, 393.

движения в русских, белорусских и украинских областях, захваченных литовскими феодалами. Под 1347 г. в некоторых летописях (очевидно, не в ранних) помещено известие (его нет в своде 1408—1409 гг.) о мученической смерти в Вильно некоего Круглеца (после крещения принявшего имя Евстафий), подвергавшегося вместе с его родственниками гонениям со стороны Ольгерда и пострадавшего «за правоверную веру христианскую» [41]. В то же время в летописях говорится об обращении в православие литовских феодалов, приходивших на Русь. Так, в 1345 г., по летописным данным, великий князь Семен Иванович «крестил князя литовского именем Евтутья (Евнутья) и его дружину Литву» [42].

В области внешней политики Литвы составители летописных сводов интересуются ее борьбой с агрессией Тевтонского ордена [43], ибо сопротивление натиску немецких крестоносцев было делом, одинаково важным и для литовского, и для русского народов.

Особое внимание летописные своды обращают на судьбы Украины, за которую шла борьба между Польшей и Литвой, естественно, оказывавшаяся в поле зрения летописцев. В летописях отмечено, что в 1349 г. «король краковскыи», придя «со многою силою», «взя лестью» Волынскую землю, «много зло християном сотвори, и церкви святыя претвори на латиньское богомрьзкое служение» [44].

Вопрос о русско-шведских отношениях затрагивается преимущественно не в московском, а в новгородском летописании. Это и естественно, ибо Новгород являлся в первую очередь проводником русско-шведских экономических, политических и культурных связей и Новгород же прежде всего испытывал на себе всю тяжесть военных столкновений со Швецией, вызываемых захватническими стремлениями шведских феодалов. Однако и в московских летописях мы встречаем ряд известий о войнах Руси со Швецией. Из мирных русско-шведских соглашений в московских летописных сводах отмечен договор 1323 г. (Ореховецкий) [45].

Под 1348 г. и в новгородских, и в московских летописях помещено известие о походе шведского короля Магнуса Эрикс-

[41] ПСРЛ, т. 7, стр. 214; т. 20, стр. 185; т. 23, стр. 109; т. 24, стр. 119; т. 25, стр. 177.

[42] Там же, т. 18, стр. 95; т. 5, стр. 224; т. 7, стр. 209; т. 20, стр. 184; ТЛ, стр. 367.

[43] ПСРЛ, т. 18, стр. 95; т. 25, стр. 185; ТЛ, стр. 368, 389.

[44] ПСРЛ, т. 25, стр. 177; т. 7, стр. 215; т. 10, стр. 221; т. 20, стр. 185; т. 23, стр. 109; т. 24, стр. 119. Анализ летописных известий о Литве см. также: В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 63—67.

[45] ПСРЛ, т. 18, стр. 89; т. 5, стр. 216; т. 7, стр. 199; т. 10, стр. 189; т. 23, стр. 101; т. 25, стр. 167; ТЛ, стр. 157.

сона под Орехов. Накануне похода он якобы прислал в Новгород послов с предложением отправить на съезд русских «философов» для спора со шведскими «философами» по вопросу о том, «чья будет вера лучьши» (православная или католическая). Согласно предложению Магнуса, после диспута все (и новгородцы, и шведы) должны были принять единую веру — именно ту, которую «философы» признают наиболее совершенной. Новгородцы отказались (согласно версии Новгородской летописи, после рассмотрения на вече предложения шведского короля) послать на религиозный диспут своих представителей, предложив Магнусу, если он хочет, устроить прения о вере перед патриархом в Константинополе (Царьграде), откуда пришло на Русь христианство. Новгородские власти (по версии московских летописных сводов, архиепископ Василий, к которому обращался Магнус) считали целесообразным обсуждать на съезде лишь такие дела, которые более непосредственно затрагивали интересы Новгорода и Швеции [46].

В этом летописном рассказе, независимо от степени реальности самого факта, в нем затронутого, проводится определенная мысль: предметом международных конфликтов и разбирательств не должны быть религиозные вопросы, так как различие религий не может служить помехой мирным отношениям между государствами. По существу этот рассказ направлен против религиозных войн и крестовых походов.

Под 1371 г. в летописях рассказывается о мирном договоре, заключенном Новгородом с немцами на реке Пивже [47].

Таков в основном круг представлений московских летописцев до 80-х годов XIV в. о международной ситуации, таков их общеполитический кругозор.

3

Куликовская битва явилась событием большого международного значения. Уже подготовка Мамая к походу на Русь значительно переросла масштабы обычных военных предприятий ордынских ханов. В повестях о Куликовской битве обращено внимание на то, что Мамай, организуя поход на Русь, привлек в свое войско наемников из числа бесермен (мусульман), армен, фрягов (генуэзцев), черкас (черкесов), ясов (осетин), буртасов, соединился с Литвой. Словом, подчеркивается, что на Куликовом поле столкнулись не только

---

[46] НПЛ, стр. 359; ПСРЛ, т. 5, стр. 225; т. 10, стр. 218; т. 23, стр. 108; т. 24, стр. 119; т. 25, стр. 175—176; ТЛ, стр. 370.

[47] НПЛ, стр. 371; ПСРЛ, т. 8, стр. 18; т. 25, стр. 187; ТЛ, стр. 392.

русские и ордынские силы: там решались судьбы ряда других народов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма [48].

Для того, чтобы разобрать вопрос о международном значении Куликовской победы русского народа, надо выйти немного за пределы летописных сводов и рассмотреть другие литературные произведения, в которых имеются отклики на битву на Дону в 1380 г. Сделать это необходимо, потому что оценка русско-ордынского сражения 1380 г., отразившаяся в таких литературных памятниках, как «Задонщина» (по-видимому, возникшая в конце XIV в.) или «Сказание о Мамаевом побоище» (видимо, созданное в начале XV в.), в известной мере определила взгляды русских летописцев на дальнейшие международные события.

В «Задонщине» есть один интересный текст, в котором говорится, что слава о Куликовской битве распространилась по свету и дошла до отдаленных от Руси стран. В разных списках памятника этот текст сохранился в различных вариантах. Приведем их полностью: 1) «...Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове» [49]; 2) «...А глава шибла к Железным вратам, ли к Караначи, к Риму, и х Сафе, по морю, и к Которнову. И оттоле ко Царюграду на похвалу руским князем. И одолеша рать татарскую на поле Куликове, на речке Непряде» [50]; 3) «Шибла слава к морю, и к Ворнавичом, и к Железным вратом, ко Кафе, и к турком, и ко Царугряду, и што Ру(сь) поганых одалеша» [51]; 4) «Воды возпиша, весть подаваша по рожнымь землямь, за Волгу, к Железнымь вратомь, к Риму, до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущеем моремь» [52].

Непонятные географические названия, встречающиеся в приведенных текстах, расшифровываются сравнительно просто: Торнав, Которнов — это город Тырново, столица Болгарии; Сафа — испорченное слово Кафа; Каранач, Ворнавичи — Орнач, Ургенч в Средней Азии [53]; Железные врата — или Дербент, или (что менее вероятно) урочище на Дунае (на границе Румынии и Югославии) [54].

---

[48] «Повести о Куликовской битве». Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 29, 348.

[49] «Повести о Куликовской битве», стр. 13.

[50] В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). ТОДРЛ, вып. VI. М.—Л., 1948, стр. 246.

[51] Там же, стр. 253.

[52] Там же, стр. 235.

[53] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 258—259.

[54] «Повести о Куликовской битве», стр. 224.

В четвертом варианте текст «Задонщины» соединен с выдержками, заимствованными из памятника XIII в.— «Слова о погибели Русской земли», являвшегося, по-видимому, введением к «Житию» Александра Невского[55]. Из этого памятника проникли в «Задонщину» такие географические и этнографические термины, как Черемисы, Чяхи, Ляхи, Устюг, Дышущее море. Термин Черемисы появился, очевидно, как осмысление названия Орнач (в разных вариантах: Каранач, Варнавичи).

Неодинаковое значение имеет, вероятно, в разных вариантах «Задонщины» слово «море». В тех случаях, когда речь идет о путях к Кафе, Тырнову, Царюграду (Константинополю), имеется в виду, конечно, Черное море. Когда о море говорится в связи с упоминанием Дербента и Ургенча, надо думать, что подразумевается море Каспийское. А Дышущее море — это или море Балтийское (так как, судя по контексту, поблизости от него лежит земля Ляхов), или Белое (поскольку в тексте «Задонщины» оно названо вслед за Устюгом).

Все вышеизложенное свидетельствует, что в представлении автора «Задонщины» и переписчиков этого произведения (осмысливавших, дополнявших и исправлявших первоначальный авторский текст) Куликовская битва была событием, вызвавшим широкие международные отклики за пределами Руси и получившим тем самым большое международное значение. Весть о разгроме русскими воинами на Дону Мамаевои Орды прошла через моря, расположенные на юге, севере и северо-западе от Руси, проникла в Византию, в итальянские колонии в Крыму, в южнославянские и западнославянские государства, в католические страны Европы, в разные области Средней Азии.

По-видимому, значение Куликовской битвы современники искали и в экономической, и в политической областях. Эффект поражения ордынских войск на Дону в сфере экономической, вероятно, усматривали в том, что результаты Куликовской победы русских должны были облегчить развитие международных связей. Золотая Орда держала под своим контролем пути, по которым шла торговля Руси со Средней Азией, Крымом, генуэзскими колониями, Византийской империей, Литвой, а через Литовское государство — со странами Центральной Европы. Ослабление Орды в результате поражения на Куликовом поле было существенным фактором, содействовавшим в дальнейшем росту торговых сношений Руси с другими народами Востока и Запада. В «Задонщине»

---

[55] В. И. Малышев. Житие Александра Невского. ТОДРЛ, вып. V М.— Л., 1947, стр. 188.

имеется одна яркая зарисовка, свидетельствующая о понимании ее автором значения таких сношений. Русские воины, приготовившиеся к сражению с полчищами Мамая, облачились в доспехи и припасли оружие, произведенное в разных странах. На них были «шеломы черкасьские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а копии фрязския» [56].

В этой же связи следует отметить сообщение «Сказания о Мамаевом побоище», что, отправляясь в поход против Мамая, Дмитрий Донской взял с собой десять человек «мужей нарочитых, московских гостей сурожан». Сделал он это для того, чтобы гости-сурожане могли впоследствии рассказать в тех странах, в которых им приходится бывать с торговыми целями, как очевидцы, о битве между русскими и татарскими воинами. «...Аще что бог ему [Дмитрию Донскому] случить,— читаем в «Сказании»,— и они имуть поведати в далних землях, яко гости хозяеве быша» (другой вариант: «аще что случится, господь бог поможет, ти же имут поведати в далних землях, яко сущыи ходницы») [57]. Итак, авторы «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» придают большое значение последствиям Куликовской битвы для развертывания международных торговых связей.

Переходя в область политическую, надо подчеркнуть, что в произведениях о Куликовской битве ярко проводится идея о важности совместных действий ряда заинтересованных государств в борьбе с татаро-монгольскими и другими захватчиками. Эта идея развивается прежде всего применительно к задачам русско-литовского союза. Заслуживает внимания то место «Задонщины», в котором имеются указания на участие в Куликовской битве литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Андрей якобы сказал Дмитрию: «Сама есма себе два брата, сынове Олгордовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Изберем братью милую пановей удалыи Литвы, храбрых удальцев..., испытаем мечев своих литовских о шеломы татарскыя, сулиц немецких о байданы бессерменьскыя» [58].

Таким образом, «Задонщина» подчеркивает совместные действия русских и литовских «удальцев» в борьбе с татарской опасностью. Союзники Дмитрия Донского князья Ольгердовичи с известной гордостью называют себя потомками таких выдающихся политических деятелей Литовского государства, как Ольгерд, Гедимин, легендарный родоначальник литовской княжеской династии Скирмунт [59]. Когда писалась «Задонщи-

[56] «Повести о Куликовской битве», стр. 12.
[57] Там же, стр. 55, 90, 130, 179.
[58] Там же, стр. 11.
[59] Там же, стр. 222.

на», еще у всех были в памяти походы Гедимина и Ольгерда на Русь. Но автор этого произведения не считает нужным о них вспоминать. В действиях названных князей его привлекают, по-видимому, отвечающие интересам Руси акты борьбы с татарскими набегами, сопротивление Тевтонскому ордену. Недаром на Куликовом поле татарские шеломы и бесерменские байданы (кольчуги) должны были испытать силу литовских мечей и немецких (но оказавшихся в руках литовских воинов) сулиц (копий). Между Литвой и Русью не должно быть вражды. Необходимо, чтобы они укрепили союз в целях совместного сопротивления татаро-монгольским захватчикам. Такова мысль «Задонщины».

«Задонщина», как можно думать, поднимает вопрос и об угрозе для ряда славянских стран турецкой агрессии. После рассказа о приходе Мамая со своими «воями» на Русь в «Задонщине» (по списку Государственного Исторического музея) описываются те грозные явления природы, которыми было ознаменовано нашествие на Русскую землю врагов, а затем следует восклицание: «Руская земля, то ти есть как за Соломоном царем побывала» [60]. В других списках «Задонщины» эта фраза встречается в других вариантах: «Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала» [61]; «...Земля еси русская, как еси была доселева за царемь за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитриемь Ивановичемь» [62]; «Земля, земля резанская, тепер бо ест коко зо Соломоном царем побывали» [63].

В основе приведенного (в разных вариантах) текста по-видимому, лежит фраза, заимствованная из «Слова о полку Игореве»: «О Руская земля! Уже за шеломянем еси». Слово «шеломянем» в написании, соответствующем псковскому говору, превратилось в «соломянем». Затем писцы начали осмысливать последний термин и он был понят как собственное имя Соломон [64]. Но кого же подразумевали писцы и читатели под царем Соломоном? Возможно, что единого понимания среди них и не было. Но весьма вероятно (как предположил М. Н. Тихомиров), что под царем Соломоном мог подразумеваться турецкий завоеватель Сулейман (Челябий), разоривший в конце XVI в. Болгарскую землю [65]. Очевидно, у переписчиков текста «Задонщины» или у читателей этого произведения возникали анало-

---

[60] «Повести о Куликовской битве,» стр. 12.
[61] В. П. Адрианова-Перетц. Указ. соч., стр. 245.
[62] Там же, стр. 234.
[63] Там же, стр. 252.
[64] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 88.
[65] «Повести о Куликовской битве», стр. 375.

гии между походом Мамая на Русь и нашествием Челябия на Болгарию.

Указание на турецкую агрессию в пределы Балканского полуострова находим в «Сказании о Мамаевом побоище». В этом произведении говорится, что литовский князь Дмитрий Ольгердович, получив от своего брата Андрея Ольгердовича письмо с призывом оказать помощь Дмитрию Донскому, ответил согласием и при этом подчеркнул, что его войска находятся в боевой готовности («съвъкуплени надлежащая ради брани»). В различных редакциях и списках «Сказания» указано, что воины Дмитрия Ольгердовича подготовлены к обороне от «дунайских татар», «дунайских варяг», «дунайских враг», «дунайских агарян», «турок» [66]. Все эти термины равнозначны: имеются в виду турецкие военные силы. Конечно, тема сопротивления турецкой агрессии чисто искусственно связывается с образом литовского князя Дмитрия Ольгердовича. Но ясно, что автором «Сказания о Мамаевом побоище» борьба русского народа с татаро-монгольской опасностью рассматривается (в национально-религиозном плане) как одно из звеньев в цепи боевых выступлений славянских и неславянских народов против натиска на них агрессоров-«агарян». Идея отпора захватчикам в целях достижения национальной независимости объединяет народы.

В связи с Куликовской битвой автор «Сказания о Мамаевом побоище» вспомнил и о борьбе русского народа со шведской агрессией. Так, князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, воспетые в «Задонщине» как герои сражения на Куликовом поле, указывают Дмитрию Донскому на то, что его прадед Александр Невский «Неву реку [в некоторых списках: «реку» без названия] перешед, короля [в некоторых списках: «короля свейского»] победи» [67]. Дмитрий Донской перед сражением просит помощи свыше для одоления врагов, и при этом перед его взором опять возникает образ Александра Невского, который одолел «хвалящегося короля римскаго [в некоторых списках: «римского короля Магнуша»], хотящаго разорити отечьство его» [68].

Под «победой» над «римским королем» имеется в виду победа в 1240 г. русских воинов под предводительством Александра Невского на Неве над войском шведского воеводы Биргера [69]. В то же время в некоторых списках «Задонщины» события явно путаются, и Александр Невский, в противоречии

---

[66] Там же, стр. 59, 93, 138, 183, 285.
[67] Там же, стр. 61, 95, 140, 186.
[68] Там же, стр. 65, 98, 144, 190.
[69] Там же, стр. 286.

с хронологией, выступает победителем шведского короля Магнуса Эрикссона, совершившего поход на Русь в 1348 г. (т. е. через сто с лишним лет после поражения шведов на Неве).

Во всяком случае ясно, что в литературно-публицистических откликах на Куликовскую битву, была поднята большая тема народно-освободительной войны с иноземной агрессией. Поэтому в словах «Задонщины» о «славе» подвигов русских воинов на Куликовом поле, дошедшей до Рима, можно видеть указание на то, что и для католической Швеции («Римской» страны) сражение русских и татарских войск на Дону в 1380 г. послужило уроком.

4

Переходим теперь к вопросу об отражении в московском летописании событий международной жизни, имевших место на протяжении примерно тридцатилетия после Куликовской битвы.

Постараемся проследить, как в оценке этих событий летописцами отразились идеи, связанные с победой русского народа на Куликовом поле.

Касаясь взаимоотношений Руси и Золотой Орды, летописцы по-прежнему уделяют много внимания приходам на Русь ордынских «послов» для вызова в ханскую ставку русских князей, поездкам последних в Орду, где они терпели «велику истому» [70]. Касаются летописцы и дворцовой жизни ханов, сообщая, например, что в 1386 г. Тохтамыш «убил сам свою царицу, нарицаемую Товлумбеку» [71].

Главное внимание составителей московских летописных сводов при рассмотрении политической истории Золотой Орды с 80-х годов XIV в. обращено на обстоятельства, содействовавшие выдвижению тех ханов, которые сосредоточивали в своих руках значительную власть и становились опасными для Руси. Недавний поход Мамая был у всех еще в памяти, заставляя летописцев пристально следить за судьбой тех ордынских деспотов, которые хотели пойти по его пути.

В летописях описано возвышение Тохтамыша (хана «Синей Орды» — Ак-Орды), рассмотрены его попытки поднять авторитет золотоордынского государства и снова подчинить Русь. Говорится, что после поражения на Куликовом поле Мамай надеялся найти убежище в Кафе, куда отправился «со множеством имениа, злата и сребра», но был там убит. Тохтамыш же пленил Мамаеву Орду, захватил его казну и объявил «всем кня-

---

[70] ПСРЛ, т. 18, стр. 136; т. 23, стр. 130; т. 24, стр. 156; т. 25, стр. 212; ТЛ, стр. 430.

[71] ПСРЛ, т. 11, стр. 87; т. 18, стр. 136; ТЛ, стр. 430.

зем русским», что он «сяде на цесарстве Волжьском» [72]. Затем последовал поход Тохтамыша на Москву (1382 г.), принесший страшные бедствия русскому народу, но бесславно окончившийся для самого завоевателя.

С конца 80-х годов XIV в. летописи следят за борьбой Тохтамыша со знаменитым среднеазиатским деспотом — завоевателем Тимуром (Темирь-Аксаком) и царевичем (огланом) Тимур-Кутлугом (Темерь-Кутлуем) [73].

В некоторых (сравнительно поздних) летописях приводится биография Тимура (довольно фантастического характера), в которой делается попытка обрисовать путь его прихода к власти. Летописи XV в. указывают на завоевательные походы Тимура, говоря, что он «многы брани въздвиже, многы сечи показа, многы победы учини, многым полком съпротивным одоле, и многы грады раскопа, многы люди погуби, многы страны, земли повоева, многи области и языки плени, многа царства и княженья покори под собе, доселе преступи». В числе стран, городов, народов, над которыми владычествовал Тимур, названы: Самархант (Самарканд), Чагадае (Чагатайский улус), Хурусане (Хорасан), Голустани (Гюлистан), Китаи (Кара-Китаи), Синяя Орда (Ак-Орда), Ширазы (Шираз), Испаган (Исфахан), Орначь (Ургенч), Гилян, Сиз (Сис в Киликийской Армении), Шибран (Шабран), Шамахи (Шемаха), Савас (Сивас-Севастия), Арзунум (Эрзерум), Тефлизи (Тбилиси), Тевризи (Тебриз), Гурзустани-Гурзии (Грузия), Обези (Абхазия), Багдать (Багдад), Темирькаби — Железные врата (Дербент), Асурия (Ассирия), Вавилонское царство, Иерусалим, Великая Армения, Дамаск, Сарай [74].

Конечно, приведенный список зависимых от Тимура стран и народов не отличаются точностью. Однако в целом основные направления завоевательных походов Тимура намечены правильно. Широкий международный аспект московских летописей при описании событий правления Тимура виден из того, что их составители знают о его войне с турецким султаном Баязидом I, в них имеются глухие отклики на битву между войсками Тимура и Баязида при Анкаре (1402 г.), отвлекшую турецкие военные силы от Византии и тем самым отсрочившую падение Константинополя [75].

---

[72] ПСРЛ, т. 25, стр. 204—206; т. 8, стр. 41—42; т. 11, стр. 69; т. 18, стр. 130; т. 20, стр. 202; т. 23, стр. 127; т. 24, стр. 149; ТЛ, стр. 421.

[73] ПСРЛ, т. 18, стр. 139, 143; т. 8, стр. 60; т. 11, стр. 93, 121; т. 20, стр. 212; т. 24, стр. 160; т. 25, стр. 218—219; ТЛ, стр. 434.

[74] ПСРЛ, т. 25, стр. 222; т. 8, стр. 65—66; т. 11, стр. 158—159; т. 20, стр. 212—213; т. 23, стр. 134; т. 24, стр. 161.

[75] ПСРЛ, т. 18, стр. 149; т. 6, стр. 131; т. 8, стр. 75; т. 11, стр. 185; т. 20, стр. 220; т. 23, стр. 138; т. 25, стр. 231; ТЛ, стр. 454.

В летописях подчеркнуто то обстоятельство, что источником могущества державы Тимура являлась жестокая эксплуатация покоренных народов, выколачивание из захваченных стран денег и набор там военных сил: «с всех сих земль Темирь-Аксак дани и оброкы имаше и на воину ходять с ним». В этом видят летописные своды и источник победы Тимура над Тохтамышем: «И со всех сих стран събрав тмочисленыя полкы, и прииде с многою силою на царя Тахтамыша, и бывшю бою межю ими, и одоле Темирь Аксак, а Тахтамышь побеже» [76].

На широком международном фоне изображают летописи поход Тимура в Русскую землю (1395 г.) [77]. По-видимому, под влиянием нашествий Тимура на страны Кавказа и Русь, совпавших с натиском Турции на Византию, появилось особое литературное произведение — «Сказание о Вавилоне граде» [78], в котором говорится о розыске тремя отроками (греком, абхазцем и русином) царских регалий и доставке их в Византию. В «Сказании» проводится идея общности интересов русских, византийцев и народов Кавказа в борьбе против иноземных захватчиков: против татаро-монгольского ига, турецкой агрессии, нападений Тимура.

Прослеживая дальнейшую судьбу Тохтамыша после поражения, нанесенного ему Тимуром, московские летописцы развивают мысль, которая уже достаточно отчетливо проявилась в повестях о Куликовской битве: союз Литвы с ордынскими ханами не приведет ее к добру. В летописном рассказе под 1398 г. говорится, что в Золотой Орде на месте разбитого ранее Тимуром Тохтамыша утвердился в качестве хана Тимур-Кутлуг; Тохтамыш же вошел в сношения с литовским князем Витовтом Кейстутовичем и бежал в Киев [79]. Летописи подчеркивают, что поддерживая Тохтамыша, Витовт рассчитывал с его помощью в дальнейшем начать наступление на Русь. Эти намерения кончились провалом.

Описывая битву на Ворскле между войсками Витовта и Тимур-Кутлуга, летописцы отмечают, что, несмотря на участие на стороне литовского князя татар Тохтамыша, поляков, немцев, присланных магистром Ордена, отряда волошского господаря, Витовт потерпел поражение, а Тохтамыш

---

[76] ПСРЛ, т. 25, стр. 222; т. 8, стр. 65; т. 11, стр. 159; т. 20, стр. 213; т. 23, стр. 134; т. 24, стр. 161.

[77] Там же, т. 18, стр. 143; ТЛ, стр. 446.

[78] М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. ТОДРЛ, вып. IX. М.—Л., 1953, стр. 119—142.

[79] ПСРЛ, т. 6, стр. 130; т. 8, стр. 71; т. 11, стр. 167—168; т. 20, стр. 219; т. 23, стр. 136; т. 25, стр. 228; ТЛ, стр. 449.

после этого отблагодарил своего союзника тем, что «много... пакости учини земле Литовскои» [80].

Дальнейшие феодальные смуты в Золотой Орде в московском летописании отражены менее детально, чем обстоятельства, связанные с политической карьерой Тохтамыша. Под 1400—1401 гг. имеется известие о смерти хана Тимур-Кутлуга и воцарении Шадибека, под 1406 г.— об убийстве Шадибеком Тохтамыша в Сибирской земле, под 1407 г.— о «замятне» в Золотой Орде, окончившейся свержением Булат-Салтаном Шадибека [81].

В дальнейшем в центре внимания летописцев оказывается фигура хана Едигея, при котором была сделана новая (после Тохтамыша), но безуспешная попытка возродить единство Золотой Орды и описанием похода которого на Русь в 1408 г. оканчивается московский летописный свод, известный под именем Троицкой летописи. Нашествие Едигея [82] снова повысило в русской публицистике интерес к вопросам борьбы с татаро-монгольскими захватчиками. Именно в связи с этим событием, как можно думать, и было написано «Сказание о Мамаевом побоище» [83].

Взаимоотношения Руси с Византией с 80-х годов XIV в. (как и в более раннее время) летописи рассматривают прежде всего в сфере церковной. На протяжении 1380—1390 гг. приводятся данные, касающиеся продолжения начавшейся еще в 1378 г. (после смерти митрополита Алексея) борьбы (между византийскими и русскими властями, между разными группами русских духовных и светских феодалов, между церковниками и княжеской властью) по вопросу о кандидате на замещение митрополичьей кафедры. Имеются сведения о поездках в Константинополь (Царьград) митрополитов Киприана, Пимена, суздальского архиепископа Дионисия и других духовных лиц, а также о приездах в Москву представителей греческого духовенства, иконописцев и т. д. [84]. Так, согласно летописным данным,

---

[80] ПСРЛ, т. 18, стр. 143; т. 5, стр. 251; т. 6, стр. 131; т. 8, стр. 72—73; т. 11, стр. 172—174; т. 20, стр. 219; т. 23, стр. 137; т. 25, стр. 229; ТЛ, стр. 450.

[81] ПСРЛ, т. 18, стр. 148, 153, 154; т. 5, стр. 256—257; т. 6, стр. 131, 135; т. 8, стр. 75, 81; т. 11, стр. 183, 198; т. 20, стр. 220, 224—225; т. 23, стр. 138, 141; т. 24, стр. 168, 173; т. 25, стр. 231, 236; ТЛ, стр. 453, 465.

[82] ПСРЛ, т. 18, стр. 155—159; т. 6, стр. 136—139; т. 8, стр. 82—84; т. 11, стр. 205—211; т. 20, стр. 225—226; т. 23, стр. 141—143; т. 24, стр. 174—175; т. 25, стр. 238—239; ТЛ, стр. 468—471.

[83] Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. В кн.: «Повести о Куликовской битве», стр. 423—426.

[84] ПСРЛ, т. 18, стр. 131, 134—136, 138, 139, 149; т. 25, стр. 205, 206, 210—212, 214—215, 218; ТЛ, стр. 421, 432, 426—428, 430—431, 433—435, 454.

вместе с митрополитом Киприаном в Москву прибыли «два митрополита гречина»: Матфей Адрианопольский и Никандр Гаянский (из них первый в 1392 г. умер) [85].

Лаконичность и официальный характер летописных известий не всегда дают возможность определить характер русско-византийских связей, которые возникали в результате прибытия тех или иных византийцев в Русскую землю. Но в отдельных случаях летописи более определенно говорят о деятельности в русских городах греческих мастеров, например иконописцев, выполнявших работы совместно с русскими иконниками. Так, Феофан Грек расписывал в Москве в 1395 г. (вместе с Семеном Черным) церковь Рождества Богородицы, в 1399 г.— Архангельский собор, в 1405 г. (вместе с Прохором из Городца и Андреем Рублевым) — Благовещенский собор [86].

Отмечают летописи и работу на Руси ремесленников — выходцев из южнославянских стран и из православных монастырей на Афоне. Так, под 1404 г. летописи говорят о сооружении мастером Лазарем Сербином (афонским монахом) замечательных часов, установленных на дворе великого князя Василия Дмитриевича [87].

Обращаясь от вопроса о русско-византийских и русско-балканских связях к истории самой Византии и южнославянских государств Балканского полуострова, летописи рассматривают ее под углом зрения той идеи, которая была выдвинута еще повестями о Куликовской битве,— идеи опасности турецкой агрессии. Под 1393 г. в ряде летописных сводов имеется сообщение о захвате турецкими войсками столицы Болгарского царства г. Тырнова. В качестве завоевателя назван Челябий-Амира, сын турецкого султана Мурада I, брат султана Баязида I. Летописная заметка начинается с общего рассказа о турецких завоеваниях в XIV в. на Балканском полуострове и в Малой Азии. Турецкий султанат овладел «землею Греческою», Македонией, Сербией, городами Эфесом, Бруссой, Силиврией, Колоссаи, Фессалониками с зависимыми от них областями, объединил под своей властью сарацин, бесермен и турок. Собрав со всех названных земель «тмочисленыя полкы своя», Челябий-Амира «поиде на Болгарскую землю», «взя град их столны славны Тырнов», пленил болгарского царя, патриарха, митрополитов, епископов, поджег собор, являвшийся центром

---

[85] ПСРЛ, т. 18, стр. 135, 139, 140; т. 5, стр. 224; т. 8, стр. 60, 61; т. 11, стр. 192; т. 20, стр. 210; т. 23, стр. 132; т. 24, стр. 158; т. 25, стр. 211, 218—219; ТЛ, стр. 428, 435, 440.

[86] ПСРЛ, т. 8, стр. 65, 72; т. 11, стр. 157, 172; т. 23, стр. 134, 137; т. 25, стр. 222, 229; ТЛ, стр. 445, 449, 459.

[87] ПСРЛ, т. 8, стр. 77; т. 23, стр. 139; т. 25, стр. 233; ТЛ, стр. 457.

патриархии, соорудил на этом месте мечеть «и вся люди их покори под ся и землю ту перея за ся» [88].

Под 1395 г. летописи сообщают о междоусобной борьбе византийского императора Мануила II Палеолога и сына Андроника IV Палеолога — Иоанна Калояна, действовавшего в союзе с Турцией. Иоанн Калоян («царь Калочан Андроников сын», «Колочан царь турьскы») подступал «с туркы» к Константинополю (Царьграду), «...и выиде противу им царь Мануил с грекы и с фрязы и прогони туркы...» [89]. Из краткой летописной записи, приуроченной к 1395 г., не ясно, какая именно победа Мануила над турками имеется в виду.

Довольно подробно, хотя и не точно, описывается в ряде летописных сводов под 1398 г. длительная осада Константинополя (Царьграда) турецкими войсками во главе с Баязидом I. «Събрав воя многы», он со всех сторон окружил город «и пути переня по морю и по суху..., надеяся взяти его, а прочия окрестныя многы грады и страны Гречьскыя взяша и поплениша». Далее говорится, что находившиеся в это время в осажденном городе император, патриарх и «прочии людие» пребывали «в печали велице, и во истоме, и в оскудении». Тогда русский великий князь Василий I Дмитриевич, «обмыслив с отцем своим митрополитом Киприяном» и по совету «с прочими князьми русскыми» отправил в Константинополь «много серебра в милостыню» [90]. Хотя достоверность летописного сообщения и вызывает сомнения, интересна пронизывающая его идея: подчеркивается, что московское правительство оказывало помощь Византии в сопротивлении ее турецкому наступлению.

Приведенные летописные данные могут быть дополнены материалом записок смольнянина Игнатия, сопровождавшего в 1389 г. в Константинополь митрополита Пимена. Игнатий пробыл в Константинополе несколько лет — как раз в тот период, когда шло турецкое наступление на страны Балканского полуострова и там участились войны и феодальные смуты. («И убоявьшесь мятежа, занеже беяхом в Турьской державе...»,— отмечает в одном месте своих записок автор). Игнатий собирал сведения о происходившей на Балканах борьбе. Так, он записал слышанный им рассказ о сражении на Коссовом поле между сербскими и турецкими войсками (1389 г.): «Бяше бо Амарат (турецкий султан Мурад I) пошел ратию на сербского князя Лазаря и бысть весть: убиша бо на суиме обою, и Амарата и

[88] ПСРЛ, т. 25, стр. 220—221; т. 8, стр. 63; т. 11, стр. 154; т. 18, стр. 143; т. 20, стр. 211; т. 23, стр. 133; т. 24, стр. 159; ТЛ, стр. 442.

[89] ПСРЛ, т. 25, стр. 222, 225; т. 5, стр. 246; т. 8, стр. 65; т. 11, стр. 161; т. 24, стр. 160.

[90] ПСРЛ, т. 25, стр. 228; т. 8, стр. 71; т. 11, стр. 168; т. 20, стр. 218; т. 23, стр. 136; т. 24, стр. 166; ТЛ, стр. 448.

Лазаря». Автор видит причины успехов турецких захватчиков в ослаблении политической мощи Византии из-за внутренних усобиц. Наступление турок на славянские страны в XIV в. не угрожало непосредственно Руси, но интерес Игнатия к турецкой проблеме объясняется тем, что у него на родине велась борьба против татаро-монгольского ига, требовавшая политической централизации, и ему было важно учесть опыт, и отрицательный, и положительный, в борьбе с иноземной агрессией балканских государств.

Игнатий наблюдал внутреннюю политическую борьбу в Византии и подробно описал междоусобную распрю Иоанна Калояна и Мануила, о которой (по кратким данным летописи) шла уже речь выше. «Андроников сын Калоан», добиваясь с турецкой помощью византийского престола, подошел к Константинополю. Мануил бежал к острову Лемнос. Отец Мануила скрылся в своем дворце («затворися в своих палатах»), а бояре укрылись в Софийском соборе («а бояре их ускочиша в церковь святые Софии»). На улицах города начались бои: «Звон же бысть по всему граду, ратнии же осветиша весь град фонарми, ганяюще по всему граду, и на конех, и пеши, толпами, голы, оружья держаще в руках своих и стрелы готовы в луки положены... И бе чюдно видети и слышати кипение граду. Овии со страхом трепетаху, а овии радовахуся...». В дальнейшем Иоанн Калоян потерпел поражение.

Интерес Игнатия к политической истории Византии проявился и в описании им коронации императора Мануила, свидетелем которой он был [91].

Касаясь международных событий 80-х годов XIV в., московские летописные своды, помимо византийской и южнославянской проблемы, впервые затрагивают вопрос о взаимоотношениях Руси с дунайским господарством Молдавией (известия 1386—1387 гг. о поездке сына великого князя Дмитрия Донского Василия Дмитриевича «в Подольскую землю, в Великые Волохы, к Петру воеводе», отправлении за ним Дмитрием Донским своих «бояр старейших» и его возвращении в Москву) [92].

Показателем интереса летописцев к судьбам южного славянства, страдавшего от турецкой агрессии, а также молдавского населения дунайских княжеств является помещение на страницах некоторых летописных сводов интересного памятника конца XIV в., имеющего заглавие «А се имена всем градом

---

[91] «Православный Палестинский сборник», т. IV, вып. 3. СПб., 1887, стр. 6, 12—18; см. также ПСРЛ, т. 11, стр. 97—98, 101—104.

[92] ПСРЛ, т. 18, стр. 136—137; т. 8, стр. 51—52; т. 11, стр. 90; т. 20, стр. 205—206; т. 23, стр. 130—131; т. 24, стр. 156—157; т. 25, стр. 213—214; ТЛ, стр. 431—432.

рускым, далним и ближним»[93]. Как выяснил М. Н. Тихомиров[94], автором памятника был русский человек, в основу отбора городов для своего произведения положивший принцип языка, на котором говорили их жители. Под «русскими» городами он имел в виду города, населенные славянами: русскими, украинцами, белоруссами, болгарами, в некоторых случаях — города со смешанным населением, состоявшим из белоруссов и литовцев. Вошли в список и города молдавские (волошские), поскольку молдаване пользовались в то время славянской письменностью.

«Список» городов — памятник, свидетельствующий о внимании, проявляемом летописцами к географическим, этнографическим и историческим связям русского, украинского и белорусского народов с южными славянами и молдаванами, отстаивавшими в сложных международных условиях свою национальную и государственную независимость.

Много места уделено в летописях русско-литовским связям после 1380 г. Летописи отмечают переговоры Василия I с литовским князем Витовтом Кейстутовичем в Смоленске и Коломне (1396 г.), князя Ивана Михайловича тверского с Витовтом в Литве (1397 г.), поездку в Смоленск «к отцу своему и к матери своей...» княгини Софьи Витовтовны, жены московского великого князя Василия Дмитриевича (1398 г.), пребывание литовского посольства в Москве (1398 г.), заключение Литвой мира с Псковом (1409 г.), выезды в Москву на службу литовских князей[95].

Летописные своды касаются также вопроса о брачных связях между русскими и литовскими княжескими фамилиями. Так, под 1394 г. имеется летописная запись о выходе дочери великого князя Дмитрия Донского Марии замуж за князя Семена (Лугвения) Ольгердовича литовского. Интересуются летописи и дальнейшей судьбой русских княжен, ставших женами литовских князей. Так, под 1382 г. находим сообщение о смерти жены Ольгерда княгини Ульяны, под 1399 г.— о кончине вышеупомянутой княгини Марии Дмитриевны[96].

---

[93] ПСРЛ, т. 7, стр. 240—241; т. 23, стр. 163—164; М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», кн. 40, 1952, стр. 223—225.

[94] М. Н. Тихомиров. Список русских городов..., стр. 218—219.

[95] ПСРЛ, т. 25, стр. 226—228, 239; т. 5, стр. 257; т. 6, стр. 128—130, 136, 139; т. 8, стр. 69—72, 82, 85; т. 11, стр. 164, 166, 171—172, 215; т. 18, стр. 154; т. 20, стр. 217—219, 225, 228; т. 23, стр. 135—137, 143; т. 24, стр. 165; т. 25, стр. 226—228, 239; ТЛ, стр. 447—449, 467.

[96] ПСРЛ, т. 18, стр. 142, 143; т. 5, стр. 246; т. 6, стр. 130; т. 11, стр. 127, 156, 172; т. 8, стр. 62, 64, 72; т. 20, стр. 210, 211, 219; т. 23, стр. 133; т. 24, стр. 160; т. 25, стр. 221; ТЛ, стр. 440, 444, 449—450.

Особо отмечают летописи (под 1390 г.) брак московского великого князя Василия Дмитриевича и дочери литовского князя Витовта Кейстутовича Софьи, имевший большое значение для политического сближения Литвы и Руси [97]. Хорошо известно, что в средние века браки между представителями и представительницами правящих в разных государствах династий играли важную роль в решении международных вопросов, затрагивавших эти государства.

В летописном своде митрополита Киприана, сосредоточившего в своих руках высшее церковное управление как в областях Северо-Восточной Руси, так и в русских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского, отмечены факты его деятельности в Литве [98].

Летописные своды воспроизводят ряд данных, относящихся к внутриполитической истории Литвы, прежде всего особенно важных для московских правителей данных о феодальных войнах среди литовских князей и о подготовке и последствиях Кревской унии 1386 г. Летописи останавливаются на междоусобной войне Кейстута Гедиминовича и его сына Витовта с Ягайлом, на убийстве по приказанию Ягайла Кейстута и бегстве Витовта в Пруссию. Эта усобица расценивается как «велик мятежь», во время которого князья «въсташа сами на ся» и причинили «много зла» «земли Литовскои» [99].

Далее летописи говорят о браке Ягайла с дочерью польского короля Людовика королевой Ядвигой, о Кревской унии Литвы и Польши и утверждении Ягайла в качестве польского короля («...женися великыи князь литовскыи Ягаило Олгердовичь, взя некоторую королицу, не имущу ни отца, ни матери, и ея же ради достася ему королевство в Лядьскои земли»). Особенно подчеркивается принятие Ягайлом христианства по католическому обряду и насильственное введение католицизма в Литве («И пришед из Угр в Литовскую землю и крести литву в немецькую же веру, половину своего города Вилны») [100]. Наконец, отмечена передача Ягайлом Витовту Великого Литовского княжения (1392 г.) и съезд Ягайла и Витовта в Мололюбе [101].

---

[97] ПСРЛ, т. 18, стр. 140; т. 5, стр. 244; т. 8, стр. 61; т. 11, стр. 124; т. 20, стр. 210; т. 23, стр. 132; т. 24, стр. 158; ТЛ, стр. 436.

[98] ТЛ, стр. 449, 459; ПСРЛ, т. 11, стр. 166, 191.

[99] ПСРЛ, т. 25, стр. 200; т. 8, стр. 33; т. 11, стр. 26, 43; т. 18, стр. 125; т. 23, стр. 124; т. 24, стр. 142; ТЛ, стр. 414.

[100] ПСРЛ, т. 25, стр. 206, 213; т. 8, стр. 42, 51; т. 11, стр. 43, 87, 124; т. 18, стр. 118; т. 20, стр. 202, 205; т. 23, стр. 127, 130; т. 24, стр. 149, 156; ТЛ, стр. 402.

[101] ПСРЛ, т. 25, стр. 220, 233; т. 6, стр. 132; т. 8, стр. 62, 77; т. 11, стр. 155; т. 20, стр. 211, 221; т. 23, стр. 133, 140; т. 24, стр. 159; ТЛ, стр. 459.

Обращаясь к теме борьбы литовцев с немецкой агрессией, летописные своды отмечают большой поход в Литву, организованный в 1394 г. магистром Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингеном, и посольство, отправленное совместно Василием I и Витовтом в Новгород в 1396 г. с предложением «мир розвереч с немцами» [102].

В начале XV в. московские летописцы, описывая современные им события из жизни Литвы, по-видимому, вернулись и к оценке некоторых периодов русско-литовских отношений в прошлом. Эта оценка коснулась прежде всего личности Ольгерда как политического и военного деятеля [103]. Сохранившаяся летописная характеристика этого князя явно наделяет его чертами превосходства по сравнению с другими литовскими правителями. Это не случайно даже в том случае, если видеть в характеристике Ольгерда заимствование из литовских источников, ибо обычно один летописец берет у другого то, что созвучно его мировоззрению или может быть приспособлено к его целям.

Московские летописи подчеркивают, что по объему и силе власти Ольгерд превосходил своих отца, деда и братьев; расширения территории Литовского княжества, его укрепления он добивался благодаря своим личным качествам: воздержанию от излишеств, целеустремленности действий, умению воевать. Он «меду, ни вина, ни пива, ни квасу кисла не пьяшет, велико въздержание имеяше, и от того великоумъство приобрете и крепку думу, от сего и мног промысл притяжав...». Воевал Ольгерд не столько «силою, елико уменьем». Он всегда держал в тайне направление своего похода, «да не услышана будеть дума его в ушью иноземцем, да не изыдеть весть си в ту землю, в ню же рать ведяше». В результате Ольгерд «многы страны и земли повоева, и многы городы и княженья поима за собя, и удержа себе власть велику, тем и умножися княженье его» [104]. Все перечисленные выше качества Ольгерда квалифицируются в летописных сводах как «коварство», но этот термин имеет оттенок не столько осуждения, сколько похвалы, означая скорее сноровку, воинскую хитрость, чем вероломство.

Чем вызвана эта в общем положительная (хотя и с оттенком укора) оценка Ольгерда, оставившего о себе на Руси печальную память своими завоевательными походами? Конечно, нельзя в характеристике литовского великого князя видеть одобрение или оправдание актов агрессии. Смысл ее, очевидно,

---

[102] ПСРЛ, т. 25, стр. 221, 227; т. 5, стр. 250; т. 6, стр. 129; т. 8, стр. 64, 70; т. 11, стр. 156, 168; т. 18, стр. 143; т. 20, стр. 218; т. 23, стр. 135—136; ТЛ, стр. 445.

[103] Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 301—303.

[104] ПСРЛ, т. 25, стр. 173; т. 7, стр. 207; т. 8, стр. 15; т. 18, стр. 108, 118; т. 23, стр. 106; т. 24, стр. 117; ТЛ, стр. 387, 402.

заключается в другом. Новая русско-литовская война (1406—1408 гг.) заставила подумать о том, что следует использовать положительный опыт соседей в военном деле, что надо учиться и у друзей, и у врагов.

В начале XV в. возник еще один памятник, характеризующий область русско-шведских отношений: «Рукописание Магнушово, свейского короля, приказ детем его, и братьи его, и всеи Свеискои земли» [105]. По своей форме «рукописание» воспроизводит обычные древнерусские завещания (духовные грамоты).

В начале завещания говорится, что (именуемый в некоторых списках «князем», а в некоторых «королем свейским») Магнус («нареченыи в святом крещении Григореи»), «отходя от сего света», «при своемь животе», приказывает своим детям, братье «и всеи Свеискои земли» «не наступатися» в нарушение «крестного целования» на Русь.

Далее следует историческая справка о неудачных походах шведских захватчиков на Русскую землю в прошлом. Князь («местер») Белгерь (ярл Биргер) «вшел в Неву», но князь Александр Невский встретил его на реке Ижоре и «самого прогна, а полкы поби» (1240 г.). Князь Маска (Маскалка — шведский маршал Торкель Кнутсон) возвел город на реке Охте, оставил там своих наместников, а сам ушел «за море», князь же великий Андрей Александрович с новгородцами «город взя, а мужии поби» (1300—1301 гг.). Затем в «рукописании» говорится о сорокалетнем «розмирье» между Русью и Швецией, после которого, в княжение великого князя Юрия Даниловича, эти страны заключили «вечный мир» «и земле и воде роздел есме доспели» (1323 г.). Значит, началом «розмирья» в рассматриваемом произведении считаются 80-е годы XIII в., когда участились нападения шведских войск на новгородские земли.

Вслед за исторической справкой о русско-шведских взаимоотношениях во времена, предшествующие правлению Магнуса, в «рукописании» идет рассказ о злоключениях самого Магнуса во время его походов «со всей Свейскою землею» на Русь. Он, судя по «рукописанию», нарушил мирный русско-шведский договор 1323 г. через 30 лет после его заключения. Здесь допущена известная неточность, так как первый поход Магнуса под Орехов относится к 1348 г. События русско-шведской войны 1348—1350 гг. описаны в рассматриваемом литературном произведении детально и красочно (хотя и не всегда в полном соот-

---

[105] ПСРЛ, т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, стр. 262—263; т. 8, стр. 216—217; т. 23, стр. 110—111; т. 24, стр. 120—121; т. 25, стр. 178—179; см. И. П. Шаскольский. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. ИАН. серия истории и философии, т. VIII, № 3, 1951, стр. 267—276.

ветствии с реальной действительностью). Мораль рассказа такова: завоевательные планы шведского короля потерпели полный крах, и он вынужден был с позором удалиться «в свою землю с останком рати».

Рассказав о провале в середине XIV в. агрессивных замыслов шведских правителей, «рукописание» проводит мысль, что бог жестоко покарал носителя этих замыслов Магнуса, наслав беды на Шведскую землю («глад», «мор силен», междоусобицы — «сечю межи собою») и несчастья на самого короля («и у самого мене отъял бог ум, и седех и полате своеи год прикован к стене чепью железною, и заделан есмь был в полате»). Сын Мангуса Сакун (Хокон VI — король Норвегии) «вынял» его из палаты и повез в Мурманскую (Норвежскую) землю. Но во время путешествия по морю началась буря, корабль, на котором находился Магнус, утонул, и король в течение трех суток плавал на корабельных досках, пока его не прибило к монастырю св. Спаса, где он был пострижен в монахи и принял схиму.

Реальную основу этого в значительной мере фантастического рассказа о злоключениях, жертвой которых стал Магнус, составляют феодальные смуты и династическая борьба в Швеции и Норвегии, закончившаяся свержением и изгнанием Магнуса. По ходившим слухам, он в дальнейшем утонул во время кораблекрушения. Ясно, что «рукописание» развивает такую идею: захватническая политика до добра не доводит; нападения на чужие земли приводят к тому, что правитель-агрессор теряет почву в собственной стране.

Заканчивается «рукописание» Магнуса признанием им своего «высокоумия», выразившегося в наступлении на Русь «на хрестном человании», за что он получил возмездие от бога, и повторным приказом (со страшным заклятьем) своим детям, братье и «всеи Свеиской земле» не идти по его ошибочному пути [106].

Итак, оценивая взгляды московских летописцев на международную ситуацию с 80-х годов XIV в. до второго десятилетия XV в., можно сказать следующее. Возникшие в связи с Куликовской битвой 1380 г. литературные произведения, в первую очередь «Задонщина», а также летописные повести и «Сказание о Мамаевом побоище» поставили своей задачей не только воспеть замечательную победу русского народа, но и осудить акты внешнеполитической агрессии, с какой бы стороны они не шли (а Русь испытывала угрозу и с юго-востока — от Орды, и с северо-запада — от шведских и литовских феодалов). После

[106] ПСРЛ, т. 4, ч. 2, вып. 1, стр. 262—263.

Куликовской битвы русскому народу пришлось выдержать еще несколько войн, вызванных завоевательными устремлениями соседних феодальных государств. В 1395 г. на Русь напали войска Тимура, в 1408 г.— Едигея, в 1406—1408 гг. разразилась русско-литовская война, в 1411 г.— война Новгорода со Швецией. Русской публицистике снова надо было вернуться к теме агрессии и расценить ее с точки зрения общей системы международных отношений. Развивая эту тему, летописцы создали три образа: азиатского деспота Тимура, великого князя литовского Ольгерда и шведского короля Магнуса. Каждый из этих образов был по-своему поучителен. Покорившего ряд стран Тимура Русская земля, как говорит летописец, не приняла и изгнала из своих пределов: «...от Русьскиа земли отступив, поиде прочь, отнуду же и прииде, а земля Русскиа отинуде не прикоснуся, ни оскорби, ни стужи, ни вреди еа, но [поиде] без вращениа» [107]. Шведский король, согласно летописной версии, на горьком опыте сам убедился в тщетности и вредности каких-либо поползновений на Русскую землю и своим потомкам запретил думать о захватах. У Ольгерда литовского есть чему поучиться, но, научившись его приемам войны, Русь воспользуется ими против литовских же князей, если они выступят как агрессоры,— так мыслит летописец.

Расценивая в свете таких представлений международную ситуацию, летописцы приходят к выводу, что судьба Руси во многом связана с судьбой других государств, которые, как и Русь, ведут борьбу за свою национальную независимость. Отсюда мысли о пользе союзов между отдельными феодальными государствами, в условиях средневековья обычно облекавшиеся в религиозную оболочку.

* * *

L'articile explique dans quelle mesure les chroniques de Moscou du XIV-e et du début du XV-e siècles s'intéressaient aux questions de la vie internationale. L'article examine les données fournies par les chroniques de Moscou sur la Horde d'Or, la Lituanie, la Byzance, les pays de la péninsule des Balcans et la Suède. La bataille de Koulikovo excita un intérêt particulier pour les problèmes de la vie internationale. Analysant la situation internationale, les chroniqueurs arrivent à la conclusion que les destinées de la Russie sont pour beaucoup liées à celles des autres Etats. Ils expriment l'idée de l'utilité des alliances entre les Etats qui luttent pour leur indépendance nationale.

---

[107] ПСРЛ, т. 24, стр. 164.

И. Снегаров

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БОЛГАРИЕЙ И РОССИЕЙ

в конце XIV — начале XV в.

В средние века из славянских стран Болгария поддерживала наиболее тесные культурные связи с Россией. Они начали завязываться еще до официального принятия Киевской Русью христианства (988) и прослеживаются в дальнейшем непрерывно до завоевания Болгарии турками (1393—1396) [1]. Этой культурной общностью двух родственных народов — болгар и русских — мы можем объяснить тот значительный исторический факт, что даже во время монгольского нашествия прежние связи между Русью и Болгарией не прерывались. Русские беженцы находили убежище в Болгарии. Некоторые из них приобрели большое влияние в политической жизни страны. Так, Ростислав, сын черниговского князя Михаила Всеволодовича, в качестве венгерского феодального правителя области Мачвы (по р. Саве и Дрине в нынешней Западной Сербии) в 1255 г. был посредником между венгерским королем Белой IV и болгарским царем Михаилом Асенем. Последний женился на дочери Ростислава и уступил ему подунайские области — Браничевскую и Белградскую.

В государственной жизни Болгарии еще более важную роль играл русский выходец Яков Святослав, которого, по сообщению Георгия Пахимера, еще царь Иван Асень II (1218—1241) назначил правителем одной области, расположенной близ горы Хемуса (ныне Стара Планина). Пахимер не определяет точно эту область, но она, вероятно, находилась в Северо-Западной Болгарии, так как ее северная граница проходила вдоль венгерской территории по р. Дунаю. Во время правления болгарского царя Константина Тиха (1257—1277) Яков Святослав получил высокий сан деспота и даже

[1] См. подробнее: И. Снегаров. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV вв.), София, 1950.

назывался иногда imperator Bulgarorum. Он был настолько тесно связан с жизнью болгарского народа, что Пахимер называет его болгарином [2].

Вероятно, русским эмигрантом был и талантливый болгарский военачальник Иван Русин, человек энергичный и опытный (по характеристике Иоанна Кантакузина), верно служивший болгарскому государству и ратовавший за укрепление его единства. Как комендант в Филиппополе (ныне Пловдив), он в 1323 г. выдержал со своим гарнизоном четырехмесячную осаду этого города, организованную Андроником Палеологом Младшим и болгарским феодалом Войсилом [3]. В 1328 г. по приказанию болгарского царя Михаила Шишмана он предпринял поход с 3 тыс. всадников на Константинополь.

Выходцы из русских земель не забывали своей родины и стремились поддерживать связь с видными общественными деятелями Руси. В 1261 г. киевский митрополит Кирилл III (1242—1281) обратился к деспоту Якову Святославу с просьбой доставить ему Кормчую (Номоканон) на славянском языке. Как известно, Яков Святослав выслал ему сделанный болгарским каллиграфом Иоанном Драгославом список Номоканона, хранившегося в Тырновской патриархии [4].

Имея в виду эти и другие факты [5], едва ли можно поддер-

---

[2] Georgius Pachimeres. De Michaele et Andronico Palaeologis libri 13, ed. Bonnae, p. 181. 3—5: βουλγάρῳ τῷ Σβεντισθλάβῳ κατὰ Μυσίαν τῶν κατὰ τον Αἷμυν ὀρεινῶν ἄρχοντι. О деятельности Ростислава и Якова Святослава см. В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. III. София, 1940, стр. 456—457, 499—519.

[3] Ср. К. Иречек. История на Българите. София, 1929, стр. 225—227, 311—312.

[4] «Повѣлѣнием же и по цѣнѣ: Великаго господина Ия[ко]ва Святьславя дѣспотѣ блъгарьскаго» А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 290—291; И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X—XIV веков, 2-е изд. СПб., 1882, стб. 125—126; ср. Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина. М., 1880, стр. 429—430.

[5] Произведения туровского епископа Кирилла (XII в.), распространяемые на славянском Юге, дошли в одном сборнике сербской редакции XIII в. См. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894, стр. 9. В болгаро-сербском прологе 1340 г. помещены жития Бориса и Глеба, Мстислава, Феодосия Печерского. В русских сборниках тоже помещались южнославянские тексты: в пергаменном сборнике, составленном около 1200 г., хранившемся в Успенском соборе в Москве, помещены житие Мефодия Моравского и похвальное слово Кирилла и Мефодия. В нем есть также упоминание Мефодия под 11 мая. В Минее русского извода XIII в. находится служба Кирилла Философа (14 февраля), а в Минее русского извода XIII в.— общая служба (канон) Кирилла и Мефодия (6 апреля). А. В. Горский. Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, стр. 285—296; И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 81, 88; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения

живать мнение, что после падения Болгарии сношения русских с южными славянами почти прекратились[6]. Налицо достаточно интенсивные церковно-политические сношения. Тырновская патриархия, например, интересовалась церковной жизнью соседних православных стран и оказывала свое им содействие[7]. Чтобы помочь русской церкви освободиться от зависимости Византии, в 1352 г. тырновский патриарх (вероятно, Феодосий II) сделал монаха Феодорита киевским митрополитом. Таким образом, в XIII—XIV вв. через Болгарию в немалой степени осуществлялись культурные связи Руси с южнославянскими странами и Византией[8].

Усиление культурных связей между Болгарией и Россией наблюдается во второй половине XIV в. Большую роль в этом сыграли славянские монастыри на Афоне, а также русские монахи в константинопольских монастырях[9]. Общественное движение в Болгарии XIV в. (исихазм, варламитство) оказывало влияние и на соседние славянские страны; вместе с тем оно усиливало распространение болгарской книжности. Замечается увеличение интереса русских книжников к деятельности Кирилла и Мефодия. В русских списках появляются их

древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 108—115. Об изданиях этих памятников см. А. Теодоров-Балан. Кирил и Методи, св. II. София, 1934, стр. 59—60, 77—78.

[6] А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 8—9.

[7] Патриарх Игнатий, называемый «столпом правоверия», вероятно, поддерживал борьбу против Лионской унии 1274 г.; патриарх Симеон принимал участие в соборе, провозгласившем в 1346 г. сербского архиепископа патриархом, и в коронации сербского царя Стефана Душана; патриарх Евфимий заботился о создании валашской митрополии. См. Е. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской, или Молдо-Валашской. М., 1871, стр. 84, 173; И. Снегаров. Кратка история на съвременните православни църкви (българска, руска и сръбска), т. II. София, 1946, стр. 331.

[8] «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 144, где имеется в виду период 1220—1370 гг.

[9] Приехавший в Афон монах Афанасий Русин купил рукописи и переписал жития (Афанасия Афонского, Григория Омиритского и др.), которые отвез в Россию, Иларион, игумен одного новгородского монастыря, в 1397 г. перенес из Афона «Тактикон» Николы Черногорца. Савва, основатель Вишерского монастыря, в 1937 г. принес в Россию «Правила» (потом ими пользовался для своей Кормчей Вассиан Патрикеев). В Студийском монастыре в Константинополе подвизался русский книжник, который в 1388 г. переписал «Диоптру» Филиппа; Иоанн, переписавший в 1399 г. «Иудейскую историю» Иосифа Флавия; Афанасий Высоцкий, игумен Высоцкого монастыря, переписал в 1401 г. «Око церковное» (Иерусалимский устав). См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 11, 31; ср. Йор. Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). ИИБЛ, кн. VI. София. 1958. стр. 26.

проложные [10] и пространные жития [11]. Память славянских первоучителей отмечалась в месяцеслове евангелия [12]. Вообще, со второй половины XIV в. русская литература обогащалась новыми южнославянскими произведениями [13]. Поэтому можно с полным основанием говорить о втором южнославянском влиянии на русскую литературу, которое особенно сильно проявилось в XV в. [14] и содействовало в поисках русскими книжниками нового стиля (панегирического) «для оформления слагающейся идеологии единодержавной власти» в Московской Руси [15]. Это южнославянское влияние распространялось преимущественно из Болгарии. Об этом говорит и появление в русских рукописях того времени среднеболгарской орфографии (Ѫ, Ѣ)и графики (так называемый младший полуустав) [16]. В данном случае мы видим следы реформы тырновского патриарха Евфимия, продолженной в Сербии Константином Костенчским, которая привела к сложению двух орфографических изводов — тырновского (среднеболгарского) и ресавского (болгаро-сербского).

Богатства болгарской книжности особенно широко использовались для церковно-политических нужд на Руси митрополитами Киприаном и Григорием Цамблаком, происходившими из Тырнова, столицы тогдашнего Болгарского царства. Киприан, брат отца Григория Цамблака, может быть, происходил из болгарского рода Цамблаковых [17], хотя он и не носил

---

[10] П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 101—103; А. Теодоров-Балан. Указ. соч., стр. 33—35, 38—39.

[11] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 45.

[12] А. Горский и К. Новоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. I. М., 1855, стр. 262.

[13] Кроме переводов церковных книг (см. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 3—7). на Русь попадали и южнославянские переводы византийских сочинений («Послание царя индийского Иоанна к греческому царю Еманиулу», «Повесть о двенадцати снах Шахаиши»), апокрифических произведений, исторических повествований (хроники Иоанна Зонары и Константина Манассии, переведенные в Болгарии). См. очерк в «Истории русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 144—148, 176. Известен и русский список XIV в. древнеболгарской повести «Чудо св. Георгия о болгарине Георгии».

[14] А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 8.

[15] «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 170.

[16] См. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 3, 12—13.

[17] Мнение о том, что Киприан и отец Григория Цамблака были братьями только по матери (Йор. Иванов. Указ. соч., стр. 36), остается лишь остроумным предположением. Имея в виду известие Григория Цамблака о его родстве с Киприаном, нет оснований сомневаться в болгарском происхождении Киприана и утверждать, что он был сербом. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древней-

этого родового имени [18]. В XIV в. и в Константинополе существовал знатный род ὁΤζαμπλάκων [19]. Однако, кроме сходства имен, нет другого основания для предположения о принадлежности Киприана и Григория Цамблака к этому византийскому роду [20].

Главный источник биографии Киприана (родился около 1336 — умер в 1406 г.) — это надгробное слово о нем Григория Цамблака [21]. Киприан, вероятно, был учеником исихаста Феодосия Тырновского в Келифарском монастыре (в окрестности Тырнова) [22]. После смерти Феодосия (27 ноября 1363 г.) [23] Киприан, видимо, перешел в Студийский монастырь (где позже написал славянскую псалтырь). Очевидно, уже тогда он пользовался расположением константинопольского патриарха Филофея (1354—1355 и 1362—1376). Вероятно, Киприан после смерти Феодосия Тырновского остался в Константинополе и в 1373 г. уже сделался синкеллом (доверенным служителем) патриарха Филофея. Именно Киприану Филофей поручил ответственную миссию уладить конфликт между русским митрополитом Алексеем (1354—1378) и литовским великим князем Ольгердом (1345—1377), стремившимся изъять Киев из компетенции русского митрополита в связи с неприязненными отношениями с московским великим князем Дмитрием Донским. В конце 1373 или в начале 1374 г. Киприан прибыл на Русь (сначала он находился в Киеве и Вильно, а потом в Москве). Он пользовался покровительством Ольгерда, который просил константинопольского патриарха сделать Киприана киевским митрополитом, грозя в

ших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 177; Јевс. Поповић. Опћа црквена историја, перевод с немецкого, II. Сремски Карловци, 1912, стр. 49.

[18] М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. 90.

[19] Cantacuzeni Historia, lib. II, cap. XXII, 18—20.

[20] Е. Е. Голубинский («Краткий очерк...», стр. 507—508) считает, что благодаря этому родству Киприан имел связи в константинопольской патриархии и был поставлен в киевские митрополиты.

[21] Ср. В. С. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София. 1956, стр. 213.

[22] В. Н. Златарски. Житїе и жизнь преподобного отца нашего Ѳеодосїа, иже в Трѣновѣ постничьствовавшаго. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 20. София, 1904, стр. 32.9—10 и 33.1. В житии не упоминается Киприан ни в Келифарском монастыре, ни между четырьмя учениками Феодосия в Константинополе, имена которых не сообщаются. Из учеников и сподвижников Феодосия указаны по имени только Дионисий, Савва, Тимофей и Роман. Мнение, что среди них был Киприан (В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 173 и 213), остается только предположением, основанным на известии другого источника о том, что Евфимий ездил вместе с Феодосием в Константинополь («Похвальное слово Григория Цамблака об Евфимии»).

[23] В. Н. Златарски. «Житїе...», стр. 34, 26.

противном случае принять католическую веру. Хорошо известно, что и русское, и литовское правительства старались использовать в своих целях продажность константинопольской патриархии и получить в свои руки такое важное орудие политической власти, как общерусская митрополия.

Киприан обвинил митрополита Алексея во многих недостатках, вследствие чего Филофей отправил в Москву новых представителей, которые должны были расследовать эти обвинения. Несмотря на благоприятный отзыв о русском митрополите нового посольства, патриарх Филофей удовлетворил просьбу Ольгерда и поставил Киприана в литовские (=киевские) митрополиты (2 декабря 1375 г.) с правом получить митрополию всей Руси после смерти престарелого Алексея. Этим Филофей пытался сохранить целостность русской митрополии и в какой-то мере учесть пожелания Ольгерда. Энергичным исполнителем этого плана являлся Киприан.

Киприан был достаточно подготовлен для выполнения этого поручения: он получил хорошее для своего времени образование, знал греческий и славянский языки, обладал многолетним церковно-административным опытом. Однако ему предстояло вести большую борьбу для осуществления плана патриарха Филофея. Русь и Литва тогда находились во враждебных отношениях. Московский великий князь Дмитрий Донской считал Киприана ставленником литовского князя. Когда Киприан явился в Москву после смерти Алексея (12 февраля 1379 г.) в качестве его законного преемника, он был оттуда изгнан [24]. Едва ли можно считать Киприана сторонником пролитовской политики [25]: патриархия скорее была заинтересована в сближении Литвы и Руси. В 1379 г. Киприан отправился в Константинополь, чтобы воспрепятствовать попыткам Михаила (Митяя), ставленника Дмитрия Донского, получить русскую кафедру. По пути из Киева он приехал в Тырнов, где встретился с патриархом Евфимием. Причина этой поездки через Болгарию, которая отсрочила его появление в Византии, не выяснена. Вероятно, Киприан рассчитывал на ходатайство Евфимия перед константинопольским патриархом в связи с его претензиями на общерусскую митрополию.

Новый константинопольский патриарх Нил (1380—1388) отказался поставить в русские митрополиты архимандрита Пимена (вместо умершего по дороге Михаила), которого пред-

[24] В своем послании Сергию Радонежскому он жаловался, что московский великий князь ему «сотвориль еже не створилося есть ии над единым святителем, како руская земля стала». Московские люди, которые выгнали его, ругали даже константинопольского патриарха, называя его «литвином».

[25] Ср. «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 194.

лагала московская делегация. Но потом он лишил и Киприана права быть общерусским митрополитом, признав его только митрополитом Литвы и «Малой России», а Пимена поставил митрополитом Киева и Великой Руси (Московской Руси). Это решение было продиктовано реальным соотношением сил Руси и Литовского великого княжества.

Вернувшись в Киев, Киприан продолжал бороться за осуществление своих притязаний, но только после смерти Дмитрия Донского ему удалось объединить обе митрополии. Это объединение соответствовало тогда интересам московского правительства. Оно отвечало и планам константинопольского патриарха Антония IV (1389—1397), стремившегося поддержать единство русской митрополии и опасавшегося происков папской курии.

Русская митрополия, хотя и подчиненная константинопольскому патриарху, представляла собой внушительную силу по своему экономическому положению и политическому влиянию в независимом Русском государстве. Киприан рассматривал Москву, как естественный центр Руси, и избрал ее местом своей деятельности, направленной на объединение русской церкви. Для достижения этой цели он поддерживал дружеские связи с литовским великим князем Ольгердом, стремясь предотвратить его переход в католицизм.

После смерти Дионисия суздальского Киприан, уверенный, что патриархия желает восстановления единства русской церкви, отправился вторично в Константинополь. Синод патриархии снова провозгласил Киприана всерусским митрополитом (в феврале 1389 г.) с титулом митрополита Киева и всея Руси, постановив, чтобы и его преемники были митрополитами всея Руси [26].

Эта политика константинопольской патриархии (и византийского императора) определялась материальными и политическими выгодами, которые она рассчитывала получить при сохранении единой русской митрополии [27].

Киприан прибыл в Москву в марте 1390 г. Новый великий князь Василий Дмитриевич (1389—1425), бывший в родстве и в политическом союзе с литовским великим князем Витовтом [28], принял Киприана дружелюбно. Киприан управлял единой русской церковью семнадцать лет — до конца своей жизни (1406 г.), пользуясь доверием московского и литовского

[26] Fr. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana, vol. II. Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Vindobonae, 1862, p. 128; ср. p. 116—117.

[27] См. Т. Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878, стр. 374.

[28] Он был женат на дочери Витовта — Софье.

великих князей и высшей церковной иерархии в Северо-Восточной Руси и Литве.

В вопросах взаимоотношений с римской курией Киприан руководствовался политическими интересами патриархии. Говоря с Ягайлом о пользе соединения восточной и западной церквей, Киприан согласился на то, чтобы они возбудили перед константинопольским патриархом предложение о созыве церковного собора для этой цели. Константинопольский патриарх ответил Ягайле и Киприану (в январе 1397 г.), что и он желает соединения церквей, но вследствие борьбы с турками ему не представлялось возможным созвать собор; к тому же вопрос о соединении церквей должен был решить вселенский, а не поместный собор, как предлагали Ягайло и Киприан[29]. Киприан допускал соединение восточной и западной церквей как равноправных сторон и не хотел, как Ягайло, подчинить православную церковь римскому папе. Положение Киприана было сложным, и он стремился поддержать хорошие отношения с Витовтом и его сюзереном Ягайло, чтобы сохранить церковно-политическую власть над подчиненным им русским, белорусским и украинским населением. Поэтому он считал невозможным отвергнуть наотрез их предложение об унии, но адресовал Ягайло к патриарху за разрешением этого вопроса.

В это время в Византии в связи с ухудшением ее политического положения все чаще выдвигались предложения о соединении церквей. Патриарх Филофей и синод по желанию императора Иоанна V Палеолога (1341—1391) вместе с александрийским и иерусалимским патриархами решили созвать вселенский собор, чтобы рассмотреть предложение папы о соединении церквей. Тогда константинопольский патриарх пригласил специальным посланием и охридского архиепископа приехать на этот собор со всеми его епископами[30].

В Москве свою административную и литературную деятельность Киприан направлял на укрепление власти церкви и политических связей между московским правительством и Византией. Так, по просьбе византийского императора и константинопольского патриарха Киприан собрал на Руси большую денежную милостыню в 1398 г.[31]. Он вел переписку с Сергием Радонежским, с игуменом Симоновского монастыря

---

[29] Эти письма издал А. С. Павлов в кн.: «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1. СПб., 1880, стб. 298—310.

[30] Fr. Miklosich et J. Müller. Op. cit., vol. I; p. 491—492, № 234; ср. И. Снегаров. История на Охридската архиепископия, I. София, 1924, стр. 350.

[31] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 347.

Феодором и другими русскими церковными иерархами. Он не раз обращался с посланиями к христианам, духовенству и к отдельным русским духовным деятелям. Эти послания по содержанию носят церковно-административный характер, но по форме они являются литературными произведениями, родственными сочинениям такого видного представителя тырновской литературной школы, как патриарх Евфимий. Киприан написал сравнительно мало книг[32], но они представляют собой заметное явление в русской литературе XIV—XV вв. Киприан — один из выдающихся писателей-иностранцев в средневековой России[33]. Он привез на Русь из Константинополя свои рукописи[34] и содействовал распространению южнославянской культуры[35]. По сообщению русских летописей (Никоновская летопись, Степенная книга), Киприан организовывал переписку славянских богослужебных книг[36]. Сам Киприан писал хорошим полууставом, который усвоил вместе с тырновским (среднеболгарским) изводом церковно-славянского языка[37]. Исследователи высоко оценивают эту деятельность Киприана в России и признают, что ее влияние долгое время ощущалось в русской литературе.

Воспитанный в духе византийского цезарепапизма, Киприан относился к московскому великому князю, как к покровителю церкви, сознавая, что она, как в Византии, Болгарии и других православных государствах, должна содействовать укреплению власти государя, «поставленного от бога». Это соответствовало классовым целям великокняжеской власти. Киприан стремился к сотрудничеству с великим князем

---

[32] Ср. А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 212.

[33] Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.). Л., 1946, стр. 45.

[34] «Лествица Иоанна», написанная Киприаном в Студийском монастыре в 1387 г. Это видно из его записи на рукописи: «В лѣто 6895 априлиа съвръшишася сия книгы в студинскои обитѣли Киприаном смѣренным митрополитом кыевскым и всея Росия». Архимандрит Амфилохий. Что внес св. Киприан... в наши богослужебныя книги? «Труды III Археологического съезда в России», т. II. Киев, 1878, стр. 241; А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 14, прим. 3. «Лествица» хранилась в Румянцевском музее.

[35] По его настоянию было переведено «Толковое евангелие» Феофилакта Болгарского. См. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 22.

[36] Ср. И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литературной деятельности. М., 1882, стр. 73.

[37] Е. Е. Голубинский думает, что Киприан усвоил сербскую редакцию («История русской церкви», т. II, первая половина, стр. 354—355). Амфилохий приводит выписки из его рукописей (Псалтырь, Лествица), в которых мы видим юсовое письмо. Еще яснее показывает Йор. Иванов, что Киприан употреблял среднеболгарское правописание (Йор. Иванов. Указ. соч., стр. 37 и сл.).

Василием Дмитриевичем, который со своей стороны поддерживал защищаемую Киприаном неделимость общерусской митрополии[38]. В этом отношении Киприан стремился следовать примеру своего предшественника митрополита Петра (1308—1326), который переместил центр митрополии из Владимира в Москву (1325). Киприан увековечил память Петра, написав[39] новое панегирическое житие, широко распространенное в рукописной литературе[40]. Это житие Петра, несмотря на ряд недостатков[41], стало образцом для русских авторов житий, которые в согласии с московской тенденцией к единодержавию начали употреблять риторически-торжественный стиль вместо простого стиля прежних русских житий. Появление в России витиеватого стиля связано с «единым литературным направлением, которое возникло в Болгарии, Сербии и России и отражало общий подъем славянских народов в это время»[42].

Киприан написал и службу митрополита Петра (21 декабря), желая закрепить его культ. Этими произведениями он хотел подчеркнуть, что является достойным преемником митрополита Петра, утвердившего общерусскую митрополию в Москве, и отстранить всякие подозрения в литвофильстве[43]. Вместе с тем он проводил идею о единстве русской церкви как предпосылке объединения всей русской земли.

Для составления общерусского летописного свода Киприан собирал местные летописи. Возможно, он был редактором первого Московского летописного свода 1392 г., чем содействовал дальнейшему развитию русского летописания[44]. Киприан стремился отразить в летописном своде миролюбивое

---

[38] «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 194—195.

[39] Предположительно между 1397 и 1404 гг. См. «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 235.

[40] См. «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры», ч. II. М., 1878, стр. 221—222; ч. III. М., 1879, стр. 216; Житие московского митрополита Петра, напечатанное впервые в «Степенной книге» (М., 1775), издано и в Болгарии по списку XVI в. из Хлудовой коллекции почти без указания разночтений в списках. (Б. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, стр. 162—176).

[41] См. Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 98—99, 350, 353.

[42] Д. С. Лихачев. Культура Руси..., стр. 82—83.

[43] В своем послании Сергию Радонежскому он объясняет характер его отношений к литовскому княжеству: «Если я был в Литве, то многих христиан освободил от горького плена, ставил здесь церкви...» («История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 235).

[44] Он использовал не только московские летописные записи, но и летописи новгородскую, тверскую и суздальско-нижегородскую («История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 195).

в отношении Литвы настроение московского двора, поддерживаемое влиянием великой княгини Софьи Витовтовны.

Этой тенденцией можно объяснить отсутствие в рассказе о Куликовской битве, помещенном в летописном своде Киприана, враждебных выпадов против литовского князя Ягайло, союзника татарского хана Мамая. Добавляя в своде известие о смерти литовского князя Ольгерда (1346—1377), Киприан указывает добродетели, благодаря которым «во всей же братии своей Ольгерд превыде властию и саном», в противоположность русским князьям, которые претерпели разгром при р. Пьяне, потому что отдались там пьянству [45]. Вообще, так называемая «литовская тенденция» в московском летописном своде является скорее всего дипломатическим средством, чтобы сохранить единство русской митрополии и сотрудничество московского и литовского правительств [46].

Своими славянскими литургическими трудами (Служебник, Требник, Псалтырь, каноны) Киприан сделал попытку внести единообразие в эти основные богослужебные книги, что усилило связи между русской церковью и константинопольской, которой с конца XIV в. была подведомственна и Болгария (после уничтожения Тырновской патриархии). Своими литургическими трудами Киприан стремился не только исправить обрядную практику русской церкви и привести ее в согласие с той же практикой константинопольской и болгарской церквей, но и содействовать политическому объединению всей Руси, развивавшемуся на основе усиления экономического общения отдельных княжеств. С этой целью он внес в свой Служебник имя русского митрополита Петра среди имен христианских святых, упоминаемых в богослужении, а также молитву «О ... князи нашем (имярек) и всех... князій наших иже русскою землею пекущимся» [47].

Идею единения православных славянских земель (болгар, сербов и русских) Киприан провел в своем Псалтыре, поместив в эту книгу синаксари русского митрополита Петра, Иоанна Рыльского, Кирилла Философа, Симеона Мироточивого, архиепископа Арсения [48]. Она выражена и в других молитвах, в которых на помощь молящемуся призываются и славянские святые.

---

[45] См. «Историю русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 194.

[46] Д. С. Лихачев правильно связывает известия в летописном своде об истории Литвы с идеей Киприана о московско-литовском единении (Д. С. Лихачев. Культура Руси..., стр. 65—66). Ср. В. С. Киселков. Указ. соч., стр 221—224. См. мои возражения в кн.: «Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV вв.)». София, 1950, стр. 66, прим. 3.

[47] И. Мансветов. Указ. соч., стр. 33.

[48] Там же, стр. 73.

Для укрепления веры русского народа в победную силу государственной власти Киприан перевел с греческого на славянский канон-молебен «На поганыя»[49], приспособив это литургическое творение к условиям русской земли, выражая надежду, что бог покорит русскому князю, устремленному «на враги» Руси, «поганых» и сокрушит их «шатания»[50].

Около 30 лет протекала деятельность Киприана на Руси. Россия сделалась для него второй родиной.

Русские официальные летописи (Никоновская летопись, Степенная книга) почтительно отзывались о Киприане. Он был исполнен «всякаго любомудрия и разума божественного..., и вельми книжен и духовен зело, добродетельным житием подвизася, и учением и наказанием наслаждаше всех, много бо потщания ему и подвиг бяше учити всех славу божию, неж праздная вещати и суетная глаголати и смехливых человек уши наполняти»[51]. Русские книжники, усердно списывая богослужебные книги Киприана[52], восхваляли его за «исправление книжное и учение», которым православная церковь (русская) «светлеется паче солнечных зарей и напаается яко от источника приснотекуща»[53].

Известен, правда, критический отзыв о Киприане монаха Нила Курлятева. В своем предисловии к Псалтырю, переведенному в 1552 г. на славянский язык его учителем Максимом Греком (умер в 1556 г.), он упрекает Киприана, что тот не знал хорошо ни греческого, ни русского языков и будто бы испортил текст богослужебных книг, а не исправил («а болши неразумие в них написал в рѣчех и в словех все по сербски написал. И ныне многия у нас и вся время на книгы пишут, а пишут от неразумия все по сербски»)[54]. Курлятев не отличал сербского языка от болгарского и, в сущности, как установил архимандрит Амфилохий, пересмотревший Служебник Киприана (№ 601 бывшей Синодальной библиотеки), «ничего не отыскал из его родного языка, портящего наш (славянский) богослужебный язык»[55]. Критика, очевидно, была

[49] Составлен константинопольским патриархом Филофеем.

[50] И. Мансветов. Указ. соч., стр. 109—110, приложение VIII, стр. XXIII—XXIV.

[51] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 356.

[52] Один из них отмечал, что списал Служебник с перевода митрополита Киприана «слово в слово» (И. Мансветов. Указ. соч., стр. 23, прим. 5). Сидко Молчанов, переписавший Служебник (с Требником) Киприана в 1481 г., внушает «с великым вниманиемь прочитати и оучитися или прѣписывати» эту книгу без всякого изменения (Архимандрит Амфилохий. Указ. соч., стр. 233).

[53] А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 15, прим. 1.

[54] Архимандрит Амфилохий. Указ. соч., стр. 231, 251.

[55] Там же, стр. 233.

связана со стремлением Курлятева отдать предпочтение переводу Максима Грека. Это отрицательное мнение осталось одиноким.

Оценивая деятельность Киприана в целом, можно признать, что он содействовал сближению средневековой болгарской культуры с русской[56]. Желая иметь на Руси достойного преемника, митрополит Киприан пригласил в Москву специальной грамотой (до сентября 1406 г.) своего племянника Григория Цамблака. «И мы,— говорит Григорий Цамблак,— того писанием подвигшесь, тщахомся достигнути вашеа (страны), яко да пастыря узрим о стадѣ пекущеся»[57].

Главные источники биографии Григория Цамблака (родился около 1365 г.) — его сочинения, но и в них нет точных хронологических известий о его общественной деятельности. Поэтому многие вопросы в связи с его деятельностью остаются нерешенными. Григорий. несомненно, был уроженцем Тырнова, вероятно, из знатного рода Цамблака (он назван этим именем в конце его похвального слова о Киприане, а также русскими летописцами)[58]. Имя «Григорий» он получил, вероятно, при пострижении в монахи. Неизвестно, учился ли Григорий непосредственно у патриарха Евфимия, но по характеру своего образования и литературным традициям он был его учеником. Можно думать, что Григорий Цамблак покинул родину до 1393 г.. стремясь продолжить свое образование в Византии (в Афоне или Константинополе). Будучи игуменом Дечанского монастыря, он написал житие сербского короля Стефана Дечанского (1321—1334), а может быть, и рассказ о перенесении мощей св. Параскевы Епиватской (Петки Тырновской) в Белград из города Видина (после его

---

[56] Ср. В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 229—230.

[57] В своем похвальном слове о Киприане, изданном архимандритом Леонидом. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1872, кн. I отд. Ц, стр. 4. Ср. А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 152; В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 237. Это похвальное слово, известное по списку XVI в., теперь хранится в Государственном Историческом музее в Москве (№ 384, лл. 236—244). Оно издано в 1958 г. по фотокопиям, но без надстрочных знаков Б. Ангеловым (указ. соч., стр. 180—190). Там указаны и ошибки в издании архимандрита Леонида.

[58] Поэтому нельзя передавать имея «Цамблак» в форме Цамвлах, Цимивлах или Семивлах (т. е. полувалах) и считать, что он происходил из оболгарившегося валашского рода («Энциклопедический словарь», т. IX. СПб., б. г., стр. 716). Ср. Е. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей..., стр. 507. А. И. Соболевский один раз называет его полуболгарином-полусербом («Южнославянское влияние..., стр. 14), другой же раз — болгарином («Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СПб., 1910, стр. 12). Конечно, имя «Цамблак» звучит не по-славянски, но и не указывает на валашское, а еще меньше — на албанское происхождение (В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 232).

захвата турками в 1396 г.). Из Сербии Григорий уехал, видимо, в Константинополь, и здесь, как родственник русского митрополита Киприана, он мог приобрести доверие патриархии и занять в ней какую-нибудь должность. Возможно, он тождественен иеромонаху Григорию [59], апокрисиарию константинопольской патриархии в Молдавии в 1401 г., которая, вероятно, готовила его к тому, чтобы он стал митрополитом славянской (в Галиции или России) или полуславянской страны (Молдавии, Валахии). Из «Слова» Григория Цамблака «На Рождество Христово» (1401 г.) видно, что он готовился вернуться в Константинополь, чтобы уведомить патриарха о результате своей миссии. Вероятно, на основании его доклада патриархия поставила епископа Иосифа в молдавские митрополиты и в то же время послала Григория Цамблака снова в Молдавию, чтобы укрепить зависимость Молдавии от константинопольской церкви. Его мы видим «презвитером в великой црькви Молдовлахийской», т. е. в кафедральном храме Сучавы, столицы Молдавии, а потом игуменом монастыря Пантократора [60] (вероятно, Нямецкого монастыря, находившегося близ Сучавы). Очевидно, тогда Григорий написал и житие белградского (аккерманского) мученика Иоанна Нового? [61].

Из Сучавы Григорий Цамблак, видимо, вошел в письменные сношения со своим дядей, русским митрополитом Киприаном. Приняв приглашение Киприана [62], он отправился через

---

[59] Константинопольский патриарх Матфей (1397—1410), пославший его в Молдавию, называет его монахом своей кельи (τὸν καλόγηρον τοῦ κελλίου — Fr. Miklosich et J. Müller. Op. cit., vol. II, p. 529), т. е. иеромонах Григорий был близким доверенным лицом патриарха, как и Киприан. Этот иеромонах Григорий был славянским писателем. Известны восемь церковных «Слов», собранных в рукописном сборнике XV в. в Троице-Сергиевой лавре, как творения «Григория мниха и презвитера». В «Слове о Рождестве Христовом автор дает понять, что он был послан константинопольским патриархом в страну своих слушателей: обращаясь «к пославшему нас отцу и учителю въселеньскому», он спешит сообщить об их добродетелях. У нас нет сведений, чтобы какой-нибудь славянский книжник по имени Григорий посылался константинопольским патриархом с миссией апокрисиария в какую-либо другую страну, кроме Молдавии. Поэтому в данном случае, скорее всего, речь идет о Григории Цамблаке (см. А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 86—88, 90, прим. 2). Ср. О. Лотоцький. Автокефалия, т. II. Варшава, 1938, стр. 301.

[60] Так он назван в списках XVI и XVII вв. «Жития Иоанна Нового» (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 105, 110).

[61] В списке 1438 г. (в сборнике Нямецкого монастыря) сказано, что житие это было «съписано Григориемь мнихомь и презвитеромь в великой црькви молдовлахїискои» (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 92).

[62] Это он сообщает в своем похвальном слове о Киприане. Поэтому нет оснований сомневаться, что Григорий Цамблак отправился в Россию, получив приглашение Киприана (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 153).

Литву в Москву. В Вильно он узнал, что Киприан уже умер, и поэтому вернулся в Константинополь, где, возможно, хотел добиться поставления в русские митрополиты. Однако константинопольский патриарх поставил в митрополиты России грека (из Пелопоннеса) Фотия. В 1407 г. Витовт предложил константинопольскому патриарху поставить в литовские (киевские) митрополиты полоцкого епископа грека Феодосия [63].

В 1409 г. мы видим Григория Цамблака снова в России вместе с новым русским митрополитом Фотием, который привел с собой и афонского монаха болгарина Пахомия, служившего ему, вероятно, переводчиком. Григорий надеялся под покровительством митрополита Фотия войти в иерархию русской церкви и продолжить дело Киприана. При своем посещении гробницы митрополита Киприана он произнес похвальное слово [64], в котором выразил свое отношение к покойному русскому митрополиту, надеясь приобрести доверие московского великого князя и получить архиерейскую кафедру в русской церкви.

Константинопольский патриарх Матфей I (1397—1410) отказал тогда Витовту в поставлении отдельного митрополита в Киеве. Эту политику твердо поддерживал и новый русский митрополит Фотий (1409—1431). Отправившись в Москву, он побывал около полугода в Киеве и обещал Витовту часто посещать Киев (и действительно, он был там в 1411 и 1412 гг.). Витовт, видимо, довольный деятельностью Фотия, признал его митрополитом подвластных Литве земель. Нет сведений, где пребывал Григорий Цамблак, после своего приезда в Москву вместе с митрополитом Фотием. Но в 1414 г. мы видим его уже в Литве, где он ищет путей, чтобы занять киевскую митрополию в качестве ставленника Литвы. С войны 1406—1408 гг. отношения между Литвой и Русью ухудшились. Витовт боялся влияния русского государства на многочисленное православное население Литвы, поэтому он решил снова добиваться восстановления самостоятельной киевской митрополии [65].

---

[63] Необоснованным является предположение, что Григорий Цамблак был приглашен в Литву, а не в Москву по желанию Витовта и что Киприан считал необходимым восстановить Киевскую митрополию (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 154, 157).

[64] Не убедительно мнение, что это слово Григорий произнес в Киеве, а не в Москве (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 165, 167); В. С. Киселков считает, что это было в Вильно (В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 238). Только в Москве он мог сказать, что, когда разнеслась весть о смерти Киприана, все «московстии пути восплачашася».

[65] Ср. И. Снегаров. Кратка история на съвременните православни църкви..., II, стр. 145 и 160, прим. 35.

В Константинополе отношение к русской церкви претерпело некоторое изменение, потому что русским землям, подвластным Литовскому государству, грозила реальная опасность со стороны католичества. Витовт снова настаивал перед константинопольским патриархом на восстановлении литовской (киевской) митрополии. Он отказался от прежнего своего кандидата Феодосия Полоцкого и выбрал иеромонаха Григория Цамблака. Прямых данных о причинах сближения Витовта с Григорием в нашем распоряжении нет.

Литовское правительство сумело привлечь на свою сторону местную православную церковную знать. В начале 1414 г. собор православных епископов в Литве обвинил Фотия в разных неканонических действиях (митрополит якобы не заботился о церкви в Великом княжестве Литовском, взимал большие пошлины, грабил церкви и т. п.) [66]. Епископы подали Витовту жалобу на Фотия и выразили желание иметь своего самостоятельного митрополита. В том же году после собора Фотий посетил Литву, но по приказу Витовта был изгнан оттуда. Осенью 1414 г. епископы вторично собрались на собор, на котором выбрали Григория Цамблака киевским митрополитом и осудили Фотия. Витовт выгнал наместника Фотия из Киева и послал Григория Цамблака в Константинополь с просьбой к патриарху поставить его в киевские митрополиты. Со своей стороны и Фотий отправил в Константинополь послов, которые приехали туда раньше послов литовских.

Константинопольский патриарх Евфимий II (1410—1416) не только отверг просьбу Витовта, но решением церковного собора отлучил Григория Цамблака от церкви, обвинив его в попытке подкупить патриарха. Византийский император Мануил Палеолог (1391 — 1425) рассматривал требование Витовта в политическом аспекте. Связанный родством с московским великим князем, он стал на сторону Руси в церковном конфликте с Литвой, потому что Московское великое княжество было надежным оплотом в борьбе с соседями, которые угрожали с севера Византийской империи, а главное, активно выступало против происков папской курии. Возбуждение против Григория Цамблака в Константинополе было настолько велико, что ему даже угрожала смертная казнь [67]. Он вернулся в Литву, ожидая дальнейшего развития борьбы за самостоятельную литовскую митрополию.

---

[66] См. подробнее: Е. Е. Голубинский. История русской церкви..., т. II, первая половина, стр. 370—373.

[67] В своем окружном послании, изданном вскоре после низвержения Григория Цамблака, Фотий говорил: извержен бысть и проклят... и едва убежа казни» (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 377, прим. 2; А. И. Яцимирский. Указ соч., стр. 177—178).

В марте 1415 г. Витовт снова обратился к константинопольскому патриарху с просьбой поставить в киевские митрополиты кого-либо из своих клириков, предупредив, что в противном случае литовские епископы без его разрешения сами выберут киевского митрополита. Однако и теперь его делегация, пробыв в Константинополе около восьми месяцев, вернулась без результата. Тогда по требованию Витовта в Новогрудке созван был большой собор (присутствовали восемь епископов, а также другие духовные лица, удельные князья и бояре), который подтвердил сделанный раньше выбор и 15 ноября 1415 г. объявил Григория Цамблака киевским и литовским митрополитом.

Этот акт был прямым следствием развития политических взаимоотношений между крепнущим Русским централизованным государством и правительством Литвы. Последнее искало средств укрепить свое влияние в подвластных нелитовских землях с помощью церковной организации, независимой от московского правительства.

Архиерейский собор сразу послал окружное послание, в котором на основании канонов и примеров из истории русских, болгар и сербов оправдывал свое решение [68] и обвинял византийского императора Мануила Палеолога в том, что по корыстолюбию он отказался удовлетворить просьбу Витовта, а константинопольскую патриархию в том, что она поставляла митрополитов по приказу императора, а не по церковным канонам. Витовт также издал грамоту, обращенную к православному народу в Литве, объясняя, что был поставлен отдельный литовский митрополит ради того, чтобы не упрекали его, что он не заботится о своих православных подданных. По всей вероятности, эти послания были составлены с участием самого Григория Цамблака.

Со своей стороны и митрополит Фотий созвал в Москве собор, который объявил Григория Цамблака низверженным и отлученным от церкви. По просьбе Фотия константинопольский патриарх Евфимий (умер в марте 1416 г.) тоже отправил окружное послание, которым второй раз низверг Григория Цамблака, отлучил его от церкви, предал проклятию и потребовал от Витовта выгнать Григория из Литвы, как незаконного митрополита. По просьбе Фотия преемник Евфимия Иосиф II (1416 — 1439) также предал Григория анафеме.

Григорий Цамблак руководил русской церковью в Литовском великом княжестве, называясь официально «митрополитом Киева и всей Литовской державы». Вероятно, он перенес

[68] Имелись в виду Тырновская и Сербская (в Ипеке-Пече) патриархии.

место своего пребывания в Вильно [69] и находился на кафедре до своей смерти (в начале 1420 г.) [70].

Митрополит Григорий пользовался доверием Витовта, стараниями которого и был возведен на митрополичий престол. Он принял предложение Витовта участвовать в Констанцском соборе [71], где велись переговоры об унии. В послании 1 января 1418 г. к папе Мартину V польский король Ягайло характеризовал Григория как выдающегося деятеля и просил папу принять его с благосклонностью.

Григорий приехал в Констанц 19 февраля 1418 г. с большой свитой (около 300 человек), в которой были представители разных городов Юго-Западной Руси, подвластной Польше и Литве, а также послы Великого Новгорода. 25 февраля папа Мартин принял Григория вместе с византийскими послами. В своем приветственном слове, переведенном на латинский язык, Григорий сказал, что соединение церквей желательно и он приехал просить папу осуществить это соединение на соборе, созванном в Констанце.

Но вопреки этим униатофильским изъявлениям Григорий Цамблак в конечном счете не принял унии. Он только формально выполнил поручение Витовта. Отрицательное отношение Григория к унии нашло отражение в прусской хронике Линдеблата (оконченной в 1419 г.); польские епископы, участвовавшие в Констанцском соборе, отметили, что православные епископы приехали из Литвы по требованию литовского князя, но совсем не имеют желания подчиниться римскому престолу [72].

Григорий, как можно судить по славянскому тексту его речи в Констанце [73], придерживался линии византийской делегации, которая тогда не достигла соглашения с папой.

---

[69] Может быть, это произошло после опустошения Киева в 1416 г. татарским ханом Едигеем. Польский хронист Гваньини говорит, что Григорий сидел в Вильно в церкви «Пречиста» (in basilica Divae Virginis, quae ruthenis Preczista) (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 181).

[70] В первой Новгородской летописи сообщается, что Григорий умер 25 февраля 1420 г. (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 383, прим. 2). В рукописи XVI в., хранящейся в Павловском монастыре Афона, отмечен тот же год: Въ лѣто 6928 инд. 13 престави се митрополит Росписки Григориа Цамблака (Йор. Иванов. Български старини из Македония, 2-е изд. София. 1931, стр. 277, № 144).

[71] Этот собор был созван 5 ноября 1414 г. и закончил свои заседания 22 апреля 1418 г.

[72] А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 202—203.

[73] В заглавии этого «Слова» отмечается, что оно было сказано «оу Фролентии и оу Костентии собору», т. е. на Флорентийском (1439 г.) и Констанцском соборах. Эте слово находится в рукописном сборнике XVI в. Виленской публичной библиотеки (А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 195—196).

Вопрос об унии восточной и западной церквей Констанцский собор с должным вниманием не обсуждал, так как главной целью было восстановить единство западной церкви, нарушенное так называемым «великим расколом» (1378—1417). Со своей стороны и православное посольство (из Византии и Литвы) заняло лишь позицию наблюдателей [74].

Некоторые исследователи считают, что по возвращении Григория из Констанцы русские церковники стали считать его «папищажем» (католиком), проклятым «церковью и богом» [75]. Это мнение основано на заметке неизвестного читателя в рукописном Требнике XVI в. (в бывшей Синодальной библиотеке) о том, что священники не упоминали (при совершении евхаристии) русских митрополитов Пимена, Дионисия (суздальского), Григория Цамблака, Герасима и Исидора [76].

Григорий Цамблак был одаренным славянским писателем. По всей вероятности, он, став киевским митрополитом (1415—1420), продолжал заниматься литературной деятельностью. Русские летописцы считали его выдающимся писателем [77]. Григорий, как и его учитель Евфимий Тырновский, придавал большое значение проповеди. Известны несколько церковных «Слов» «Григория, архиепископа (или епископа) всероссийского» [78]. «Слова» Григория Цамблака, изящные по стилю, производили сильное впечатление на русских книжников, которые списывали их и помещали в рукописных сборниках XV и XVI вв.

«Слова» Григория Цамблака были помещены также московским митрополитом Макарием (1542—1563) в его Четьих-Минеях. В русских списках сохранились и «Похвальные слова» о Киприане (в списке XVI в. Троице-Сергиева монастыря) и о Евфимии Тырновском (три списка: в Ленинграде, Москве и Вильнюсе).

«Слова» Григория Цамблака, написанные на церковно-славянском языке среднеболгарского извода, стали образцом

---

[74] Он рассматривал унию, по мнению В. Киселкова, как средство привлечь католические государства к борьбе Византии против турок и для освобождения Балканского полуострова и болгарского народа (В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 241). В его сочинениях, однако, мы не находим отголоска такого стремления.

[75] В. С. Киселков. Указ. соч., стр. 241.

[76] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. III, ч. 1. М., 1869, стр. 221.

[77] О его литературной деятельности см. А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 87, 208—212.

[78] В том числе похвальное «Слово» о тырновском патриархе Евфимии, «Исповедание веры», сказанное автором при его рукоположении в митрополиты. «Слова» на празднике Ваий, Пасхи, Преображения, Успения Богородицы, Воздвижения креста, св. Димитрия Солунского и др.

славянского красноречия. Они обогащали русский язык новыми словами и понятиями.

Григорий Цамблак распространял в России культ Димитрия Солунского, высоко чтимого в Болгарии, и культ тырновского патриарха Евфимия [79]. Этим, конечно, он стремился усилить духовные связи между Россией и его порабощенной родиной, которую не забывал и за пределами Болгарии. Можно думать, что Григорий Цамблак проявлял усердие в популяризации болгарского (тырновского) церковного пения (в русской церкви употребляется и поныне так называемый «болгарский распев»). Русские книжники считали принадлежащим Григорию Цамблаку сочинение «Стих на цѣлованіе» (на праздник «Успение Богородицы»), сходное по многим выражениям с его «Словом» на тот же праздник [80].

Другие южнославянские и особенно болгарские деятели тоже распространяли на славянском языке литературные памятники Византии и своих стран. Указывая на турецкую опасность, они проводили идею единства славянских народов и необходимости их единения, видя в возвышавшемся Московском великом княжестве надежную опору для южных славян. Так, Константин Костенчский (умер около 1431 г.), ученик Евфимиевой школы, бежавший в Сербию, проводил в своем сочинении «Сказание изъявлено о письменех» взгляд, что Кирилл и Мефодий выбрали для своего перевода церковных греческих книг «...тьнчаишии и краснеишии роушкыи язык...», взявши в помощь и болгарский, сербский, боснийский, чешский и хорватский языки [81].

Православные церковники угнетаемых турецкими захватчиками славянских стран искали помощи на Руси. Ярким выражением тесного общения русских и болгарских монахов на Афоне были связи, установившиеся между Рыльским и Пантелеймоновским (русским) монастырями. Письменным договором 1466 г. Пантелеймоновский монастырь принял Рыльский монастырь под свое покровительство [82]. Благодаря этому Рыльский монастырь поддерживал веру болгарского наро-

---

[79] См. «Похвальное слово» о нем в издании: E. Kałużniacki. Aus der panegyrischen Literatur der Südslaven. Wien, 1901. В заглавии «Похвального слова» об Евфимии последний назван святым.

[80] См. А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 210.

[81] «Starine», I. Zagreb, 1873, str. 12.

[82] Этот документ издан Д. Илковым в кн.: «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XII. София, 1895, стр. 621—622; в болгарском переводе — в кн.: Йор. Иванов. Св. Иван Рилски и неговият монастир. София, 1917, стр. 153—154; см. также: И. Снегаров. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII вв. София, 1953, стр. 8—9.

да в покровительство великого русского народа, олицетворенного в богатырском образе «дядо Иван» [83].

Со своей стороны Русь пользовалась плодами этого взаимного общения. Болгарское литературное влияние распространялось, в частности, Киприаном и Григорием Цамблаком, а потом Пахомием Логофетом (умер около 1484 г.). Русская литература обогащалась большим количеством не известных до этого времени в России южнославянских переводов и оригинальных творений. В XV в. в Московской Руси создалась новая литературная школа, которая использовала богатую историческую традицию как русского народа, так и южных славян (болгар и сербов) [84] и подготовила почву для дальнейшего развития русской литературы в XVI в. [85]

* * *

Au moyen âge, c'est la Bulgarie qui, parmi tous les pays slaves, exerçait la plus forte influence culturelle sur la Russie. Les relations entre ces deux pays ne furent pas interrompues même lors de l'invasion des Mongols.

Le métropolite de Moscou Kiprian et son neveu Grigori Tsamblak, tous deux originaires de Tyrnovo et sortis de l'école du patriarche Eufimiy de Tyrnovo, étaient de fervents partisans de la consolidation de la communauté culturelle des Bulgares et des Russes. L'auteur décrit leur activité civilisatrice et en révèle la grande importance pour l'essor culturel de la Russie de Moscou. Les oeuvres littéraires de Kiprian et de Tsamblak contribuèrent au renouveau de la littérature russe. Au XV-e siècle fut créé une nouvelle école littéraire, la même, pour le peuple russe et les Slaves méridionaux (Bulgares et Serbes).

---

[83] См. И. Снегаров. Културни и политически връзки..., гл. 2, стр. 10—26.

[84] М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, изд. 2-е, стр. 443; ч. II, изд. 3-е. М., 1921, стр. 95; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 178—179; ср. Д. С. Лихачев. Культура Руси..., стр. 82—83.

[85] А. И. Соболевский. Южнославянское влияние..., стр. 15—16; его же. Переводная литература..., стр. V и VII.

А. Л. Хорошкевич

ВЫВОЗ ВОСКА ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
в XIV—XV веках

Внешняя торговля средневекового Новгорода была подчинена основной экономической цели — производству потребительных стоимостей [1]. Это видно как из ассортимента товаров, так и из социального состава поставщиков и потребителей экспортных и импортных товаров.

В развитии торговли воском нашло отражение своеобразие средневековой экономики. Господство церковной идеологии вызывало огромный спрос на чистый воск, который считался наиболее угодной жертвой богу, поскольку не являлся продуктом человеческого труда. Из воска изготовлялись свечи, различные восковые фигурки, изображавшие больные части тела (последний обычай был широко распространен у католиков) и т. д.

Несмотря на существование бортного, а затем и пасечного пчеловодства в Центральной и Северной Европе [2], собственного воска все же там не хватало. Недостаток его покрывался главным образом за счет ввоза из восточных районов Европы, преимущественно из Восточной Прибалтики. Уже задолго до изучаемого времени русский воск через посредство ганзейского купечества поступал на рынки всех европейских стран. Среди товаров, ввозимых ганзейцами в Англию в XIV в., одно из первых мест занимал воск [3]. В 1309 г. восемь ганзейских купцов из вестфальских городов были обвинены англичанами в нарушении торгового обязательства: они якобы не выполни-

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 16.

[2] Fr. Berger. Von Biene, Honig und Wachs und ihrer kultur-historischen und medizinischen Bedeutung. Zürich, 1916, S. 8.

[3] K. Kunze. Hanseakten aus England 1275 bis 1413. «Hansische Geschichtsquellen», Bd. V. Halle a. S., 1891, № 39 (1309, 16.II), № 260 (1389, 12.X), № 270, 272, 273 (1393, 5.X).

ли своего обещания поставить довольно большую партию воска, стремясь поднять на него цены, а кроме того, будто бы заключили между собой соглашение, запрещавшее кому-либо из них привозить воск в Англию. Ганзейские купцы решительно отвергли это обвинение и объяснили нарушение своего обещания только тем, что воск, который обычно привозят из Руси во Фландрию ко времени пасхи, в этот год не был туда доставлен. Поэтому купцы, закупавшие его во Фландрии для дальнейшей продажи в Англии, оказались в безвыходном положении [4].

Следовательно, налицо широкое развитие и систематический характер экспорта русского воска на рынки Северной Европы уже в самом начале XIV в.

Одним из важнейших каналов, через которые на североевропейские рынки поступал воск, была торговля с Великим Новгородом, крупнейшим центром транзитной торговли Руси.

Трудами русских дореволюционных, советских, а также зарубежных буржуазных историков выяснено, что главными статьями новгородского экспорта за границу в XIV—XV вв. были предметы охотничьего промысла и бортничества. Однако обычно основное внимание уделяется экспорту пушнины, о вывозе же воска в исторической литературе говорится лишь в самой общей форме [5]. Первым, кто обратил серьезное внимание на торговлю воском, был прибалтийский историк-экономист Г. Гильдебранд, в связи с изданием Рижской долговой книги конца XIII — начала XIV в. поставивший ряд вопросов о происхождении экспортируемого из Риги воска, его качестве, цене и т. д. [6] Отдельные указания об этой отрасли торговли находятся во введении В. Штиды к публикации ревельских (таллинских) таможенных книг второй половины XIV в. [7] До появления работы Л. К. Гетца [8] разрозненные данные источников, характеризующих ганзейскую торговлю, не подвергались

---

[4] Ibid., S. 35—36, № 40 (1309, 2.VII—9.VII): «Dicunt tamen, quod ubi cera venire solebat de partibus de Russhye et allis partibus longinquis usque in Flandriam quolibet anno circa festum pasche, quo tempore providencia regis facta fuit pro toto dimidio anno sequenti, nulla cera adhuc ibidem venit, propter quod iidem mercatores, qui soliti sunt ceram in dictis partibus Flandrie emere et in Angliam ducere, nullam ceram ibidem invenire possunt».

[5] В книге «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX — XV вв.» (ч. II. М., 1953, стр. 170) этот предмет новгородского экспорта упоминается лишь мельком.

[6] H. Hildebrand. Das Rigaische Schuldbuch (1286—1352). SPb., 1872, S. L — LX.

[7] W. Stieda. Revaler Zollbücher und Quittungen des XIV. Jahrhunderts. Halle a. S., 1887, S. CXII — CXV.

[8] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 259—272.

систематическому изучению. На основе скрупулезно собранных материалов Л. К. Гетц пришел к выводу о значительном развитии торговли этим товаром, изучил ее условия и взаимоотношения русских и ганзейцев. Однако вопросы изменения условий производства, сбыта воска и цен на него не получили в работах Л. К. Гетца достаточного освещения.

Одновременно с исследованиями ганзейских историков внешней торговли Руси производилось специальное изучение социально-экономического развития Руси этого периода, подвергались рассмотрению и вопросы развития бортничества на Руси, его роль в крестьянском хозяйстве, особенности положения бортников и т. д.[9] Наибольший интерес в этом отношении представляет труд Н. Я. Аристова, которому принадлежит и первая попытка определения (на основе русских источников) размеров экспорта воска через Новгород[10].

В последней по времени появления работе В. А. Мальм несколько расширен по сравнению с Н. Я. Аристовым круг источников по данной теме: привлечены не только письменные, но и этнографические материалы[11].

Изучением экспорта воска в советской историографии занимался лишь М. П. Лесников. На основе торговых книг Тевтонского ордена он определил объем экспорта воска в начале XV в. орденскими приказчиками[12].

Однако, в нашей историографии еще не выяснены источники экспортируемого воска[13]. В монографиях Л. В. Черепнина и А. Д. Горского очень интересно поставлен вопрос о специализации в области сельского хозяйства и выделении добывающих промыслов, в том числе и бортничества[14].

Немногочисленность советских работ, хотя бы косвенно касающихся истории новгородского вывоза воска, вызвана не только тем, что проблемам внешней политики и торговли Руси, в частности Новгорода, уделялось недостаточно внимания, но

---

[9] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

[10] Н. Я. Аристов. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

[11] В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X — XIII вв.», М., 1956, стр. 123—137.

[12] М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. «Исторические записки», кн. 39, 1952, стр. 259—278.

[13] Л. В. Данилова полагает, что на внешний рынок поступал воск новгородского происхождения (Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв. М., 1955, стр. 95).

[14] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М., 1960, стр. 297—299; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 75—82.

и объективными условиями. Изучение вощаной торговли наталкивается на большие трудности. Если в письменных источниках, непосредственно касающихся внешней торговли Новгорода [15], экспорт воска, хотя и слабо, все-таки отражен, то в русских источниках почти нет данных ни о производстве воска, ни об организации внутренней торговли им. Для изучения этих аспектов темы вполне правомерно привлечение, разумеется, с большой осторожностью и оговорками, разнообразного этнографического материала XIX и даже XX в.

Ряд вопросов, связанных с историей торговли воском, еще не ставился вовсе. Это прежде всего вопросы динамики экспорта воска, по которой можно было бы судить о развитии промыслов русской деревни XIV—XV вв. и росте экономических связей Великого Новгорода с другими русскими землями. Представляет также интерес изучение организации внутренней торговли воском, качества и степени обработки экспортируемого воска, его поставщиков на внешний рынок.

Бортничество, как и охота, издавна было подсобным занятием русского крестьянского населения. В XIV—XV вв. оно было распространено во всех районах Руси, где географические условия позволяли заниматься этим промыслом: в прилегающих к Москве лесах [16], около Коломны,[17] Можайска [18], Звенигорода, [19], Рузы [20], Дмитрова [21], Вышгорода [22], Серпухова, Боровска, Ярославля [23], Костромы [24], Ржева [25], Переяславля [26],

---

[15] См. ГВНП; LUB, Abt. I, Bd. I — XII; Abt. II, Bd. I — II; HR, Abt. I, Bd. I — VIII; Abt. II, Bd. I — VII; Abt. III, Bd. I — VIII; HUB, Bd. I — XI.

[16] ДДГ, № 2, стр. 11 (Добрятинская борть); № 12, стр. 33; № 17, стр. 47; № 20, стр. 55; № 21, стр. 58 (Васильцев стан); № 1, стр. 8; № 4, стр. 15; № 61, стр. 194; № 89, стр. 354; № 104, стр. 433. См. также: АИ, т. 1, № 15, стр. 24; АСЭИ, т. 2, № 342, стр. 339; № 347, стр. 344; № 352, стр. 347; № 355, стр. 349.

[17] ДДГ, № 3, стр. 13; № 12, стр. 33; № 20, стр. 55.

[18] Там же, № 3, стр. 13; № 12, стр. 34; АСЭИ, т. 2, № 395, стр. 401; № 399, стр. 404.

[19] ДДГ, № 4, стр. 15, 17; № 12, стр. 33.

[20] Там же, № 8, стр. 24; № 29, стр. 73; АСЭИ, т. 2, № 346, стр. 343.

[21] ДДГ, № 12, стр. 34; № 29, стр. 74; АФЗХ, ч. 1, № 84, стр. 85; С. Шумаков. Обзор «грамот коллегии экономии», вып. 3. М., 1912, № 144, стр. 45; АСЭИ, т. 2, № 343, стр. 340; № 387, стр. 389.

[22] ДДГ, № 8, стр. 24; № 12, стр. 35; № 29, стр. 74; № 71, стр. 250.

[23] Там же, № 17, стр. 46.

[24] Там же, № 21, стр. 58; № 22, стр. 61.

[25] Там же, № 61, стр. 195; № 77, стр. 291; АСЭИ, т. 2, № 417, стр. 450.

[26] АСЭИ, т. 1, № 193, стр. 138; № 195, стр. 140; № 340, стр. 246; № 560, стр. 437; АСЭИ, т. 2, № 354, стр. 348.

на Клязьме[27], на Средней Волге[28] и Оке[29]. Гораздо меньше сведений о бортничестве в пределах Новгородской земли[30], где оно из-за суровости климата не занимало такого места, как в хозяйстве более южных районов. Бортничеством занимались лишь в некоторых волостях Деревской, Шелонской и Водской пятин[31]. Наибольшего развития в пределах Новгородской земли бортничество достигло в Деревской пятине[32].

Главными же районами развития бортничества были Среднее и Верхнее Поволжье, Ока, Муромская, Рязанская, Смоленская и Полоцкая земли[33]. Эти же земли выступали и поставщиками экспортного воска: в конце XIII — начале XIV в. главную роль играют Смоленская и Полоцкая земли, а позднее — районы Нижнего и Среднего Поволжья[34], которые с конца XV в. стали снабжать воском и медом всю страну и

---

[27] АФЗХ, т. 1, № 213—216, стр. 187—189. Разъезжая грамота на спорную землю у реки Клязьмы в Гороховском уезде: «Временник МОИДР», кн. 18. М., 1854, смесь, стр. 27—29.

[28] АСЭИ, т. 1, № 155, стр. 115. Уже в «Слове о погибели Русской земли» XIII в. читаем: «...буртаси, черемиси, вяда (водь) и мордва бортничаху на князя великого Володимера» («Хрестоматия по древней русской литературе XI — XVI веков», составитель Н. К. Гудзий. М., 1947, стр. 154). Районы Средней Волги и позднее, в XVI в., отличались большим количеством леса, а население некоторых из них не знало земледелия даже в конце XVI в. (Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, стр. 17—20, 99). В Казанской области в XVI в. пчеловодством занималось главным образом местное население — татары, черемисы, чуваши, которые платили ясак медом вместо денег. Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки по истории края и его колонизации.) М., 1877, стр. 255—256.

[29] АИ, т. 1, № 2, стр. 2; № 13, 14, стр. 23; № 80, стр. 130; А. Юшков. Акты XIII — XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. № 7, стр. 8; № 8, стр. 9; № 13, стр. 15; № 26, стр. 25.

[30] Мед изредка упоминается в составе владельческого дохода в Шелонской пятине, например в Лосицах и Лядах на р. Плюссе (НПК, т. VI, стр. 332—338). Бортничество существовало в качестве отрасли собственного владельческого хозяйства в Софийской волости Белой Никольского погоста Бежецкой пятины (НКП, т. VI, стр. 1—16).

[31] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 36.

[32] В черносошной волости Велия оно занимало большое место в хозяйстве крестьян (НПК, т. II, стр. 736—784). Бортища упоминаются и в рядной грамоте XV в. Федора Акинфовича с Матвеем Ивановичем относительно вотчины в Деревской пятине («...а тых сел полевыи земле, и лешии, и ловища, и хмелища, и бортища».— ГВНП, № 122, стр. 180).

[33] О размерах и развитии этого промысла в Рязанской земле можно получить некоторое представление по жалованной грамоте князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на Арестовское село с девятью бортными землями и пятью погостами на этой территории, общее население которых составляло свыше тысячи семей (АИ, т. 1, № 2, стр. 2, 1356—1387 гг.).

[34] Однако даже для раннего времени не следует ограничивать районы-поставщики воска исключительно этими двумя последними, как это делает В. А. Мальм (указ. соч., стр. 137).

сохранили свое значение вплоть до XVII в.[35] По-видимому, роль Новгорода сводилась в основном к транзитной торговле воском. Договор Новгорода с ганзейскими городами относительно условий торговли этим товаром, заключенный 6 января 1342 г., в качестве поставщиков воска называет низовцев (Nisowern) — жителей районов Средней Волги, Оки, Муромской и Рязанской земель, а также карелов (Capulern)[36].

Несколько более поздний русский источник —«Рукописание князя Всеволода Мстиславовича» — при перечислении величины пошлин, взимаемых за взвешивание воска, указывает низовского, полоцкого, смоленского, новоторжского и новгородского гостей[37]. Клиру церкви Ивана на Опоках дана пошлина с юго-восточных земель Новгорода, где проходили пути, соединявшие Новгород с Низовской землей[38]. Гостей из тех же земель называет и таможенная грамота Новгорода 1571 г.— смольнян, москвичей и новгородцев[39].

Некоторые сомнения вызывает общепринятый перевод немецкого слова Capulern в договоре 1342 г. Трудно предположить, чтобы карелы, о занятиях которых бортничеством ни в изучаемое, ни в более позднее время ничего не известно, могли в середине XIV в. выступать в качестве поставщиков воска на внешний рынок. Поскольку сохранилась лишь одна копия договора в тексте устава немецкого двора в Новгороде, то вполне вероятна ошибка переписчика.

Для того, чтобы выяснить те социальные слои, которые поставляли воск на внутренний и внешний рынки, необходимо обратиться к изучению положения бортничества в общей системе русского хозяйства XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. шел процесс специализации сельских промыслов. Одним из наиболее рано выделившихся промыслов было бортничество. Уже в XIV в. часто упоминаются «бортники», «деревни бортничьи», бортные старосты[40].

---

[35] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 1. М., 1952, стр. 159. По сообщениям Родеса и Кильбургера, воск в XVII в. получали из Нижегородской, Казанской и Мордовской земель (Б. Г. Курц, Состояние России в 1650—1655 годах по донесениям Родеса. М., 1914, стр. 169; его же. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 117).

[36] ГВНП, № 41, стр. 74.

[37] «Памятники права феодально-раздробленной Руси XII — XV вв.», составитель А. А. Зимин. М., 1953, стр. 176, § 5.

[38] Там же, стр. 182.

[39] ААЭ, т. 1, № 282, стр. 322.

[40] Бортники упоминаются уже в духовной грамоте Ивана Калиты (ДДГ, № 1, стр. 8), его детей (там же, № 2, стр. 11, № 4, стр. 15) и в большей части грамот, касающихся взаимоотношений русских князей XIV — XV вв. (там же, № 8, стр. 24; № 12, стр. 33, 35; № 17, стр. 46, 48; № 21, стр. 58; № 29, стр. 73, 74; № 55, стр. 165; № 61, стр. 194, 198; № 84,

Выделения бортничества в качестве отдельной отрасли сельского хозяйства настоятельно требовали сами условия ухода за пчелами, организацию которого можно представить по этнографическим материалам XIX в. и некоторым археологическим находкам [41].

В лесу на расстоянии не менее 50 сажен в больших стоячих деревьях выдалбливаются борти глубиной от 5 до 6, а шириной от 4 до 5 вершков [42]. В зависимости от величины леса таких бортей бывает от 100 до 500, однако пчелами занято бывает лишь 5—10%, в остальных поселяются осы. Бортничество требует огромных усилий и большого количества времени. Для того, чтобы осмотреть хотя бы 50 бортей, необходимо пройти расстояние от 5 до 20 верст. Большая сноровка и опыт нужны для выдалбливания бортей довольно высоко над землей, охраны меда от непрошенных лакомок — медведей, для весенней чистки бортей от мертвой пчелы, паутины, заплесневелой вощины и т. д. Большую опасность представляло лазанье по деревьям. Об опасности этого промысла наиболее выразительно сказано в «Повести о Петре и Февронии» XVI в., где Феврония заявляет: «Есть бо у меня и брат, но поиде чрез ноги в нави (смерть) зрети... Отец же мой и брат древодельцы суть; в лесе бо от древия мед емлют; и ныне иде брат мой на таковое дело, яко лезти ему древо в высоту: чрез ноги долу зрети, еже бы не оторгнутися и не лишитися живота своего» [43].

Однако это утомительное и трудное занятие по сравнению с пасечным пчеловодством малодоходно. Частая гибель пчел холодной весной от недостатка корма почти неизбежна, так как средств спасти пчел, находящихся в бортях на большом расстоянии друг от друга, нет. Кроме того, в связи

стр. 334, 335). См. также АФЗХ, т. 1, № 213—215, стр. 187—189; АСЭИ, т. 1, № 106, стр. 85; № 485, стр. 366; № 616, стр. 527 (1497—1498 гг.); АИ, т. 1, № 15, стр. 24 (1404 г.).

[41] С. Кожемякин. Практическое пасечное и бортевое пчеловодство, основанное на 60-летних опытах и наблюдениях с присовокуплением обработки воска по новым простым способам и сбыта его с хорошей пользою. М., 1855, стр. 105—113; А. К. Сержпутовский. Бортничество в Белоруссии. «Материалы по этнографии России», т. II. Пгр., 1914, стр. 19—30; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 97—101; В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 134—135.

[42] Устройство борти описано А. И. Покорским-Журавко. (А. Покорский-Журавко. Опыт словаря терминов, употребляемых в пчеловодстве. М., 1851, стр. 5—6). Приношу глубокую благодарность П. М. Комарову за его консультации по вопросам пчеловодства.

[43] «Хрестоматия по древней русской литературе», стр. 273, 274. Смерть бортников во время промысла была настолько частой, что нашла даже отражение в феодальном праве. См. «Архив П. М. Строева», т. 1. Пгр., 1915, № 55, стр. 74 (март 1488 г.); ААЭ, т. 1, № 144, стр. 117 (9.IV 1506 г.); АСЭИ, т. 2, № 109, стр. 67 (1448—1469 гг.).

с тем, что бортники обычно вырезают почти весь запас, оставляя пчелам для выпложивания небольшое количество старых, забитых грязью сот, бортные пчелы очень мелки. Нередки случаи, когда все предыдущие труды идут насмарку при добывании меда. Чтобы усмирить диких пчел, обычно очень злых, суют в борти горящую головню, причем пчелы гибнут, а соты прокапчиваются.

Постепенно наряду с использованием естественного дупла начинали все в больших размерах создавать специальные борти. Этот процесс нашел отражение в источниках. В 1404 г. Савво-Сторожевский монастырь получил от Юрия Дмитриевича «борть по реке по Иневе», а также «бортника Ондрейка Телицина..., и он те борти монастырские делает»[44]. В записи о покупке Троице-Сергиевым монастырем бортного леса читаем: «... прикуплен Лушок с лесом с бортным, а дерев *выделано бортей* и старых и новых полторы тысячи»[45].

Во время тяжбы бортника великого князя Фомы Михайлова Талшанина и его брата с князем Федором Федоровичем бортник заявил: «...отнял у нас... в чашничи пути Талицкии пустоши великого князя и лесы бортные на реце на Уготи... да впускал... своих бортников и его бортники старые борти ходят, а *новые борти делают*»[46].

В это же время начался, пока еще в незначительных размерах, переход к пасечному пчеловодству, представляющему собой огромный шаг вперед сравнительно с бортным. В центральных районах Руси пасеки и ульи упоминаются уже в начале XIV в., а в Новгороде только в конце XV в.[47] Не случайно Кампензе, описывая богатство «Московии» медом, сообщает сведения не только о меде, «который пчелы кладут на деревьях без всякого присмотра», но и о специальном разведении пчел. «Поселяне... держат пчел около своих жилищ и передают в виде наследства из рода в род...»[48].

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, харак-

---

[44] АИ, т. 1, № 15, стр. 24 (1404 г.).

[45] АСЭИ, т. 1, № 333, стр. 241 (1462—1505 гг.).

[46] «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым». М., 1905, № 6, стр. 5—6 (середина XV в.).

[47] В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 132. Первым этапом этого перехода было применение специальных лубяных кузовов, которые подвешивались на деревьях: «Да в том ухожае борти ему себе и иные делати и кузовы ставить в тот же оброк» (НПК, т. III, СПб., 1868, стр. 6). Одновременно в новгородских писцовых книгах упоминаются и ульи: «а у пчел улей и из бортей из меду половье...» (НПК, т. II. СПб., 1862, стр. 312), «из меду улейного и из бортей половье» (там же, стр. 301).

[48] А. Кампензе. Письмо к папе Клименту о делах Московии. «Библиотека иностранных писателей о России» В. Семенова, т. I. СПб., 1836, стр. 30—31.

теризующих повышение выхода меда и воска от одной пчелиной семьи в связи с установлением пасечного пчеловодства. Известны лишь некоторые материалы о получении воска и меда на пасеке [49]. В специальной литературе по пчеловодству принято считать, что в СССР зимовалая семья дает около 300 г воска [50]. Для XIV—XV вв. эту цифру необходимо увеличить, так как сейчас удаляют часть гнезда, а при бортном пчеловодстве всё гнездо. Значит, выход воска был в три-четыре раза больше.

Бóльшая часть источников характеризует процесс обособления вотчинных бортников. По состоянию источников трудно выяснить, существовали ли черносошные бортники [51]. Известно, однако, что бортники из крестьян владели деревнями. Так, в Переяславском уезде около 1432—1445 гг. бортник продал свою деревню: «Се яз, Мартин да Леваш, купили есмя у Гриди у бортника деревню...» [52].

По-видимому, большинство бортников были вотчинными крестьянами. О важной роли бортников в хозяйстве крупных феодалов, прежде всего князей, свидетельствует ставшая традиционной формула жалованных грамот: «А волостель мой в его уезд не въезжает, ни боровник, ни бобровник, ни закосник, *ни бортник*» [53].

Несмотря на существование специальных бортников-профессионалов, эпизодически для этого промысла в хозяйстве феодалов привлекались в качестве вспомогательной силы и крестьяне. В жалованной грамоте Ивана Васильевича Спасо-Евфимьеву монастырю (17 октября 1472 г.) читаем: «...и мои бобровники и бортники по рекам и по лесом ходят, а в их селах в монастырских их крестьян на дело не емлют, ни кормов, ни подвод у них не емлют же» [54].

В хозяйстве крупных феодалов бортники получали в свое

---

[49] П. С. Щербина. Как на пасеке получить больше воска. 1944, стр. 62, 12. В районе Перми в 40-х годах XX в. от одной перезимовавшей на пасеке пчелиной семьи получали в среднем около 480 г воска, хотя некоторые пчеловоды добивались гораздо лучших результатов — от 1,5 до 2 кг воска и от 60 до 90 кг меда.

[50] П. М. Комаров, А. Ф. Губин. Пчеловодство. М., 1937, стр. 430.

[51] Предположение об их существовании подтверждается и этнографическим материалом. Так, в Белоруссии, в отдаленных районах Полесья, вплоть до самого конца XIX в. многие крестьяне сами захватывали земли, пользовались бортями, не платя никакого оброка (А. К. Сержпутовский. Указ. соч., стр. 18).

[52] АСЭИ, т. 1, № 106, стр. 85.

[53] А. Юшков. Акты XIII — XVII вв., № 7, стр. 8; № 26, стр. 25.

[54] АСЭИ, т. 2, № 466, стр. 506.

распоряжение отдельные леса, деревни и т. д.[55], за пользование которыми они были обязаны поставлять феодалу — владельцу земли — натуральный оброк[56]. Единственной формой натурального оброка имеющиеся в нашем распоряжении источники называют мед. В берестяной грамоте № 136, устанавливающей величины различных повинностей Мысловых детей, указан размер «дара»: «3 кунницы да пуд меду»[57]. Духовная грамота Ивана Калиты предусматривает: «А оброкомь медовымь городскимь Василцева веданья поделятся сынове мои»[58]. Почти то же самое мы находим и в духовной Ивана Ивановича: «И что мед оброчный Василцева стану..., то им все на трое»[59]. Такое же положение было и монастырских бортников[60]. Наиболее подробно о положении бортников сообщают жалованные грамоты митрополитов Троице-Сергиевой лавры бортникам С. Улыбашеву с товарищами (1478 и 1490 гг.). Согласно этим грамотам, бортники получали две деревни, три пустоши, пожни с бортными лесами за Клязьмой. Митрополит предоставлял им судебный и податной иммунитет, бортники же были обязаны поставлять в качестве натурального оброка мед и привозить его в Москву[61]. Очень важно указание на качество меда: пресный мед — это мед уже без сотов. Жалованная грамота княгини Анны Васильевны устанавливает ту же форму оброка[62]. Судя по этой гра-

[55] Отдельные бортники владели довольно значительными земельными участками. Так, Иван Васильевич отдал своему бортнику Гриде три десятины пожен и 12,5 десятин пашенной земли, обмененных им у Спасо-Евфимьева монастыря (АСЭИ, т. 2, № 486, стр. 527). Некоторые бортники занимались одновременно рыболовством и имели собственные жеребьи в реках и озерах. Так, бортник великого князя рязанского Василия Ивановича Сатя претендовал на право пользования озерами. Он обвинял некоего Остафия: «...отнял, господине, у нас, у твоих великого князя бортников у Михальки у Федусова да у меня с товарищи, во озерех рыбные жеребьи и земецкие во озерех в Бокине да в Боровом озере». (А. Юшков. Акты XIII — XVII вв., № 13, стр. 15).

[56] ДДГ, № 1, стр. 8—10; № 4, стр. 15; № 84, стр. 334 (1496 г.— «бортники с оброки»).

[57] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 76.

[58] ДДГ, № 1, стр. 8.

[59] Там же, № 4, стр. 15.

[60] Косвенным указанием на получение Юрьевым монастырем меда в качестве натурального оброка может служить появление меры меда, происходившей от названия монастыря «22 ситива Юрьевские сотки» (НПК, т. V, стр. 332—338).

[61] «А дают те христиане Семенко з детьми да Оладко с тех земель и з бортей с всех на мой погреб оброком з году на год на рожество христово пять пудов меду пресного весчих, а привозят тот мой оброчный мед на мой погреб в Москву сами» (АФЗХ, т. 1, № 213, стр. 188; № 214, стр. 188).

[62] Анна Васильевна предоставляет Солотчинскому монастырю «борть на Михайлове горе... с борьтником, и с луги, и с перевесьи и с истоки,

моте, в конце XV в. монастырь, получивший бортный лес, должен был поставлять княгине значительно больше меда, чем в предшествующее время. В связи с этим можно высказать предположение, что увеличение размеров натурального оброка в какой-то степени было обусловлено повышением производительности труда в бортном промысле.

По-видимому, Троице-Сергиева лавра и другие феодалы получали в качестве натурального оброка только мед. О получении же ими воска нет никаких свидетельств. Хотя именно духовные феодалы должны быть больше всех заинтересованы в получении воска, он, судя по письменным источникам, не входил в состав натурального оброка — даже во владениях церкви. В XV в., как и позднее — в XVI в., воск нередко покупался отдельными церквами и монастырями. В жалованной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича Череповскому Воскресенскому монастырю о сборе на Белоозере возничей и померной пошлин специально указывалось: «А сия пошлина придана к Великому Воскресению на воск да на темьян»[63]. В конце XVI в. один из северных монастырей — Никольский Карельский — также покупал воск в Москве[64]. Практика покупки воска была весьма распространена[65]. Даже в новгородских берестяных грамотах воск упоминается лишь в связи с торговлей (№ 129) или ростовщичеством (№ 63)[66]. Обязанность крестьян поставлять той или иной церкви воск была исключением и обычно специально оговаривалась[67].

а шло деи с тое вотчины к Зачятью по пяти пуд рязанских; и игумену с братьею ведать та вотчина, по старине, самим: а давает игумен к Зачятью с году на год, на сам празник на Зачятье, по осми пуд рязанских» [АИ, т. 1, № 80, стр. 130 (1464—1501 гг.)].

[63] ААЭ, т. 1, № 100, стр. 78 (1473—1486 гг.).

[64] РИБ, т. XIV. СПб., 1894, № 77, стб. 146—147 (19.III 1995 г.).

[65] В «Изустной памяти» Аграфены, жены князя И. С. Ростовского, относительно вкладов в многочисленные церкви во всех концах Руси значится: «Да по тем же церквам на мед и на воск и на просвиры дати по полуполтине» (АФЗХ, т. 2, № 332, стр. 350 (9.XII 1568 г.). В «данной грамоте» на треть земли от начала XVII в. записано: «...а пахать та земля зятю моему Кирилу исполу да половина хлеб отдавати старосте церковному на воск да на темьян» [РИБ, т. XIV, № 103, стб. 203 (26.X 1609 г.)].

[66] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 66; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 63.

[67] Специальный пункт относительно обязанностей крестьян доставлять церкви воск включен в «данную грамоту» Ф. Б. Бороздина игумену Иосифо-Волоколамского монастыря Гурию на с. Кузьмодемьянское с деревнями в вол. Дмитрокове Старицкого уезда: «А что моя деревня Новая, ...и яз ту деревню дал пречистой жа в Осифов монастырь, а игумену и братие велети с тое деревни к церкви довати воск на свечи...» (АФЗХ, ч. 2, № 202, стр. 203, 1547—1548 гг.). То же повторено в его духовной (там же, № 253, стр. 257, 1554—1555 гг.).

Таким образом, в качестве основных поставщиков воска как на внутренний, так и на внешний рынок в течение XIV—XV вв. выступали крестьяне. Этот вывод основан на отрывочных данных актового материала и поэтому не может претендовать на абсолютную точность. В связи с общим характером феодального хозяйства можно было бы предположить, что наряду с крестьянами в качестве поставщиков воска на внутренний рынок выступали и феодалы. Однако это не подтверждается материалом источников.

Рост производительности труда в сельском хозяйстве Руси XIV—XV вв., вызывавший выделение бортничества в особый промысел, создавал предпосылки для развития товарного производства. Торговля воском — одна из немногих отраслей русской торговли этого времени, в которую поступала не только избыточная часть прибавочного продукта, а излишки самого крестьянского хозяйства. Поэтому экспорт воска неразрывно связан с развитием товарного производства внутри Руси. С другой стороны, экспорт воска был мощным фактором втягивая крестьян в товарные отношения, способствуя производству воска непосредственно на рынок [68].

Вероятно, торговля воском уже задолго до изучаемого времени основывалась на крестьянских поставках этого товара на внутренний рынок. На внешние же рынки воск поступал при посредстве купцов или гостей, ведших иноземную торговлю. По-видимому, благодаря тому, что торговля воском с ранних пор оказалась в руках купцов, раньше других создали свою организацию купцы-«вощники», упоминавшиеся уже в «Уставе князя Ярослава о мостех» [69]. Именно в их руках концентрировалась крупная оптовая торговля воском. Особенности торговли воском создали предпосылки для длительного и прочного существования этого объединения.

Особенности происхождения воска и пушнины, экспортировавшихся Новгородом, вызвали различие в организации самой внешней торговли этими товарами. Если относительно торговцев пушниной сохранились лишь отдельные свидетельства, то существование, причем уже с начала XII в., организации купцов-вощников не вызывает ни малейшего сомнения [70]. Она объединяла торговлю воском не только Новго-

---

[68] В наименьшей степени это относится к Новгородской земле, где бортничество развито слабо. Поэтому вряд ли для крестьян Новгородской земли экспорт воска являлся главным источником приобретения денег (Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 171—172).

[69] НПЛ, стр. 507.

[70] М. Н. Тихомиров. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI — XV века). ВИ, 1945, № 1, стр. 23—24.

рода, но и некоторых других земель. Привозом воска из других земель определялась и странная на первый взгляд позиция новгородских купцов, занятая ими в отношении порядка торговли воском в начале XV в. Несмотря на существование сильной и крепкой организации купцов-вощников, новгородцы отказались удостоверять качество воска своей печатью. Это можно объяснить лишь огромным привозом уже перетопленного в других землях воска, за доброкачественность которого новгородцы не могли поручиться.

Вопрос о степени обработки воска и в связи с этим о его сортах поддается изучению с трудом. Неизвестно даже, в чьих руках находилось воскобойное дело[71]: в руках горожан-ремесленников или купцов, торговавших воском, или в руках самих крестьян. Судя по молчанию источников как XIV—XV вв., так и более позднего времени, характеризующих в целом очень полно разнообразные занятия городского населения, ни в Новгороде[72], ни в других русских городах не существовало ремесленников, занимавшихся пробойкой (перетопкой) воска. Воскобойное дело, очевидно, всецело сосредоточивалось в сельской местности. Пробойка была вполне доступна отдельным крестьянам, так как она не требовала никаких сложных приспособлений. Наиболее примитивным способом топки воска являлась печная топка. Для нее необходимы лишь два глиняных горшка различной величины, укрепленные друг над другом. В верхний, меньший, с отбитым дном, на слое соломы помещался воск, который под действием тепла расплавлялся и капал вниз в воду, где застывая, образовывал круг.

Не менее распространен был другой способ пробойки — прессы. Расплавленный в котле с водой воск выливался

---

[71] Выбивка, пробойка воска необходима для очищения его от различных примесей. «Ярый» (чистый и белый) воск получается не только из новых вощин, пробывших в улье или борти несколько дней, но и из старых, неперечеренных (служивших лишь для складывания запасов) и перечеренных вощин, в течение нескольких лет служивших для выведения черви. Последний сорт вощин обычно бывает коричневого или даже черного цвета, но при перетапливании он дает чистый желтый воск и большое количество мервы, воска с большим количеством примесей.

[72] Даже в конце XVI в. в Новгороде Великом из общего числа людей, занимавшихся сельским хозяйством и подсобными промыслами (851), только трое названы воскобойниками (А. П. Пронштейн. Новгород Великий в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 51, 246). Полную противоположность составляло свечное дело, по-видимому, концентрировавшееся в монастырях и городах. Так, в Новгороде, по подсчетам А. П. Пронштейна, в конце XVI в. насчитывалось 85 свечников (там же, стр. 250).

в волосяные или холщевые мешки, помещался под пресс, причем воск вытекал, а воскобоина оставалась [73]. Однако в результате пробойки этим способом воск сохранял некоторые примеси. Более чистый воск желтого цвета получался в результате вытапливания в специальных воскотопках — в ведрах или чанах, где укреплен жестяной кружок с дырками, через которые чистый воск всплывает наверх. Все перечисленные выше устройства крайне просты, они почти не требовали особых затрат и, вероятно, были вполне доступны крестьянскому населению Руси.

Эволюцию производства воска можно проследить по качеству этого товара, поступавшего на внешний рынок.

В Рижской долговой книге конца XIII — начала XIV в. строго различался воск: cera soluta, resoluta, liquida, liquefacta, smolten cera, smolt was и вощина: cera non resoluta, non liquefacta, unsmolten cera, ungesmolten was.

Русский воск поступал в ливонские города в обоих видах, так как уже в конце XIII в. в Риге продавался воск кругами [74] (в такую форму отливался только воск после перетопки) [75]. По мнению Г. Гильдебранда, однако, ливонские города получали часть русского воска в виде вощин, перетапливали его и затем отправляли дальше [76]. Экспорт вощин был категорически запрещен.

---

[73] В. П. Попов. Воск, его добывание, свойства, употребление и т. п. Пенза, 1888, стр. 9—10. Этот способ существовал в Белоруссии (А. К. Сержпутовский. Указ. соч., стр. 30) и в Сибири вплоть до начала XX в. Сибирский способ был несколько сложнее. В землю между двумя столбами вкапывалась колода с углублением, в которое вкладывалась распаренная сорная вощина в холсте. После прессовки воска деревянной втулкой воск и горячая вода через специальное отверстие вытекали в приготовленный чан, причем сор оставался в холсте. Операция повторялась обычно два раза (см. Н. И. Казанский. Сибирская воскобойня. «Опытная пасека», 1914, № 2, стр. 45—46).

[74] Отзвук этого находим и в одном немецком названии, сохранившем, по-видимому, следы русского происхождения («crogwas» — от слова «круг»). См. H. Hildebrand. Op. cit., S. 72, № 1072 (1291, 22.IV).

[75] Т. В. Кован. Воск. Его история, добывание, фальсификация и торговое значение. СПб., 1912, стр. 54, 66 и др. При раскопках мордовского могильника X—XIII вв. близ с. Муранки В. И. Поливановым был обнаружен такой круг (В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 137, прим. 1). Изображение этих кругов находится в Радзивилловской летописи (см. А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 27). Та же форма сохранилась и позднее. Так, в Казани в XVI в. воск после перетопки «лили в круги большие в землю» (М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956, стр. 62).

[76] H. Hildebrand. Op. cit., Einleitung, S. LI. Кругами продавался воск в Москве и в XVI в. Например, около 1541 г. Иван Гаврилин из Литвы купил 11 кругов воска (Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 107; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 1, стр. 179), а в царской грамоте

В конце XIII — начале XIV в. воск в основном, вероятно, вывозился в виде вощин. В этом убеждает и название одного из сортов воска[77], и существование в конце XII в. котла для перетопки воска на немецком дворе в Новгороде[78]. Позднее порядок торговли изменился. В XIV—XV вв. основным видом экспортного воска стал воск в кругах. Наряду с воском продолжалась и торговля вощинами. Даже в конце XVI в. в Новгород ввозились вощины. Таможенная откупная грамота новгородцу Пятому Андрееву (от 1 сентября 1587 г.) о сборе померной и покоречной пошлин содержала следующее указание: «А имати ему померное со всякого жита... так же и с хмелю и с вощин...»[79].

Круги воска имели приблизительно одинаковый вес, изменявшийся в различные периоды, что было связано со сдвигами в воскобойном деле. В Рижской долговой книге не встречалось кусков воска, превышавших $^1/_2$ шиффсфунта (80 кг)[80]. К концу XIV — началу XV в. вес одного куска достигал уже одного шиффсфунта[81], а в конце XV в.— даже 2—$2^1/_2$ шиффсфунтов[82].

Чистый воск, составлявший основную часть общего экспорта воска, строго выделялся по качеству. Уже в Рижской долговой книге обычно различались cera cum pede (cera gevo-

---

двинским таможенным целовальникам, читаем: «...кто учнет купить или продавать рогозинами, и кадми, и кругом и возом и пудом в вес соль, мед, воск, рыбу, масло, сало и всякой весчей товар...» (ААЭ, т. 1, № 338, стр. 409, 29.III 1558 г.).

[77] «Medewas» — неперетопленные вощины с остатками меда — единственный раз упоминаются в Рижской долговой книге 18.IV 1294 г. (H. Hildebrand. Op. cit., № 355, S. 27). Неперетопленная сушь всегда сохраняет приятный медовый запах.

[78] Немецкий двор, судя по первой редакции его устава (скры), располагал собственным котлом для перетопки воска (W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1914, Red. I, § 9a). Позднее в скре ничего не говорится о котле, так как, вероятно, в нем отпала необходимость: с середины XIV в. воск поступал в Новгород уже в перетопленном виде. Перетапливание воска в конце XIV — начале XV в. стало лишь мерой наказания в тех случаях, когда качество покупаемого воска внушало какие-либо сомнения.

[79] ААЭ, т. 1, № 335, стр. 404.

[80] H. Hildebrand. Op. cit., Einleitung, S. LII.

[81] Cl. Nordmann. Die Veckinhusenschen Handelsbücher. Zur Frage ihrer Edition. HGbll, 65—66. J., 1940—1941, S. 104, 106.

[82] Впрочем, до самого конца XVI в. встречался и воск мелкими кусками. В Новгородской таможенной грамоте от 17 марта 1571 г. записано: «А повезет новгородец городской человек и окологородец из Новагорода воск и кто нибуди, и им имати у таможников узолки, сколко кругов, столко узолков, за таможничею печатью; а таможником у них имати с круга по три денги по новгородскую; а повезет кто воску мелкого пуд, или два, или три, и таможником у них не имати ничего» (ААЭ, т. 1, № 282, стр. 321).

tet, votet was) и cera sine pede [83]. По-видимому, эти наименования соответствуют современным понятиям о воске второго сорта и воске первого сорта. Воск первого сорта, вытопленный на солнечных воскотопках, белого цвета, чистый, без каких-либо примесей [84]. Воск второго сорта — темно-желтый или светло-коричневый, без посторонних примесей, но с отстоем, носившим в старонемецком языке название vot (Fuß), не превышавшим $^1/_3$ высоты круга. Наконец, воск третьего сорта — темно-коричневый, бурый или серый, с отстоем около $^1/_2$ высоты круга (прессовый воск из вытопков) [85].

Первое постановление немецкого двора в Новгороде относительно торговли воском 1315 г. касается чистого воска [86]. Под угрозой штрафа в 10 марок серебра ганзейцам запрещалась покупка «branden valschen voet von deme vasse» [87], т. е. воска, частично испорченного при перетопке. Этому постановлению предшествовали переговоры ганзейцев с русскими.

Новгородцам были поднесены богатые дары, в ответ на что русские обещали продавать только чистый воск. Однако постановление 1315 г. не выполнялось, как, впрочем, и следующее постановление 1332 г. и договор 1342 г. [88], требовавшие покупки только чистого воска «reyne was also, als it got gevet, mit sines selves vote» [89]. Не помогло и создание в 30-х годах XIV в. специальной должности wasfinder'a на немецком дворе в Новгороде, в обязанности которого входило проверять воск

---

[83] H. Hildebrand. Op. cit., № 277, 278, S. 21.

[84] Этому же понятию соответствовало и выражение «klares Wachs» (HUB, Bd. XI, № 1253, S. 807).

[85] П. С. Щербина. Указ. соч., стр. 52—53.

[86] Постановления Ганзы относительно качества воска были приняты почти на 20 лет раньше, чем относительно других товаров, в частности пушнины; возможно, что торговля воском, не являясь более ранней или более развитой, чем торговля мехами, имела для Ганзы в то время более важное значение, и потому фальсификация воска путем добавления сала, смолы и т. д., приносившая убыток ганзейским купцам, постоянно привлекала их внимание.

[87] W. Schlüter. Op. cit., Red. IV, § 96, S. 155; Red. V, § 98—99, S. 153—155. «Vot» — см. ibid., Register, S. 72.

[88] Уже через три года, в 1335 г., ганзейские купцы в число своих требований по отношению к русским включают: «§ 6. Item de cera videlicet de falso pede» (HUB, Bd. II, № 569, § 6, S. 250). В договоре указывалось: «...после дня святого Петра и святого Павла им (немцам) больше не брать от новгородцев воска с примесями, который был бы смешан с маслом или с желудями, или со смолой, или с горохом ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Юрьеве, ни в Риге, ни в Колывани, ни на Готском береге. Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, каким бог его дает, с его собственной подсадой, таким, какой он есть» (ГВНП, № 41, стр. 73—74, январь 1342 г.).

[89] W. Schlüter. Op. cit., Red. IV, § 96, 97, S. 153—155.

до его покупки ганзейцами и удостоверять его доброкачественность наложением печати. Вывоз воска, не имеющего печати, запрещался под страхом денежного штрафа и конфискации товара [90].

Представляют интерес указания на так называемую фальсификацию воска. Обычно исследователи останавливаются на грубых способах обмана — добавлении в воск чечевицы, гороха, иногда даже целых кирпичей [91], бóльший интерес представляют подделки воска, связанные с его производством (добавление сала, смолы и т. д.).

Воск продавался исключительно по весу [92]. Наряду с ливонскими мерами веса (шиффсфунтами, лисфунтами, маркфунтами) существовали и русские — капь (cap, cap Ruthenica, frusta Ruthenica [93]) и тысяча. Особенно часто встречалась именно последняя единица. Тысяча воска была равна по весу двум берковцам [94].

Воск упаковывался в отдельные «stro» [95], состоявшие из нескольких кругов (bodem) воска. Как установил Л. К. Гетц, число отдельных кругов и их величина были весьма различны [96].

В штро входило от одного до семи кругов, каждый весом от одного до трех с лишним шиффсфунтов.

---

[90] Ibid., Red. IV, § 101, 99, 97. То же требование выставляли купцы Любека в переговорах ганзейских и ливонских городов с Новгородом при восстановлении торговых отношений с последним в 1442 г. [§ 3. Item na utwisinghe der schraa, so scholde me dat valsche was bernen.— HR, Abt. II, Bd. II, № 602, S. 501 (1442, V)].

[91] L. K. Goetz. Op. cit., S. 263—264.

[92] В уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила смоленской епископии читаем: «А се дань на посвет святеи Богородици из двора своего осмъ копии воску и на горе огород» [ДАИ, т. 1, СПб., 1846, № 4, стб. 6 (1150, 30.IX)]. Договор 1407 г. Риги с Полоцком требовал: «...у Полоцку соль весити на скалвах тым же весом, что воск весят, тыми же колоколы» (ААЭ, т. 1, № 16, стр. 12). Коломничи на пути из Путивля в Брянск потеряли 40 пудов воску [Сб. РИО, т. 35, стр. 26, № 7, (1489, III)], а Карп Кошурников около Вильны — полтора безмена воску [там же, стр. 45, № 11, (1490, V)].

[93] Капь возникла из практики русско-ганзейской вощаной торговли. Величина ее определяется в договоре 1269 г.: «В капи должно быть весу 8 ливских фунтов» (ГВНП, № 31, стр. 61).

[94] Я. К. Земзарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII — XVI вв.). ПИ, вып. IV. М., 1955, стр. 214. Эта мера впервые упомянута в первой половине XIV в. См. W. Schlüter. Op. cit., Red. IV, § 96; Red. V. § 98.

[95] Происхождение этого термина неизвестно.

[96] L. K. Goetz. Op. cit., S. 269.

В связи со значительной ролью вощаной торговли в общем русско-ганзейском товарообороте особое внимание привлекает порядок взвешивания воска и платежа пошлин. Договор 1262—1263 гг. знает обязанность ганзейских купцов платить по две куны от капи, в том числе и воска [97]. Как фактически производилось обложение пошлиной, неизвестно. Когда в конце XV в. вновь встал этот вопрос, никакой ссылки на прежний порядок или указания на его изменение не было сделано [98]. В 1489 г. великий князь установил, что весовщики при церкви св. Ивана должны взимать три пфеннига с каждого шиффсфунта товара [99].

Взвешивание воска было источником постоянных разногласий между новгородцами и ганзейцами. Ганзейцев не удовлетворяло качество взвешивания воска в Новгороде, в связи с чем съезд ганзейских городов в Любеке обратился к Новгороду с просьбой исправить весы, на которых взвешивается воск [100]. Новгородцы же в своем договоре 1481 г. с магистром Ливонского ордена выдвинули требование о том, чтобы «в Ругодиве (Нарве) вощаной вес, капь, спустити с новгородскими капьми, а весити... по крестному целованию» [101].

При изучении размеров торговли воском Новгорода исследователь вынужден пользоваться данными о торговле ливонских городов. Трудность разделения торговли Новгорода и Смоленска, также поддерживавшего тесные экономические связи с ливонскими городами, главным образом с Ригой, как и неполнота и условность самих материалов делают наблюдения относительно размеров торговли весьма приблизительными. Тем не менее по ним, хотя и условно, можно все-таки определить и размеры торговли, и ее эволюцию.

---

[97] ГВНП, № 29, стр. 57.

[98] Н. А. Казакова утверждает, что в предшествующий период весчее взималось независимо от веса товара (Н. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. «Исторические записки», кн. 47, 1954, стр. 282). В уставе торгового объединения при церкви св. Ивана, где перечисляются источники его дохода, поступление пошлин от немецких купцов не указано. Вероятно, товары членов Иванского ста и их контрагентов не подлежали таможенному обложению, как это было в XVI в. «А воск, и мед, и олово, и свинец, и квасцы, и ладон, и темьян весить по старине, на крюк, у Ивана Святого под церковью на Петрятине дворище; а томожеником в то не вступатися ни во что» (ААЭ, т. I, № 282, стр. 324).

[99] HR, Abt. III, Bd. II, № 266, S. 305—306 (письмо немецкого двора Дерптскому городскому совету от 3.VIII 1489 г.).

[100] HR, Abt. II, Bd. 7, № 338, § 223, S. 548 (1476, 25.V — 20.VI); № 361, S. 586, (1476, 15.VI).

[101] АЗР, т. I. СПб., 1846, № 75, стр. 96.

В конце XIII в. и самом начале XIV в. количество воска, русского и литовского, купленного только в кредит в Риге и отправленного во Фландрию или в Англию, колебалось между 25—30 шиффсфунтами, т. е. 4—5 т ежегодно, редко поднимаясь до 70 шиффсфунтов (11,2 т) [102].

Конечно, данными долговой книги не исчерпывается весь вывоз воска: воск, приобретенный за наличный расчет и в обмен на другие товары, в книгу не попадал. По-видимому, весь вывоз из Риги раза в два-три превышал указанные в книге размеры. В этом убеждают данные о величине убытков немецких купцов в конце XIII в.: только за один 1292 г. в результате ограбления они потеряли 26 шиффсфунтов без одного лисфунта, т. е. 4152 кг, а в 1298 г.— 2,5 шиффсфунта, т. е. 400 кг [103].

Ежегодный вывоз воска отдельными ганзейскими купцами в середине XIV в. достигал иногда 4—5 шиффсфунтов, т. е. 700—800 кг.

Хотя, вероятно, закупки воска купцом среднего достатка были несколько ниже этих цифр, они, однако, показательны, поскольку в Новгород в этот период приезжало много ганзейских купцов. Так, Хинрик де Бохольт в 1335 г. вывез из Новго-

---

[102] Судя по Рижской долговой книге, было продано в кредит (по годам):

1286	12	шф	53	лф	2	мф	(2344,8 кг)
1287	21	»	11,5	»			(3452 »)
1288	25,5	»	3	»			(4104 »)
1287—1289	15	»	1	»	11,5	»	(2412,6 »)
1289	27,5	»	33	»	8	»	(4667,2 »)
1290	33,5	»	14,5	»	12	»	(5450,8 »)
1291	72	»	17,5	»	24	»	(11621,6 »)
1292	29	»	71,5	»			(5212 »)
1293	19	»	8	»	8,5	»	(3107,4 »)
1294	15,5	»	4	»			(2512 »)
1295	10	»	13	»			(1704 »)
1296	16	»	24,5	»	3	»	(2739,2 »)
1297	1 ласт 24 шф.						(5760 »)
1298	7,5 шф.						(1200 »)
1299	4 »		5	лф	10	мф	(684 »)
1300	16 »						(2560 »)
1301	21 »		8	»	1	»	(3424,4 »)
1302	13,5 »		10,5	»	24	»	(2253,6 »)

При переводе в метрическую систему условно принято равенство: 1 шф — 160 кг, 1 лф — 8 кг, 1 мф — 400 гр. Резкое падение вывоза в самом конце XIII — начале XIV в., устанавливаемое по Рижской долговой книге, объясняется не столько фактическим его сокращением, сколько неполнотой записей самой книги.

[103] LUB, Bd. II, № 620, S. 565—566.

рода 4 шиффсфунта 12,5 лисфунтов воска, т. е. 740 кг [104]. И. Виттенборг с помощью своих агентов вывозил несколько больше. Вероятно, за один только 1355 г. он и его компаньон вывезли из Новгорода около 5800 кг. 17 июля 1355 г. его компаньон Готшалк Визе продал в Любеке воск на сумму в 240 любекских марок, т. е. около 6 шиффсфунтов; сам И. Виттенборг продал три партии воска общим весом в 30 шиффсфунтов 3,5 лисфунта [105]. Приблизительно на том же уровне остались размеры вывоза отдельными купцами в конце XIV в. Так, в 1389 г. у ревельского купца Грота Гримме была партия воска в 10 штук, а у Иоганна ван дер Молле — 8 бодемов (кругов) [106]. Помимо этого, значителен был и вывоз воска самими русскими купцами, торговавшими преимущественно в Ревеле.

О размерах вывоза воска из Ревеля и Риги — основных портов, через которые он экспортировался из Новгорода [107], можно судить по Ревельской таможенной книге 1368—1369 гг. В 1368 г. был вывезен 231 кусок (stücke) воска [108], или 2310 лисфунтов, т. е. 18,5 т [109].

В 80-х годах XIV в. вывоз воска из Новгорода, как и вывоз пушнины, упал в связи с прекращением дипломатических и торговых отношений Новгорода с Ливонией и Ганзой [110]. Весной (26 марта) 1391 г., в пору наибольшего обострения отношений немцев с Новгородом, только у двух ревельских купцов из двадцати трех, имевших так называемые «русские» товары из Новгорода, Пскова и соседних с ними райо-

---

[104] HUB, Bd. II, № 569, S. 251, Anm. 1.

[105] C. Mollwo. Das Handlungsbuch von Hermann und Johann Wittenborg. Leipzig, 1901, Teil II, § 147, 163, 177, 181, 183, 188.

[106] HR, Abt. I, Bd. III, № 438, S. 451—452.

[107] В. Штида отмечает, что вывоз воска из Ревеля указан в 11 из 72 квитанций об уплате таможенных пошлин в 1368 г., а из Риги — в 13 из 48 (W. Stieda. Op. cit., Einleitung, S. CXII).

[108] G. Lechner. Die Hansische Pfundzollisten des Jahres 1368 (18.III 1368 bis 10.III 1369) mit einem Vorwort von Fr. Rörig. «Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte», N. F., Bd. X. Lübeck, 1935. В 1358 г. воск вывозился не только через ливонские города, но и через Выборг. Известный ревельский купец Гобель обменял там 20 ластов соли на воск (K. Kunze. Op. cit., S. 130). У одного только Тиле Падзе в 1368 г. имелось пушнины и воска на 8665 любекских марок (G. Lechner Op. cit., S. 387, № 5).

[109] По аналогии с Рижской долговой книгой (H. Hildebrand Op. cit., Einleitung, S. LII) считаем вес одного куска равным 0,5 шиффсфунта.

[110] Не случайно в 1389 г. после кратковременного разрешения торговли в Новгороде из 10 ревельских купцов лишь у двоих оказались такие ничтожные количества воска, как 10 штук и 8 бодемов (HR, Abt. I, Bd. II, № 438, S. 451—459).

нов, оказалось небольшое количество воска: 11,5 лисфунтов у одного и 4 шиффсфунта 7,5 лисфунтов у другого [111] — в общей сложности 792 кг [112]. Нарушение торговых отношений в результате сложившейся политической обстановки, по-видимому, повлияло на размеры экспорта воска. Пушнина, вывоз которой также значительно сократился, поступала не только из русских земель, но и из соседних шведских и финских. Кроме того, в связи с небольшим объемом пушнины возможен был тайный провоз ее в ливонские города. Иначе обстояло дело с воском.

Основным источником экспортного воска наряду с самой Прибалтикой были русские земли, и прекращение торговли с ними вызвало резкое падение его вывоза [113]. Вывоз его через другие города, в том числе Выборг и Або [114], не мог, разумеется, компенсировать закрытия главных экспортных каналов.

Нормализация отношений Великого Новгорода с его северо-западными соседями привела к увеличению торговли воском.

Уже в 1393 г. на одном только судне Якоба Дуббельсона, следовавшем из Ревеля во Фландрию, находилось 55 кусков воска [115], по подсчетам В. Коппе [116], весом около 15 тыс. маркфунтов (т. е. около 6 т). Как и прежде, еще больше воска вывозилось из Риги [117].

Общие размеры экспорта воска из Новгорода можно представить по данным о торговле Тевтонского ордена, лиггеры (приказчики) которого в 1399, 1400, 1401 и 1404 гг. вывезли из самого Новгорода и из Пруссии 271 шиффсфунт новгород-

---

[111] HR, Abt. I, Bd. IV, № 22, S. 16, § 14, 20.

[112] Вряд ли можно объяснить этот факт случайным характером самой записи о вывозе воска, как это делал Л. К. Гетц (L. Goetz Op. cit., S. 271).

[113] Западный рынок болезненно реагировал на изменения торговли на востоке Европы. Движение цен на брюггском рынке в конце XIV в. вероятно указывает на это. Самая высокая цена на воск за период 1393—1398 гг. падает именно на 1393 г., когда брюггский рынок еще переживал последствия предыдущего разрыва торговли с русскими. М. П. Лесников. Балтийско-нидерландская торговля хлебом в конце XIV — начале XV в. Сб. «Средние века, VII, 1955, стр. 291.

[114] Об экспорте русского воска оттуда известно в 1386 г. [HUB, Bd. IV, № 870, S. 366 (1386, 3 V)].

[115] HR, Abt. I, Bd. V, № 442—443, S. 345—349.

[116] W. Koppe. Revals Schiffsverkehr und Seehandel im Jahre 1378—1384. HGbll, 64—65. Jg., 1940—1941, S. 136—137.

[117] HR, Abt. I, Bd. VIII, № 960. В 1404 г. на судне рижского бюргера Энгельбрехта Боннита было вывезено 2 тыс. кусков воска,— по Коппе, около 63 тыс. маркфунтов (около 25,2 т).

ского воска, (т. е. около 43 т) [118]. Если предположить, что вывоз новгородского воска Тевтонским орденом составлял, как и пушнина, $^1/_6$—$^1/_8$ часть всего экспорта этого товара, то общий его вывоз будет колебаться между 60 и 80 т в год.

Представляет интерес сопоставление этой цифры с итогом подсчета Н. Я. Аристова [119]. Он пытался определить размеры вывоза воска по русскому источнику — «Рукописанию» князя Всеволода Мстиславича [120]. Условно признавая правильным ход его рассуждений, получаем 4125 пуда, или 66 т, что значительно ниже итоговой цифры самого Н. Я. Аристова (23750 пудов). Н. Я. Аристов принимает пошлину за взвешивание одного берковца воска равной 1,5 гривнам кун, хотя пошлины с купцов из разных городов значительно различались (с низовского гостя взималось $^1/_4$ гривны серебра, с полоцкого и смоленского — 2 гривны кун, с новоторжского — 1,5 гривны кун, наконец, с новгородского — 6 мордок). Таким образом, для получения одной гривны серебра необходимо было взвесить 5 берковцев воска, а для получения около 82,5 гривен, указанных в «Рукописании» в качестве ежегодного расхода, — 412,5 берковцев, т. е. 4125 пудов, а не 23750. Ошибка Н. Аристова была повторена во многих других трудах [121].

Торговля воском, происходившая в XV в. уже не только через старые центры вощаной торговли — Ревель и Ригу, значительно увеличилась. Русские купцы в 1414 г. вывезли среди других товаров 14 шиффсфунтов 8 лисфунтов воска

---

[118] М. П. Лесников. Торговые сношения Новгорода, стр. 272. По данным М. П. Лесникова, вывоз новгородского воска по годам распределялся следующим образом. Перевод в метрическую систему произведен автором статьи.

Годы	Число кусков	Шиффсфунты	Лисфунты	Маркфунты	Всего в кг
1399	83	64	17	8	10379,2
1400	125	92	19	11	14876,4
1401	65	75	5	5	12042,0
1404	43	37	19	5	6074,0
Итого	316	271	1	9	43191,6

[119] Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 39—40.

[120] ПРП, вып. 2, стр. 175—177.

[121] А. Ф. Селиванов. Исторический очерк развития пчеловодства в России. СПб., 1896, стр. 24; В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 137.

(2362 кг) [122] на корабле, который к январю потерпел крушение, в результате чего указанная партия оказалась в Висмаре. Партию воска почти такой же величины отправил через Нарву новгородец Нерон со своими товарищами — 13,5 шиффсфунтов 8 лисфунтов любекского веса (2124 кг). [123].

В это время европейские контрагенты Новгорода и Пскова предъявляли все более высокий спрос на русский воск. В 1419 г., вскоре после завершения войны с Тевтонским орденом, из Або был вывезен «русский» воск без всякого клейма и освидетельствования (II. stücke Ruschses wasses, de umbesegelt und ungemerket sint...), хотя порядок покупки воска, проверенного немецким двором, строго соблюдался с самого начала русско-ганзейской торговли. Отправка этих двух штук русского воска в Любек вызвала там нарекания, тем более что воск был захвачен у русских (dat den Russen latest genomen ward) [124].

Товарищество купцов Фекингузенов за один только 1418 г. вывезло в Брюгге 31 шиффсфунт 15 лисфунтов 10 маркфунтов воска [125].

Размеры партий воска отдельных немецких купцов в это время остаются приблизительно такими же, как и в XIV в. В 1429 г. Фридрих фон Совеникен отправил в Любек Ламберту Фролинку по поручению Тидемана Фосса из Дерпта 3 штро воска, состоявшие из семи бодемов (весом в 4 шиффсфунта без 28 фунтов — 628,8 кг) [126].

Приблизительно в тех же размерах экспортировали воск и русские купцы. Только трое русских — Макарий, Матвей и Кропанюк (Kroppanuce) — продали 10 «тысяч» воска, а кроме того, Микула — 4,5 «тысячи», Василий Зоска (Zoske) — 5,5 «тысяч», Лука — 10 лисфунтов воска [127]. Русские купцы Мирон, Терентий и Трифон в 20-х годах XV в. вывезли свыше 14 шиффсфунтов 8 листфунтов любекского веса, т. е. более 8 тонн [128].

В 40-х годах XV в., несмотря на неблагоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку, вывоз воска из Новгорода продолжался. 14 марта 1441 г. Ламберт фан Бодекен отправил во Фландрию через Герда Сузинка в Любеке небольшую

---

[122] LUB, Abt. I, Bd. V, № 1982, S. 33—35 (1414, 15.VIII).
[123] Ibid., Abt. I, Bd. VII, № 419, S. 291 (1426. 28.I — 1.II).
[124] LUB, Abt. I, Bd. V, № 2351, S. 517 (1.XII 1419).
[125] Cl. Nordmann. Op. cit., S. 106—107.
[126] LUB, Abt. I, Bd. VIII, № 258, S. 149 (24.VII 1430).
[127] HUB, Bd. VI, № 234, S. 130—131 (письмо Клауса Дока Ревелю до 8.VIII 1419 г.).
[128] ГВНП, № 62, стр. 103 (8.II 1423 г.) (договор Новгорода с ганзейскими городами).

партию воска (две бочки) [129]. В том же 1441 г. (an dessem vorjare) из Пскова были вывезены в Нарву две ладьи с воском (gecrucede was mit vorsate) [130]. Первоначально русские привезли этот воск в Дерпт. Немецкие купцы, обнаружив, что воск недоброкачественный (valsch und wanderbaer), предложили его перетопить (ummesmelten), однако русские отказались это сделать. Продав небольшую часть воска в Дерпте, остальной они отправили в Нарву. В январе 1441 г. съезд ливонских городов в Вольмаре рассматривал дело ревельского купца Ганса Берзекампа, нарушившего запрет кредитной торговли с русскими и купившего в Нарве у русского в обмен на соль и мед 14 «тысяч» (4400 кг) воска [131].

В годы прекращения торговли ливонских городов с Новгородом воск оттуда вывозили данцигские [132] или шведские купцы. Так, в 1443 г. (до 21 апреля) Клаус Петерс из Выборга купил в Новгороде 3 или 4 шиффсфунта воска [133].

В середине XV в. торговля воском возросла. Г. Генден, постоянно торговавший в Новгороде, отправил из Риги ласт воска в Любек [134]. Только на двух кораблях, севших на мель около Готланда в 1458 г., ревельские и любекские купцы везли из Ревеля свыше 19 тонн воска (92 шиффсфунта 17 лисфунтов 1,5 маркфунтов, 22 штро) [135].

Одновременно с экпортом новгородского воска через Ревель вывозился литовский и смоленский воск через Ригу.

В том же 1458 г. из Риги на трех кораблях, принадлежавших Герману Мейеру, Борстелю и Бертольду Ханен, одни только штральзундские купцы вывезли 16,5 шиффсфунтов 29,5 лисфунтов и 4 штро (свыше 3,5 т) воска [136]. Разумеется, этим не исчерпывается фактический вывоз воска, тем более что данные о его вывозе даже на этих трех кораблях не полны: они приводятся в связи с захватом Данцигом товаров штральзундских купцов, поэтому указан груз лишь этих последних.

В конце XV в. Ливония и русские города Новгород и Псков оказываются единственными поставщиками воска на

---

[129] LUB, Bd. IX, № 755, S. 526—527.
[130] Ibid., Bd. IX, № 750, S. 524 (1.VIII 1441) (Дерпт — Ревелю).
[131] Ibid., Bd. IX, № 687, § 7, S. 483 (22.I 1441); № 737, S. 518 (23.VI 1441) (письмо любекского совета ревельскому); № 817, § 7, S. 560 (20.II 1442).
[132] HR, Abt. II, Bd. III, № 103, S. 50 (30.VII 1443) (письмо ревельского совета данцигскому).
[133] LUB, Bd. XI, № 997, S. 656 (15.VIII 1443) (письмо Карла Кнутссона ревельскому городскому совету).
[134] Ibid., Bd. IX, № 600, S. 473 (28.VII 1456).
[135] HUB, Bd. XI, № 1253, S. 807—810 (IX — X 1458).
[136] Ibid., Bd. VIII, № 715, S. 449—450 (13.VII 1458).

европейский рынок. Судя по любекским таможенным книгам 1492—1496 гг., кроме Ливонии, воск поступал лишь из Стокгольма (один кусок в 1492 г.) и с Готланда (1,5 шиффсфунта в 1492 г. и 16 шиффсфунтов в 1493 г.) [137]. Однако это, по-видимому, также реэкспорт русского или ливонского воска.

В это же время вывоз воска из ливонских городов составлял по сведениям того же источника:

из Риги:

1492 — 1,5 шиффсфунта, 38 штро, 63 куска, 1 маленький кусок и 1 маленькая бочка.

1493 — 5,5 шиффсфунта, 23 лисфунта, 167,5 кусков, 3 небольших куска.

1494 — 3,5 шиффсфунта, 12 лисфунтов, 151 кусок, 1 кусок весом в 12 лисфунтов, 2 маленьких куска, 1 маленький кусок весом в 6 лисфунтов.

1495 — 21 шифсфунтов, 12 лисфунтов, 145 кусков, 16 маленьких кусков, 1 бочка.

1496 — 31,5 шиффсфунтов, 25 лисфунтов, 124 штро, 15 кусков;

из Ревеля:

1492 — 2 шиффсфунта, 45 штро, 64 куска,

1493 — 8,5 лисфунта, 803 куска, 1 небольшой кусок, 1 бочка и 1 бочка разбитого воска,

1494 — 16 лисфунтов, 822 куска.

1495 — 3,5 шиффсфунта, 1, штро, 308 кусков.

1496 — 3 штро.

Хотя эти данные отнюдь не являются исчерпывающими [138], они все-таки характеризуют объем новгородского экспорта воска. Если принять вес одного куска равным от 1 до 1,5 шиффсфунтов, а величину штро условно за три куска (в действительности от одного до семи), то объем вывоза воска окажется таковым (см. таблицу).

---

[137] Fr. Bruns. Die lübeckischen Pfundzollbücher von 1492—1496. HGbll, 1908, S. 366—371, 372—376, 405.

[138] Известно, например, что в 1494 г. значительная часть вывоза воска и кожи из Новгорода шла через Нарву: «De Narvesschen eren handel unde kopenschop driven mit grossen wasses» (LUB, Abt. I, Bd. XI, № 19, S. 11. Середина августа 1494). В 1494 г. Данциг захватил небольшое нагруженное русскими товарами судно (schute), принадлежавшее пяти купцам из Выборга. Там же находился и кусок воска (eyn stucke was van tween schippunden) (LUB, Abt. II, Bd. I, № 7, S. 4 16.VI 1494) (письмо данцигского совета ревельскому). В 1496 г. двое русских продали Генриху Вегезаку 9 «тысяч» воска, т. е. 2880 *кг* (LUB, Abt. II, Bd. I, № 425, S. 309. 7.X 1496). На корабле, потерпевшем кораблекрушение у о. Готланд в 1493 г., находилось 129,5 шф. 146 лф. 22 мф. (свыше 20 тонн) воска. (W. Stieda. Ueber die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter. Berlin, 1903, S. 46—52). Вывоз и этого воска не нашел отражения в любекских книгах, так как корабль не дошел до Любека.

Вывоз воска из Риги и Ревеля в конце XV в.

Годы	Вывоз из Риги		Вывоз из Ревеля		Общий вывоз, т (минимальные цифры)
	в шиффсфунтах	в тоннах	в шиффсфунтах	в тоннах	
1492	От 178,5 до 313	От 28,56 до 50,08	От 201 до 300,5	От 32,16 до 48,08	60,720
1493	» 175 » 277	» 28,00 » 44,32	» 804 » 1206,0	» 128,64 » 192,96	156,640
1494	» 157,5 » 226	» 25,056 » 36,12	» 822,8 » 1233,75	» 131,64 » 197,4	156,696
1495	» 19,86 » 252	» 29,76 » 40,32	» 314,5 » 470,0	» 50,32 » 75,2	80,0
1496	» 419,75 » 615	» 67,2 » 98,40	» 9 » 13,5	» 1,44 » 2,16	68,16

Значительная разница между размерами экспорта воска из Ревеля и Риги еще раз показывает, насколько велики были экспортные возможности Новгорода и Северо-Восточной Руси, снабжавших другие страны Европы в XIV—XV вв. этим, по выражению самих немцев, «драгоценным» товаром.

Передвижение в конце XV в. центра тяжести торговли воском из Риги, являвшейся в начале XIV в. главным экспортером воска, в Ревель, представляет большой интерес. По-видимому, весь воск, вывозившийся из Ревеля, попадал туда из Новгорода и Пскова. Никаких данных о поступлении в Ревель воска из других районов нет.

Если в начале XIV в. главными поставщиками экспортного воска были районы, близко расположенные к ливонским городам (Смоленская и Полоцкая земли), то к концу XV в. на первое место выходит воск из более удаленных районов, а Рига, торговля которой питалась в основном поставками из районов Полоцка и Смоленска, уступает место Ревелю, теснее связанному с центром транзитной русской торговли — Великим Новгородом.

Сравнение с предшествующим временем показывает значительные изменения в размерах экспорта воска из Новгорода в конце XV в. Судя даже по неполным данным любекских таможенных книг 1492—1496 гг. и несколько дополняющим их сведениям других источников, на протяжении XV в. он увеличился по крайней мере в два раза. Это тем более интересный факт, что воск поставлялся в Новгород из всех русских земель.

Это увеличение вывоза воска является достаточно красноречивым свидетельством развития и укрепления экономических связей между Новгородом и другими русскими землями, связей, подготовивших и обусловивших вхождение Новгорода в состав Русского централизованного государства. Возможно,

эти данные характеризуют и первые экономические последствия присоединения Новгорода.

Несмотря на ряд неблагоприятных условий и даже на закрытие немецкого двора в Новгороде, экспорт воска сократился не особенно значительно.

Точную цифру абсолютных размеров экспорта воска установить трудно. Наши материалы недостаточно полны, а единственные сопоставимые цифры [139] Дж. Флетчера несколько преувеличены: для 1588 г. он считает вывоз воска равным 10 тыс. пудов (160 т), а для более раннего периода — 50 тыс. пудов (800 т) [140]. Однако из Новгорода даже в конце XV в. не вывозилось более 300 т. Трудно предположить, чтобы в других направлениях в это время могло вывозиться 500 т.

Итак, в XIV — XV вв. экспорт воска из Новгорода достиг значительных размеров. В качестве главных производителей и поставщиков воска на внутренний рынок выступали крестьяне, в связи с чем объем экспорта воска может характеризовать развитие товарного производства и товарного обращения внутри Руси. Несомненно, именно с этим процессом следует связывать по крайней мере двукратное увеличение экспорта воска через Новгород. Внешняя торговля несколько стимулировала развитие этого сельского промысла.

Торговля русским воском составляла одну из основ процветания Ганзы. Через ганзейских купцов русский, в том числе и экспортировавшийся через Новгород, воск поступал на рынки Северной Европы, где пользовался широким спросом.

* * *

Cet article est consacré à l'examen l'une des branches les plus évoluées du commerce extérieur de Novgorod. Se fondant essentiellement sur le témoignage des sources écrites, l'auteur montre le caractère transitaire du commerce de cire. Novgorod recevait la cire des régions centrales de la Russie. Le développement

---

[139] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера..., стр. 117. Данные XVII в. для сравнения с XIV—XV вв. уже не подходят. В XVII в., по утверждениям Кильбургера, воска в России имелось недостаточно, т. к. спрос на него внутри страны все время возрастал, что привело к полному прекращению его экспорта, даже такого незначительного, как 3500 пудов (56 т).

[140] Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 12. О размерах вывоза воска в XVI в. можно судить по величине партий воска у одного купца: «А с кем зговоришь, имайся за 100 берковеск; да спросити по скольку пуд в круг делают...» (И. Н. Шмелева. Русская торговая книга XVI в. Рук. кандид. диссертации. Л., 1948, стр. 92).

de l'agriculture en Russie créa les conditions nécessaires pour l'exportation de la cire par Novgorod. Vu la parcimonie des sources, il est difficile de dire a vec certitude quelle classe de la population de la Russie fournissait la cire destinée au marché étranger. Voici une des versions possibles: les paysans, principaux producteurs de la cire et fournisseurs du marché intérieur, fournissaient également le marché extérieur par l'intermédiaire des marchands en gros.

L'auteur s'applique à étudier le volume et la dynamique de l'exportation de cette marchandise. Malgré le caractère approximalif de ses données statistiques le développement de l'exportation de la cire par l'intermédiaire de Novgorod au cours des XIV—XV-e siècles ne fait pas le moindre doute. Il prouve le renforcement des relations économiques de Novgorod avec les autres terres russes, ce qui est, dans une certaine mesure, à l'origine de l'inclusion de la ville dans l'Etat russe centralisé.

Н. А. Казакова

РУСЬ И ЛИВОНИЯ

60-х — начала 90-х годов XV века

Роль Ливонии в истории внешних сношений Руси была противоречивой: на протяжении столетий русскому народу угрожала агрессия Ливонского ордена, стремившегося не допустить усиления Руси и держать ее в состоянии искусственной изоляции от других стран Европы; в то же время ливонские города являлись естественными посредниками в торговле Руси с Западом, и поэтому они были заинтересованы в развитии экономических связей с русскими землями; постепенно активизировалась торговля русских купцов в самой Ливонии, что еще более усиливало ее экономическое значение для Руси.

Все эти противоречивые факторы оказывали влияние на ливонскую политику сначала Новгорода, а затем — с объединением русских земель под главенством Москвы — московского великокняжеского правительства.

Цель настоящей статьи — рассмотрение политики правительства Ивана III по отношению к Ливонии и анализ определивших ее конкретно-исторических предпосылок. Рассматриваемое время (с начала 60-х годов до начала 90-х годов XV в.) представляет собой определенный этап внешней политики русского правительства, характеризующийся сосредоточением основных усилий на объединение русских земель и ликвидации татарского ига. В 90-х годах XV в. во внешней политике правительства Ивана III происходят изменения, которые К. В. Базилевич характеризовал как переход к активным действиям с целью возвращения отторгнутых Литвою земель и овладения подступами к Балтийскому морю, что было необходимо для установления непосредственных экономических, политических и культурных связей с остальной

Европой [1]. Предпосылки этого перехода, в частности в отношении Ливонии, были заложены, как увидим, в предшествующее время. Отсюда — целесообразность его специального изучения.

В XII—XIII вв. Новгородская феодальная республика активно выступала против шведской и немецкой агрессии. Но в XIV—XV вв. в связи с процессом объединения русских земель вокруг Москвы характер внешней политики Новгорода меняется: новгородское боярство стремится сохранить мир на западных границах, чтобы иметь возможность в нужный момент бросить все силы против великого князя московского. Отсюда — все более ярко выраженное стремление новгородского правительства избегать конфликтов с Ливонией и равнодушие к судьбам Пскова, бывшего в эту пору главным объектом агрессии со стороны Ордена. Одновременно в связи с развитием экономических связей с Западной Европой возрастает активность торговой политики Новгорода; новгородское правительство предъявляет Ганзейскому союзу и Ливонскому ордену ряд требований, важных для развития заграничной торговли новгородских купцов, в частности требование предоставления Ганзой «чистого пути за море» — беспрепятственного проезда на заморские рынки и гарантии Орденом личной и имущественной безопасности русских купцов, торгующих в Ливонии. Но, предъявляя эти требования, боярское правительство не проявляло достаточной энергии, чтобы добиться их реализации [2].

Указанные черты политики Новгорода по отношению к Ливонии явственно обнаруживаются в новгородско-псковском договоре 1448 г. с Ливонией, которым ко времени вступления на престол Ивана III определялись русско-ливонские отношения.

Договор 1448 г. был заключен в Нарве после удачной для Новгорода войны с Ливонией 1443—1448 гг. Хотя война, начатая руководителями Ордена, закончилась крупным поражением военно-морских сил Ордена в битве на р. Нарове

---

[1] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 338—340.

[2] Политика Новгорода по отношению к Ганзе и Ливонии рассматривается в наших статьях: «Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в.». «Исторические записки», кн. 28, 1949, стр. 111—131; «Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV века». «Уч. зап. ЛГУ», № 270. серия исторических наук, вып. 32, 1959, стр. 3—33.

летом 1447 г.[3], тем не менее новгородское правительство не предъявило Ордену сколько-нибудь серьезных требований. Договор подтверждал существовавшую границу между Новгородом и Ливонией — «от Чудского озера стержнем Наровы реки прямо в Соленое море, по старым крестным грамотам и по грамотам князя магистра Зиверда»[4]. Далее устанавливалось, что ни новгородские люди, ни люди магистра не должны переходить на противоположную сторону и там «земли не пахать, сена не косить, леса не рубить, рыбы в водах не ловить»; эта статья договора была направлена против мелких нарушений границы, по-видимому, часто имевших место с обеих сторон.

Следующие статьи содержали обычную гарантию свободного проезда для купцов и послов и обязательство сторон справедливо судить и оберегать в своих владениях лиц, принадлежавших к другой стороне, как собственных подданных. Чтобы избежать, очевидно, частых в Ливонии случаев распространения на новгородцев репрессий за проступки, совершенные псковичами и наоборот, в договор была включена особая статья о том, что из-за псковских дел новгородских гостей не задерживать и из-за новгородских дел псковских гостей не задерживать — истец должен знать истца.

В последних статьях договора рассматривается вопрос об условиях проезда послов, о порядке вывоза лошадей из Ливонии в Новгород (по-прежнему запрещается вывоз «больших» лошадей, т. е., видимо, таких, которые могли быть использованы для военных нужд)[5] и о способе взвешивания воска в Нарве. В интересах новгородцев нарвским весовщикам запрещается «колупать» у них воск: «колупать» воск у новгородцев, и то только немного, могут те немецкие купцы, которые его покупают[6].

Бросается в глаза, что статьи договора 1448 г., за исключением второстепенных — о порядке проезда послов, взвеши-

---

[3] О новгородско-ливонской войне 1443—1448 гг. см. Н. А. Казакова. Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена..., стр. 21—32; И. Э. Клейненберг. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг. «История СССР», 1958, № 4, стр. 114—123.

[4] «Грамоты магистра Зиверта» — договор, заключенный Новгородом с магистром Зивертом Ландер фон Шпангеймом в 1421 г.

[5] ГВНП, № 73.

[6] Воск являлся одним из главных предметов новгородского экспорта. При покупке воска немцы издавна имели право «колупать» (beklоppen) его — откалывать куски для проверки качества; эти куски в счет веса покупаемого воска не засчитывались, что было для новгородцев невыгодно; отсюда их стремление ограничить круг лиц, пользовавшихся правом «колупания» (см. статью А. Л. Хорошкевич, опубликованную в настоящем сборнике.— *Ред.*).

вания воска и т. д.,— повторяют условия предыдущего договора Новгорода с Орденом, заключенного в 1421 г.[7] Это подчеркивается ссылкой на грамоту и крестоцелование магистра Зиверта. Содержание договора 1448 г. показывает, что новгородское правительство не стремилось к изменению существующего status quo в отношениях с Ливонией.

В Нарве, где летом 1448 г. происходили переговоры о мире, было заключено еще одно соглашение — между Псковом и епископством Дерптским. В псковской летописи после известия о заключении мира мы читаем: «А что бяше отняли юриевцы старин пъсковъских много, милостию же святыя Троица и молитвою благоверных князеи, они же погании возвратиша со студом и с срамом вся старины псковъския ко Пскову»[8]. О каких «старинах» здесь идет речь, сказать трудно, скорее всего, о Желачке, пограничной между епископством Дерптским и Псковом, территории, которая уже в течение столетия являлась предметом спора и которую теперь, после неудачной для Ливонии войны, епископство Дерптское признало владением Пскова[9].

Однако договор 1448 г. не обеспечил прочного мира на русско-ливонской границе. Мелкие пограничные инциденты продолжались, и в переписке орденских чинов, относящейся к 50-м годам XV в., постоянно встречаются известия о напряженных отношениях с Русью[10]. Эта напряженность была обусловлена, вероятно, не только нарушениями рубежа, но и различного рода конфликтами, связанными с торговлей русских в Ливонии. Так, в 1455 г. новгородцы жаловались, что

---

[7] ГВНП, № 60. Анализ договора 1421 г. см. Н. А. Казакова. Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена..., стр. 16—19.

[8] Псковская первая летопись. В кн.: «Псковские летописи», вып. 1, М.— Л., 1941 (далее П I Л), стр. 49.

[9] Первый раз о распре между Псковом и Дерптом из-за Желачки летопись упоминает под 1365 г. (П I Л, стр. 23). Предположение о том, что псковско-дерптское соглашение 1448 г. касалось Желачки, находит себе опору в следующих данных: во-первых, в 50—60-х годах XV в., когда между Псковом и Дерптом шли распри из-за Желачки, ее территория рассматривалась псковичами как земля св. Троицы, которой Псков должен владеть «по старине» (П I Л, стр. 55—57); об уступке, сделанной Дерптом Пскову в 1448 г., летописец также говорит как о возвращении псковичам их «старин»; во-вторых, в 1471 г., во время переговоров ливонского магистра с Псковом, магистр соединял поддержание мирных отношений в районе Желачки с сохранением Нарвского мира 1448 г. («тако же повестова и о Желатцкои воде, тако же и о земли, что за Красным городком, чтобы нам тое до Норовского миру крепко издержяти на обе половине».— «Псковские летописи», вып. 2. М., 1955, стр. 174); следовательно, соглашение о Желачке было как-то связано с Нарвским миром — вероятно, первый раз оно было заключено в Нарве в 1448 г (в 60-х годах имели место новые соглашения о Желачке — см. ниже, стр. 310—312).

[10] LUB, Bd. XI, № 27, 189, 321, 325.

их купцам в Ревеле запрещена мелкая торговля вразнос и что русская церковь в Дерпте приходит в упадок [11]. Но, несмотря на все инциденты, вплоть до конца 50-х годов крупных столкновений не было. Мир был нарушен лишь в 1458 г., когда между Псковом и Дерптским епископством начались военные действия.

Поводом к псковско-дерптской войне послужил возобновившийся спор из-за «обидного места» — Желачки. Псковский летописец сообщает, что осенью 1458 г. княживший в Пскове князь Александр Васильевич Чарторыйский с посадниками и мужами псковскими поехали на землю святой Троицы, на Озолицу, и на Желачке [12] сено покосили, и своим ловцам велели рыбу ловить «по старйне», и церковь поставили архистратига Михаила. Весьма вероятно, что эти действия были предприняты псковскими властями в целях действительной реализации достигнутого в 1448 г. соглашения о возвращении епископством Дерптским Пскову его старин, соглашения, которое дерптцы, по-видимому, не особенно соблюдали. Во всяком случае псковский летописец рассказывает далее, что в начале 1459 г. немцы «изгонивше изгоною... на то обидное место, на Озоличю» и сожгли девять человек и церковь св. Михаила. За набегом немцев последовало ответное вторжение псковичей, которые «ехавше в насадах и в лодиях на то же место, на Озоличю, и шедши в землю Немецькую... и месть мстиша за те головы за неповинныя».

В начавшейся войне Новгород не только не оказал помощи Пскову, но новгородский посадник «по челобитью немецкому» взял на себя посредничество между Псковом и епископством Дерптским. В 1460 г. он прибыл в Псков и с местным князем, посадниками и боярами поехал на «обидное место» — Озоличю и Желачку, куда на съезд должны были явиться немецкие послы. Однако последние не явились [13].

После несостоявшегося съезда военные действия между Псковом и епископством Дерптским продолжались в форме набегов и опустошения территорий. В начале 1461 г., восполь-

---

[11] Рецесс съезда ливонских городов в Пернау от 2 марта 1455 г. и письмо съезда немецкому двору в Новгороде от 3 марта 1455 г. (HR, 2. Abt., Bd. IV, № 318, 319).

[12] Последний исследователь псковско-дерптских отношений середины XV в. К. Штерн считает, что под Озолицей псковский летописец подразумевает остров Порка, т. е. современный Пириссар, с одноименной эстонской деревней на северном берегу и русской рыболовецкой деревней Желачко на южном берегу. Население острова — и русское, и эстонское — употребляет оба названия — Порка и Озолица (C. v. Stern. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 5. Jg., H. 3/4. Breslau, 1940, S. 372—373).

[13] П I Л, стр. 56—57.

зовавшись приездом в Новгород великого князя Василия Васильевича, псковичи просили его о помощи. Князь согласился, но потребовал более тесного сближения Пскова с Москвой, в частности он настаивал, чтобы княживший в Пскове князь Александр Васильевич Чарторыйский целовал крест ему и его детям. Александр Васильевич отказался и уехал из Пскова. Тогда великий князь дал Пскову в князья своего сына Юрия Васильевича, а спустя несколько недель — другого сына, Ивана Васильевича, будущего великого князя Ивана III.

Еще в бытность в Пскове Юрия Васильевича по инициативе немецкой стороны начались мирные переговоры, которые завершились осенью 1461 г. подписанием перемирия на пять лет.

Перемирие было заключено на том условии, что в те «пять лет ловити на обидном месте псковичам к своему берегу». Очевидно, право рыбной ловли было закреплено за псковичами вдоль южного берега острова Порка (Пириссар) в районе деревни Желачко. Заключение перемирия явилось следствием сближения Пскова с великим князем — именно это обстоятельство заставило епископа дерптского изменить свою позицию и пойти на переговоры (вспомним, что в 1460 г., когда в Пскове еще не сидел в качестве князя-наместника сын великого князя, немецкие представители не явились на съезд, назначенный для мирных переговоров). Подчеркивая ту роль, которую великий князь сыграл в заключении перемирия, летописец называл его «докончаньем великого князя» [14]. Однако перемирие, заключенное на пять лет, продержалось недолго. В начале 1463 г. оно было нарушено, и военные действия возобновились. Поводом к их возобновлению на этот раз послужил торговый конфликт: в 1463 г. в Дерпте были посажены в погреб псковский посол и псковские купцы; в ответ псковичи посадили у себя в погреб немецких купцов [15]. 21 марта немецкая рать подступила к псковскому Новому городку, который минувшим годом псковичи выстроили на спорном месте над Великим озером [16]; одновременно другие немецкие отряды начали жечь псковские исады (пристани). Когда весть об этом пришла в Псков, там было собрано большое войско, которое выступило навстречу немцам и в битве у Колпино 31 марта нанесло им серьезное поражение:

---

[14] П I Л, стр. 57—61. См. также стр. 310, прим. 12.

[15] Псковская третья летопись. В кн.: «Псковские летописи», вып. 2. М., 1955 (далее — П III Л), стр. 151.

[16] В некоторых списках псковской первой летописи, а также в псковской второй летописи Новый городок, основанный псковичами в 1462 г., называется «Кобылеи» или «Кобылою» (П I Л, стр. 62; П III Л, стр. 52).

разбив немцев, псковичи гнали их 15 верст до реки Каховы и за нее.

Несмотря на этот успех, у псковичей, по-видимому, не хватало сил для нанесения немцам решительного удара. Поэтому великий князь Иван Васильевич 8 июня прислал в Псков своего воеводу с отрядом. В это же время псковский князь Иван Александрович Звенигородский, присланный великим князем в Псков по просьбе псковичей еще весной, занимался формированием нового войска, в которое привлекалось население всех пригородов, а также крестьяне («люди из волостей»). 18 июля псковское войско с отрядом московского воеводы осадило Новый городок (Ниенгаузен, или Нейгаузен, расположенный южнее Чудского озера, недалеко от границы с Псковской землей) [17]. Осада длилась четверо суток, но взять городок псковичи не смогли, так как у них разорвалась большая пушка. В дни, когда псковичи осаждали Ниенгаузен, другой псковский отряд на судах (он насчитывал 20 ушкуев и 80 лодий) воевал по немецким берегам. Однако, услышав, что псковское войско отступило от Ниенгаузена, отряд возвратился в Псков. Спустя две недели немцы вновь произвели набеги на пограничные псковские волости. Псковичи намеревались совершить ответное вторжение, но в это время пришло известие о том, что немцы собираются начать мирные переговоры [18].

В результате переговоров осенью 1463 г. между Псковом и епископством Дерптским было заключено перемирие на десять лет, восстанавливающее действие Нарвского договора 1448 г. [19] Был произведен обмен пленными, захваченным добром и задержанными купцами. Спор из-за Желачки решался в пользу псковичей: «а которое обидное место на Жолчи, вода и земля, то псковичи отняша»,— сообщает псковский летописец. Своим успехом псковичи были обязаны поддержке великого князя [20]. Иван III намерен был оберегать целостность границ всех русских земель, в том числе и тех, которые не вошли еще в состав единого Русского государства.

---

[17] П I Л, стр. 63—66.

[18] Там же, стр. 66—67.

[19] Русские летописи определяют срок перемирия в девять лет (эта цифра принята в русской исторической литературе), ливонские источники — в 10 лет (см. письма ливонского магистра великому магистру от 5 и 13 сентября 1463 г.— LUB, Bd. XII, S. 218, 222). Последняя цифра более правильна, ибо перемирие возобновляло действие Нарвского мира: «таа (тая) 9 лет Норовского миру издержяти крепко» (П III Л, стр. 155), срок которого истекал 25 июля 1473 г., т. е. без одного месяца через 10 лет.

[20] П I Л, стр. 67—69.

Условия перемирия 1463 г. свидетельствуют еще об одном новом и принципиально важном стремлении великокняжеской власти — стремлении рассматривать Ливонию как отчину великих князей русских, лишь временно попавшую под иноземную власть. Это стремление нашло свое отражение в статьях перемирия 1463 г., обязывающих дерптского епископа платить дань великим князьям и «не обидеть» русские церкви и «Русский конец», в Дерпте (анализ этих статей мы дадим ниже в связи с анализом аналогичных статей договора 1474 г.).

Решительное вмешательство великокняжеской власти в русско-ливонские дела явилось результатом усиления Русского централизованного государства. Противоположную позицию заняло новгородское правительство. «А новгородцы тогда не помогаша псковичем ни словом ни делом противу немець: псковичи много им биша челом, они же челобития пьсковского не прияша» [21],— так характеризует псковский летописец поведение новгородских властей во время псковско-дерптской войны.

Более того, в 1465 г., когда отношения между Новгородом и Псковом обострились из-за стремления псковичей освободиться от суда новгородского владыки, новгородское правительство просило ливонского магистра об оказании помощи против псковичей, обещая со своей стороны помогать Ордену против них [22]. По словам псковского летописца, новгородцы «съединишася с Немци, что новгородчом с единого с Немци на псковичь стати». Однако дело до войны не дошло. В результате переговоров конфликт удалось уладить, и в 1465 г. между Новгородом и Псковом был заключен мир [23].

Для характеристики позиции правительства Новгорода в последние годы его самостоятельности исключительный интерес представляет письмо ливонского магистра Вольтуса фон Герзе великому магистру от 13 августа 1471 г. Ливонский магистр сообщает, что недавно (очевидно, после Шелонской битвы, но еще до заключения Коростынского мира) [24] в Феллине были одно за другим два новгородских посольства, известивших о всех «притеснениях», которые новгородцы терпят от «московского короля» и псковичей. Они желали, чтобы мир между Ливонией с одной стороны и Новгородом и Пско-

---

[21] Там же, стр. 68.

[22] Письмо ливонского магистра великому магистру от 13 августа 1471 г. (LUB, Bd. XII, № 840, S. 478).

[23] П III Л, стр. 160—161.

[24] Мир между правительством Ивана III и Новгородом был заключен 11 августа, но, очевидно, ливонский магистр в день написания письма великому магистру (13 августа) о нем еще не знал.

вом с другой, срок которого истекает через год (имеется в виду договор, заключенный в 1448 г. в Нарве на 25 лет), был бы продлен на десять лет, или сколько Орден захочет, при условии, однако, исключения из него Пскова. По словам магистра, новгородцы настоятельно просили отказать Пскову в мире и удержать (псковичей) дома, в то время как сами они хотели достаточно подготовиться к войне с королем московским [25]. Таким образом, после Шелонского поражения новгородское правительство не думало отказываться от борьбы с московским князем и искало союза с Ливонским орденом, который военной угрозой должен был сковать псковичей и развязать Новгороду руки для продолжения войны.

В лице магистра Вольтуса фон Герзе правительство Новгорода встретило человека, охотно готового пойти навстречу его планам. Вольтус фон Герзе принадлежал к числу тех деятелей Ордена, которые являлись особенно рьяными сторонниками борьбы с Русью [26]. Еще в марте 1471 г. он присылал в Псков посольство с требованием уступить Ордену территорию у Красного городка — псковского пригорода, построенного в 1464 г.[27]; псковичи это требование отклонили. Теперь, в августе 1471 г., обращение новгородцев с просьбой о помощи давало магистру удобный повод для вмешательства в русские дела.

Свое отношение к просьбе новгородцев Вольтус фон Герзе выразил следующими словами: «Мы думаем, что для блага нашего Ордена и Ливонии не следует их оставлять без помощи, ибо, если Новгород будет покорен московским королем и псковичами и покорен таким образом, что московский король станет, да хранит бог от этого, неограниченным господином Новгорода, тогда... господину рижскому архиепископу, господину епископу дерптскому и нашему Ордену в Ливонии воды и земли, которые псковичи у нас отняли во время доброго мира и до сих пор удерживают за собой [28], не только никогда не возвратить, но нам следует ожидать все бо́льших нападений и притеснений. Нам кажется также, что если они таким образом объединятся, то мы попадем в тяжелое поло-

---

[25] LUB, Bd. XII, № 840, S. 478—479.

[26] E. Seraphim. Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der «Aufsegelung» des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. Bd. I. Reval, 1897, S. 271—272; подробнее см. O. Stavenhagen. Johann Wolthus von Herse (1470—1471), Meister d. Deutschen Ordens zu Livland. «Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands». Bd. XVII. Riga, 1900. S. 1—96

[27] П III Л, стр. 159.

[28] Речь идет, очевидно, о территориях в районе Желачки и псковского Красного городка.

жение и должны будем с ними заключить мир по их воле и отказаться от всего, что псковичи отняли у нашего Ордена и других господ, или вести войну против всех них, что для нас будет очень тяжело»[29]. Боязнь объединения русских земель под единой властью, стремление помешать этому объединению — вот те мотивы, которыми руководствовался ливонский магистр, излагая великому магистру свое мнение о необходимости оказания помощи Новгороду.

Но дать новгородцам сразу положительный ответ магистр счел нецелесообразным. В Новгород были отправлены его послы, которым надлежало получить от новгородских властей подтверждение их просьбы и предложить им прислать своих представителей на съезд на р. Нарову 8 сентября для окончательного решения вопроса. Магистр тем временем собирался обсудить предложение новгородцев с архиепископом рижским и епископами эзельским и дерптским, а также с рыцарством Гаррии и Вирландии. «Если новгородцы согласятся,— писал магистр,— подтвердить предложенные условия приложением печатей и крестоцелованием и если названные ливонские прелаты и рыцарство нашего Ордена в Гаррии и Вирландии их одобрят и посоветуют так поступить, то мы не сможем уключиться и начнется война». В заключение ливонский магистр просил великого магистра прислать помощь — 300—400 лошадей и сколько будет возможно пеших воинов[30]. Орден, таким образом, готовился к войне с Москвою и Псковом, чтобы помешать подчинению Новгорода великокняжеской власти. Так боязнь новгородского боярства потерять свои привилегии, с одной стороны, и страх Ордена перед усилением внешнеполитического могущества Руси, с другой, привели новгородское правительство и руководство Ордена к сближению, направленному против великого князя московского.

Однако до оформления новгородско-ливонского военного союза дело не дошло, так как 11 августа 1471 г. между Иваном III и новгородским правительством был подписан мирный договор, предрешивший по существу вхождение Новгорода в состав великого княжества Московского. Но весьма возможно, что между Новгородом и Орденом была достигнута договоренность о продлении действия Нарвского договора еще на десять лет и в то же время о невозобновлении по истечении срока этого договора мира между Псковом и Орденом, что должно было обеспечить тыл Новгорода на случай новой вражды с великим князем. Не случайно вплоть

---

[29] LUE, Bd. XII, № 840, S. 478—479.
[30] Ibidem.

до уничтожения новгородской самостоятельности не происходило никаких конфликтов между Новгородом и Орденом. Обращает на себя внимание и позиция, занятая новым ливонским магистром Бернгардом фон дер Борхом (1471—1481) по отношению к Пскову в 1472—1473 гг.

В эти годы в связи с истечением срока действия Нарвского договора между Орденом и Псковом происходили переговоры о заключении мира. Но на съезд, назначенный осенью 1472 г., магистр своих послов не прислал [31]; в 1473 г. дважды происходили безрезультатные встречи между псковскими и ливонскими послами. Когда, наконец, во время второй встречи посол ливонского магистра прямо заявил, что «князь местер со Псковом и перемирье не емлет по срочных летах», псковичи отправили своего посла в Москву просить, «чтобы князь великои любо сам на конь уссел, любо сына послал за дом святыа Троица» [32]. Помощь от великого князя не замедлила явиться.

В ноябре 1473 г. в Псков приехал князь Данила Холмский, а с ним и военная помощь — рати из 22 городов: Ростова, Дмитрова, Мурома, Костромы и т. д. Псковичи совместно с войском великого князя думали предпринять поход на Ливонию. Но неожиданная оттепель помешала этому, а вскоре отпала и надобность в военных действиях против Ливонии. Решительное выступление великого князя московского в защиту Пскова заставило ливонские власти изменить свою позицию. 24 декабря 1473 г. в Псков прибыло дерптское посольство с предложением заключить пятилетнее перемирие, а в начале января 1477 г.— посольство от ливонского магистра для переговоров о заключении мира.

Мир между Псковом и Ливонским орденом был заключен 7 января сроком на 20 лет. Договорная грамота не сохранилась, и нам известны в передаче псковского летописца лишь те обязательства, которые принял на себя ливонский магистр: «яз князь местерь с воды и с земли сступаюся дому святыа Троица и всего Пскова, моих сусед, да и за то имаюся, что ми к вам во Псков из своие волости корчьмы, пива и меду не пущати да и путь ми псковскым послом и гостем держати чисто, а колода отложити по всеи моей державе» [33]. Таким образом, Орден отказывался от притязаний на спорную территорию (очевидно, у псковского Красного городка, на которую Орден претендовал в 1471 г.), давал обязатель-

---

[31] П III Л., стр. 188—189.
[32] Там же, стр. 192—194.
[33] Там же, стр. 196.

ство не пускать в псковскую землю торговцев пивом и медом, гарантировал псковским послам и купцам беспрепятственный проезд через свои владения и обещал упразднить в своей земле «колоду» — вероятно, заставу, у которой с купцов взимались пошлины. Мир между Орденом и Псковом был заключен «опрече пискупа юрьевского и всех юрьевцов» [34], так как в это время Орден находился в распре с епископом дерптским [35].

Действенное покровительство великого князя московского Пскову побудило дерптские власти отказаться от своего первоначального намерения ограничиться заключением пятилетнего перемирия. 13 января 1474 г. между Дерптским епископством и Псковом и Новгородом (к этому времени в Псков прибыли новгородские послы) был подписан мирный договор сроком на 30 лет [36].

В введении к договору указывается, что Иван Васильевич, великий князь и царь всея Руси, прислал в Псков князя Данила Дмитриевича со многими князьями и боярами «боронити своее отъчыны Великого Новагорода и Пскова, обид своих поискати на немъцох, на юрьевцох, своих данеи, и старых данеи, своих залогов, и новгородских старын и псковъских обид и старынъ». Таким образом, подчеркивается, что, посылая в Псков свои военные силы, Иван Васильевич имел в виду не только защиту Пскова, но и восстановление права великих князей на дань с Юрьева. Первая статья договора гарантировала соблюдение интересов русского населения в Дерпте: епископ дерптский и городские власти должны были «светыи божьи церкви у Юрьеве у Руском конъцы и рускии конец... держати чисто, по старыне и по крестному целованью, и ни обидити». Вторая статья обязывала епископа выплатить неуплаченную великому князю за восемь лет дань с Юрьева и подчеркивала право великого князя на эту дань. Третья статья гарантировала для новгородских послов и гостей «чистый путь» через Дерпт в другие города Ливонии. Следующие статьи касались порубежных вопросов: между Псковом и епископством Дерптским устанавливался старый рубеж; на Великом озере псковичи должны были ловить рыбу у своего берега, юрьевцы — у своего.

---

[34] Там же.

[35] Л. А. Арбузов. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912, стр. 109.

[36] ГВНП, № 78, стр. 133—136. Формально договор 1474 г. с Дерптским епископством был заключен Новгородом и Псковом. Но по существу это был псковско-дерптский договор, ибо почти все его содержание было посвящено урегулированию отношений между Псковом и Дерптским епископством.

Ряд статей договора касался вопросов торговли псковичей в Дерптском епископстве: псковичам гарантировался «чистый путь», а также право торговли всяким товаром в розницу или оптом — «на розницу продати добровольно или вместе»; воск, покупаемый у псковичей, жители Дерпта могли «колупати» только понемногу; в Дерпте псковские купцы могли вести торговлю и с рижанами, и с нарвцами, и со всякими другими гостями. Со своей стороны Новгород и Псков гарантировали дерптцам беспрепятственный проезд и торговлю в своих владениях. Обе стороны соглашались отложить «колоду» и «гостинца от того не имати» — по-видимому, была достигнута договоренность об отмене таможенных пошлин.

Группа статей была посвящена вопросам судебным: если на границе случался какой-либо конфликт, то стороны трижды должны были просить «исправы»; если же ее все же не давали, то купцы и послы из-за этого не должны были подвергаться репрессиям. Каждая сторона должна была судить купцов другой стороны справедливо, как своих, без хитрости, по крестному целованию.

Специальная статья обязывала епископа дерптского не оказывать помощи Ордену против Пскова. Эта статья гласит: «А по князи мистре чесному бискупу юръевъскому, и посадником юръевъским, и всим юръевцом не пособляти против псковичъ, и людей своих не поддавати мистру на помочь, и беглецов из мистровы державы у юръевъскую державу не прыимати, по крестъному целованью».

Если мы сравним договор 1474 г. с более ранними русско-ливонскими договорами, то должны будем констатировать существенные различия между ними. Во-первых, по договору 1474 г. впервые в истории русско-ливонских отношений один из членов Ливонской конфедерации — епископ дерптский — брал на себя обязательство не оказывать помощи против русских Ордену — руководящей силе Ливонии, в то время как великий князь московский, именуемый в договоре «царем всея Руси», подчеркивал свое право «боронити свои отчины», Новгород и Псков. Уже эта статья свидетельствует об ослаблении позиции Ливонии, раздираемой внутренними противоречиями, и об усилении внешнеполитического могущества Руси.

Примечательно, что бóльшая часть статей, касающихся вопросов торговли, была рассчитана на пребывание русских купцов в Ливонии и меньшая — на пребывание немецких купцов на Руси; это свидетельствует как о развитии торговли русских купцов в Ливонии, так и том большом значении, какое придавала этому вопросу великокняжеская власть.

Очень интересна для характеристики принципов, которые лежали в основе политики правительства Ивана III по отношению к Ливонии, статья о «Русском конце» и русских церквах в Дерпте. Дерпт — один из крупнейших городских центров Ливонии — в силу своего географического положения издавна вел оживленную торговлю с Русью. В Дерпт в большом количестве приезжали русские купцы, главным образом псковские [37].

Здесь рано появились патрональные церкви русских купцов, причем в отличие от Ревеля и Риги, где имелось по одной русской церкви [38], в Дерпте их было две: церковь св. Николая — псковская — и церковь св. Георгия — новгородская [39]. Русские церкви в Дерпте владели селами, расположенными, вероятно, в пригородной черте [40]. При церквах были также помещения (de woninge), в которых жили попы и дьяки [41]. Но русские купцы, приезжавшие в Дерпт, собственного подворья не имели.

Как размещались русские купцы в Дерпте, показывает отчет послов ливонских городов о переговорах с русскими в Нарве 2 февраля 1498 г. Когда во время переговоров речь зашла о положении русских в Дерпте, то представители Дерпта заявили следующее: «Дома и помещения (de huser und woninge), расположенные вокруг русских церквей в Дерпте, принадлежат горожанам Дерпта (oren borgeren), и никогда никто на них не имел права, кроме тех, кто записан в городской книге; если в прежние времена некоторые русские, которые были горожанами Дерпта (?), в них жили, то они арендовали эти дома у горожан Дерпта (van oren borgeren), потому что дома находились около русских церквей, и поэтому то место в их городе получило название Русского конца; равным образом и в Пскове Немецкий берег называ-

---

[37] P. v. d. Osten-Sacken. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts. «Beiträge zur russischen Geschichte Theodor Schiemann zum 60. Geburtstage...» hrsg. von O. Hötzsch. Berlin, 1907. S. 27—83.

[38] Русская церковь св. Николая в Риге впервые упоминается в источниках в 1312 г., русская церковь в Ревеле — в 1371 г. Более чем вероятно, что в это время существовали уже русские церкви и в Дерпте. См. C. v. Stern. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558. Riga. 1936, S. 8.

[39] Договор Новгорода с Ливонией от 1 сентября 1481 г. (АЗР, т. I, № 75, стр. 97); отчет послов ливонских городов о переговорах с русскими в Нарве 2 февраля 1498 г. (LUB, 2. Abt., Bd. I, № 647. S. 479).

[40] Села русских церквей упоминаются в договоре 1481 г., а также в отчете о переговорах 2 февраля 1498 г. (см. АЗР, т. I, № 75, стр. 97; LUB, 2. Abt., Bd. I, № 647, S. 478).

[41] Отчет о переговорах 2 февраля 1498 г. (LUB, 2. Abt., Bd. I, № 647. S 479).

ется немецким только по имени, но когда какой-нибудь немец туда приезжает, то он должен давать арендную плату тому, кому дома принадлежат» [42]. Приведенное место из отчета послов ливонских городов показывает, как размещались русские купцы в Дерпте. В нем также точно определяется, что Русский конец в Дерпте — это часть города, расположенная около русских церквей, в которой издавна останавливались русские купцы, снимавшие здесь для себя помещения у местных горожан [43].

Статья договора 1474 г., повторяющая аналогичную статью договора 1463 г., обязывает дерптского епископа и дерптские городские власти «держати чисто, по старыне» русские церкви и Русский конец. Очевидно, в этой статье речь шла о предоставлении русским купцам права беспрепятственно снимать помещения в Русском конце, о сохранности принадлежащего им, а также русским церквам имущества и о недопущении впредь конфликтов, возникавших ранее на почве различных нарушений в этой области [44].

Появление данной статьи в русско-ливонских договорах второй половины XV в. было связано с развитием русской торговли в Дерпте, с возрастанием числа русских купцов, посещавших Дерпт, и с необходимостью обеспечения их торговых, бытовых и религиозных интересов. Вместе с тем рассматриваемая статья как бы подчеркивала стремление великого князя выступать в роли защитника православной веры в Ливонии.

Этот аспект являлся отражением в дипломатической практике правительства идеи о русском великом князе как главе всего православного мира, идеи, еще не вылившейся в форму теории «Москва — третий Рим», но со времен Флорентийского собора и падения Константинополя приобретавшей на Руси все бо́льшую популярность.

Еще ярче характеризует принципы внешней политики правительства Ивана III статья о юрьевской дани, которую, со-

---

[42] LUB, 2. Abt., Bd. I, № 647, S. 479.

[43] О том, что русские купцы снимали помещения в Дерпте у местных жителей, свидетельствует также отчет ганзейских послов о переговорах в Новгороде в 1436 г. (см. прим. 44). О топографии Русского конца см. C. v. Stern. Der Vorwand..., S. 15.

[44] В 1436 г. во время переговоров с ганзейскими послами новгородцы жаловались, что двое из них, а именно Юрий и Максим, которые в Дерпте с Гансом ван Лоон останавливались в одном доме, были там обворованы (LUB, Bd. IX, № 80, § 23). В 1455 г. новгородцы жаловались на повреждения церкви в Дерпте (HR, 2. Abt., Bd. IV, № 318), в 1461 г.— на то, что церкви были обстреляны и обворованы и совет Дерпта взял принадлежащее им золото и серебро (LUB, Bd. XII, № 80).

гласно прямому смыслу текста, дерптские епископы должны были уплачивать русским великим князьям.

Вопрос о происхождении юрьевской дани не ясен из-за отсутствия достаточных указаний источников [45]. С. М. Соловьев считал, что в основе юрьевской дани лежит обязательство уплачивать дань русским великим князьям, принятое дерптским епископством после поражения, которое войска князя Ярослава Всеволодовича нанесли немцам под Юрьевом в 1234 г. [46]

По мнению И. И. Юрьенса, специально исследовавшего вопрос о юрьевской дани, истоки ее следует искать в данических отношениях к Пскову латышей Толовы, прослеживаемых по источникам еще в конце XIII в. и затем перешедших на дерптского епископа, как наиболее слабого члена Ливонской конфедерации [47]. Последний исследователь вопроса — К. Штерн — полагал, что Иван III для требования юрьевской дани использовал существовавшее исстари соглашение между дерптским ратом (советом) и Псковом, по которому рат должен был ежегодно передавать русским церквам определенную денежную сумму, собираемую в виде налога с русского населения Дерпта; эту сумму, шедшую на содержание русских церквей, Иван III в соответствии с формирующейся теорией «Москва — третий Рим» превратил в дань, которую епископ дерптский должен был уплачивать великому князю русскому [48].

Не вдаваясь в разбор существующих мнений и выяснение вопроса о происхождении юрьевской дани, попытаемся лишь ответить на один вопрос: имелись ли в более ранних псковско-дерптских договорах, до нас не дошедших, статьи о Русском конце и юрьевской дани [49] или же эти статьи были впервые сформулированы в договоре 1463 г. и затем повторены в договоре 1474 г.? В какой-то степени ответить на этот вопрос, важный для понимания политики Ивана III в отношении Ливонии, позволяет анализ текста рассматриваемых статей.

---

[45] О юрьевской дани см. также статью И. П. Шаскольского, опубликованную в настоящем сборнике (*Ред.*).

[46] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. 3. М., 1960, стр. 127.

[47] И. И. Юрьенс. Вопрос о ливонской дани. «Варшавские университетские известия», 1913, № 6, стр. 1—8; № 7, стр. 9—16; № 8, стр. 17—32; № 9, стр. 33—57.

[48] C. v. Stern. Der Vorwand..., S. 6—10.

[49] В договорах Новгорода и Пскова с Орденом эти статьи отсутствуют. Следовательно, они могли быть только в более ранних псковско-дерптских договорах, которые действительно заключались (например в 1448 г.), но до наших дней не сохранились.

Договор 1463 г.	Договор 1474 г.
Тогда же и о послине великих княжеи, что в Юрьеве, а то пискупу великому князю давати по старине; а что Русскии конець и святыа церкви, а то им держать по старине и по старым грамотам, а не обидеть [50].	Што светый божьи церкви у Юрьеве у Русском конъцы и рускии конец, а то честному бискупу юръевъскому, и посадником юръевъским, и всем юръевъцом держати чисто, по старыне и по крестному целованью, и ни обидити. А дани благоверных великих князей руских, цареи, старыи залоги, а то чесному бискупу юръевъскому за осм лет отъдати в тот час, по крестъному целованью; а сего веремени, благоверным великим князем руским царем на чесном бискупе юръевъском дань своя имати, по старыне, по тому крестному целованью [51].

В договоре 1463 г. статья о Русском конце и русских церквах кончается ссылкой на «старину» и «старые грамоты». Получается, что в более ранних договорных грамотах уже имелась аналогичная статья. Но текст псковско-дерптского договора 1463 г. не сохранился; его содержание кратко изложено в псковской третьей летописи, представляющей собой, как установил А. Н. Насонов, летописный свод, возникший в 1567 г. [52] Поэтому при решении вопроса о происхождении интересующей нас статьи следует руководствоваться не столько изложением договора 1463 г., имеющимся в псковской третьей летописи, сколько текстом договора 1474 г., непосредственно передающим формуляр русско-ливонских договоров того времени.

Договор 1474 г. обязывает дерптские власти русские церкви и Русский конец в Дерпте держать «по старыне и по крестному целованью». В этой формуле для обоснования рассматриваемой статьи используется, с одной стороны, «старина», т. е. обычное право, исстари существующие нормы, не зафиксированные, однако, в договорных грамотах, а с другой — «крестное целование», т. е. нормы договорных грамот, причем формула не уточняет, какое крестное целование имеется в виду. Чтобы уточнить этот вопрос, обратимся к тексту статьи о юрьевской дани.

Первая часть статьи предписывает епископу дерптскому просроченную за восемь лет дань выплатить великому князю «по крестному целованию». Вторая часть устанавливает, что впредь («сего веремени») великим князьям взимать дань с дерптского епископа «по старине, по тому крестному целованию». О каком крестном целовании здесь идет речь? Естественно, что не о настоящем (договоре 1474 г.), ибо тогда была

[50] П III Л, стр. 155—156.
[51] ГВНП, № 78, стр. 133.
[52] П I Л, стр. XII.

бы употреблена обычная для русско-немецких договоров формула «по сей грамоте», «по сему крестоцелованию»[53]; речь идет и не о старых договорных грамотах вообще — в таких случаях в договорах употребляется формула «по старому крестоцелованию» или просто «по крестоцелованию»[54]. Наличие указательного местоимения «то» позволяет заключить, что в данном случае имеется в виду одно определенное крестоцелование, которое непосредственно предшествовало договору 1474 г. и было поэтому хорошо известно современникам; отсюда употребление формулы «то крестоцелование». Таким крестоцелованием был, вероятно, договор 1463 г.

В аналогичных же статьях договора 1463 г., как он передан псковской третьей летописью, ссылок на крестное целование нет. Ссылка на «старые грамоты», имеющаяся в летописи при изложении статьи о юрьевской дани, представляет собой позднейшую вставку, ибо если бы эта ссылка действительно имелась в тексте договора 1463 г., то русская сторона при подписании договора 1474 г. не преминула бы включить ее в текст этого договора. Ссылка на «старые грамоты» была, очевидно, добавлена в летопись в середине XVI в. в связи с тем большим значением, какое приобрел вопрос о юрьевской дани в дипломатической истории Ливонской войны.

В результате произведенного нами текстологического анализа можно сделать следующие выводы: 1) в договоре 1474 г. статьи о Русском конце и юрьевской дани обосновываются ссылкой на «старину» и «крестное целование», причем под крестным целованием подразумевается договор 1463 г.; 2) в договоре 1463 г. имелись ссылки только на «старину»; вероятно, в более ранних псковско-дерптских договорах статьи о дани и Русском конце отсутствовали.

Великий князь для обоснования этих статей в договоре 1463 г. использовал «старину» — какие-то неясные для нас отношения, существовавшие ранее между епископством Дерптским и Псковом (или великими князьями), связанные с уплатой епископом денежной суммы. Эти отношения Иван III трактовал как пошлину великих князей русских, которую должны были уплачивать им дерптские епископы. В основе такой трактовки лежало стремление великокняжеской власти рассматривать Ливонию как свою древнюю отчину, лишь временно попавшую под иноземную власть.

В 1478 г. объединительная политика правительства Ивана III достигла кульминационного пункта — Новгород Великий с его колониями вошел в состав Московского великого

[53] ГВНП, стр. 112, 119, 152 и др.
[54] Там же, стр. 111, 119, 152 и др.

княжества. Успехи Русского государства активизировали его противников, в первую очередь Ливонский орден и Казанское ханство. Зимой 1477/78 г. во время пребывания великого князя в Новгороде им было получено сообщение из Пскова, что немцы «хотят изгонити Псков». Великий князь разрешил идти против немцев «охочим людям» из числа своих «воев», которые и совершили успешный набег на Ливонию. В это же время казанские татары вторглись в Вятку [55]. Но враждебные действия Ливонского ордена, как и казанских татар в 1477—1478 гг., были лишь небольшими эпизодами [56].

Серьезное положение на русско-ливонской границе создалось зимою 1479/80 г. Из переписки ливонских городов и орденских чинов явствует, что в Ливонии с лета 1479 г. происходили военные приготовления против русских. В письмах к Ревелю от 13 и 17 августа совет Дерпта спрашивал, как привлечь ганзейских купцов, находящихся в Ливонии, к участию в войне против русских, сообщал о предложении магистра прислать к Чудскому озеру представителей для обсуждения военных вопросов, просил о присылке людей, умеющих строить корабли и управлять ими [57]. Нарва в ноябре 1479 г. также просила Ревель побудить ганзейских купцов оказать помощь против русских [58]. И, наконец, ливонский магистр обратился к ганзейским городам со специальным письмом, в котором просил о помощи [59]. Одновременно с военными приготовлениями в 1479 г. были задержаны магистром псковские гости; несколько позже, осенью, псковские купцы в Дерпте были посажены в погреб. Узнав об этом, псковичи поступили так же у себя с немецкими купцами [60]. Инциденты с торговыми людьми еще более обострили напряженность положения.

Ливонские города и магистр мотивировали свои военные приготовления угрозой нападения со стороны великого князя московского. Так, Нарва в письме к Ревелю от 29 ноября сообщала, что от «тайных друзей» Ордена в Новгороде и Пскове получено известие о прибытии в Новгород великого князя, собиравшегося вторгнуться в Швецию или Ливонию [61]. Однако, по сведениям В. Н. Татищева, Иван III умышленно известил новгородцев, что собирается идти на немцев; на самом же деле он прибыл в Новгород для борьбы с боярскими оппозиционными элементами, недовольными подчинением

[55] ПСРЛ, т. VI, стр. 220—221.
[56] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 124.
[57] HR, 3. Abt., Bd. I, № 266.
[58] Ibid., № 267, 268.
[59] Письма ливонского магистра Ревелю от 4 и 29 декабря 1479 г. (ibid., № 269, 270).
[60] П I Л, стр. 76.
[61] HR, 3. Abt., Bd. I, № 268.

Москве и тяготевшими к Литве[62]. Можно думать, что сведения Татищева являются правильными. Это подтверждается, во-первых, результатом похода Ивана III (19 января архиепископ Феофил был арестован и отправлен в Москву) и, во-вторых, сообщением Воскресенской летописи о вине владыки: «...не хотяше бо той владыка, чтобы Новъгород был за великим князем, но за королем или за иным государем»; к этому добавлено, что Феофил был недоволен конфискацией церковных и монастырских земель, произведенной московскими властями в Новгороде[63].

Таким образом, в Новгороде в конце 1479 г. существовала оппозиция великокняжеской власти, нити которой, возможно, тянулись к удельно-княжеской среде. Во всяком случае уже в начале 1480 г. произошло открытое выступление против Ивана III его братьев. Находились ли военные приготовления Ливонии против Руси в прямой связи с готовящимся выступлением оппозиционных великокняжеской власти элементов, мы не знаем. Но несомненно, что оппозиция в Новгороде поддерживала связь с Орденом и информировала его «тайных друзей» о положении дел на Руси. Внутриполитические осложнения на Руси создавали благоприятные условия для выступления Ордена. Речь шла не о назревании обычного в истории русско-ливонских отношений порубежного конфликта, а о подготовке Орденом «большой войны» против Руси. Об этом свидетельствует и позднейшее сообщение Руссова. По словам Руссова, магистр Бернгард фон дер Борх «собрал такую силу народа против русского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после...»[64]. Военные действия Орден начал в новогоднюю ночь 1480 г., когда отряд под командованием мариенбургского комтура вторгся в Псковскую землю, захватил и сжег Псковский Вышгородок[65]. Через три недели немцы повторили набег; на этот раз они подошли к Гдову и обстреляли его из пушек. Псковичи отправили послов в Новгород к

---

[62] В. Н. Татищев. История Российская, кн. 5. М., 1848, стр. 79.

[63] ПСРЛ, т. VIII, стр. 204; другие русские летописи о походе Ивана III на Новгород осенью 1479 г. сообщают лишь, что 26 октября великий князь пошел на Новгород «миром» (ПСРЛ, т. XII, стр. 197; т. XXV, стр. 326); Новгородская четвертая летопись добавляет, что Иван III стоял в Славне 9 недель (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 457). К. В. Базилевич высказал предположение, что формула о походе «миром» имела официальный характер и из разрядных книг, где она также встречается, попала в летопись (К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 125, прим. 1).

[64] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II. Рига, 1879, стр. 287—288.

[65] Письмо ливонского магистра Ревелю от 7 января 1480 г. (HR, 3. Abt., Bd. I, № 272; П I Л, стр. 76; П III Л, стр. 218—219).

великому князю с просьбой о помощи. Великий князь прислал в Псков своего воеводу со значительными военными силами. Совместно с великокняжеским войском псковичи совершили поход в Дерптское епископство: на реке Эмайыги они взяли «костер (от castrum — крепость, башня) немецкий», затем подошли к Дерпту и в течение трех суток осаждали его, но взять не смогли. Вскоре после возвращения псковского войска великокняжеский воевода уехал в Москву. Услышав об этом, немцы во главе с магистром совершили вторжение в Псковскую землю: они осадили (неудачно) Изборск, а затем направились вдоль озера, «жгучи и паляче Псковскую волость». Навстречу немецкому войску выступило псковское. Сражение произошло на озере в Пецкой губе (очевидно, на льду). Летописец описывает его следующим образом: «Еретошася в Пецкои губе на озере псковская сила с немецкою силою, и ударишася сторожовыи псковскои с немецким сторожовым полком, а большая рать устояла псковская и немецкая, и поехаша псковичи ко Пскову, а немцы прочь побегоша». По-видимому, сражение закончилось безрезультатно. Спустя некоторое время немцы вновь вторглись в псковские владения и сожгли Островцы и городок Кобылий [66].

Несмотря на разорение пограничных псковских волостей и сожжение нескольких городов, Ордену не удалось достигнуть сколько-нибудь значительных успехов. Это побуждало магистра к энергичным поискам помощи извне. В марте 1480 г. послы ливонских городов от имени магистра просили рат Данцига о помощи, но получили отказ [67]. В апреле ливонские послы передали представителям вендских городов, собравшихся на съезд в Любеке, просьбу магистра о присылке 2 тыс. вооруженных воинов с полным обеспечением, а также о том, чтобы ганзейские купцы, находящиеся в Ливонии, оказали ему помощь в войне против русских лошадьми, оружием и т. д. В присылке людских подкреплений вендские города отказали. Была отклонена и просьба о военной помощи ганзейских купцов, находящихся в Ливонии. Но зато было принято решение о взимании для нужд войны с русскими с товаров вендских городов, привозимых в Ригу и Ревель, в течение пяти лет особого налога в размере 1% их стоимости [68]. Вендские города, являвшиеся руководителями Ганзейского союза, активно поддержали Орден в его борьбе с

---

[66] П I Л, стр. 7—77.

[67] Отчет ливонских послов о переговорах с Данцигом (HR, 3. Abt., Bd. I, № 276).

[68] Отчет ливонских послов о переговорах с вендскими городами (ibid., № 277).

Русским государством, ибо усиление последнего означало угрозу привилегиям ганзейцев в Новгороде.

Летом 1480 г. военная активность Ордена достигла наибольшей степени. Воспользовавшись тем, что великий князь был отвлечен борьбой с Золотой Ордой (в августе войска Ахмата подходили к Угре), Орден бросил против Пскова крупные силы. 18 августа магистр «с немцы и со всею землею» осадил Изборск. Не взяв его, орденское войско направилось к Пскову. 20 августа немцы подошли к Пскову и расположились станом на Завелицком поле. Спустя несколько дней к военным силам Ордена присоединились дерптские отряды, прибывшие на 23 боевых шнеках. Опасность была настолько велика, что псковичи сами сожгли Завеличье. Немцы из пушек обстреливали Запсковье и пытались переправиться туда на шнеках. Для Пскова наступило «притужно время вельми». Но псковичи сумели отбить все приступы, и немцы отошли «не учинив ничего же» [69].

Неудача немцев под Псковом летом 1480 г. не предопределяла еще исхода войны. Перелом в ходе русско-ливонской войны произошел лишь в начале 1481 г., когда великий князь, покончив с угрозой татарского нашествия и примирившись с братьями, получил возможность двинуть против Ливонии крупные силы. По велению великого князя 16 января в Псков прибыли новгородские наместники с новгородским войском, а 11 февраля приехали московские воеводы с московскими ратями, численность которых псковский летописец исчисляет в 20 тыс. человек. Соединенное войско Пскова, Новгорода и великого князя вступило в Ливонию и в течение четырех недель воевало в землях Ордена и епископства Дерптского. Были взяты два значительных города — Каркус и Феллин [70]. Поход, предпринятый объединенными русскими силами, возымел свое действие. В Новгород прибыли немецкие послы с просьбой о мире, который был заключен 1 сентября 1481 г.

Услышав о прибытии в Новгород немецких послов, псковичи поспешили отправить туда своих послов, заключивших с ливонскими представителями отдельный от Новгорода мир на десять лет. Условия этого мира неизвестны, так как грамота не сохранилась. Но из лаконичного сообщения псковского летописца о том, что псковичи «мир потвердиша на 10 лет, в Данильев мир» [71], следует, что мир, заключенный псковичами с немцами в Новгороде в 1481 г., повторял условия договора 1474 г.

---

[69] П I Л, стр. 78.
[70] Там же, стр. 79.
[71] Там же.

Грамота о мире между Новгородом и Ливонией от 1 сентября 1481 г. сохранилась. В грамоте указывается, что «...кончали перемирье с великих князей наместники новгородскими, от Семеня дня до Семеня дня, на десять лет, за всю Новгородскую державу, а послы мистровы немецкии за Немецкую землю, за всю мистрову державу, и за арцыбискупа Ризского, и за бискупа Юрьевъского, и за бискупа Островъского и за бискупа Курьского и за бискупа Колыванъского...»[72]. Таким образом, формально мир был заключен между Новгородом с одной стороны[73] и всей Ливонской конфедерацией — с другой. Но фактически это был договор единого Русского государства, частью которого являлся теперь Новгород.

В первых статьях договора указывалось, что 25 декабря 1481 г. на р. Нарове между обеими сторонами должен состояться съезд для разбора различных «обидных дел», преимущественно, как это следует из содержания названных статей, случаев насилий над русскими купцами в Ливонии; если на этом съезде «не лучитьца управы дати на обе половины» по какимнибудь делам, тогда должны быть созваны новые съезды. Всего намечались в течение двух лет три съезда. Если же на третьем съезде не будет дана управа с обеих сторон, «ино тое перемирье не в перемирье», т. е. заключенный в 1481 г договор становился недействительным. Следующие статьи касались порубежных вопросов. Граница между Новгородом и Ливонией подтверждалась старая: «с Чучского озера стержнем Норовы реки в Солоное море». Повторялась имевшаяся уже в договоре 1448 г. формула о запрещении каких-либо нарушений границы: люди одной стороны не должны были вступать на территорию другой стороны и там «ни пожень не косити, ни земли не орати, ни леса не сечи, ни воды не ловити, знати комуждо своя половина, по крестному целованью»[74].

Дальнейшие статьи посвящены вопросам, связанным с пребыванием новгородских купцов в Ливонии. Некоторые из этих статей являются обычными для новгородско-ливонских договоров: таковы статьи, содержащие гарантию беспрепятственного проезда («чистого пути») новгородских купцов и послов по Ливонии и предоставление новгородским купцам

---

[72] АЗР, т. 1, № 75, стр. 95.

[73] После включения Новгорода в состав Русского централизованного государства Новгород в области внешней политики формально сохранял следы былой самостоятельности. Соседние с Новгородом государства заключали договоры не непосредственно с великим князем, а с наместником великого князя в Новгороде и с новгородскими боярами «по воле великого князя».

[74] АЗР, т. 1, № 75, стр. 96; ср. аналогичные статьи в договоре 1448 г (ГВНП, № 73, стр. 120—121).

права торговать в Ливонии всеми товарами «без вывета»[75]. Повторяются имеющиеся уже в договоре 1448 г. статьи, содержащие обязательство ливонских властей блюсти новгородца как своего «немчина» и взаимно не порубать новгородцев и псковичей из-за их дел, а также статья со взаимным обязательством ливонских и новгородских властей «посла и гостя не порубати» из-за порубежных конфликтов[76].

Но многие статьи, регулирующие условия торговли и пребывания новгородских купцов в Ливонии, являются новыми. В первую очередь это относится к статьям, касающимся торговли новгородцев в Нарве[77]. Там новгородцы не должны уплачивать никаких пошлин в случае, если торговые сделки между немцами и русскими производятся на реке без выгрузки товаров на берег; соответствующая статья гласит: «А торгует новгородец з немчыном на Ругодиве, а будет товар въ немчына в бусе: и новгородцу той товар в немчына доброволно взяти из бусы через край в лодью, а от того ругодивцом кун не имати». Новгородцы освобождались также от уплаты пошлин при перегрузке своих товаров в Нарве на телеги для отправки их в другие города Ливонии. Весы и весовые единицы для взвешивания воска в Нарве должны были быть приведены в соответствие с новгородскими. Весовщикам при взвешивании запрещалось «колупать» у новгородцев воск — немного «колупать» можно было только покупателю[78].

В связи с имевшими место злоупотреблениями ливонских властей при вывозе новгородцами лошадей из Ливонии[79] подтверждались соответствующие статьи договора 1448 г.[80], а также специально для устранения злоупотреблений добавлялось: «А который новгородец купчына конь купит у мистровой державе и в бискупьих городех, а приведет того коня судьи объявити: ино судьи того коня у новгородского купца силно не отнимати, а денег не наметывати»[81]. Здесь речь идет о пресечении произвола со стороны нарвского фогта («судьи»), которому новгородцы должны были предъявлять лошадей при вывозе их на Русь.

---

[75] АЗР, т. 1, № 75, стр. 96; ср. договоры 1421 г. и 1448 г. (ГВНП, № 60, стр. 99 и № 73, стр. 121—122).

[76] АЗР, т. 1, № 75, стр. 96—97; ср. договор 1448 г. (ГВНП, № 73, стр. 122).

[77] АЗР, т. 1, № 75, стр. 96—97.

[78] Эта статья имелась уже в договоре 1448 г. См. ГВНП, № 73, стр. 122.

[79] См. жалобы 1461 г. новгородцев на насилия над их купцами в Ливонии (LUB, Bd. XII, № 80, S. 5, 9).

[80] В договоре 1481 г. эти статьи сформулированы несколько иначе, чем в договоре 1448 г. Ср. АЗР, т. 1, № 75, стр. 97; ГВНП, № 73, стр. 122—123.

[81] АЗР, т. 1, № 75, стр. 97.

Внимание великокняжеской власти к Нарве не случайно. Нарва занимала особое место в русской внешней торговле. Она не была членом Ганзейского союза, и поэтому во время ганзейских запретов при ее посредстве поступали на Русь иноземные товары. Вместе с тем благодаря своему положению на судоходной реке Нарове она являлась для русских ближайшим портовым городом, где они встречались с приезжавшими иностранными купцами. Иван III оценил значение Нарвы и стремился создать наиболее благоприятные условия для русских купцов, посещавших этот город.

Ряд статей договора имел целью обеспечение личных прав и личной безопасности русских, находящихся в Ливонии. Такова, например, статья о наказании за повреждение бород (у виновного немца отсекалась рука) [82]. Интересы русских, находящихся в Дерпте, обеспечивались специальной статьей, обязывающей дерптского епископа и дерптские городские власти «церкви божии святого Николы и святого Георгия очистити, и Рускии конец и села тых церквей очистити, по крестному целованью, по старыне» [83]. Значение этой статьи, впервые сформулированной в сепаратных псковско-дерптских договорах 1463 и 1474 гг., усиливалось благодаря включению ее в русско-ливонский договор, ибо, хотя статья содержала одностороннее обязательство дерптских властей, ответственность за ее выполнение падала теперь на Орден и других членов Ливонской конфедерации, от имени которых был заключен договор 1481 г.

Таково содержание статей договора, посвященных вопросам торговли и пребывания русских купцов в Ливонии.

Гораздо меньшее число статей посвящено пребыванию немецких купцов в Новгороде. Таких статей в договоре 1481 г. всего три. Две из них содержат обычную гарантию беспрепятственного проезда и свободы торговли в Новгородской земле для немецких послов и купцов и обязательство новгородских властей «блюсти немчина как своего новгородца» [84]. Третья статья — новая — запрещает немецким купцам торговлю пивом и занятие корчмою в Новгороде и его пригородах [85].

Основное внимание в договоре уделено вопросам торговли русских в Ливонии. Об этом свидетельствует не только коли-

---

[82] АЗР, т. 1, № 75, стр. 97.

[83] Там же.

[84] Там же; ср. договор 1448 г. (ГВНП, № 73, стр. 121—122).

[85] Эта статья является новой для договоров Новгорода с Ливонией, но в псковско-дерптском договоре 1474 г. она уже имеется (см. ГВНП, № 78, стр. 134).

чественное соотношение статей, посвященных торговле русских в Ливонии (11 статей) и немцев в Новгороде (3 статьи), но и их содержание. Статьи, трактующие о пребывании немцев в Новгороде, помимо обычной общей гарантии «чистого пути» и свободы торговли, содержат запрещение немцам вести в Новгороде розничную торговлю алкогольными напитками.

В то же время статьи, касающиеся пребывания русских купцов в Ливонии, помимо общей гарантии беспрепятственного проезда и свободы торговли, включают ряд конкретных обязательств ливонских властей, имевших целью создание для русских реальной гарантии личной и имущественной безопасности, а также предоставление им льготных условий торговли. Договор 1481 г. по своему содержанию отвечал в первую очередь интересам русской стороны.

Влияние русской стороны сказывается и в оформлении договора. Если прежние новгородско-ливонские договоры начинались с формулы, гласившей: «Се приехаша послови немечкыи въ Великии Новъгород... и взяша перемирье...»[86], то договор 1481 г. начинается с обычной для дипломатических документов, вышедших из канцелярии великого князя, формулы о том, что «по божьей воли и по великих государей веленью царей русских. ...се приехаша в великих князей отчину, в Великий Новгород.... послове немецкии.... и добиша челом... и коньчали перемирье...»[87]. Изменение формуляра договора не было простой формальностью. Оно являлось показателем происшедшего в результате создания Русского централизованного государства изменения в соотношении сил между Русью и Ливонией[88].

80-ые годы XV в. были временем относительного затишья в русско-ливонских отношениях. Несмотря на успехи, достигнутые великокняжеской властью (присоединение Новгорода, ликвидация татарского ига) правительство Ивана III не имело возможности активизировать свою ливонскую политику, так как его внимание продолжали поглощать русские и восточные дела: вне рамок Русского государства оставалась Тверь, присоединенная лишь в 1485 г., враждебно вела себя

---

[86] Ср., например, договор о пятилетнем перемирии 1448 г. (ГВНП, № 72, стр. 118).

[87] АЗР, т. 1, № 75, стр. 95. Формула «добиша челом» имеется в псковско-дерптском договоре 1474 г., но без начальной части — «по божьей воли и по великих государей веленью...» (см. ГВНП, № 78, стр. 133).

[88] Формула о челобитье воспринималась ливонскими представителями как выражение неравенства договаривающихся сторон. Это, в частности, сказалось во время переговоров о заключении договора 1493 г., когда Ордеи всячески домогался ее устранения.

Казань, поставленная на положение вассального государства только в результате похода русских войск в 1487 г. Орден, также занятый в этот период внутренними делами — борьбой с рижским архиепископом и городом Ригой (1481—1491 гг.) [89], не мог предпринимать активных действий против Руси. Поэтому в 80-х годах (точнее после 1481 г.) никаких крупных конфликтов на русско-ливонской границе не происходило, хотя новый ливонский магистр Иоганн Фрайтаг неоднократно жаловался на опасность, грозящую со стороны русских.

Эти жалобы были рассчитаны главным образом на то, чтобы в споре Ордена с Ригою склонить Ганзу на сторону Ордена, ибо магистр усиленно подчеркивал, что борьба Риги за независимость от Ордена может быть использована русскими для нападения на Ливонию [90].

В 1481—1483 гг. в соответствии с новгородско-ливонским договором 1481 г. для разбора «обидных дел», касающихся преимущественно ограбления русских купцов в Ливонии, в Нарве созывались съезды русских и ливонских представителей. Последний из трех предусмотренных договором съездов [91] — съезд в Нарве осенью 1483 г.— подтвердил перемирие еще на два года. Затем перемирие подтверждалось съездами в 1485, 1487 и 1489 гг., каждый раз на два года [92].

Внимание великокняжеской власти в этот период продолжали занимать вопросы русской торговли в Ливонии. В 1487 г., когда в Новгороде велись переговоры о заключении договора с Ганзой, русская сторона потребовала включения в договор ряда статей, касающихся торговли и пребывания русских в Ливонии: о торговле новгородских купцов в Нарве, о вывозе лошадей из Ливонии, о Русском конце в Дерпте и т. д.

Большинство этих статей повторяло аналогичные статьи новгородско-ливонского договора 1481 г., имевшие целью создание благоприятных условий для русской торговли. Но, не довольствуясь обязательствами, полученными в этом вопросе от Ордена по договору 1481 г., Иван III хотел получить их также и от Ганзы, поскольку наиболее крупные ливонские города являлись членами Ганзейского союза. Немецкие представители на принятие этих требований не согласились, ибо одно из направлений политики Ганзы по отношению к Руси

---

[89] Л. А. Арбузов. Указ. соч., стр. 111—113.

[90] Переписка орденских чинов и ганзейских городов, относящаяся к 1482—87 гг. (HR, 3. Abt., Bd. I, № 387, 463, 464, 481, 490, 526, 530, 532, 602, 603; Bd. II, № 164, § 46—47).

[91] АЗР, т. I, № 75, стр. 95—96.

[92] H. Cosack. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag. HGBll, Bd. XXVIII, 1923, S. 20—21, 33, 56.

заключалось в том, чтобы препятствовать развитию заграничной торговли русских купцов [93].

В 1491 г., когда истекал срок последнего подтверждения перемирия с Ливонией, а также срок заключенного в 1481 г. на 10 лет договора, в Москву для переговоров с великим князем прибыл посол магистра [94]. Однако переговоры натолкнулись на неожиданные для ливонской стороны трудности из-за требований великого князя. 6 октября 1491 г. ливонский магистр писал Ревелю, что великий князь потребовал включения в договор нескольких новых условий, одно из которых касается церкви и дома новгородцев в Ревеле [95]. Немецкая сторона не соглашалась на принятие этих условий, и переговоры затянулись. Договор был заключен лишь в 1493 г.

По-видимому, осенью 1491 г. между русскими и ливонскими представителями была все же достигнута какая-то договоренность о продлении перемирия. На эту мысль наводит письмо Нарвы Ревелю от 12 ноября 1491 г. В письме сообщается, что прибывшие в Нарву послы великого князя и его наместника в Новгороде обратились к рату и фогту Нарвы с вопросом, будет ли Нарва соблюдать крестоцелование, заключенное с Ливонией. Фогт и рат Нарвы ответили утвердительно и по желанию русских ударили с ними по рукам в знак гарантии того, что они могут со своими товарами свободно приезжать и уезжать по крестоцелованию [96]. Обращение великокняжеских послов к Нарве является результатом постоянного внимания правительства Ивана III к вопросам русской торговли в Нарве, которое ярко сказалось уже в договоре 1481 г.

В происходивших в последующее время переговорах о заключении русско-ливонского мирного договора камнем преткновения продолжал оставаться вопрос о русских церквах в ливонских городах и, в частности, в Ревеле. Русские власти были недовольны состоянием своей церкви в Ревеле и дома при ней, в котором купцы хранили свои товары и напитки. Великий князь требовал включения в договор с Ливонией обязательства ливонских властей русскую церковь в Ревеле и дом при ней держать «по старине», причем этим статьям

---

[93] Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. «Исторические записки», кн. 47, 1954, стр. 272—276.

[94] ПСРЛ, т. VIII, стр. 221; т. XII, стр. 228.

[95] H. Hildebrand. Bericht über die im Reval'schen Ratsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen «Mélanges russes, tirés du bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg», t. IV. SPb., 1872, p. 762—763, № 366.

[96] HUB, Bd. XI, 1916, № 509.

он придавал столь важное значение, что не соглашался заключать без них договор [97].

Ревель играл важную роль в европейской торговле Руси. Он являлся одним из портов, в котором, согласно ганзейским правилам, должна была происходить перегрузка товаров, предназначавшихся для провоза дальше, в Россию [98]; сюда привозили свои товары и купцы-неганзейцы. Все это привлекало в Ревель русских купцов, преимущественно из Новгорода, и в XV в. Ревель наряду с Дерптом и Нарвой стал важным центром русской торговли в Ливонии. Но если интересы русской торговли в Дерпте обеспечивались псковско-дерптскими договорами 1463 и 1474 г., если вопросы торговли русских в Нарве занимали большое место в договоре 1481 г., то интересы русских купов в Ревеле в русско-ливонских договорах отражения еще не нашли. Отсюда — стремление великого князя включить в договор 1493 г. статьи, о которых идет речь.

Чтобы покончить с неопределенностью, царившей в русско-ливонских отношениях, и склонить великого князя к заключению твердого мира, Орден сделал попытку использовать авторитет императора [99]. Георг фон Турн, посол Максимилиана, ведший переговоры в Москве зимою 1491/92 г., передал великому князю просьбу Максимилиана принять «в свое соблюденье» магистров прусского и ливонского. Из переговоров Георга фон Турна с дьяком великого князя Федором Курицыным можно установить конкретные пожелания Ордена в отношении предполагавшегося договора: 1) вести переговоры не с наместниками великого князя в Новгороде, а непосредственно с великокняжескими послами; 2) не включать в договор формулы о «челобитье»; 3) не включать также статей о русских «церквах и палатах» в Дерпте и Ревеле, так как «магистръ... в техъ городехъ не волен» [100]. Таким образом, при посредстве посольства императора Орден попытался добиться не только отклонения вновь проектируемых статей, но и исключения некоторых формул и статей, имевшихся уже в договоре 1481 г. Эта попытка успеха не имела; не вступая в обсуждение условий договора, Федор Курицын

[97] Письмо Ревеля ливонскому магистру от декабря 1491 г. и письмо ливонского магистра Ревелю от мая-июня 1492 г. (ibid., № 525, 582).

[98] Это правило ганзейцы не всегда соблюдали.

[99] Первый раз от имени императора за Орден ходатайствовал Николай Поппель; в 1488 г., будучи в Москве в качестве посла императора, он просил, чтобы Псков отступил от земли и воды Ливонского ордена, которую держит за собой. Великий князь приказал ответить, что Псков держит свои земли «по старине» («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. 1. СПб., 1851, стб. 9—10).

[100] Там же, стб. 81.

передал от имени великого князя, что если магистр, архиепископ и епископы желают заключить договор, то они должны бить об этом челом наместникам великого князя в Новгороде и прислать туда для переговоров своих послов [101].

Сведений о дальнейшем течении переговоров источники не сохранили. Договор был заключен 13 марта 1493 г. на условиях, предложенных русской стороной. Что побудило Орден согласиться на их принятие, мы не знаем. Может быть, помимо решительной позиции великого князя во время переговоров, некоторое влияние оказала постройка Ивангорода, заложенного в 1492 г. Хотя роль Ивангорода не ограничивалась его военным значением и новый русский город на берегу р. Наровы скоро стал играть значительную роль во внешней торговле Руси [102], тем не менее постройка его определялась в первую очередь военно-стратегическими и дипломатическими целями. Эта русская крепость, как бы нависшая над Нарвой, должна была служить грозным напоминанием Ордену о силе Руси. Недаром своим послам к Максимилиану, проезжавшим в 1492 г. через Ливонию, Иван III дал поручение узнать, какое впечатление произвела там постройка Ивангорода [103].

Договор 1493 г. был заключен между всей Ливонской конфедерацией и «отчиной великого князя» — Новгородом — на десять лет [104]. В соответствии с пожеланием великого князя во введении указывалось, что немецкие послы прибыли в Новгород к наместникам великого князя и к боярам, и ко всему Новгороду, и били челом о перемирье. Основные статьи договора 1493 г. повторяли условия договора 1481 г.: устанавливался старый рубеж, купцам обеих сторон гарантировалась беспрепятственность проезда и торговли, подтверждались льготы для новгородских купцов в Ливонии, особенно в Нарве. Специальной статьи о соблюдении русских церквей и Русского конца в Юрьеве нет, но зато включена новая статья общего характера, гласящая: «А церкви божьи руские в мистрове державе, и в арцибискупове державе, и в бискупьих державах, где ни буди, и те церкви держати по старине, а их не обидити» [105]. Включенная по инициативе великого князя, эта статья с одной стороны, гарантировала русским соблюдение их религиозных интересов на территории всей Ливонии, а с другой — еще более подчеркивала роль великого князя как главы христианского мира и защитника православной веры за рубежами Руси.

[101] Там же, стб. 81—82.
[102] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 383.
[103] «Памятники дипломатических сношений...», ч. 1, стб. 101.
[104] АЗР, т. 1, № 112, стр. 130—132.
[105] Там же, стр. 132.

Договором 1493 г. заканчивается первый этап истории ливонской политики правительства Ивана III. В это время (60-е — начало 90-х годов) правительство Ивана III, занятое решением вопросов объединения русских земель и ликвидации татарского ига, по отношению к западным соседям Руси не ставило широких политических задач. Та энергичная военная и дипломатическая поддержка, которую великокняжеская власть неизменно оказывала Пскову в его конфликтах с Орденом и Дерптским епископством, определялась не наступательными планами, а стремлением создать прочный мир на западных рубежах Руси. Другой целью ливонской политики Ивана III, явственно прослеживаемой по материалам русско-ливонских переговоров и договоров, являлось обеспечение интересов русской торговли в Ливонии, создание реальных гарантий личной и имущественной безопасности для русских купцов. Наряду с этими основными направлениями в политике Ивана III проступает еще одна черта — стремление утвердить взгляд на великого князя как покровителя русского населения в Ливонии и на Ливонию, как на «отчину» великих князей русских, лишь временно утерянную ими. Это стремление, нашедшее свое отражение в статьях русско-ливонских договоров второй половины XV в. о юрьевской дани, Русском конце в Юрьеве и русских церквах в ливонских городах, в дальнейшем, в середине XVI в., стало основной пружиной русской дипломатии в ливонском вопросе.

Если первое направление политики Ивана III было обусловлено непрекращающейся агрессией Ливонского ордена и необходимостью решительно ее пресечь, то второе и третье — определялись тем экономическим значением, какое Ливония имела для Руси.

Экономическое развитие Руси в XV в. поставило на очередь вопрос об установлении непосредственных торговых сношений Руси с другими странами Европы. Этому противилась Ганза [106]. Новгородское и псковское купечество искало выход в активизации своей внешней торговли, в первую очередь в Ливонии. В крупнейших ливонских городах — Ревеле, Дерпте, Риге, а также в Нарве — русские купцы уже давно вели оживленную торговлю. Во второй половине XV в. торговля русских купцов в Ливонии получает еще больший размах. Об этом свидетельствует один очень интересный документ. В 1476 г. ганзейские города, собравшиеся на съезде в Любеке, писали ливонскому магистру, что русские купцы, «вопреки

[106] Н. А. Казакова. Из истории торговой политики..., стр. 266—267.

старым обычаям», посещали теперь не только крупные центры Ливонии, но и маленькие города; что во время своих поездок по Ливонии они пользовались не предназначенными для этого главными дорогами, но различными обходными путями, благодаря чему хорошо узнавали страну; что, вопреки старине, они вели в ливонских городах торговлю с купцами-не немцами. Пугая магистра ущербом, который все это может принести стране и купечеству, города просили, «чтобы такая необычная торговля в необычных городах русских с не немцами [107] была прекращена и чтобы это соблюдалось и им не разрешалось бы больше, чем исстари» [108].

Благодаря такому большому развитию русской торговли в Ливонии в XV в. центр торговли Руси с другими странами из Новгорода все более перемещался в Ливонию. Это, кстати сказать, правильно подметили сами ганзейцы. Еще в 1442 г. власти немецкого двора в Новгороде видели одну из причин упадка двора в возрастании торговли новгородцев в ливонских городах, где те покупали все необходимые товары [109]. В еще большей степени сказанное относится к концу XV в. Так, если в 1494 г. при закрытии немецкого двора в Новгороде было арестовано 49 ганзейских купцов [110], то в 1501 г. в одном только Дерпте было задержано 150 псковских купцов [111]. Уже сопоставление этих двух цифр показывает, какую роль играла Ливония в торговле Руси и почему русское правительство так много энергии уделяло созданию условий, максимально благоприятствующих торговле и пребыванию русских в Ливонии.

Политика ливонских городов в отношении Руси и русской торговли была двойственной. С одной стороны, ливонские города, продолжая традицию Ганзы, стремились сохранить за собой посредническую роль в европейской торговле Руси и с этой целью старались ограничить деятельность русских купцов: запрещали им торговлю в кредит, мелкую торговлю и т. д.[112] С другой стороны, торговля с Русью для городов Ливонии была настолько жизненно важной, что, охраняя ее интересы, города пытались в этом вопросе обособиться от Ордена. Особенно это имело место в период военных столкновений. Так, во время новгородско-ливонской войны (1443—1448 гг.), настаивая на заключении мира, города на съезде

---

[107] Термином «не немцы» (undeutsche) обозначалось латышское и эстонское население.

[108] HR, 2. Abt., Bd. VII, № 364.

[109] Ibid., Bd. I, № 153.

[110] Скра 1514 г., введение; LUB, 2. Abt., Bd. I, № 80; ср. S. 61, Anm. 4.

[111] ПСРЛ, т. IV, стр. 273.

[112] V. Niitemaa. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki, 1952, S. 322—327.

в Вольмаре вынесли решение о том, что переговоры с русскими по вопросам торговли должен вести не Орден, а они, и что дела городов не следует смешивать с делами страны (der stede sake ja nicht mit den lantsacken nicht to vormen-ghende) [113]. Еще более решительную позицию города заняли перед концом войны: в 1447 г. они собирались отправить к великому магистру посольство с заявлением, что от войны «они устали» и если война не будет кончена и мир не будет заключен, то города вынуждены будут искать себе другого господина [114]. За сохранение своего нейтралитета в случае военных конфликтов между Русью и Орденом города высказывались и в конце XV в. Так, в 1487 г., когда послы ливонских городов от имени Ганзы вели переговоры с Новгородом, на вопрос наместника великого князя о том, что предпримут города в случае вражды между великим князем и магистром, города ответили, что «купец с делами страны не хочет иметь ничего общего» (dat de kopman mit den lantsaken nicht wolde to donde hebben) [115]. В этой формуле нашли свое отражение реальные интересы ливонских городов, в экономике которых все большее и большее значение приобретала торговля с Русью.

* * *

Ce travail est consacré à l'étude de la politique livonienne du gouvernement d'Ivan III. Analysant les données russes, livoniennes et hanséatiques, l'auteur voit, dans la politique livonienne d'Ivan III, trois objectifs: 1) l'établissement d'une paix solide sur la frontière russe-livonienne (d'où con aide constante à Pskov dans sa lutte contre l'agression de l'Ordre de Livonie); 2) la garantie des intérêts du commerce russe en Livonie; 3) la confirmation du point de vue selon lequel le grand duc est le protecteur de la population russe de Livonie et également, la Livonie est le patrimoine, provisoirement perdu, des grands ducs. Ces tâches ont été conditionnées par la formation de l'Etat russe centralisé et par le développement des relations économiques entre la Russie et la Livonie.

---

[113] Рецесс съезда ливонских городов в Вольмаре от 12 декабря 1445 г. (LUB, Bd. X, № 184, § 6).

[114] Письмо великого магистра ливонскому магистру от 7 октября 1447 г. (ibid., № 385).

[115] Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде (HUB. Bd. XI, № 102).

Г. Рааб

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕЧАТНИКЕ ВАРФОЛОМЕЕ ГОТАНЕ *

В последнее время все большее внимание привлекает изучение культурных отношений между Россией и другими странами Европы, а также проявлений гуманизма в русской литературе в XV—XVII вв.[1] При этом нельзя ограничиваться только историей литературы. Следует учитывать развитие материальной культуры и техники, в частности изобретение и распространение книгопечатания. Обращает на себя внимание и тот факт, что дипломатические миссии, которыми Москва обменивалась с другими странами Европы, оказывали значительное влияние на культурные связи. Этому вопросу исследователи не уделили должного внимания.

Фигура книгопечатника из Любека Варфоломея Готана давно известна по русским источникам. Его имя неоднократно упоминается в связи с третьим посольством Юрия Траханиота к римскому королю Максимилиану (императору с 1493 г.)[2]. Например, в инструкции великого князя Ивана III от 6 мая 1492 г. Ивану Курицыну, который входил в состав посольства, поручалось передать от имени великого князя «Бартоломею Любчанину, печатнику книжному», кусок камки, причем подарок следовало вручить ему не дома, а на квартире послов[3]. Русские послы сообщали великому князю 25 июля 1492 г. из Любека о ходе своих дел, причем из приписки к их докладу[4] становится ясно, что Дмитрий Ралев[5]

* Перевод с немецкого И. И. Кретова.

[1] Ср. доклад академика М. П. Алексеева на IV международном съезде славистов «Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI — XVII вв.)». М., 1958.

[2] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. 1. СПб., 1851, стб. 82—115.

[3] Там же, стб. 88.

[4] Там же, стб. 104—105.

[5] В сообщении написано «Ларев» вместо «Ралев».

(который лично не принадлежал к посольству) через своего слугу Федора передал магистрату Любека просьбу относительно Готана, не получив, однако, поддержки магистрата. Как стало известно послам от самого Готана (о чем они сообщили великому князю), в Швеции было конфисковано имущество Готана стоимостью в 550 любекских марок в связи с обвинением Готана в каком-то проступке, жертвой которого стал молодой человек (паробок). Готан просил великого князя скорей выдать ему «отворчатую грамоту», которая «очистила бы его в том паробке». Он также выражал свою готовность по мере сил служить великому князю.

Из другого доклада (от 25 августа 1492 г.) [6] известно, что Готан перевел для русского посольства письмо, написанное на немецком языке королем Максимилианом и направленное Юрию Траханиоту и австрийскому послу Георгу фон Турну (Делатору) [7]. Готан целовал крест и поклялся, что будет верно служить московскому великому князю и его посольству и никому не выдаст содержания письма. По словам самого Готана, раньше он уже поклялся в том же самом Георгу фон Турну (послы Максимилиана обычно обращались в Любеке по своим делам к Готану).

Кроме этих документальных сведений, имеется еще один источник, который рассказывает об отношении Готана к Русскому государству. Это рукописная и пока еще не изданная любекская хроника Реймара Кокка (1500—1569). Во втором томе хроники, написанном в 1551—1556 гг., говорится, что Иван III сулил в случае окончательной победы над татарами принять римскую веру и что это обещание не было **выполнено из-за непомерных требований римского папы.** «Русский все это намеревался хорошо сделать и уже было договорился с книгопечатниками города Любека о напечатании на латинском и русском языках книг, при помощи которых римские обряды должны были распространяться в России. Жил в Любеке книгопечатник по имени Варфоломей Готан, который по этой причине был хорошо известен великому князю, находился у него в милости и был им богато одарен. Однако все эти намерения были сорваны ввиду жадности римского папы. Когда Варфоломей решил уехать из России, русские у него все отобрали, а самого его бросили в воду и утопили» [8].

---

[6] «Памятники дипломатических сношений...», ч. I, стб. 105—106.

[7] Фон Турн в это время находился еще в Швеции, а русские послы дожидались его приезда в Любеке, чтобы вместе с ним отправиться к Максимилиану.

[8] Ср. средне-нижненемецкий текст в кн.: W. Gläser. Bartel Ghotan, Domvikar und Diplomat. Schriftgiesser und Buchdrucker. Lübeck, 1903, S. 24.

В то время как более ранние историки, например С. В. Арсеньев, некритично использовали сведения Кокка о деятельности Готана в Русском государстве [9], позднее к этим данным относились скептически. Так, Фр. Брунс, исследователь, отличавшийся большим знанием ганзейской истории, писал о приведенном отрывке из Кокка: «Мы должны эти сведения брать на веру» [10]. В монографии «Deutscher Buchdruck im Jahrhundert Gutenbergs» (1940 г.) сообщение о смерти Готана в России рассматривается как легенда. А. В. Флоровский в своей работе об истоках книгопечатания у восточных славян вообще отказывается от версии о пребывании Готана в России. Он говорит только о том, что Иван III получал через Готана печатные книги [11]. Легковерно к высказываниям Кокка относится историк католической церкви А. Амманн, опирающийся в своих заключениях на С. В. Арсеньева [12]. Наиболее остро, пожалуй, поставил под сомнение сведения Кокка П. Н. Берков [13]. Он считает Готана политическим агентом и указывает на отсутствие документальных подтверждений его пребывания в России. Оба довода Беркова нуждаются в некоторых коррективах. Утверждение, что Готан «...был личностью достаточно темной, служившей за деньги кому угодно и неразборчивой в средствах», правильно характеризует особенности предпринимателя, каким, несомненно, был Готан, но отрицает полностью его роль в истории культуры того времени и осложняет изучение германо-шведско-русских взаимоотношений. Берков в своей отрицательной оценке личности Готана опирается на вышеназванные документы третьего посольства Траханиота, не вдаваясь в детали деятельности Готана в целом.

Однако и эти документы не позволяют при более внимательном изучении сделать подобные выводы. Приведенный послами факт, что Готан поклялся в верности фон Турну и

---

[9] С. В. Арсеньев. О любском типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV веке. «Чтения ОИДР», 1909, кн. 4, отд. IV. Смесь, стр. 17—20.

[10] Fr. Bruns. Lebensnachrichten über Lübecker Drucker des 15. Jahrhunderts. «Nordisk tidskrift för bok-och biblioteksväsen», Arg. II. Uppsala — Stockholm, 1915, S. 231.

[11] A. V. Florovskij. Die Anfänge des Buchdrucks bei den Ostslaven. «Slavische Rundschau», Bd. XII. München, 1940, № 1—2, S. 76.

[12] A. Ammann. Abriss der oststlawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950, S. 179—180.

[13] П. Н. Берков. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. Сб. «Иван Федоров, первопечатник». М.— Л., 1935, стр. 97—99; ср. отзыв П. Н. Беркова о кандидатской работе аспиранта И. В. Новосадского «Возникновение печатной книги в России в XVI в.». См. «Труды Института книги, документа, письма», т. V. М.— Л., 1936, стр. 217.

пользовался доверием послов Максимилиана, подчеркивает в данном контексте не его двусмысленное поведение, а, наоборот, его благонадежность по отношению к Ивану III. Переведенное Готаном послание было адресовано Траханиоту и фон Турну, обоим сразу (это подтверждает и доклад от 25 августа 1492 г., где недвусмысленно говорится, что оригинал, еще не просмотренный фон Турном, не может быть пока отослан Ивану III). Таким образом, речь могла здесь идти только о переводчике, который пользовался бы доверием обеих союзных сторон. Что касается случая с подарком великого князя Готану, то Берков напрасно считает возможным, что конспиративные побуждения могли заставить Ивана III распорядиться, чтобы подарок Готану не был передан у него в доме. По-моему, здесь дело заключается только в «соображениях этикета», и нет оснований искать темные махинации, за которые Готан мог бы быть награжден великим князем. Как известно, Иван III после окончательного разгрома татар уполномочил свои первые посольства в другие европейские страны приглашать в Россию художников, ремесленников и техников [14]. К кругу этих специалистов относится также и известный любекский книгопечатник Готан.

На основании того, что Дмитрий Ралев вел переговоры о Готане с магистратом Любека и что Мануил Ралев также позже сотрудничал с Готаном в России, как это будет доказано ниже, мы можем предположить, что Готан в 1488—1489 гг., в момент нахождения братьев Ралевых в Любеке, завязал отношения с ними, как с представителями Русского государства. Эти отношения, о которых, к сожалению, не имеется никаких документов, углубляются в дальнейшем благодаря трем посольствам Траханиота. Любек был для русских послов своего рода местом отдыха на далеком морском и сухопутном пути из Москвы в западноевропейские страны. Их путь, как правило, не мог проходить по враждебным польско-литовским областям. Зато в Любеке послы останавливались часто на недели и месяцы. Так, посольство Траханиота во время своего второго путешествия зимовало здесь с октября 1490 по февраль 1491 г. в ожидании приезда фон Турна, которого дипломатические дела задержали в Швеции. Таким образом, у Готана было достаточно возможностей познакомиться с русскими послами, так же как и у русских послов узнать культурную жизнь северогерманских городов того времени.

В других работах я уже указывал на то, что при оценке возможных зарубежных влияний на еретическое движение

---

[14] Ср. H. Uebersberger. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. I. Wien — Leipzig, 1906, S. 14—15.

«жидовствующих» в Новгороде и затем в Москве нельзя забывать о пути из северогерманских городов через Балтийское море [15]. Идеология еретиков могла испытать благоприятное воздействие, проникавшее из Северной Германии. Социально-реформаторский и гуманистический характер этой идеологии вскрыт советской исторической наукой [16]. Конечно, ересь «жидовствующих» была прежде всего выражением определенных классовых противоречий в самой России. И все же мы можем и должны считаться с вторичными влияниями извне, которые проникали в Россию в виде литературных произведений или иными способами. Так как этот вопрос в отношении северогерманских городов абсолютно не изучен, то позволительно в этой связи указать на некоторые факты, которые в будущем могут послужить материалом при объяснении общей картины событий конца XV в.

Говоря о путях проникновения гуситских идей в Россию [17], не следует забывать, что в обстановке усиливающейся борьбы, которую вели средние и низшие слои северогерманских городов против засилья феодальной церкви, эти идеи как непосредственные предвестники реформации во второй половине XV в. могли проникнуть из Чехии и Моравии до самых берегов Балтийского моря. В Ростокском университете, основанном в 1419 г., в конце XV в. работал магистр Николай Рутце, который судя по данным последних исследований, находился под влиянием идей гуситизма и сам перевел на нижненемецкий язык и напечатал две работы Гуса, носившие ярко выраженный социально-критический характер [18]. Рутце был членом секты, в которой сочетались идеи гуситов и вальденсов. Нижненемецкий перевод работ Гуса, который, может быть, был подготовлен и передан Рутце профессором Иоганном из Любека, работавшим тогда в Пражском университете, был напечатан в 1482 г. в Любеке Иоганном Шнеллем [19]. Хотя Рутце умышленно замалчивал имя Гуса, он был

[15] Ср. H. Raab. Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Gesellsch. und sprachwiss. Reihe», 5. Jg. (1955/56), S. 360; idem. Germanoslawisches im Ostseeraum an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Ibid., 6. Jg. (1956/57), S. 59.

[16] Ср. историографический обзор: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.— Л., 1955, стр. 88—89.

[17] Ср., например, Dm. Čiževskij. Literarische Lesefrüchte. VIII. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XVII. Leipzig, 1940, S. 120—122.

[18] Более подробно см. H. Raab. Die Anfänge der slawistischen Studien..., S. 353—355.

[19] Оба произведения Гуса благодаря усилиям Рутце были напечатаны в Северной Германии раньше, чем в Чехии или Моравии.

вынужден в конечном итоге зарыть большую часть тиража, чтобы защитить его от покушений инквизиции, причем почти все экземпляры погибли.

В это время существовали очень тесные отношения между Ростоком, где работал Рутце, и Любеком, где пребывали русские послы. Когда в 80-х годах XV в. в Ростоке вспыхнуло восстание против феодальной реакции, Ростокский университет перебрался на некоторое время в Любек [20]. 19 июня 1493 г. в матрикулы был занесен некий Сильвестр Малой из Новгорода [21]. (См. рис. 1 на стр. 350). Это был вообще первый русский, который приобрел право академического гражданства в одном из западноевропейских университетов. Так как третье и последнее посольство Траханиота именно в это время на обратном пути в Москву останавливалось в Любеке, то вполне возможно, что Сильвестр принадлежал к свите посольства. Среди членов посольства, без сомнения, были люди любознательные, которые, кроме своих основных дел, проявляли интерес к немецкому гуманизму и жизни народа в период перед реформацией. Недвусмысленное поручение посольству относительно вербовки специалистов способствовало этому интересу. Во всяком случае примечательно, что среди членов посольства находился такой видный представитель московского кружка «жидовствующих», как Иван Волк Курицын.

Деятельность самого Готана на основе имеющегося в настоящее время материала нет оснований ставить в прямую связь с предреформационными течениями. Однако, как один из самых значительных и предприимчивых книгопечатников своего времени, он, несомненно, принадлежит к людям, которые своей деятельностью подготовили почву для идей гуманизма в районе Балтийского моря [22]. Если мы будем основываться на тщательных исследованиях И. Коллийна и Фр. Бруна [23], то получается следующая картина: Готан происходил из города Магдебурга, где он был викарием (Domvikar), т. е. духовником. В Магдебурге появились и первые печатные

---

[20] Ср. O. Krabbe. Die Universität Rostock im fünfzehnten und sechzehnten Jahrhundert, I. Teil. Rostock — Schwerin, 1854, S. 200—208.

[21] Ср. «Die Matrikel der Universität Rostock», hrsg. von A. Hofmeister, Bd. I. Rostock, 1889, S. 267. Запись гласит: «Siluester Minor alias Maloy in Ruteno de Nouagardia».

[22] Напечатанные Готаном «Откровения» шведской святой Биргитты (ум. в 1373 г.) содержали серьезные обвинения против римского духовенства и подготавливали в Северной Европе почву для реформации.

[23] Ср. I. Collijn. Bibliografiska Ströftåg i Finland, Ryssland och Polen. «Föreningens Meddelanden», Stockholm, 1911—1912. См. также Fr. Bruns. Op. cit. Упомянутое выше произведение В. Глезера в смысле фактического материала не надежно и проникнуто шовинистическим духом.

издания Готана, из которых самое раннее относится к 1480 г. В сентябре 1484 г., как отмечается в источниках, Готан приобрел в Любеке дом [24]. В октябре того же года он составил завещание, текст которого содержит некоторые сведения о его семейных отношениях и имущественном положении. В частности, сообщается, что у Готана был сын по имени Андрей. В 1486 и 1487 гг. Готан, согласно источникам, находился в Стокгольме, где он открыл книгопечатную мастерскую и, таким образом, знакомил Швецию с искусством книгопечатания [25]. В 1488 г. Готан должен был по довольно неясным причинам, изложенным нами выше, покинуть Швецию, оставив там свое состояние.

17 августа 1488 г. Готан снова печатает в Любеке [26]. Его издания можно встретить там до 1492 г. В середине января 1493 г. его местонахождение в последний раз засвидетельствовано в Любеке (судя по упоминанию в одном долговом документе) [27]. В июле 1493 г., когда третье посольство Траханиота возвращалось в Москву, мы совершенно неожиданно обнаруживаем Готана в Швеции. Он следует с письмом епископа стренгнесского (Strengnäs) Конрада Рогге к епископу Магнусу из Або, т. е. по направлению к границам России [28].

Таким образом, все эти биографические данные создают уверенность, что сведения Кокка относительно пребывания и смерти Готана в России соответствуют истине. Однако до последнего времени отсутствовали документальные подтверждения хроники Кокка. Написанная через 60 лет после указанных событий, эта хроника не может заменить подобные доказательства, тем более что в некоторых своих положениях, например относительно обещания Ивана III принять римскую веру, она содержит вымышленные сведения.

Но документальное доказательство все же имеется. Оно, как я уже сообщал в докладе на Московском конгрессе славистов в 1958 г., содержится в письме, которое некий Иоганн ван Ункель направил 29 мая 1494 г. из Новгорода магистрату Ревеля [29]. Автор письма, обеспокоенный политикой Ивана III (это было незадолго до закрытия новгородской ганзейской конторы) предупреждает магистрат Ревеля о том, что нельзя доверять Готану, который оставив долги, скрылся из города

[24] Fr. Bruns. Op. cit., S. 246.

[25] I. Collijn. Op. cit., S. 9—10. До Готана печатным делом в Швеции занимался, пожалуй, только Иоганн Шнелль.

[26] Fr. Bruns. Op. cit., S. 230.

[27] Ibid., S. 248.

[28] I. Collijn. Op. cit., S. 30, 33.

[29] HUB, Bd. XI, 1916, № 739; H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischens Schrifttums. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. III. Berlin, 1958, S. 330—331.

Любека (приводятся имена истцов), вместе с тремя или четырьмя слугами приехал в Новгород и перешел на службу к великому князю и епископу новгородскому. Греку Мануилу Ралеву Готан помогал вербовать на русскую службу людей, знающих кораблестроение.

Это письмо, конечно, небезызвестно исторической науке, однако с данными Кокка его до сих пор не сопоставляли [30]. Готан, следовательно, принял приглашение великого князя приехать в Россию и, вероятнее всего, закончил жизнь именно так, как об этом писал Кокк. Приводимые П. Н. Берковым в качестве антитезы сведения [31], согласно которым Готан числится в живых после 1500 г., оказываются несостоятельными [32], так как исполнители завещания Готана приступили к своей деятельности уже в сентябре 1496 г. В относящихся к этим событиям документах Любека перечисляются с некоторыми отклонениями те же кредиторы Готана, о которых пишет в своем письме от 29 мая 1494 г. магистрату Ревеля ван Ункель [33]. Не назван в документах, относящихся к исполнению завещания Готана (но в письме ван Ункеля упомянут), член магистрата Любека (с 1512 г. — бургомистр) Гинрих Кастроп Младший. Здесь мы находим решение загадки об источнике сведений Кокка о Готане. До самого последнего времени считали, что упоминаемая Кокком в качестве источника хроника Гинриха Кастропа принадлежит умершему в 1488 г. Гинриху Кастропу Старшему. Однако Фр. Брунс доказал, что не его хроника, а хроника его сына, носившего то же имя и бывшего кредитором Готана, являлась источником Кокка [34].

Дальнейшему изучению подлежат все же еще два вопроса: 1) печатал ли Готан, как утверждал без прямых доказательств С. В. Арсеньев, книги в России; 2) как обстоит в действительности дело с книгами религиозного содержания, о которых упоминает Кокк в связи с отношениями Ивана III

---

[30] Например, Н. А. Казакова в своей статье «Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в.» («Исторические записки», кн. 47. 1954, стр. 290) ссылается на это письмо, называя, однако, только имя Мануила (Мануэля) Ралева и не упоминая Готана.

[31] «Allgemeine deutsche Biographie», Bd. X. Leipzig, 1879, S. 767—768.

[32] П. Н. Берков. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова..., стр. 99.

[33] Ср. документальные данные, приводимые Ф. Брунсом (Fr. Bruns. Op. cit., s. 248—249).

[34] Fr. Bruns. Reimar Kock, der lübische Chronist und sein Werk. «Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde», Bd. XXXV. Lübeck, 1955, S. 102—103. Тем самым исключается необходимость верить предположениям В. Глезера (W. Gläser. Op. cit., S. 25), что в любекском монастыре Ордена миноритов, упоминаемом в завещании Готана, должны сохраниться сведения о судьбе Готана.

и Готана? На мой взгляд, невероятно, чтобы книгопечатник Готан, который, как доказывает пример его шведского филиала, энергично действовал в различных странах, не попытался организовать в России книгопечатание. Его путешествие через Швецию в Россию и тот факт, что вместе с ним в Россию прибыло несколько слуг, позволяют нам предполагать, что Готан благодаря великокняжеской поддержке, которой он, как известно, так добивался, привез в Новгород по крайней мере часть оборудования своей шведской мастерской. Обострение обстановки после закрытия в Новгороде ганзейской конторы могло послужить Готану поводом, чтобы покинуть Россию, что лишило его великокняжеской милости и привело к трагическому концу. В будущих работах об истоках книгопечатания в России уже нельзя будет игнорировать роль личности Готана.

Относительно снабжения России книгами в период царствования Ивана III [35] я недавно указал на то, что обнаруженный в свое время И. Н. Ждановым нижненемецкий оригинал древнерусского «Прения живота и смерти» вышел из печатни Готана [36]. Речь идет об одном печатном листке, изданном в 1484 г. [37] Очевидно, этот печатный лист, как и другие многочисленные напечатанные тексты, из которых только на нижненемецком языке нам известны 20, не считая латинских работ, Готан послал в Россию через своих русских знакомых или захватил их с собой сам.

Очень интересным представляется тот факт, что один из ранних немецких текстов о воеводе Дракуле был напечатан Готаном в 1483 г. [38] Конечно, в эти годы укрепившихся связей между северогерманскими ганзейскими городами и Россией сюда попадали и произведения, выпущенные другими книгопечатниками Любека, что является еще темой дальнейших исследований. В этой связи можно указать на работу «Gaerden der Suntheit» («Цветник здравия»), изданную любекским печатником Штефеном Арндесом в 1492 г. и переведенную на русский язык под названием «Благопрохладный цветник»

---

[35] Б. В. Сапунов в содержательной статье «К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI — XVII вв.» (ТОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 242) осторожно затрагивал этот вопрос, не приводя, однако, новых фактов по сравнению с прежними исследованиями.

[36] Ср. И. Н. Жданов. Сочинения, т. I. СПб., 1904, стр. 494—738; H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen, S. 323—328. Я сопоставил здесь не известные И. Н. Жданову части оригинала с древнерусским переводом.

[37] Ср. C. Borchling, B. Claussen. Niederdeutsche Bibliographie. Bd. I. Neumünster, 1931, N 82.

[38] Ibid., № 66. Более подробно об этом см.: H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen, S. 333—335.

«полонянином Литовским, родом немчином, Любчанином» [39]. Ясное указание Кокка на то, что Иван III хотел ввезти в Россию религиозные книги с описанием «римских обрядов», на мой взгляд, можно легко объяснить. В письме Ункеля от 29 мая 1494 г. из Новгорода, адресованном магистрату Ревеля, упоминается не только Готан, но и некий «Nicola Buelow von Lübeck». Этот человек — не кто иной, как лейбмедик и астролог Василия III Николай Булев (или Люев), о котором известно, что он был ярым сторонником заключения унии между православной и католической церквами [40]. Против прокатолической пропаганды Булева Максим Грек написал три послания и одно «Обличительное слово» [41]. Булев, как и Готан, относился к числу тех специалистов, которые приехали в Россию по приглашению послов Ивана III. Большой эрудит (это признавал даже Максим Грек), он был одним из представителей северонемецких горожан, которые принимали участие в распространении в Русском государстве некоторых идей гуманизма [42], пусть даже не всегда созвучных с критическими идеями предреформационной эпохи. Биография Булева дает нам объяснение того, как могло появиться неправдоподобное, отчасти даже анекдотическое сообщение Кокка о том, что Иван III после окончательной победы над татарами собирался принять католическую веру.

В 1488 г. Иван III послал братьев Ралевых в Рим, чтобы они информировали Ватикан о военных успехах русских в борьбе с Казанским ханством [43]. Одновременно один из братьев (Дмитрий) получил от архиепископа новгородского Геннадия поручение выяснить в Риме вопрос о составлении «Новой пасхалии», которую русские, как известно, вели до 7000 г. (1492 г.) — даты предполагаемого конца света. Ген-

[39] Л. Ф. Змеев. Русские врачебники. СПб., 1895, стр. 19 и сл. Змеев, правда, не знал оригинала 1492 г., на который указывает рукопись перевода, и вынужден был довольствоваться вторым изданием «Цветника здравия» (1520 г.). Ср. также: H. Raab. Germanoslawisches im Ostseeraum, S. 59.

[40] См. «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 280.

[41] Там же, стр. 330. Идентичность «Николая Немчина» или «Германа», как называл своего противника Максим Грек, с Николаем Булевым впервые установил В. С. Иконников (В. С. Иконников. Максим Грек. «Университетские известия». Киев, 1865, № 10, стр. 13).

[42] Николай Булев, уроженец Любека, начал свое обучение в Ростоке в 1480 г. и 1483—1484 гг. получил там же звание магистра, о чем пока до настоящего времени не сообщалось. См. «Die Matrikel der Universität Rostock», Bd. I, S. 216, 229, 236.

[43] См. Л. Н. Майков. Николай Немчин, русский писатель конца XV — начала XVI века. ИОРЯС, т. V, кн. 2, 1900, стр. 383. Во время этого путешествия братья Ралевы, как уже упоминалось выше, по всей вероятности, встречались в Любеке с Готаном.

надию в это время доставляла много забот деятельность «жидовствующих», которые хорошо разбирались в вопросах астрономии. Дмитрий Ралев доверил выполнение этого поручения именно Николаю Булеву, который в 1490 г., вскоре после возвращения братьев Ралевых, вместе с фон Турном прибыл в Русское государство, где первые годы провел в Новгороде, подчинив свою деятельность интересам Геннадия [44]. Здесь он, без сомнения, встретился и с Готаном, с которым, вероятно, был знаком еще в Любеке.

Семейная хроника Булевых, составленная в конце XVI в. внуками брата Николая Булева, сообщает о том, что Николай Булев был приглашен в Россию для переделки пришедшего в беспорядок календаря и нарушившегося одновременно «церковного порядка и служб» [45]. Значит, и простого факта составления новой «пасхалии» (что являлось действительным поводом приглашения Булева) оказалось достаточно, чтобы в северонемецких и балтийских кругах появился тот самый слух, который мы в сходной форме находим у Кокка, где в связи с Готаном говорится о введении «римских обрядов». Свое пребывание в России Булев использовал для прокатолической пропаганды, что также способствовало возникновению этого слуха. Однако все еще неясным остается вопрос, в какой степени смог Булев использовать в своей деятельности предприимчивого книгопечатника Готана. Вполне возможно, что Булев надеялся совместно с Готаном печатать в России книги религиозного содержания или же по крайней мере ввозить их в страну [46]. О существовании некоторой связи между деятельностью Булева и Готана в Новгороде говорит уже тот

---

[44] Л. Н. Майков. Указ. соч., стр. 385—387. О Булеве часто говорят как о «враче и астрологе». При оценке научных знаний Булева нам не следует, однако, забывать, что в то время еще не было ясной границы между астрологией и астрономией. О Булеве см. также: Д. О. Святский. Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI века. «Известия научного института им. П. Ф. Лесгафта», т. XV, вып. 1, 2. Л., 1929, стр. 47—53.

[45] См. E. Pabst. Nicolaus Bulow, Astronom, Dolmetsch und Leibarzt beim Grossfürsten in Russland. «Beiträge zur Kunde Esth-, Liv- und Kurlands», Bd. I. Reval, 1873, S. 85; Л. Н. Майков. Указ. соч., стр. 386.

[46] В своей борьбе против «жидовствующих» православная церковь пользовалась советом и поддержкой католической церкви. Кроме нового исчисления пасхалий, следует в этой связи упомянуть рассказы фон Турна об испанской инквизиции («Речи посла цезарева»), использование латинской «Vulgata» и немецкой библии (предположительно — Кельнской библии 1478 г.— см. H. Raab. Germanoslawiches..., S. 58) при переводе всей библии на русский язык, а также участие монаха доминиканского католического ордена Вениамина в переводе этой библии. Все это поддерживало надежду западных правящих кругов на союз церквей и способствовало появлению подобных слухов. Следует добавить, что Готан мог мотивировать перед своими соотечественниками отъезд в Рос-

факт, что и в семейной хронике Булевых, и в сведениях Кокка имеется один и тот же рассказ о том, что папа потребовал со всех жителей «Московского государства» дань мехами. У Кокка сказано о «соболях» [47], а в семейной хронике Булевых

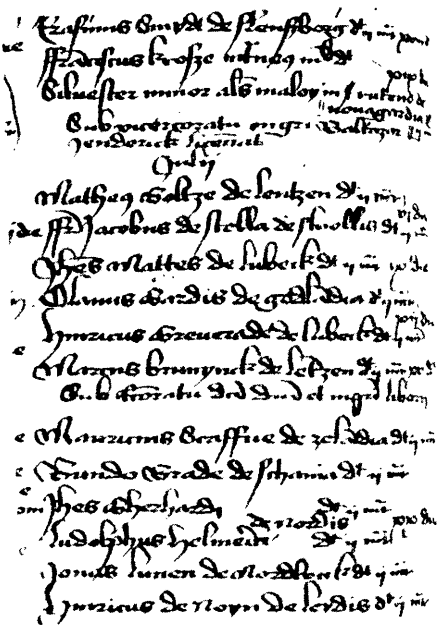


Рис. 1. Отрывок из рукописного матрикула Ростокского университета (1493 года). В третьей строке сверху запись о Сильвестре Малом из Новгорода (ср. стр. 344, прим. 21).

о «ласках» [48]. В то время как Готан ввиду несчастливо сложившихся для него обстоятельств очень рано окончил свой жизненный путь, деятельность Булева в России продолжалась еще многие десятилетия [49].

сию примерно так, как об этом говорится у Кокка. Возможно, что Готан не случайно перед поездкой в Россию посетил шведских епископов городов Стренгнес и Або.

[47] W. Gläser. Op. cit., S. 23.

[48] E. Pabst. Op. cit., S. 85. Семейная хроника содержит все же неточность, называя 1508 г. как дату приезда Булева в Россию. Ср. Л. Н. Майков. Указ. соч., стр. 386.

[49] Более подробные биографические данные см. Л. Н. Майков. Указ. соч., стр. 389—392. Перевод книги «Цветник здравия», сделан не Булевым,

* * *

In der Epoche des Humanismus, besonders in den letzten zwei Jahrzehnten des 15. Jahrhunderts, bestanden zwischen dem russischen Staat und den norddeutschen Hansestädten bestimmte kulturelle Beziehungen, die von der Forschung bisher noch ungenügend beachtet worden sind. Es läßt sich urkundlich belegen, daß der bekannte Lübecker Drucker Bartholomäus Ghotan 1493—1494 für Gennadij tätig war und vielleicht auch den Versuch unternommen hat, die Buchdruckerkunst in Rußland einzuführen. Verschiedene Schriften aus norddeutschen Druckereien sind zu jener Zeit in Novgorod verbreitet. Mit Ghotan zusammen hielt sich der Lübecker Bürger und Absolvent der Rostocker Universität, der Arzt und Astronom Nicolaus Buelow (Nikolaj Bulev), in Novgorod auf. Die Frage, ob die in Norddeutschland bekannten hussitischen Ideen bis zu den «Judaisierenden» Novgorods gedrungen sind, müßte noch näher untersucht werden. Interessant in diesem Zusammenhang ist die Tatsache, daß ein gewisser Silvestr Maloj aus Novgorod 1493 an der Rostocker Universität immatrikuliert worden ist. Er dürfte der erste russische Student überhaupt sein, der eine ausländische Universität besucht hat.

как утверждают многие, л, по всей вероятности, другим врачом из Любека, который в 1517 г. попал в Литве в русский плен и упоминается в русских источниках как Феофил. Согласно семейной хронике, Булев умер в 1548 г. в Москве после того как все попытки его родных помочь ему вернуться на родину не увенчались успехом (см. E. Pabst. Op. cit., S. 86; ср. «Памятники дипломатических сношений...», ч. 1, стб. 416 и 424). В «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, стр. 330) смерть Булева датирована на основе ошибочного утверждения Е. Е. Голубинского («История русской церкви», т. II, первая половина. М., 1900, стр. 684), 1523 или 1524 г., хотя в Московской Софийской II летописи, как на это уже указывал и Н. М. Карамзин, упоминается, что он и врач Феофил находились у смертного одра Василия III в 1533 г. (см. ПСРЛ, т. VI, стр. 267 и 271). О деятельности Готана и Булева в Новгороде ср.: H. Raab. Über die Beziehungen Bartholomäus Ghotans und Nicolaus Buelows zum Gennadij-Kreis in Novgorod. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellsch. und sprachwissenschaftliche Reihe». 8. Jg. (1958/59), S. 419—422.

И. Э. Клейненберг

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ В РУССКОМ МОРСКОМ ПРАВЕ XV – XVI вв.

Вопрос о морском праве Новгорода и Русского централизованного государства XV—XVI вв. ставится впервые.

В обобщающем труде Ф. И. Кожевникова после разбора соответствующих статей русско-византийских договоров X в. и договора Смоленска с немецкими городами 1229 г. сразу следует обзор русских морских постановлений XVII в. (по Разрядной книге 1617 г. и русско-шведским трактатам) [1]. В вышедших за рубежом работах наличие морского права в Новгороде и в Русском государстве XV—XVI вв. либо обходится молчанием [2], либо прямо отрицается. Так, М. Митчелл, опубликовавший в 1949 г. историю русского мореплавания, утверждает, что до Петра I русские не имели никаких определенных норм морского права [3]. С последней точкой зрения согласиться нельзя.

В Новгороде, мореплавание которого началось раньше, чем мореплавание немецкой Ганзы, и в Русском централизованном государстве, которое после присоединения Новгородской земли стало приморской державой, существовали вполне сложившиеся юридические обычаи, регулировавшие отношения между участниками разных морских предприятий [4]. Неизвестно, были ли русские морские обычаи когда-

[1] Ф. И. Кожевников. Русское государство и международное право (до XX века). М., 1947, стр. 128—129.

[2] «Mediaeval Russian Laws». Transl. by G. Vernadsky. New York, 1947.

[3] M. Mitchell. The Maritime History of Russia. 848—1948. London, 1949, p. 315.

[4] Некоторые из этих обычаев сохранились в текстах ранних договоров Новгорода с немецкими городами: в договоре 1189—1199 гг. содержится статья о вознаграждении корабельщику за обратный рейс без фрахта (ГВНП, № 28), а проект договорной грамоты 1269 г. содержит ряд постановлений по найму лодий для перевозки товаров по Волхову (ГВНП. № 31).

либо кодифицированы наподобие Висбийского морского права, которым пользовались ганзейские мореплаватели XV в.,; по крайней мере никаких русских записей соответствующего содержания не сохранилось. Поэтому основными памятниками русского морского права XV — первой четверти XVI в. должны служить торговые договоры, которые заключало Русское централизованное государство с Ганзой (в 1487 и в 1514 гг.). Хотя данные международные акты не позволяют полностью восстановить всю систему русского морского права, но некоторые статьи, содержащиеся в них, дают возможность достаточно полно выяснить один его важный раздел, а именно юридические нормы, которыми руководствовались русские при кораблекрушении. Некоторые дополнительные сведения можно найти также в грамотах ливонских городов.

Предыстория включения морских статей в торговые договоры с Ганзой такова: экономическое развитие Руси в XV в. заставляло новгородское купечество активизировать свою торговлю; русские купцы стали все чаще отправляться на морских лодьях со своими товарами в портовые города Ливонии, Скандинавии и других стран. Наряду с этим новгородскими и ганзейскими купцами стала очень широко практиковаться совместная перевозка товаров на одном и том же корабле. После кораблекрушений между русскими и немцами часто возникали споры при разборе спасенного груза. Поэтому новгородское правительство начиная с 20-х годов XV в. настойчиво добивалось включения статей о морских убытках в свои торговые договоры с Ганзой. Новгородская боярская республика не смогла преодолеть сопротивления ганзейцев в этом вопросе и не добилась признания своих требований[4а]. Только когда на берегах Балтики появилось сильное Русское централизованное государство, Ганза была вынуждена уступить.

В первый же торговый договор, который был заключен с Ганзой от имени великого князя Ивана III в 1487 г., были включены как гарантии «чистого пути» за море русским купцам, так и специальная статья о разделе имущества после кораблекрушения. Эта статья без изменения перешла в русский проект договора 1510 г. и в договор 1514 г. Она дошла до нас на русском языке в оригинальной договорной грамоте 1514 г. и в трех немецких переводах (1487, 1510, 1514 гг.).

[4а] О борьбе Новгорода за «чистый путь» по морю для своих купцов см. Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. «Исторические записки», кн. 28, 1949, стр. 123—125.

Русский текст статьи следующий: «А похочет новгородец товар класти с немчином в лодью или в бусу в одном месте, а доспеетца притча над тем товаром на море: ино делитись немчину с ноугородцом по товару что останетца, а хитрости небыти, по крестному целованию, на обе стороны везде»[5].

Средненижненемецкие переводы этой статьи по смыслу полностью идентичны. Это говорит о том, что они сделаны с одного неизменного русского текста, следовательно, статья не изменялась от договора к договору. Но так как эти переводы выполнены в разное время разными лицами, то они отличаются друг от друга тем, что для передачи одних и тех же русских слов переводчики пользовались разными немецкими синонимами, например, немецкое судно названо последовательно schip, kreger, schute, чему в русском оригинале соответствует «буса», для того времени обычное русское наименование ганзейских кораблей[6].

Наличие этих трех немецких переводов позволяет уточнить самое главное в статье, а именно принцип, по которому производился раздел спасенного имущества. Русская формулировка «по товару что останетца» для современного читателя недостаточно ясна. Все три переводчика разными словами перевели эту формулу. Переводчики актов 1510 и 1514 гг. сделали это дословно: «na deme gude, wat dar overblefft», «na der war, wat dar aver blyft». Но в переводе договора 1487 г. для передачи «по товару» применен специальный нижненемецкий термин «na partall», что соответствует латинскому «pro rata parte», т. е., «соразмерно доле каждого»[7].

Таким образом, из сопоставления русского текста с нижненемецким переводом 1487 г. вытекает, что спасенный от кораблекрушения товар должен был делиться между всеми зафрахтовавшими корабль купцами, независимо от того, кому этот товар принадлежал до бедствия. Каждый участник имел право на долю спасенного, соразмерную по стоимости тому грузу, который он имел на корабле до крушения. Такое понимание принципа раздела спасенного имущества подтверждается также приведенным ниже известием о конкретном случае применения этой договорной статьи на практике (дело Алексея Крюкова).

---

[5] СГГД, ч. V. М., 1894, № 65, стр. 58.

[6] Немецкие переводы указанных договоров находятся в следующих изданиях: договор 1487 г.— в HR, 3. Abt., Bd. II, 1884, № 136, проект договора 1510 г.— в LUB, 2. Abt., Bd. III, 1914, № 790; договор 1514 г.— в СГГД, ч. V, № 65; РЛА, № 331; HR, 3. Abt., Bd. VI, 1904, № 554.

[7] См. K. Schiller und A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch, Bd. III. Bremen, 1877, S. 306.

Содержание этой статьи исключительно интересно. В ней наиболее ярко находит свое выражение основная характерная особенность торгового мореплавания феодального периода — товарищество, частым условием которого был договор делить барыши и убытки по-братски. Далее, применение этой статьи на практике влекло за собой установление строгого единства действий и дисциплины при страшном бедствии кораблекрушения. Так как весь спасенный товар подлежал перераспределению соразмерно доле каждого владельца в первоначальном грузе корабля, то все грузовладельцы были заинтересованы спасти как можно больше самого ценного товара независимо от того, кому он принадлежал. Если каждый в случае катастрофы думал бы о спасении только своего собственного товара, на судне воцарилась бы в самый ответственный момент анархия, и убытки были бы во много раз больше. Наконец, статья включала в себя элемент страхования участников перевозки от угрозы оказаться на чужбине без средств вследствие гибели всех их товаров. Каждый, кто добросовестно участвовал в спасении груза, мог рассчитывать на законную долю спасенного.

Из советских исследователей только Н. А. Казакова[8] кратко упоминает об этой статье договора 1487 г. Несколько больше внимания ей уделяет немецкий правовед и историк торговли Л. К. Гётц. Он констатирует, что положение о пропорциональном разделе спасенного с корабля имущества являлось абсолютно новым в практике русско-ганзейских договоров, и считает его явно невыгодным для немецких купцов[9]. Если его первое замечание правильно, то со вторым согласиться нельзя. Соглашение было взаимным и распространялось на совместный провоз товаров как на немецких, так и на русских судах. Сам Л. К. Гётц в другой работе указывает, что переброска немецких грузов от Нарвы далее на восток была в значительной степени сосредоточена в руках русских лодейщиков[10]. Невыгодным это соглашение было только для того, кому удавалось спасти при катастрофе больше собственного товара, но это зависело не от этнической принадлежности грузовладельца, а только от совершенно непредвиденных обстоятельств крушения и от физических свойств груза, т. е. портился ли он от воды или нет (например, такие товары, как

[8] Н. А. Казакова считает, что в договоре 1487 г. требовался раздел спасенного имущества «поровну» (Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. «Исторические записки», кн. 47, 1954, стр. 278).

[9] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 219.

[10] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 205.

соль в мешках и воск). И если ганзейские купцы считали эту статью договора для себя невыгодной, то только из-за того, что русское решение вопроса о спасенном грузе противоречило их правовым воззрениям.

О том, как эта статья применялась на практике, мы находим некоторые сведения в источниках. Засвидетельствованный в них случай произошел в результате крушения русской лодьи и фигурирует в переговорах ганзейского посольства с московским правительством в 1494 г. Обстоятельства этого дела таковы. В 1493 г. некий немецкий купец зафрахтовал лодью для перевозки своего товара, состоявшего из сельдей в бочках. На этой же лодье находился груз соли и квасцов, который принадлежал новгородцу Алексею Крюкову. Лодья потерпела крушение в устье Невы (по другому источнику — в устье Наровы). Груз немца — шесть ластов сельдей — был спасен, груз же русского безвозвратно погиб. Когда спасенный товар прибыл в Новгород, то Алексей Крюков, основываясь на договоре 1487 г., взял себе из него, соразмерно стоимости своего погибшего имущества, один ласт и четыре бочки сельдей [11] (один ласт сельдей включал в себя 12 бочек). Год спустя ганзейские послы попытались в Москве опротестовать такое решение новгородских властей, но от имени великого князя, высшей апелляционной инстанции того времени, им был дан ответ, что «1 ласт и 4 бочки, которые взял Алексей Крюков, он взял по праву, по крестной грамоте, и они должны остаться взятыми» [12].

Интересно толкование, которое ганзейские послы давали этой статье во время переговоров. Принцип пропорционального раздела спасенного имущества они хотели допустить только в том случае, когда оба грузовладельца провозили на одном корабле одинаково портящийся от воды груз [13]. Они ссылались на отсутствие этого условия в деле Алексея Крюкова. Несомненно, что ганзейцы основывались при этом на компромиссном применении этой статьи, которое сложилось при крушении немецких кораблей, имевших грузы разных, в том числе и русских владельцев в водах, на которые распространялась юрисдикция ганзейских городов. Но такая интерпретация была категорически отвергнута московским правительством.

---

[11] LUB, 2. Abt., Bd. 1, 1900, № 95, Punkt 9.

[12] «...de I last 4 tunnen, de Allexe Krukoff genommen hadde, de hadde he tho rechte na deme kruszbreff genomen, de solden genomen blyven» (ibidem).

[13] «...de kruszbreff vormeldeth, als wy mith malkander mannigherhande guth schepen, dat vorderflick is unnd dar van beiden syden schade inkumpt, den schaden sole wy van beyden syden draghen» (ibid., S. 74).

Спрашивается, действительно ли эту статью о кораблекрушении можно непосредственно вывести из русского (новгородского) обычного морского права? Не заимствована ли ее норма из какого-нибудь действовавшего в XV в. на Балтике нерусского права? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к сборникам морских обычаев Готланда, Ганзы, Риги и другим, составленным в XV—XVI вв. [14] В данных сборниках аналогичной статьи нет. Единственная статья в этих сборниках, требующая пропорционального распределения убытков,— это статья (впервые встречающаяся в античном Родосском праве) о так называемой большой и общей аварии, когда ущерб товару или кораблю возникал вследствие преднамеренных действий команды, имевших целью спасение корабля, людей и товаров во время бедствия, как, например, выбрасывание части груза для облегчения корабля, рубка мачт и такелажа и т. д. Этой большой аварии в правосознании западных мореплавателей противостояла простая и частная авария, т. е. убытки от всяких непредвиденных бедствий, в том числе и от кораблекрушения.

Западные морские кодексы не содержали специальной статьи, которая предписывала бы, как поступать с имуществом, спасенным при кораблекрушении, но принадлежащим разным владельцам, так как тут действовали обычные нормы гражданского права, требовавшие, чтобы каждый сам нес свой убыток, который он терпел от какого-нибудь стихийного бедствия. Из спасенного после кораблекрушения имущества каждый грузовладелец был вправе получить без изъятия только то, что ему с самого начала принадлежало [15]. Таков был обычай ганзейских и готландских купцов, торговавших с Новгородом морским путем.

Очень четко этот принцип сформулирован в наказе ганзейским послам, которые в 1494 г. должны были в Москве добиваться изъятия статьи о морских убытках из русско-ганзейского договора. В наказе сказано: «Эта статья противна богу и справедливости и всякому праву, так как никто не должен обогащаться за счет спасенного из кораблекрушения имущества другого, но каждый может свободно, без всякого

---

[14] J. M. Pardessus. Us et coutumes de la mer, ou collection des usages maritimes des peuples de l'antiquité et du moyen âge. Paris, 1847, v. 2.

[15] Пропорциональное распределение убытков и спасенного груза ганзейцы по особой договоренности допускали лишь в тех случаях, когда несколько купцов имели на одном корабле совершенно одинаковый товар, так что после крушения было трудно определить, кому он первоначально принадлежал. О таком случае, относящемся к 1469 г., см. LUB, Bd. XII, 1910, № 629.

препятствия требовать себе имущество, обнаруженное с его знаком собственности» [16]. Ясно, что русское решение вопроса о спасенном имуществе было совершенно чуждо правосознанию бюргеров ганзейских городов.

Далее, общепризнано, что при заключении договоров с немцами русские всегда стойко оберегали нормы своего обычного права и очень редко допускали проникновение в свои конвенции элементов немецкого права [17]. То, что мы также не имеем здесь дела с компромиссом, удовлетворяющим обе стороны, вытекает из самого содержания статьи, являющегося прямой противоположностью правовым воззрениям ганзейцев в этом вопросе. Также нельзя предполагать, что эта норма была придумана ad hoc московскими представителями во время переговоров в 1487 г. Ведь законодатели XV в., как правило, занимались не столько изобретением новых норм, сколько закреплением и охраной сложившихся юридических обычаев.

Московское правительство после включения Новгорода в состав Русского государства отнюдь не ликвидировало его внешней торговли и мореплавания, а, наоборот, сломив мешавшую общерусской торговле монополию Ганзы и местного новгородского купечества, энергично приступило к дальнейшему развитию имевшихся торговых связей и морских перевозок, опираясь при этом на сложившиеся нормы новгородского права, если только они не противоречили его интересам и целям. Естественно, что нормы морского права, отсутствовавшего в Московской Руси, были при первой же необходимости восприняты великокняжеским правительством из новгородской практики.

Таким образом, как содержание самой статьи, так и отношение к ней ганзейцев, а кроме того, общие условия при включении ее в договоры с Ганзой говорят о том, что мы должны в ней видеть одну из норм обычного новгород-

---

[16] «Hic articulus repugnat Deo et justicie et omni juri(e), cum nemo debeat ex alterius jactura locupletari, sed quilibet bona sub ejus signeto reperta potest et valeat libere sine omni impedimento vendicare» (LUB, 2. Abt., Bd. I, № 23). Эту статью ганзейцы пытались опротестовать еще в 1489 г. в претензиях, которые должен был довести до сведения великого князя русский посол грек Мануил. Тогда ганзейская точка зрения была выражена следующими словами: «Каждый может свободно получить из спасеиного свои товары, которые он найдет со своим знаком собственности; а тот, чей товар погиб, лишился его бесповоротно» («...eiin iderman de mach siine guder, de he befindet, under siinen merke vrii bergen; unde de wes vorlust, de is des quid») (HR, 3. Abt., Bd. II, 1888, № 267, Punkt 5).

[17] М. Н. Ясинский. Лекции по внешней истории русского права, вып. I. Киев, 1898, стр. 73.

ского частного морского права. Эта норма возникла и развилась в среде новгородских гостей, ведших заморскую торговлю во времена боярской республики, и была затем воспринята централизованным государством. В силу того, что правительство Русского государства заставило Ганзу признать эту норму и закрепило ее в своих договорах, она из местной, новгородской превращалась в общерусскую и вводилась в сферу международных отношений. Можно предположить, что она не утратила своего значения до самой Ливонской войны, создавшей совершенно новые условия для торгового мореплавания в восточной части Балтийского моря.

Весьма интересен и вопрос о «береговом праве».

Договор 1514 г. содержит еще одну статью, посвященную кораблекрушению. Она непосредственно примыкает к только что разобранной. В этой статье обе стороны взаимно обязываются возвращать владельцам суда, потерпевшие крушение, вместе с их грузом. За спасение и сбережение такого имущества устанавливается оплата в размере 10% его стоимости. Это первая статья такого содержания среди большого числа русско-ганзейских договоров, заключенных на протяжении более чем трех веков.

Ее текст следующий: «А задерет на море Новогородцкую бусу ветром, великого государя Василиа божьею милостью царя и государя всеа руси купцов, да прибьет ее к неметцкому берегу к семидесяти городов; также задерет на море неметцкую бусу ветром, а прибьет ее к великого государя Василиа, божьею милостью царя и государя всеа руси, и великого государя отчине к Ноугородцкой земле берегу: и те бусы, обыскав, отдавати на обе стороны без хитрости по сей перемирной грамоте и по крестному целованью. А имати от тех бус перейма от десяти рублев по рублю; а боле будет товару или менши, ино по росчету имати»[18]. Формулировка статьи исключительно четкая и ясная, удобная для практического применения.

Такая статья должна была иметь очень большое значение для мореплавателей в эпоху, когда в большинстве стран, омываемых Балтийским морем, действовало «береговое право», позволявшее в своей классической форме прибрежным феодалам захватывать в полную собственность терпящие аварию корабли вместе с грузом, командой и пассажирами. Правда, в начале XVI в. «берегового права» в таком чистом виде больше уже не существовало. Оно приняло в разных странах в зависимости от достигнутого ими экономического и социального уровня самые разнообразные формы. Финский исследователь этого вопроса В. Ниитемаа отмечает следующее развитие

[18] СГГД, ч. V, № 65, стр. 58.

форм «берегового права» в Северной Европе: от притязаний феодала на весь корабль и груз, разбившийся у его берегов, через право получения им только определенной доли (в XV в. чаще всего одной трети) к требованию лишь платы за сбережение спасенного имущества [19].

В своей обширной и подробной монографии В. Ниитемаа не отметил, что русский феодализм никогда не знал «берегового права» и что русская государственность с древнейших времен в своих актах всегда выступала против этого несправедливого обычая. Характерно, что ни в одном из договоров Новгорода с Ганзой, а также в первом договоре Русского централизованного государства с Ганзой 1487 г., не имелось статей, которые декларировали бы защиту ганзейцев от применения к ним на Руси «берегового права». В то же время во всех других балтийских странах Ганза была вынуждена вести упорную борьбу за освобождение своих кораблей от узаконенного разграбления в случае аварии [20]. Все это лишний раз говорит об отсутствии на Руси даже в период максимальной раздробленности этой пресловутой феодальной прерогативы. Отсутствие «берегового права» на Руси делало ненужным и включение соответствующих гарантий в торговые международные договоры Новгорода Великого [21].

Отдельные случаи ограбления береговыми жителями купцов, потерпевших кораблекрушение, рассматривались как обычные имущественные преступления, и русская сторона в договорах обязывалась разыскивать грабителей на своей территории, строго карать их, а похищенный товар возвращать владельцам [22].

Нормальные взаимоотношения, существовавшие на берегах Новгородской земли между прибрежными жителями и потерпевшими крушение ганзейцами, сводились к оказанию помощи владельцам крестьянами береговых деревень при спасении и сбережении грузов и к оплате этих услуг корабельщиками по договоренности. Новгородское правительство, давая общую гарантию «чистого пути» для иноземных купцов,

---

[19] V. Niitemaa. Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. Helsinki, 1955, S. 248.

[20] См. A. Beckstaedt. Die Bemühungen Lübecks als Vororts der Hanse um Aufhebung des Strandrechts in den Ostseegebieten bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts (Diss.). Straßburg im E., 1909.

[21] Отсутствие упоминания берегового права в новгородско-ганзейских договорах отмечено еще Л. К. Гетцом (L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte..., S. 235). См. также И. Э. Клейненберг. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XIII вв. берегового права. «Правоведение», 1960, № 2, стр. 158—161.

[22] Такая статья включена, например, в договор 1487 г.

не вмешивалось в вопросы оплаты разного рода услуг, оказываемых местным населением купцам при перевозке товаров. Определение оплаты оно представляло частному соглашению заинтересованных сторон. Ганзейцы, характеризуя «старину», древний обычай при кораблекрушении на берегах Новгородской земли, писали, что там «каждый может спасать свое имущество и давать за это справедливое вознаграждение» [23].

Возникает вопрос: какие причины вызвали необходимость включить в договор 1514 г. специальную статью, гарантировавшую неприкосновенность судна и груза потерпевших кораблекрушение, если положение на русском берегу Балтийского моря было действительно столь благоприятным для мореплавателей? Дело в том, что в конце XV в. положение резко изменилось к худшему. Причины этого изменения следует искать в том новом составе феодалов, который появился на прибрежных землях после присоединения Новгорода Великого к Русскому централизованному государству.

Если новгородские бояре, связанные с заморской торговлей и извлекавшие из нее часть своих доходов, не были заинтересованы в захвате грузов потерпевших крушение кораблей, то сменившие их московские наместники, прибывшие на кормление в этот отдаленный от Москвы край, а также дворяне, испомещенные в большом количестве на конфискованных землях новгородских бояр, этой связи с торговлей еще не имели, не считались с местным обычаем и пытались всеми доступными им способами выжать как можно больше дохода из своих деревень, в том числе и из прибрежных. Они нарушали вековые традиции этих берегов и стали побуждать своих крестьян к захвату имущества с потерпевших крушение кораблей. Следуя дурному примеру соседней Ливонии, где как раз в это время процветало «береговое право», отдельные представители новых землевладельцев в Водской и Ижорской землях пытались явочным порядком ввести «береговое право» и на русском берегу Балтийского моря.

В последней четверти XV в. ганзейцы начинают систематически жаловаться московскому правительству на нарушения «старины» в случаях кораблекрушения как со стороны его наместников, так и прибрежных землевладельцев. Нарушения эти состояли главным образом в том, что на русских берегах вместо обычной до этого платы по договоренности за спасение груза стали требовать одну треть спасенного, а в отдельных случаях пытались удержать и больше. Так, в 1489 г. ганзейцы жалуются, что с кораблей, потерпевших крушение у русских

---

[23] «...eiin iderman de mach siin gud bergen unde redelick bergelon darvor geven» (HR, 3. Abt., Bd. II, № 267).

берегов, требуют третий пфенниг со стоимости груза, что противоречит крестоцелованию и старине[24]. В 1494 г. жалоба направлена против жителей села Норовского (названного его эстонским именем Waghenkull), которые отказались от обычного вознаграждения за сбережение груза с пяти погибших в устье Наровы кораблей, часть товаров утаили, а с возвращенных взяли одну треть; в этом же документе есть жалоба на новгородского наместника Якова, который, узнав, что в город привезли шесть ластов сельдей, спасенных от кораблекрушения, взял себе из них два ласта, т. е. одну треть[25]. Известен также конфликт 1513 г., когда ивангородский наместник захватил прибитый к русскому берегу корабль, обосновывая свои действия якобы существующим древним обычаем, по которому корабли, приносимые непогодой к берегу великого князя и покинутые командой, подлежат конфискации[26].

Политика великокняжеского правительства в вопросе о «береговом праве» была последовательной и целеустремленной. Москва не могла и не хотела в угоду небольшой группе местных феодалов отказаться от старинного русского обычая помощи и покровительства потерпевшим кораблекрушение мореходам, обычая, соблюдение которого было в интересах феодалов и купцов большинства основных земель Русского государства, чье экономическое развитие как раз в данный момент требовало расширения зарубежных торговых связей. Для выяснения позиции русского правительства исключительный интерес представляют его решения по жалобам ганзейцев 1494 г. Так, по делу новгородского наместника Якова, взявшему себе одну треть спасенного груза, решение гласило, что «он поступил не по праву», и обязывало его вернуть незаконно захваченный товар[27]. По делу о грузе с пяти кораблей, попавшем в руки жителей села Норовского, великий князь Иван III велел начать розыск и в случае обнаружения нарушителей предать их суду, найденное же имущество вернуть владельцам[28].

Следовательно, русское право конца XV в. не признавало претензий местных властей и землевладельцев на одну треть

---

[24] «...van den schipbrokigen gudern, de bliiven an der Russchen siden, dat se den dorden penninck daroff nemen willen. Is ock wedder de crutzkussinge unde dat olde...» (ibidem).

[25] LUB, 2. Abt., Bd. I, № 95, Punkt 8, § 9.

[26] РЛА, № 323, 325.

[27] «...als van den 6 last heringhes... dat Jacob darvan 2 last hadde genomen, dar hadde he unrecht inne gedan, de solde he wedderghevеn» (LUB, 2. Abt., Bd. I, № 95, Punkt 12).

[28] «...de grothforste wolde de sake vorhoren und uthfragen lathen. Kunde he de qwaden lude krigen, de wolde he richten lathen unnd gheven unsen kinden dat guth, wes he noch by ene funde, unsz horende, unsem kopman wedder» (ibid., Punkt 11).

спасенного от кораблекрушения груза. С другой стороны, в этих решениях не содержалось возражений против справедливой оплаты за участие в спасательных работах. Это естественно, так как плата за спасательные работы была старинной русской традицией: мы ее находим уже в договоре Смоленска с Готландом и немецкими городами 1229 г.

Конфликт с ивангородским наместником по поводу прибитого к русскому берегу корабля, как можно заключить из источников, был разрешен на месте без вмешательства центральной власти. Так как наместник ссылался на обычное право, то ливонская сторона предложила, чтобы он назначил 8 или 10 старых авторитетных жителей г. Ям (местных старожилов по сравнению с ивангородцами), которые под присягой должны были установить, «какой исстари был обычай с таким потерпевшим кораблекрушение имуществом»[29]. Очевидно, приговором этого третейского суда справедливость была восстановлена.

Так еще в 1513 г. на русском берегу Балтийского моря отношения между береговыми жителями и мореплавателями, терпящими кораблекрушение, регулировались «стариной», обычаем, носителем которого было старожильческое русское население. Этот обычай не допускал насильственного захвата имущества после кораблекрушения. Попытки отдельных русских феодалов перенять практику западного берегового права встречали, таким образом, отпор не только центральной власти Русского государства, но и местного населения.

Самоуправство местных властей и стихия неписаного обычного права при решении вопросов, связанных с серьезнейшим событием мореплавания, оказались в резком противоречии со складывающимся четким правовым порядком Русского централизованного государства. Дальнейшее сохранение такого положения на важном торговом пути стало нетерпимым. Оно было упорядочено в 1514 г., когда в заключенный с Ганзой торговый договор была включена статья о кораблекрушении. Эта статья объявляла неприкосновенными и подлежащими возврату товары и корабли, попавшие в результате несчастного случая к берегам владений великого князя.

Ответственность за охрану и возвращение спасенного имущества государство брало на себя, возлагая принятие требующихся для этого мер на свои местные органы. Термин «обыскав», а также и вся система взимания «перейма» «по расчету»

---

[29] РЛА, № 325; «...he (ивангородский наместник.— *И. К.*) solde vorsteller 8, ofte 10 van den olden dreppelixten Russen van Jemmegorroth, de by krutzkussinghe seggen solden, wat van obdynges ene gewonheit myth sulken geblevenen guderen gewest were...».

в зависимости от того, «боле будет товару или менши», говорят о том, что для каждого случая кораблекрушения вводилось письменное делопроизводство: составление описи и оценка спасенного груза. Устанавливалась единая плата за «переём», которая исчислялась и взималась государством в деньгах: «от десяти рублев по рублю». Здесь деньги рассматривались не в смысле «берегового права», как доля верховного владетеля в прибитых к его берегу ценностях, а действительно как плата за спасение, сбережение и возврат потерянного имущества; это следует из самого термина «переём»[30] и его перевода на немецкий язык — «bergelon» (дословно: «плата за сбережение»).

Проведение в жизнь принципов договора 1514 г. создало на русских берегах Балтийского моря благоприятные условия для мореплавания, так как защита имущественных прав в случае кораблекрушения была здесь обеспечена лучше, чем в сопредельных странах. Это хорошо знали торговавшие с Россией западные купцы. Так, в 1532 г. представители торговых городов на ливонском ландтаге констатировали повсеместное распространение в Ливонии исключительно жестких форм «берегового права»; противопоставляя этому положение на русском берегу, они заявили, что «в России купцы имеют больше привилегий и свобод и при спасении своего имущества не так облагаются и не терпят такого убытка, как в этих землях»[31], т. е. в Ливонии.

Порядок возвращения спасенного от кораблекрушения имущества, установленный актом 1514 г., мы находим в неизменном виде еще 100 лет спустя в Разрядной книге 1617 г.[32] В русско-шведских договорах XVII в. также гарантировалось право потерпевшего кораблекрушение на его имущество, но без твердо установленного размера платы за «сбереженье»[33].

Рассмотренные морские статьи договоров Русского государства с Ганзой являются лишь фрагментами русского морского права. То, что они были включены в международные

---

[30] См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. М., 1958, стб. 905—906; Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.— Л., 1937.

[31] «...dath ock de kopman in Rusland mer privilegie und frigheit hedde und in der berginge des synen nicht zo sehre bosweret und boschediget wurde als in dussen landen» («Akten und Rezesse der livländischen Ständetage», Bd. III. Riga, 1938, № 301, Punkt 54). Жалобы на применение в первой половине XVI в. в Ливонии «берегового права» носят систематический характер (ibid., № 25, Punkt 12; № 150, Punkte 6, 21, 23; № 207, Punkt 45; № 231, Punkt 88; № 301, Punkte 33, 54, 55 u. a.).

[32] «Книги Разрядные», т. I. СПб., 1853, стр. 326—327. Соответствующий документ цитирует также Ф. И. Кожевников (указ. соч., стр. 129).

[33] См., например, «Полное собрание законов Российской империи», т. I. СПб., 1830, стр. 190—191, 476 и 541.

соглашения, сохранило фиксированные в них нормы до наших дней. Вопросы, связанные с кораблекрушением, разрешаются в этих статьях на основе русских правовых воззрений независимо от соответствующих юридических обычаев других стран Европы. Полное отрицание «берегового права» придавало русскому решению проблемы кораблекрушения гуманный и прогрессивный характер. Наличие вполне сложившихся оригинальных юридических норм для этого частного случая в мореплавании позволяет говорить о существовании не дошедшей до нас более широкой системы самостоятельного русского морского права в XV—XVI вв.

* * *

Cet ouvrage est consacré à l'analyse des articles des accords de 1487 et de 1514 conclus entre la Russie et la Hanse, réglant les relations entre Russes et Allemands en cas de naufrage. L'analyse des articles prouve que les problèmes concernant le naufrage y sont résolus sur la base des conceptions russes du droit, indépendamment des normes juridiques existant en Europe Occidentale. Le refus complet de reconnaître le «droit de varec» donnait à la solution russe des problèmes du naufrage un caractère humaniste et progressiste. L'existence des normes juridiques originales entièrement établies pour ce cas particulier de la navigation maritime permet de parler d'un plus large système du droit maritime russe indépendant des XV—XVI-e siècles, système qui ne nous est pas parvenu.

С. О. Шмидт

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

второй четверти XVI в.

Русско-крымские отношения в XVI в. уже изучались в советской исторической литературе. Отношения Российского государства и Крымского ханства первой четверти XVI в. детально исследованы В. Е. Сыроечковским [1], а второй половины XVI в.— А. А. Новосельским [2]. Данные о торговле между Русью и Крымом обобщены в монографии М. В. Фехнер [3]. В ряде работ русско-крымские отношения рассматриваются как составная часть международных отношений в Восточной Европе и в плане изучения восточной политики Российского государства в XVI в. Однако русско-крымские отношения второй четверти XVI в.— времени усиления влияния султанской Турции в Крыму и подготовки присоединения к Российскому государству Среднего и Нижнего Поволжья — до сих пор еще не стали темой углубленного исследования. Не изучены в должной мере и основные источники по этой теме — сохранившиеся Посольские книги Крымских дел за 30—40-е годы XVI в.

Настоящее сообщение написано на основании изучения материалов этих Посольских книг, находящихся в Центральном государственном архиве древних актов. Задача его — ввести в научный оборот и обобщить некоторые новые данные о деятельности так называемой «московской партии» в Крыму. Думается, что такого рода предварительные наблюдения помогут монографическому изучению вопроса о русско-крымских отношениях в середине XVI в.

[1] В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. «Уч. зап. МГУ», вып. 61, 1940.

[2] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948.

[3] М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

Известно, что внутренняя и внешняя политика Крымского ханства XVI в. являлась продолжением золотоордынской политики и что крымские феодалы основной источник дохода видели не в развитии производительных сил, а в ограблении соседних стран и получении принудительных платежей («поминков»). Власть крымского хана в середине XVI в. в значительной степени ограничивалась как местными крупными феодалами, так и турецким султаном. Феодальные группировки постоянно боролись за власть и влияние при дворе и в вопросах внешней политики, точнее — в выборе направления для набегов, придерживались подчас различной ориентации. Сторонники мирных отношений с Российским государством принадлежали к так называемой «московской» группировке (или «партии»).

Зная о зависимости хана от других крупных феодалов, русское правительство непосредственно было связано не только с ханом, но и с его родственниками и отдельными вельможами. С ними велась переписка, им посылались поминки, от них требовали клятвы на «шертных грамотах», на которых клялся хан [4]. «Росписи» поминкам хранились в Москве у казначеев, где «приближенные» к хану лица были «в списке записаны» [5]. Русские послы всегда старались искать среди придворных хана таких людей, от которых «можно чаяти службы», и тем, кто «х тому делу пригожи» [6], обещали «государево жалованье».

Грамоты от хана и от многих «князей и мурз» привозили в Москву и крымские послы, и гонцы. Проследить это точно, однако, невозможно, так как в Посольские книги включались переводы не всех грамот. Например, гонец Сахыб-Гирея привез в январе 1546 г. в Москву две «царевых» и 20 «княжих грамот», в крымских же делах помещены переводы только «царевых грамот» [7]. В первую очередь, видимо, переводились грамоты хана, калги (наследника престола) и главы так называемой «московской партии» в Крыму, и содержание их сразу же докладывалось государю и его советникам.

Исследователи отмечают, что особенно большую роль в сношениях Российского государства и Крымского ханства играли «амияты» (в переводе буквально: «приятели»), «доброхоты» русского правительства яшловские беи Сулешевы. Амиятство было наследственной привилегией этой знатной

---

[4] В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 49; ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 10. л. 110 об.

[5] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 10, л. 173 об.

[6] Там же, лл. 70, 96 об.

[7] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 9, лл. 29 об.— 30.

фамилии, получившей имя от Сулеш-бея, сына одного из сподвижников Ногая.

Богатые землевладельцы (их «бейлик»—удел — находился близ Бахчисарая), «карачи» — постоянные советники хана, входившие в состав его «малой думы»,— Сулешевы на протяжении XVI и XVII вв. не раз посредничали в дипломатических отношениях между двумя государствами: «шертовали» (давали «шерть» — клятву) за хана и за весь Крым, выступали в роли послов, участвовали в обмене посольствами, вели от имени хана переговоры с московскими послами. Сулешевы получали из Москвы «поминки», им оказывались особые почести. Двое Сулешевых в конце XVI — начале XVII в. остались служить в России; сын одного из них хорошо известен как крупный администратор в Сибири. Связи Сулешевых с русским правительством были в конце XVII в. настолько крепкими, что, по их словам, «они, Сулешевы, от басурман в подозрении» [8].

В исторической литературе о Сулешевых пишут как о руководителях так называемой «московской партии» при крымском дворе. Во главе «московской партии», по-видимому, находился старший в роде Сулешевых, глава этой фамилии, так как бейлик яшловских беев переходил по наследству во владение не от отца к сыну, а к старшему в роде [9].

Характер и значение деятельности «московской партии» в первой четверти XVI в. определены в исследовании В. Е. Сыроечковского. Крымские вельможи — «доброхоты» московского государя — должны были влиять на внешнюю политику ханства в выгодном для Руси направлении, препятствовать набегам крымских татар на русские земли. Они же были для русского правительства, послов и гонцов источником разнообразной информации. Ханы, конечно, знали об этом и нередко именно через таких амиятов старались действовать при московском дворе. Расположение амиятов поддерживалось поминками, часть которых распределялась между их сторонниками и использовалась для вербовки новых амиятов [10]. Наблюдения В. Е. Сыроечковского можно распространить и на русско-крымские отношения середины XVI в. с той, одна-

---

[8] Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, № 22, стр. 65, 68—69, 73; № 23, стр. 83; его же. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891, стр. VIII; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III. М., 1955, стр. 265—266; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 19, 21 и др.

[9] О бейлике яшловских беев см. Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк..., стр. 83.

[10] В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 49—53.

ко, существенной разницей, что внешняя политика Крымского ханства к середине столетия в большей степени стала зависеть от турецкого султана и влиять на нее было гораздо труднее [11].

Подобные «московские партии» имелись в те годы и в других «юртах» — Казанском и Астраханском ханствах, Ногайской орде. В сношениях с ними у русского правительства выработались определенные дипломатические приемы; их сходство легко заметить при сравнении данных крымских и ногайских посольских книг, а также летописных известий о русско-казанских отношениях. Поэтому уточнение данных о деятельности «московской партии», в Крымском ханстве позволит полнее представить характер деятельности таких феодальных группировок и в других ханствах. Особенно важно это для истории тех юртов, материалы о посольских сношениях Российского государства с которыми не сохранились (Казанское и Астраханское ханства).

В первой половине и в середине XVI в. руководителями «московской партии» при Крымском дворе были Аппак, его братья Магмедша (Мухаммед-ишан), Кудояр и Халиль, сын Аппака Тагалды и сыновья Магмедши — Салимша (Селим-ишан) и Сулеш (Сулейман-ишан) Сулешевы.

Аппак писал Василию III в 1515 г.: «Яз как своему государю холопство чиню, так и тебе холопство чиню, ты ведаешь» [12]. О том же читаем и в грамоте Кудояра Василию III от февраля 1518 г.: «На цареве дворе с братом своим с старейшим Аппаком князем и в день и в ночь всею мыслью на твоей есмя работе, а холопство, наше твои бояре Василий Шадрин и Илья Челищев (московские представители в Крыму.— *С. Ш.*) видели, и вспросишь их, и они тебе наше холопство скажут познатью» [13].

Сходные слова встречаем и в грамоте Тагалды Ивану IV от января 1535 г.: «Как своему государю добро хотим, так же и тобе, государю, добра хотим; а которые твои зде послы ходят и гонцы, и те то видят, как своему государю служим, так и тебе служим» [14].

В Москве, действительно, «ведали» о «холопстве» Сулешевых и присылали Аппаку и его родственникам особые грамоты и поминки, обещая даже «за службу свое жалованье и свыше... держати» [15]. Русским представителям в Крыму наказы-

---

[11] С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). «Труды МГИАИ», т. 6, 1954, стр. 200 и сл.
[12] Сб. РИО, т. 95, СПб., 1895, стр. 171.
[13] Там же, стр. 507.
[14] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 8, л. 152.
[15] Сб. РИО, т. 95, стр. 183.

валось действовать в контакте с Сулешевыми, и успех миссии посла или гонца в XVI в. во многом зависел от главы «московской партии», от его желания и умения привлечь на сторону Российского государства имеющих вес сановников, главарей знатных родов, от его влияния при ханском дворе.

Аппак неоднократно писал в Москву, участвовал в переговорах с русскими послами, сообщал им о намерениях и поступках хана и его «карачеев» (карачи), указывал, кому посылать поминки, и распределял эти поминки; наконец, в 1519 г. он был отправлен «большим послом» в Москву. Позиция Аппака была, однако, неустойчивой: подчас он откровенно выражал недовольство поминками, а в 1521 г. вовсе изменил Василию III. По официальной летописи, именно Аппак советовал хану идти походом на Москву в 1521 г.[16]

В 1530—1540 гг. Сулешевы стали снова амиятами великого князя, были послами в Москве, но и их «дружба» по-прежнему не была надежной. В августе 1542 г. Сулеш участвовал в набеге на Рязанскую землю[17].

Послами были Сулеш (прибыл в Москву 5 мая 1539 г., отпущен 2 сентября 1540 г.)[18], Тагалды (в 1540 г.)[19] и Салимша, который умер в Москве в 1545 г.[20]

Назначение послом в Москву кого-либо из Сулешевых всегда свидетельствовало либо о желании хана поддерживать добрососедские отношения с московским великим князем, либо о его стремлении добиться от русского правительства каких-то особенно важных уступок с помощью дипломатии. Не случайно Тагалды, прибывший во главе посольства в Москву, заявил от имени хана, что тот хочет с Иваном IV «быти в сердечной дружбе, лутче Минли Гирея»[21].

По пути из Крыма Сулешевым даже дозволялось, в известной степени, нарушать дипломатические нормы и отправляться из Путивля (обычное место встречи и размена послов обоих государств в XVI в.) в Москву, не дожидаясь приезда в Путивль русского посла к хану. В грамоте Ивана IV послу в Крыму П. В. Борисову от 11 февраля 1546 г. по поводу размена послов высказывается пожелание, чтобы крымский посол не

---

[16] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 37; В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 52—53.

[17] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 565.

[18] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 8; ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 450—454.

[19] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 453, 454. В посольских книгах документация посольства не сохранилась.

[20] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 9, лл. 1 и сл. (упоминается о смерти Салимши и об отправлении в Крым сопровождавших его лиц). В посольских книгах документация посольства не сохранилась.

[21] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 454.

дожидался московского, и припоминается: «А и наперед того Сулеш и Тагалды и Салимша князь шли к государю нашему, не дожидаясь государя нашего послов, и они (т. е. новые послы.— *С. Ш.*) и ныне по тому ж к нам шли»[22].

В Москве выделяли Сулешевых, устанавливая им, видимо, более «высокий корм». Так, Сулешу в 1539 г. велено было «жалованье давати как отцу его Магмедше и дяде его Аппаку князю, корм давати по записи, как корм давали Аппаку»[23].

Зная хорошо московские посольские обычаи, недовольный встречей «на Украйне» Сулеш вздумал даже жаловаться на своего пристава, и жалоба его была удовлетворена.

Русское правительство и его представители в Крыму (послы и гонцы) старались всегда повлиять на выбор ханского посла в Москву, следили за тем, чтобы им оказался сторонник русской ориентации и человек знатный и приближенный к хану, лучше всего — кто-либо из Сулешевых.

Русскому представителю предписывалось уговаривать желанного кандидата отправиться послом в Москву, обещать ему особые подарки. Любопытен наказ Г. И. Совину: «И нечто, которой ис тех к великому князю ехати зачем не похочет... и тому... говорити, чтоб пошел к великому князю, а князь великий того пожалует свыше своим жалованьем... да, как мочно о том говорити, чтобы поехали из них который к великому князю». Тагалды и Салимше — кандидатам в послы — велено было напомнить, как Василий III «жаловал своим жалованьем» их отцов Аппака и Магмедшу[24].

Крымское правительство согласилось отправить в Москву «по прошению» великого князя Тагалды — «своего большого посла, доброго своего человека», но потребовало за это, чтобы Иван IV послал в Крым «своего большого посла, доброго своего человека княз Василья Шуйского или Овчину», прислал бы «большую казну» и не воевал бы с Казанью[25].

А когда в 1537 г. ханское правительство не утвердило послом ни одного из угодных Москве кандидатов (первыми из них назвали Сулешевых), назначенный уже «большим послом» князь А. И. Стригин-Оболенский заменен был менее заметным и менее знатным князем Василием Мезецким. Сам Стригин, стремившийся избежать этого опасного и ответственного поручения, мотивировал свой отказ ехать к хану местническими мотивами. В челобитье Ивану IV он писал: «А ныне Ислам (Ислам-Гирей.— *С. Ш.*) к тебе, ко государю, послал

---

[22] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 9, л. 42.
[23] Там же, кн. 8, лл. 580—580 об.
[24] Там же, лл. 457—458.
[25] Там же, л. 475.

посольством Темеша, и того государь, Темеша в Крыму не знают и имене ему не ведают, и в том бог волен да ты государь, опалу ли или казнь на меня, на своего холопа, учинишь, а мне, государь, противу того Исламова посла Темеша не мочно ити»[26].

В 1530-е годы Сулешевы извещают московское правительство о походах крымцев на Литовскую землю, приписывая это своему «совету», о распрях между Гиреями, передают речи в ханской «думе» русским послам (а мы «послу уверились»)[27], посылают об этом грамоты в Москву. Гонцы хана в Москву нередко одновременно были и гонцами главы «московской партии» и служили живой связью между московским правительством и его «доброхотами» в Крыму. За свою службу Сулешевы просят особых поминок. «И в чом к хандикеревым воротам (т. е. к султану.— *С. Ш.*) итти, такову бы еси шубу прислал мне однолично»,— писал Ивану IV Салимша; «шубу, какову при царе пригоже носити»,— просил также Сулеш[28].

Салимша пишет, что они послали в Москву к Ивану IV парубка «твоего здоровья отведати и своего холопства объявити с легким поминком с тяжелым поклоном, как своим жалованьем не оскудишь»[29].

Тагалды выпрашивает поминки еще откровеннее: «И ныне только меня собе слугою назовешь, дай моему слуге 1000 алтын»; в той же грамоте он просит и соболью шубу и подарки на приданое дочери[30].

Сообщая в октябре 1536 г. через особого гонца о нападении крымских татар на земли польского короля, Сулеш подчеркивает наследственность своей «службы» московскому великому князю: «Наперед того, как тобе наши отцы и дяди служили, и мы, холопи твои, потому же тобе служити хотим». При этом Сулеш выпрашивает подарки не только для себя, но и для других доброхотов Москвы, объясняя: «И тот с нами в одной роте и шерти, так бы еси ведал»[31].

В Москве отмечают службу Сулешевых, и в наказах послам и гонцам мы обычно встречаем особые «речи» к Сулешевым, а иногда и указание на поминки. Так, например, В. С. Левашеву, отправленному в Крым в январе 1533 г., поручалось от имени Василия III «поклониться» Салимше, передать «легкие поминки» и обещать: «Вперед жаловати хотим великим жалованьем и убытки ваши сполним вам своим жа-

[26] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 9, лл. 115 об. — 116.
[27] Там же, л. 152.
[28] Там же, лл. 153 об.— 154 об.
[29] Там же, л. 153 об.
[30] Там же, лл. 152 об.— 153.
[31] Там же, лл. 401 об.— 402.

лованьем». «Те же речи молвити» послу велено было и некоторым другим вельможам, однако выделен наказ именно Салимше [32].

Содержание шертной записи Сулешевых попадает даже в летопись. Отмечается, что в августе 1540 г. Сулеш, будучи послом в Москве, «дал правду» великому князю и по согласованию с ним Салимша и Тагалды пришли «на великого князя Украину», где встретились в Путивле с особым царским гонцом, отправленным туда «по Сулешеву челобитью и шертной грамоте». Там они «правду великому князю дали, что им, живучи в Крыму, служити великому князю прямо и добра хотети». И лишь вслед за этим Тагалды, назначенный уже прежде «большим послом» к великому князю, направился в Москву [33].

В случае смерти кого-либо из Сулешевых поминки, ему предназначавшиеся, посылались его родственникам — новому главе рода или детям. Так, Аппак, сообщая в Москву о смерти Магмедши, просил «пожаловати жалованьем» его детей. Из Москвы отвечали (1515 г.): «И мы, как наперед того к Магметше князю свое жалованье держали, так и ныне к детям к его хотим свое жалованье держати» [34].

В Посольских делах сохранились любопытные документы, связанные со смертью Салимши и извещением об этом событии других Сулешевых. Салимша, «большой посол» хана, скончался в Москве. Перед смертью он напомнил великому князю (через казначея) о верной службе своих родственников и просил впредь их «жаловати и беречи». 13 августа 1545 г., когда «приговорили» послать к хану с грамотами казаков, решено было через П. В. Борисова, московского посла в Крыму, задержанного там ханом, передать грамоты и родственникам Салимши — братьям Тагалды и Сулешу и сыну Аминьше.

В грамотах братьям Салимши высказывается пожелание «жаловати и беречи их, по тому ж», как московские государи берегли их отцов и дядей и как их самих «жаловали наперед сего». «Да и свыше того ныне вас хотим жаловати,— добавляет великий князь,— поминая к себе прямую службу, и вы б вперед нам служили прямо, как есте нам служили наперед сего». Грамоты Сулешу и Тагалды — это документы, подтверждающие продолжение их службы московскому великому князю и после смерти главы рода. Характерно, что в грамотах сразу же дается и поручение: помочь отправленным в Крым казакам в выполнении их задания («и вы б дела

[32] Там же, кн. 7, лл. 20—20 об.
[33] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 453—454.
[34] Сб. РИО, т. 95, стр. 183.

нашего берегли, как будет пригоже») [35]. Сулеш, как выясняется дальше, вел от имени хана переговоры с послом и прибывшими казаками и сопровождал посла на прием к хану [36].

Молодому и, видимо, еще недостаточно влиятельному сыну Салимши не давалось никаких поручений; ему лишь обещали, «поминая прямую службу отца», «жаловати и беречи, по тому ж, как жаловали отца», и призывали его следовать примеру отца и дядей («а ты б нам служил по тому, как нам служил отець твой Салимша князь и как ныне служат дяди твои Тагалды мирза и Сулеш мирза») [37].

Грамота эта представляет собой как бы договорное обязательство. Можно полагать, что такого типа служебные записи выдавались и другим Сулешевым, когда они достигали определенного возраста и начинали «служить» великому князю.

В особом письме к московскому послу указывалось, что по прибытии казаков он должен пригласить к себе родственников Салимши, дать им «грамоты великого князя перед собою» и от имени великого князя («от нас молвил бы») передать содержание грамот. Посол впоследствии доносил в Москву, что родственники Салимши были у него на подворье, что он им говорил речь «по государевой грамоте» и лишь после этого отдал им присланные грамоты [38].

«Служба» Сулешевых Москве продолжалась и в последующие годы «розмирья». Именно «человек» Сулешева был прислан ханом Девлет-Гиреем в Москву в октябре 1555 г. просить «розмена» послов для заключения мира. Он же привез от Сулеша письмо Ивану IV с просьбой «прошлово не поминати» и от имени Сулеша обратился к руководителю Посольского приказа И. М. Висковатому, «чтобы промежь государей добра похотел» [39]. В свою очередь первому после долгого перерыва московскому послу в Крыму Аф. Нагому (1563 г.) наказывали по прибытии в Бахчисарай прежде всего встретиться с Сулешом, передать ему «государевы поминки» и грамоты, постараться узнать у него о внутреннем и международном положении ханства, «сокровенно сказать» о цели своей миссии. Если бы Сулеш не решился открыто встретиться с послом, свидание должно было произойти «тайно» [40].

Нагому предписывалось напомнить Сулешу о наследственной службе Сулешевых русским государям и отметить, что царь высоко ценит и помнит их услуги. Нагой должен был ска-

---

[35] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 9, лл. 1—8 об.
[36] Там же, лл. 10, 25.
[37] Там же, лл. 9—9 об.
[38] Там же, лл. 10—11.
[39] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 565.
[40] ЦГАДА, Дела Крымские, кн. 10, л. 129 и сл.

зать: «Нам государские очи лучалось видати, и от ближних его государских (т. е. Ивана IV.— *С. Ш.*) людей слыхал есмя, а изретка случалось и от самого государя слыхати, что дядя твой Халиль князь и Аппак и отец твой Магметша князь деду государя нашего и отцу государя нашего служили, з дедом государя вашего с Минли Гиреем царем в дружбе держали, так же и брат твой Салимша князь и Тагалды мирза и ты, Сулеш князь, государю нашему службу чинили и государя нашего с своими государи крымскими цари в дружбу сводили»[41]. Характерно выделение того факта, что Грозный сам говорил об этом. Тем самым подчеркивалась и личная заинтересованность царя в службе Сулешевых, и высокая ее оценка, и одновременно близость Нагого к царю, позволяющая Сулешу откровенно беседовать с послом о «тайных делах».

Сулеш, ставший к тому времени, видимо, уже владетелем Яшловского бейлика, был достаточно осведомлен о положении дел в Российском государстве. У Сулеша, наблюдавшего московский двор в пору острой борьбы группировок Шуйских и Бельских, несомненно, накопилось и много личных впечатлений о Руси. Этим, очевидно, и объясняется исключительная подробность наказа Аф. Нагому, предусматривающая необходимость отвечать на разнообразнейшие вопросы Сулеша о внутренней и внешней политике Российского государства.

Таким образом, амиятство было важной формой дипломатических отношений Российского государства с Крымским ханством и другими восточными юртами.

Материалы Посольских книг и летописные известия показывают, что деятельность амиятов московского великого князя Сулешевых была многообразной и имела большое значение в истории русско-крымских отношений второй четверти XVI в.

* * *

Cette communication, fondée sur l'étude des documents tirés des livres des ambassades de Crimée, caractérise l'activité des «amiates» (ce qui, en traduction littérale, signifie «amis») du gouvernement russe des Souléchev, grands féodaux de Crimée du XVI-e siècle. L'auteur montre également les procédés employés par la diplomatie de Moscou pour gagner à l'Etat russe une partie des féodaux de Crimée et pour obtenir les renseignements nécessaires sur la situation dans le khanat de Crimée. Les amiates jouèrent un rôle considérable dans les relations entre l'Etat russe et les khanats tatares du milieu du XVI-e siècle.

---

[41] Там же, *лл.* 74 об.— 75.

И. П. Шаскольский

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1554 г. И ВОПРОС О ЛИВОНСКОЙ ДАНИ

В существующей историографии при освещении дипломатической борьбы России и Ливонии перед Ливонской войной наибольшее внимание справедливо уделялось русско-ливонским переговорам 1554 г. Эти переговоры давно уже совершенно правильно считались самым важным узловым моментом в ряду событий, приведших к войне. Во время переговоров 1554 г. правительство Ивана Грозного впервые за время русско-ливонских сношений середины XVI в. предъявило Ливонии далеко идущие политические требования.

Обычно в литературе считается, что выдвижение этих требований Иваном Грозным в 1554 г. было задумано как дипломатическая подготовка войны и что русское правительство в своих требованиях к Ливонии лишь искало благовидный предлог для начала завоевания прибалтийских земель. Как мы далее постараемся показать, эта точка зрения ошибочна. Иван Грозный, конечно, понимал, что предпринимаемое им дипломатическое наступление на Ливонию может кончиться войной [1]. Но, как правильно заметил С. В. Бахрушин, во время переговоров 1554 г. и при заключении договора с Ливонией была сделана попытка добиться решения поставленных задач мирным, дипломатическим путем [2], т. е. без войны.

---

[1] Об этом свидетельствуют специальные приготовления на случай войны, предпринимавшиеся Грозным с 1554 г. См. Хронику Ф. Ниенштедта. «Прибалтийский сборник», т. IV. Рига, 1883, стр. 8—9. Впрочем, как справедливо полагает Х. Х. Круус [H. Kruus. Vene-Liivi Sõda (1558—1561). Tartu, 1924, lk. 20], эти приготовления были предназначены не столько для войны с Ливонией, сколько для действительно подготовлявшейся тогда и вскоре вспыхнувшей войны против Швеции (1554—1557 гг.).

[2] «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 201 (глава написана С. В. Бахрушиным); 2-е изд., т. I. М., 1959, стр. 266.

Достаточно хорошо известны общие причины, по которым Русское государство в середине XVI в. начало борьбу за овладение широким выходом к Балтике. Прибалтийские города-порты играли в то время исключительно важную роль во внешней торговле и внешних сношениях России; более того, по сути дела, Нарва, Таллин и Рига в значительной мере уже являлись внешнеторговыми портами России, поскольку основная масса проходивших через них товаров шла транзитом из России или в Россию. Постоянно враждебная политика правящих немецких кругов Ливонии, их попытка закрыть прибалтийские гавани для русской торговли и организовать блокаду России делали русско-ливонский конфликт неизбежным [3].

Поводом для дипломатического наступления на Ливонию был избран вопрос о ливонской дани, т. е. о существовавшем с давних пор обязательстве Юрьевской (Дерптской, Тартуской) области платить ежегодную дань русским князьям [4]; фактически эта дань в течение длительного времени уже не уплачивалась. Выдвигая перед Ливонией требование возобновить уплату дани, русское правительство стало трактовать

---

[3] Мы здесь не касаемся других причин, также стимулировавших начатую в 1554—1558 гг. борьбу Русского государства за прибалтийские земли; об этих причинах достаточно говорилось в литературе последних лет: Я. Я. Зутис. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. ИАН, серия истории и философии, 1952, т. 9, № 2, стр. 133—143; И. И. Полосин. Из истории блокады Русского государства. «Материалы по истории СССР», т. II, 1955, стр. 249—271 и др. См. также вышедшие недавно две общие работы о Ливонской войне: J. Zutis. Livonijas karš (1558—1582). Rigā, 1949; В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954 (обе работы носят в значительной мере научно-популярный характер). Нужно отметить, что за рубежом в последние годы вышли две монографии, посвященные одной теме — экономическим предпосылкам Ливонской войны: A. Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik (1558—1595). Lund, 1944; S. Svensson. Den merkantila backgrunden till Russlands anfall på den livländska ordensstaten 1558. En studie till den ryska imperialismens uppkomsthistoria. Lund, 1951. О них см. обстоятельную рецензию Х. Х. Крууса (ВИ, 1958, № 1, стр. 177—182) и статью того же автора: «Балтийский вопрос в XVI веке в зарубежной исторической литературе» (ВИ, 1959, № 6, стр. 109—114). Предыстории Ливонской войны посвящена и часть книги американского историка У. Кирхнера (W. Kirchner. The Rise of the Baltic Question. Newark, 1954); критика реакционных концепций этой книги дается в статье Х. Х. Крууса «Балтийский вопрос...» (стр. 114—119). Предпосылки русско-ливонского конфликта исследуются и в общей монографии о Ливонской войне — в книге Х. Х. Крууса (H. Kruus. Op. cit.; изданная на эстонском языке, она почему-то остается до сих пор вне поля зрения наших историков).

[4] Происхождение ливонской (дерптской) дани с давних пор является загадкой; см. И. Юрьенс. Вопрос о ливонской дани. «Варшавские университетские известия», 1913, вып. VI, стр. 1—8; вып. VII, стр. 9—16; вып. VIII, стр. 17—32; вып. IX, стр. 33—57; C. v. Stern. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558. Riga, 1936.

эту дань как символ своих верховных прав на ливонскую землю. Согласие ливонских властей платить дань должно было привести к подчинению Ливонии политическому влиянию Русского государства и создать условия для разрешения всех других спорных вопросов — о портах, провозе товаров и т. д.

Ливонская дань оказалась главной темой во время переговоров 1554 г. Исследуя ход переговоров и аргументацию русской стороны, мы имеем возможность с большой полнотой изучить политическую линию правительства Ивана Грозного в тот момент, когда оно начинало борьбу за Прибалтику [5].

В обширной исторической литературе по истории Прибалтики вопросы предыстории Ливонской войны, в частности русско-ливонские переговоры 1554 г., затрагивались в той или иной мере многими авторами. В дореволюционной историографии наибольшее внимание переговорам 1554 г. уделили А. Рихтер, Н. И. Костомаров, Э. Серафим, И. Юрьенс [6]. Однако и эти авторы не дали основательного исследования хода и результатов переговоров, а ограничились кратким изложением событий.

Переговоры 1554 г. освещаются, к счастью, весьма подробно несколькими вполне достоверными источниками; сохранились обстоятельные описания переговоров, составленные их современниками — Ниенштедтом [7] и Руссовым [8]. Ниенштедт был видным дерптским купцом и лично участвовал в подготовке посольства 1554 г. (он был послан в Москву, чтобы получить разрешение царя на приезд ливонских послов), так что мог иметь сведения непосредственно от дерптских послов, участвовавших в переговорах; его хроника содержит особенно ценный материал по интересующему нас вопросу. Автор

---

[5] При этом в задачу настоящей статьи не входит общее исследование всего хода переговоров 1554 г.; здесь будет подвергнут изучению лишь один, главный, вопрос этих переговоров — вопрос о дани, а остальные вопросы будут затрагиваться лишь попутно и в той мере, в какой это нужно для исследования поставленной темы.

[6] A. von Richter. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben, I. Theil, Bd. 2. Riga, 1858, S. 320—322; Н. И. Костомаров. Ливонская война. СПб., 1864, стр. 12—17; E. Seraphim. Livländische Geschichte von der «Aufsegelung» der Lande bis zur Einverleibung in das russische Reich, 2. Aufl., Bd. I. Reval, 1897, S. 404—406; И. Юрьенс. Указ. соч., стр. 42—47.

[7] MLA, II. Riga, 1839, p. 43—45 (перевод см.: «Прибалтийский сборник», т. IV, стр. 7—10).

[8] SRL, II. Riga — Leipzig, 1853, p. 52 (перевод см. «Прибалтийский сборник», т. II, 1879, стр. 339—340).

другого описания, таллинский пастор Бальтазар Руссов, был современником события, но собрал сведения о переговорах, скорее всего, из вторых рук (его описание содержит меньше точных подробностей, вероятно, потому, что представители Таллина в переговорах 1554 г. не участвовали и Руссов не мог получить сведений от прямых свидетелей). Интересные, хотя и краткие, сведения содержат русские летописи — Львовская, Никоновская, Псковская I и другие.

Особенно важно, что сохранился официальный отчет ливонского посольства о ходе переговоров; отчет был найден в Копенгагене Ю. Н. Щербачевым и издан в его последней большой публикации документов Копенгагенского архива, относящихся к истории России[9]. Этот ценнейший исторический документ был составлен непосредственными участниками переговоров[10] и потому содержит более достоверное и несравненно более подробное их описание. Поскольку историкам XIX — начала XX в. данный источник был не известен, содержащееся в их работах исследование хода переговоров 1554 г. во многом уже устарело[11]. К сожалению, за 40 с лишним лет, прошедших со времени опубликования Щербачевым этого документа, никто из ученых также не привлекал его к исследованию событий 1554 г.

К числу ценных источников нужно отнести и полностью сохранившийся текст русско-ливонского соглашения, заключенного в результате переговоров 1554 г.[12]

Имеющиеся в нашем распоряжении источники в своей совокупности позволяют достаточно полно проследить ход переговоров и выяснить политическую линию русского правительства.

В последнее время в нашей исторической литературе обычно считалось, что переговоры 1554 г. были вызваны истечением срока 50-летнего перемирия, заключенного в 1503 г.

---

[9] Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, т. I. М., 1915, № 20, стр. 23—38.

[10] Никаких изысканий по поводу данного источника пока не производилось. Но из текста отчета очевидно, что он составлялся самими членами посольства, вероятно даже, на основе каких-то ежедневных протокольных записей о ходе переговоров. Поскольку в нескольких местах документа содержатся выражения «мы, дерптцы» («wir, derbtschen» — на стр. 31, 32, 35), дерптского епископа называют в первых строках документа «наш милостивый князь и государь» и рядом упоминаются «другие государи Лифляндии» (в смысле «не наши властители»), можно заключить, что отчет был составлен послами Дерптского епископства.

[11] Единственным исключением является прибалтийско-немецкий историк Э. Серафим, ознакомившийся с этим документом более чем за 20 лет до его публикации Ю. Н. Щербачевым и изложивший вкратце его содержание (E. Seraphim. Op. cit., S. 404—406).

[12] ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. № 11, 12, 13.

Иваном III с ливонским магистром Плеттенбергом. С этим будто бы установленным в 1503 г. 50-летним перемирием связывался и вопрос о дани. Многими авторами ошибочно считалось, что взимание русскими князьями дани с Дерптской области было установлено в 1503 г. после войны Ивана III с Ливонией и требование дани вновь было выдвинуто Россией в 1554 г., когда истек срок договора 1503 г. [13] В действительности никакого 50-летнего перемирия не существовало. В 1503 г. перемирие Русского государства с Ливонией было заключено всего на шесть лет и затем возобновлялось в 1509, 1514, 1521, 1531, 1534 и 1550 гг.; переговоры 1554 г. были вызваны истечением срока соглашения 1550 г. [14]

Соответственно и постановка в 1554 г. русским правительством вопроса о дани никак не связана с якобы окончившимся сроком перемирия 1503 г. В действительности обязательство Дерптской области платить дань русским князьям упоминалось впервые в дошедших до нас источниках еще в 1463 г. (притом как уже давно существующее явление) [15], а затем регулярно повторялось в договорах Дерптского епископства с Псковом конца XV — первой половины XVI в. Правда, в большинстве опубликованных русско-ливонских соглашений XV—XVI вв. [16] этого обязательства нет [17]. Однако нужно иметь

---

[13] «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века», под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, т. I. М., 1947, стр. 271, 325; «История дипломатии», т. I, 1-е изд., стр. 200—201; 2-е изд., стр. 264, 266; «История Латвийской ССР», т. I. Рига, 1954, стр. 143, 159; Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М., 1944, стр. 47; С. В. Бахрушин. Иван Грозный. «Научные труды», т. II. М., 1954, стр. 281 и др.; с истечением срока перемирия 1503 г. связываются переговоры 1554 г. и в «Очерках истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.» (М., 1955, стр. 372).

[14] Ученая легенда о 50-летнем перемирии основана, по-видимому, на содержащемся в хронике Ниенштедта (стр. 9) при описании переговоров 1554 г. неточном определении договорной грамоты Ивана III с магистром Плеттенбергом 1503 г. (у Ниенштедта ошибочно: 1502 г.) как «последней», т. е. последней по времени перед 1554 г. На самом деле в 1554 г. кончился не официальный срок перемирия, а фактически продолжавшийся 50 лет мир (мирное состояние, мирные отношения) между Ливонией и Россией, и начался русско-ливонский конфликт, вылившийся через четыре года в открытую войну.

[15] «Псковские летописи», под ред. А. Н. Насонова, вып. 2. М., 1955, стр. 155—156.

[16] «Книга посольская метрики литовской», т. II. М., 1843, договоры 1509 и 1521 гг. (документы № 70 и 69); АЗР, т. I, договоры 1481 и 1493 г. (документы № 75 и 112); MLA, V. 1847, договор 1554 г. (документ № 184); РЛА, договоры 1509, 1514, 1521, 1531, 1550 гг. (документы № 306, 307, 331, 369, 377, 380); СГГД, т. V, договоры 1514, 1521, 1531 гг. (документы № 65, 95, 105, 106).

[17] На что специально указывают Юрьенс (указ. соч., стр. 41—42), Рихтер (Op. cit., S. 320) и Круус (Op. cit., lk. 146—147).

в виду, что в соответствии с практикой, сложившейся еще в XV в., во времена самостоятельности Новгорода и Пскова, каждый раз при заключении русско-ливонского соглашения составлялся не один общий трактат, а три (обычно одновременно заключаемых и взаимно связанных) договора: между всей Ливонией и Новгородом, всей Ливонией и Псковом и отдельно между Псковом и Дерптским епископством.

Этого обстоятельства обычно не учитывали исследователи, занимавшиеся русско-ливонскими отношениями XV — первой половины XVI в. и с той или иной целью рассматривавшие сохранившиеся до наших дней тексты договоров Руси с Ливонией. Для того чтобы всесторонне изучить каждое соглашение Руси с Ливонией XV—XVI вв., надо было бы иметь в распоряжении все три договора. Но в большинстве случаев от соглашений сохранились не все тексты, так что их содержание в значительной части остается неизвестным. С этим связано и вводившее многих исследователей в заблуждение отсутствие в большинстве сохранившихся русско-ливонских договоров упоминаний о дерптской дани. Среди известных нам текстов русско-ливонских договоров имеются всего четыре договора Пскова с Дерптским епископством — 1474 [18], 1509 [19], 1550 [20] и 1554 гг. [21]; естественно, что только в этих четырех договорах содержится обязательство Дерптского епископства платить дань Пскову, являвшееся одной из форм отношений между Дерптской областью и Псковом. Подобное обязательство, как можно полагать, содержалось и во всех остальных договорах Пскова с Дерптом. По данным дерптского архива XVI в., это обязательство значилось также в договорах 1493, 1531 и 1534 гг. [22], тексты которых до нас не дошли; во всех других сохранившихся русско-ливонских договорах, заключенных Ливонией с Новгородом или Ливонией с Псковом, этот пункт значиться не мог.

Судя по сохранившимся сведениям о всех русско-ливонских переговорах с середины XV в. до 1550 г., вопрос о включении в договор пункта о дани с Дерптской области ни разу до 1554 г. не вызывал острых споров и конфликтов. Этот пункт, видимо, без особых возражений переписывался из каждого предшествующего в последующий договор, и в сохранившихся текстах соглашений Дерпта с Псковом 1474, 1509 и 1550 гг.

---

[18] ГВНП, № 78.
[19] «Книга посольская метрики литовской», т. II, № 70.
[20] ЦГАДА, ф. 61, оп. 2, д. № 9.
[21] Там же, ф. 61, оп. 2, д. № 13.
[22] F. K. Gadebusch. Livländische Jahrbücher. I. Theil, letzter Abschnitt. Riga, 1780, S. 432.

пункт о дани совпадает почти дословно [23]. Видимо (во всяком случае в первой половине XVI в.), обе стороны до 1554 г. не придавали этому пункту особого значения.

Правда, в русско-ливонских договорах первой половины XVI в. совпадал не только данный пункт, но и вообще почти весь текст соглашения (с очень немногими исключениями и частностями), ибо договоры каждый раз возобновлялись, видимо, путем переписывания одного и того же формуляра. Существовал сложившийся текст (формуляр) для договоров Ливонии с Новгородом, другой формуляр (не тождественный первому) для договоров Ливонии с Псковом и третий (тоже совсем самостоятельный) для договоров Дерпта с Псковом. Каждый раз при заключении русско-ливонского соглашения составлялись три отдельных договора по этим трем формулярам. Чтобы установить, что нового внесли в сложившуюся систему русско-ливонских отношений переговоры 1554 г., нужно прежде всего сличить текст договора 1554 г. с текстом предшествующего договора 1550 г. [24] Сразу бросается в глаза, что при почти полном дословном совпадении текстов договора 1554 г. с договором 1550 г. (а следовательно, и с текстами более ранних соглашений) [25] один пункт в соглашении 1554 г. сформулирован совершенно по-новому, занял значительно большее место в тексте и включен, кроме договора Дерпта с Псковом, еще и в общий договор Ливонии с Новгородом и Псковом, чего ранее никогда не бывало. Это — пункт о дани с Дерптской области. Значит, именно и только этот вопрос в ходе переговоров был поставлен совершенно по-новому, а остальные вопросы русско-ливонских отношений, видимо, рассматривались во время переговоров в основном в прежней плоскости.

Таким образом, в 1554 г. произошло — впервые за несколько десятилетий — резкое изменение в политике Русского государства в отношении Ливонии, выразившееся в новой постановке вопроса о дерптской дани. Эта перемена в политике, осо-

---

[23] В договоре 1509 г.: «А дань благовернаго господара, цара руского, и старые залоги — и то честному бискупу Юрьевъскому давать по старине, по крестному целованью»; в договоре 1550 г.: «а дань благоверного великого государя, царя рускаго, и старые залоги — и то честному бископу Юрьевскому давати по старине, по крестному целованью». В более раннем договоре 1474 г. этот пункт содержит те же выражения, но в несколько более пространной форме.

[24] Такое сличение до сих пор не производилось, ибо тексты договоров 1550 и 1554 гг. (за исключением немецких текстов договора Ливонии с Псковом 1550 г. и договора Ливонии с Новгородом и Псковом 1554 г.) еще не опубликованы и практически до сих пор не изучались ни русскими, ни прибалтийскими исследователями.

[25] С некоторыми небольшими, главным образом редакционными, изменениями.

бенно заметная при сравнении с весьма мирно проведенными переговорами 1550 г. [26], была обусловлена изменением внешнеполитического положения Русского государства в начале 50-х годов XVI в. До 1552 г. правительство Ивана Грозного было занято решением проблемы безопасности восточных границ государства; поэтому во время переговоров с Ливонией 1550 г. вопрос о Балтийском побережье всерьез ставиться еще не мог. Но после завоевания Казани, когда проблема Волги и безопасности восточных окраин России была уже в основном решена, оно сочло возможным начать борьбу за обеспечение свободного выхода к Балтике [27]. И тогда приезд ливонских послов для очередных переговоров о продлении перемирия оказался весьма кстати.

Решение об отправке посольства в Москву для продления перемирия на новый срок было принято ливонским сеймом в Вольмаре в январе 1554 г. [28] В состав посольства вошли послы ливонского магистра (выступавшие от его имени и от имени всех других владетельных князей и городов Ливонии, кроме дерптского епископа) Иоганн Боккорст и Отто фон Гротхузен, а также послы дерптского епископа Вольдемар Врангель и Дидерик Кавер. Прибыв в Москву, 28 апреля 1554 г. ливонские послы начали переговоры с правительством Ивана Грозного.

С русской стороны переговоры с самого начала стали вести руководители Посольского приказа Алексей Федорович Адашев и дьяк Иван Михайлович Висковатый [29].

---

[26] О ходе этих переговоров см. Хронику Б. Грефенталя (MLA, V, p. 113).

[27] Как будет показано ниже, в ходе переговоров 1554 г. выступавший от имени русского правительства И. М. Висковатый открыто поставил в связь со взятием Казани изменение русской политики по отношению к Ливонии.

[28] Решение сейма от 17 января 1554 г., содержащее инструкцию ливонским послам (MLA, V, № 183). Согласно инструкции, послы должны были добиваться продления перемирия на 30 лет. Возможность каких-либо осложнений по вопросу о дерптской дани инструкцией не предусмотрена.

[29] Они же, кстати, вели и все дальнейшие переговоры с ливонскими послами и в последние предвоенные годы, и в начале Ливонской войны. В этой связи хочется присоединиться к мнению Г. А. Новицкого («Русское государство в борьбе за Балтику в XVI в.» М., 1945, стр. 6—7), который протестовал против принятого обычно излишне упрощенного понимания внешнеполитической линии Адашева (и всей Избранной рады) как стремления вести активную политику не против Ливонии, а только против Крыма (вопреки желанию Ивана IV обратить все внимание на Ливонию). При данной трактовке не учитывается, что активная политика Русского государства по отношению к Ливонии накануне Ливонской войны непосредственно осуществлялась (и притом с большой энергией и талантом) не кем

Русские дипломаты тщательно подготовились к переговорам и выступали во всеоружии [30].

С самого начала переговоров русские представители в качестве основного условия для заключения нового перемирия потребовали от ливонцев возобновить уплату дани с Дерптской области в соответствии с прежними соглашениями; от ливонцев потребовали также возместить накопившуюся за прошлые годы недоимку по платежу дани [31]. С этого момента и до начала военных действий вопрос о дани оказался главным пунктом дипломатической борьбы между Ливонией и Россией.

Ливонских послов это требование застигло врасплох; никаких указаний от своих властей на случай выдвижения подобного требования с русской стороны послы не имели [32]. Тогда ливонские представители сделали вид, что они «не знают, про какую дань идет речь, ибо в своих старых писаниях они ничего не находили, из чего бы следовало, что великому князю платилась какая-либо дань» [33]. По словам послов, «во всей Ливонии не найдется человека, хотя бы и двухсот лет от роду, который знал бы что-либо об этой дани» [34]. И, считая свой ответ достаточно убедительным, ливонские послы стали просить про-

---

ным, как Адашевым, который играл важную роль во всех переговорах с Ливонией в 1554—1558 гг. Вопрос о внешнеполитической линии Избранной рады требует, бесспорно, более серьезного изучения.

[30] И. И. Смирнов, давший в своей последней работе весьма обстоятельную и детальную характеристику правительственной деятельности Адашева и Висковатого («Очерки политической истории Русского государства 30-х — 50-х годов XVI в.». М.— Л., 1958, стр. 212—231 и 257—263), не остановился на их участии в этом исключительно важном событии внешнеполитической истории России XVI в.

[31] В описании переговоров 1554 г. в Львовской летописи сказано, что царь, направив к ливонским послам Адашева и Висковатого, «велел им говорити, что за много лет сь Юрьевские области даней его царских не платять, и гостей обидять, и церкви христианские и концы Рузские освоили» и т. д. Здесь ясно видно, что вопрос о неуплате дани с самого начала был поставлен царем на первое и главное место среди требований, предъявленных Ливонии (см. ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 547). Ср. в Хронике Ниенштедта: «...великий князь дал понять, что он до сих пор с большим терпением ждал этой дани, а теперь видит, что магистр и все ливонцы мало признают ее, потому он (великий князь) и не согласится на продолжение перемирия и не даст крестовой грамоты, пока дань по силе договоров не будет признана и заплачена ему ливонцами» (стр. 9); ср. также Отчет о переговорах 1554 г. (в кн.: Ю. Н. Щербачев. Указ. соч., стр. 25); Хроника Руссова, стр. 339.

[32] «Послы не знали, что им отвечать на это» (Хроника Ниенштедта стр. 9). На отсутствие инструкций по поводу дани послы неоднократно ссылались во время переговоров. (Отчет о переговорах 1554 г., стр. 31, 32, 35, 36, 38).

[33] Хроника Ниенштедта, стр. 9; ср. Отчет о переговорах 1554 г., стр. 31

[34] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 26.

должить перемирие на старых условиях, т. е. без уплаты дани [35].

В действительности, послы были прекрасно осведомлены о том, что дань ранее существовала, ибо как нам уже известно, пункт о дани был включен в предшествующий договор о перемирии 1550 г., и послы, отправляясь в 1554 г. для заключения нового договора, конечно, должны были хорошо знать и иметь с собой текст предшествующего соглашения; кроме того, один из послов, Отто фон Гротхузен, лично участвовал ранее в переговорах 1550 г. Послы были правы только в одном отношении: дань действительно уже очень давно фактически не уплачивалась.

В ответ на заявление ливонских послов русские представители выдвинули стройную политическую концепцию, обосновывающую права России на ливонские земли. По сообщению Ниенштедта, русский представитель [36] сказал: «Как это послы не хотят знать, что их предки пришли в Ливонию из-за моря и, следовательно, вторглись в его (т. е. русского государя.— *И. Ш.*) землю, из-за чего много крови проливалось; чтобы избежать этого, его [государя] предки много сотен лет тому назад позволили им [немцам] остаться в стране, но с условием, что они должны будут им платить законную дань; однако они [немцы] поступили вопреки данному ими обещанию и этого не делали, зато теперь они должны явиться с полной суммой дани за прошлые времена» [37].

В этой речи содержалась уже продуманная политическая теория, на основе которой Иван Грозный начинал борьбу за обладание Прибалтикой. Согласно этой теории, Ливония — исконное владение Русского государства, немцы-завоеватели являются лишь временными хозяевами, они были допущены в

---

[35] Хроника Ниенштедта, стр. 9.

[36] Ниенштедт приписывает эту речь самому «великому князю» (Ивану IV), но Грозный в действительности не участвовал в переговорах. Произнес ли на самом деле эту речь Адашев (как полагает Е. В. Чешихин в примечании к публикуемому им переводу хроники Ниенштедта, стр. 9) или Висковатый, установить по нашим источникам невозможно.

[37] MLA, II, p. 44. Даем это место в нашем переводе с оригинала, так как переводы этого очень важного текста, сделанные Е. В. Чешихиным («Прибалтийский сборник», т. II, стр. 9—10), Н. И. Костомаровым (указ. соч., стр. 13) и С. М. Соловьевым («История России с древнейших времен», кн. III, т. 6. М., 1960, стр. 500), особенно последние два, весьма вольно передают подлинник. Ниенштедт излагает эту речь, вероятно, на основе слышанного им рассказа одного из участников посольства; сам по себе цитированный текст создает впечатление довольно точной передачи подлинной речи. Достоверность изложения Ниенштедтом данной речи подтверждается тем обстоятельством, что правительство Ивана Грозного впоследствии неоднократно использовало ту же аргументацию для обоснования своих прав на Ливонию.

Ливонию по милости русских государей; дерптская дань, существовавшая со времени немецкого завоевания, является символом верховных прав Русского государства на Ливонскую землю. Требуя возобновления уплаты дани, Русское государство подымает вопрос о своих законных правах на Ливонию.

Ливонские послы, понимая остроту создавшейся обстановки, стали и дальше твердо придерживаться тактики отрицания; согласие платить дань в этот момент было бы в известном смысле признанием Ливонией ее зависимости от России [38]. Поэтому послы твердили, что ни в каких мирных договорах Ливонии с Россией о дани ничего не говорится [39], и настаивали, чтобы русские документально доказали правильность своих требований.

Московские дипломаты, предвидевшие необходимость основательно аргументировать свою политическую линию, имели уже к этому времени наготове веские и совершенно очевидные доказательства. Ливонским послам были предъявлены заранее извлеченные из Царского архива подлинные договорные грамоты Русского государства с Ливонией за предшествующее время, в том числе договор 1503 г. [40], в которых черным по белому были записаны пункты о дерптской дани [41]. «Можно ли

---

[38] С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 106.

[39] SRL, II, p. 47; ср. И. Юрьенс. Указ. соч., стр. 45.

[40] В Царском архиве (в архиве московских великих князей и царей и правительственных учреждений Русского государства конца XV—XVI в.) находилось большое количество документов русско-ливонских отношений. В сохранившейся описи Царского архива, относящейся в 1575—1584 гг., указаны 12 ящиков, содержащих документы (грамоты, материалы посольств) сношений Русского государства в XV—XVI вв. с Ливонией («Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 18, 21, 22, 27, 31—34; ящики 11, 29, 83, 90—93, 142, 151, 154, 166, 169, а также частично ящик 36). В частности, насколько можно судить по довольно глухим описаниям материалов, находившихся в упомянутых ящиках, в числе этих материалов были (в подлинниках) все русско-ливонские договоры, начиная с 80-х годов XV в. Значительная часть этих договоров и в последующие столетия продолжала находиться в московском архиве и сохранилась до наших дней (в фондах ЦГАДА). Но наиболее ранние русско-ливонские договорные грамоты, в том числе договор 1503 г. и, по-видимому, многие другие материалы русско-ливонских сношений, имевшиеся в Царском архиве (как можно предположить по его описи), до настоящего времени в подлинниках не уцелели; очевидно, они погибли в результате стихийных бедствий (сырость, пожары), от которых сильно страдали московские архивы в XVII в.

[41] Хроника Ниенштедта, стр. 9. Кстати говоря, Руссов при описании этих же переговоров подробно рассказывает, как ливонские послы долго и настойчиво старались убедить русских дипломатов, «что никак нельзя доказать, что дерптские жители были когда-либо данниками великого князя московского» (Хроника Руссова, стр. 339), однако умалчивает о том, что ливонским послам были предъявлены документальные доказательства — грамоты прежних лет с упоминаниями о дани. Тем самым Руссов в своей хронике создает у читателя впечатление, что русское требование дани

желать лучшего свидетельства,— сказал Висковатый,— чем договор, на котором дерптцы целовали крест и в котором упомянута дань?» [42].

Послы дерптского епископа пустили в ход новую дипломатическую уловку: они стали говорить, что дань если и упоминалась в прежних договорах, то лишь как почесть (herligkeit) царя, но не как обязанность (pflicht) платить ему что-либо [43].

Висковатый признал, что дань в прошлом действительно в течение 210 лет не платилась, но с 82-го года (6982 г. = 1474 г.) вновь стала включаться в договоры и ливонцы обещали, поклялись и целовали крест в том, что будут ее платить ежегодно, однако не платили; дань специально упоминалась и в недавно заключенном договоре (т. е. договоре 1550 г.), и великий князь сам ее хотел собрать, но ему тогда помешала борьба с его врагами в Казани. Царь надеялся, что послы на этот раз привезут ему дань [44].

Послы и дальше продолжали настаивать, что ныне правящий дерптский епископ «и их предки, которые заключали много [раз] мирные соглашения, понимали дань не иначе, как что она должна по старине со стороны дерптцев включаться в договор, но не должна подразумевать какой-либо конкретной обязанности» [45] и что в действительности дань никогда не уплачивалась [46].

с Дерптской области не имело никаких документальных оснований и носило характер чистого вымогательства. Ср. И. Юрьенс. Указ. соч., стр. 45—46.

[42] Далее Висковатый добавил: «И если чего-либо не хотят, то этот предмет не упоминают [в договоре] и не подтверждают клятвой...» (Отчет о переговорах 1554 г., стр. 32).

[43] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 31. И затем послы поясняют, что эта «почесть» равносильна тому, как когда «какой-либо князь или государь носит титул по имени одного места страны для почести и не имеет от этого [титула] ничего, кроме [почести]» (там же). Объяснение упоминаемой в договорах дани как простой почести давалось послами затем в ходе переговоров еще дважды (там же, стр. 32 и 35).

[44] Там же, стр. 31. В сокращенном виде этот текст излагает Э. Серафим (Op. cit., S. 404). Зафиксированное в приведенном тексте посольского отчета о переговорах заявление Висковатого, что дань не платилась в течение 210 лет, видимо, базировалось на каких-то сведениях, обнаруженных Висковатым в документах Царского архива (которыми он, как уже отмечалось, постоянно пользовался для обоснования своих требований во время переговоров 1554 г.). Однако ни в одном из сохранившихся русских источников подобных сведений нет; очевидно, Висковатый основывался на документах, не дошедших до наших дней. Приведенные Висковатым сведения о реальном существовании ливонской дани до указанного им 210-летнего срока, как и весь вопрос о происхождении этой дани, требуют дальнейших специальных изысканий.

[45] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 35.

[46] Это утверждение ливонских послов целиком приняли на веру и постоянно повторяли прибалтийско-немецкие историки. См. Fr. Bienemann. Aus baltischer Vorzeit. Leipzig, 1870, S. 101; Th. Schiemann. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert, Bd. II. Berlin, 1887, S. 286 u. a.

Опровергнуть это утверждение было нелегко, ибо, как это было, конечно, хорошо известно представителям обеих сторон, дань на самом деле на протяжении многих десятилетий фактически не платилась. Чтобы доказать правомерность, законность русских требований, Висковатому, очевидно, пришлось произвести специальные разыскания в Царском архиве, тщательно пересмотреть все имевшиеся там материалы о русско-ливонских отношениях XV—XVI вв. На основе проведенных разысканий русская сторона смогла на следующем заседании выдвинуть новый, еще более веский аргумент. Висковатый принес с собою книгу[47] и прочел послам, что в 982 г. (6982 г. = 1474 г.) в январе «lantbajar» Иоганн Меп и ратман Иоганн Бибер произвели уплату дани с Дерптской области за восемь прошедших лет[48]. Этот аргумент бесспорно свидетельствовал, что дань — не простая «почесть», что она, напротив, вполне реально уплачивалась еще в относительно недалеком прошлом (всего 80 лет назад)[49].

Тогда ливонские послы нашли новый дипломатический ход:

[47] Висковатый, очевидно, не мог найти в Царском архиве подлинника договора 1474 г.; хотя, как уже отмечалось, опубликованная опись Царского архива очень глухо говорит о содержании документов русско-ливонских отношений, из описи, по-видимому, можно заключить, что подлинной грамоты 1474 г. в архиве не имелось. Висковатый зачитал выдержку из договора по списку, содержащемуся в каком-то рукописном сборнике. В «Описи Царского архива XVI в. ...» (стр. 21—22), кроме грамот, в некоторых из названных ящиков (в 29-м и 36-м) упомянуты «книги», видимо, состоявшие из списков документов русско-ливонских отношений; «книги» могли охватывать документацию за значительно больший отрезок времени, могли включать в себя списки документов, уже не сохранившихся к середине XVI в. в подлиннике. Одним словом, есть все основания полагать, что Висковатый использовал в рассматриваемом случае одну из рукописных книг, хранившихся в 29-м и 36-м ящиках Царского архива. До наших дней договор 1474 г. дошел тоже только в списках (ГВНП, № 78). Однако список, которым пользовался Висковатый, не сохранился. Оба известных сейчас списка этого договора, использованные для указанной выше публикации, находятся в составе книг Литовской метрики, которые поступили в Москву вместе с фондом Литовской метрики лишь в XIX в.

[48] Отчет о переговорах 1554 г. (стр. 36). В договоре 1474 г. действительно говорится, что при его заключении «в тот час» должна быть отдана дань за восемь лет.

[49] Интересно, что живший в Риге шведский агент Бурвиц в своем письме к королю Густаву Васе от 19 февраля 1555 г., излагая собранные им сведения о переговорах 1554 г., указывает ту же цифру — 80 лет, в течение которых не уплачивалась русским дерптская дань [W. Westergaard Gustavus Vasa and Russia. «The Pacific Historical Review». Glendale (California), 1933, vol. II, № 2, p. 162; W. Kirchner. Op. cit., p. 96]. По-видимому, в правящих кругах немецкой Ливонии, у которых Бурвиц черпал свои сведения, к 1555 г. существовало представление о том, что дань с Дерптской области реально уплачивалась русским около 80 лет назад (возможно, правда, что представление о цифре в 80 лет возникло лишь по возвращении ливонского посольства из Москвы, когда стало известно об имеющихся в Москве подлинных документах, указывающих эту цифру).

они стали использовать то обстоятельство, что в прежних договорах не был обозначен размер дани, которую обязана была платить Дерптская область[50]. Ливонские послы стали настаивать, «что они в самом деле не знают, из чего состояла эта дань»[51]. В ответ русскими представителями был указан точный размер требуемой дани: по одной немецкой марке «с каждой головы» — с каждой души населения Дерптской области[52]. Послам было также заявлено (тем же Висковатым), что «хотя дед и отец великого князя некоторое время не требовали причитающейся им дани, однако они эту дань не подарили ливонцам»[53], т. е. дань должна быть уплачена вместе с накопившейся за прошлые годы недоимкой (что должно было составить значительную сумму)[54]. При этом известии, по

[50] И. Юрьенс. Указ. соч., стр. 48.

[51] Хроника Ниеншгедта (MLA, II, p. 44).

[52] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 31 и 36. Откуда взята эта цифра? В распоряжении русского правительства, по-видимому, были какие-то документальные сведения о некогда существовавшем размере дани. В дневнике ливонского посольства, приезжавшего для переговоров в Москву в конце 1557 г., сообщается, что в самом начале переговоров «канцлер» (И. М. Висковатый) обратился к ливонским послам и стал им напоминать о содержании переговоров 1554 г.: «...помните, как условлено было относительно пошлины и что по перемирной грамоте, как вы сами видели, с древних времен пошлины было 8 алтын, т. е. 24 деньги, лифляндской монетой 3 марки без 4 шиллингов с каждого человека Дерптской державы; но государь вел. князь пожаловал вас, ибо послы били челом, и повелел написать в перемирной грамоте — с каждой головы по немецкой марке, исключая духовенство и церковнослужителей» («Дневник Ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу». Сообщил А. А. Чумиков. «Чтения МОИДР», 1886, кн. IV, смесь, стр. 7). Таким образом, по словам Висковатого, во время переговоров 1554 г. ливонским послам предъявлялась какая-то старая грамота, где точно указывалось, в каком размере должна уплачиваться дань с каждой души населения Дерптской области. Правда, в сохранившихся текстах договорных грамот с Дерптским епископством размер дани не указывается; но до нас дошли далеко не все договорные грамоты и вполне возможно, что в XVI в. еще существовал подобный документ, где точно указывался размер дани. Вполне вероятно также, что ввиду необходимости требовать, кроме ежегодной дани, и недоимку, накопившуюся за прошлые годы, московское правительство по просьбе ливонских послов пошло на снижение требуемой дани до одной марки с «каждой головы»: ведь в данном случае важна была не величина дани, а самый факт возобновления платежа дани, имевший большое политическое значение.

Правда, ни в отчете о переговорах 1554 г., опубликованном Щербачевым, ни в других современных описаниях этих переговоров подобных сведений нет; но отсутствие точных данных о размере дани и о произведенном царем снижении этого размера в указанных источниках может быть объяснено их краткостью и неполнотой.

[53] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 36.

[54] О конкретной сумме требуемого платежа во время переговоров 1554 г. речь не заходила; подразумевалось, что размер ежегодной дани должен быть установлен в Дерпте в соответствии с имеющимися там сведениями о численности населения Дерптской области; поскольку таких сведений дерптские послы не должны были иметь с собой, вопрос о точной сумме

словам Ниенштедта, «у послов едва глаза изо лба не выскочили, и они решительно не знали, как тут быть»[55]. Просить об изменении размеров дани они не решились (ибо это означало бы, что они признают в принципе право Русского государства на дань и лишь торгуются из-за ее размеров)[56] и стали придерживаться прежней тактики проволочек.

Поведение ливонских послов стало вызывать все большее недовольство русских представителей и самого царя. Переговоры уже близились к завершению, но после всех приведенных Висковатым доказательств основательности русского требования дани ливонские послы не нашли ничего лучшего, как снова повторять, что они не имеют полномочий на решение этого вопроса и просят оставить все по-старому, т. е., просят русское правительство отказаться от своего требования. Тогда выведенный из себя Висковатый недвусмысленно заявил, что если послы и дальше не будут принимать поставленное условие, то царь сам пойдет за данью[57]. И послы отлично понимали, что это не пустая угроза: еще по пути в Москву они имели возможность убедиться, что от ливонского рубежа до самой столицы повсюду ведутся приготовления на случай войны[58].

К концу мая были уже разрешены все остальные вопросы,

ежегодного платежа в этот момент ставиться не мог. По-видимому, подразумевалось также, что и размер недоимки, накопившейся за прошлые годы, должен исчисляться в зависимости от этих же данных. Для правильного понимания изучаемых событий было бы, разумеется, очень важно установить, о какой общей сумме в данном случае шла речь. Однако точных сведений о численности населения Дерптской области для того времени не сохранилось; более того, по утверждению дерптских послов во время последующих переговоров 1557 г., таких данных не было вовсе у дерптских властей (E. Seraphim. Op. cit., S. 407). Ввиду отсутствия точных сведений о численности населения области в результате переговоров 1557 г. была достигнута договоренность об установлении округленной суммы ежегодного платежа дани в тысячу дукатов (6 тыс. марок) и о единовременном взносе за прошлые годы в объеме 45 тыс. талеров (ibidem). В общем размере установленная таким образом сумма, очень значительная для того времени, все же была, как правильно отмечает Кирхнер (W. Kirchner. Op. cit., p. 97), вполне реальной; весной 1558 г. ливонские власти без особого напряжения, только из средств трех богатых городов — Дерпта, Риги и Ревеля — собрали 60 тыс. талеров для внесения требуемого платежа (однако уплата дани, как известно, состояться не смогла, ибо давно прошли все ее сроки и к тому моменту уже развернулись военные действия между Ливонией и Русским государством). О реальности затребованной суммы свидетельствует, по словам Кирхнера (Op. cit., p. 97) и тот факт, что при занятии русскими войсками летом 1558 г. Дерпта в доме одного только дворянина Фабиана Тизенгаузена было найдено около 80 тыс. талеров — больше, чем сумма, которую нужно было собрать со всей Ливонии для того, чтобы предотвратить войну.

[55] Хроника Ниенштедта, стр. 10.

[56] Там же, прим. 1; Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 14.

[57] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 36.

[58] Хроника Ниенштедта, стр. 8—9.

поднимавшиеся в ходе переговоров: о русской торговле через ливонские города, о свободном проезде из других стран Европы через Ливонию в Россию всех желающих поступить на русскую службу, о возвращении русским торговым людям зданий русских церквей в прибалтийских городах и др.; между обеими сторонами был уже согласован по всем этим пунктам текст подготовляемого договора. Оставался несогласованным только единственный пункт — о дани.

1 июня Висковатый послал ливонским представителям выработанные к этому времени тексты договоров [59], в которые были включены все принятые обеими сторонами пункты, а также пункт о дани в той редакции, на которой настаивало правительство Ивана Грозного. При этом Висковатый велел передать ливонским послам, что царь не изменит более в текстах ничего ни на волос, хотя бы послы прожили в Москве еще сто лет [60].

Итак, соглашение по всем вопросам было уже достигнуто, и возможность заключения перемирия зависела теперь целиком от одного еще не согласованного пункта о дани. В этих условиях упорствовать в данном вопросе было равносильно срыву почти готового соглашения; послы вынуждены были возвращаться восвояси, не заключив перемирия, что создавало реальную опасность вооруженного конфликта. По-видимому, понимая сложившуюся обстановку, ливонские послы на этот раз не смогли уже больше сопротивляться и, по-прежнему не имея никаких инструкций от своих правителей [61], на свой страх и риск приняли русское требование.

На этом переговоры были закончены. В соответствии с давно установившимся порядком, самый юридический акт заключения договора должен был состояться не в Москве, а в Новгороде. Со времени возникновения Русского централизованного государства великие князья считали ниже своего достоинства заключение договоров с ливонскими властителями, поскольку в прошлом (во времена существования самостоятельных Новгородской и Псковской боярских республик) эти договоры заключались Ливонией с властями Новгорода

---

[59] Как уже упоминалось, при заключении каждого русского-ливонского соглашения обычно подписывались одновременно три договора — Ливонии с Новгородом, Ливонии с Псковом и Дерпта с Псковом. И на этот раз тоже были подготовлены три текста договоров.

[60] Отчет о переговорах 1554 г., стр. 38; ср. Хроника Руссова, стр. 339.

[61] Послы, узнав в начале переговоров о русском требовании дани, сразу же запросили у дерптского епископа и у магистра инструкции (E. Seraphim. Op. cit., S. 405), которые они вполне могли бы успеть своевременно получить. Но ливонские властители никак не могли решить, как надо поступить, и фактически предоставили послам самим выпутываться из трудного положения.

и Пскова. Поэтому при Иване III, Василии III и Иване Грозном в Москве лишь подготовлялись в результате переговоров с ливонскими послами тексты договоров, а церемония заключения договоров производилась затем в Новгороде и Пскове с местными воеводами [62]. Равным образом и договоры 1554 г., подготовленные в результате майских переговоров в Москве, были официально заключены ливонскими послами в Новгороде с наместниками Новгорода и Пскова 24 июня того же года [63].

Тексты договоров 1554 г., полностью сохранившиеся до нашего времени, являются очень ценными источниками для данного исследования [64].

На первых порах при чтении этих текстов бросается в глаза очень резкий, суровый тон, с которым Иван Грозный обращается с нарушившими прежние перемирия ливонскими властями; неоднократно упоминается «гнев» царя на ливонцев, послы вынуждены униженно «бить челом», чтобы «государь пожаловал, гнев свой отложил» и велел бы своим наместникам согласиться на продление перемирия и т. д. Кажутся очень многозначительными самые первые слова каждого договора: «По божьей воле и по великого государя велению»,— из чего вытекает, что все содержание договора определяется не соглашением двух договаривающихся сторон, а лишь волей московского царя [65]. Однако резкий и грозный тон русского правительства в текстах договоров 1554 г.— не отражение русской политической линии в ходе предшествующих переговоров, а просто обычная формула, дословно заимствованная из текстов предшествовавших русско-ливонских соглашений первой поло-

---

[62] Это означало, что с московской официальной точки зрения правители Ливонии по своему рангу, по своему месту в феодальной иерархии стояли на одну ступень ниже московских великих князей и были равнозначны воеводам Новгорода и Пскова.

[63] Разумеется, акт заключения договора в Новгороде, по крайней мере в XVI в., носил чисто формальный характер; все вопросы содержания договоров решались предварительно в Москве, и оттуда привозился уже готовый текст.

[64] В недавнее время весьма подробный и всесторонний разбор содержания договора 1554 г. дал шведский историк С. Свенссон (S. Svensson. Op. cit., s. 113—115); однако научная ценность этого разбора снижается из-за того, что автор не знал ни полного текста соглашения 1554 г. (из трех договоров 1554 г. ему был известен лишь один, опубликованный в прошлом веке), ни полного текста предшествующих соглашений, и потому он не мог правильно установить, что нового было внесено русским правительством в соглашение 1554 г.

[65] O. von Rutenberg. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergange ihrer Selbstständigkeit. Bd. II. Riga, 1860, S. 429.

вины XVI в.; те же выражения, в частности, содержат заключенные за четыре года до данного соглашения договоры 1550 г. Следовательно, общий тон договоров, в данном случае очень соответствовавший политической линии правительства Ивана Грозного, является все же обычным для этих документов штампом и не дает оснований для каких-либо серьезных выводов.

Как уже выше отмечалось, и по своему конкретному содержанию тексты договоров 1554 г. по всем пунктам, кроме одного, почти дословно, с очень немногими отклонениями, совпадают с текстами договоров 1550 г. Единственным серьезным отличием является трактовка пункта о дерптской дани [66]. В договоре Пскова с Дерптским епископством вместо обычной в прежних договорах краткой стандартной формулы дается по этому вопросу значительно более развернутый и подробный текст, не допускающий каких-либо спорных толкований. Послы от имени дерптского епископа приняли обязательство собирать дань с населения Дерптской области по одной немецкой гривне с каждой «головы»; не подлежало обложению лишь духовенство. Дерптский епископ лично должен отвечать за выполнение этого условия договора перед русским царем. Для проведения сбора дани сначала был предоставлен довольно значительный срок: собранная сумма должна была быть доставлена в Москву на третий год действия перемирия; затем сбор и уплата дани, согласно договору, должны были производиться ежегодно [67].

Хотя, как уже говорилось, подобная расширенная редакция этого пункта была введена в договор Пскова с Дерптом впервые, в тексте в шести местах было подчеркнуто, что здесь речь идет не о каком-то нововведении, а об условии, существующем «изстари», о подтверждении старых, давно установившихся прав русских государей.

---

[66] С. Свенссон ошибочно полагает, что пункт о дани с Дерптской области вообще был в данном случае впервые включен в официальный договор и получил тем самым юридическое подтверждение (op. cit., s. 113). Это утверждение вызвано незнанием русских публикаций и научной литературы (книга целиком написана на основе немецкой и скандинавской историографии).

[67] «А дань благоверного царя Руского со всее Юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой опричь церковных людей богомольцов, и старые залоги, как бывало изстари. И благоверный царь и великий князь ту свою дань и старые залоги положил на бископле душе, и бископу юрьевскому та дань сыскати самому вправду по крестному целованью, как изстари бывало, да собрав та дань по старине, прислати к благоверному царю и великому князю в третей год сего перемирья по сему крестному целованью. А вперед та дань давати бископу Юрьевскому на всякой год бес перевода, по старине, по крестному целованью» (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 13).

По-видимому, правительство Ивана Грозного достаточно хорошо знало, что на обязательства дерптского епископа нельзя вполне полагаться ввиду ясно обозначившегося к тому времени упадка государственной власти во всей Ливонии. Поэтому, не ограничиваясь введением развернутого условия об уплате дани в договор Дерптского епископства с Псковом, русское правительство впервые в истории русско-ливонских отношений включило аналогичный пункт и в текст договора Новгорода с главой ливонской конфедерации — ливонским магистром. Согласно этому пункту, магистр, рижский архиепископ и другие владетельные князья Ливонии, и «все люди Ливонской земли» должны были стать поручителями за дерптского епископа; если епископ не выполнит принятого на себя обязательства, не соберет дань, магистр и другие владетельные князья Ливонии должны будут принять выполнение этого условия на себя, сами собрать нужную сумму денег и доставить ее в Москву [68].

Очевидно, согласно буквальному смыслу данного пункта, предполагалось, что правители Ливонии «доправят» дань на дерптском епископе, т. е. какими-то средствами принудят епископа собрать требуемую сумму денег. Однако выражение «та дань сыскати самим» могло означать и сбор необходимой суммы со всей Ливонии — путем общего обложения всего населения или (как это было сделано впоследствии, в 1558 г., когда ливонские власти произвели сбор денег для уплаты дани) путем раскладки требуемой суммы на богатые города и на отдельные княжества, которые должны будут уплатить свою долю из наличной денежной казны (и затем какими-то способами взыскивать уплаченную сумму с населения). Таким образом, указанным пунктом договора, по-видимому, предусматривалась возможность такого положения, при котором дань придется платить не только Дерптской области, но и всей Ливонии в целом.

Рассмотрение материалов переговоров и соглашения 1554 г. не дает прямых указаний на то, что уже тогда Иван

---

[68] «А что благоверный царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии дань свою юрьевскую и старые залоги со всее Юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой положил на бископове душе, сыскати дань со всее Юрьевские державы, как изстари бывало, и прислати к благоверному царю Рускому в третей год сего перемирья. А вперед бископу та дань давати на всякой год без перевода, по старине, по крестному целованью. А не учнет бископ тое дани сыскивати, и маистру и арцыбископу, и бископом, и всем людем Ливонские земли по сей перемирной грамоте и по крестному целованью та дань сыскати самим, и на бископе та дань доправя по старине, прислати к благоверному царю и великому князю Ивану с своими людми по сему крестному целованью вправду» (ЦГАДА. ф. 64, оп. 2, д. 11).

Грозный планировал войну как основной путь решения проблемы. Уже сам по себе длительный и упорный характер дипломатической дискуссии, в ходе которой не только с особой остротой шел спор о дани, но напряженно обсуждался и ряд других вопросов, свидетельствует, что правительство Ивана Грозного с полной серьезностью подходило к содержанию будущего соглашения, явно рассчитывая установить этим соглашением на какой-то более или менее значительный срок выгодный для русской стороны постоянный статус отношений между Ливонией и Россией. Угроза Висковатого, что царь сам пойдет за данью, если она не будет уплачиваться, была средством дипломатического давления; тогда уже было очевидно, что ливонским послам рано или поздно все-таки придется уступить и до похода за данью в тот момент дело не дойдет. В целом же вся линия правительства Грозного в ходе переговоров была направлена на то, чтобы мирными, дипломатическими средствами заставить ливонских послов принять свои условия, которые, как оно полагало, обеспечат основные нужды Русского государства на берегах Балтики и откроют путь для подчинения Ливонии влиянию Москвы.

Правда, правительство Ивана Грозного при подготовке договора Новгорода с Ливонией предвидело и такую возможность дальнейшего развития событий, когда условия принятого соглашения, в особенности пункт о дани, затем не будут выполняться ни дерптским епископом, ни всей Ливонией в целом.

Специальной статьей договора ливонские власти предупреждались, что в этом случае царь добьется осуществления своих законных прав[69]. Однако подобный ход событий составителями договоров не считался наиболее вероятным; включение указанной статьи в договор было явно лишь мерой, рассчитанной на то, чтобы заставить ливонских правителей строго выполнять условия соглашения, ибо в целом договоры 1554 г. всем своим содержанием вполне определенно предполагали в будущем не войну, а мир[70].

Как уже выше говорилось, все пункты договоров 1554 г. были почти целиком (лишь с некоторыми изменениями и отдельными добавлениями) списаны с текста прежних соглашений. Однако эти пункты были вновь рассмотрены во время

---

[69] «А не будет Ливонские земли людей по сему крестному целованью исправленья, и благоверному царю рускому за их крестное преступленье искати своего дела самому, обослав своими посланники» (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 11).

[70] С. Свенссон, анализируя известный ему один из трех договоров 1554 г., также приходит к выводу, что текст договора рассчитан на мирное развитие торговых отношений между двумя государствами (op. cit., s. 115).

переговоров, и ливонские представители снова подтвердили их действенность и клятвенно обязались их выполнять.

Главными пунктами договоров 1554 г. удовлетворялись все основные требования русской стороны и создавались условия для мирного развития отношений между Ливонией и Россией. Так, спорный вопрос о праве свободной торговли русских купцов через Ливонию, для проблемы русско-ливонских отношений, в действительности, пожалуй, не менее важный, чем вопрос о дани, благополучно разрешался в договоре: вновь подтверждалось предоставление русским купцам права свободно торговать в Ливонии и беспрепятственно ввозить в Россию через Ливонию любые товары, кроме панцирей [71]. Именно вопрос о свободе русской торговли через Ливонию стал в 50-х годах XVI в. наиболее острой проблемой внешних отношений России, и, конечно, именно этот вопрос был главной предпосылкой русско-ливонского конфликта, а затем и Ливонской войны.

Договор полностью разрешал и другой вопрос, ставший крайне острым к середине 50-х годов XVI в.— о праве беспрепятственного проезда через ливонские порты из России, и, что было тогда особенно важно, из других стран Европы в Россию [72]; благодаря этому открывалась возможность проезда в русские земли различных специалистов, которых Иван IV хотел приглашать из-за рубежа для развития некоторых ремесел, военного дела и т. п. [73]

Вызывавший постоянные споры вопрос о русских церквах в прибалтийских городах также разрешался положительно. Обслуживавшие русских торговых людей православные церкви

---

[71] Нововведением в этом пункте по сравнению с аналогичным пунктом прежних русско-ливонских договоров было лишь перечисление ряда конкретных товаров, которые разрешалось русским купцам беспрепятственно покупать в Ливонии (видимо, раньше чинились препятствия при их покупке). «А торговати им [новгородцам и псковичам.— *И. Ш.*] своими товары на золото, на серебро и на медь, и на олово, и на свинец, и на сукна, и на иные всякие товары без вывета, опричь одных лансырей» (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 11); аналогичный пункт — в обоих других договорах 1554 г. (там же, д. 12 и 13).

[72] Напомним, что обострению русско-ливонских отношений к 50-м годам XVI в. особенно способствовало «дело Шлитте», т. е. объявленное ливонскими и союзными с ними ганзейскими городами Северной Германии запрещение проезда в Россию для группы иностранных мастеров, набранных по поручению Ивана Грозного его агентом Иоганом Шлитте.

[73] Новым по сравнению с предшествующими договорами было лишь внесенное в данный пункт условие, что русское правительство должно предварительно испрашивать у германского императора разрешение на проезд указанных людей через его владения в Россию и что в случае отказа императора в таком разрешении русское правительство не должно винить ливонские власти; подобное разъяснение было связано с тем, что путь в Россию до Балтийского моря проходил обычно через Германию.

в Риге, Дерпте и Ревеле, при каждом обострении русско-ливонских отношений захватывавшиеся и закрывавшиеся местными немецкими бюргерами, согласно договору 1554 г. вновь возвращались русским, и ливонские власти гарантировали неприкосновенность церквей и свободу богослужения.

Для ограждения Ливонии от враждебных России внешних влияний большое значение имел специальный пункт об обязательстве ливонских властителей не вступать в соглашение с Польшей и Литвой.

В исторической литературе включение этого пункта в договоры неверно рассматривалось как принципиально новое условие, как чуть ли не самая важная часть соглашения, в результате которой правительство Ивана Грозного добилось ограничения государственного суверенитета Ливонии[74]. Однако значение принятия этого пункта ливонцами в большой мере обесценивается тем, что он был дословно заимствован из текстов предшествовавших соглашений, в которые он регулярно включался с начала XVI в.[75] Тем не менее все же было важно подтверждение ливонской стороной этого обязательства при заключении нового соглашения. В ходе переговоров правительство Ивана Грозного всей линией своего поведения стремилось дать понять ливонским властям, что отныне Русское государство не будет, как раньше, довольствоваться механическим подтверждением текстов прежних договоров, а будет настойчиво требовать полного соблюдения всех условий заключаемого соглашения. В этом случае приобретал весьма существенное значение и указанный выше пункт, в сильной степени лишавший Ливонию права вести внешнюю политику, враждебную Русскому государству.

В целом условия договоров 1554 г. открывали полную возможность для мирного разрешения всех спорных вопросов в отношениях между Россией и Ливонией. Чтобы заставить Ливонию выполнять заключенное соглашение и держать всегда открытой дорогу к берегам и портам Балтики, правительство Ивана Грозного стремилось найти мощное средство постоянного политического давления на ливонские власти для постепенного подчинения Ливонии политическому влиянию России. В качестве такого средства решено было использовать вопрос о дани. Ранее не имевший серьезного значения, этот пункт договорных грамот был выдвинут теперь на первый план именно потому, что он давал возможность ставить

[74] Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 16; Th. Schiemann. Op. cit., S. 286; С. В. Бахрушин. Иван Грозный, стр. 284 и др.

[75] Ни в одном из описаний хода московских переговоров 1554 г., в том числе и в подробном отчете ливонских послов, ничего не говорится о каких-либо спорах или хотя бы разговорах на эту тему.

вопрос об «исторических правах» России на Дерптскую область, а расширительно — и на всю территорию Ливонии. Принятие Дерптской областью обязательства платить дань русскому царю в создавшихся условиях можно было рассматривать как признание Дерптом политической зависимости от России. Обязательство магистра и архиепископа Рижского — главных должностных лиц Ливонского государства — взять на себя гарантию уплаты дерптской дани ставило и всю Ливонию в целом в некоторую зависимость от России [76].

Тактика мирного подчинения соседних феодальных государств и полугосударств влиянию России была тогда одним из основных методов внешней политики Русского централизованного государства. Именно так, в основном мирным путем, путем соглашения с правящими классами и группами соседних земель, произошло как раз в то время подчинение русскому влиянию (а затем и присоединение к России) большей части Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа. Известно, что и Казанское ханство в течение первой половины XVI в. находилось под политическим влиянием России и только временный захват власти в Казани антирусски настроенной группой местных феодалов вызвал поход Ивана Грозного на Казань.

По-видимому, по такому же пути правительство Ивана Грозного хотело в 1554 г. пойти и в разрешении балтийского вопроса. Включение Ливонии в сферу политического влияния Русского государства объективно отвечало интересам по крайней мере торгового населения ливонских городов, экономическое благосостояние которых в основном зиждилось на обслуживании европейской транзитной торговли России [77].

Однако в 1554 г. намеченный политический курс русского правительства в ливонском вопросе не привел к успеху.

---

[76] Одним словом, принятие ливонцами пункта о дани давало русскому правительству возможность вмешиваться в дела Ливонии, оказывать политическое влияние и давление на внутреннюю жизнь края. После того, как попытка русского правительства добиться мирного разрешения балтийской проблемы кончилась неудачей и была начата Ливонская война, вопрос о ливонской дани стал широко использоваться как историческое обоснование давних «наследственных прав» русских государей на прибалтийские земли. В официальных документах периода войны Ливония стала именоваться «отчиной великих государей». Так, в 1576 г. в грамоте к императору Максимилиану утверждалось, что «Ливонская земля отчина искони вечная государя нашего от его прародителей, ...прежним государям нашим были данщики искони вечные» («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. 1. СПб., 1851, стб. 511).

[77] Путь через Белое море к 1554 г. еще не начал использоваться с торговыми целями, и прибалтийские города пропускали тогда через свои гавани всю морскую торговлю России с другими странами Европы.

В тогдашней Ливонии (в отличие от областей Поволжья, Приуралья и др.) не нашлось в правящих кругах таких социальных групп, которые захотели бы пойти на сближение с Россией. В сложной обстановке острых классовых и национальных противоречий между немецким феодальным рыцарством и бюргерством с одной стороны и широкими массами угнетенного эстонского и латышского населения в городе и деревне — с другой, долго культивировавшаяся национальная враждебность немецких правящих кругов Ливонии по отношению к соседней России оказалась настолько велика, что даже в среде бюргерства, почти целиком жившего за счет русской торговли, не возникло никакого стремления как-то поддержать наметившееся в 1554 г. налаживание политических и торговых отношений с Русским государством. Ливонские города после 1554 г., наоборот, целиком поддерживали антирусскую политику правителей Ливонии, практически приведшую к срыву соглашения и началу войны.

Срыв ливонской стороной основных условий соглашения с Россией — явное нежелание платить дань, заключение в 1557 г., вопреки принятым на себя обязательствам, союза с Литвой и Польшей и т. д. — вместо намечавшегося в 1554 г. развития мирных отношений привели к резкому обострению русско-ливонского конфликта, а затем — к Ливонской войне

* * *

Les pourparlers de 1554 des ambassadeurs livoniens avec le gouvernement russe à Moscou marquèrent le début du conflit russo-livonien qui aboutit par la suite à la guerre livonienne. Le gouvernement d'Ivan le Terrible s'efforçait, au cours des pourparlers, de soumettre par la voie diplomatique la Livonie à l'influence russe afin de garantir à l'Etat russe le droit du libre échange et du libre passage par les ports de la Baltique. On évoqua en qualité de fondement juridique de la pression politique sur les autorités livoniennes l'existence d'un engagement caduc de la région de Derpt de payer un tribut à la Russie. Les ambassadeurs livoniens devaient, sous la pression du gouvernement russe, s'engager à renouveler le paiement du tribut et accepter la conclusion de l'accord de 1554 qui donnait la possibilité de régler à l'amiable le conflit russo-livonien. Le refus des autorités livoniennes d'observer cet accord aggrava le conflit et aboutit à la guerre

Э. Винтер

НАТИСК КОНТРРЕФОРМАЦИИ НА РОССИЮ И ПОЛЬСКИЕ КОРОЛЕВСКИЕ ВЫБОРЫ 1575 и 1587 гг. *

Западноевропейский феодализм переживал в XV в. резкий кризис. Буржуазия в городах приобретала все больше власти и самостоятельности. С могучим экономическим и общественным развитием был связан и глубокий кризис средневекового мировоззрения. Для нового взгляда на мир, свойственного эпохе Возрождения, характерно было стремление освободиться от схоластики, от идей Аристотеля, найти собственные пути развития. В корне менялся взгляд на мироздание.

Быстро начали развиваться естественные науки. Несколько ослабело влияние церкви. После того, как уже в 20-х годах XV в. гусизм как течение открыто выступил против римской церкви и его не смогли сломить даже крестовые походы, в Германии и других странах Европы поднялись восстания против средневековой западной церкви, которая потеряла влияние на значительную часть населения. Даже папство было заражено идеями Возрождения.

В это время в Испании, которая в связи с открытием Америки получила неисчислимые богатства, зародилось движение контрреформации. Австрийская династия, которая при Карле V правила огромным государством, где «не заходило солнце», надеялась завоевать господство в «христианском», т. е. римско-католическом мире. Огромные потоки золота и серебра, на котором были следы крови и пота десятков тысяч закабаленных индейцев, использовались для поддержки этого политического и религиозного движения в Европе. Всякое проявление свободомыслия в Испании вырывалось с корнем и уничтожалось так называемой «святой инквизицией». Составлялись указатели запрещенных книг (Index librorum prohibitorum). Во второй четверти XVI в. инквизиция творила

* Перевод с немецкого И. И. Кретова.

свои дела с особой жестокостью; папством инквизиция была превращена в дело церкви, задачей которой было удушение в зародыше всего нового, прогрессивного, что появлялось в жизни церкви или в политике. С 1555 по 1559 г. на папском троне под именем Павла IV находился создатель римской инквизиции кардинал Караффа. Антиреформация проникла в папство и одержала верх над идеями Ренессанса, что было в значительной степени поддержано «его королевским величеством королем Испании и всей австрийской династией», как об этом говорилось в документах XVI в.[1]

Тридентский собор объединял, особенно в своей последней фазе (1561—1563 гг.), идеологов контрреформации из всех частей католического мира. В это время был учрежден новый орден римской церкви целиком в духе политической и религиозной реакции, исходившей из Испании,— орден иезуитов. Он был организован испанским рыцарем Игнатием Лойолой и утвержден в 1540 г. На последнем этапе Тридентского собора этот орден приобрел руководящее влияние на духовное развитие римской церкви. Быстрыми темпами во всех странах шло образование иезуитских обществ (коллегий), что рекомендовалось и поддерживалось Тридентским собором[2]. Кроме того, вводились постоянные папские нунциатуры, одной из важнейших задач которых с середины XVI в. являлось наблюдение за безусловным проведением контрреформации.

С самого начала движение контрреформации было сознательно направлено на установление мирового господства католицизма, поэтому вполне естественно, что иезуиты любыми средствами пытались подчинить себе и Восточную Европу. Австрийские Габсбурги на основе Венского договора 1515 г. с династией Ягеллонов об объединении наследств после битвы при Мохаче в 1526 г. получили в свое управление Чехию и Венгрию. Эти страны рассматривались как исходные позиции для дальнейшего завоевания новых земель на Востоке. Конечно, против этого решительно выступала Османская империя, которая в 1529 г. угрожала даже самой Вене.

В этой связи особенно большое значение придавали в Австрии владениям Польши. Однако Польша, как и Венгрия, занимала отрицательную позицию по отношению к Австрии, так как считала, что господство Австрии во многих отношениях даже опаснее, чем постоянно угрожающая самостоятельности этих стран экспансия Османской империи, в этот

---

[1] Фонд «Ferdinandeische Akten» в Тирольском земельном архиве (Инсбрук) (далее — Ferd. A.).

[2] L. Pastor. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. 7, 13. Aufl. Freiburg/Rom, o. J., S. 348—358.

период уже простиравшей свое влияние на Венгрию. В то время как Венгрия, поделенная на три части, едва ли могла надеяться на самостоятельное развитие, Польша после унии 1569 г. превратилась в державу, имеющую крупное значение в Восточной Европе.

Идеи Возрождения проникли и в Польшу. В середине XVI в. прежде всего среди дворянства (в особенности среди литовского) распространился кальвинизм, отражавший стремление дворян к политической независимости от короля. Один агент австрийского двора описывал еще в 1569 г. (в год заключения Люблинской унии) церковно-политическую ситуацию с точки зрения контрреформации Габсбургов в довольно мрачных тонах: «К сожалению, они (цвинглианцы и кальвинисты) распространились очень широко в Польше и Литве» [3].

После окончания Тридентского собора деятели политического и религиозного движения католической контрреформации в Европе отнюдь не бездействовали, наблюдая за развитием событий в Польше. В первую очередь необходимо отметить кардинала Гозиуса, епископа Браунсбергского, который неустанно искал путей для проведения в Польше решений Тридентского собора. Он пригласил в страну иезуитов, которые явились организующей силой контрреформации в Польше. Показательно, что первым организатором польской иезуитской провинции был испанец Сунниер [4].

Вследствие военных столкновений Ливонии с Россией в 60-х годах XVI в. все пришло в движение. Растущая торговля зерном, которая давала дворянству деньги и заграничные предметы роскоши, была связана с интенсификацией эксплуатации крестьян и срочно требовала новых портов на Балтийском море. Это приводило к столкновению интересов ряда стран в Ливонии. Уния Литовского великого княжества с Польским королевством была вызвана не в последнюю очередь и стремлением объединить силы в борьбе за Ливонию. В сообщении австрийского агента от 1569 г. прежде всего отмечались военные столкновения Польши и Литвы с Россией. Указывалось, что победы над Россией нельзя рассматривать как окончательные победы до тех пор, пока не будет достигнут

[3] Colarion aus Polen. Ferd. A., Bd. 128.

[4] Важные источники для истории развития ордена иезуитов в Польше и Литве имеются в работах: St. Rostowski. Lituanicarum societatis Jesu historiarum provincialium libri decem. Paris, 1877; J. Wielewicki. Dziennik spraw domu zakonnego oo. Jezuitów u św. Barbary w Krakowie. Kraków, t. 1—3, 1881—1889. (Scriptores rerum polonicarum, t. 7, 10, 14); Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. I, вып. 2. СПб., 1911, стр. 117.

«прочный мир». Однако, «на этот раз не следует надеяться на мирные действия со стороны гордого врага, московитов». Россию не сломили поражения; наоборот, она ведет очень серьезную подготовку и «остается могучей в военном отношении» [5]. Люблинская уния 1569 г. поддерживала претензии Польши в отношении Ливонии и планы создания империи Ягеллонов от Балтийского до Черного моря.

Внимание австрийского двора к Польше, как это явствует из дошедшего до нас сообщения от 1569 г., было, следовательно, столь же велико, как и интерес, проявляемый папским престолом. Начиная с 60-х годов в Польше имелась постоянная папская нунциатура, которая подробно сообщала как о развитии контрреформации, так и о препятствиях, стоящих на ее пути. Папа придавал Польше настолько важное значение, что в эту страну был послан известный влиятельный дипломат кардинал Коммендоне, который пробыл там в качестве посла папы с 1571 по 1573 г., в период, насыщенный событиями большой важности [6].

Сообщения папских нунциев из Польши, которые представляют несомненный интерес для нашей темы, очень обстоятельно обработаны Е. Шмурло, чьи замечания будут использованы нами в дальнейшем [7].

В 1572 г. умер последний представитель династии Ягеллонов Сигизмунд II Август. В 1573 г. на польский престол был выбран брат французского короля Генрих Валуа. Убийство 5 тысяч руководителей и сподвижников гугенотов в борьбе за проведение контрреформации во Франции бросало тень на его брата — короля Франции Карла IX и стоящую за ним мать — Екатерину Медичи. Поэтому папа ожидал от нового польского короля решительного выступления в поддержку католической контрреформации в Польше. Посол папы кардинал Коммендоне, правда, после некоторого колебания (так как в качестве претендентов на польский престол выступали и Габсбурги) поддержал кандидатуру Генриха Валуа [8]. Решающую роль в выборах сыграло обещание, с которым выступил Генрих. Как явствует из заявления оратора шведского короля на королевских выборах 1575 г., Генрих Валуа выступил за два года до этого с предвыборным обещанием,

---

[5] Ferd. A., Bd. 128.

[6] Архив Ватикана. Фонд «Nuntiatura Polonica» (далее NP), t. 1, 1A, 2, 3.

[7] Е. Ф. Шмурло. Указ. соч., т. I, вып. 2, т. II, вып. 1; ср. также: «Monumenta Poloniae Vaticana», t. 4. Cracoviae, 1915; t. 5, 1923—1933.

[8] S. Arnold, J. Michalski, K. Piwarski. Historia Polski od polowy XV w. do r. 1795. Warszawa, 1954, str. 54.

составленным целиком в духе контрреформации, где в качестве основной цели правительства была выдвинута борьба против России. Именно это послужило, как отмечено в заявлении шведского короля как кандидата на польский трон в 1575 г., важной причиной избрания Генриха [9]. Только что избранный король, сообщается далее в послании, после прибытия в Польшу при бурном ликовании дворянства заявил о своей решимости всеми силами вести борьбу против России до победного мира. Однако вскоре Генрих возвратился во Францию, чтобы занять там освободившийся после смерти его брата королевский престол.

Таким образом, в 1575 г. в Польше назрела необходимость проведения новых королевских выборов. Они имели решающее значение для дальнейшего развития страны. В этот момент династия Габсбургов и папская курия развили лихорадочную деятельность. Кроме шведского короля и герцога Феррарского, в качестве претендентов на престол выступали представители династии Габсбургов, Баторий, князь трансильванский, а также русский царь Иван IV; шведский король Иоганн III, супругой которого была одна из сестер последнего короля династии Ягеллонов, тоже предъявлял серьезные претензии на польский трон. Шведский король заявил, что соединение Швеции с Польшей и Литвой явится залогом победоносного окончания войны с Россией. Баторий изъявил готовность взять в жены вторую сестру умершего польского короля, рассчитывая получить поддержку со стороны польского дворянства. Даже султан был представлен на королевских выборах. От него зависело решение о мире или войне на юго-восточной границе. Султана вполне удовлетворяло избрание на королевский трон его вассала Батория; он не возражал также и против избрания представителя Швеции. Султан поддерживал любого претендента на польский трон, который обещал продолжение войны против России [10].

Австрия приложила в 1575 г., как и в 1573 г., большие усилия для избрания представителя своей династии на польский престол. Сам император Максимилиан выступил в роли кандидата, что подтверждает, насколько серьезно относилась Австрия к вопросу о вовлечении Польши в сферу своего влияния. Польша была исходным плацдармом в борьбе против Турции, а также для завоевания Венгрии. Однако именно борьбы против Венгрии и Турции всеми силами старались избежать в Польше, так как не было ничего более ужасного

[9] Ср. Ferd. A., Bd. 128.

[10] «Выборы шведского короля». Ferd. A., Bd. 128. О Батории см.: «Étienne Báthory, roi de Pologne, prince de Transylvanie». Cracovie, 1935 (с обширным перечнем источников и литературы).

для нее, чем набеги татарских орд, грозившие Польше в случае войны с Османской империей.

Иван IV выступил в качестве претендента на польскую корону и получил немалую поддержку, в особенности среди литовского дворянства. Путем объединения Польши и Литвы с Россией могла бы возникнуть такая держава, которая была бы в состоянии обеспечить прочный, длительный мир в Восточной Европе. Эта мысль проводится в обращении Ивана IV к литовским выборщикам и в послании, с которым выступили его представители на королевских выборах. В обращении к литовским выборщикам, написанном на латинском языке [11], особенно ярко отражена позиция русского правительства. Русский царь обосновывает свое избрание (или же избрание его сына) королем Польши теми преимуществами, которые получат от этого выбора Польша и Литва. Русское государство более известно, оно больше по площади и древнее, чем Польша. Это положение подкрепляется ссылкой на историю Киевской Руси, что свидетельствует о том, насколько глубоко было в Москве стремление продолжать традиции Древнерусского государства. Иван IV затрагивал также вопрос о присоединении Литвы к России. Он ничего не имел против возможного избрания на польский престол эрцгерцога Эрнста, если при этом будут признаны права России на Ливонию, где у Ивана IV был вассал Магнус Датский [12]. Об этом же говорил он посольству польских и литовских дворян, прибывших в Москву после смерти Сигизмунда II Августа; если они его выберут королем польским, то «мощь неверных» будет в значительной степени нейтрализована, и не только «неверные», но и Рим (католический император), и любое другое королевство не смогут противостоять, если Польша с Литвой и Россия пойдут вместе.

Это яркое выступление заинтересовало папскую курию. Образование русско-польско-литовской державы шло вразрез с интересами католической контрреформации в Восточной Европе, хотя Иван IV дал ясные заверения в сохранении прав католической церкви в Польше и Литве и обещал в случае своего избрания нанести концентрированный удар по Османской империи со стороны России, Польши и Литвы.

Этот план, с точки зрения папства, имел один недостаток: русские не принадлежали к римско-католической вере и постоянно отвергали возможность союза с римской церковью.

---

[11] Здесь (Ferd. A.) мы также находим грамоты Ивана IV, направленные посланнику правящего дома Австрии: «Verba magni ducis Moscoviae ad me». Важнейшие из приведенных здесь актов в дальнейшем будут опубликованы в специальной работе.

[12] Ср. Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М., 1947, стр. 176 и сл.

Однако папы стремились осуществлять и в Восточной Европе свои планы. Русские для этой цели, бесспорно, не подходили. В Риме внимательно наблюдали за предвыборной деятельностью Ивана: латинский текст послания царя выборщикам сохранился в ватиканском архиве [13].

И римская церковь нашла подходящего ей послушного человека, который вполне устраивал и влиятельных людей, прежде всего вельможу Замойского: это был князь трансильванский — Стефан Баторий. В предвыборной программе этот кандидат на польский трон подчеркнул свою верность римской церкви и одновременно высказался за решительную войну с Россией. Кроме того, он слыл другом иезуитов. Стефана Батория энергично поддерживал видный деятель европейской контрреформации кардинал Карл Борромеус из Милана [14].

Иезуиты приняли участие уже в подготовке выборов 1573 г. Знатный чешский дворянин Розенберг, который сам был кандидатом на польский трон, сообщал императору Максимилиану II об иезуите Максими, который являлся во время выборов вербовщиком голосов и осведомителем [15]. Хотя в это время бóльшая часть выборщиков все еще выступала в духе Варшавской конференции 1573 г. с требованием «свободы религий», контрреформация в Польше быстро развивалась, а вместе с ней росло и влияние иезуитов. Высшее духовенство, прежде всего примас польский, было целиком настроено в пользу контрреформации. Поэтому уже тогда иезуиты оказывали большое влияние на ход событий.

Так возник тот роковой для истории Польши союз влиятельного дворянства, включавший Замойского, иезуитов, Скаргу и короля Стефана Батория. «Идея Ягеллонов», борьба Польши как «поборника христианства» против России за монопольное господство в Восточной Европе, была поддержана идеологами польской контрреформации. Господства в Восточной Европе Польша и Литва, по мнению ее представителей, могли добиться только в тесном союзе с католической церковью. Могучее государство, управляемое польским дворянством и римской церковью, должно было сыграть решающую роль в контрреформации не только в Восточной Европе, но и вообще во всей Европе. Испания и Польша являлись в то время, в представлении римской церкви, двумя краеугольными камнями огромной римско-католической

[13] Ср. «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia», ed. A. Theiner, t. II. Romae, 1861, № 812, p. 767—770.

[14] Ср. их переписку: Е. Ф. Шмурло. Указ. соч.

[15] Ср. Ferd. A.

империи, которая могла бы проложить через Россию путь к Китаю и Индии. Выдвижение кандидатуры австрийского двора (самого императора) натолкнулось во время польских выборов на ряд трудностей, так как польские выборщики опасались в случае выборов австрийского представителя на престол утраты Польшей самостоятельности.

У Стефана Батория имелось преимущество и перед шведским королем, так как Иоганн III еще не принял католической веры, хотя его жена и сын уже стали католиками. Кроме того, он не обладал теми военными способностями, решительностью и твердостью в идеологии, которыми отличался Стефан Баторий.

Папа Григорий XIII возлагал большие надежды на вновь избранного польского короля Стефана Батория. Однако при этом папа не упускал из вида и Швецию. В 1578 г. итальянскому иезуиту Поссевино удалось побудить шведского короля Иоганна III тайно принять католическую веру. Во время правления Григория XIII попытки добиться тесного союза двух держав — Польши и Швеции — не только не прекратились, но, наоборот, усилились. Какие колоссальные перспективы открывались для единого фронта католической контрреформации при союзе Польши, Литвы и Швеции в деле наступления на Россию и Османскую империю! В 1578 г. папские нунции интересовались даже католиками, проживающими на Крымском полуострове [16].

Путем создания польско-шведской коалиции предполагалось достичь военного окружения России и осуществить давнишнюю мечту пап о власти над ней.

Баторий пришел в Польшу с небольшой, но очень хорошо обученной армией, которая состояла прежде всего из венгерских и немецких наемников. Обещанную войну против России он готовил с большой тщательностью, ощущая поддержку папской курии, которая старалась утихомирить Австрию, стремившуюся навредить Баторию. Тем самым римская церковь обеспечивала тыл наступающей дворянской республике. Однако вскоре стала очевидной двойственность политики папской курии.

Рим всегда привлекала перспектива войны с Османской империей, которую инспирировала Венеция, заинтересованная в торговле на Ближнем Востоке. Для этой цели оказалась необходимой коалиция с Россией, так как одна Польша не могла и не хотела вести такую войну. Венецианские послы при дворе императора были очень хорошо осведомлены о

---

[16] Ср. Е. Ф. Шмурло. Указ. соч., т. II, вып. 2, приложение IV, стр. 269—297.

событиях в Польше и знали (после первых значительных успехов Стефана Батория, прежде всего после взятия Полоцка в 1579 г.) о трудностях дальнейшего ведения войны, требовавшей огромного напряжения сил Польши и Литвы. В этом трудном деле не могли помочь даже самые близкие друзья Стефана Батория — иезуиты (кардинал Борромеус и папа Григорий XIII) [17].

Папа Григорий XIII, который находился под сильным влиянием иезуитского ордена и полностью доверял своему специальному послу в Северной и Восточной Европе иезуиту Поссевино, поддержал тезис Батория: Москва станет либо тюрко-татарской, либо польской. Если она станет тюрко-татарской, то будет предрешен конец Европы. Если Москва попадет под власть Польши, то конец Османской империи станет лишь вопросом времени. Последнее для римской курии было, конечно, очень заманчиво. Выполнение этого плана наталкивалось, однако, на серьезное препятствие, так как в то время нечего было и думать о быстром включении России в антитурецкий фронт. Но Венеция, которая в связи с активной коммерческой деятельностью в районе Средиземного моря была кровно заинтересована в быстрейшем разгроме Османской империи (так же как император австрийский — в завоевании Венгрии), стремилась возможно скорее вовлечь Россию в антитурецкую лигу, которая одна только и могла добиться решающих успехов в борьбе против Османской империи.

Венеция и австрийский император знали, что лишь таким путем можно было быстро выполнить их планы и тем самым ослабить не только Османскую империю, но и Россию; последующий удар по России со стороны западных соседей превратил бы ее в добычу нападающих.

Последнее являлось стратегической целью обеих групп — папы с иезуитами и Польшей, с одной стороны, и австрийского императора с Венецией — с другой; различие заключалось лишь в тактике. Это обнаружилось зимой 1581/82 г. при папском посредничестве между Россией и Польшей, заключивших перемирие. Россия должна была отказаться от притязаний на выход к Балтийскому морю, а Полоцк остался в руках Польши в качестве исходного рубежа для дальнейших нападений на Россию. В это время апогея достигла польская контрреформация. Образовывалась одна иезуитская коллегия за

---

[17] Ср. для богатых событиями 1578—1581 гг. собранные и изданные Е. Ф. Шмурло акты: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией», т. I, вып. 1. Л., 1925. Надо пожалеть об отсутствии продолжения этой важной источниковедческой работы.

другой. Линия иезуитских коллегий протянулась от Клужа в Трансильвании через Львов и Вильно, где в 1578 г. был основан папский университет, к Полоцку, Риге и Дерпту.

Иезуит Поссевино во время своей посреднической миссии при заключении перемирия зимой 1581/82 г. признавал, что подчинение России «святому престолу» не может обойтись без насилия. В Риме понимали, что сопротивление русского народа любой попытке в этом направлении было бы слишком сильным. Поэтому там считали необходимым, во-первых, втянуть полностью в контрреформацию такую важную для нападения на Россию страну, как Ливония, и, во-вторых, принудить к союзу с римской церковью белорусов и украинцев, живших на территории Польско-Литовского государства. Эти две важнейшие предпосылки, выдвинутые иезуитами после тщательного изучения ситуации, являлись основой для дальнейшего успешного продвижения к сердцу России — Москве.

Дальнейшая деятельность католической церкви развивалась последовательно по этому плану. Сразу же из Москвы Поссевино направился в Ливонию, где создал (в Риге и Дерпте) две иезуитские коллегии в качестве центров контрреформации. Однако рекатолизация Ливонии, как и Швеции, явно не удалась. Но была подписана так называемая Брестская уния 1596 г., предусматривавшая насильственное объединение украинцев и белорусов с католической церковью.

Вслед за этим Стефан Баторий и его канцлер Замойский попытались в 1584 г. использовать смерть Ивана IV, чтобы вновь напасть на Россию и силой присоединить ее к польской державе. Иезуит Поссевино оказался в особенно сложном положении, когда в 1586 г. новым папой Сикстом V он был послан в Польшу, чтобы сопровождать Стефана Батория в его военном походе против России. Ведь Поссевино лишь недавно выступал в качестве посредника при заключении перемирия между Россией и Польшей, которое теперь должно было быть сорвано без всяких оснований, только потому, что правящая верхушка Польши сочла настоящий момент подходящим для окончательного покорения России, притом, конечно, во имя римской церкви. Поссевино успокаивал свою совесть сомнительным тезисом, что военный поход якобы осуществляется для блага России, которая в противном случае станет жертвой татар и турок. А для спасения России, считал Поссевино, возможно отчуждение таких областей, как, например, Смоленская и Псковская. После их включения в Польское государство под властью Стефана Батория будет осуществлен союз русской и католической церквей в качестве платы за ту значительную, прежде всего материальную, поддержку, которую папская курия собиралась оказать Баторию.

Однако Поссевино прекрасно понимал, насколько сильна была Россия, и направлялся в военный лагерь Батория с весьма противоречивыми чувствами.

И вдруг, 12 декабря 1586 г. после короткой болезни Стефан Баторий умер. На повестку дня опять был поставлен вопрос о выборах польского короля.

Польшу снова сотрясала предвыборная лихорадка. Выборщики, расколовшиеся на несколько соперничавших фракций, за которыми стояли наиболее влиятельные семьи польских дворян, не могли собраться на общее совещание, не говоря уже о том, что они не были в состоянии принять какое-либо общее решение. Так, по сообщению посла эрцгерцога Фердинанда Тирольского, от литовской коалиции был выдвинут эрцгерцог Максимилиан, в то время как от польской партии был выбран шведский кронпринц Сигизмунд, племянник последнего короля династии Ягеллонов. Оба кандидата стремились всеми силами добиться окончательной коронации. Так как всесильный канцлер Замойский и вдова короля, которая была из дома Ягеллонов, поддерживали Сигизмунда, последний добился своего и 23 декабря 1587 г. был коронован в Кракове [18]. Эрцгерцог Максимилиан, стоявший с небольшим войском под Краковом, был изгнан Замойским из Польши, схвачен на австрийской земле и доставлен в Польшу уже пленником. В переговорах об освобождении Максимилиана, которые вел император Рудольф II, была сделана попытка сближения путем женитьбы Сигизмунда III на представительнице дома Габсбургов. Во всяком случае в борьбе за польскую корону победителем вышел Сигизмунд.

Это, однако, только чисто внешняя сторона событий бурного 1587 г., года королевских выборов в Польше. Что же происходило в действительности? Об этом мы очень хорошо информированы из сообщений и документов посольства императора и эрцгерцога Фердинанда на выборах, которые сохранились в архиве земли Тироль в Иннсбруке [19].

В этих документах имеется также отчет посольства эрцгерцога Максимилиана к царю Федору Ивановичу, которое прибыло в Москву в апреле 1587 г. и покинуло столицу Русского государства в июне того же года. Этот мало известный до настоящего времени документ [20] показывает, насколько сильно в то время австрийский двор был заинтересован в союзе с Россией. Мы узнаем из отчетов о настроениях выбор-

[18] См., например, содержательные донесения Гейцкофлера, хорошо информированного посла эрцгерцога Фердинанда, своему доверителю, особенно от 22 августа 1587 г. (Ferd. A., Bd. 129).

[19] Ср. Ferd. A., Bd. 129, 130, 131, 132.

[20] Ibid., Bd. 129.

щиков, о том, что поддержка на королевских выборах со стороны русского посольства могла бы сыграть решающую роль. Тауфенбах, посол императора, писал эрцгерцогу Максимилиану из Варшавы в начале 1587 г., что русских поддерживает основная масса дворян, а все высшее дворянство и члены сената являются противниками России. 6 июня 1587 г., т. е. незадолго до выборов, Гейцкофлер сообщал: «Что касается московитов, то великий князь имеет большой успех среди небогатых литовцев и бедного дворянства и особенно среди мазуров». Влияние русских стало еще более значительным, после того как русское посольство в июле 1587 г. прибыло в Варшаву.

Гейцкофлер объяснял этот успех прежде всего «справедливыми условиями, которые предложили русские, привезшие с собой, кроме того, много денег» [21]. Условия состояли в том, что в случае выбора в польские короли царя Федора в Восточной Европе воцарился бы мир. Переговоры, проходившие в Москве в апреле-мае 1587 г. с австрийским послом, серьезно повлияли на линию поведения русского посольства во время выборов. Когда вопрос о выборе Федора натолкнулся на непреодолимые трудности, выборщики, поддерживавшие его кандидатуру, отдали свои голоса Максимилиану. Русский царь был готов, как подчеркнул его оратор, сохранить все права папы в Польше, однако отклонял вместе с тем предложение принять римскую католическую веру или же вступить в союз с Римом, так как это шло вразрез с его убеждениями.

Подобная позиция целиком соответствовала указаниям, полученным русским посольством в Москве. Другими словами, царь, если бы его выбрали на польский престол, принимал предложение и не уступал трона австрийскому кандидату (хотя подобные слухи имели место). Если же Федора не изберут, то русское правительство не имело ничего против избрания представителя австрийского двора. Эти указания вытекали из результатов переговоров с австрийским послом в мае-июне в Москве, отчет о которых дошел до нас [22].

Что побудило русское правительство занять такую позицию? Конечно, не родство Габсбургов и Рюриковичей, которое подчеркивалось во время переговоров в Москве, заставило русское посольство в соответствии с инструкциями поддержать избрание Максимилиана. Это было обусловлено интересами России.

Как мы знаем, имелось две группировки католической контрреформации, и они действовали в противоположных на-

---

[21] Ferd. A., Bd. 129.
[22] Ср. Ibidem.

правлениях во время выборов в Польше в 1587 г. Как Сигизмунд, так и Максимилиан были сторонниками католической контрреформации. Однако их тактика была различной, что выразилось прежде всего в их отношении к России. Австрийскому двору необходима была срочная помощь России в борьбе против турок, поэтому он стремился к установлению мира между Россией и Польшей. Другая группа добивалась немедленной войны, чтобы, как лицемерно утверждал Баторий, завоевать Россию прежде, чем это успеет сделать Османская империя.

У русского правительства поэтому были все основания для того, чтобы вбить клин между этими двумя группами. Наиболее опасной в тот момент для России группой католической контрреформации руководили иезуиты, и ее поддерживал Сигизмунд. Она была настроена явно агрессивно по отношению к России. Сигизмунд через своего оратора в Варшаве во время заседания выборного сейма указал на то, что он, как и Баторий, считает войну против России своей ближайшей задачей. Понятно, что основной задачей русского правительства было как можно энергичней препятствовать избранию на польский трон этого кандидата. Такая позиция русского правительства повлияла на результаты голосования за обоих представителей.

Представители католической контрреформации не пришли к единому мнению относительно кандидатуры короля. В то время как польские иезуиты решительно выступали на стороне Сигизмунда, папский нунций открыто поддерживал кандидатуру Габсбургов. Наиболее влиятельные деятели польского дворянства Замойские и Зборовские находились во главе непримиримо враждующих дворянских группировок, что продолжительное время создавало угрозу серьезного кровопролития.

Католическая контрреформация в Польше во время правления Батория превратилась в силу, значение которой было очевидно и папе, и германскому императору, и королю Испании, выступавшим вместе на выборах польского короля в 1587 г., как показывают «Фердинандовы акты».

Уже 27 января 1587 г. посол эрцгерцога Фердинанда Тирольского Гейцкофлер сообщал из Праги, что кардинал Мадруч, епископ тридентский, послал своего курьера к императору Рудольфу с сообщением, что он «дал хорошие рекомендации высокочтимому дому Габсбургов» перед папой и что папа решил выступить в поддержку эрцгерцога Эрнста. Одновременно кардинал передавал о стараниях испанского посла в Риме добиться поддержки в этом деле «во имя интересов самой Испании и христианства». Далее Гейцкофлер

сообщал, что иезуит Поссевино, которому он не доверяет ни в какой мере, направился в Польшу.

10 марта Гейцкофлер извещал, что один курьер из Польши к императору рассказал о растущих противоречиях среди польских выборщиков, которые грозят привести к кровавым столкновениям. С настроениями в пользу австрийской династии дело обстоит неплохо, в особенности, вследствие агитации папского нунция среди епископов и духовенства, исключая, конечно, литовцев, антиавстрийские настроения которых были вызваны деятельностью Поссевино. На собрании проавстрийски настроенных выборщиков появились только четыре литовца. Остальные «воздержались». Это сообщение показывает, насколько велико было число «русских» голосов, ибо только в литовской фракции Максимилиан мог собрать большинство голосов. Из этого же сообщения становится ясно, что 6 апреля 1587 г. Поссевино по желанию папы был отозван из Польши. Австрийский дом не ожидал от этого итальянского иезуита, столь тесно связанного с польскими иезуитами, ничего хорошего [23].

Поссевино даже в момент своего отъезда оказывал значительное влияние на переговоры об избрании польского короля, как это показал недавно Халецкий, ссылаясь на письмо Поссевино от 5 мая 1587 г.[24] Письмо адресовано влиятельному воеводе Ст. Гомулинскому. В нем подчеркивается, что русский великий князь не должен быть избран ни при каких обстоятельствах и что наилучшим кандидатом является все же Сигизмунд шведский. В сообщении эрцгерцогу Фердинанду от 29 января 1587 г., составленном хорошо информированным доверенным лицом, говорится о вероятном избрании на польский престол Сигизмунда, и в качестве причины приводятся «религиозные убеждения последнего и участие в выборах иезуитов».

Почему же иезуиты так рьяно выступали в поддержку молодого и довольно заурядного Сигизмунда?

Он прошел школу иезуитов, находился продолжительное время в их окружении, под их сильнейшим влиянием. Иезуиты надеялись обрести в нем послушное орудие для исполнения своих далеко идущих планов. Сигизмунд в четвертом пункте своего предвыборного заявления извещал, что намерен продолжать политику Батория в отношении России и по меньшей мере стремится «вернуть» для польско-литовского союза Псков и Смоленск. Это заявление было составлено

---

[23] Ср. NP, Bd. 23, 36, 39.

[24] Ср. O. Halecki. Possevino's Last Statement on Polish-Russian relations. «Orientalia chrictiana periodica», vol. XIX. Roma, 1954, p. 261 sq.

целиком в духе польской феодально-католической контрреформации, которая окончательно сложилась при Батории.

Австрийские претенденты представляли себе ясно как позицию Поссевино, так и позицию польских иезуитов, получивших в это время столь большую власть. В Польше возобладала контрреформация. Ее активный сторонник великий канцлер Замойский действовал, как вынуждены были все чаще констатировать австрийские послы, очень осторожно, хотя в то же время и решительно. Выборы шведского кандидата и его коронация были делом рук Замойского и иезуитов. Но они вскоре разочаровались в своем кандидате. Сигизмунд был хорошо образован и довольно послушен по отношению к своим воспитателям и духовникам — иезуитам. Однако он был своенравен и, главное, незначителен как личность по сравнению с Баторием, который был по крайней мере выдающимся полководцем и политическим деятелем, отлично понимавшим смысл польской контрреформации. Во время правления Сигизмунда хозяйничали, конечно, иезуиты. Однако такое положение не давало никакого преимущества Польше.

Руководители русского правительства, например Борис Годунов (по сообщению австрийских послов из Москвы в апреле-мае 1587 г., в это время в качестве шурина неспособного царя он начал играть решающую роль), считали необходимым всеми силами препятствовать выборам Сигизмунда, поддерживая представителя Австрии, ибо выбор Сигизмунда означал бы для России неизбежное столкновение с польской контрреформацией, стремившейся к продолжению антирусской войны. Попытка, завоевав Псков и Смоленск, принудить Россию вступить в церковную унию, т. е. план шведско-польско-литовской коалиции, который с избранием шведского кронпринца на польский престол, казалось, был близок к осуществлению, встречала решительное сопротивление русского правительства.

Иезуиты стремились к избранию Сигизмунда еще и потому, что таким путем они достигали союза Швеции с Польшей Литвой и получали шансы для возможной рекатолизации Швеции. Это было бы крупным успехом католической контрреформации в Европе и означало бы серьезную опасность прежде всего для России. Поэтому русское посольство на выборах решительным образом выступало против Сигизмунда.

Кандидатура Сигизмунда Батория, племянника умершего короля, с самого начала не имела перспектив на избрание на польский престол. Он также был решительным противником России и обещал завершить планы своего дяди Стефана. Он даже получил от папы значительную сумму денег «для продолжения войны против России», как об этом написано

в одном из докладов австрийского посольства на выборах. Однако ввиду отрицательного отношения ко всем Баториям в широких кругах Польши, прежде всего среди менее знатного дворянства, Сигизмунд Баторий, как писал информатор эрцгерцога Фердинанда 29 января 1587 г., не имел никаких перспектив на избрание королем. Это сообщение весьма интересно. Отрицательное отношение к Баториям, в особенности со стороны мелких дворян, вызвано было тяжелыми налогами, которые вынуждена была платить страна для ведения войны против России. Эти настроения должны были учитываться. Кроме того, Сигизмунд шведский считался во влиятельных кругах католической контрреформации Польши более желательной фигурой для их агрессивных планов.

Мы уже знаем отношение Австрии к России и Польше. Здесь решающую роль играла борьба против Турции. При этом речь шла не столько о всякого рода религиозных делах, сколько о завоевании Венгрии, важной в стратегическом отношении страны, и устранении постоянной опасности империи Габсбургов со стороны Османской империи. Выборы австрийца польским королем означали бы нападение на Венгрию и с севера. Об этом открыто говорилось в предвыборном заявлении членов австрийской делегации[25], где имелся, кроме того, намек на историческую общность с землями чешской короны. Особенно подчеркивалась в заявлении возможность привлечения России к борьбе с Османской империей.

Отсюда ясно, почему султан, который был также представлен на выборах посольством, через своих посланников подчеркивал, что он ничего не имеет против избрания шведского принца или родственника Батория на польский престол[26]. И наоборот, поддержку любой кандидатуры русского или австрийца он будет рассматривать как действие, враждебное Порте.

После коронации Сигизмунда в конце 1587 г. папская дипломатия сразу же развернула лихорадочную деятельность. В Польшу был послан такой известный доверенный папы, как кардинал Альдобрандини[27], который должен был путем личного вмешательства объединить разрозненные боевые ряды католической контрреформации. Речь шла не только об освобождении взятого в плен эрцгерцога Максимилиана, но и о примирении нового польского короля Сигизмунда III с австрийским двором. Лучшим путем для такого примирения

---

[25] Ferd. A., Bd. 129.
[26] Ibidem. Заявление представителя султана.
[27] Ibid., Bd. 130.

казался брак Сигизмунда с представительницей дома Габсбургов. Сигизмунд в предвыборном заявлении должен был согласиться с тем, что он может вступить в брак только с разрешения польского сейма. В результате продолжительных переговоров[28] Мария, сестра будущего императора Фердинанда II, стала королевой Польши. Недоверие польской знати к этому браку было довольно сильно с самого начала и долгое время мешало объединить фронт контрреформации. Однако этот брак долгое время оказывал сильное влияние на политику Польши, в особенности во время Тридцатилетней войны.

Таким образом, становится понятным, почему русское правительство еще в 1588 г. начало противодействовать угрозе объединенной агрессии со стороны Польши и Австрии, не только выступив за освобождение Максимилиана, но и пытаясь помочь ему силой овладеть польским престолом. Соглашение между Рюриковичами и Габсбургами в этот момент было опять использовано, чтобы помешать консолидации объединенного фронта польской католической контрреформации во главе с Сигизмундом, с одной стороны, и Габсбургами, Испанией и папой, с другой. В историографии этим переговорам 1588 г. до последнего времени также уделялось мало внимания.

Насколько велико и оправдано было недоверие со стороны влиятельных и правящих кругов Польши к Габсбургам, показывает интересное сообщение от 1593 г. одного австрийского посланца в Польше. Сигизмунд за год до этого по требованию папской курии и иезуитов после смерти своего отца направился в Швецию, чтобы получить и шведскую корону. Но его принадлежность к римско-католической церкви явилась здесь основным препятствием в глазах шведских дворян, бывших лютеранами. Они не хотели включения Швеции в контрреформаторский фронт и с большей охотой поддерживали политику морских держав — Англии и Нидерландов, обеспечивавшую их политические и экономические интересы. При короле Иоганне III, отце Сигизмунда, который уже в 1578 г. передал в руки иезуиту Поссевино документ о переходе в католическую веру, силы контрреформации стали крепнуть в Швеции. Иезуитам удалось добиться закрытия национального университета в Уппсала, который придерживался протестантского направления. В Стокгольме была создана Высшая католическая школа, которая подготавливала учеников к поступлению в иезуитские университеты Польши и

---

[28] Ferd. A., Bd. 132.

Австрии[29]. При наличии союза Швеции с Польшей и Литвой можно было опасаться того, что в Швеции быстро начнет развиваться рекатолизация, как это случилось в 70-х — 80-х годах XVI в. в Польше. Однако в этом вопросе решительное противодействие оказали шведские церковники. Перед своей коронацией Сигизмунд вынужден был официально признать Аугсбургское исповедание и снова открыть университет в Упсала. Атака контрреформации была отбита, а в 1598 г. Сигизмунд был смещен.

В 1593 г., во время продолжительного отсутствия Сигизмунда, в Польше распространился слух, что он хочет остаться в Швеции и отказаться от польской короны, как это сделал недавно Генрих Валуа. Учитывая это, Габсбурги стали заблаговременно готовиться к тому, чтобы провести на выборах в Польше своего кандидата. Австрийское посольство, направленное в июне 1593 г. в Польшу, должно было провести работу именно в этом направлении. Сообщение этого посольства также является очень интересным документом, который свидетельствует о глубоком недоверии к Габсбургам со стороны Польши, где в случае избрания Габсбурга опасались пережить участь Венгрии. Однако в Австрии недооценили послушание Сигизмунда отцам-иезуитам, которые заставили его вернуться в Польшу. Здесь он продолжал свою деятельность целиком в духе своих духовных наставников. Вскоре по возвращении он занялся делами Брестской церковной унии, которая столетиями отравляла взаимоотношения между Польшей и Россией.

Вмешательство польских иезуитов в русские дела в начале XVII в. общеизвестно: иезуиты были наставниками Лжедмитрия, который принял римскую католическую веру.

В начале XVII в. Россия была отрезана от остальной Европы, что вредно отражалось на ее развитии. Это следует подчеркнуть особенно решительно ввиду стараний О. Халецкого[30] положительно оценить церковную и политическую контрреформацию, прежде всего в Польше, а также в Венгрии и Чехии. Планы польской и всекатолической контрреформации после захвата иезуитами московского Кремля, в 1606 г., казалось, были уже близки к осуществлению. Однако уже современники — широкие круги польского и литовского мелкого дворянства, массы народа — поняли опасность, которая

---

[29] Ср. S. Göransson. De Svenska studieresorna och den religiösa kontrollen Från reformationstiden till frihetstiden. Uppsala, 1951, S. 5, 177.

[30] O. Halecki Grenzraum des Abendlandes. Salzburg, 1957, S. 133—290 (перевод на немецкий язык книги: «Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe». New York. 1952).

таилась в затянувшейся войне в Восточной Европе. Об этом свидетельствуют симпатии в отношении кандидатур царей Ивана IV в 1573—1575 гг. и Федора в 1587 г.

Католическая контрреформация в Польше, энергично поддержанная папством и рядом правительств, одержала верх. Однако яростные попытки иезуитов подчинить все восточноевропейские страны провалились. Самой Польше союз дворянства с католической церковью и иезуитами под лозунгом контрреформации стоил очень дорого и привел к ее серьезному ослаблению, которое проявилось в XVII в. и в последующее время.

* * *

Die Geschichte der polnischen Königswahlen wird hier im Zusammenhang mit den Bemühungen der römischen Kurie und der mit ihr verbundenen europäischen Gegenreformation gesehen, Rußland unter ihre Kontrolle zu bekommen. Sowohl bei der Wahl Heinrichs von Valois, Stephan Bátorys und auch des schwedischen Kronprinzen Siegmund zum polnischen König war neben dem Treuebekenntnis zur katholischen Kirche die Zusicherung entscheidend, den Kampf gegen Rußland fortzusetzen. Man ging dabei von der falschen These aus, man könnte das Osmanische Reich am meisten schwächen, wenn man Rußland selbst erobere, bevor es eine Beute der Türken werde. Anhand bisher unbekannten oder wenig bekannten Quellenmaterials werden die Versuche Rußlands gezeigt, der drohenden gemeinsamen Front der polnischen Gegenreformation mit Siegmund einerseits und den Habsburgern und den Päpsten andererseits entgegenzuwirken.

Я. С. Лурье

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА второй половины XVI в.

Вопрос о роли России в борьбе за политическую гегемонию в Европе во второй половине XVI в., и, в частности, в англо-испанской борьбе этого периода почти не привлекал внимания исследователей. В дореволюционной и иностранной историографии вопрос о политической стороне русско-английских отношений, в сущности, и не ставился: историки считали, что «Россия была для Англии не государством, имеющим какое-либо политическое значение, а не более как выгодным торговым рынком» и что Россия «не занимала места в политической системе Англии» [1]. Отрицают какое бы то ни было политическое значение русско-английских отношений и современные западные буржуазные историки. «Как для России, так и для Англии значение их новосозданных взаимных связей лежало во второй половине XVI века, в сущности, в области коммерции»,— пишет западногерманский исследователь К. Г. Руффман [2]. Ту же мысль высказывает в своем общем очерке «Британское открытие России» М. С. Андерсон [3]. В основе всех этих утверждений, несомненно, лежит представление о полной изолированности России от «большой европейской политики» вплоть до начала XVIII в. и петровского открытия «окна в Европу».

В советской историографии международное значение Русского государства оценивается совершенно иначе. В особенности привлекали внимание исследователей внешняя политика Русского государства и его место в общеевропейских

[1] Ю. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, предисловие, стр. 18; С. Платонов. Борис Годунов. Пгр., 1921, стр. 49.

[2] K. H. Ruffmann. Das Russlandbild in England Shakespeares. Göttingen, 1952, S. 24.

[3] M. S. Anderson. Britain's discovery of Russia 1553—1815. London, 1958, p. 4, 8, 30, 32.

конфликтах XVII в.: ряд работ, в частности, посвящен роли России в Тридцатилетней войне [4]. Связывают внешнюю политику России с международными отношениями и авторы, пишущие о XVI в.[5] В советской историографии в последние годы появилось несколько работ, специально посвященных русско-английским отношениям XVI — начала XVII в.[6] Однако в этих работах мировое значение русско-английских связей, их роль в общей системе международных отношений учитывается в очень незначительной степени.

Характерным примером недооценки роли русско-английских отношений в международной политике XVI в. может служить книга Н. Т. Накашидзе «Русско-английские отношения во второй половине XVI в.» — единственная, хотя и небольшая по размерам, монография на эту тему, появившаяся в советской историографии. Предметом изучения автора служит именно политическая сторона русско-английских сношений. Считая, что «в советской исторической науке почти нет специальных исследований по русско-английским сношениям XVI века» и что «в нашей историографии не уделено достаточного места всестороннему и глубокому освещению данного вопроса», Н. Т. Накашидзе ставит своей целью «вскрыть настоящие причины и цели, которыми руководствовались правительства России и Англии в этих сношениях» [7].

Как же решает автор поставленную им проблему? Говоря о переговорах относительно русско-английского союза, Н. Т. Накашидзе указывает, что переговоры эти длились «в про-

[4] Ср., например: Б. Ф. Поршнев. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал», 1945, № 3; его же. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. ИАН, серия истории и философии, 1945, кн. 2, № 5; его же. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. ВИ, 1947, № 1; О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. Л., 1947; его же. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. «Уч. зап. ЛГУ», 1951, № 130, Серия исторических наук, вып. 18.

[5] Ср., например: Л. А. Дербов. К истории падения Ливонского ордена. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», 1947, т. 17; В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954; его же. Глава в кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», М., 1955, стр. 369—393.

[6] Ю. А. Соколов. К вопросу о причинах провала английских устремлений в Восточную Европу, Среднюю Азию и Персию. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», вып. XVIII, 1955, востоковедение, кн. 9; А. С. Самойло. Провал попытки английской компании захватить русский рынок в XVI — первой половине XVII в. «Ученые записки МОПИ», 1955, т. 22; Н. Т. Накашидзе. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1956; ср., также автореферат диссертации: Н. Ф. Прончатов. Англо-русские отношения в конце XVI в. Горький, 1955.

[7] Н. Т. Накашидзе. Указ. соч., стр. 3.

должение всего царствования Ивана IV», но «никогда не шли успешно в XVI столетии» [8]. Но почему все-таки возникали эти переговоры, чем объясняется их неуспех? Ответов на эти вопросы Н. Т. Накашидзе не дает. Мало того, он и сам недоумевает вместе с читателем. «Можно было подумать, что хоть на сей раз Елизавета пойдет на уступки, заключит с Россией договор о взаимопомощи, столь нужный для России»,— предполагает он, рассказывая о переговорах 1567—1570 гг., и возмущенно восклицает: «Но, конечно, королева и не собиралась делать этого» [9].

При этом рассуждения автора страдают странным нарушением логики. Категорически отвергнув мнение буржуазных историков об отсутствии у Англии политических интересов в России и указав на то, что «за торговыми интересами» Англии в XVI в. «несомненно, скрывались и политические», Н. Т. Накашидзе заключает: «Исходя из всего сказанного, нет необходимости говорить о желании, даже больше, о серьезной позиции английского правительства в вопросе о договоре. По тем же изложенным причинам проект договора о взаимопомощи и дружбе не получил сочувствия у Елизаветы» [10]. Но из наличия у Англии политических интересов в России странно выводить «несерьезное» отношение Елизаветы к проекту договора о союзе. Скорее наоборот, эти интересы могли определять «серьезную позицию» английского правительства в этих вопросах.

Взгляд Н. Т. Накашидзе на историю русско-английских отношений, несомненно, связан с его общими методологическими позициями. Англо-русские отношения в его представлении — это отношения между государством-колонизатором и государством, которому грозит колонизация. «Колонизаторские замыслы английских правящих классов не совмещались с заключением искреннего и дружественного договора с Россией, чьи богатства в сильной степени привлекали зарубежных хищников»,— пишет он в заключении к своей книге. Англичане, по мнению Н. Т. Накашидзе, «мешали русским овладеть и изучить передовую технику», они «хотели подчинить внутреннюю и внешнюю политику Московского государства путем нажима и шантажа». «Английская дипломатия всегда имела в своем арсенале коварные методы для осуществления своих враждебных России целей и замыслов. Английские правящие классы прославили себя как самые завзятые колонизаторы» [11].

[8] Там же, стр. 18.
[9] Там же, стр. 89.
[10] Там же, стр. 120.
[11] Там же, стр. 153—155.

Сходная оценка русско-английских отношений встречается и в статье Ю. А. Соколова: «Побуждаемые жаждой наживы, представители английской буржуазии увидали, как им казалось, пути к обогащению в Восточной Европе за счет ограбления русского государства и порабощения русского народа» [12]. «Английская политика в отношении Московского государства сохраняла экспансионистский характер...» [13].

Английская политика по отношению к России в XVI в. отнюдь не была бескорыстной; она всецело определялась практическими интересами господствующих классов. Если бы английские купцы, ездившие в Россию, нашли здесь слабое, политически раздробленное государство, они не упустили бы случая выступить в качестве колонизаторов (в начале XVII в., в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции, у некоторых англичан возникали планы захвата северных русских земель). Но в XVI в. им пришлось иметь дело с централизованным и достаточно сильным государством: английские политические деятели не могли не считаться с этим фактом. Исследователи, рассматривающие английскую политику по отношению к России XVI в. как «колониальную», явно недооценивают силу Русского государства того времени.

Если Н. Т. Накашидзе (в меньшей степени и Ю. А. Соколов) склонен преуменьшать роль России XVI в. как мировой державы, то в работе Б. Ф. Поршнева мы встречаемся с обратной крайностью. Б. Ф. Поршнев — один из немногих авторов, попытавшихся связать внешнюю политику России XVI в. с международной политикой и мировой историей в целом. Однако взаимоотношения России с другими европейскими государствами XVI в. изображаются Б. Ф. Поршневым в виде резкого антагонизма двух сил — России и Европы. «Пока Русь выпрастывалась из плена, которым был куплен европейский прогресс, Европа не только не приходила ей на помощь, но кропотливо воздвигала против нее то, что позже получило название «восточный барьер»... По мере того как вырисовывалось завершение борьбы Московского государства с Золотой Ордой, «барьер» делался все более мощным, все более непроходимым» [14]. Итак, Россия в полном одиночестве противостоит всей Европе в целом. Эта своеобразная позиция «блестящей изоляции» особенно усиливается, по мнению Б. Ф. Поршнева, со времени Ливонской войны. Именно в связи с началом Ливонской войны «восточный барьер», главным создателем

---

[12] Ю. А. Соколов. Указ. соч., стр. 9.

[13] Там же, стр. 13.

[14] Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV — XVIII вв. «Уч. зап. Академии общественных наук», вып. II. М., 1948, стр. 7.

которого Б. Ф. Поршнев считает Габсбургов (германских императоров), был преобразован и укреплен. «Старая триада — Ливония, Польша, Литва — в ходе Ливонской войны была заменена новой, тремя более мощными броневыми плитами, которыми отныне вплоть до XVIII в. и закрылась Европа на Востоке: в центре — объединенное ливонско-польско-литовское государство (Речь Посполитая), на севере — Швеция, на юге — Турция (постепенно подчинявшая себе и Крымское ханство)» [15]. Вне этого сплошного антирусского союза не оказывается, по мнению Б. Ф. Поршнева, ни одна из политических сил Западной Европы; если английские моряки и нашли «торговый путь в Россию в обход «барьера» — через Белое море», то они выступали в этом случае не как представители английского государства, а как «далекие от политики западноевропейские купцы» [16].

Такое представление о прямом антагонизме между Россией и всей Европой может основываться только на взгляде на Россию как на силу, равную по величине силам всех остальных государств, как на основного претендента на европейскую гегемонию. Соответствовала ли эта расстановка сил международному значению России XVI в.? Было бы преувеличением считать «московский вопрос» основным в международных отношениях XVI в. и видеть в борьбе с «Московией» главную цель политики Германской империи и других европейских государств. Сложившаяся в первой половине XVI в. Габсбургская империя Карла V — внутренне непрочное, но политически чрезвычайно активное объединение — вела ожесточенную борьбу с рядом европейских и внеевропейских сил; борьба эта досталась в наследство обоим преемникам Карла V — германскому императору и испанскому королю. Главным европейским соперником Габсбургов была в середине XVI в. Франция; в конце века ее сменила Англия; большую опасность для Габсбургов представляли Оттоманская Турция. Говоря о политике западноевропейских государств в отношении России, необходимо учитывать расстановку сил в Европе.

Одной из целей габсбургских дипломатов в России уже с конца XV в. было стремление натравить «Московита» на «Турка». По мере роста турецкой опасности в XVI в. интерес Габсбургов к России, как к крупнейшей восточноевропейской державе, способной противостоять Турции, непрерывно возрастал. Б. Ф. Поршнев неправ, когда, считая, что «значение Турции с XVI в. постепенно падало», он склонен уже

---

[15] Там же, стр. 11.
[16] Там же, стр. 9.

со времени Ливонской войны, следовательно, с середины XVI в., видеть в Турции только одну из «броневых плит» «восточного барьера», воздвигнутую «Европой» против России. Агрессивность и могущество Турции отнюдь не уменьшились во второй половине XVI в. В руках турок находилась основная территория Венгрии; граница их владений проходила у европейских земель Габсбургов; Турция все более усиливала свои позиции в Средиземноморье, и даже поражение при Лепанто в 1571 г. не помешало султану присоединить Кипр и Тунис.

О том, какое влияние имел на развитие русско-габсбургских отношений турецкий вопрос, очень красноречиво говорят так называемые «летучие листки» — «Fliegende Blätter», «Zeitungen» — весьма своеобразный памятник общественной жизни Европы того времени. Этот источник представляет немалый интерес для истории международных отношений XVI в., так как «листки» были в сущности прессой того времени, расчитанной на обработку широкого общественного мнения [17]. С начала Ливонской войны «Московит» выступает на страницах немецких «летучих листков» (как и других печатных и рукописных сочинений) в качестве своеобразного пугала, двойника другого страшилища — «Турка». «Жесточайший», «ужасный» («sehr grewliche, erschreckliche») — вот типичные эпитеты «Московита». Так продолжается до середины 70-х годов XVI в.

Но с этого момента картина резко меняется. К 1576 г. относятся три «листка», специально посвященных «Московиту»: два — обычного типа («Zeitungen») и один — в виде роскошного изображения русского посольства к императору со стихотворным текстом [18]. В этих «листках» (составленных, как и большинство, в официозном прогабсбургском духе) зловещий «Московит» переживает метаморфозу: он превращается в «дружественного государя», чью «дружественность и любезность» «не может достаточно восхвалить» вернувшийся из Руси габсбургский посол. Причину этой метаморфозы мы узнаем из тех же «листков» — все они стараются убедить

[17] Цитируемые дальше «листки» принадлежат к фонду «Rossica» Ленинградской публичной биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Замечательная коллекция «листков», содержащаяся в этой библиотеке, ни разу не была предметом исследования историков. Имеются только две библиографические заметки — в «Отечественных записках» (1858 г., т. 118) и во французском журнале «Bulletin du bibliophile et bibliothécaire». Série 14, Paris, 1859.

[18] «Warhaffte newe Zeitung Welchermassen die Römische Keys. Maiest zu einem König in Polen declarirt... worden». Leipzig (другое издание — Fr. a. M), 1576 (известие о турецких послах — из этого листка); «Warhaffte newe Zeittung auff dem Reichsstag zu Regenspurg». Cöln, 1576; «Warhafftige Contrafactur der Legation oder gesandten des Grossfürsten aus Moscaw...». Prag, 1576.

читателя в том, что «Московит» может стать удобным союзником против «Турка». Захлебываясь от восторга, автор одного из «листков», сообщает, как Иван IV из любви к императору прибывших к нему турецких послов частью «разрубил на куски», а некоторым «приказал отрезать носы и уши и в таком виде послал к их господину».

После приезда к императору Максимилиану II летом 1576 г. (в один из наиболее острых периодов борьбы за польский престол) русских послов Сугорского и Арцыбашева, надежды на осуществимость антитурецкого союза становятся еще крепче. Стихотворный листок обещает даже приезд самого «великого князя» к императору для войны с «Турком». Постоянное стремление Габсбургов к разжиганию вражды между Россией и Турцией было хорошо известно Ивану IV и другим русским политическим деятелям: в тех случаях, когда им важно было возобновление русско-германских связей, они неизменно ставили вопрос о «соединении» против «Турка» (хотя вовсе не помышляли о действительно серьезной войне с Турцией).

Этот пример с достаточной ясностью говорит о том, что борьба с «Московией» вовсе не была единственной и постоянной целью западноевропейских держав (в том числе и Германской империи, с прямой враждебностью относившейся к русскому наступлению в Ливонии), что отношение их к России постоянно связывалось с другими политическими вопросами. Международное значение Русского государства определялось не только его способностью противостоять Турции. Германские дипломаты неоднократно пытались добиться союза с Россией и против других важнейших противников империи; интерес к «Московии» обнаруживали и их соперники. Еще в конце XV в. габсбургские дипломаты запрашивали Ивана III о возможности русской помощи против французского короля и «изменников» во Фландрии: «Еще аще в Филандрию или в иных его земель запада будет надобе от твоих людей на изменников его величства или на их пособников, аще будет король Франъчьский или иные, твое величство имать послати некое число людей и на колко время?» [19]. В 1519 г., во время борьбы за императорский престол, противник Габсбургов бранденбургский маркграф Альбрехт сделал попытку завязать связь между Василием III и французским королем Франциском I, испросив у великого князя спе-

[19] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. I. СПб., 1851, стб. 30. Приведенные здесь и ниже примеры косвенных связей между Россией и Францией не учтены в весьма добросовестном исследовании Г. Жордания «Очерки из истории французско-русских отношений конца XVI — начала XVII в.», ч. 1. Тбилиси, 1959.

циальную грамоту к королю [20]. В 70-х годах XVI в., во время борьбы за польский престол между Габсбургами и французским принцем Генрихом Валуа, император Максимилиан II обратился к Ивану IV с целой декларацией против Франции, где упоминалось даже «безчеловечество» французского короля во время Варфоломеевской ночи [21].

Вопрос о русско-английских отношениях также не может быть отделен от общих проблем международной политики XVI в.

Характернейшая черта, бросающаяся в глаза при изучении русско-английских сношений в XVI в.,— строгая последовательность и целеустремленность, которую обнаруживала в этих сношениях русская сторона, и несравненно менее ясная и последовательная позиция противоположной стороны. Уже с 1558 г. Россия вступила в Ливонскую войну, и это обстоятельство в значительной степени определило ее внешнюю политику: поддерживая оживленную торговлю с англичанами, неоднократно предлагая Англии военный союз, правительство Грозного стремилось прежде всего к получению английской помощи (в первую очередь военного снаряжения) для борьбы за Балтийское побережье. Цели английского правительства в этом случае были менее определенными. Англия едва ли опасалась появления русских в Восточной Прибалтике (поскольку это не означало еще сколько-нибудь близкого соседства и Россия не стала еще морской державой); напротив, установление прямых торговых связей через Нарву было в интересах английских купцов, но идти ради укрепления русско-английских отношений на прямой разрыв с такими государствами, как Швеция и Польша (с которой Англия поддерживала не менее оживленную торговлю, чем с Россией), втягиваться в серьезный конфликт на востоке Европы, имея опасных соперников на западе, английские политики не хотели. Отсюда — безрезультатность переговоров о союзе, несколько раз возникавших в XVI в. и неизменно срывавшихся по вине английской стороны.

Именно эта безрезультатность и обращала на себя главным образом внимание исследователей, занимавшихся русско-английскими отношениями. Именно она и побуждала их считать, что Англия не имела политических интересов в Рос-

[20] Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887, стр. 102. Альбрехт почему-то не упомянул в предложенном русскому государю образце грамоты (там же, стр. 95) настоящего имени французского короля и назвал его «Каролом, королем христианнейшим» (в первоначальном русском тексте имени не было — там же, стр. 55).

[21] Ср. Я. С. Лурье. Известие о Варфоломеевской ночи в русских «Посольских делах» XVI в. «Вопросы истории религии и атеизма», т. VI. М., 1958.

сии или что ее интересы здесь были чисто «колонизаторскими». Предпосылкой такого вывода было рассмотрение русско-английских отношений самих по себе как отношений между двумя изолированными от остального мира партнерами. Но ведь Англия была не единственным государством, поддерживавшим сношения с Россией. Английские политики могли считать излишне рискованным прямой военный союз с Россией, но это не значит, что для них были безразличны отношения между этим государством и другими странами Европы. Позиция Англии по отношению к России была связана с ее общей позицией в системе международных отношений второй половины XVI в.

Международно-политическая позиция Англии не была одинаковой в течение всей второй половины XVI в.

Первые политические переговоры между Русским государством и Англией возникли в то время, когда на английском престоле находилась Мария Тюдор, супруга испанского короля Филиппа II, и внешняя политика Испании и Англии в основном совпадала. В феврале 1557 г. в Англию приехал русский посол Осип Непея. Непея не был, как мы теперь знаем, первым представителем Московской Руси, посетившим Англию в XVI в.: русские послы, отправлявшиеся в Испанию, побывали в Англии уже в 1524 г. Но постоянные сношения между обоими государствами завязались только после приезда в Россию в 1553 г. Ченслера. Миссия Непеи, состоявшаяся в ответ на двукратные визиты Ченслера, носила уже определенно политический характер. Содержание переговоров, которые Непея вел с Марией и Филиппом (находившимся в то время в Англии), остается неизвестным: русские «Посольские дела» за эти годы не сохранились [22], а в грамоте Филиппа и Марии, посланной с Непеей, туманно говорится: «В настоящее время воздерживаемся писать вам более пространную грамоту и просим, чтобы вы дали веру в остальном тому, что скажет

---

[22] Ссылка на статейный список Непеи (и другие статейные списки и описания посольств до 1581 г.), содержащаяся в «Путеводителе» по ЦГАДА (М., 1946, стр. 26), основана на недоразумении. Хотя в «Обзоре внешних сношений России» Н. Н. Бантыш-Каменского (ч. I. М., 1896, стр. 91—93), составленном в конце XVIII в., английские дела до 1581 г. упоминаются, но в настоящее время ни статейных списков русских послов, ни описаний приезда английских послов до 1581 г. в ЦГАДА нет (ср. уточненные описания: «Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории г. Москвы». М., 1949, стр. 38; «Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма». М., 1954, стр. 29).

тот ваш посланник» [23]. Но впоследствии Грозный утверждал, что он вел переговоры «о любви и о соединении» с Филиппом и Марией [24], и в Западной Европе переговоры Непеи в Лондоне вызвали усиленное и тревожное внимание. В 1556—1558 гг. Иван IV вел военные действия на юге — с Крымом и Турцией; русские войска нападали на турецкие гарнизоны в Северном Причерноморье. Враги Габсбургов считали поэтому, что во время переговоров с Непеей в Лондоне Филипп настраивал русского царя против султана. Французский представитель в Венеции писал своему коллеге в Константинополе, что косвенным виновником «победы московитов над турками» является испанский король: «Вы должны уверить султана и его пашу, что это король Филипп возбудил против него этого врага, ибо я вспоминаю очень хорошо, что когда я был послом в Англии, туда прибыл посол короля московитов... и король Филипп... снабдил его всякого рода оружием..., чтобы одержать верх над землею султана...» [25]. В Польше также ходили слухи, что вернувшийся из Лондона Непея привез с собой огромное количество военного снаряжения для Руси [26].

Своеобразие этого первого русско-английского политического сближения заключается в том, что оно происходило в такой момент, когда Англия еще не только не была противником Испании, но в значительной степени шла в фарватере габсбургской политики; главным противником Габсбургов в Европе была в те годы Франция. Внешняя политика России также вызывала тогда сочувствие Габсбургов, так как Иван IV еще не вступил в конфликт с северным вассалом империи — Ливонией — и вел борьбу с султаном.

Совсем иной была международная ситуация во время второго политического сближения между Россией и Англией. Весной 1558 г. началась Ливонская война; после нескольких попыток дипломатического вмешательства Габсбурги принуждены были убедиться в том, что изменить направление русской политики и добиться новых русско-турецких столкновений им не удастся; доброжелательная позиция по отношению к России сменилась враждебной. Однако в английской политике по отношению к России подобного изменения не произо-

---

[23] Ю. Толстой. Указ. соч., № 4, стр. 17.

[24] Сб. РИО, т. 38. СПб., 1888, стр. 109, 147.

[25] E. Charrière. Négociations de la France dans le Levant, ou correspondances, mémoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France..., vol. II. Paris, 1850, p. 449—450.

[26] И. Гамель. Англичане в России в XVI—XVII вв., ст. 1. СПб., 1865 (приложение к «Запискам АН», т. VIII, № 1), стр. 65. Специальные переговоры о прекращении английской помощи России вел в 1555 г. польский посол Крыйский [ср. J. Jasnowski. England and Poland in the XVIth and XVIIth centuries (Political relations). Oxford, 1948, p. 13].

шло. В том же 1558 г., после смерти Марии Тюдор и воцарения ее сестры Елизаветы, была разорвана личная уния между Англией и Испанией. Соперничество на море приводило ко все большему обострению англо-испанских отношений. Противоречила политике Габсбургов (и неоднократным призывам германского императора и польского короля) и та активная торговля (в частности стратегическими материалами), которую вела Англия с появившимися на Балтике «московитами».

В этой обстановке в конце 60-х годов XVI в. Иван IV впервые выдвинул проект прямого военного союза между Россией и Англией. Предложения об этом союзе были переданы царем английской королеве осенью 1567 г. через купца Антони Дженкинсона. Согласно предложению Грозного, оба государства должны были помогать друг другу «против всех своих врагов»; Елизавета должна была содействовать Ивану IV в приглашении из-за границы «мастеров, которые умели бы строить корабли и управлять ими», в получении артиллерии и снарядов; оба государя должны были взаимно гарантировать друг другу (втайне) право убежища [27]. В 1568 г. для переговоров об этом союзе в Москву прибыл английский посол Томас Рандольф.

Предложение Ивана IV о русско-английском союзе было только частью широкой дипломатической программы, задуманной царем в эти годы: одновременно с переговорами с Елизаветой Иван вел переговоры о подобном же военном союзе со шведским королем Эриком XIV. Переговоры со шведским королем хронологически предшествовали переговорам с Англией: в феврале 1567 г. в Москве был заключен союзный русско-шведский договор; в июле в Швецию были отправлены русские послы для закрепления этого договора присягой, а в ноябре того же года Иван IV предложил аналогичный союзный договор Англии. Как и в проекте договора с Англией, в русско-шведском договоре взаимная военная помощь связывалась с правом свободного проезда купцов и ремесленников на Русь [28].

Естественно, возникает предположение о связи между проектами русско-шведского и русско-английского союзов [29]. Эта связь представляется тем более вероятной, что шведский король Эрик XIV, как и Елизавета, находился в враждебных

[27] Ю. Толстой. Указ. соч., № 12.

[28] O. S. Rydberg. Sverges traktater med främmande magter jemte andra, dit hörande handlingar. Delen 4. Stockholm, 1888, s. 538. Изложение этого договора см. Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 493—495.

[29] Я. С. Лурье. Английская политика на Руси конца XVI в. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 61, Л., 1947, стр. 121—122; «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 495—497.

отношениях с Габсбургами; Эрик XIV и прежде стремился к союзу с Англией, а в 1561 г. у него уже возникла идея шведско-русско-английского союза [30].

Предположение о связи между планом шведско-русско-английского союза, возникшим у шведского короля, и переговорами 1567—1568 гг. получило в последние годы распространение в историографии [31]. Оно встретило, однако, и возражения. Весьма решительно на первый взгляд отвергает эту гипотезу Н. Т. Накашидзе. «Ни о каком непосредственном влиянии шведского короля» на план русско-английского союза, по его мнению, «не может быть и речи. План русско-английского союза возник у Ивана вполне самостоятельно». Из этих слов можно заключить как будто, что Н. Т. Накашидзе отрицает связь между проектами шведско-английского и русско-английского союзов. Но несколькими строчками ниже он добавляет: «Совершенно другое дело, если Иван счел нужным присоединиться к этому плану» [32]. Но сказать, что Иван IV присоединился к союзу Эрика XVI с Елизаветой,— это и значит признать, что дипломатической предпосылкой русско-английского союза был шведско-английский союз. Речь идет об установлении связи между проектом англо-русского договора 1567—1568 гг. и международной обстановкой того времени. Н. Т. Накашидзе соглашается с тем, что Иван IV был в курсе международных отношений своего времени [33]. Царь мог, следовательно, учитывать в своих планах и международное положение Швеции и Англии.

Несколько иные возражения выдвигает против высказанного предположения В. А. Александров. Главное внимание он уделяет вопросу, насколько «искренне стремился к союзу с Россией» Эрик XIV. При этом он подчеркивает, что русское правительство вело в те годы переговоры и с другим своим соперником в борьбе за Ливонию — Польшей и что Эрик, предлагая союз, «стремился также сорвать заключение возможного мира России с Польшей и Литвой» [34]. Однако эти соображения ни в какой мере не ставят под сомнение серьезность проекта шведско-русско-английского союза, выдвинутого Эриком XIV. Эрик XIV мог хотеть сорвать русско-польское перемирие и одновременно стремиться к заключению союза с двумя столь сильными державами, как Россия и Англия.

---

[30] Г. В. Форстен. Указ. соч., т. I, стр. 353—355.

[31] В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 67—68; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 380.

[32] Н. Т. Накашидзе. Указ. соч., стр. 16.

[33] Там же, стр. 107.

[34] В. А. Александров. Рецензия на кн.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». ВИ, 1955, № 9, стр. 140.

Для проверки гипотезы о связи между предложениями Ивана IV Дженкинсону и планами Эрика XIV недостаточно умозрительных рассуждений об искренности или неискренности шведского короля. Для решения вопроса нужны были бы более широкие сведения о характере шведско-русско-английских отношений в этот период, об обстановке, в которой проходили эти переговоры. Такими сведениями мы, к сожалению, не располагаем [35].

План русско-шведского и русско-английского союзов, возникший в 60-х годах XVI в., осуществлен не был. Русско-шведскому сближению помешал государственный переворот 1568 г., приведший к власти Иоганна III — заклятого врага России [36]. Не осуществился и русско-английский союз. Миссия Рандольфа, правда, оставила у Ивана IV впечатление, что ему удалось добиться согласия английского посла на предложенные русской стороной условия договора [37], но в ходе дальнейших переговоров, которые вел в Англии русский посол А. Совин, стало ясно, что Елизавета внесла в первоначальные условия договора такие изменения, которые лишали его в глазах царя всякого смысла [38]. Царь склонен был объяснять эту неудачу политической неспособностью «пошлой девицы» Елизаветы и изменническим поведением своего посла Совина (обвиненного вскоре после этого по делу бывшего опричника князя Вяземского) [39], но дело было, конечно, именно в общем направлении английской политики. В инструкциях, которые дал Рандольфу ближайший советник королевы

[35] В «Шведских делах» Посольского приказа отсутствуют как раз дела за период с 1563 до середины 1568 г. (ср. Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910); «Английские дела» (статейные списки и отчеты о приездах послов) начинаются только с 1581 г. (Сб. РИО, т. 38).

[36] В момент переворота Эрик XIV и его сподвижник Перссон обещали русским послам в случае победы над Иоганном сделать то «дело», которое Эрик «посулил» Ивану IV («Путешествия русских послов XVI — XVII вв. Статейные списки». М.— Л., 1954, стр. 47). Во время последней аудиенции Эрик XIV обещал русским послам поговорить с ними «втайне» на эту тему, не доверяя, очевидно, лицам, присутствовавшим на официальной аудиенции, но эта тайная беседа была отложена, Эрик вновь заболел, а затем был свергнут (там же, стр. 56—59).

[37] Ю. Толстой. Указ. соч., № 28, стр. 109; «Послания Ивана Грозного», стр. 142.

[38] Ю. Толстой. Указ. соч., № 21, 25, 26.

[39] Там же, № 28, стр. 109; «Послания Ивана Грозного», стр. 142. Не вполне ясная фраза, читающаяся в этой грамоте: «А что которой будет и в нашем деле был, да нам изменил, и тому было верити непригож»,— получает разъяснение из более поздней беседы Ивана IV с английским послом Баусом, где речь идет о русском после Совине: «А что наш посланник делал с нашим ближним человеком со князем Офонасьем Вяземским, а не по нашему приказу, а над Ондреем по тому от нас и наша опала учинена» (Сб. РИО, т. 38, стр. 109). Афанасий Вяземский был обвинен в измене в 1570 г., в год возвращения Совина.

лорд-казначей Сесиль-Берли, указывалось, что «наступательный и оборонительный союз» с Россией опасен, ибо «нам небезызвестно о существовании вражды между ним (царем.— *Я. Л.*) и Римским императором, а также другими королями» [40]. Причина неудачи заключалась, таким образом, не в том, что Россия не интересовала Англию с политической точки зрения, а в том, что союз с ней вовлек бы Елизавету в такие международно-политические комбинации, которые казались ей — во всяком случае в 60-х годах — слишком рискованными.

Международное значение русско-английских отношений становится особенно важным с 80-х годов XVI в. Это — время прямого столкновения между габсбургско-католическими силами, возглавляемыми Испанией, и их противниками — Англией, революционными Нидерландами, французскими гугенотами. Борьба в Западной Европе была теснейшим образом связана с борьбой против Турции: султан был опаснейшим врагом Габсбургов и поддерживал прямые сношения с их европейскими союзниками. В этой обстановке роль России и как европейской державы, ведшей войну на Балтийском море, и как непосредственного и сильнейшего соседа Турции, оказывалась особенно значительной.

Конец Ливонской войны был ознаменован весьма остроумным дипломатическим демаршем, предпринятым Иваном IV: стремясь найти выход из трудного положения, в котором оказалась Россия в конце войны, царь обратился к императору и римскому папе, обещая им в случае успешного посредничества между Россией и Польшей принять участие в войне с Турцией и обсудить вопрос об унии с католической церковью, и одновременно к главному противнику габсбургско-католических сил — Англии. К императору и папе был послан гонец Истома Шевригин, к Елизавете — английский купец, проживавший в России, Джером Горсей; в 1581—1582 гг. в Россию приезжал папский посол Антоний Поссевино (содействовавший заключению перемирия с Польшей); в 1582 г. к императору был отправлен русский посол Я. Молвянинов, а к Елизавете — Федор Писемский. Обращаясь к западно-европейским державам, Грозный отлично знал, что перед ним взаимно враждебные силы. Гонец Шевригин еще в 1581 г. сообщил Грозному, что «ангилейская королева с шпанским королем живет не в миру, и в нынешнем в восмьдесят девятом году была война шпанскому королю в Недерлянской земле

[40] Ю. Толстой. Указ. соч., № 15. В подлинном английском тексте конкретно эти «короли» не названы: «the inmitie... betwext him and kings of... others» (стр. 45; многоточие в издании Ю. Толстого), в русском переводе Ю. Толстой дополнил по догадке: «Польским и Шведским» (стр. 48).

великая, и вперед угадывают у ишпанского короля с английскою королевою потому ж войне быть»[41]. Молвянинов также докладывал царю, что «с англинскою королевою с Елисаветем цесарь не в миру ж, для веры, что она люторка, да и потому, что она стоит против шпанского короля за Идерлянскую землю, за люторей, которые от шпанского короля отстали; а шпанской король люторей не любит, многих люторей извел, и ссылки аглинской королеве с цесарем нет же»[42]. Опираясь на эти сведения, русский посол в Англии прямо мотивировал предложения союза тем, что «учинился государю нашему недруг Стефан, король польский и литовской, а спомогают ему папа и цысарь и иные короли»[43].

Обострившаяся международная обстановка (в 1580 г. происходило прямое столкновение между английскими и папскими войсками в Ирландии, Елизавета вмешивалась в войну в Нидерландах) побудила Елизавету в 1582—1583 гг. с бо́льшим вниманием отнестись к предложению союза с Россией, чем она это сделала в 1567—1570 гг. Хотя Елизавета по-прежнему вместо безусловной военной помощи «на всякого недруга» предлагала предварительное мирное посредничество, и только в том случае, если недруг «королевниных речей не послушает и учнет быть недругом, и королевне на того недруга стоять заодин», но на этот раз она не оговаривалась, что окажет военную помощь лишь постольку, поскольку «обстоятельства времени и места позволят ее оказать»[44]. Если в 1568 г. послу Рандольфу было поручено отделаться от предложения о союзе «благопотребными речами»[45], то в 1583 г. новому английскому послу Баусу поручалось вполне конкретное дело — посредничество в еще не окончившейся русско-шведской войне.

Однако наиболее характерны для обстановки 80-х годов XVI в. не эти формальные различия между старыми и новыми дипломатическими предложениями, тем более что практически английское посредничество в русско-шведской войне все равно не имело места (перемирие со Швецией было заключено до переговоров с Баусом) и русско-английский союз опять не был осуществлен. Важнее, чем официальные переговоры о союзе, была чрезвычайно оживленная закулисная политическая деятельность, проводившаяся дипломатами и агентами враждебных западноевропейских держав в те же годы.

---

[41] «Памятники дипломатических сношений...», ч. X. СПб, 1871, стб. 21.
[42] «Памятники дипломатических сношений...», ч. I, стб. 891.
[43] Сб. РИО, т. 38, стр. 37; «Путешествия русских послов XVI — XVII вв. Статейные списки». М.— Л., 1954, стр. 122.
[44] Сб. РИО, т. 38, стр. 46—48; «Путешествия русских послов XVI — XVII вв.», стр. 132—134. Ср. Ю. Толстой. Указ. соч., № 21, § 1 и 3.
[45] Ю. Толстой. Указ. соч., № 15, стр. 48.

Борьба представителей обеих сил на Руси началась еще в 1581 г., когда в Москве находились одновременно папский нунций Поссевино и английский купец и дипломат Горсей. О своем столкновении с Поссевино «в былые времена в Москве, где он был нунцием», рассказывал Горсей впоследствии, упоминая о новой встрече с тем же Поссевино в Польше [46]. Он утверждал даже, что Поссевино, «помня старое неудовольствие», пытался организовать убийство Горсея испанскими наемниками [47]. Сам Поссевино также сообщает о борьбе с ним англичан. Он рассказывает: «Так как лютеране из Германии и кальвинисты с прочими [подонками] из Англии постоянно ведут торговые дела в Московии, они... пытались свалить на католиков относящиеся к ним самим обвинения в бесчестности и раздорах, чтобы, следовательно, затруднить нам доступ к открытию дверей веры». Еще интереснее сообщение Поссевино, что в бытность его в Москве «какой-то еретик» «из английских купцов» подал царю записку, где доказывал, что папа — антихрист, так что Поссевино пришлось составить для царя специальное опровержение этого [48]. Со своей стороны Поссевино в переговорах с Грозным о союзе обещал участие «всех государей хрестьянских» и прибавлял: «А датцкой король и свейской и ангилейская королевна, тех папа и цесарь в помочь себе и примати не хочет» [49].

Представителям Англии пришлось столкнуться в России не с одним папским нунцием. Активную политическую деятельность по отношению к России развивают в последние годы царствования Ивана IV и в первые годы царствования Федора Ивановича и Габсбурги, причем интерес к России обнаруживает не только германский император, но и его могущественный родич — испанский король Филипп II. Русский посол Л. Новосильцев, ездивший в 1585 г. к императору с сообщением о вступлении на престол Федора, получил от «посла короля Филипова ишпанского Вилелма» приглашение «хлеба есть». «И яз к нему... ездил»,— сообщал Новосильцев,— «и меня чтил необышно, а говорил мне те ж слова, чтоб госу-

[46] «Russia at the close of the 16th century. Comprising the treatise «Of the Russe common wealth», by dr. Giles Fletcher, and The Travels of sir Jerome Horsey». Ed. by E. A. Bond. London, 1856, p. 250. Русский перевод — в кн.: «Записки о Московии Горсея» (пер. Н. А. Белозерской). СПб., 1909, стр. 95.

[47] «Russia at the close of the 16th century...», p. 303 (русский перевод — стр. 132).

[48] Antonii Possevini S. J. Moscovia. Vilnae, 1586, comm. II, f. 7. Текст опровержения Поссевино приведен полностью на лл. 112—123. Мы пользовались (с любезного разрешения переводчика) переводом «Московии», сделанным покойным С. А. Аннинским, но до сих пор, к сожалению, не опубликованным.

[49] «Памятники дипломатических сношений...», ч. X, стб. 345.

дари хрестьянские были промеж себя в братственной любви и в соединенье, а стояли бы заодин на бусурманы; и честь мне воздали великую»[50]. Насколько серьезно заинтересован был Филипп II в связях с Россией, показывают материалы архива в г. Симанке, опубликованные только в 1915 г. Специальные агенты, следившие за англо-русскими отношениями, находились в Лондоне уже с 70-х годов, а в 1577 г. испанское правительство решило послать «человека» в Россию[51]. Филипп II не только рассчитывал с помощью России обезопасить себя от нападения Турции (тем самым освобождая себе руки для нападения на Англию), но также надеялся в конце концов присоединить к владениям Габсбургов и самую Россию, обратив ее в «нашу святую истинную веру». А пока он лелеял планы натравить «московитов» на английских купцов, захватив с их помощью часть флота Елизаветы (существует проект письма Филиппа II Федору, посвященного этому вопросу)[52].

Официальным представителем габсбургской дипломатии был в Москве в 80-х годах XVI в. германский посол Никлас фон Варкоч, который фактически был и испанским представителем. В донесении испанского королевского совета Филиппу II говорится, что, побуждая Федора к войне с Турцией, «необходимо отвлечь его от намерения сообщить об этом королю Франции, который при таком случае, кроме того, чтобы выиграть для себя милости Турка за предупреждение, мог бы причинить много вреда императору, и поскольку опасно сообщать об этом даже другим друзьям Вашего Величества, то тем более это относится к тем, кто в такой дружбе с Турком»[53]. А в своем письме, поданном боярам в России, Варкоч, рассуждая о том же «соединеньи против Турского», писал: «Также не мыслит Цесарское Величество о том соединенье объявляти францовскому королю и аглинской королеве и иным, которые себе помочи и обороны ищут у Турского, и те бы тайные дела от них не пронеслись, потому что они тем себе ласку хотят учинити у Турского; и то бы не было ни к которой помешке»...[54]

Но наряду с официальным представителем Габсбургов в России находились и их неофициальные агенты. Таким агентом был, например, антверпенский купец Ян де Валле, именовавший себя на Руси «шпанского короля гостем Иваном

[50] Там же, ч. I, стб. 957.

[51] Е. Шмурло. Россия и Италия, т. III, вып. 2. Пгр., 1915, стр. 312—313, № 8 и 9, стр. 333—334.

[52] Там же, стр. 315—320, № 22—31; ср. также стр. 319, прим. 3 и стр. 320, прим. 2.

[53] Там же, стр. 344, № 14.

[54] «Памятники дипломатических сношений...», ч. I, стб. 1154.

Белобородом», но рассматриваемый часто в науке как «голландский купец», сталкивавшийся с англичанами только из-за торговой конкуренции [55]. Действительный характер деятельности Яна де Валле выясняется из русских «Посольских дел», описывающих пребывание Варкоча в России в 1588—1589 гг.: де Валле, являвшийся неофициальным помощником германского посла, должен был скрыть его пребывание на Руси от находившегося там в то же время английского посла Флетчера, вывезти его из Архангельска на своем корабле или, в случае прибытия туда корабля «из Ишпанской земли», удостоверить надежность соответствующего «корабленика» [56]. Агент «шпанского короля» Ян де Валле уже в начале 90-х годов был во враждебных отношениях с голландскими Генеральными штатами [57].

Англичане, несомненно, понимали истинный смысл деятельности де Валле. В инструкциях английскому послу Баусу де Валле характеризуется как человек, «который старается подорвать торговлю подданных ее величества» и который «тем более поставлен в возможность отбить у них охоту от продолжения вести троговлю во владениях сказанного царя» [58]. Характер взаимоотношений англичан с де Валле обнаруживается из материалов так называемого «дела Марша», начатого по жалобе русских купцов летом 1586 г. и занесенного на листы «Посольских дел», под 1588 г.[59] Из документов английских купцов, попавших в руки русских властей, обнаружилось, что англичане перехватывали переписку де Валле, «лазучили» «о всяких делах» и собирались даже перехватывать иностранные корабли [60].

Перед нами, таким образом, открывается картина политической борьбы английских и испанских агентов на

---

[55] Ср. В. А. Кордт. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов. Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902. стр. LXXXII — LXXXVIII; И. И. Любименко. Торговля России с Англией и Голландией в 1553—1649 г. ИАН, 1933, серия VII, № 10, стр. 744. В наше время этого взгляда держится А. С. Самойло (Указ. соч., стр. 14).

[56] «Памятники дипломатических сношений...», ч. I, стб. 1214—1215. На роль де Валле как испанского агента мы обратили внимание в статье «Английская политика на Руси конца XVI в.», стр. 131—133. Вывод этот принят и Н. Ф. Прончатовым.

[57] Об этом свидетельствуют голландские документы, опубликованные В. А. Кордтом [Указ. соч., стр. CCCXI — CCCXIV, № 1—3 (заявления против де Валле, обращенные Генеральными штатами к царю по просьбе голландского купца Мушерона); стр. CCCXV, № 4 (заверения, данные купцами Молла и Окко Генеральным штатам, что де Валле не состоит в их компании); ср. стр. XC — XCII и CCLXXX, прим. 2].

[58] Ю. Толстой. Указ. соч., № 48, стр. 218—219.

[59] Сб. РИО, т. 38, стр. 197 и сл.

[60] Там же, стр. 234—241; «Russia at the close of the 16th century»... p. 338; наш перевод см. «Уч. зап. ЛГУ», № 73, 1941, стр. 196.

русской почве. Наиболее активным участником этой борьбы с английской стороны был уже известный нам Джером Горсей, политический деятель, тесно связанный с государственным секретарем Уолсингемом [61]. Но он был не одинок. Боролся с де Валле и Роберт Пикок («Роман Романов»), официальный представитель английской купеческой Московской компании: именно он и давал инструкции англичанам перехватывать грамоты «Белобородa». В 1587—1588 гг. Горсей вступил в столкновение с Пикоком (как и со всей Московской компанией в целом) [62], но до 1586 г. они, очевидно, действовали совместно. Как и Горсей, Пикок был тесно связан с Уолсингемом; в своем письме Уолсингему в 1587 г. Пикок вспоминал «добрые советы», которые давал ему государственный секретарь, и обнаруживал дружественные отношения к Горсею [63].

Политический смысл борьбы англичан с де Валле понимали, по-видимому, и русские власти. Об этом говорит история «дела Марша». Английский купец Антони Марш задолжал большую сумму денег русским купцам; когда же его

---

[61] Подробнее о роли Горсея в борьбе с противниками Англии см. в нашей статье «Английская политика на Руси в конце XVI в.» (стр. 128—131); там же разбирается вопрос о внутренней борьбе в Англии по проблемам внешней политики (стр. 134—138); здесь мы этого момента не касаемся. Только в настоящее время нам стала доступна статья Ч. Сиссона о Горсее (Ch. Sisson. Englishmen in Shakespeare's Muscovy or The Victims of Jerome Horsey. «Mélanges en l'honneur de Jules Legras». Paris, 1939). Автор не говорит о политической роли Горсея; его интересует лишь моральный облик этого «плохого миссионера цивилизации», его «неограниченный эгоизм». Противник Горсея де Валле, по мнению автора, «вошел в историю с лучшей репутацией, хотя его крупные операции и кончились разорением и банкротством» (Ch. Sisson. Op. cit., p. 246—247). Ч. Сиссон не знает о роли де Валле в переговорах царя с Габсбургами и о его конфликте с Генеральными штатами. Судя по материалам канцлерского суда 1597 г., использованным Сиссоном, отец и брат Яна де Валле были сторонниками Нидерландской республики; однако из тех же материалов видно, что даже защитники де Валле не могли отрицать его враждебного отношения к протестантизму (Ch. Sisson, Op. cit., p. 236—237). Принадлежность членов одной фамилии к разным политическим направлениям — нередкое явление в истории гражданских войн и, в частности, в истории Нидерландской революции.

[62] Жалоба Московской компании на Горсея, поданная врагу Горсея, лорду-казначею Сесилю-Берли («Russia at the close of the 16th century...», p. 312), основывалась на доносе некоего Финча, неудачно пытавшегося обвинить Горсея еще в 1585—1586 гг. (ср. ibid., p. LXV, n. 1); к этому же источнику восходит и показание против Горсея, данное в 1599 г. Т. Хейуордом и широко использованное в статье Ч. Сиссона (Ch. Sisson. Op. cit., p. 239—245). Однако сам Горсей утверждал, что в 1585—1586 гг. Финч, допрошенный в присутствии Лестера, Уолсингема и других приближенных Елизаветы, отказался от своих обвинений и сознался в клевете («Russia at the close of the 16th century...», p. 216—217; русский перевод — стр. 69).

[63] Текст этого письма см. в предисловии Э. Бонда к кн.: «Russia at the close of the 16th century», p. LXXXIX — XCI.

сотоварищи, английские купцы, привлеченные по его делу, отказались за него платить и выставили ряд контртребований против него и русских купцов, Марш заявил, что его соотечественники творят «измену великую» и перехватывают грамоты де Валле и других иностранцев [64]. Любопытно при этом, что хотя московское правительство разобрало дело Марша уже в 1586 г. и имело на руках все документы, уличающие англичан в незаконной деятельности, оно обратилось к Елизавете с первыми жалобами на английских купцов только в июле 1587 г. [65], а все дело в полном объеме подняло в 1588 г.[66]

Характерно также и то, что впервые обвинения против Марша были выставлены не в русских, а в английских грамотах, причем в этих грамотах Марш характеризовался как «изменный и злоумышленник» [67]. «Изменником, злодеем, собакой» называл Марша и Горсей [68]. Во время разбора дела Марша английские купцы прямо заявляли, что оно было возбуждено русскими и Маршем «для некоторых тайных дел, которые они с тем Онтоном за один на нас смышляли неподелно и против всякие истинны и правды» [69]. Близость Марша к правящим кругам Москвы обнаруживается из его несколько необычного поведения при разборе его дела: несмотря на то, что из всех представленных документов явствовало, что главным виновником крупных долгов англичан был он сам, Марш держался не как обвиняемый, а как обвинитель. Он говорил о недозволенной политической деятельности англичан, причем оказывалось, что ему было хорошо известно, какие именно грамоты отобрали у них московские власти [70]. Такая

---

[64] Сб. РИО, т. 38, стр. 212—215.

[65] Там же, стр. 189—196. В сентябре 1585 г., выражая недовольство поведением Пикока (посылка писем недозволенным способом), московское правительство специально оговаривалось, что к Горсею и другим купцам оно претензий не имеет (Сб. РИО, т. 38, стр. 168, ср. стр. 183 и 185). В более поздних грамотах, напротив, подчеркивалось, что все англичане одинаково виновны: — «каков Онтои, таков и Роман, таков и Еремей — все воры» (Сб. РИО, т. 38, стр. 202).

[66] Сб. РИО, т. 38, стр. 197—204.

[67] Там же, стр. 186—187.

[68] Там же, стр. 241—242. Многочисленные свидетельства документальных источников о вражде между Горсеем и Маршем делают крайне сомнительной версию Финча и Хейуорда об их сотрудничестве, принятую Ч. Сиссоном (Ch. Sisson. Op. cit., p. 238, 243). Заслуживают внимания лесные торговые связи Марша с Испанией и ее владениями («Статейный список Флетчера». «Временник ОИДР», кн. 8. М., 1850, стр. 63 и 87—88), а также его близость к де Валле, на которого он ссылался в споре с английскими купцами (Сб. РИО, т. 38, стр. 232).

[69] Сб. РИО, т. 38, стр. 211.

[70] Там же, стр. 215 и 233—234.

самоуверенность Марша могла объясняться только тем, что он имел сильного покровителя в Москве.

Из позднейших известий (после июля 1588 г.) мы узнаем имя этого покровителя: вернувшись в Англию, Марш отказался от своих прежних показаний и заявил, что «все те долги велел мне делати, в которых яз был должен, канцлер Ондрей Щелкалов, да и еще болши того — велел все те кабалы на гостины имяна писати... и печать мне велел сделати...»[71]. В грамотах Елизаветы, посланных в 1589 г., «дьяк его Величества» Андрей Щелкалов был официально обвинен в том, что он был «соучастником и вдохновителем» Марша[72]. Значение этого обстоятельства станет нам понятным, если мы учтем, что уже со времени Грозного «канцлер Шалкан», как именовали его англичане, считался заклятым врагом Англии и сторонником католических держав. Английский посол Баус в своем отчете привел злорадную фразу Щелкалова, сказанную им по поводу смерти Ивана Грозного: «Английский царь помер»[73]. Прогабсбургские тенденции А. Щелкалова стоили ему впоследствии всей его служебной карьеры: в конце 80-х — начале 90-х годов Щелкалов вел переговоры с германским послом о передаче московского престола после смерти бездетного Федора Ивановича одному из юных габсбургских принцев (которого Щелкалов советовал специально отправить в Москву); этими самочинными переговорами объяснялась, по-видимому, внезапная отставка Щелкалова в 1594 г.[74]

Дело об «измене великой» английских купцов, затеянное по инициативе Щелкалова, не было официально поднято до 1587—1588 гг. В связи с этим особенно интересно показание Марша, данное им в Англии, что, когда его дело разбиралось впервые (т. е. в 1586 г.), сам Щелкалов был «в опале»[75]. Речь идет, как мы можем полагать, о политических событиях, происшедших после 1585 г., когда Федор Шереметев и, вероятно, Андрей Щелкалов[76] были замешаны в заговоре Мстиславского против царского шурина Бориса Годунова[77];

---

[71] «Статейный список Флетчера», стр. 75—76, ср. стр. 57.

[72] Ю. Толстой. Указ. соч., № 65, стр. 335 (ср. более смягченный текст в русском переводе — стр. 338); см. также № 64, стр. 330 и 333—334.

[73] «Известия англичан о России во второй половине XVI века». Перевод с английского с предисловием С. М. Середонина. «Чтения ОИДР». 1884, кн. IV, отд. III, стр. 107.

[74] H. Uebersberger. Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. I. Wien — Leipzig, 1906, S. 559, Anm. 1; ср. С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты. М., 1937, стр. 169—170.

[75] «Статейный список Флетчера», стр. 77.

[76] Дружба А. Я. Щелкалова с братом Федора Иваном Шереметевым засвидетельствована местническим делом 1572 г. (см. «Разрядная книга 7067 г.». «Синбирский сборник», т. I. М., 1844, стр. 40).

[77] А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. II. СПб., 1882, стр 8—9.

в последующих выступлениях против Годунова Щелкалов, очевидно, участия не принимал, так как впоследствии он, по известиям современников, даже помогал Борису «одолевати благородная»[78]. В 1587—1588 гг. опала Щелкалова, судя по «Английским делам», окончилась, и он получил возможность пустить в ход собранные им материалы. Внешнеполитическая обстановка оказывалась также весьма благоприятной для решительного выступления против англичан: как раз в 1587—1588 гг. начались те переговоры о союзе с императором (в связи с так называемым «третьим бескоролевьем» в Польше), которые вел Варкоч.

То обстоятельство, что обвинения против английских купцов были пущены в ход русским правительством в удобный для него момент, отнюдь не означает еще, что обвинения эти были необоснованными. Сами английские купцы вовсе не отрицали подлинности перехваченных у них писем. Русские власти знали о борьбе между англичанами и их противниками, но до определенного момента эта борьба не очень их смущала; «лазученье» англичан стало беспокоить русское правительство (во главе которого с 1586—1587 гг. единолично становится Годунов) именно в тот момент, когда связи с Габсбургами оживились и антигабсбургская деятельность английских агентов могла принести определенный вред русской дипломатии.

Этот момент совпадал со временем наибольшего напряжения в отношениях между западноевропейскими державами. Лето 1588 г. было временем нашествия так называемой «Непобедимой армады» на Англию. Собрав основные морские и сухопутные силы Испании для этой экспедиции, Филипп II рассчитывал одним ударом ликвидировать и Англию, и революционные Нидерланды, и их французских союзников. По существу речь шла в конце XVI в. о борьбе между безраздельным господством феодально-абсолютистского строя в Европе и новым, нарождающимся капиталистическим укладом. Естественно, встает вопрос о роли России в этой борьбе.

Для ответа на этот вопрос нам необходимо опять вернуться к тому соперничеству габсбургских и английских представителей, которое обнаружилось в России в 80-х годах XVI в. Чего добивались англичане и их противники в России, каковы были те политические задачи, которые ставила одна сторона и которым препятствовала другая? Вопрос о русско-английском союзе уже не стоял в дипломатических переговорах после 1584 г. Правда, в 1590 г., во время возобнов-

[78] «Временник Ивана Тимофеева». Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.— Л., 1951, стр. 73.

ления русско-шведской войны (прерванной в 1583 г. перемирием на Плюссе), Елизавета писала Федору, что «по соседству мы далеки, но по дружбе мы близки и верны», и уверяла, что в свое время по просьбе Грозного она с успехом посылала «королевские военные корабли» на помощь против шведского флота [79]; но этот намек на возможность военного союза (облеченный в форму довольно сомнительной исторической справки) [80] услышан не был и предметом переговоров не стал.

В 1587—1589 гг. происходили переговоры о союзе России не с Англией, а с Габсбургами. Вел эти переговоры уже известный нам Варкоч (несколько раз приезжавший в Россию), помогал ему также известный нам де Валле — тот самый «Белобород», с которым враждовали англичане. Целью переговоров было, как мы уже знаем, «соединенье» против «Турского», косвенно направленное (чего не скрывал и сам Варкоч) и против «аглинской королевны» и других европейских антигабсбургских сил. Другой задачей, которую ставила перед собой габсбургская дипломатия, была ликвидация экономических связей между Россией и странами северо-западной Европы — Англией и Нидерландами. В обращении к Федору, сохранившемся в Симанкском архиве, Филипп II как раз и призывал русского царя к захвату английских кораблей и прекращению торговли с Англией.

Была ли осуществлена эта задача? Как и Иван Грозный, Борис Годунов (в качестве правителя при Федоре, а затем — царя) охотно использовал переговоры о союзе против Турции как дипломатический маневр, но вести войну с султаном он не собирался. Надежды Габсбургов на то, что Турция будет отвлечена «московитами» и они смогут обратить все свои силы на запад, не оправдались.

Еще более важным событием в истории борьбы за европейскую гегемонию в конце XVI в. была неудача Габсбургов в их попытке разрушить русско-английские торговые связи. Говоря об экономических связях между Россией и Англией, исследователи обычно противопоставляли эти связи политическим, указывая, что Россия играла роль в экономической жизни Англии, а не в ее «политической системе». А между тем в конце XVI в. внешняя торговля Англии была важнейшим фактором ее политического существования. Как государства по преимуществу морские, Англия и Нидерланды

---

[79] Ю. Толстой. Указ. соч., № 73, стр. 377 и 385—386.

[80] Речь шла, по-видимому, в действительности о стычке англичан с гданьскими каперами, а не со шведским флотом (Ю. Толстой. Указ. соч., № 27).

не могли существовать без импорта. Отрезать Англию и Нидерланды от восточноевропейского сырья значило уничтожить эти государства. Именно этой цели и добивался Филипп II в Польше, Швеции и России. В Польше его дипломаты имели лишь некоторый успех [81]. В России же они потерпели полную неудачу. Торговые привилегии англичан были сохранены при Федоре, несмотря на отказ от планов русско-английского союза; они были подтверждены и Борисом при вступлении его на престол [82].

Именно это обстоятельство и помогает ответить на вопрос о роли России в международных отношениях конца XVI в. В упомянутой выше статье о месте России в системе европейских государств Б. Ф. Поршнев уже ставил вопрос о роли России в истории нидерландской революции. Фактическое решение этого вопроса Б. Ф. Поршневым вызывает ряд возражений. Б. Ф. Поршнев ошибается, когда утверждает, что «Московское правительство было исполнено глубокого негодования против мятежных «мужиков» голландских и на дипломатической арене чинило им посильный вред» (никаких сведений о подобном дипломатическом демарше не существует).

С другой стороны, автор, на наш взгляд, преувеличивает, считая, что именно «московская опасность» определила неудачу Габсбургов в подавлении этой революции [83].

Но в принципе Б. Ф. Поршнев, по нашему мнению, прав. Несмотря на то, что социальный строй феодально-абсолютистской Испании был, несомненно, ближе Грозному и Годунову, чем социальный строй Нидерландов и даже Англии, несмотря на то, что участие английских «торговых мужиков» в государственном управлении казалось русскому царю величайшей бессмыслицей, международно-политическая позиция России объективно была менее благоприятной для Габсбургов, нежели для их противников. Планы войны против «Турка» и европейских «мятежников», разработанные в Испании, не получили признания в Москве. Более того, Русское государство систематически поддерживало торговлю стратегиче-

---

[81] О попытках привлечения Польши к борьбе против Англии и Нидерландской республики см. польские исследования: L. Boratyński. Stefan Batory, Hanza i powstanie Niderlandów. «Przegląd historyczny», t. VI. Warszawa, 1908; A. Szelągowski. Z. dziejów. współzawodnictwa Anglii i Niemiec, Rosyi i Polski. Lwów, 1919, str. 175—177; ср. также: J. Jasnowski. Op. cit., str. 16—21, 23—26.

[82] Подробнее об этой неудаче габсбургской дипломатии см. в нашей статье «Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства (конец XVI — начало XVII в.)». «Ежегодник музея истории религии и атеизма», I. М.— Л., 1957, стр. 354—359.

[83] Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России..., стр. 11—12.

ским сырьем с Англией [84] и Нидерландами и тем самым оказало им существенную помощь в борьбе против европейской реакции.

* * *

The problem of the international importance of Russian — English relations in XVI century has scarcely been raised in historiography. Ivan IV's twice repeated proposals for an alliance met with no response from the English part; the majority of scholars think that England of those times had no political interests in Russia.

But the international policy of Russia could not be indifferent to England. As early as in seventies of XVI century Russia became an object of attention to the principal enemy of England — the Spanish King Philip II, who inspired the Russian Tsar to wage war against Turkey and to break off commercial relations with England. At that time there lived and worked in Russia «a merchant of the Spanish King» Jan de Valle, who organized «secretly from the English» negotiations with the Habsburgs. Thus the struggle of Jerom Horsey and other English merchants against de Valle appears to be a reflection of the diplomatic struggle between Spain and England.

The results of this struggle were unfavourable to the Habsburgs: they achieved neither the fermentation of the war between Russian and Turkey nor the interruption of Anglo-Russian trade, which had in the days of the Armada not only economical, but also political importance.

---

[84] Решающая роль русского сырья в английском кораблестроении неоднократно отмечалась в научной литературе (ср., например, M. Wretts Smith. The English in Russia during the second half of 16th century. «Transactions of the Royal Historical Society», 4th ser., vol. III. London, 1920, p. 95). Не совсем понятно в связи с этим, почему К. Г. Руффман полагает, что получение русских материалов не было «жизненным вопросом» для английского флота тюдоровского времени» (K. H. Ruffmann. Op. cit., S. 25). Указание автора на то, что только к началу XVIII в. англичане начали опасаться русской монополии на Балтике, не имеет прямого отношения к данному вопросу; сам К. Г. Руффман отмечает, что бо́льшая часть флота, сражавшегося против испанской Армады, была построена из русских материалов (ibid., S. 26).

А. П. Новосельцев

РУССКО-ИРАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ во второй половине XVI в.

История русско-иранских отношений XVI в. до настоящего времени изучена недостаточно и неравномерно. Наиболее исследованной оказалась русско-иранская торговля [1], между тем как политические связи Русского государства и Ирана меньше затрагивались историками. В то же время в дипломатических отношениях и Русского государства, и сефевидского Ирана XVI в. чрезвычайно важное место занимал вопрос о союзе двух государств, имевших общие интересы — прежде всего в отношении борьбы против угрозы со стороны Османской империи и ее союзников.

Задачей настоящей статьи является изучение политических взаимоотношений России и Ирана во второй половине XVI в.

Впервые в русской историографии русско-иранские дипломатические отношения XVI в. были рассмотрены Н. М. Карамзиным [2]. Пользуясь русскими тогда еще не опубликованными архивными документами (некоторые из них до нашего времени не дошли и теперь могут быть использованы лишь по работе этого историка), Н. М. Карамзин наметил основные этапы русско-иранских отношений второй половины XVI в., правильно охарактеризовав эти отношения как дружеские, основанные на понимании общей угрозы со стороны Турции и Крымского ханства.

После Н. М. Карамзина наиболее существенным вкладом в изучение этой проблемы явились работы двух видных русских историков, труды которых сохранили свое значение до

[1] См. А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII ст. Киев, 1915; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока, 2-е изд. М., 1956.

[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, СПб., 1843, т. IX, стр. 78, прим. 256; т. X, стр. 38—42; т. XI, стр. 35.

наших дней,— М. И. Броссе и С. А. Белокурова [3]. Эти авторы занимались связями России с народами Грузии и Северного Кавказа, но тем не менее история русско-иранских отношений, органически связанная с основными вопросами их работ, подробно затронута ими.

Именно этим исследователям принадлежит основная заслуга выяснения роли грузинского и северокавказского вопросов в русско-иранских отношениях второй половины XVI в. Положительной стороной сочинения М. И. Броссе явилось широкое использование им грузинских источников.

С 1890 по 1898 г. выдающийся русский ученый Н. И. Веселовский издал в трех томах документы о русско-иранских отношениях XVI — начала XVII в. [4] После издания первого тома публикации Н. И. Веселовского вышла работа И. Сугорского [5], которая явилась скорее своеобразной рецензией на указанный первый том публикации Н. И. Веселовского, написанной почти без привлечения других материалов. И. Сугорский ничего нового в разработку истории русско-иранских отношений не внес и пришел к ряду неправильных выводов относительно значения русско-иранских связей второй половины XVI в.[6] В самом изложении хода русско-иранских политических отношений 80 — 90-х годов XVI в. И. Сугорский основное внимание уделил не коренным вопросам внешней политики России и Ирана (союз против Турции и Бухары, дагестанский вопрос и др.), а изложению второстепенных деталей посольских отношений, посольского ритуала и т. п.

После выхода в свет статьи И. Сугорского в дореволюционной русской историографии появилась лишь работа О. Зубашевой-Корнилович, посвященная русско-иранским отношениям XVI в.[7] Однако она не содержала ничего важного ни в смысле привлечения новых источников, ни в оценке ранее известных. Автор рассматривает русско-иранские связи лишь с 1586 г., считая, что сведений о более ранних сношениях нет, и в еще большей мере, нежели И. Сугорский, сосредоточивает

---

[3] М. Броссе. Критический разбор грузинских летописей новейших времен по русским документам. ЖМНП, 1846, № 7—8, стр. 1—95; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

[4] Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1—3. СПб., 1890—1898.

[5] И. Сугорский. Сношения с Персией при Годунове. «Русский вестник», т. 210, 1890, стр. 105—124.

[6] Например, И. Сугорский в самом начале своей статьи ошибочно заявлял, что «иностранцы упорнее нас добивались возможности извлечь пользу из положения вещей за Хвалынским морем» (И. Сугорский. Указ. соч., стр. 105).

[7] О. Зубашева-Корнилович. Сношения Руси с Персией. Омск, 1912.

свое внимание на второстепенных деталях организации посольского дела в XVI в.

В советской историографии нет ни одной специальной работы о русско-иранских отношениях второй половины XVI в. Их краткая характеристика имеется лишь в общих трудах, вышедших за последние годы [8].

В зарубежной историографии данная проблема разработана крайне слабо. В ряде случаев имеется явная недооценка значения русской политики на Востоке. Большинство зарубежных историков вообще не говорит о наличии русско-иранских отношений в XVI в. или же ограничивается изложением истории англо-иранских отношений, которые, как известно, до конца XVI в. осуществлялись через Россию [9], но последние при этом нередко освещаются так, что создается впечатление о неспособности России самой установить связи с пограничной державой.

Такая «постановка» проблемы английской буржуазной историографией была некритически воспринята и большинством иранских историков, которые разделяют концепцию об отсутствии политических связей между Ираном и Россией до второй половины XVII в. [10]

[8] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.» М., 1955, стр. 270, 832, 834—835; «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.», Л., 1958, стр. 271—272.

[9] В специальных работах по истории Ирана Д. Малькольма и П. Сайкса нет упоминаний о русско-иранских отношениях в XVI в. (J. Malcolm. The History of Persia. London. 1815; P. Sykes. The History of Persia, London, 1951; W. Foster. England's quest of Eastern Trade. London, 1933; R. Bullard. Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1950. London, 1951; A. Krause. Russia in Asia. London, 1900). Лишь некоторые западноевропейские историки признают факт существования русско-иранских отношений в XVI в. (см., например: Corrado Barbagallo. Storia universale. Torino, 1952, vol. 4, part 2, p. 900). Даже такой крупный историк, как Л. Локкарт, считает, что до Петра I «Россия казалась правителям Ирана относительно отдаленной и не очень важной нацией» (L. Lockhart. The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958, p. 55).

[10] ایران و انگلیس . تالیف مهدی مجتهدی . تهران ۱۳۲۴ هـ . ش ص ۴۱—۴۳ .

(М. Моджтехеди. Иран и Англия. Тегеран, 1947, стр. 41—43); M. Afschar. La politique européenne en Perse. Paris, 1921, p. 21. Видный иранский историк А. Экбаль вместо анализа реальных русско-иранских отношений в XVI в. говорит о какой-то угрозе Кавказу и Грузии со стороны России при Иване IV, ликвидации которой Кавказ (и Иран) обязан был будто бы дагестанскому шамхалу: تاریخ مفصل ایران از استیلای مغول تا انقراض قاجاریه . تالیف عباس اقبال استاد دانشگاه تهران . تهران . ۱۳۲ هـ . ش . ص . ۲۹۲ .

(А. Экбаль. Подробная история Ирана от монгольского завоевания до свержения Каджар. Тегеран, 1941, стр. 292).

Другой известный иранский историк Р. Пазуки вообще умалчивает об отношениях Ирана с Россией в XVI в.

تاریخ ایران از مغول تا افشاریه . تالیف رضا پازوکی . تهران ۱۳۱۶ هـ . ش .

(Р. Пазуки. История Ирана от монголов до афшар. Тегеран, 1937).

К иранским историкам, признающим существование русско-иранских дипломатических отношений в XVI в., относятся Р. Сардари [11] и Н. К. Моэззи [12]. Ценной стороной работы Моэззи является использование сравнительно большого числа источников и литературы, в том числе и русских работ. Раздел о русско-иранских отношениях XVI в. в работе Моэззи содержит довольно подробный исторический перечень русских посольств в Иран и иранских в Россию, данные о которых имеются в публикации Н. И. Веселовского [13]. Слабость анализа этих материалов в какой-то мере компенсируется тем, что Моэззи, в сущности, впервые знакомит иранского читателя с историей русско-иранских отношений позднего средневековья. Приведенные им факты опровергают мнение ряда других иранских историков о том, что Россия не входила в число тех европейских государств, с которыми был связан Иран.

Итак, приходится признать, что русско-иранские отношения XVI в. изучены слабо.

Все сколько-нибудь существенные русские источники по истории русско-иранских связей второй половины XVI в. в настоящее время изданы [14]. Кроме русских источников, а в некоторых случаях и западноевропейских материалов [15], при изучении настоящей проблемы следует использовать иранские хроники XVI—XVII вв. (Хасана Румлу, Искандера Мунши, Мухаммед Тахир Вахида), несмотря на то, что сведениями о собственно русско-иранских отношениях они не богаты [16].

---

[11] R. Sardari. Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. Paris, 1941, pp. 31 — 36.

[12] تاریخ روابط سیاسی ایران با دنیا از هخامنشی تا تحولات اخیر تالیف نخفقلی حسام معزی . جلد اول . تهران ۱۳۲۶ هـ . ش.

(Н. К. Г. Моэззи. История дипломатических отношений Ирана от Ахеменидов до последних перемен, т. I. Тегеран, 1946).

[13] Там же. стр. 247, 448 — 486.

[14] См. Н. И. Веселовский. Указ. соч.; С. А. Белокуров. Указ. соч., см. также: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.», Л., 1933.

[15] HRM, t. II, SPb., 1842; «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией», т. II, вып. 2. СПб., 1913; «A Chronicle of the Carmelites in Persia», vol. I. London, 1939.

[16] Здесь, очевидно, играла роль старая мусульманская традиция, согласно которой местные историки основное внимание уделяли истории мусульманских стран. Кроме того, придворные хронисты в восточных государствах считали достойными упоминания в своих трудах прежде всего события военной истории. Понятно поэтому, что о странах, с которыми Иран был в мире, они упоминали реже.

только из них можно извлечь факты о внутреннем состоянии Ирана рассматриваемого времени, а также о некоторых сторонах внешней политики Ирана, особенно о его отношениях с другими восточными странами, которые изучены очень слабо.

Сохранившиеся источники ничего не говорят о дипломатических связях Русского государства и сефевидского Ирана [17] до середины XVI столетия. Первое упоминание о приезде иранского посла Сейид-Хусейна (Сеит-Хосена) относится к 1553 г.[18] Его следует связать со взятием Казани войсками Ивана IV осенью 1552 г. Событие это, как известно, имело важное значение для Русского государства и для международных отношений того времени [19]. В Иране оно было воспринято как выражение растущей мощи России. Именно с этого времени можно начинать историю дипломатических ирано-русских отношений [20].

У нас нет конкретных данных об обмене посольствами между Ираном и Россией за последующие 16 лет, хотя можно предполагать, что они имели место [21]. Основные вопросы русско-

---

[17] Сефевидская династия правила в Иране и Азербайджане с 1500 по 1722 г.; по ней Иран того времени называют Сефевидским или Кызылбашским государством (от имени союза кочевых тюркских племен, знать которых господствовала в Иране).

[18] Н. М. Карамзин. Указ. соч., кн. III, т. IX, прим. 256, стр. 51.

[19] Важнейшее значение этого события признается и большинством современных зарубежных буржуазных историков. Например, английский историк А. Грэнт пишет, что «падение Казани является действительно одним из крупнейших событий этого столетия» (A. Grant. A History of Europe from 1494 to 1610, 4th ed. London, 1948, p. 316).

[20] В ответ на посольства Сейид-Хусейна Иван IV отправил в Иран ответное посольство (Н. М. Карамзин. Указ. соч., кн. III, т. IX, прим. 256, стр. 51).

[21] За этот промежуток времени имеются данные о посольствах в Россию от ширванского хана («царя») Абдуллы (ПСРЛ, т. XIII, стр. 277, 371; сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937, стр. 200, 201, 204). Абдулла-хан Устаджлу, крупнейший феодал Ирана, родственник шаха, видный полководец, был беглярбеком (правителем) Ширвана (северо-восточная часть территории нынешней Азербайджанской ССР) с 956 г. по 974 г. хиджры (1548/49 г.— 1566/67 г.). Абдулла-хан «отличился» при подавлении антикызылбашского восстания Бурхана в Ширване в 1548/49 г. и в военных действиях против турок. См. о нем «A Chronicle of the early Safawis being the Ahsan'ut-tawārikh of Hasan-i Rumlu», vol. I. Ed. by C. N. Seddon (далее — Хасан Румлу). Baroda, 1931, p. 328, 340, 341, 383, 433. Как и все пограничные беглярбеки Кызылбашского государства, Абдулла-хан имел право вести переговоры и посылать посольства (с ведома шаха) в соседние с его областью страны. В Россию посольства Абдуллы-хана ездили с торговыми целями, поэтому их не следует смешивать с шахскими посольствами, ставившими иные задачи. Не должен смущать нас и титул «царя», которым русские источники наделяют ширванского правителя. Во всех восточных государствах, с которыми Россия имела связи, термин «хан» обозначал суверенного государя (этот титул носил и турецкий султан), тогда как в сефевидском Иране государь носил титул шаха (шаханшах), а ханами являлись крупнейшие

иранских отношений второй половины XVI в. можно ограничить пятью проблемами: во-первых вопрос о союзе против Турции и Крыма; во-вторых, грузинский вопрос; в-третьих, дагестанский (точнее, шамхальский) вопрос; в-четвертых, среднеазиатский вопрос и, наконец, индийский вопрос.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств (1552 и 1556) отношения России с Турцией изменились в худшую сторону. Уже правительство султана Сулеймана II Кануни (1520—1566), стремившееся укрепиться в бассейне Волги и на Северном Кавказе, было крайне обеспокоено ликвидацией самостоятельности этих двух ханств, феодальные круги которых были связаны с Турцией и особенно с ее вассалом — Крымским ханством. Занятый войнами в Венгрии и Иране, Сулейман II, будучи осторожным политиком, не решился открыто вмешаться в русские дела. Дело изменилось при его преемнике Селиме II (1566—1574), который предпринял ряд военных авантюр, приведших к первым серьезным трещинам в военной мощи Османской империи. Именно такой авантюрой, окончившейся провалом, явился турецкий поход на Астрахань в 1569 г.[22] Султан рассчитывал овладеть низовьями Волги, тем самым ликвидировав успехи русской восточной политики, и связаться со своими союзниками в Средней Азии[23], чтобы обеспечить свободный проход турецких войск и Крымской орды через Северный Кавказ в Закавказье и Иран.

Таким образом, этот поход являлся угрозой не только России, но и Ирану. Хотя с 1555 г. Иран находился в мире с Турцией, последняя лишь ждала случая вновь отнять у Сефевидов часть их владений. Поэтому во время осады турками и татарами Астрахани в Москву прибыло иранское посольство

владетельные феодалы, правители областей, подчиненных шаху. Русские посольские переводчики (главным образом татары) переводили титул хана Ширвана (и ханов других областей), так же как и во всех остальных случаях, словом «царь».

[22] Об этом походе см. П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 132—166; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 93—120. В новейшей турецкой литературе об этом походе упоминается довольно часто. См. «Osmanlı tarihi», c. III. Ankara, 1951, s. 33—37. Имеется и специальная турецкая работа по этому вопросу: H. Inalcık. Osmanlı-rus rekabetinin menşei ve Don — Volga Kanalı teşebbüs. «Belleten türk tarih kurumu». Ankara, 1948, N 48. Стремясь оправдать деятельность одного из инициаторов похода великого визиря Мухаммеда Соколлу-паши, турецкие историки основное внимание уделяют не агрессии Турции в Поволжье и на Северном Кавказе, а попытке (в военных целях) прорыть канал между Доном и Волгой, которую предприняли турки в 1569 г.

[23] За два года до похода, в 1567 г., в Стамбул прибыло посольство от хорезмийского хана, который добивался начала русско-турецкой войны («Osmanlı tarihi», c. III, s. 31).

с предложением заключить военный договор с Россией против Турции [24].

Заинтересованное в укреплении русско-иранских отношений, русское правительство направило в Иран своего посла Алексея Хозникова [25]. Переговоры не дали каких-либо ощутимых результатов. К тому же вероятно, что после неудачи под Астраханью Турция прекратила враждебные действия против России, хотя крымский хан с ведома Турции и совершил вскоре два больших похода на Москву. Несмотря на это, Россия, занятая в то время балтийской проблемой, охотно пошла на установление мирных отношений с Турцией.

Во второй половине XVI в. значительная часть европейских государств находилась по тем или иным причинам во враждебных отношениях с Турцией [26]. Главными врагами ее в Европе были «Священная Римская империя», Венеция, а также Испания. При наличии турецкой угрозы на Средиземном море и Балканах эти государства при поддержке римского папы пытались сколотить мощную коалицию европейских и восточных государств, которая смогла бы сокрушить могущество турок. Но поскольку между главными ее участниками и инициаторами не было должного единства, Венеция и римский папа (а затем и другие государства) стали искать возможных сильных союзников на востоке, прежде всего в лице России и Ирана.

На рубеже 60-х и 70-х годов XVI в. в Ватикане и Венеции возникла идея создания русско-иранского союза против Турции под покровительством римской курии. Римский папа, дож Венеции и Филипп II испанский пытались использовать в своих политических целях русско-иранские связи. Во время морской экспедиции турок против Кипра в 1570 г. дож Венеции обратился к Ивану IV с предложением вступить в антитурецкую лигу [27]. В том же году с подобным предложением обратился к царю и римский папа [28]. Россия, только что окончившая войну с Турцией, не пожелала вступить в папскую лигу, и представители Рима и Венеции временно прекратили свои происки [29].

Потерпев неудачу в Москве, папа и его союзники решили втянуть в войну с Турцией Иран. В 1573 г. папа Пий V направил шаху Тахмаспу письмо с целью выяснить мнение иранского

---

[24] Н. М. Карамзин. Указ. соч., кн. III, т. IX, стр. 78; прим. 249; стр. 51.

[25] Там же.

[26] Кроме Франции, в дружеских отношениях с Турцией находилась во второй половине XVI в. Англия, которая пыталась заключить с ней союз против Филиппа II [A. N. Kurat. Türk-ingiliz münasebetlerine kısa bir bakış (1553—1952). Ankara, 1952, s. 5—8].

[27] «Россия и Италия...», т. II, вып. 2, стр. 227.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 236.

правительства [30]. В 1579 г. папа вновь вернулся к мысли об организации русско-иранского союза против Турции. При этом были сделаны даже попытки примирить Польшу [31] с Россией — впрочем, на таких условиях, на которые оба государства не пошли [32]. С Ираном Рим наладил отношения через Россию, обещая шаху денежную помощь [33]. В 1582 г. попытку вступить в переговоры с шахом через Индию сделал и Филипп II испанский [34].

Со второй половины 70-х годов XVI в. в Иране сложилась крайне тяжелая обстановка. После смерти шаха Тахмаспа (1576) началась борьба различных групп эмиров за власть. Наследник Тахмаспа Исмаил II (1576—1577), был вскоре отравлен. Его брату Мохаммеду Ходабенде («раб божий») крупнейшие правители областей отказывались повиноваться [35]. В разных местах страны вспыхивали мятежи феодалов и народные восстания [36].

При турецком дворе внимательно следили за событиями в Иране. Еще в 1576—1577 гг. там образовалась сильная партия сторонников войны с Ираном, во главе которой стояли завоеватель Йемена Синан-паша и завоеватель Кипра Мустафа-паша [37]. Победа этой партии решила вопрос о начале войны.

---

[30] «A Chronicle of the Carmelites in Persia», vol. I, p. 19—21.

[31] Польша, находившаяся во враждебных отношениях с Россией, поддерживала Турцию и Крым, стремясь использовать их против России. Турция в свою очередь в XVI в. видела в Польше возможного союзника против России (N. Iorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. III. Gotha, 1910, S. 113; П. Пирлинг. Россия и папский престол, т. I. М., 1912, стр. 415). В конце XVI в. польский король, зная о переговорах о союзе между Россией и Ираном, направил в Иран с разведывательной целью армянина Шафера, который должен был узнавать и сообщать королю о русско-иранских переговорах (HRM, t. II, p. 50—52).

[32] «A Chronicle of the Carmelites in Persia», vol. I, p. 25; «Россия и Италия», т. II, стр. 345.

[33] «A Chronicle of the Carmelites in Persia», vol. I, p. 24.

[34] Ibid., p. 25—26.

[35] Беглярбек Азербайджана Амир-хан Туркеман в решительный момент отказал правителям Ширвана, Карабаха и Еревана в помощи против турок, а затем поднял мятеж против шаха. تاریخ عالم آرای عباسی تالیف اسکندر بیک ترکمان منشی. تهران ۱۳۳۴ ه. ش ص. ۲۹۹, ۲۵۷—۲۵۴ — ۳۰۰ [Искандер-бек Туркеман Мунши. Мир украшающая история Аббаса. Тегеран, 1956 — 1957 (далее — Искандер Мунши), стр. 253 — 254, 299 — 300]. По словам современника событий историка Шереф-хана Бидлиси, в 986 г. х. (1577/78 г.) семь глав кызылбашских племен сговорились и разделили между собой Иран. «Scheref-nameh ou histoire des kourdes par Scheref, prince de Bidlis» (далее — Шереф-хан Бидлиси), t. II. SPb., 1862, p. 255—256.

[36] В 1580—1582 гг. происходили крупные восстания на юге Ирана в горной области Кух-Гилуйе. В то же время были восстания в Луристане и Талыше (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 272—275).

[37] I. Hammer. Histoire de l'Empire ottoman. Paris, 1837, t. VII, p. 75. Против войны выступал Мухаммед Соколлу-паша, но он был в 1579 г. убит («Osmanli tarihi», c. III, s. 59).

Турецкие войска в 1578 г. вторглись во владения Сефевидов с двух сторон: с запада — в Восточную Армению и Курдистан — и с севера — из Кафы вместе с татарами через степи Северного Кавказа [38]. В Закавказье и в Дагестане турки нашли себе союзников в лице шамхала тарковского, владетеля Табасарана, атабега Манучехра [39]. Позднее власть султана, уступая силе оружия, признал и картлийский царь [40]. Тяжелая и безуспешная для Ирана война с турками шла на протяжении всего царствования Мохаммеда Ходабенде (1577—1587). Несмотря на отдельные временные успехи шахских войск под командованием принца Хамза-Мирзы, турки в конце концов захватили все Закавказье и часть Западного Ирана.

Еще в начале войны шахское правительство направило в Турцию посольство Ибрагим-хана Туркемана, правителя г. Кума, но посла там арестовали, посадили в тюрьму, где он просидел семь лет [41]. В 992 г. х. (1584/85) шах вновь послал посольство с предложением мира. На этот раз турки заявили иранскому послу (Ибрагим-хану Текелю), что они согласны заключить мир при условии признания всех турецких завоеваний в Иране [42]. По требованию эмиров, среди которых было много бежавших из областей, захваченных турками, шах отверг эти условия, и война продолжалась. В следующем, 993 г. х. (1585/86), в ответ на предложение о переговорах турецкий главнокомандующий Фархад-паша потребовал, чтобы шах прислал одного из своих сыновей «на услужение султану» («бе хидмете хункар»), и тогда, возможно, этому принцу будет дан Тебриз, к тому времени захваченный турками [43].

Если к этому прибавить тяжелое положение кызылбашей в Хорасане, то станет понятно, почему шах Мохаммед направил в 1587 г. посольство Гади-бека (Андибека русских источ-

---

[38] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 236—239, 252—253, 261—263, 270—271 и др.; Шереф-хан Бидлиси. Указ. соч., т. II, стр. 257—276; I. Hammer. Op. cit., t. VII, p. 94; В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVII в. СПб., 1887, стр. 437—438.

[39] I. Hammer. Op. cit., t. VII, p. 76—79. Перед приходом турок в Ширван и Дагестан там вспыхнуло антикызылбашское восстание во главе с Абу-бекром, потомком ширваншахов, который направил посла к султану за помощью (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 232).

[40] Симон картлийский, по словам Искандера Мунши, был всегда сторонником Сефевидов, но, видя бесполезность ожидания помощи от шаха и не желая подвергать свою страну разорению, пропустил осман в Карабах (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 406; см. также N. Iorga. Op. cit., S. 246).

[41] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 265.

[42] Там же, стр. 292—293.

[43] Там же, стр. 345.

ников) в Москву с просьбой о помощи и военном союзе [44]. В Москве приняли и внимательно выслушали иранского посла. Гади-бек склонял Россию к войне с Турцией, за что шах обещал уступить России города Дербент и Баку [45]. В следующем, 1588 г., правительство царя Федора отправило в Иран свое посольство (князя Г. Б. Васильчикова), которое должно было продолжить переговоры, начатые в Москве, и одновременно собрать необходимые сведения о внутреннем состоянии и внешней политике Ирана. Когда русское посольство с большими трудностями добралось до Ирана, шах Мохаммед, свергнутый группой хорасанских эмиров, уже сидел в крепости Аламут, а правил его сын Аббас I (1587—1629), до этого являвшийся наместником Хорасана. Смена шахов на русско-иранских отношениях не отразилась, и Аббас I продолжал переговоры на тех же условиях [46].

Союз против Турции был основной целью и следующего иранского посольства в Россию, возглавляемого Гади-беком и Будак-беком [47]. Предполагалось создать сильную антитурецкую коалицию во главе с Россией и Ираном, с участием Грузии и шамхала Дагестана, на которого шах предполагал оказать давление [48]. Россия со своей стороны в эти годы (1588—1590) пыталась посадить в Крыму бежавшего в Астрахань царевича Мурат-Гирея, сына Саадат-Гирея, одно время бывшего крымским ханом [49].

Кроме того, после отъезда первого посольства Гади-бека из Москвы на Терек была послана русская рать, а подвластным России кабардинским владетелям было указано не пропускать турок в Закавказье [50]. Дальнейшей активизации русской политики, вероятно, помешал заключенный в 1590 г. мирный

---

[44] Россия находилась в это время формально в мире с Турцией, однако еще в 1578—1579 гг., когда разбитые турецко-татарские войска отступали через Терек, они были добиты русскими войсками из Терского городка («Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. М., 1957, стр. 47). Позднее, в 1583 г., турецкие войска подверглись нападению со стороны терских казаков и кабардинцев (I. Hammer. Op. cit., t. VII, p. 116; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. I, стр. 35—36; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. LXXXVII).

[45] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 3—5, 23.

[46] Там же, стр. 8, 88.

[47] Там же, стр. 129.

[48] Там же, стр. 92—93.

[49] Саадат-Гирей, сын Мухаммед-Гирея II (1577—1584), был изгнан из Бахчисарая турецким ставленником Ислам-Гиреем (1584—1588). С помощью ногайцев и донских казаков Саадат-Гирей на короткое время (на два месяца) вернул отцовский престол, но армия великого визира Осман-паши вытеснила его из Крыма, и он бежал с сыном в Астрахань и Ногайскую степь (см. В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 441—443; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 51—52).

[50] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 137, 138.

договор между Ираном и Турцией и начавшаяся русско-шведская война 1590—1593 гг.

Молодой Аббас I занял престол в момент, когда внутренние и внешние дела государства находились в критическом состоянии. Внутри страны продолжали бороться отдельные группы кызылбашских эмиров. На востоке бухарский хан Абдулла и его сын Абд-ул-Мумин, воспользовавшись уходом Аббаса на запад, в 1588 г. захватили почти весь Хорасан с Мешхедом [51]. На севере, в Гиляне, его владетель Хан-Ахмед-хан не только отказался повиноваться шаху, но вскоре вступил в сношения с Турцией [52] и чинил препятствия приезду русских послов в Иран [53], в то же время пытаясь заручиться русской помощью [54]. В этих условиях Аббасу было не под силу продолжать войну с турками, и в 1590 г. он отправил в Стамбул большое посольство во главе со своим племянником Хайдар-мирзой и правителем Ардебиля Мехди-кули-ханом, которое заключило мир с Турцией на условиях уступки султану всей Армении, Грузии, почти всего Азербайджана и Курдистана [55].

В Москве были поражены столь неожиданным на первый взгляд миром между Ираном и Турцией [56] и потребовали объяснений. Иранский посол Гази Хосров заверил русское правительство, что мир этот временный и что после приведения в порядок хорасанских дел войны с османами не миновать [57].

Дальнейшее развитие русско-иранских отношений показало, что вопрос о военном союзе против Турции не был снят с повестки дня. Россия и Иран по-прежнему обменивались посольствами, основной целью которых было заключение тайного антитурецкого союза [58]. В трудные для Ирана годы, когда

[51] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 386—389; Шереф-хан Бидлиси. Указ. соч., т. II, стр. 286—290, 292—294.

[52] Хан-Ахмед-хан, владетель области Гилян бийе-пиш (Ближний Гилян), из старой местной династии, в 974 г. х. (1566/67 г.) был схвачен полководцами Тахмаспа I и посажен в крепость, где просидел 12 лет. После смерти Тахмаспа он вернулся в Гилян и вскоре фактически отложился от Ирана. В конце 80-х годов Хан-Ахмед-хан вступил в сношения с Турцией и укрывал в Гиляне опальных кызылбашских эмиров, бежавших от Аббаса I. Все это привело к тому, что в 1000 г. х. (1591/92 г.) Аббас направил в Гилян своего полководца Фархад-хана Караманлу, после чего Хан-Ахмед-хан бежал через Ширван в Турцию (Шереф-хан Бидлиси. Указ. соч., т. II, стр. 234—238, 286, 294, 296; Абд ул-Фаттах Фумени. Тарих-е Гилян. СПб., 1858, стр. 30—36, 97—101 (на перс. яз.); Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 449—451; حاجی خلیفه فذلکه. جلد اول. استانبول ۱۲۸٦ه.ص.و (Хаджи Халифа. Сокращенная история, т. I. Стамбул, 1869, стр. 9).

[53] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 14—55.

[54] Там же, стр. 155.

[55] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 439; Шереф-хан Бидлиси. Указ. соч., т. II, стр. 295; «Osmanlı tarihi», c. III, s. 64.

[56] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 168, 169, 185.

[57] Там же, стр. 185—186.

[58] Там же, стр. 295, 296, 300, 322, 371—378 (проект договора).

Аббас I был занят главным образом ликвидацией внутренней оппозиции в Иране, русское правительство оказывало своему союзнику помощь, предоставляя возможность закупать в России оружие и военное снаряжение [59]. С другой стороны, и русские посольства принимались в Иране с большим почетом [60].

Искренность отношений между русским и иранским правительствами в этот период не следует идеализировать: и то, и другое исходило из своих интересов. Но поскольку в данном случае эти интересы совпадали, можно сказать, что, несмотря на отдельные трения и настороженность [61], вполне объяснимые между феодальными государствами, русско-иранские отношения в целом развивались на дружеской основе.

В 90-х годах XVI в. на Западе вновь возрождается идея создания русско-иранской коалиции против Турции. Связано это было с активизацией турецкой политики в Европе вскоре после заключения турецко-иранского договора 1590 г.: в 1593 г. началась война Турции со «Священной Римской империей».

Еще накануне войны папа Климент VIII написал Аббасу письмо, приглашая его присоединиться к антитурецкой коалиции западных стран [62]. К этой коалиции вновь пытались привлечь и Россию [63]. В 1596 г. тот же Климент VIII официально обратился к правительству Федора Ивановича с подобным предложением [64]. Однако ни Россия, ни Иран в это время не согласились вмешиваться в тяжелую войну за чуждые им интересы римской курии и «Священной Римской империи» [65].

---

[59] См., например, свидетельство о закупке в 1595 г. иранским послом в Москве 120 панцырей, 15 пудов олова и 60 пудов свинца (Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 311). (Ср. вопрос о панцирях в русско-немецких договорах, стр. 396.— *Ред.*).

[60] См. Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 433. О хорошем приеме русских послов пишет и персидский хронист (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 504, 506).

[61] Заметно недоверие по грузинскому вопросу, непоследовательна позиция шаха по отношению к шамхалу (см. об этом ниже). С другой стороны, русские послы пытались склонить шаха к уступке не только Дербента и Баку, но и Шемахи, чего прежде не было (Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 375).

[62] «A Chronicle of the Carmelites in Persia», vol. I, p. 68—69.

[63] «Storia politica d'Italiano. Preponderanza spagnuola (1559—1700)». Milano, 1950, p. 360.

[64] HRM, t. II p. 48—49. В эти годы и германский император делал попытки установить через Россию связь с Ираном в интересах создания антитурецкой коалиции (см. Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 232, 235; ср. также: B. von Wichmann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Berlin, 1820, S. 166—170, 174).

[65] В свою очередь турецкий султан пытался отчасти в интересах своего союзника бухарского хана склонить Аббаса к союзу с ним против «Священной Римской империи» (Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 283).

Лишь к 1602 г. Аббас, обезопасив себя с востока, активизировал свою западную политику. К этому времени резко изменилась обстановка и в Турции. Восстания джелалиев подорвали военное могущество Османской империи [66]. Одновременно в завоеванных турками Закавказье и Курдистане усилилась иранская ориентация среди местной мусульманской и христианской знати, а также городских слоев населения [67]. В этих условиях иранское правительство усилило подготовку к заключению русско-иранского союза на прежних условиях.

В 1602 г. иранское посольство в Москве заключило, наконец, договор, предусматривавший совместные военные действия против Турции; русские войска должны были двинуться через владения шамхала на Дербент, где стоял турецкий гарнизон [68].

В 1604 г. русский отряд под командованием воеводы И. М. Бутурлина выступил в поход на шамхала [69]. Однако он был истреблен шамхалом в 1605 г. Осложнение внутриполитического положения правительства Годунова в России и угроза иностранной интервенции помешали дальнейшей активизации русской политики на Кавказе.

Русско-иранские отношения связаны были также с шамхальским и грузинским вопросами.

Шамхальство Тарковское в XVI—XVII вв. было крупнейшим феодальным владением в Дагестане. Во второй половине XVI столетия шамхалы лавировали между Россией, Ираном и Турцией, чаще, однако, склоняясь на сторону последней, поскольку турецкие владения от шамхалата были далеко. С помощью султана шамхал надеялся избежать подчинения России или Ирану. Для последнего владения шамхала имели еще

---

[66] См. А. С. Тверитинова. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.— Л., 1946.

[67] О восстании курдов в округе г. Салмаса против турок и призвании ими Аббаса см. Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 637; о просефевидской ориентации в Тебризе см. там же, стр. 639; о сторонниках Аббаса среди верхушки армянского населения Закавказья, см. М. Бархударян. История Албании, т. II. Тифлис, 1907, стр. 37, 60 (на арм. яз.).

[68] С. Какаш и Г. Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. М., 1896, стр. 41. К сожалению, русские архивные документы этих лет не сохранились, и цитируемое упоминание о заключении тайного русско-иранского договора в записях имперского посольства С. Какаша и Г. Тектандера является единственным, так как и в иранских хрониках подобных сведений нет. Косвенным подтверждением этого факта является поход И. М. Бутурлина против шамхала.

[69] Поход И. М. Бутурлина связывает с русско-иранскими отношениями и Е. Н. Кушева («Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 834—835).

значение и потому, что через них в 80-х годах XVI в. проходили в Закавказье турецкие и татарские войска. Будучи заинтересован в ослаблении Ирана и России, шамхал всячески препятствовал русско-иранскому сближению, а также сношениям России с Кахетинским царством [70]. Первоначально поэтому и шах склонялся к совместным действиям против шамхала, но в 1594—1595 гг. его позиция в этом вопросе изменилась, и он взял на время шамхала под защиту [71]. Объяснить это можно боязнью иранского правительства, опасавшегося усиления влияния России на Северном Кавказе и особенно в Грузии; к тому же в эти годы изменились отношения между шамхалом и Ираном [72]. Тем не менее до завоевания Аббасом Северного Азербайджана и Дербента политика шамхала и в отношении Ирана была враждебна (или угрожала стать таковой), почему поход И. М. Бутурлина и являлся частью совместных действий Ирана, России и Грузии против Турции и ее сторонников.

Восточная Грузия, разделенная на два самостоятельных царства (Картли и Кахети), до начала войны Ирана с Турцией в 1578 г. была номинальным вассалом Ирана. В 80-х годах XVI в. Восточная Грузия признала власть Турции; официально закреплено это было статьями Стамбульского договора 1590 г. Кахетинский царь Александр II (1574—1605) в 1586—1587 гг. был принят в русское подданство, с чем шах Аббас молчаливо согласился.

В русско-иранских отношениях 90-х годов XVI в. грузинский вопрос фигурирует главным образом в связи с делом царевича Константина, сына Александра. Константин был отдан отцом в заложники деду Аббаса шаху Тахмаспу в 1574 г. [73], принял в Иране мусульманство и был воспитан при иранском дворе. В итоге Константин (Кюстандиль-хан персидских источников), стал верным слугой шаха. Царь Александр, зная, что Аббас был настроен к нему далеко не дружественно [74], имел все основания опасаться своего отпрыска и пытался через посредство русского царя вернуть царевича в Кахетию, на что, однако, ни шах, ни царевич не пошли [75].

---

[70] В 1591 г. гонец Аббаса I Кая был ограблен шамхалом (см. Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 160). Русское правительство с целью наказания шамхала направило в 1593 г. отряд воеводы Хворостина (С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CV—CVI).

[71] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 273.

[72] Там же, стр. 286.

[73] «Histoire moderne de la Géorgie». SPb., 1856, part. I, p. 154. Согласно Искандеру Мунши, Константин был послан не к Тахмаспу, а к его внуку, брату Аббаса, Хамзе-Мирзе (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 648).

[74] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 264.

[75] Позднее, после захвата Аббасом Ширвана, когда Константин командовал иранскими войсками, шах послал его в Кахети, где Константин

Гораздо более важные последствия имела оппозиция против Турции, сложившаяся в Грузии к концу 90-х годов XVI в. Оба грузинских царя (картлийский и кахетинский) приняли активнейшее участие в военных действиях Аббаса I [76], объявившего войну Турции, и тем самым, в сущности, оказались участниками антитурецкой коалиции в начале XVII в.

В русско-иранских отношениях второй половины XVI в. важную роль играли переговоры о союзе против восточного союзника султана [77] — бухарского хана. В XVI в. Бухарское ханство являлось сильнейшим феодальным государством в Средней Азии.

Особенно усилилось оно в 70—90-х годах XVI в. при хане Абдулле II (1560—1598). Будучи незаурядным полководцем и дипломатом, Абдулла и его сын Абд-ул-Мумин [78], фактический соправитель второй половины царствования отца, постепенно объединили под своей властью всю Среднюю Азию. Наиболее сильным противником их был хан Хорезма, который в борьбе с Бухарой стал союзником иранских шахов. Когда в 1593 г. Абдулла-хан овладел Хорезмом, хан последнего Хаджим-хан эмигрировал с семьей в Иран [79]. Еще в конце 80-х годов XVI в. бухарские ханы, воспользовавшись смутами в Иране, захватили почти весь Хорасан. Поэтому для Аббаса I борьба с Бухарским ханством была столь же важной, как и с Турцией; именно возросшей угрозой из Средней Азии объясняется заключение мира с Турцией в 1590 г.

Русское государство во второй половине XVI в. вновь пришло в соприкосновение со среднеазиатскими ханствами. Прежде всего это были торговые связи. Вместе с тем, особенно после присоединения Астрахани [80], возникли и политические отношения России с Бухарой и Хорезмом. И если ханы Хорезма — враги бухарского хана — с 70-х годов XVI в. изменили свое

вероломно умертвил своего отца и брата, за что, однако, сам был убит грузинами («Histoire moderne de la Géorgie», part. I, p. 158); «История Грузии», ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 346.

[76] «Histoire moderne de la Géorgie», part. I, p. 43.

[77] О том, что Бухара была союзником Турции, см.: I. Hammer. Op. cit., t. VII, p. 280; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 236; «Osmanli tarihi», c. III, s. 37.

[78] В источниках Абд-ул-Мумин именуется при жизни отца «хан-е-хорд» («малый хан»), в отличие от Абдулы, которого называли «хан-е калян» («большой хан») (Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 549).

[79] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 443, 444, 468, 472—473; Хаджи Халифа. Указ соч., стр. 13—15.

[80] Бежавшая астраханская династия нашла убежище в Бухаре.

отношение к России [81], то у усилившейся Бухары сохранялись в последней четверти XVI в. определенные противоречия с Русским государством.

Внешне Абдулла-хан стремился особенно не обострять своих отношений с Россией и посылал посольства с торговыми целями. Однако в то же время он оказывал покровительство врагу России — беглому сибирскому царю Кучуму [82]. Кроме того, Абдулла пытался отколоть от России заволжских ногайцев и с этой целью намеревался построить крепость на Яике [83]. Поэтому в Москве к Абдулле-хану относились с недоверием. Врагами Абдуллы и Кучума являлись казахские ханы, поддерживавшие отношения с Москвой и пытавшиеся через Россию установить связь с Ираном [84]. К 1595 г. отношения между Бухарой и Россией обострились, поэтому не случайно в переговорах с Ираном русское правительство соглашалось на включение в русско-иранский договор пункта о союзе и против бухарского хана [85].

В последующие, 1596—1598 гг., произошли события, сыгравшие решающую роль в развале державы Абдуллы-хана. В течение 1590—1596 гг. Аббасу удалось ликвидировать внутреннюю оппозицию в Иране и, пользуясь миром с Турцией, обратить внимание на восток. В 1596 г. Аббас направил хорезмских царевичей, находившихся в Иране, в Туркмению, откуда они прибыли в Хорезм и прогнали из Хивы наместника Абдуллы [86]. Правда, попытка эта окончилась неудачей, ибо Абдулла в том же году вновь захватил Хорезм, но эта разведка показала внутреннюю слабость Бухары. Дальнейшие события это подтвердили. В 1597 г. возникли разногласия между Абдуллой и Абд-ул-Мумином. Старый хан в такой обстановке решил примириться с Ираном, переговоры с которым вел по его поручению наместник Герата Мир-Калбаба-Кукилташ [87]. В этом же 1597 г. русское правительство приказало тарскому воеводе князю Елец-

---

[81] До этого времени хан Хорезма был враждебен России (см. выше, стр. 449, прим. 23). Позднее один из хорезмских царевичей, Мухаммед-кули, попал в Россию, служил там и участвовал, в частности, в походе 1598 г. против татар (см. С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пб., 1915, стр. 19).

[82] Ярлык Абдуллы Кучуму с выражением дружеских чувств см. в кн.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 296.

[83] С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 279.

[84] В 1595 г. посол казахских ханов в Москве просил разрешения вести переговоры с иранским послом о союзе против Бухары («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 292).

[85] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 295, 296, 347, 380—381, 384; т. II, стр. 30.

[86] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 522—523.

[87] Там же, стр. 547—548.

кому принять меры к укреплению Тарского городка от набегов союзника Абдуллы Кучума и препятствовать сношениям последнего с Бухарой [88].

Вскоре после этого, в 1598 г., казахские султаны, пользуясь смутами в Средней Азии, выступили в поход на Ташкент и разбили войска, посланные против них Абдуллой [89]. Последний умер в том же году. Абд-ул-Мумин безуспешно пытался путем репрессий [90] удержать в повиновении узбекских феодалов, но сам погиб от их рук. Государство Абдуллы распалось. Союзник Бухары турецкий султан оставил его в беде; с юга Бухарскому ханству угрожал союзник [91] Ирана индийский император Акбар. Тогда в смуты (под предлогом помощи одной из групп претендентов на ханский престол в Средней Азии) активно вмешался Аббас I и в течение трех-четырех лет захватил весь Хорасан.

В 1598 г. в степях нынешнего Казахстана погиб в сражении с русскими и союзник Бухары хан Кучум. Средняя Азия с этого времени была снова раздроблена на ряд ханств, и в XVII в. уже ни одно из них не являлось серьезным противником Ирана.

Наконец, вкратце остановимся на индийском вопросе в русско-иранских отношениях второй половины XVI в. Как уже упоминалось выше, Великие Моголы являлись союзниками Ирана против Бухары. Россия в XVI в. не имела дипломатических сношений с государствами Индии, но вела через Иран и отчасти через Среднюю Азию торговлю с ней и пыталась установить официальные отношения с крупнейшим индийским государством — державой Великих Моголов. Так, в наказе посольству В. В. Тюфякина (1595—1598) говорилось, что если у шаха будут индийские послы и захотят они видеть русских послов, то следует их принять и речи их записать [92]. Однако из сохранившихся посольских дел не видно, состоялась ли подобная встреча.

Таким образом, во второй половине XVI в. между Русским государством и Ираном существовал тесный дипломатический

[88] См. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 296—299; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 279; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 366.

[89] Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 553.

[90] Там же, стр. 555. В числе прочих был убит и упомянутый наместник Герата.

[91] Еще в 999 г. х. (1591/92 г.) Аббас и Акбар вели переговоры о союзе против Абдуллы (см. Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 429—430). О столкновениях Бухары и Индии и дружбе Ирана с Акбаром имеются сведения и в русских посольских делах (см. Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 110, 285).

[92] Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 342; также: روابط هند و ایران و چند اثر دیگر از جواهرلعل نهرو . تهران ۱۹۵۹ ۴۵ ص (Взаимоотношения Индии и Ирана и некоторые другие впечатления Д. Неру. Тегеран, 1959, стр. 45).

контакт, обусловленный общими интересами обоих государств в борьбе с Турцией и ее союзником Бухарским ханством. Дипломатические отношения на этой основе привели в конце XVI — начале XVII в. к созданию сильной коалиции против Турции, Бухары и их союзников (шамхала, хана Кучума) в составе России, Ирана, грузинских царств, казахских ханов, Хорезма и державы Великого Могола. Активные действия этих государств содействовали распаду объединения Абдуллы-хана и серьезным поражениям Турции, потере ее владений в Закавказье и на Восточном Кавказе.

* * *

Cet article est consacré aux relations politiques russo-iraniennes de la seconde moitié du XVI-e siécle, relations jusqu'à présent presque pas éclairées dans la littérature historique. La Russie et l'Iran de cette époque menacés tous les deux par la Turquie Osmanide, qui s'efforçait de consolider ses positions au Caucase et en Transcaucasie avaient des intérêts communs. D'autre part, l'Iran avait besoin de l'aide de la Russie pour lutter contre son autre adversaire, le khanat de Boukhara dont le khan était par ailleurs l'allié de la Turquie et de son côté, aidait l'ennemi de la Russie, le khan de Sibérie Koutchoum. C'est pourquoi les relations politiques russo-iraniennes avaient pour but la conclusion d'un accord dirigé contre la Turquie et ses alliés. On fit un essai de former une coalition qui, outre la Russie et l'Iran, aurait compris les royaumes géorgiens, le khanat de Khoresme, les khans kazakhes et certains principautes du Caucase du Nord. Les contradictions existant entre ces états féodaux empêchèrent l'heureuse réalisation de ce projet. Cependant les relations amicales avec la Russie jouèrent un grand rôle dans la consolidation du pouvoir du chah Abbas I en Iran et favorisèrent les succès de sa politique extérieure.

Н. П. Долинин

К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ И. И. БОЛОТНИКОВА 1606—1607 гг.

До настоящего времени иностранные источники о восстании И. И. Болотникова (1606—1607) не подвергались специальному анализу. Замечания, делавшиеся Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым и С. Ф. Платоновым, не носят систематического характера, хотя в ряде случаев и предоставляют значительный интерес. Очень интересной источниковедческой работой о дневниках В. Диаментовского и М. Стадницкого является статья польского исследователя В. Кентжиньского [1]. Краткая характеристика записей иностранцев, данная И. И. Смирновым, не исчерпывает вопроса и не лишена спорных суждений [2].

В советской исторической литературе следует отметить и работу С. Н. Быковского, посвященную анализу источников, касающихся последнего этапа восстания Болотникова, именно падению Тулы, занятой войсками В. Шуйского 10 октября 1607 г. [3] С. Н. Быковский пришел к выводу, что версия К. Буссова и П. Петрея о добровольной сдаче Болотникова и согласии его служить боярскому царю Василию Шуйскому столь же преданно, как и «царю Дмитрию», передавала официальную ложь, изложенную в правительственных грамотах и распространяемую Василием Шуйским и его приверженцами для упрочения положения боярского правительства и дезорганизации народного движения.

---

[1] W. Kętrzyński. Dyaryusze Wacława Dyamentowskiego i Marcina Stadnickiego o wyprawie cara Dimitra. «Przegląd Historyczny», t. III, zesz. 3 Warszawa, 1908, str. 265—275.

[2] И. И. Смирнов. Обзор источников о восстании Болотникова. В кн.: «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы». М., 1959, стр. 30—40.

[3] С. Н. Быковский. Мнимая «измена» Болотникова. ПИ, II, 1936, стр. 47—69.

Среди исследований, посвященных изучению крестьянской войны под руководством Болотникова, в советской историографии наиболее выдающееся место занимают труды И. И. Смирнова [4].

И. И. Смирнов придал иностранным записям современников и очевидцев начала XVII в. гораздо большее значение, чем дореволюционная историография. Часто И. И. Смирнов использует иностранные мемуары в качестве главного источника, особенно когда русские источники противоречивы в своих известиях, недостаточно ясны вследствие своей краткости либо умалчивают о том, что сообщают иностранцы.

Публикация новых русских актовых материалов послужила толчком для выступлений А. А. Зимина [5], Р. В. Овчинникова [6] и В. И. Корецкого [7] по вопросам хронологии крестьянской войны в начале XVII в., участия И. Пашкова в восстании Болотникова, а также путей движения восставших к Москве. Были поставлены под сомнения некоторые сведения иностранных источников, в частности К. Буссова.

Необходим дальнейший источниковедческий анализ иностранных известий — дневников, хроник и мемуаров, чтобы определить их место в изучении восстания Болотникова.

Все иностранцы, писавшие о Болотникове, отзывались о нем положительно. Некоторые немецкие авторы, как отмечает И. И. Смирнов [8] (например К. Буссов), говорят о нем даже весьма почтительно, с большим уважением. Не хулят восстания и польские авторы. В действительности иностранные авторы все единодушно отрицательно относились к воцарению В. Шуйского. Вражда к В. Шуйскому определила их благожелательное отношение к восстанию И. Болотникова.

Интерес к восстанию Болотникова у иностранцев возбуждался как самим фактом народного движения, так и реальными

---

[4] См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Л., 1949; 2-е изд., 1951; его же. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953; его же. Раздел о восстании Болотникова в кн.: «Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в.». М., 1955; его же. К истории восстания под руководством Болотникова. ВИ, 1955, № 10; его же. О некоторых вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII в. ВИ, 1958, № 12.

[5] А. А. Зимин и Р. Г. Королева. Документ разрядного приказа. «Исторический архив», т. VIII. 1953; А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в., ВИ, 1958, № 3.

[6] Р. В. Овчинников. О начальном периоде восстания И. Болотникова. ВИ, 1955, № 1; его же. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России. ВИ, 1959, № 7.

[7] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. ВИ, 1959, № 3.

[8] «Восстание И. Болотникова...», стр. 34.

выгодами, которые они стремились получить от развернувшейся борьбы. Немецкий хронист Конрад Буссов симпатизировал восставшим уже потому, что с их торжеством связывал установление в России того режима для иностранцев, который был создан при первом самозванце. В восстании принимали участие немецкие поселенцы-колонисты районов Калуги и Тулы, в их числе сын Конрада Буссова, сосланный затем после падения Тулы в Сибирь вместе с другими 56 немцами [9].

С точки зрения торговых интересов голландского купечества судил о событиях в России того времени мемуарист Исаак Масса [10].

Польские шляхтичи, прибывшие в Москву вслед за первым Лжедмитрием и сосланные Шуйским после майского восстания 1606 г. в северные русские города (Ярославль, Ростов, Белоозеро, Вологду и др.), связывали с успехом движения Болотникова надежды на свое освобождение и были готовы принять участие в этом движении. Большинство авторов польского происхождения писало для читательской среды Речи Посполитой — главным образом для шляхтичей. Авторы старались подчеркнуть особую роль своих соотечественников в событиях начала XVII в. в России. Учитывали они и большой интерес к России того времени в других странах Европы.

Автором обстоятельного дневника, составленного в 1606—1608 гг., был С. Немоевский, спутник Марины Мнишек, один из образованнейших аристократов, посланный, возможно, неофициально Сигизмундом III с дипломатическими поручениями к первому самозванцу [11]. Дневник Немоевского подробно освещает польско-русские отношения 1605—1606 гг. [12] В записях

---

[9] См. Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России и их сочинений, ч. 1—2. СПб., 1846, стр. 28. В немецком тексте хроники Конрада Буссова, изданном Археографической комиссией [RRS. SPb, 1851, t. 1. Conradi Bussovii Chronica Moscovitica (далее C. Bussow)] и в переводе Устрялова хроники Буссова (Н. Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, ч. I. СПб., 1859) упоминаются 52 немца. Аделунг пользовался дрезденским списком хроники, который считается лучшим.

[10] См. И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 172, 178, 179—180.

[11] С. Немоевский был коронный подстолий, «дворянин его величества короля», близкий ко двору Сигизмунда III и ранее исполнявший его политические и дипломатические поручения. По мнению польского исследователя Кентжиньского, С. Немоевский по возвращении из России в Польшу знакомился с дневником своих коллег, но не был автором «дневника Диаментовского». См. W. Kętrzyński. Op. cit., str. 272—275. А. Гиршберг также отрицает авторство С. Немоевского, хотя и указывает на копии рукописей, где автором назван С. Немоевский (A. Hirschberg. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901, str. 8).

[12] W. Kętrzyński. Op. cit., str. 275.

С. Немоевского помещено и письмо А. Стадницкого из Москвы к брату его Мартыну в Белоозеро с интересными сообщениями, касающимися осады Москвы восставшими в ноябре-декабре 1606 г.

Близок по содержанию к сочинению С. Немоевского дневник одного из слуг Юрия Мнишека, ранее известный под названием «Дневника Марины Мнишек». А. Гиршберг, опубликовавший полный текст этого дневника, считал В. Диаментовского его автором [13]. Но еще в 1908 г. с обоснованным возражением выступил А. А. Титов, указав на непричастность Диаментовского к составлению дневника [14]. В том же году в Варшаве была опубликована статья В. Кентжиньского, который пришел к выводу, что автором этого дневника был Авраам Рожнятовский.

В. Диаментовский не просто переписал текст рукописи, а редактировал его и вносил изменения, главным образом стилистического характера [15].

---

[13] A. Hirschberg. Op. cit., str. 4—8.

[14] А. А. Титов доказал, что автором был А. Рожнятовский, приближенный Ю. Мнишека. См. А. Титов. Дневник Марины Мнишек (1607—1609). М., 1908, стр. II—V. А. Титовым в краковском музее Чарторыйских найдена рукопись под № 1638 с припиской (сделанной переписчиком в 1818 г.), указывающей, что эта рукопись — дневник Авраама Рожнятовского. Данная рукопись является продолжением рукописи, изданной Тургеневым и переведенной Устряловым, и составляет дневник событий с декабря 1607 г. по 27 мая 1609 г. Рукопись Титова идентична с текстом «дневника Диаментовского» с 118 по 156 стр. Очевидно, «дневник Диаментовского» (Гиршберга), «дневник Марины» (Тургенева, Устрялова) и «дневник А. Рожнятовского» (Титова, Кентжиньского, к мнению которых присоединяется и автор данной статьи) — описки одной и той же рукописи. Автором дневника был, несомненно, служитель Юр. Мнишека. Об этом свидетельствует текст дневника, где сказано об авторе: «Sługa pana wojewody» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 4); «nas sług posadzóno przeplatając Moskwa, którzy czestowali» (ibid., str. 33); «nas sług posadzóno przeplatając Moskwa, którzy czestowali» HRM, t. II, SPb., 1842, p. 164); «Посадили нас слуг попарно с русскими, которые нас подчивали» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. II, стр. 144); «Nas zostało więcej widelicet do 300 samej tylko czeladzi Pańskiej a Carowej» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 61); «Nas więcej to est do trzech set samej tylko czeladzi Pańskiey a Carowiey» (HRM); «всех нас, вместе с панской и царской челядью оставили в Москве до 300 человек» (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 170). Можно было бы привести ряд других аналогичных высказываний автора дневника о себе. Ясно, что к слугам пана воеводы не мог относить себя роженский подстолий В. Диаментовский. В дневнике, изданном Гиршбергом, отмечается под 25 мая 1608 г.: «Zostało nas wszytkich in genere n° 162 dobrych molojców» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 133). К «молодцам» не мог относить себя 76-летний старец.

[15] Так, в «дневнике Диаментовского» указывается, что Лжедмитрий для охраны поляков приказал Басманову расставить по улицам Москвы стрельцов в ночь на 27 мая 1606 г. (см. A. Hirschberg. Op. cit., str. 51). В рукописи А. Тургенева отсутствует упоминание имени Басманова (см. HRM, p. 173). Не упоминает Басманова и Устрялов (см. Н. Устря-

Будучи наиболее полным по включенным материалам (сравнительно со списком, изданным А. Тургеневым), «дневник Диаментовского» в издании Гиршберга представляет большой интерес и источниковедческую ценность.

В переводе Н. Устрялова имелись некоторые незначительные неточности [16]. Новый перевод записей дневника А. Рожнятовского, относящихся непосредственно к восстанию И. И. Болотникова, сделан А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым. Перевод советских историков более близок к тексту оригинала, чем перевод Н. Устрялова [17]. Советские историки впервые перевели полностью материал дневника А. Рожнятовского о военной истории восстания И. Болотникова. Правда, публикация записей, в которых сообщались сведения только о военной истории восстания Болотникова, привела к некоторым пропускам в тексте, имеющим значение для характеристики дневника как исторического памятника [18].

В первой части дневника А. Рожнятовского излагается поход Лжедмитрия I на Москву, мотивируется законность его прав как «истинного царевича», описывается путешествие Мнишков из Польши в Москву, бракосочетание и официальные приемы самозванца. В этой части дневник содержит по существу тот же материал, который имеется в записках С. Немоевского и «дневнике М. Стадницкого», причем «дневник Диаментов-

---

лов. Указ. соч., стр. 160). В «дневнике Диаментовского» читаем: «nazajutra bylismy inter spem et merum» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 96). У Тургенева иначе: «na zajutra tedy rano byliśmy między nadzieją i bojaniа» (HRM, p. 186). «Все утро мы были между страхом и надеждой» (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 181).

[16] В переводе Устрялова отсутствует краткое сообщение от 19 апреля (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 139; HRM, p. 161). У Устрялова нет записи за 22 июня 1606 г., где упоминается об отправлении царем Шуйским послов к королю (указ. соч., стр. 176; HRM, p. 183). У Устрялова опущены слова в «первый раз», имеющиеся в рукописи Тургенева, и, кроме того, дана дата в определении событий 8 августа, отсутствующая у Тургенева (см. HRM, p. 184), но имеющаяся у Гиршберга (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 178, HRM. p. 184).

[17] «Восстание И. Болотникова...», стр. 165—175. Перевод сделан по польскому тексту, изданному А. Гиршбергом. Сличения с рукописью, изданной А. И. Тургеневым, составители не производили. В сборнике опущен большой материал, касающийся пребывания польских шляхтичей в Ярославле, важный для понимания польского дневника.

[18] Так, в сборнике дается перевод записи за 7 декабря 1606 г., где сообщается, что восставшие проникли даже за городские стены Москвы (см. «Восстание И. Болотникова», стр. 167), опускаются следующие слова: «Правдоподобно ли это известие, не знаю» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 85). В записи за 9 июля 1607 г. опущены слова: «Ложно, что царь вернулся в Москву» (см. «Восстание И. Болотникова...», стр. 170; A. Hirschberg. Op. cit., str. 103).

ского» и некоторая часть «дневника Стадницкого» близки между собою [19].

В следующей части дневника Рожнятовского описывается положение и судьба поляков, их жизнь в ссылке в Ярославле и других городах; рассказывается о событиях, происходящих в стране (по слухам, доходившим до автора). В этом дневнике мы находим такие подробности, каких нет в «дневнике М. Стадницкого». Очевидно, автором «дневника Диаментовского» и соответствующей части «дневника Стадницкого» был А. Рожня-

[19] «Записи М. Стадницкого» [рукопись издана А. Титовым («Русский исторический архив», кн. II. М., 1906] касаются событий вплоть до 1614 г. К ним приложено описание богатств России, системы ее правосудия, заметка о мятеже 1648 г. Создается впечатление, что «дневник М. Стадницкого» в том виде, как он переписан в 1744—1770 и 1774 гг., представляет собой свод записок нескольких лиц, в основе которого лежит дневник о судьбе поляков и их роли при Лжедмитрии I. По «Дневнику Стадницкого» дано название всему сборнику материалов, объединенных и обработанных редактором. «Дневник М. Стадницкого» проникнут одной тенденцией: он излагает события в духе оправдания польской интервенции, хотя автор и признает издевательское отношение шляхтичей к русским в Москве в 1605—1606 гг., вызвавшее майское восстание 1606 г. Первая часть дневника М. Стадницкого написана на основании «дневника Диаментовского», составившего основу текста, с некоторыми сокращениями и дополнительными вставками. Такое мнение складывается из того, что тексты дневника слуги Мнишка и «дневника М. Стадницкого» весьма близки не только по изложению включенных документов (речи польских послов перед самозванцем, ответы их на вопросы московских бояр о Лжедмитрии и др.), но и в отношении авторской речи. В. Кентжиньский находит, что М. Стадницкий, гофмейстер М. Мнишек, не был автором дневника, но имел в своем распоряжении рукопись дневника (см. W. Kętrzyński. Op. cit., str. 268). Автором начальной части «дневника М. Стадницкого» был начальник одной хоругви — отряда в 300 человек («нас, дворян»; «со слугами и челядью... мы были»). В «дневнике Стадницкого» записано: «В моем отряде зажег мой слуга несколько фунтов...» В том же месте у Диаментовского читаем: «W gospodzie Pana Abrahama Rożniatowskiego zapalił pacholik» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 27). В рукописи Тургенева: «W mojej gospodzie zapalił pachołek» (HRM, p. 161). У Устрялова в «дневнике Марины Мнишек»: «Слуга мой зажег в моей квартире несколько фунтов...» (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 17). Отсюда можно заключить, что автор «дневника Диаментовского» и основы «дневника Стадницкого» — одно и то же лицо — Авраам Рожнятовский (ср. И. И. Смирнов. Обзор источников. В кн.: «Восстание И. Болотникова...», стр. 38, примечание). Но в «дневнике Диаментовского» проводится иная тенденция, чем в сводном «дневнике Стадницкого». Автор первого дневника старается показать, что Польша не помогала Дмитрию овладеть престолом, что «русские сами признали Лжедмитрия царем и его прикончили» (см. Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 175); «Moskwa poczęła, Moskwa zakończyła» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 173; HRM, p. 182). Дневник А. Рожнятовского был позднее обработан составителями «дневника М. Стадницкого». В рукописи говорится, что это — дневник, «записанный теми лицами, которые были свидетелями всех этих происшествий» («Русский исторический архив», 1906, № 6, стр. 135). Текст «дневника Стадницкого» мало обработан, части его порой соединены механически и противоречивы. По достоверности сведений он уступает дневнику Рожнятовского.

товский, оказавшийся в свите служителей Ю. Мнишка. Рожнятовский, будучи в Ярославле, систематически вел дневниковые записи, которые и стали известны под названием «дневника Диаментовского». Но дневниковые записи Рожнятовского были не единственным источником этой хроники. В них автор, очевидно, по возвращении в Польшу, включил заметки своих товарищей [20].

Источники информации поляков, сосланных в северо-восточные города, далекие от театра непосредственных действий восставших, были весьма ограничены. Это были официальные грамоты Василия Шуйского, которым они не всегда доверяли ввиду их тенденциозности, и разные слухи, сообщаемые им стрельцами из стражи, слухи, которые несла стоустая молва о том, что делается в стране.

«Наши вестовщики, сами ничего достоверного не зная, слушали небылицы и пересказывали их нам» [21],— признает автор дневника. И ему самому, как и другим полякам, приходилось разбираться в том, где в известиях, слухах, передаваемых стрельцами, правда, а где нелепость. Другим источником сведений сосланных в Ярославль поляков были письма, изредка доходившие до них от панов, сосланных в другие города, но тоже основанные по преимуществу на слухах [22]. Непосредствен-

[20] W. Kętrzyński. Op. cit., str. 275.

[21] Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 193. «Niewiedzac i sami nic pewnego, bo im też inaczej udawano, niz w saméj rzeczy było, i też tak co onym kto to oni nam bajali» (HRM, p. 193; A. Hirschberg. Op. cit., str. 108). О сомнительности слухов автор говорит часто: «Jednak się tym powieściom i wierzyło i niewerzyło», «Rozmaite słuchy i wieści były, którym się dla ich odmian i niestateczności niewierzyło» (HRM, p. 189, 190; A. Hirschberg. Op. cit., str. 102, 103).

[22] Аделунг писал об источниковедческом значении «дневника Диаментовского»: «Вообще все сочинение представляет гораздо меньше новых данных и событий, нежели сколько можно было бы ожидать, принимая в соображение положение сочинителя» (Ф. Аделунг. Указ. соч., стр. 126). То же самое отмечал П. Пирлинг (см. П. Пирлинг. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913, стр. 44, 49). Не высоко оценивал осведомленность автора дневника и С. Н. Быковский, полагавший, что дневник «не может служить надежной точкой опоры» в изучении событий (см. С. Н. Быковский. Указ. соч., стр. 60). Автор дневника не знал о переписке между Ю. Мнишком и Лжедмитрием II, как не знал и того, что А. Стадницкий вел переписку с монахом де Мело, ездил навещать Мнишка в Ярославль и поддерживал сношения с польским послом Олесницким, находившимся в Москве, что А. Стадницкий имел связь в Ростове с неким Антоном Влахом и через него получал информацию о том, «что деется межь бояры и что весть есть о ростриге» (см. Сб. РИО, т. 137, 1912, стр. 373). «Эти данные своеобразно сочетают в себе обилие слухов, зачастую неправдоподобных и даже прямо ложных, вместе с не менее обильным количеством точных и достоверных данных, в том числе и таких, которые тщательно скрывались правительством Шуйского или изображались в заведомо искаженном виде» («Восстание И. Болотникова...», стр. 38). К сожалению, этих «точных и достоверных данных» у Рожнятовского не так уж много. И со-

ным очевидцем автор мог быть лишь в тех случаях, когда наблюдал в Ярославле отклики событий, происходивших где-то поблизости.

Известия дневника Рожнятовского («Диаментовского») нуждаются в проверке другими источниками. Например, касаясь событий от 2 мая по октябрь 1607 г., связанных с восстанием Болотникова, дневник ссылается как на достоверные на сообщения испанского монаха-католика Николая де Мело (на самом деле неточные), присланные тайно в Ярославль из его заключения в ростовском Борисоглебском монастыре. Можно привести много случаев, из которых видно, насколько мало конкретны известия этого дневника. Так, 1 августа 1606 г. автор записал недостоверные известия о «царевиче Петре», не зная о роли Болотникова в восстании. Автор показывает лишь общий ход событий. Важно сообщение о посылке войск против восставших («по сим вестям, народ насильно на войну погнал») и сведения об отношении народа к восстанию [23]. 17 мая 1607 г. в дневнике записываются скудные сведения о сражении на р. Пчельне, имевшем важное значение в военной истории восстания Болотникова [24].

вершенно прав Р. В. Овчинников, писавший, что «использование этих сведений (А. Рожнятовского.— *Н. Д.*) возможно лишь после самой тщательной проверки, которая является главным условием исследовательской работы над мемуарной литературой» (Р. В. Овчинников. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России, стр. 76).

[23] «1 августа (1606 г.— *Н. Д.*)... выслали из Москвы войско для усмирения мятежей в Путивле и в других пограничных городах. Носилась молва, что народ толпами стекается то к боярскому сыну Петрушке (у Н. Устрялова неверный перевод; надо: то к Петрушке, сыну государеву.— *Н. Д.*), то к Димитрию, то к обоим вместе» (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 177; HRM, p. 183; A. Hirschberg. Op. cit., str. 76; «Восстание И. Болотникова...», стр. 166). «Царевич Петр» лишь в декабре 1606 г. появился в Северской земле (см. Сб. РИО, т. 137, 1912, стр. 330; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 368—369). Восстание в Путивле и украинных уездах началось в июне 1606 г. В июне войска Шуйского были двинуты против восставших (см. ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 158). Более подробно сообщает о начале восстания Маржерет (См. Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 305—306, 308—309).

[24] «17 числа (мая 1607 г.— *Н. Д.*)... до нас дошли слухи, что сторона Шуйского, проиграв сражение, ослабела» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 101; HRM, p. 189; «Восстание И. Болотникова...», стр. 169; ср. Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 186). «4 числа (июня 1607 г.— *Н. Д.*) утром получено известие, что в последних числах мая из войска Шуйского до 14 тыс. человек пало на сражении» (HRM, p. 189; A. Hirschberg. Op. cit., str. 101; «Восстание И. Болотникова...», стр. 169; Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 187). Информация приходила к полякам в Ярославль с большим опозданием. Сражение на Пчельне произошло в начале мая. И. И. Смирнов, опираясь на Буссова, датирует сражение 13 мая (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 385), В. И. Корецкий — 3 мая 1607 г., что является правдоподобным (В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России в начале XVII в., стр. 130). Комментаторы сборника тоже

Первые известия, дошедшие до поляков в Ярославле о сражении на Восме, записанные в дневник, были противоречивы. Правительственным сообщениям о поражении восставших шляхтичи и сам автор дневника не поверили ни в начале июля, ни в последующее время [25]. Записывая 3 июля известия о битве, Рожнятовский передавал слух о поражении войск В. Шуйского. По записям Рожнятовского о военной истории восстания после 3 июля и вплоть до 14—20 ноября 1607 г., получается картина сплошных неудач правительственных войск В. Шуйского.

В записях шляхтича обнаруживается стремление выдать желаемое за действительное, а потому он склонен был верить, что «Шуйский не добьется своего и не сможет удержаться», что «в Москве в скором времени будет другой царь» [26].

Не обладал точной информацией Рожнятовский и о падении Тулы. Падение Тулы явилось для поляков Ярославля полной неожиданностью. Но после этого все свои надежды шляхтичи уже связывали с Лжедмитрием II. В предшествующем описании похода «царя Дмитрия» из Польши на Москву авторы польских хроник не интересовались ни внутренним состоянием государства, ни народным движением в стране. Радуясь успехам Болотникова и «Петра» — Горчакова, польские хронисты не обращали внимания на антифеодальную сущность выступления крестьян и холопов, на социальный протест народа против крепостнического закабаления. В глазах Немоевского, слуги Ю. Мнишка и Стадницкого, это была борьба за обладание престолом между Василием Шуйским и его противниками, сторонниками «царя Дмитрия». Простой народ, «чернь» в глазах шляхтичей выступает как послушное орудие бояр, не имеющее своих интересов и прав. Эта «чернь» была на стороне ненавистного польской шляхте Василия Шуйского, оказывая ему пол-

---

полагают, имея в виду публикацию А. А. Зиминым «Расходной книги денежного стола Разрядного приказа», что битва на Пчельне была в начале мая 1607 г. (см. «Восстание И. Болотникова...», стр. 293, 417).

[25] A. Hirschberg. Op. cit., str., 102—103; HRM, p. 190; «Восстание И. Болотникова...», стр. 170.

[26] 9 июля 1607 г.— запись о неудачах Шуйского (это неверно); 28 июля — сообщение о неудачах Шуйского под Тулой; 2 августа: «Шуйский не сможет удержаться»; 13 августа: «Шуйский отступил к Москве; 1 октября: «великая битва» проиграна Шуйским; 8 октября: Шуйский разгромлен под Серпуховым; 14 октября: возвращение раненых из войска Шуйского; 18 октября: Шуйский покинул Серпухов; 20 октября: Шуйский отступил к Москве; 25 октября: у Шуйского дела плохи; 14 ноября: слух, что царь побил «воров»; 20 ноября: «верные известия», что Болотников в оковах, а Дмитрий жив («Восстание И. Болотникова...», стр. 170—174; A. Hirschberg. Op. cit., str. 103—112).

ную поддержку в борьбе с «противной стороной» [27]. Так под влиянием восстания 17 мая 1606 г. произошло смещение понятий у польских сторонников Лжедмитрия.

Шляхетское чувство презрения к народным низам присуще польским авторам, писавшим о событиях 1605—1608 гг. Сказалось оно и в их отношении к казакам. По их представлению, казаки — это «нищенский сброд», живущий «кражею у другого» [28]. Не случайно Андрей Стадницкий в письме к брату, говоря о сражении болотниковцев под Москвой 27 ноября 1606 г., писал: «Сообщили и то, что в прошлую ночь все телеги и всякую сволочь (lud blahy) отправили прочь, но сами остались истомить город и не пропускать перевоза припасов» [29]. И недаром тот же А. Стадницкий в откровенном разговоре с Дмитрием

---

[27] Сообщая о поражении войск Шуйского 11 мая 1608 г. под Болховом от войск нового самозванца, А. Рожнятовский заявляет: «Войско Шуйского разбегается, и он остался в Болхове один с чернью» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 131; А. Титов. Указ. соч., стр. 23). «Были вести, что все бояре, покинув царя Шуйского, стояли в поле, за него была лишь чернь» (A. Hirschberg. Op. cit., str. 136; А. Титов. Указ. соч., стр. 28). Под «чернью» шляхтичи имели в виду прежде всего посадское население.

[28] A. Hirschberg. Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego. Lwów, 1899, str. 149; русское издание см: А. А. Титов. «Записки Станислава Немоевского» в кн.: «Рукописи славянские и русские, принадлежащие В. А. Вахромееву», вып. 6. М., 1907.

[29] Там же, стр. 173. Стадницкий имеет в виду, очевидно, наименее организованную в военном отношении массу крестьян и холопов, «челядь». И. И. Смирнов явно преувеличивает значение записки А. Стадницкого в определении даты перехода И. Пашкова на сторону В. Шуйского 27 ноября 1606 г. «„Иное сказание“ (РИБ, т. XIII, стб. 109),— пишет он,— сообщает, что И. Пашков изменил Болотникову, когда увидел царя В. Шуйского, лично сражающегося на поле брани». В письме же А. Стадницкого передается, что это сражение с участием В. Шуйского было 7 декабря (27 ноября — по московскому календарю). («Записки С. Немоевского», стр. 179). Из этого И. Смирнов заключает, что Пашков изменил 27 ноября (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 300—302), полагая, что «опубликованное письмо А. Стадницкого существенным образом изменило положение с источниками» (там же, стр. 304). В действительности А. Стадницкий в описании сражения 27 ноября 1606 г. молчит об измене Пашкова. Выход из Москвы В. Шуйского с воинством против восставших «Иное сказание» относит ко времени прибытия военных сил из Смоленска и с Двины. Из Смоленска помощь прибыла 28—29 ноября. Стало быть, выход царя с войском мог иметь место 2 декабря, что противоречит сообщению А. Стадницкого. Из последующего текста «Иного сказания» можно заключить, что измена произошла в дни боев за Красное село, тогда же состоялся и выход царя с войском. По сообщению Стадницкого, битва за Красное село была 26 ноября. Словом. «Иное сказание» не содержит конкретных даиных для определения даты измены Пашкова. Доводы И. И. Смирнова не опровергают прямых указаний источников, относящих измену Пашкова к 2 декабря 1606 г. [см. грамоты В. Шуйского (СГГД, ч. II, 1819, № 150, 151)]. Свидетельства Паэрле, И. Массы связывают прекращение осады восставшими Москвы 2 декабря 1606 г. с переходом Истомы Пашкова на сторону Василия Шуйского.

Шуйским, предлагая заключить между Россией и Польшей унию (pacta conventa), имел в виду совместными силами вести борьбу с «ворами» (т. е. против войск Болотникова) [30], поднявшихся, когда «не стало потомка наследственных государей» [31].

Нет у хронистов и понимания связи восстания Болотникова с предшествующими выступлениями народных масс 1603—1605 гг. При всем этом дневник Рожнятовского, записки Немоевского и «дневник М. Стадницкого» содержит ценные известия о восстании Болотникова и движении Лжедмитрия II, о военных действиях против войск Василия Шуйского, каких мы не найдем в официальных грамотах боярского царя. Очень ценна записка А. Стадницкого, располагавшего хорошей информацией; в ней содержатся живые свидетельства о волнениях в Москве в 1606 г. против Шуйского, о чем молчат русские источники, примерные данные о численности войск восставших и Шуйского, о положении в столице в момент осады Болотникова [32], о военной истории восстания Болотникова.

Захват Москвы Лжедмитрием вызвал появление в русской столице значительного числа европейских купцов, прибывших в Россию для выгодных торговых сделок. Один из немецких купцов из г. Аугсбурга (Ганс Паэрле) оставил обстоятельные записки [33].

На основании слухов, полученных от стрельцов, Паэрле кратко излагает известия о восстании под руководством Болотникова. Более точен Паэрле в определении дня активных действий восставших под стенами Москвы и длительности ее осады болотниковцами [34]. По его утверждению, народ в Москве был готов перейти на сторону Болотникова, не случись измены Истомы Пашкова.

[30] «Записки С. Немоевского», стр. 145.

[31] Там же, стр. 137.

[32] Ценные сведения о тяжелом положении боярского правительства сообщает Иван Садовский в своих показаниях по делу А. Стадницкого, уличенного в секретной переписке с польским послом П. Олесницким и попытке к бегству в Польшу (Сб. РИО, т. 187, стр. 373—376).

[33] «Описание путешествия Ганса Георга Паэрле, уроженца Аугсбургского, с господами Андреасом Натоном и Бернгардом Манлихом младшим из Кракова в Москву и из Москвы в Краков с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1609 г.». Русский перевод см. Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 147—234. Немецкие купцы после майского восстания 1606 г. до начала 1608 г. находились во дворце польских послов в Москве под надзором приставов Шуйского.

[34] Поляки и немецкие купцы, видя бегущих с ружьями и пищалями к Кремлю, полагали, что на них готовится новое нападение. Однако потом, когда выяснились действительные причины волнения в городе, оказалось, что вооружались для отпора восставшим. Паэрле называет дату 26 ноября (16 ноября по московскому календарю, воскресенье). Указывает он и срок блокады восставшего города — пять недель. Его сообщения подтверждаются русскими источниками.

Наиболее обстоятельное изложение истории восстания 1606—1607 гг. находим в «Московской хронике» Конрада Буссова, немецкого хрониста, прожившего долгое время в России [35].

Н. Устрялов идеализировал сообщения Конрада Буссова, когда писал в предисловии к своему переводу немецкого текста рукописи, что редкое известие ливонского немца нельзя подтвердить сохранившимися источниками. Критические замечания Петрея по поводу хроники Буссова, Устрялов, как и подавляющая часть русских историков дореволюционного времени, толковал лишь как поклеп на немецкого хрониста, вызванный враждой шведского государственного деятеля к Буссову [36].

---

[35] Конрад Буссов — немец из Прибалтики — занимал должность ревизора и интенданта завоеванных Швецией у Польши лифляндских земель. Спасаясь от казни за участие в заговоре с целью передачи Нарвы Русскому государству, он поселился в России. Сначала он жил в Москве, после гибели Лжедмитрия I перебрался в Углич, затем в Калугу (или в свое поместье под Калугой) и находился там во время восстания Болотникова. В 1607 г., возможно, был в Туле, но, вероятнее всего, известия о Туле, осажденной войсками В. Шуйского, получал от сына (тоже Конрада Буссова), сражавшегося на стороне Болотникова. В 1610 г. его поместье под Калугой передано было Лжедмитрием II калужанам, захватившим деревни ливонских немцев, живших в районе Козельска, Тулы и Калуги. После убийства Лжедмитрия II Буссов служил полякам, занимавшим Москву. В России был до 1612 г. Решив, что ему здесь оставаться опасно, он уехал в Польшу, затем в Германию, где и закончил работу над своей хроникой.

[36] Н. Карамзин и Н. Устрялов вслед за Петреем полагали, что автором хроники был зять Буссова пастор Мартин Бер. Но уже Ф. Аделунг отмечал, что автором ее был Буссов (Ф. Аделунг. Указ. соч., стр. 26—66). Убедительные доводы для доказательства этого приведены Я. Гротом (Я. К. Грот. Действительно ли Мартин Бер — автор Хроники? СПб., 1849). Впрочем, Грот допускал участие Мартина Бера в создании хроники. Карамзин и Устрялов пользовались списком хроники, где рассказ о событиях доводится до 1612 г. Список рукописи, изданной Археографической комиссией (C. Bussov, p. 1—136), отличается от текста перевода Н. Устрялова (см. Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I; Летопись Московская Мартина Бера, стр. 3—43). Псалмы (Lamentatio) Мартина Бера, приложенные к тексту Археографической комиссии, отсутствовали в рукописи, использованной Устряловым. В переводе Устрялова Иван IV назван «мучителем», в немецком тексте этого нет. В немецком тексте сообщается, что после мятежа в мае 1606 г. осталось в живых иностранцев 100 тысяч (C. Bussov, p. 53), у Устрялова — несколько сотен человек (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 67), и т. д. Резко различаются оба текста разбивкой по главам и их наименованием. Устрялов либо имел в распоряжении другой список рукописи, отличный от изданного Археографической комиссией, либо он перерабатывал в русском переводе немецкий текст, излагая его в духе своего понимания событий начала XVII в., «уточнял» известия Буссова, опуская те из них, которые казались ему недостоверными. Словом, Устрялов как бы вносил свои комментарии в переводимый текст и сокращал его в некоторых местах. Так, он признавался, что фамилию «купца Mulnick» у Буссова, пристрелившего Лжедмитрия I, он перевел произвольно «Валуев» (фамилия стрельца, достоверного исторического лица). Н. Устрялов в переводе лишал хронику Буссова враждебного к русскому народу характера. Так, у Буссова Г. Шаховской, агитируя за «царя Димитрия»,

Хроника Конрада Буссова выделяется среди записок иностранцев начала XVII в. строгой хронологической последовательностью в изложении событий и обилием приводимых известий, не всегда, однако, соответствующих действительности. Этот авантюрист злобно настроен по отношению к русскому народу; в восстании против В. Шуйского он видит организующую руку поляков. Отсюда исключительная тенденциозность Буссова [37].

Основу хроники составили дневниковые записи (но отнюдь не в виде «обстоятельного дневника», как писал Буссов) [38]. Некоторые данные о ходе восстания Буссов, очевидно, узнал от своего сына, принимавшего участие в восстании. Сын Буссова своими рассказами мог дать материал для диалогов Болотникова, часто приводимых немецким хронистом и занявших значительную часть текста в рассказе о событиях 1606—1607 гг. Эти диалоги раскрывают благородство «рыцарской души» руководителя восстания, верность его «царю Дмитрию» и, видимо, имели целью показать превосходство восставших, к которым примкнули некоторые немцы, боровшиеся против нежелательного для них царя-«шубника». Употребление диалогов в историческом повествовании не являлось особенностью, присущей лишь хронике Буссова. Прямая речь в хроникальных записях была принятым художественным приемом в исторической литературе тех времен. У Буссова она отражала личное отношение автора к восстанию, поднятому якобы во имя режима, существовавшего при Лжедмитрии I (поэтому в хронике подчеркивается верность клятвы Болотникова царю Дмитрию).

Основным источником хроники Буссова о восстании 1606—1607 гг. являлись рассказы его участников, в особенности немцев, сообщавших наиболее значительные факты о ходе событий, а также грамоты В. Шуйского. Именно рассказы немецких информаторов Буссова послужили источником несоразмерно пространного сообщения о Фидлере и других немцах, служивших то Лжедмитрию II, то Василию Шуйскому.

убеждал путивльцев помочь Димитрию «отомстить москвитянам за позор (за восстание 17 мая 1606 г. против польских шляхтичей и самозванца.— *Н. Д.*), так отплатить неверным собакам, чтобы запомнили об этом их внуки» («Восстание И. Болотникова...», стр. 151; C. Bussov, p. 67). Н. Устрялов же перевел: Шаховской «убеждает народ не оставлять государя и помочь ему в благом предприятии» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 79).

[37] И. И. Смирнов находит у Буссова лишь «цифровые преувеличения, неточности и прямые ошибки в датах, именах и т. д.» (см. «Восстание И. Болотникова...», стр. 35).

[38] Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 12.

Разнородные сообщения участников восстания объясняют противоречивость Буссова в характеристике Болотникова [39]. Признание Болотникова главным инициатором (вместе с Григорием Шаховским) начавшегося в Путивле восстания противоречит сообщениям Буссова о том, что воеводой восставших в Путивле до Болотникова был Истома Пашков, который из Путивля пошел с войсками на Елец. Версия об Истоме Пашкове могла возникнуть у Буссова как результат позднейшего осмысливания фактов восстания, начавшегося в Северской земле до прибытия Болотникова в Путивль и охватившего, как сообщает Петрей, «значительную территорию южной окраины». Эта версия — результат политической тенденциозности немца, умалчивающего об антифеодальном характере восстания. Из тех же побуждений Буссов выдает «царевича Петра» за истинного сына Федора Ивановича. Крайне сомнительно, чтобы он не знал, кем был в действительности «царевич Петр» [40].

Из русских источников Буссов мог узнать о бегстве Григория Шаховского в Путивль. Сообщение о бегстве Шаховского с двумя поляками в Польшу, где один из них назвал себя царем Дмитрием, своим источником имело официальную правительственную версию, по которой мятеж в Путивле являлся делом рук поляков [41].

---

[39] Так, рассказывая о появлении Болотникова в Путивле в начале восстания, Буссов сообщает, что жители Путивля приняли Болотникова с радостью, охотно верили его рассказам, будто бы «царь Димитрий» в Польше, и проявили горячую готовность «бороться против изменников, и ради его, Димитрия, не пожалеют своей крови и имущества» («Восстание И. Болотникова...», стр. 155; C. Bussov, p. 71). У Н. Устрялова иначе: «Жители Путивля приняли Болотникова с радостью и охотно верили его рассказам, будто бы он проливал кровь свою за Димитрия и потерял все, что имел» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 82). В то же время Буссов передавал о недовольстве Болотниковым казаков и туляков, в последние дни обороны Тулы готовых выдать его Шуйскому. Буссов признает Болотникова одним из главных виновников «такой выдумки» о царе Дмитрии, отнюдь не уверенным в подлинности царя Дмитрия, которому он, будучи в Польше, дал клятву верно служить (C. Bussov, p. 76; «Восстание И. Болотникова...», стр. 160).

[40] C. Bussov, p. 79—80; «Восстание И. Болотникова...», стр. 163; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 91.

[41] Маржерету в Архангельске в сентябре 1606 г. говорили, что «виновниками смятения были поляки, собравшиеся в пределах России и Подолии: они распустили слух, что Дмитрий жив и здравствует в Польше» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 308). Буссов же, излагая рассказ Пашкова после перехода на сторону В. Шуйского, пишет, что «поляки по проискам Шаховского выдвинули Димитрия» («Восстание И. Болотникова...» стр. 155; C. Bussov, p. 71). В переводе Н. Устрялова сказано иначе: «О спасении и бегстве его (самозванца.— *Н. Д.*) в Польшу распустил слух князь Шаховской, но справедлива ли эта молва, ему, Пашкову, не известно» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 82). Стремление Буссова вы-

Появление и продвижение к Туле и Калуге Лжедмитрия II немецкий хронист рассматривает в плане действий польских друзей воеводы сандомирского, желавших помочь болотниковцам. Истоком этой версии Буссова о польской инициативе в возникновении слухов о спасении Лжедмитрия и его появлении в польском окружении была не только лживая пропаганда Василия Шуйского [42], но и прямые заявления самих поляков, участников движения Лжедмитрия II [43]. С. Ф. Платонов был прав, считая эту версию Буссова совершенно недостоверной [44]. Однако, приняв эту версию, Буссов в фактическом изложении событий, касающихся Калуги, возле которой он жил в своем поместье (если не в самом городе), вступает в противоречие с ней и, как непосредственный очевидец, приводит факты, соответствующие показаниям русских источников. В самом деле, прервав свой рассказ об обороне Тулы

ставить поляков главными организаторами восстания против В. Шуйского наглядно видно при сопоставлении его пересказа речи И. Пашкова в Москве с аналогичным сообщением автора английской записки. Автор последней вообще не упоминает поляков. О причастности последних к началу восстания он пишет: «Слух о том, что Димитрий жив, был ложной выдумкой» русских противников Шуйского «для получения лучшей поддержки своих начинаний» (см. «Восстание И. Болотникова...», стр. 180, 181).

[42] Буссов сообщал, что В. Шуйский после поражения правительственных воевод под Ельцом в августе 1606 г. в пропагандистских целях обвинял поляков в бедствиях в России, в гибели Годуновых, в начавшемся восстании Болотникова и приписывал полякам распространение слухов о спасении Лжедмитрия (C. Bussov, p. 68; «Восстание И. Болотникова...», стр. 152; Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 80). Тем не менее тот же Буссов писал, что в день мятежа 17 мая 1606 г. поляками был распространен слух, будто умерщвлен не царь Дмитрий, а похожий на него немец (C. Bussov, p. 59). Большего доверия заслуживает известие Маржерета, лучше, чем Буссов, осведомленного о событиях того времени. Маржерет сообщает, что слухи о спасении Лжедмитрия распространяли русские люди, враги В. Шуйского, стремившиеся свергнуть его. Записки С. Немоевского, «дневник Стадницкого», дневник Рожнятовского и другие записи лиц, стоящих близко к полякам, свидетельствуют о том, что поляки были потрясены событиями 17 мая и совершенно не причастны к появлению первых слухов о спасении «царя Дмитрия». Н. Садовский доносил, что «Стадницкие ездили воеводу (Ю. Мнишека.— *Н. Д.*) навещать (в Ярославль.— *Н. Д.*) и воеводе с ними говорил, что слышал от русских людей, что Ростригa жив и рад тому был» (Сб. РИО, т. 137, стр. 373). Дневник Рожнятовского сообщает, с какой жадностью ждали поляки в Ярославле и других городах подтверждения слухов, что Дмитрий жив. Так не могли поступать люди, распускавшие слух в Москве 17 мая 1606 г.

[43] Буссов лично знал многих поляков (в том числе А. Вишневецкого и Я. П. Сапегу). В хронике он передавал хвастливые слова Я. Сапеги, заявившего, что поляки вооруженной рукой посадили первого самозванца (einen Herrn gesetzt, а не «бродягу», как в переводе Устрялова) и второй раз дают русским нового царя (C. Bussov, p. 63; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 75).

[44] С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., 1937, стр. 607, прим. 98.

болотниковцами сообщением о появлении Лжедмитрия II, его безуспешной попытке освободить Тулу и Калугу от наседавших правительственных войск и об удаче В. Шуйского, занявшего города Ливны, Болхов, Белев, что и предрешило, по утверждению немецкого хрониста, падение Тулы, Буссов возвращается к изложению истории ее захвата и рассказывает об успешной борьбе калужан против войск Шуйского.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что борьба калужан в ноябре 1607 г. рассматривается Буссовым как продолжение восстания, начатого летом 1606 г. в Путивле и под Москвой. В сражении под Калугой в ноябре 1607 г., по сообщению Буссова, участвуют заборские казаки [45], это свидетельство осведомленного человека. Буссов пишет, что на протяжении всех лет борьбы против царя В. Шуйского Калуга была непокоренным городом, глубоко враждебным не только московскому боярскому правительству, но также полякам и немцам, на которых опирался Лжедмитрий II.

Многое из того, что происходило в России, Конраду Буссову казалось бессмысленной «странной войной» в варварской стране, в которой участвовали и русские, и казаки, и поляки, и немцы, и шведы. Поляки и шведы для него — «наши», в противоположность русским, москвитянам, что выражало его внутреннее отношение к бурным событиям, происходившим в России в начале XVII в. [46]

Враждебное отношение немецкого хрониста к царю Василию, как главному виновнику разгрома иностранцев 17 мая 1606 г., определило его симпатии к восстанию, вспыхнувшему в 1606 г. на юге страны под руководством Болот-

[45] См. «Восстание И. Болотникова...», стр. 164—165; C. Bussov, p. 81. В переводе Н. Устрялова, в отличие от немецкого текста Буссова, нет упоминания о времени сражения под Калугой — ноябрь 1607 г. (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 92—93). Ограничив крестьянскую войну рамками 1606—1607 гг., И. И. Смирнов связал ее судьбы с личностью И. Болотникова. Борьба Калуги после падения Тулы до занятия ее Лжедмитрием II у него совсем выпала. Получается, что при Болотникове Калуга была одним из центров крестьянской войны, а после гибели Болотникова та же Калуга стала центром интервенции.

[46] Бедствия, пережитые русским народом, гибель сожженной польскими захватчиками Москвы Буссов готов был рассматривать как божью кару за разорение немцев в Ливонии русскими войсками. Порою у него пробуждалось сочувствие к русскому народу и государству, терзаемому борьбой враждебных сторон, и он находил слова, действительно проникнутые состраданием, каких мы не встречаем в других иностранных записях, за исключением мемуаров обрусевшего грека Арсения Елассонского. «Перо не может выразить тех бедствий, постигших Россию в 1609 г.» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 105; C. Bussov, p. 93). «Бедные разоренные крестьяне скитались из края в край... слезы вдов и сирот могли бы самый камень тронуть» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 103; C. Bussov. p. 91).

никова. Он очень четко отличает восстание Болотникова от последующих выступлений Лжедмитрия II, невежественного авантюриста и «плута», совершенно не похожего на благородного И. И. Болотникова, верного клятве служить «царю Дмитрию», человека с рыцарской душой, каким он представлялся Буссову [47]. Буссов не делает каких-либо отрицательных замечаний о казаках «Петра» Илейки Горчакова, к которым он был вообще отнюдь не расположен.

Тем не менее хронист, оказавшийся в центре района антифеодального движения, не понял его социально-политического смысла [48]. Немецкий хронист не говорит и о причинах поражения восстания Болотникова; как можно понять из текста повествования, неудача восстания объяснялась им отсутствием в лагере восставших «царя Дмитрия», во имя которого поднялись восставшие, введенные в обман Болотниковым и Шаховским.

События 1608—1610 гг. он также не расценивал как гражданскую войну, осложненную польской интервенцией. За спиной Лжедмитрия II он заметил лишь польских авантюристов, разжигавших социальную вражду в России.

В целом же сообщения Буссова дают интересный материал, помогающий разобраться в противоречивых показаниях других источников и восполнить общую картину этого народного движения, особенно в тех случаях, когда русские источники либо схематичны и кратки, либо молчат вовсе [49].

Вместе с тем хроника Буссова содержит немало известий,

---

[47] Буссов принадлежал к феодалам и отрицательно относился к выступлениям народных масс. Народ, по его убеждению, «грубая чернь» «Die wilden Schweine»,— писал он, рассказывая о борьбе русского народа против польских интервентов в марте 1609 г. в Замосковье. «Gott behüte einen erlichen Kriegsmann für Händen» (C. Bussov, p. 92; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 104).

[48] Умалчивая о «листах» Болотникова, о которых мы знаем из грамот Гермогена и Филарета, Буссов, касаясь лишь Лжедмитрия II, в котором он видел подставную фигуру поляков, отмечал, что самозванец предлагал крестьянам, присягавшим ему, присвоить земли своих господ, служивших В. Шуйскому, и жениться на боярских дочерях, захваченных в поместьях (C. Bussov, p. 82; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 94).

[49] Интересны сообщения Буссова о социальных группах, поддерживавших Василия Шуйского («купцы, сапожники, пирожники и немногие бояре»), о прозвище последнего («шубник»), о бегстве Шаховского с государственной печатью, о жизни Болотникова, его скитаниях за рубежом, о маскировке похода войск Шуйского против Болотникова в 1606 г., о сражении под Ельцом (о чем молчат многие источники и подтверждают записи в «Расходной книге Разрядного приказа»), о пути движения Болотникова к Москве, об отступлении к Калуге и осаде ее войсками Шуйского, о движении Илейки Горчакова к Туле, о сражении на р. Пчельне и р. Восме, о положении в осажденной Туле. Заслуживает внимания его версия о падении Тулы в связи с занятием войсками Шуйского Болхова, Белева, Ливен.

которые при критическом их рассмотрении оказываются неверными. Для хроники Буссова, как почти для всех иностранных записей, характерна повествовательная манера изложения. Автор редко ставит перед собой вопрос о причинах происходивших событий. Хроника Буссова в этом уступает лучшим произведениям русской публицистики начала XVII в.— таким, как «Сказание» Авраамия Палицына, мемуары Ивана Тимофеева или «Новый летописец». В исторической литературе уже отмечены ошибки К. Буссова в его сообщении о пути восставших — Болотникова и Пашкова — к Москве, об участии Истомы Пашкова в движении, о возникновении восстания в Путивле.

Нельзя считать достоверным известие Буссова о восстании «нескольких тысяч князей и бояр», оказавшихся в «Путивльской волости» в июне 1606 г.[50]

Не соответствует действительности сообщение немецкого хрониста, что воеводы Василия Шуйского не оказывали сопротивления восставшим после поражения под Кромами и Ельцом. По Буссову, Пашков раньше Болотникова прибыл под Москву и остановился при деревне Котлы в семи верстах от столицы на «Михайлов день» (т. е., по московскому календарю, 17 сентября). Здесь после «Мартынова дня» (1 ноября — по московскому календарю) Болотников соединился с Пашковым[51]. Эта дата полностью противоречит данным как русских, так и других иностранных документов. По сравнению с хроникой Буссова более точно описывает сражение на р. Восме в июне 1607 г. «Казанское сказание».

Сомнительным является сообщение немецкого хрониста о сдаче Тулы на основе соглашения с В. Шуйским «царе-

---

[50] В Путивле, конечно, не было «нескольких тысяч князей и бояр». У нас нет данных для предположения, что Лжедмитрий I, готовясь к войне с Крымом, мобилизовал на южной окраине поместное войско, примкнувшее затем к восстанию в 1606 г., как утверждал Н. Костомаров. Имеются сведения о прибытии под Москву накануне восстания 17 мая 1606 г. рати из Новгорода. Эти новгородские полки прибыли по приказу Лжедмитрия I с тем, чтобы двинуться на юг. Но источники, говорящие о выступлении Пашкова и Ляпунова против Шуйского, не дают повода предполагать их участие на стороне войска, сосредоточенного на южной окраине. Нельзя допустить полную пассивность и беспечность Лжедмитрия I в то время, когда очень многие говорили о боярском заговоре, и он, судя по дневнику Рожнятовского, принимал какие-то меры безопасности.

[51] Буссов явно путает события. Как видно из сообщения Паэрле и А. Стадницкого, первое крупное сражение с болотниковцами произошло 16—18 ноября, т. е. как раз вскоре после Мартынова дня. И. И. Смирнов, принявший версию Буссова о последнем этапе похода Болотникова на Москву, по которой Болотников после Пашкова подходит к Москве, не обратил внимания на нелепое сообщение немецкого хрониста о месте и времени соединения Болотникова с Пашковым.

вича Петра» — Илейки Горчакова — и И. Болотникова о сохранении их жизни (как и всех защитников Тулы) [52]. Более соответствуют действительности известия русских источников (в особенности хронографа Карамзина) и других иностранных хроник о захвате И. И. Болотникова и Илейки Горчакова [53].

В хронике Буссова можно заметить наличие двух версий о падении Тулы: одной — со слов очевидцев, знавших подлинные условия сдачи Тулы Василию Шуйскому, и другой, распространяемой правительственными кругами боярского царя, прибегавшего ко лжи и демагогии в борьбе с повстанцами. Буссов передавал свидетельства очевидцев и свои собственные наблюдения, когда писал, что отпадение от Дмитрия Болхова, Белева, Ливен «помешало освобождению тульских сидельцев» [54]. До него дошли известия, что в Туле решились выдать царю Василию главных виновников «такой выдумки» (истории о Лжедмитрии), т. е. Болотникова и Шаховского [55]. Но Буссов предпочел другую версию, шедшую от правительства, по которой Иван Болотников добровольно сдался Василию Шуйскому на его милость, согласился верно ему служить, как служил царю Дмитрию, и изменил делу

---

[52] Сообщение Рожнятовского о «контракте» Болотникова с царем Шуйским передает правительственную версию, и сам Рожнятовский не уверен в ее достоверности. Недаром он пишет: «Jak mówia» (HRM, p. 196) (Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 94). Но у Гиршберга оно опущено (A. Hirschberg. Polska a Moskwa, str. 117), что может привести к неправильным выводам. Известия Арсения Елассонского не тождественны версии Буссова. Арсений указывает на то, что Тула была «предана» царю Шуйскому (А. Дмитриевский. Елассонский Арсений и его мемуары из русской истории. Киев, 1899, стр. 138).

[53] Нет основания считать ложным сообщение хронографа Карамзина (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 337, 338), «Нового летописца» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 77), «Иного сказания» (РИБ, т. XIII, стб. 135), Авраамия Палицына («Сказания Авраамия Палицына». М.—Л., 1955, стр. 266) и пренебрегать свидетельством грамоты В. Шуйского, как это стало традицией в историографии, принявшей версию Буссова о падении Тулы. Версия Буссова расходится также с известиями многих других иностранных источников. Прежде всего, невозможно допустить, чтобы Шуйский, овладевший к моменту переговоров рядом городов вблизи Тулы, вступил в переговоры с «царевичем Петром» да еще предлагал ему служить. Шуйский не мог признавать в лице Горчакова истинного внука Ивана Грозного, каким считал его Буссов. Трудно допустить добровольную сдачу Болотникова и «царевича Петра» и потому, что Калуга еще держалась и отказалась сдаться Шуйскому.

[54] C. Bussov, p. 78; «Восстание И. Болотникова...», стр. 161. В переводе Устрялова несколько иначе: «После отпадения Болхова, Белева и Лихвина Тула не могла долее держаться» (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 90).

[55] C. Bussov, p. 76; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 87; «Восстание И. Болотникова...», стр. 162—163.

восставших. Эту версию Буссов изложил столь ярко, что Болотников выглядел рыцарем, по сравнению с коварным Шуйским[56]. Возможно, Шуйскому удалось за спиною Болотникова и «царевича Петра» связаться с некоторыми сидельцами Тулы, может быть, с А. Телятевским, Г. Шаховским и другими, и договориться с ними о выдаче «царевича Петра» и Ивана Болотникова при сохранении жизни остальным участникам обороны Тулы. Это изменническое соглашение было основой получившего распространение слуха о клятве Шуйского и нарушении ее царем.

Представить Шуйского клятвопреступником вполне соответствовало политической тенденции того же Буссова[57]. Не хотел ли также Буссов выгородить и тех немцев (в том числе и своего сына), которые находились в Туле и в качестве военачальников несли ответственность за оборону города? Очевидно, неспроста Буссов доказывал, что Тула должна была пасть вследствие голода среди осажденных и занятия правительственными воеводами соседних городов (Белева, Лихвина и Болхова), умалчивая при этом о продолжающейся борьбе Калуги.

Таким образом, как нам кажется, личная заинтересованность в том, чтобы возложить ответственность за сдачу Тулы на Болотникова и «Петра», и враждебное отношение к Василию Шуйскому обусловили принятие Буссовым версии о добровольной сдаче Болотниковым Тулы. Живописная картина выезда Болотникова из задних ворот Тулы, появления его в ставке Шуйского и романтическое описание, как Болотников «обнажил саблю», положил ее себе на шею и благородно, по-рыцарски повел разговор с боярским царем о добровольной сдаче и готовности служить новому государю,— все

[56] Не объясняется ли эта характеристика Болотникова, написанная Буссовым, политической тенденциозностью, порожденной пребыванием немцев в лагере восставших в 1606—1607 гг.? И. Масса передает, что восставшие «немцев, которые были доблестные смельчаки, поставили ротмистрами и капитанами, а также правителями завоеванных городов, так что они из низкого звания высоко поднялись, из солдат стали наполовину королями» (И. Масса. Указ. соч., стр. 158). Из хроники Буссова видно неприязненное отношение автора к Лжедмитрию II, готовому после перехода значительной части поляков на сторону польского короля под Смоленск и бегства самозванца в Калугу перебить всех поляков и немцев (C. Bussov, p. 97; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 109). То же подтверждает дневник похода Сигизмунда III в Россию (РИБ, т. I, 1872, стр. 514; см. также «Marchockiego Historya wojny Moskiewskiej». Poznań, 1841).

[57] Арсений Елассонский сообщает, что Тула «была предана ему», т. е. Шуйскому, обещавшему сохранить жизнь всем защитникам города. «Народ был весьма возмущен и пришел в негодование против царя», нарушившего клятву и уничтожившего Болотникова и Горчакова (А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 136, 139).

это является вымыслом немецкого хрониста, рисовавшего Болотникова не как вождя восставшего крестьянства, а как политического борца за порядок, олицетворяемый идеализированным Буссовым «царем Дмитрием».

Долгие годы в XVII в. прожил в России голландский купец Исаак Масса, оставивший колоритные записки [58]. Наиболее достоверны те сведения Массы о событиях, очевидцем которых он был сам. Но об очень многом он писал со слов других, на основании слухов, распространявшихся в голландской колонии. Среди его русских информаторов не было лиц, близких ко дворцу и хорошо осведомленных об исторических фактах. Скорее всего, о событиях ему сообщали рядовые дворяне, приказная и боярская челядь.

Записки голландского купца имеют первостепенное значение для нашей темы, хотя Масса менее осведомлен о ходе восстания Болотникова и более легковерен, чем Буссов. Слухи, повторяемые многими людьми, для него приобретали значение бесспорных исторических свидетельств [59].

К восстанию Болотникова и его личности Масса отнесся с большим интересом. Его особое внимание привлекли события в Поволжье (о них почти не говорят другие иностранцы) — в связи с возможностью торгового плавания в Астрахань. Он дал довольно подробное, хотя и путаное, описание народного восстания, отделив его от последующего движения Лжедмитрия II, организованного, по его мнению, поляками, когда, по

[58] И. Масса. Указ. соч. Масса попал в Россию для обучения торговому делу в 1600 г., когда в стране назревал социально-политический кризис. В Москве он пробыл до весны 1607 г. Осень и зиму 1607 г. и весь 1608 г. Масса провел вместе с другими голландскими и английскими купцами в Вологде и был свидетелем классовой борьбы в городе между тушинцами и сторонниками В. Шуйского. Он явно симпатизировал московским властям и враждебно относился к тушинцам и полякам. Летом 1609 г. Масса из Архангельска отправился в Голландию и приступил там к составлению своего «Краткого известия о Московии». Известны три письма Массы, адресованные правительству Нидерландов, с характеристикой внутреннего положения России в 1613—1614 гг. Эти письма дополняют хронику Массы и свидетельствуют о наблюдательности голландского купца. Высказывая понимание нужд и бедствий народа, он, тем не менее, является противником антифеодального народного восстания, выступающим за беспощадное его подавление, «как то было с прежним царем Ивановичем (Иваном Грозным. — *Н. Д.*), ибо такой царь нужен России, или она пропадет: народ этот благоденствует только под данью своего владыки, и только в рабстве он богат и счастлив. Вот почему все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови» («Записи о России. Три письма Исаака Массы из Архангельска к Генеральным Штатам 1614 г.». «Вестник Европы», т. I. СПб., 1863, стр. 236).

[59] В его хронике редко высказываются сомнения в достоверности слухов. Но, например, относительно пребывания Болотникова в Путивле после ухода восставших из Калуги он, очевидно, сомневается и добавляет, что об этом «говорили».

его словам, «Польша впервые объявила себя (открытым) врагом Москвы». Но и в те годы в России была «усобица», когда русские люди «губили друг друга», т. е. гражданская война [60].

Избрание боярами царем Василия Шуйского, одобренное москвичами, привело, по мнению Массы, к началу гражданской войны в стране, поднявшейся во имя царя Дмитрия. Сочувствие И. Массы к восставшим выражалось в признании того, что «мятежники всегда одерживали победу и они были искусные вожди и отважные воины, свободные и вольные» [61]. Восстание не носило, как думал Масса, характера борьбы за социальные перемены в обществе [62]. Главную массу восставших составляли, по его сообщению, «казаки и русские», а не чужеземцы [63].

Масса прямо не говорил о связи восстания Болотникова, начавшегося «в земле Северской и волости Комарицкой», с предшествующим народным восстанием 1603—1605 гг., которое, по мнению голландского купца, дало победу Лжедмитрию I над войсками Годунова и привело к гибели Годуновых [64]. Но упоминание о Комарицкой волости дает основание думать, что Масса эту связь восстания 1606 г. с описанной им народной войной в той же Комарицкой волости, разразившейся в 1604—1605 гг., все-таки видел [65]. Он писал, что еще до прихода первого самозванца вспыхнула народная война, начатая во многих местах страны казаками: «Ибо казаки возмутили всю страну; то было начало пришествия Дмитрия» [66]. А казаки — «по большей части бежавшие от своих господ холопы (lyfeygene knechten), плуты, и воры, и различные бездельники... соблюдают между собой справедливость и добрый порядок...» [67], и были они «доблестные воины» [68].

Масса приводит интереснейшие сведения о жизни Болотникова, который был, по его словам, крепостным чело-

---

[60] И. Масса. Указ. соч., стр. 172, 180.

[61] Там же, стр. 154.

[62] Восставшие «хотели знать, почему, не спросив у них (жителей Северской земли.— *Н. Д.*) совета, убили венчанного царя без всякой к тому причины» (там же, стр. 153).

[63] Там же, стр. 163, 167, 168. Русских Масса называл «прирожденными московитами». О составе восставших он судил по пленным болотниковцам, которых доставляли в Москву и тысячами топили в реке (это голландец видел своими глазами).

[64] Там же, стр. 75, 77, 87. «Весь народ в Московии уже хорошо знал причину этой войны (Лжедмитрия I и Годунова.— *Н. Д.*) и что причиной ее были казаки» (там же, стр. 80).

[65] Там же, стр. 81—82.

[66] Там же, стр. 71, 74.

[67] Там же, стр. 77.

[68] Там же, стр. 85.

веком боярина Телятевского и в свое время бежал к казакам. Масса говорит о возможности успешного движения восставших к Москве после сражения на р. Пчельне при условии объединения их сил[69]. Очень ценно сообщение Массы как очевидца о жестокой расправе с пленными болотниковцами. Но его известия о военной истории восстания нуждаются в сопоставлении с другими источниками, так как в них много противоречий, а иногда и ошибок[70].

Так, в его рассказе о сражении под Калугой спутаны сведения о сражении на р. Пчельне, удачная вылазка Болотникова из Калуги против московских воевод и сражение под Калугой с войсками Шуйского после падения Тулы и захвата Болотникова[71]. Упоминание Массы об измене боярина Б. Татева Василию Шуйскому в сражении под Калугой в действительности должно быть отнесено к битве на Пчельне. Но рассказ хрониста о поражении правительственных войск под Калугой, скорее всего, может быть отнесен к вылазке Болотникова из Калуги после сражения на Пчельне и к отражению калужанами приступа воевод Шуйского после падения Тулы, когда на сторону восставших перешли заборские казаки.

Сообщение Массы о переходе заборских казаков на сторону восставших И. И. Смирнов относит к сражению на Пчельне[72]. Но с трактовкой И. И. Смирнова нельзя согласиться. Голландский хронист определенно и ясно относит переход заборских казаков к сражению под Калугой.

Сообщение Массы подтверждает и Конрад Буссов, как очевидец, находившийся в то время в своем поместье под Калугой (если не в самой Калуге). Буссов пишет, что после падения Тулы Василием Шуйским были направлены для взятия Калуги воеводы и вместе с ними 4 тыс. казаков, взятых

---

[69] И. И. Смирнов принимает эту версию Массы о возможности успешного продвижения к Москве Болотникова после выхода его из Калуги (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 421), но почему-то упускает из виду, что успех движения к Москве Масса обусловливал соединением сил восставших (см. И. Масса. Указ. соч., стр. 160—170).

[70] У Массы получается, что «Петр Федорович» был осажден «московитами» в Туле уже в то время, когда Болотников в ноябре-декабре 1606 г. был под Москвой, и находился в осаде вплоть до падения Тулы. Без точных хронологических указаний описано им сражение 1607 г. на р. Вырке. Источниковедческую ценность имеют его сообщения о времени измены Пашкова, о сражении на Пчельне, об отъезде Шуйского в поход против Болотникова 21 мая 1607 г. и др. Достоверно сообщение о падении Тулы в результате измены (захвата «Петра Федоровича» и И. И. Болотникова из-за предательства). Масса сообщает о двух версиях пленения Болотникова: «Одни говорили, что он сам себя выдал, другие говорят, что его предали» (И. Масса. Указ. соч, стр. 173). Сам Масса склоняется ко второй версии.

[71] И. Масса. Указ. соч., стр. 170. Объясняется это, видимо, тем, что Масса узнал о сражении под Калугой, будучи на пути в Вологду.

[72] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 390.

в плен под Москвой (в Заборье) 2 декабря 1606 г. (им была обещана свобода и вознаграждение, если они возьмут приступом восставший город). Но казаки изменили, и воеводы вынуждены были бежать в Москву [73]. Калужане захватили военные трофеи, и Калуга не была захвачена войсками Шуйского.

Любопытным источником по истории восстания Болотникова является записка под названием «Состояние русского государства по смерти последнего претендента Дмитрия», составленная, как полагают В. Н. Александренко [74] и И. И. Смирнов [75], английским резидентом Джоном Мериком в 1607 г. Записка имела целью информировать английское правительство о восстании в России, вспыхнувшем против недавно воцарившегося Шуйского. Автор писал ее в то время, когда болотниковцы находились в осаде в Калуге, и он не знал, каков будет исход гражданской войны.

В записке описывается воцарение Василия Шуйского, начало и причины восстания в Путивле и на южной окраине, осада восставшими Москвы, измена Пашкова, ускорившая поражение восставших. Автор приводит интересное сообщение о том, что «царь Дмитрий» был «ложной выдумкой» руководителей восстания «для получения лучшей поддержки своих начинаний» [76]. В записке пересказываются письма («листы») восставших. Однако не видно, чтобы автор английской записки сам держал в руках «листы» Болотникова. Его изложение «письма к рабам в город» представляет собой пересказ известной грамоты патриарха Гермогена. В английском донесении сообщается, что восставшие «продолжали осаду (Москвы.— *Н. Д.*) и писали к рабам в город, чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их имением и добром» [77].

В известной же грамоте Гермогена сказано: «А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопем побивати своих бояр и жены их, вотчины и поместья им сулят и шпыням и

---

[73] C. Bussov, p. 80—81; Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 92—93.

[74] В. Н. Александренко. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. «Старина и Новизна», кн. XIV. М., 1911, стр. 261—265.

[75] И. И. Смирнов. Английские известия 1607 г. о восстании Болотникова. «Исторические записки», кн. 13, 1941. Английский текст и перевод см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, приложение IV, стр. 552—554.

[76] См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 552—554. Данные о пребывании Д. Мерика в России в начале XVII в. приводят Е. Козубский («Заметки о некоторых иностранных писателях о России XVII в.». ЖМНП, 1878, май, ч. 197, отд. II, стр. 18); В. Кордт («Чужеземні подорожні по Східній Європі до 1700 р.» Київ, 1926, стр. 52—54). Много интересных материалов о Д. Мерике содержится в сборнике «Старина и Новизна» (кн. XIV, 1911).

[77] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 554.

безъимянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити»[78].

Если бы английский купец читал такие листы Болотникова, он не мог бы писать о них как о «письмах к рабам в город». Так он писал, лишь пересказывая грамоту Гермогена, в глазах которого восставшие были именно «рабами и холопами». Недаром дальше он употребляет другой термин — «простой народ». Привлекает внимание и другое сообщение английской записки — о том, что восставшие писали в осажденную Москву письмо, «требуя по имени разных бояр и лучших горожан, чтобы их выдали, как главных виновников в убийстве прежнего государя»[79]. Это требование, как видно из текста записки, носило не только политический, но и социальный характер. Бояре и «лучшие горожане» еще активней стали поддерживать В. Шуйского, чтобы не допустить «разграбления» своих дворов простым народом и сохранить свое социально-политическое положение. О таких письмах восставших в Москву сообщал и К. Буссов[80], но содержание их немецкий хронист излагал иначе — исключительно в политическом плане.

Основным источником английской записки служили официальные правительственные версии и грамоты. Это видно хотя бы из того, что автор, пересказывая известия, сохраняет терминологию своего источника, например: «враг находился в смятении». Но сам автор отнюдь не враждебно относился к восстанию. Об этом свидетельствует его замечание как очевидца о неудачах болотниковцев под Москвою, не окруживших Москву со всех сторон «в силу какого-то ослепления». Судя по записке, Мерик стремился общаться с восставшими. Самого Болотникова он ошибочно считал «старым разбойником с Волги». По правительственной версии излагалось и воцарение Шуйского («по праву наследования»), но с поправкой, что в избрании Шуйского участвовали только бояре, дворяне и «общины Москвы».

Сходство некоторых показаний Д. Мерика и И. Массы (например о причинах восстания в Путивле и Северской земле, о склонности народа к мятежу и погрому бояр, о мятежнике, посаженном на кол и уверявшем, что «царь Дмитрий» жив) свидетельствует о том, что тот и другой принадле-

---

[78] ААЭ, т. II, № 57, стр. 129.

[79] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 553.

[80] Буссов писал: «Истома Пашков... подошел к Москве... и потребовал от имени своего государя Дмитрия сдать город и выдать трех братьев Шуйских (как государевых изменников и зачинщиков прошлого возмущения и ужасных убийств»). («Восстание И. Болотникова...», стр. 158; C. Bussov, S. 69).

жали к купеческой среде, пользовались одинаковыми источниками [81].

Автор английской записки сообщает, будто в Путивле и на южной окраине вспыхнуло восстание после гибели Лжедмитрия I потому, что тот «за особые заслуги освободил эту область от всех налогов и платежей в течение 10 лет, что было целиком потеряно с его смертью» [82]. Достоверность этого сведения не подтверждена другими источниками.

Грек Арсений, архиепископ Елассонский [83] (в России он также был архиепископом), оставил после себя мемуары, в которых рассказывал главным образом о том, чему был свидетель, или о явлениях, которые определяли, по его мнению, ход важнейших событий в России начала XVII в. В его изложении эпизоды сменяются один за другим. Близкий к высшим правительственным и церковным кругам, автор многое знал о жизни России начала XVII в. В его мемуарах нет таких выпадов против восставших, какие в те годы были свойственны другим авторам церковно-публицистических произведений [84]. Возникновение восстания он объяснял тем, что Шуйского провозгласили царем «без согласия всего народа великой России и прочих городов и военачальников», а только лишь «все бояре и синклит и народ великой Москвы». Шуйский нарушил клятву царствовать справедливо [85], не раздал подарков боярам, духовенству и поэтому не был популярен в стране.

В мемуарах грека мы находим положительные характеристики Болотникова («достойнейшего мужа и сведующего в военном деле») и Илейки Горчакова («некоей юноша», назван-

---

[81] У Массы жители Северской земли и Комарицкой волости восстали потому, что, «не спросив у них совета, убили венчанного царя без всякой к тому причины» (И. Масса. Указ. соч., стр. 153). У Мерика восставшие в Путивле и на южной окраине поднялись против Шуйского «в знак протеста... в убийстве их царевича, а затем в избрании нового царя без уведомления их о причинах низложения первого и без запроса о их согласии на избрание последнего» (И. И. Смирнов. Восстанне Болотникова, стр. 552).

[82] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 552.

[83] См. А. Дмитриевский. Указ соч.; о восстании Болотникова см. стр. 138—139.

[84] Арсений отрицательно относился к выступлениям народных масс. Народ, громивший поляков 17 мая 1606 г., он называет «глупым», «неразумным». Осуждал он и тех «глупых холопов», которые поднялись 19—21 марта 1611 г. в Москве, но очень эмоционально описывал страдания москвичей, погибших от рук польских панов, оплакивал сожжение Москвы.

[85] Эта точка зрения близка к взглядам русских публицистов. И. А. Хворостинин упрекал Шуйского в нарушении крестоцеловальной клятвы. И. Тимофеев обвинял В. Шуйского в самовольном захвате власти без общеземского избрания и считал его виновником в начавшемся междоусобии (то же — у А. Палицына и в «Новом летописце»).

ный «сыном царя Федора Ивановича»), но в записях мы не найдем обстоятельных сообщений о самом ходе восстания[86].

В заключение можно сказать, что известия иностранных современников восстания Болотникова, как правило, не столь враждебны к нему, как русские источники. Тем не менее русские источники во всей своей совокупности являются основой, опираясь на которую можно воссоздать картину гражданской войны 1606—1607 гг. и установить как военно-политическую историю восстания, так и его классовый смысл. Они более точны в передаче конкретных фактов восстания, полнее раскрывают его движущие силы и ход борьбы.

Политический смысл борьбы восставших под руководством И. Болотникова все иностранные авторы, писавшие о России тех лет, видели в низвержении Шуйского. В представлении П. Делавилля[87] и С. Жолкевского[88], восстание 1606—1607 гг. имело своей целью проведение после свержения Шуйского выборов нового государя всем «народом» (под народом разумелись господствующие феодальные группировки русского общества). В русских источниках подобных мнений мы не встречаем.

В иностранных записках мало отразилась наивная монархическая вера в наследственного государя, свойственная русским авторам того времени. Д. Мерик и Ж. Маржерет утверждают, что распространение слуха о спасении царя Дмитрия было выдумкой руководителей восстания для привлечения «всех недовольных и для лучшей поддержки своих начинаний». К. Буссов называет Болотникова одним из инициато-

---

[86] В. Борисов, историк Суздальского края, опубликовал найденное им следственное дело о «воровстве» в 1618 г. Ивана, Сулешова сына, Болотникова (см. «Москвитянин», 1856, т. IV, № 13—16). Он утверждал, что следственное дело касалось И. И. Болотникова, вождя восстания 1606—1607 гг. Но это неверно. Хронограф Карамзина, К. Буссов и Арсений Елассонский свидетельствуют о гибели руководителя народного восстания. Известно несколько Болотниковых, кроме Ивана Исаевича: дьяк И. И. Болотников, тушинский воевода Ф. М. Болотников, дворянин Василий Болотников, Дмитрий Болотников — сборщик таможенных пошлин в Архангельске (1604 г.) и И. С. Болотников. Находились ли все эти Болотниковы в родственной связи? Во всяком случае нельзя согласиться с мнением В. А. Голобуцкого, что И. И. Болотников был родом с Черниговщины (см. В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957, стр. 152). Скорее всего, он происходил из Суздальщины. И. Масса и К. Буссов писали, что И. Болотников «родом из Московии», «был московитом».

[87] «Краткая запись о том, что происходило в Московии от царствования Ивана Васильевича императора до Василия Ивановича Шуйского, сочиненное Петром Делавиллем де-Ламбер в 1611 г.». «Русский вестник», 1841, т. I, стр. 744—756.

[88] «Записки гетмана С. Жолкевского о Московской войне», изд. П. А. Мухановым, СПб., 1871.

ров такой «выдумки». Другая версия К. Буссова, получившая хождение в исторической литературе (ее несостоятельность отмечал еще С. Ф. Платонов), будто поляки первыми начали распространять слухи о спасении Лжедмитрия и сыграли организующую роль в гражданской войне, не заслуживает внимания. Эта версия идет от пропаганды В. Шуйского, винившей поляков в «смуте», и от самих польских панов, участников интервенции, преувеличивавших свою роль в гражданской войне.

Иностранные хроники, рассматривая восстание как вооруженную борьбу за государственную власть, мало или даже вовсе не обращали внимания на социальные стремления восставших. Лишь автор английской записки глухо указывает на мотивы, побудившие население Путивля и южной окраины поднять восстание против В. Шуйского, и передает содержание грамоты Гермогена о социальной программе восставших.

Сообщения К. Буссова и И. Массы о поражении воевод В. Шуйского под Калугой после гибели И. Болотникова позволяют считать, что антифеодальное восстание, начатое в 1606 г. под его руководством, не прекратилось после изменнического захвата Болотникова в Туле и ее предательской сдачи Шуйскому. Но версия Буссова о добровольной капитуляции вождя крестьянского восстания и измене его делу восставших, получившая широкое распространение в дореволюционной историографии, совершенно не соответствует действительности. Неверной является также версия того же хрониста о двух путях движения восставших к Москве в 1606 г. и И. Пашкове как одном из первых вожаков, возглавившем восстание еще в Путивле и Ельце.

Огромное большинство иностранных хронистов не видело непосредственной связи между восстанием Болотникова и предшествующей крестьянской войной. Лишь Исаак Масса и Джон Мерик усматривали связь восстания 1606—1607 гг. с предшествующим народным движением в той же Северской земле, Комарицкой волости и в Поволжье (в 1604—1605 гг.).

Все иноземные современники трактовали восстание как один из этапов борьбы противников В. Шуйского, сторонников «царя Дмитрия», претендента на русский престол, борьбы, продолжавшейся и после гибели Болотникова. Но социальный и национальный смысл последующей борьбы не был достаточно показан в их сочинениях. У Буссова описание восстания тесно переплетено с изложением истории движения Лжедмитрия II.

Заслуживает внимания единодушное сообщение иностранцев о мистификации чудес, произведенной В. Шуйским при участии митрополита Филарета и других духовных лиц в связи с перенесением из Углича в Москву праха убитого маль-

чика, выдаваемого за «нетленные» мощи царевича Дмитрия, тотчас же объявленного духовенством Василия Шуйского «святым».

Изучение сообщений как русских, так и иностранных современников о восстании Болотникова помогает уточнить картину крестьянской войны начала XVII в. и пересмотреть некоторые взгляды, установившиеся на нее в историографии.

* * *

Notes et journaux des étrangers, mémoires et chroniques constituent une source importante qui éclaire et complète, en certains cas, les données des documents russes, mais il faut en faire une analyse critique vu leur caractère tendancieux et leurs sources parfois mal fondées. Les notes des étrangers, de manière ou d'autre, ont été utilisées dans l'historiographie russe de la guerre des paysans du XVII-e siècle.

Les étrangers, contrairement aux sources russes, donnent peu de renseignements sur les tendances sociales de la révolte, la considérant avant tout comme une lutte pour le pouvoir politique du «tsar Dimitri». Mais nombre d'entre eux (Margeret, Mérik, Delaville, Jolkevsky, Boussov) indiquent que la légende selon laquelle Dimitri aurait échappé à la mort était primitivement une invention des Russes (et de Bolotnikov) ayant pour but de renverser le pouvoir de V. Chouïsky et d'élire un nouveau souverain.

Les informations des étrangers sont précieuses pour l'éclaircissement de l'histoire militaire de la révolte, de la personnalité de I. Bolotnikov, de l'étape de la guerre des paysans qui précéda la révolte de 1606—1607, ainsi que pour l'éclaircissement des étapes qui la suivirent. K. Boussov et I. Massa témoignent que Kalouga, qui s'était soulevée, poursuivit la lutte après la chute de Toula où Bolotnikov fut capturé.

В. А. Мошин

ИЗ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ РИМСКОЙ КУРИИ, РОССИИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

в середине XVII в.

Середина XVII в. характеризуется особенно сложной международной обстановкой в Европе. С 1644 г. в Оснабрюке и Мюнстере шли совещания первого европейского международного дипломатического конгресса, завершившего Вестфальским миром Тридцатилетнюю войну. Французский кардинал Мазарини, достойный ученик Ришелье и продолжатель его политики, ведя в союзе со Швецией войну против Германской империи, в то же время не прекращал дипломатической борьбы против своего северного союзника, поддерживая бранденбургского курфюрста в его стараниях воспрепятствовать шведской экспансии на южном берегу Балтийского моря.

Эта проблема вовлекла в круг интересов европейской дипломатии Русское государство, которому «смутное время» оставило тяжелую задачу борьбы со Швецией за северо-западные русские области, отошедшие к ней по Столбовскому миру 1617 г. Особое место в международной обстановке принадлежало Польше — с одной стороны, противнику шведской экспансии в Ливонии и Западной Пруссии (шведско-польские отношения осложнялись и династическими претензиями Владислава на шведский престол), с другой стороны, врагу России на украинских и белорусских землях. Эта сторона польско-русских отношений привлекла к России внимание Габсбургов, соседей Польши, учитывающих значение обоих славянских государств для защиты Европы от крымских татар и их верховного государя — турецкого султана.

В тот момент Австрия, заключившая в 1606 г. мир с Турцией на 20 лет и последовательно возобновлявшая его, не чувствовала непосредственной опасности с ее стороны, однако никогда не могла быть вполне спокойной за мир на южных границах. Более чем за сто лет до этого Турция уже

завладела частью венгерских земель и не отказывалась от надежды завоевать Вену. Оставшаяся незанятой часть венгерских земель с Трансильванией (под властью герцога Ракоци) [1] представляла собой спорную территорию, поскольку турецкое правительство считало Ракоци своим вассальным князем. Противник абсолютистской политики Габсбургов в Венгрии и защитник венгерских протестантов от католической реакции, Ракоци до 1645 г. активно участвовал в Тридцатилетней войне на стороне Франции и Швеции, но и после мира в Линце он не перестал быть опасным для Австрии, ведя с ее противниками переговоры о совместном походе на Вену. В то же время несмотря на официальный мир императора с Турцией, хорватско-турецкая граница была в состоянии непрерывной «малой войны», которую пограничное население вело с шайками турецких грабителей и которая всегда могла послужить поводом для начала новой войны в международном масштабе. Положение осложнялось тем, что в июне 1645 г. началась длительная «Кандийская война» (1645—1669) между Венецией и Турцией, причем борьба велась и на Адриатическом побережье в непосредственной близости от турецко-габсбургской границы.

В этой обстановке Россия, как возможный союзник общехристианской лиги для изгнания турок из Европы, снова вызвала особый интерес у Австрии, ее союзницы в Тридцатилетней войне — Испании — и воевавшей с Турцией Венеции, а также у стоявших за их спиной руководителей католического мира — римской курии и ее «генерального штаба» — Конгрегации пропаганды веры.

Это учреждение окончательно оформилось в 1622 г., но его возникновение стоит в тесной связи с программой католической контрреформации, выработанной на Тридентском соборе 1545—1563 гг. В его широчайших планах, охватывавших Китай и Японию, особое внимание было уделено обращению в католичество «схизматиков» в России и южных славян.

6 января 1622 г. была основана Конгрегация пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide). Весь мир был разделен на 13 провинций по числу членов Конгрегации, каждый из которых являлся кардиналом-протектором своей области. В ведении Конгрегации находилась вся миссионерская деятельность духовных орденов, папские коллегии и семинарии, готовившие будущих миссионеров. Деятельность миссионеров на местах велась под руководством папских нунциев и патриархальных викариев, которые были обязаны пред-

[1] Речь идет о Дьёрде II Ракоци [*Ред.*].

ставлять Конгрегации подробные доклады о положении на местах и в своих мероприятиях строго следовать получаемым инструкциям. Архив Конгрегации, составляющий, по подсчету Е. Шмурло, около 4 тыс. томов [2], а по Радоничу — от 6 до 7 тыс. томов [3], охватывает деятельность этого учреждения с 1622 г. (однородные материалы предшествующего времени находятся в Ватиканском архиве) и содержит ценные материалы для политической, экономической и культурной истории Европы.

Однако с русским правительством в первой половине XVII в. отношения у курии не налаживались. «Лихолетье» оставило у русских людей тяжелое воспоминание о «еретическом» Западе. Более близкое соприкосновение в дипломатических и торговых отношениях с поляками, шведами, датчанами, немцами, французами, итальянцами, англичанами, голландцами, а с 30-х годов XVII в. и непосредственное знакомство с поступавшими на московскую службу многочисленными иностранными мастерами, солдатами и офицерами позволили русским яснее разобраться в религиозных различиях; приходившие же из Речи Посполитой известия о деятельности «папежников» по распространению унии в украинских и белорусских землях заставляли их с особой подозрительностью относиться к папской агентуре [4]. Тем не менее курия не отказывалась от надежд на усиление своего влияния в Москве и неутомимо хлопотала о разрешении приезда на Русь католическому духовенству — миссионерам, которые в

---

[2] Обзор материалов архива Конгрегации пропаганды, относящихся к русской истории, дан в кн.: Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. IV. Л., 1927. Материалы, относящиеся к первой половине XVII в., изданы и исследованы в кн.: Е. Шмурло. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928. Материалы, относящиеся ко второй половине XVII в., исследованы Е. Шмурло в отдельных статьях: «Посольство Чемоданова и римская курия». («Записки Русского научного института в Белграде», вып. VII. Белград, 1932, стр. 1—26); «Русская кандидатура на польский престол в 1667—1669 годах — политика римской курии» («Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову». Прага, 1929); «Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого» («Труды IV съезда русских академических организаций за границей», ч. I. Белград, 1929, стр. 65—112); «Русские католики конца XVII века» («Записки Русского научного института в Белграде», вып. III. Белград, 1931, стр. 1—30).

[3] Ј. Радонић. Римска Курија и јужнословенске земле од XVI до XIX века. Београд, 1950; считаем необходимым обратить внимание и на другой труд этого сербского ученого: Ј. Радонић. Римско папство и Московско царство пред крај XVI века. «Глас САН», CXCIII. Београд, 1949, стр. 31—71.

[4] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 9. М., 1961, стр. 132—135, 182—184, 281.

дальнейшем следовали в Персию, Сибирь и Китай [5], и священникам для обслуживания проживавших в России католиков — дипломатов, купцов, мастеров и военных [6].

Проповедники, готовившиеся к выполнению своей миссии на православном Востоке, наряду со славянским языком изучали Россию по исторической и географической литературе того времени и разрабатывали для Конгрегации проекты новых способов католической пропаганды на Руси. Завоевание турками Константинополя и Балканского полуострова поставило Русское государство в положение защитника порабощенных народов православного Востока [7]. Пока эта защита выражалась в материальной помощи церквам и монастырям — деньгами, книгами, церковной утварью и облачениями; в ходатайствах русского царя перед султаном за притесняемое духовенство, которое просило московского государя о заступничестве; в моральной поддержке угнетаемых балканских христиан. Чем тяжелее становилось положение райи в связи с разложением центральной власти в Турции (со второй половины XVI в.), своеволием властей и турецких феодалов на местах и невыносимыми денежными и натуральными повинностями, тем больше крепла у балканских народов вера в освобождение с помощью России. По словам венецианского посланника в Порте Якова Сорранцо (1576), сербы, болгары и греки «весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти» [8].

С конца XVI в. русское правительство стало проявлять более серьезный интерес к положению на Балканах [9]. Прерванные «смутой» сношения России с православным Востоком

---

[5] Е. Шмурло. Римская курия, гл. XIV, стр. 125—131; ч. II, стр. 171—185.

[6] Там же, гл. IX, стр. 85—86.

[7] М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 124—201; см. также: Н. И. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; А. К. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным, т. I, 1858; т. II, 1860; Ст. Димитријевић. Одношаји пећских патријарха с Русијом у XVII веку. «Глас САН», LVIII. Београд, 1900, стр. 201—289; LX. Београд, 1901, стр. 153—203; его же. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека. «Споменик САН», LIII. Београд, 1922.

[8] В. Макушев. Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV—XVI веках. ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, октябрь, стр. 320.

[9] Н. И. Каптерев. Указ. соч., стр. 279; см. гл. VII, стр. 275—347. Сохранилась интереснейшая запись сербского старца Даниила на сербском требнике, сделанная им в Москве в промежутке между уводом Василия

возобновились в 20-х годах XVII в. В Путивле — на пограничном пункте государства, куда постоянно приходили просители из греческих и славянских земель,— местные воеводы обязаны были расспросить каждого прибывшего о положении дел в Турции и областях, через которые ему пришлось проезжать. Московское правительство особенно ценило показания восточных патриархов и архиепископов, более осведомленных о положении дел в Турции [10].

В начале царствования Алексея Михайловича Россия активизирует свою политику на Востоке. Это вело к обострению отношений с Турцией и одновременно к углублению противоречий между Россией и «папежниками» — Австрией и Римом [11]. Понятно, что религиозные связи использовались русским правительством, как и правительствами других держав, в интересах решения насущных внешнеполитических задач.

Но в течение первых двух веков турецкого владычества на Балканах Россия вела осторожную политику в отношении Турции, в особенности в первой половине XVII в., когда приходилось залечивать тяжелые раны, нанесенные «смутой», и решать неотложные дела с Польшей и Швецией. В то же время Габсбурги, Испания с Неаполем и Венеция в своих планах изгнания турок из Европы принимали во внимание помощь, которую им могли оказать порабощенные балканские страны, а римская курия неизменно связывала эти планы с унией. Поэтому некоторые факты церковно-политической истории представляют несомненный интерес для характеристики политики курии.

С момента основания Конгрегации пропаганды курия предприняла по всему фронту наступление на сербскую патриархию: с севера — из хорватского Срема и венгерско-румынского Темешвара; с запада — из католической боснийской епархии, Дубровника, из области архиепископа барского и подчиненных ему епархий в Албании и на черногорском побережье, в Скадре, Ульцине, Сваче и Дриваете, а особенно из центра «венецианской Албании» — Котора; с юго-запада — из католических епископий в Призрене и в Охриде; с востока — из Софии [12]. Главное внимание Конгрегация

Шуйского в Польшу и смертью патриарха Гермогена: очевидно, в то время там находилась какая-то сербская делегация, приезжавшая к царю Василию. См. Г. А. Ильинский. Рукописи Копитара в Любляйской лицейской библиотеке. ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 1, стр. 261—262; А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. I. Пгр., 1921, стр. 901.

[10] Н. И. Каптерев. Указ. соч., стр. 318 и др.; см. также стр. 292—296.

[11] Там же, стр. 248—381.

[12] J. Радонић. Римска курија, стр. 28—41, см. также стр. 99—185.

уделяла в это время привлечению к унии сербского патриарха Паисия, занимавшего престол в 1614—1647 гг. и прославившегося своими церковно-литературными трудами.

Эта задача в 1636 г. была возложена на просвещенного иезуита из Трогира в Далмации — де Леонарди. Леонарди удалось уже в 1638 г. склонить к переговорам цетиньского митрополита Мардария, который в 1640 г. послал в Рим делегацию с выражением покорности и просьбой о материальной помощи. Но связи с сербским патриархом Паисием налаживались труднее — отчасти вследствие опасности со стороны турок, которые в 1640 г. держали черногорского митрополита Мардария в заточении, а главным образом из-за прочности позиций православной церкви в Сербии. В условиях иноземного гнета народ справедливо видел в сохранении своей веры одно из средств борьбы за национальное существование. В это же время патриарх Паисий искал помощи и в Москве: в июле 1641 г. посланный туда митрополит Симеон получил богатые подарки для Печа (Ипека) и разрешение приезжать за помощью каждые семь-восемь лет. Таким образом, местная церковная знать искала средств поправить свои дела, используя политические противоречия между основными центрами православия и католичества.

Лишь осенью 1642 г. католическому миссионеру удалось приехать в Печ для личных переговоров с патриархом. Переговоры, которые велись в течение 1643—1645 гг., не удовлетворили ни одну из сторон, поскольку Рим настаивал на принятии тридентского канона. Но все же Конгрегация была довольна началом дела и в 1644 г. наградила Леонарди посвящением в барские митрополиты, а патриарху Паисию послала в подарок роскошную золотую «коруну епископску». Патриарх держал это в тайне («келейне») даже от ближайших сотрудников, и римская митра была обнаружена в его вещах только после его смерти.

Вопрос об унии сербской патриархии снова был поднят после смерти Паисия в связи с избранием нового патриарха Гавриила в начале 1648 г. Послание сербского синода, обсуждавшего этот вопрос в монастыре Мораче, отправленное в Рим, представляет интерес и для русской истории, поскольку в этих событиях значительную роль пришлось сыграть русскому авантюристу Тимошке Акундинову, последнему из серии самозванцев, выдвинутых на историческую сцену «смутным временем».

Хранящееся в архиве Конгрегации сербское письмо с итальянским переводом датировано 1 февраля 1648 г. и подписано митрополитом будимльским Паисием, так как новоизбранный патриарх еще не был посвящен. Сообщая о смерти

патриарха Паисия и избрании патриарха Гавриила, письмо рассказывает, что собор решил послать в Рим митрополита будимльского с полномочиями «укрепити любовь и задати послушаньство главе от церкви, единому отцу и пастырю нашему папе, не новым начином, али старым, как и другие земли, Малая и Белая Русия, тако и мы».

Но, поскольку «великие туги и неволи отоманские» задержали посвящение патриарха, собор постановил просить у папы предварительного разрешения на приезд в Рим «великого поклисара» и для этого воспользовался содействием представителя собора, морачского собрата, «из Приморья сербского великого логофета и еклисиарха» Феодосия. Здесь мы впервые встречаемся с Тимошкой Акундиновым. «Чудным начином всемогущая божия сила из рук отоманских освободила пресветлого господина, московского царевича Иоанна Васильевича Шуйского, великого кнеза Великопермского»,— сказано в письме. На обратном пути в свои владения он захотел побывать в Риме. «Ради лемозини с царским русоволем» (милостыни с царской грамотой) Феодосию вручили и настоящее послание с поручением передать пресветлому и превысокому святому собору римскому «нашу понижену молитву, за кою молимо вашу ведрину: допустите нам от негове святыни приведрой власти и честитости папиной имати благослов и тестир за нашего нареченого поклисара, ради утверждения вышереченой нашей потребы» [13].

Выражения «редовник» вместо «монах», «лемозина» вместо «милостыня», «тестир» вместо «свидетельство», «коруна епискупска» вместо «митра» и несколько формул обращения, несомненно, указывают на то, что данный документ составлялся при самом близком участии католического духовного лица, а ряд других мест («келейне, а не соборне», «беше знал», «посветити хотем») свидетельствует об участии в редактировании письма и русского, очевидно, самого «московского царевича Иоанна Васильевича Шуйского». Материалы, найденные Е. Шмурло в архиве Конгрегации [14], и несколько

[13] Архив Конгрегации пропаганды. Фонд «Lettere antiche», vol. 178, fol. 167 r—v. Сербский оригинал письма с приложением фотографического снимка издан Я. Шимраком (J. Šimrak. De relationibus Slavorum Meridionalium cum Sancta Romana Sede Apostolica saeculis XVII et XVIII Zagrabiae, 1926, p. 85—86). Итальянский перевод издал Е. Ферменджин (E. Fermendžin. Isprave tičuće se Crne Gore i Stare Srbije. «Starine», kn. XXV. Zagreb, 1892, str. 169—170). Отрывок, относящийся к самозванцу, см.: Е. Шмурло. Римская курия, ч. II, стр. 204.

[14] На некоторые из этих данных обратил внимание П. Пирлинг в статье «Тимофей Акундинов в Риме» («Русская Старина», 1908, октябрь и в кн.: «Исторические статьи и заметки». СПб., 1913). Весь материал об Акундинове из Архива Конгрегации пропаганды приведен в кн.: Е. Шмурло. Римская курия, ч. II, стр. 204—210.

писем самозванца, сохранившихся в архивных собраниях Югославии [15], позволяют отчетливей уяснить роль этого международного политического авантюриста XVII в. в истории Моравской унии 1648 г.

Тяжелая для России в первой половине XVII в. международная обстановка и постоянное общественное брожение были почвой, порождавшей многочисленных самозванцев, поднимавших народные массы на борьбу против социальной несправедливости. Соседние государства под видом поддержки этих претендентов на московский престол не раз пользовались «смутой» для своих политических целей. В начале XVII в., кроме трех Лжедмитриев, появились: самозванец Петр (казак Илейка), выдававший себя за сына царя Федора Ивановича; в Астрахани — царевич Август якобы сын Грозного от Колтовской; позднее — царевич Лаврентий в роли внука Грозного от царевича Ивана; в казацких степях — восемь сыновей царя Федора: царевичи Федор, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Ерошка, Гаврилка и Мартынка. После «смуты» остался сын первого Лжедмитрия Иван Воренок, вместе с матерью Мариной нашедший приют у Заруцкого, пытавшегося в Астрахани создать особое государство под верховной властью персидского шаха. Какой-то самозванец появился в Молдавии: молдавский господарь послал его в Москву и в награду получил его содранную кожу, будто бы набитую деньгами и драгоценными камнями. В качестве сына Марины Мнишек Польша на всякий случай выставляла поляка Лубу. В начале царствования Алексея Михайловича в 1646 г. правительству доносили об Александре Федоровиче Нащокине, который выдавал себя за представителя царской фамилии и готовился бежать за границу для организации новой «смуты». Имеются известия об Ивашке Вергуненке, казацком сыне из Лубен, который под именем сына царя Дмитрия появился у крымского хана. Посланный в Константинополь, он вызвал там недоверие к себе и попал в заключение. Позднее он появился в Молдавии, где и погиб: не исключено, что это был тот самый вор, кожа которого вернулась из Москвы, наполненная деньгами.

---

[15] Два письма князю Милютину «в сербскую землю в Дубровницкий уезд» — одно от князя Фомы из Старого Влаха, второе от самого самозванца — напечатаны в журнале «Српско-Далматински магазин» (далее — СДМ). Задар, 1851, стр. 170—173. Четыре письма Акундинова в Дубровник найдены и опубликованы мною. См. В. Мошин. Преписка руског самозванца Ивана-Тимошке Акундинова с Дубровником г. 1648. HZb, V. № 1—2. Zagreb, 1952, str. 71—84 (там перепечатаны и оба письма князю Милютину). Летом 1959 г. Дубровницкий архив любезно обратил мое внимание еще на три Тимошкиных письма, обнаруженных в недавно разобранной серии «Масса Негрини», которые использованы в настоящей статье.

Тимофей Акундинов был девятнадцатым из этой серии самозванцев. Он всплыл на волне церковно-политических противоречий в южнославянских землях.

Согласно данным, которые собирали русские дипломатические представители в Турции, Польше, Швеции и на Украине, и показаниям, полученным на следствии, этот человек родился в Вологде около 1617 г. Его отец Демид сначала торговал холстами, а потом жил при дворе вологодского архиерея Варлаама. Епископ любил умного Тимофея и звал его «княжеским рождением и царевою палатою», что Тимошку, по его собственному признанию, навело на мысль о самозванстве. Позднее Тимошка стал подъячим у известного дьяка Ивана Патрикеева в Москве, откуда решил бежать за границу вместе с приятелем подъячим Косткой Евдокимовым. По позднейшему показанию Костки, Тимошка перед побегом отвел сына и дочь к одному знакомому, затем сжег свой двор и убежал через Тулу и Новгород-Северский в Краков. Там он явился к польскому королю под именем Ивана Каразейского, воеводы вологодского и наместника великопермского. Затем он перешел в Молдавию к господарю Василию, который послал его в Константинополь. По дороге Костка задержался на шесть месяцев в Болгарии.

Московские послы в Царьграде в 1646 г. узнали, что Тимошка выдает себя за сына царя Василия Шуйского и просит помощи у султана, обещая ему взамен Астрахань. Между тем Тимошка не вызвал доверия у визиря Алем Салих-паши, который установил, что царь Василий умер раньше, чем мог родиться Тимошка. Не найдя поддержки, Тимошка в 1647 г. попытался бежать в Молдавию, но был пойман и сохранил жизнь обещанием принять мусульманство: «Говорил перед визирем бусурманскую молитву» и стал носить чалму. После второй попытки бегства на Афон Акундинов спасся от смерти, согласившись подвергнуться обрезанию, но все же был оставлен в заключении. По словам Костки Евдокимова, Тимошка пробыл «в железах» три года и получил свободу только после переворота, когда турки убили султана и визиря. Последнее не соответствует истине, так как султан Ибрагим I и визирь Ахмед-паша были убиты 10 августа 1648 г., Тимошка же был в Мораче 1 февраля того же года, а в июне находился уже в Риме.

Священник Феодосий и константинополец Стамаки (очевидно, грек), сопровождавшие Акундинова до Рима в качестве «слуг московского князя», в прошении на имя Конгрегации в июне 1648 г. писали: «Мы с помощью божией освободили его из рук турецких и с ним вместе прибыли сюда, к достославной римской церкви, из отдаленнейших стран». Каким

образом произошло это освобождение, неизвестно. Возможно, священник Феодосий был сербом, поскольку Тимошка из Константинополя направился в Сербию. Освобождению самозванца мог содействовать и патриарх Паисий на обратном пути из Иерусалима летом 1647 г. Перед тем как попасть в монастырь Морачу, беглецы останавливались в Старом Влахе — горной области в западной части Сербии, граничащей с Черногорией, сохранившей и под турецким владычеством некоторую самостоятельность.

Самозванец сумел произвести впечатление на высшее духовенство и старейшин сербского народа. Князь Фома «от Старого Влаха» в рекомендательном письме, которое он дал самозванцу для вручения какому-то князю Милютину «в сербской земле, Дубровницком уезде», извещал своего соотечественника, что «этот господар христианский со своими служители, благоволившу богу, освободился от нечестивых язык и придя к нам, всякую милость и любовь показал, а поиде с богом до честитога властела; а мы се надеемо на бога, паки на вас приятели верные: примите его яко господара по достоинству в место нашего образа, буди ему приятель и сродник, и штогое поищет от вас, немойте сему възбранити, и тайну его съблюдите, тако вас молимо усръдно; а много писать за малохартие за велика господара не может и наш разум постигнути, еже сами, ваше благородие, очима узриши. Нам же он зело достоверен Христу раб, той же тебе и мздовоздатель, и нам хоће бити приятель вечни, ако бог даст мир и здравие...». Дата не поставлена [16].

Это письмо не было передано князю Милютину собственноручно, так как Тимошка из Морачи не поехал в Дубровник, а отправился в Котор для дальнейшего следования в Рим. Акундинов прислал его позднее из Рима вместе со своим письмом князю Милютину. В этом послании он именует себя «Иоанн Тимофей из Владимира, Владимирский и Шуйский господар, иже несмь доволен нарещи се кнез за отлучение от местного нашего княжества Великопермского и за отлучение от исконного нашего прародительского и отеческого достояния, от великого царства Московского, зане бых во пленении у нечестивых и гнюсных татар и у турков, них же, помощию божиею и промыслом праведных и благочестивых друзей наших сербов, избавлься, и путешествуя по своему достоянию, странствую ныне во странах латинских, благодатию божиею не нищеско, ни пленническо, ни странническо, но свободно и откровено и славно, от славних царских свидетельств и иных праведных указаний, яко наследник и последне-славного ве-

[16] СДМ, стр. 170; HZb, V, № 1—2, str. 75.

ликого Василия Ивановича изо Владимира, Владимирского и Шуйского князя и великого царя от великого и высокопрестольного царствия Московского и всеа благочестивые России и всея северния и полунощния страны, и варварских езіков и прочя, еще же есмь кнез земли Великопермския и блюститель и назиратель праведних и благочастивих скипетра сродников наших стародавних, блаженныя памяти деспот и князей и воевод сербских и прочя».

Переходя к основной части письма, самозванец объясняет, как изменение маршрута следования в Италию не дало ему возможности приехать в Дубровник с этим письмом и рекомендацией князя Фомы, и сообщает, что посылает теперь ему оба письма, «да знаешь, колико может православных любовь и приятельство».

После этого идет заключительная часть письма, которая является, по существу, основной. В ней содержится просьба принять его посланцев и помогать дарами Морачскому монастырю в надежде на «милость божию», которая «сотворит вас турком и латином старшных и всякого озлобления вышших» [17]. Примечательно, что в данном письме, посланном из Рима «втайне» с возвращавшимися на родину монахами из Морачи, написанном после принятия Тимошкой «сакраменита» от папы и клятвенно данных обещаний обращать своих подданных в католичество, самозванец взывает к православному сознанию дубровницких сербов и рассчитывает на их отрицательное отношение к «латинским прелестникам». Очевидно, на традиционных церковно-политических сербско-русских связях, на вере в помощь России и в скорое освобождение от турецкого ига самозванец играл и во время своего пребывания в Старом Влахе и в монастыре Мораче.

Возможно, что на Морачский собор Тимошка прибыл из Старого Влаха вместе с князем Фомой и епископом Гавриилом (родом из Старого Влаха), выбранным здесь в патриархи. Как показало решение о присоединении к унии, на соборе должна была находиться и униатская партия. По-видимому, ею руководил Иосиф, митрополит «будимлянский и всея арбанашке земли» (к епархии которого в то время могла относиться Морачская обитель), выбранный в качестве представителя собора для путешествия к папе и подписавшийся под посланием об унии. Его епархия граничила с Боснией и Дубровницкой областью и претендовала на албанские земли, где существовали католические епископии; эти непосредственные связи с католиками могут объяснить роль митрополита Иосифа в вопросе о Морачской унии.

---

[17] СДМ, стр. 172—173; HZb, V, № 1—2, str. 76—77.

Вероятно в большей степени на решение о принятии унии мог повлиять черногорский митрополит Виссарион, наследник униата епископа Мардария. Как указывает И. Радонич, этот Виссарион в бытность архидиаконом при митрополите Мардарии стал помощником миссионера Леонарди и получал содержание от Конгрегации; сделавшись епископом, он продолжал его получать, ревностно служа католической церкви [18]. Но главную роль в данном вопросе, несомненно, сыграл католический миссионер Джованни Паскуале, бывший приятель епископа Мардария и активный сотрудник которского католического епископа Винченца Букки в деле пропаганды католицизма. Об этом свидетельствует письмо епископа Букки Конгрегации от 6 марта 1648 г., в котором епископ извещает курию, что Паскуале, успешно обращавший «схизматиков» в области около Котора, нашел возможность встретиться с прибывшим сюда из «Московского государства» графом, воеводой, князем Пермским и Вологодским, который до этого прожил три года пленником в Константинополе; он греческого исповедания, заражен ложными догматами. Беседуя с ним о примате и значении вселенской церкви, Паскуале убедил его признать в римском первосвященнике истинного преемника апостола Петра и наместника Христова. Под впечатлением слышанного от Паскуале русский князь, по словам епископа Букки, загорелся желанием посетить святые места и облобызать священные стопы верховного владыки; решив ехать в Рим, он тотчас же отправился в Венецию [19]. Поскольку Тимошка уже в Мораче изменил первоначальный план путешествия (не поехал с рекомендациями в Дубровник, а отправился к епископу Букки в Котор для дальнейшего следования в Рим), следует заключить, что это решение должно было возникнуть в Мораче под влиянием бесед с Паскуале, который, очевидно, находился там во время собора [20]. Этим объясняется и наличие хорватизмов и католических терминов в морачском послании об унии и примечательная ссылка на пример «унии по старому способу, как Белой и Малой России». Авторитетное заявление русского царевича о безопасности для православия «старого способа унии» якобы принятого на Руси, как и его решение отправиться в Рим для поклонения святыням и представления папе, могли оказать сильнейшее влияние на отношение собора к унии. Можно предполагать, что эта услуга римскому престолу могла обеспечить

[18] Е. Шмурло. Римская курия, стр. 178 (перевод); ч. II, стр. 216 (итальянский текст).

[19] Там же.

[20] О деятельности миссионера Паскуале см. J. Радонић. Римска курија, стр. 180—185 и 297—300.

проходимцу с его свитой и путешествие в Рим, где его ожидала «свободная, откровенная и славная» жизнь, о которой он писал позднее князю Милютину.

Согласно письму епископа Букки, Акундинов со свитой выехал из Котора в Венецию 6 марта. Легко понять причину такого маршрута из Морачи в Рим. Паскуале необходимо было представить морачскую делегацию и русского князя своему епископу в Которе. Здесь же и личность гостя из далекой России, которую Венеция стремилась привлечь к союзу против турок, и делегация монахов из Черногории, на которую республика имела известные претензии, должны были вызвать политический интерес у местных властей, решивших послать Тимошку с делегацией сначала в Венецию. И действительно, прошел целый месяц, пока самозванцу удалось из Венеции продолжить путешествие в Рим. Лишь 6 апреля письмо черногорского священника Луки Андрейчича, сопровождавшего Тимошку в качестве переводчика, уведомило секретаря Конгрегации о том, что «московский государь» находится вместе с ним на пути из Венеции в Анкону [21]. В Анконе Тимошка оставил своего сообщника Костку, чтобы тот пробирался в Дубровник; остальные спутники — оба константинопольца и оба морачских делегата — прибыли вместе с самозванцем в Рим и были помещены в гостинице, куда принимали беглецов из турецких земель, переходивших в католичество (как видно из позднейшего прошения константинопольцев Конгрегации). В середине апреля Тимошка был в Риме, так как Конгрегация разбирала вопрос о его прошении папе уже 27 апреля.

В этом прошении, написанном по-итальянски от лица «Иоанна Тимофея Владимира Шуйского, московита, князя Великопермского, грандуки Владимирского и Шуйского, правнука императоров московских Феодора и Димитрия, сына великого императора Василия», самозванец оповещал, что в свое время был захвачен в плен в сражении с татарами и отвезен в Константинополь, где был передан под надзор Асалих-паши, у которого и жил. Когда через год стража удавила пашу, Тимошке удалось вырваться из варварских рук и спастись в христианских землях. «Хотя и родился,— писал Тимошка,— и воспитан в слепоте схизматической греческой веры, тем не менее я всегда горячо желал быть принятым в лоно святой матери, католической, апостольской римской церкви, жить и умереть в ней. И теперь, когда господу угодно было освободить меня из плена, исполнить свое обещание — прийти в Рим и пасть ко священным стопам вашим,

[21] Е. Шмурло. Римская курия, стр. 178; ч. II, стр. 207.

святой отец,— молю принять меня, дать отпущение в прежних грехах и пожаловать своим благословением, обещаясь приложить все старания к тому, чтобы вывести народ свой ко свету истинной веры»[22].

На заседании 27 апреля Конгрегация выразила мнение, что просителя следует расматривать как частное лицо, и постановила: прежде чем хлопотать об обряде перехода в католичество и об аудиенции у папы, узнать мнение комиссара св. Оффицио. По-видимому, в соответствии с этим мнением Конгрегация через два дня постановила составить записку о московском князе для кардинала Спады, который будет докладывать о нем папе. Недатированная записка кардинала Спады секретарю Конгрегации веры Инголи сообщает, что комиссару св. Оффицио было сообщено постановление папы[23]. Дальнейшее делопроизводство об Акундинове велось уже в Конгрегации св. Оффицио; впоследствии Костка свидетельствовал, что самозванец «был у папы в Риме и сакрамент принимал».

Вопрос о Морачской унии был отделен от вопроса о москвиче. Конгрегация на заседании 9 мая поручила кардиналу Антонио Барберини составить доклад св. Оффицио и предложила отправить в Сербию «малорусского» униата Павлина Демского для открытия там латинской школы. В то же время сербским делегатам было поручено представить подробное сообщение о Печской патриархии. Этот реферат вместе с текстом пожеланий о способе осуществления унии (в частности об особых привилегиях Морачского монастыря) был прочитан на заседании 25 мая. Тогда же была составлена подробная инструкция для Павлина, которому предписывалось соблюдать самую большую осторожность в подходе к деликатному вопросу об унии.

Миссионер был обязан всем, начиная с сербского патриарха, говорить, что приехал только для открытия латинской школы за счет Конгрегации, объясняя значение образования как для сознательного отношения к религии, так и для политической жизни. Только завоевав доверие патриарха и прелатов своей просветительной деятельностью, он мог осторожно поставить вопрос об отправке в Рим митрополита для переговоров о соединении церквей на базе Брестской унии. 18 июня Конгрегация определила постоянное денежное содержание и путевые расходы Павлина и содержание сербским делегатам (по 12 талеров в год); вскоре после этого снабженные книгами и отпечатанным по-славянски текстом исповеда-

---

[22] Е. Шмурло. Римская курия, стр. 178—179; ч. II, стр. 207—208
[23] Е. Шмурло. Римская курия, стр. 179; ч. II, стр. 208—209.

ния папы Урбана VIII Павлин и сербские монахи отправились в Сербию. По прибытии в Котор Павлин не смог продолжать путь к патриарху Гавриилу из-за военных действий: он должен был остаться в Которе, где основал школу, и старался отсюда завязать сношения с патриархом.

Лишь в 1651 г. удалось Павлину известить Конгрегацию о встрече с патриархом, который якобы сочувственно отнесся к вопросу об унии. В следующем году после строгого выговора от Конгрегации, недовольной таким промедлением, Павлин лично отправился в Морачу и далее в Сербию для свидания с патриархом. Патриарх Гавриил, по сообщению Павлина, дал согласие на отправку в Рим прелата для выражения покорности престолу, настаивая в то же время на денежной помощи. Однако сам сербский патриарх не принимал участия в дальнейшем осуществлении этих планов. В конце 1653 г. он уехал в Россию, где задержался до 1656 г., пользуясь большим доверием царя и патриарха Никона. После отъезда патриарха Гавриила в Москву Павлину удалось организовать на соборе в Мораче отправку делегации в Рим с посланием о принятии унии. Конгрегация хорошо приняла сербских делегатов, игумена Максима и иеромонаха Кириака, которых Павлин привез в Рим в апреле 1654 г., но не была особенно довольна составом делегации (поскольку в ней не было ни одного епископа) и без сочувствия отнеслась к желанию сербов открыть у себя не латинскую, а православную богословскую школу.

Дальнейшие переговоры об унии были снова приостановлены по ряду причин: из-за смерти папы Иннокентия X (7 января 1655 г.) и связанной с этим трехмесячной вакантности престола; из-за болезни и смерти Павлина (в конце 1655 или в начале 1656 г.); но особенно вследствие неопределенности положения в сербской церкви за время отсутствия патриарха Гавриила. Дело еще больше осложнилось, когда патриарх написал сербскому духовенству о своем решении остаться в России и предложил избрать нового патриарха. Позднее Гавриил изменил свои планы и в 1656 г. вернулся в Сербию, но выбранный его заместитель не пожелал уступить ему место, а сам патриарх Гавриил был казнен турецкими властями по обвинению в сношениях с русским правительством. Преемник Гавриила, патриарх Максим (1656—1669) старался поправить отношения с турецким правительством и воздерживался от сношений с Россией, но в то же время сторонился и курии и старался использовать затруднительное положение католической церкви и Турции за время кандийской войны в пользу православной церкви. Отдельные попытки переговоров об унии между курией и местными церковными властями и

монастырями имели место, но патриархия в них участия не принимала [24].

Что касается Тимошки Акундинова, то после «принятия сакрамента» и приема у папы деятельность этого самозванца в Риме не прекратилась, как можно видеть из семи Тимошкиных писем, посланных в Дубровник и Котор в июле и августе 1648 г. К этому времени он уже освободился от своих спутников из Константинополя. Священник Феодосий и константинополец Стамаки, «слуги московского князя», в июне просили милостыню у Конгрегации, чтобы не умереть с голода и иметь возможность вернуться домой, так как князь рассчитал их, а сербские спутники уехали домой. Конгрегация на заседании 22 июня постановила выдать им по пять скуди каждому [25].

Первое письмо Тимошки из Рима было послано 4 июля в Котор генеральному викарию Джованни Паскуале. Оно написано латинской азбукой по-славянски. «По духу светому ойче мой превелелебный...,— пишет Тимошка.— Чинети задоволно аффектацие Вашего Господства, чиним одговор на любезливу книгу Вашу, како сам доброволно, хвала Богу, бих примлен в Риму од негови Светыни, С. ойца Папы, и от страни Вашей спомену чиних како се достояло, што хоте вам з уст говорити мой секретар отец Габриэл Кор[р]еис и коморник мой Костантин, коих послах в Котор с моими секретами, за коих молимо, дайте им В(аше) Господ(ство) любезливо свиетоване, а ако Вам што буде од потребы в Риму, заповедите ми. Тако се вам припоручуем доброволно в Риму 4 лулья (июля) 1648. Вашего превелебнога очанства любезливи приятел Иоанн з Владимир Шуйски Палл[атинус] Пер[мие]етц[е]т. Манум проприа». На письме — восковая печать с гербом.

В Котор адресовано и письмо от 14 июля светлейшему сеньору доктору Николо Вракиери, которого самозванец в обращении величает «многосветлым господином поэтом которским». Он пишет ему, что послал в Котор своего «потайника алити секретара» отца Габриэля Корреиса и коморника Костантина «с велицем молением моим и любезливым приятелством и с моими секретами» и просит принять их «весело и доброволно», что будет мило господу богу и престолу царскому от Московии и что еще более укрепит его (Тимошку) в намерении «показати се вама в своен добу слуга». Подпись и печать такая же, как на предшествующем письме.

---

[24] Обзор указанного периода см.: J. Радонић. Римска курија. стр. 331—345.

[25] Е. Шмурло. Римская курия, стр. 180—181; ч. II стр. 209—210.

Оба письма, по-видимому, не дошли до Котора, а задержались в Дубровнике, где остановились Тимошкины представители и куда были посланы пять его остальных писем.

Первое из них (от 12 июля) адресовано «Коморнику нашему Константию» (адрес написан латинскими буквами). Самозванец шлет «благословение божественное и утешение полезное, а затем ласку нашу и любовь княжескую» «вернемилому и креплему страдальцу за мой живот Костянтину Евдокимовичу». Тимошка уведомляет Костку, что послал ему в Якин (Анкону) три грамоты, что весьма скорбит о его великой скудости на многострадальном пути и что готовится сам ехать в Анкону для встречи с ним. «А ежели, даст бог, не в Якиню сидишь, а дошел в Дубровник, старайся же ты тоже не за себя самого, потомушто я за тебя стараюсь и моя голова за твою голову». Убеждая приятеля не отступать от него и ценить, сколь велика его княжеская ласка, самозванец «подкрепляет» своего «верного рицала и ближнего человека» в надежде на «путь добр и счаслив в Москву и на Астрахань, и на Казань». «И вторицею приказываю: не дремли и отвори очи, чувайся по латинску а не по московску, не забывай писать ко мне и часто учащай грамотки писать». На случай, если Костка еще в Анконе, Тимошка сообщает, что писал о нем Иерониму Перони и что скоро сам приедет [26].

Второе короткое письмо Костке послано через четыре дня после первого в Дубровник. Убеждая «вернеанимильшего страдальца» укрепляться во всем, Тимошка просит его «укреплять» и «фратра» Габриэля. Он сообщает, что получил от них грамотку, которая доставила ему удовольствие разумным содержанием; что он писал о них Марину Бобали, Луке Сторани и Иерониму Перони и доброму фратру, о чем они узнают, когда вернутся из Дубровника в Анкону. На обороте письма вверху — адрес по-итальянски: «Светлейшему и Высочайшему господину моему, покровителю, господину Посланнику Его Величества Испании»; далее, в середине страницы: «От Джованни Тимотея Владимирского Шуйского Московита» (часть этого текста покрыта восковой печатью); в нижней части страницы, которая в сложенном виде не была видна и открывалась после слома печати, латинскими буквами по-славянски: «Коморнику нашему в Дубровник», а еще ниже рукою Тимошки добавлено по-русски: «И велик поклон фратру» [27].

Упомянутый здесь добрый «фратар» Габриэль, которого Костке следовало «укреплять», является адресатом трех других Тимошкиных писем в Дубровник — от 20, 25 июля и

[26] HZb, V, № 1—2, str. 79—80.
[27] HZb, V, № 1—2, str. 80.

1 августа. Под подписью, написанной писцом по-итальянски: «Джион Шуйский, государь Московии», поставлено рукой самозванца: «Рука власна». Письма адресованы «Почтеннейшему отцу фра Габриэлю де Корреис, в Рагузу»; второе и третье письма после имени адресата прибавляют «д'ордине делли Предикатори», т. е. ордена доминиканцев.

В первом из этих писем Акундинов уведомляет Габриэля, что из его письма узнал об оказанных ему услугах, и просит его сообщить, какими схожими услугами он мог бы отплатить за это. «Во всем предаю себя Вашей мудрости и любви. По-видимому, мои дела хорошо развиваются, и надеюсь, что с каждым днем будут развиваться все лучше; но прошу Вас со своей стороны сделать что возможно. Другого Вам не могу сказать, и заканчиваю выражением преданности, и целую руку».

Во втором письме Тимошка оповещает Габриэля, что сразу же послал капеллана к генералу его ордена. Генерал сначала пообещал сам одобрить просимую «лиценцию», но потом отказался и написал отцу-провинциалу ходатайство об удовлетворении этого прошения. Ввиду срочности самозванец обещает, что «лицензия» будет послана первой почтой. В конце письма, прося защищать его интересы, Тимошка добавляет, что «тот польский князь из Венеции прибудет через несколько дней в Рим» и это сразу облегчит его положение [28].

Третье письмо Габриэлю послано в Дубровник 1 августа. В нем самозванец просит сообщить ему об успехах его миссии, которая послужит фратру «за вековиту неумарлу славу», а «нам на оправдание». В приписке он благодарит за полученные письма и извещает, что «лиценција од дауна» послана 16 июля.

Эти письма в известной степени проливают свет на историю римской авантюры Акундинова. Как мы видели, прошение самозванца было передано св. Оффицио в конце апреля, в июне его константинопольские спутники писали о приеме у папы и переходе в католичество как о прошедшем факте, после которого самозванец их уже рассчитал. В июле шел уже четвертый месяц пребывания Акундинова в Риме. За это время ему удалось приобрести влиятельные связи. Тимошка имел возможность посылать Костке письма через испанского посланника, которого называет своим покровителем. Он ходатайствовал за важного доминиканца перед генералом его ордена; переписывался с поверенным курии и дубровницким консулом в Анконе, Сторани, каким-то видным лицом, Перони и дубровницким дипломатом Бобали; он состоял в сношениях с польским князем, с которым ранее встречался в Венеции. Все это стало возможным только потому, что св. Оффицио позволял ему выдавать себя за мос-

[28] HZb, V, № 1—2, str. 81.

ковского царевича и обеспечивал средствами, необходимыми для жизни, соответствующей его титулу и положению. Оживленная переписка с Косткой должна была возвеличить персону самозванца. Это являлось тактическим приемом обоих авантюристов. За время пребывания Тимошки в Константинополе Костка шесть месяцев провел в Болгарии; позднее Тимошка находился в Ревеле, а Костка оставался в Стокгольме. Интересна печать, которую, по позднейшему показанию Костки, Акундинов сделал в Риме, «вымысля сам собою» по образцу восковой печати на государевой поместной грамоте, находившейся в руках самозванца. Эту печать мы находим на всех письмах Акундинова.

Какие соображения побудили курию уделить столько внимания самозванцу, который, видимо, с самого начала не вызвал особого доверия у Конгрегации? Конечно, в связи с вопросом о Морачской унии курии было полезно показать сербским делегатам, каким вниманием пользуется в Риме московский князь, признавший власть папы и перешедший в католичество. Вероятно, курия предполагала использовать самозванца и на Руси в связи с планами той «универсальной унии» (включающей и Россию), работа по осуществлению которой столь упорно велась в 1647 и 1648 гг. Особое значение, придаваемое Тимошкой в письме Габриэлю предстоящей встрече с польским князем, и тесная близость самозванца с доминиканцами, которые вместе с иезуитами особенно трудились над укреплением католичества в Речи Посполитой, находятся в соответствии с высказанным предположением.

Можно думать, что курия направила Тимошку в Польшу и что по этой причине ему удалось проездом побывать в Австрии. В 1650 г. мы застаем Акундинова на Украине. Костка позднее рассказывал, что после отъезда из Турции Тимошка был у папы в Риме, затем в Венеции, откуда проехал в Трансильванию к Ракоци, а тот послал самозванца к Хмельницкому в Запорожье. Богдан Хмельницкий позднее говорил московским послам, что Акундинов перед приездом к нему, «бегаючи, был во многих государствах: в Польше, в Риме, в Австрии, Венгрии, Молдавии, Валахии, Турции», что видно по его проезжим листам; сам же Тимошка писал путивльскому воеводе, что до прибытия на Украину «окружил турские, римские, итальянские, германские, немецкие и иные многие царства, наконец и польское королевство». Конец этой фразы позволяет предполагать, что он действительно доехал до Польши, но не исключено, что это относится к первому этапу его скитаний. Однако если он и добрался до Польши, то всеобщее восстание на Украине после победы у Константинова 20 сентября 1648 г. должно было ясно показать, что царевичу-униату делать здесь больше было нечего.

С другой стороны, вступление освобожденной Украины на путь самостоятельной международно-политической жизни открывало широкие возможности для ловкого москвича, который мог быть полезен Хмельницкому благодаря личной осведомленности в политической обстановке во всех соседних государствах. В промежутке между победой у Константинова и Зборовским договором Хмельницкий развил широкую дипломатическую деятельность. В это время крымский хан обещал помогать ему всеми своими войсками; был заключен союз с турками; трансильванский князь Дьёрдь II Ракоци также предложил гетману союз против Польши. Вероятно, последние переговоры и послужили поводом для перехода Акундинова из Трансильвании на Украину. Как известно, русские представители обнаружили его здесь в начале 1650 г., но все старания заполучить самозванца путем переговоров с ним самим или путем давления на гетмана остались безуспешными, как и попытки физической ликвидации авантюриста. Посланник В. Я. Унковский, имевший такое специальное задание, оправдывался в своей неудаче тем, что Тимошка в Чигирине «жил очень бережно, прикормлено у него козаков много, и гетман был к нему добр»[29].

Конечно, здесь унитатство было для него бесполезно, поэтому в переговорах и переписке с московскими дипломатами Тимошка выставляет себя уже борцом за православную веру и за «счастье и прибыль отечеству... и народу христоименитому»[30]. За время пребывания у Хмельницкого Акундинов вел переговоры с путивльским воеводой Прозоровским и позднее с московским послом Унковским о возможности возвращения в Москву при условии гарантии безопасности под клятвой на кресте. Так как московские дипломаты не могли ему этого обещать, а московское правительство требовало от Хмельницкого выдачи самозванца, гетман дал ему возможность снова найти убежище у Ракоци.

В 1651 г. русские послы обнаружили Тимошку в Швеции, куда его послал Ракоци с рекомендательным письмом к королеве Кристине: он прибыл в литовском платье под именем Ягана Сенельсина, рассчитывая воспользоваться тогдашними волнениями в Новгородской и Псковской землях. Когда русское правительство потребовало от Швеции выдачи самозванца, его послали в Нарву, где и держали в заключении. Оттуда он писал Костке, чтобы тот поддерживал связь с восставшими в Пскове и Ивангороде. Из Нарвы Тимошка перешел в Ревель. Тут его захватили русские, но ревельский

[29] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 10, стр. 570.

[30] Там же, стр. 565.

губернатор освободил Акундинова и отослал через границу в Пруссию, где мы находим его в 1652 г. Костку же шведские власти выдали русскому правительству, и он дал важные показания о путешествиях и планах самозванца. Между прочим, Костка утверждал, что Тимошка был ученый человек: в Польше он изучил астрологию — «звездочетные книги читал и остроломейского учения держался»; несколько раз менял веру — в Турции «побусурманился», в Риме «принял сакрамент» от папы, в Швеции перешел в «лютерову веру». Из Пруссии Тимошка переправился в Гольштинию, и тамошний герцог выдал его русскому правительству. На пути в Москву Тимошка пытался кончить самоубийством, бросившись под колеса телеги, но провожатым удалось этому воспрепятствовать. В Москве 28 декабря 1653 г. он был подвергнут пыткам и после признания и очной ставки с матерью четвертован[31].

Описанный эпизод в истории католической пропаганды среди русских и южнославянских «схизматиков» представляет особый интерес, поскольку им завершается первый период католической контрреформации, которая после Вестфальского мира приняла новые формы. Тактика церковно-политической борьбы, проводившаяся в то время Конгрегацией, сделала возможной карьеру самозванца Тимошки Акундинова.

* * *

L'activité de la «Congregatio de propaganda fide» en Russie et chez les Slaves balkaniques présente un intérêt particulier pour l'histoire diplomatique du XVII-e siècle. Un certain épisode de l'époque est lié à la personne d'un aventurier russe nommé Timothée Akundinov, le prétendu fils du tzar Vassili Chouïski. En 1648 il s'évada de Constantinople et partit pour la Serbie. Là, il réussit à entrer en relations avec le clergé catholique de Dalmatie et à prendre sur soi la mission de servir d'intermédiaire entre les Serbes et le Saint-Siège dans la question de l'Union. On en trouve des mentions dans quelques actes des Archives du Vatican, de même que dans une série des lettres d'Akundinov adressées à Doubrovnik et à Kotor. Cependant les intérêts d'Akundinov ne coïncidaient pas avec les plans du Saint-Siège et les espérances des Serbes, et son voyage à Rome ne servit en rien la cause catholique en Serbie. L'insurrection de Khmélnitsky contre la Pologne ouvrit de nouvelles perspectives à Timothée Akundinov.

---

[31] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 10, стр. 610—611. Последний известный мне обзор вопроса об Акундинове см.: Е. Шмурло. Римская курия, гл. XVII, стр. 174—180 и примечания, стр. 178—279, где указана предшествующая литература.

С. Н. Дас Гупта

К ИСТОРИИ ИНДО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Развернутый, последовательный обзор индо-русских культурных связей с древнейших времен вплоть до XVII в. представляет собой сложнейшую задачу для историка ввиду отсутствия достоверных документальных памятников. Здесь налицо пробел в общей картине наших знаний; и по сей день мы вынуждены основываться на косвенных источниках. Однако, несмотря на недостаточность конкретных сведений, мы ни в коем случае не должны впадать в заблуждение и допускать мысли о полном отсутствии исторических связей между нашими двумя странами. В течение всего этого времени между Индией и Россией поддерживались связи, правда, непостоянные, временами и вовсе прерывающиеся. Находки на оз. Ильмень и в других областях России индийской утвари, монет и предметов, украшенных индийскими орнаментами, ясно свидетельствуют о проникновении и постепенном распространении индийской культуры вместе с индийскими товарами, отправляемыми в важнейшие русские торговые центры.

Эти связи уходят своими корнями в седую древность. Замечательная индийская культура, процветавшая в середине III тысячелетия до н. э., обнаруживает сходство, а возможно, и взаимосвязь с высокоразвитой культурой, которая тогда господствовала на территории Юга России и в нынешнем Туркестане. Сходство это выявляется в материале, из которого изготовлены орудия, в технике их обработки, в характере растений, употребляемых в пищу, особенно хлебных злаков, а также в других элементах культуры.

Так, например, пшеница проникла из Ирана в долину нижнего Тигра и Евфрата, распространилась в Индии и Централь-

* Перевод с английского Р. З. Миллер-Будницкой.

ной Азии, достигла Китая, пересекла Южнорусскую равнину и, наконец, утвердилась в Центральной Европе; правда, понадобилось более трех тысячелетий, чтобы этот злак получил столь широкое распространенние. Очевидно, общая культура позднего неолита и начала бронзового века проникла в Западную Европу, распространяясь с Востока через Россию. Нет ничего невероятного в том, что в какой-то период истории человечества существовал особый тип неолитической культуры с некоторыми характерными общими признаками, получивший обширное распространение во всем мире. Следует подчеркнуть неотъемлемое единство мировой культуры. Великие цивилизации не возникают в пустоте. Можно проследить нити, тянущиеся со всех стран света к истокам цивилизации, к тем центрам, где она зародилась в более раннее время.

В эпоху великих переселений арийских народов прервались связи между цивилизациями Востока и Запада (если только эти связи еще существовали к концу II тыс. до н. э.). Праязык арийцев неизвестного происхождения, по всей вероятности, зародился на берегах Дуная и на Юге России; отсюда он распространился дальше и породил дочерние языки. И славянский, и санскритский языки — ветви одного и того же языкового ствола.

Великие переселения арийцев прокатились волной из Восточной Европы через Туранские степи на юг и охватили Восточный Иран, откуда часть арийцев устремилась через Кабульскую долину в Индию. Великое множество их осело в степях Восточной Европы и Западной Сибири.

Относительно этой поры (начало I тыс. до н. э.) мы располагаем всего лишь скудными и отрывочными сведениями, поэтому трудно утверждать что-либо с достоверностью. В результате археологических изысканий А. Штейна обнаружилось, что Хотанская область в Китайском Туркестане сделалась местом скрещивания цивилизаций и что вся территория, ныне погребенная под песками Такламаканской пустыни (у самых границ Туркестана), в то время была усеяна богатыми, процветающими индийскими колониями. В «Индии» Мак Гриндля дается яркая картина жизни индийских колоний в Западной и Центральной Азии. Вряд ли может идти речь о существовании каких-то постоянных связей между индийской философией и верованиями степных кочевников; однако семена индийской религиозно-философской мысли были занесены по ту сторону горных цепей, и ее влияние чувствовалось в Центральной Азии. Индия оказалась втянутой в более близкие и непосредственные связи с Центральной Азией благодаря переселениям арийских племен. Племена эти, напоминавшие по своему этническому облику современных туркмен или узбеков, вторглись в ее пределы из областей Оксуса и Джахарты, а также из юго-

восточного бассейна Каспийского моря и надолго утвердили свое влияние в Северо-Восточной Индии. Согласно распространенному толкованию исторических фактов, Северная Индия в ту эпоху была территорией, где сталкивались самые разнообразные этнические элементы. На протяжении веков Индия поддерживала длительные и самые тесные связи с многими территориями Центральной Азии, которые ныне входят в состав СССР.

Приведем некоторые примеры. Властитель Хивы Джалал эддин Манкубирти искал в Дели убежища от преследований султана Иль-Тумиша, когда хивинские территории подпали под власть Чингисхана; правда, он получил вежливый отказ, ибо в Дели опасались, как бы это не повлекло за собой нашествия монголов в Индию. Абу-Рейхан-Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (972—1048) был уроженцем Хорезма и прославился, живя в Индии, как один из наиболее даровитых ученых. Тимурлэнг (1336—1405), барласский турок, родился в Кеше, в Трансексиане. Он обосновался в Самарканде, подчинил своей власти земли Туркестана, Сибири и возглавил империю, простиравшуюся от Северной Индии до Сирии. Фергана была вотчиной Могола Бабура — падишаха Индии.

Торговые сношения между Индией и Россией поддерживались почти непрерывно на протяжении многих веков, правда, через посредство других стран. Индийские торговые пути частично вели на северо-запад к Багдаду и по Каспийскому и Черному морям к Константинополю, который являлся тогда одним из величайших торговых центров в Европе. Константинополь, город с разноплеменным населением, торговал с Индией и Китаем и был чрезвычайно заинтересован в использовании широко разветвленной сети водных путей Восточно-Европейской равнины. Славянские купцы переправлялись на Каспийское море великим водным путем по Западной Двине и Волге; еще в начале IX в. н. э. арабский писатель Ибн Хордадбех отмечал, что славяне вели торговлю в Багдаде. Были известны списки этих купцов. Несмотря на то, что связи эти время от времени прерывались, купцы регулярно продолжали свои путешествия, и ежегодно Константинополь раскрывал свои ворота перед ними. Россия посылала меха, а Индия — предметы роскоши и драгоценные камни. Самым ценным предметом индийской внешней торговли XVII в. были ткани. Искусные индийские ткачи сумели приспособить качество и цены своих изделий к самым разнообразным запросам, модам и вкусам народов, представляющих разные цивилизации и стоящих на разных ступенях исторического развития. Согласно сообщению французского путешественника Тавернье (1605—1689), «Московия» предпочитала набивные ткани из Декана. Манрике рассказы-

вает, что жители Хорасана носили тюрбаны, изготовленные в Бенаресе, пестро расшитые по краям золотом, серебром и цветными шелками. Бенгальские товары доставлялись в Северную Индию через Патну и Бенарес, а также перевозились на быках или верблюдах через Кабул в Самарканд и Кашгар. В свою очередь узбеки и татары привозили свои товары в Лагору, которая в 1639 г. считалась «первым торговым городом Индии». Время от времени строились планы использовать и Волгу для того, чтобы переправлять товары из балтийских портов в Лондон. Петр Великий вынашивал идею открыть торговый путь в Индию и завязать с индийцами непосредственные экономические сношения. С этой целью он помышлял о завоевании центральноазиатских ханств — Хивы и Бухары. Однако планы эти не увенчались успехом.

Те скудные сведения, которыми мы располагаем относительно условий жизни крестьянства и горожан Индии, основываются почти целиком на свидетельствах очевидцев, чужеземных путешественников. Интересный материал имеется в записках русского купца Афанасия Никитина, который прожил длительное время в Бидаре и путешествовал по землям Бахмани между 1470 и 1474 гг., в царствование шаха Мухаммеда III (1463—1482). По счастливой случайности записки его сохранились и стали известны ученым. Из этих записок видно, что кучка эгоистической, утопающей в роскоши знати при помощи вооруженных дружин высасывала все соки из страны и всячески подавляла и угнетала бесправные массы крестьянства и ремесленников [1].

Вследствие недостаточности источников мы лишены возможности представить развернутый научный обзор индо-русских культурных связей вплоть до XVII столетия. Явный интерес представляют собрания рукописей, относящихся к этой проблеме. Государственная публичная библиотека им. Фирдоуси в столице Таджикистана Сталинабаде приобрела редкий манускрипт «Тарих-и Ферохшахи», принадлежащий перу Зьена Бирини.

Нужно надеяться, что усилия индийских и советских ученых позволят со временем воссоздать подлинную историю индо-русских связей эпохи средневековья.

* * *

L'article passe en revue l'histoire des relations des peuples de l'Inde avec les peuples de l'USSR depuis les temps les plus reculés jusqu'au XVII-e siècle. On y cite les données des sources écrites et des fouilles archéologiques.

[1] См. Афанасий Никитин. Хожение за три моря. М.—Л., 1958, стр. 77.

Л. Н. Пушкарев

ОБРАБОТКА А. ШАМИССО ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОВЕСТИ «ШЕМЯКИН СУД» *

Вопросы взаимного культурного общения двух великих европейских народов — немецкого и русского — издавна привлекали к себе внимание ученых и России и Германии. К XVII в. относятся некоторые примечательные факты культурных связей этих народов, получившие свое развитие в последующие века.

Сведения о развитии русской культуры XVII в., проникавшие в Германию, были довольно скудными. Так, в 1696 г. Генрих Вильгельм Лудольф в предисловии к своей «Русской грамматике» дает нечто вроде лингвистически-литературного экскурса. Лудольф указывает на существование в России двух языков — русского и церковно-славянского, пытается разобраться в их соотношении в быту и книжном обиходе; «Уложение» Алексея Михайловича он называет «единственной книгой, написанной на простонародном наречии». Из литературных памятников Лудольф называет произведения Симеона Полоцкого, перечисляет его сочинения и отмечает желание этого автора упростить литературный язык. «Грамматика» Лудольфа возникла не в научных, а в практических целях. Она предназначалась для купцов, миссионеров, дипломатов, поэтому Лудольф и включил в нее лишь те данные из области литературы, какие, по его мнению, имели прикладное значение. Изданная в Оксфорде на латинском языке книга Лудольфа была одной из первых попыток немецких ученых сделать русскую литературу XVII в. достоянием западноевропейского читателя [1].

* Первоначальный вариант этой работы был выполнен автором в 1940 г. в семинаре В. Д. Кузьминой.

[1] П. Н. Берков. Изучение русской литературы иностранцами в XVIII в. «Язык и литература», т. V. Л., 1930, стр. 88—89; Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Перевод, вступит. статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937 (библиография — на стр. 40). Б. А. Ларин весьма высоко оценивает «Грамматику» Лудольфа, указывает на серьезное его знакомство с русским языком и русской литературой XVII в. См. также: J. Tetz-

Если Лудольф писал о русской литературе в значительной степени на основании личных наблюдений (он жил в России в 1692—1694 гг.; сохранилась неизданная переписка Лудольфа с его московскими друзьями, относящаяся к 1697—1698 гг.), то Павел Якоб Марпергер, советник двора и коммерции в Саксонии и член прусского королевского общества знаний, один из первых писателей-экономистов в Германии, автор многочисленных и разнообразных по содержанию трудов, весьма начитанный и эрудированный ученый, никогда в России не бывал. Однако в 1705 г. он издал в Любеке своеобразный справочник-путеводитель по России под названием «Московский купец» [2].

В этой книге Марпергер останавливается на географическом положении России, характеризует ее фауну, флору, растительные богатства, описывает быт и нравы русских, положение науки, сообщает данные по военной истории, истории просвещения, говорит о важнейших русских городах (главным образом с коммерческой точки зрения), более подробно останавливается на торговле и кратко характеризует, наконец, язык и русскую литературу. Сведения Марпергера не отличаются точностью: помимо действительно существовавших русских писателей — Ивана Неронова и Симеона Полоцкого,— он упоминает также «чудотворцев» Николая и Филиппа Колычева: видимо, жития «святых» он принял за их собственные произведения. Марпергер делает вывод, что в России уже заложен фундамент для развития просвещения [3].

Подробный разбор попыток немецких ученых XVIII — начала XIX в. дать оценку литературным явлениям в России в XVII в. не входит в задачу настоящей статьи [4]. Необходимо лишь отметить, что из литературных произведений XVII в.

---

ner. H. W. Ludolf und Russland. Berlin, 1955. Об английских работах, посвященных «Грамматике» Лудольфа, см.: В. Д. Кузьмина, А. Л. Хорошкевич. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славяноведческих записках» (1950—1957, т. 1—7). «История СССР», 1958, № 1, стр. 205, 208—209.

[2] «Moscovitischer Kauffmann», 2. Aufl., 1723.

[3] П. Н. Берков. Указ. соч., стр. 89—90; Н. Г. Маслоковец. Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России (П. Я. Марпергер о русской торговле). «Сборники Историко-этнографического кружка при Киевском университете», вып. I. Киев, 1913, стр. 115—136.

[4] См. о них: П. Н. Берков. Указ. соч., а также общие работы, посвященные русско-немецким культурным (и литературным, в частности) связям: G. Lukács. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin, 1953; Dm. Čiževskij. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. s'-Gravenhage, 1956; J. Matthieu. Die Bedeutung der russischen Literatur. Zürich, 1919; Alexis Wesselofsky. Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater von 1672—1756. Ein Beitrag zur Culturgeschichte. Prag, 1875.

наибольшее внимание привлекла к себе сатирическая повесть «Шемякин суд» [5].

Впервые «Повесть о Шемякином суде» была переведена на немецкий язык в 1808 г. пробстом Гайдеке в альманахе «Янус». Первая тетрадь этого альманаха, содержащая материалы по русской истории на немецком языке (без указания имен переводчиков), заканчивается небольшой публикацией под названием «Etto Schemäkin sud» (Ein russisches Sprichwort) [6]. В кратком введении к этой публикации Гайдеке говорит [7]: «Старая народная сказка дала повод для этой поговорки. Она звучит по-немецки: «Это рассужено, как Шемякой», и употребляется постоянно, когда кто-нибудь неразумно, криво судит, глупо оспаривает.

Я не могу дать лучшего этому объяснения, чем сообщить пересказ (описание) лубочной картинки, состоящей из 12 квадратов, гравированных на меди, и излагающей судебные процедуры Шемяки. При этом читатели получат одновременно образец национальной басни в народном духе, но большего ожидать они не вправе.

Лубочная картинка из 12 квадратов медной доски, гравированная на одном листе, раскрашенная и снабженная текстом, продается в Москве в лавках, торгующих картинками, за 10 копеек».

Вслед за этим небольшим предисловием Гайдеке дает краткий пересказ лубочного текста, причем он сам указывает, что перед читателем — не перевод (Die Übersetzung), а именно пересказ (описание) текста (die Beschreibung). В этом убеждает нас и сравнение лубка XVIII в. с пересказом Гайдеке.

Пересказ Гайдеке был полностью перепечатан Бенфеем в его широко известном исследовании странствующих сказочных сюжетов «Панчатантра» [8]. Свои выводы Бенфей основывает на изучении не только русской сказки, но и тибетского сказания

---

[5] Считаю излишним останавливаться здесь на характеристике самой повести, на вопросах ее происхождения и места в литературе XVII в., так как все это довольно подробно и основательно разработано в трудах как дореволюционных (М. И. Сухомлинов, Н. С. Тихонравов и др.), так и советских (В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Лапицкий и др.) исследователей.

[6] «Janus oder russische Papiere. Eine Zeitschrift für das Jahr 1808». Herausgegeben vom Probst Heideke. 1. Heft. Riga, 1808, S. 147—151.

[7] Впервые на этот перевод было указано в работе М. И. Сухомлинова «Повесть о суде Шемяки» («Записки имп. Академии наук», т. XXII, кн. 1, приложение 2. СПб., 1873, стр. 1—5. Перепечатано в «Сборнике ОРЯС Академии наук», т. LXXXV, № 1. СПб., 1908, стр. 637—671).

[8] «Pantschatantra: fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen». Aus dem Sanskrit übersetzt, mit Einleitung und Anmerkungen von Th. Benfey. 1. Teil. Leipzig, 1859, S. 398—401.

из Дзанглуна [9], сказки о каирском купце [10] и песни о Карле Великом [11].

Помимо Бенфея, этим же пересказом Гайдеке пользовался и известный исследователь немецкого средневековья фон дер Гаген в книге «Литературные очерки к истории немецкой поэзии с древнейших времен до XVI века» [12]. Наконец, Карл Зимрок в исследовании об источниках драм Шекспира в новеллах, сказках и сагах перепечатал полностью пересказ Гайдеке из работы Бенфея [13]; К. Зимрок отметил также, что русская сказка о Шемякином суде весьма напоминает немецкую народную сказку «Три приговора», изданную им в его сборнике «Немецкие сказки» в 1864 г. [14].

Следовательно, несмотря на все несовершенство, первый пересказ «Шемякиного суда» на немецкий язык сыграл свою роль в ознакомлении западноевропейских ученых с древнерусской повестью в лубочной обработке конца XVIII — начала XIX в.

Второй, более совершенный перевод другого лубочного издания древнерусской повести о Шемякином суде с восемью картинками появился почти четверть века спустя в Лейпциге. Врач Антон Дитрих, довольно долгое время живший в Москве, лечивший, в частности, поэта К. Н. Батюшкова [15] и переписывавшийся с А. С. Пушкиным [16], выпустил небольшой сборник русских сказок на немецком языке [17], где опубликовал сказку «Шемякин суд». Сборник «Русские народные сказки» А. Дитриха содержит 17 лубочных сказок, переданных составителю известным московским исследователем лубка, русского народного быта и устного поэтического творчества И. М. Снегиревым.

Предисловие к сборнику написано крупнейшим немецким

---

[9] Ibidem., S. 394—398. Русский перевод этого тибетского сказания см.: А. Н. Пыпин. Шемякин суд. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». М., 1859, кн. 4, стр. 1—10.

[10] Pantschatantra...», 1. Teil, S. 401—403.

[11] Ibid., S. 403—405.

[12] F. H. von der Hagen und J. G. Büsching. Literarischer Grundriß zur Geschichte der deutschen Poesie von der ältesten Zeit bis in das sechszehnte Jahrhundert. Berlin, 1872, S. 172.

[13] K. Simrock. Die Quellen des Shakspeare in Novellen, Märchen und Sagen, mit sagengeschichtlichen Nachweisungen. 2. Aufl., 1. Teil. Bonn, 1872, S. 230—232.

[14] K. Simrock. Deutsche Märchen. Stuttgart, 1864, S. 322—324.

[15] См. об этом: Л. Н. Майков. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. «Сочинения К. Н. Батюшкова», т. I. СПб., 1887, стр. 292, 302 и др.

[16] И. П. Лапицкий. Из истории русской сатирической повести XVII века (Шемякин суд). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1948, стр. 440.

[17] A. Dietrich. Russische Volksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt. Mit einem Vorwort von J. Grimm. Leipzig, 1831, S. 187—191.

фольклористом того времени Я. Гриммом. Он же в 1832 г. в журнале «Göttingische gelehrte Anzeigen» опубликовал рецензию на эту книгу, в которой охарактеризовал составителя и переводчика сборника как знатока русского языка и народной поэзии, указал на связь некоторых образов русской сказки со сказками других народов («Жар-птица» русской сказки, «Der goldene Vogel» — немецкой и «Der wunderbare Phönix» — исландской саги), а также более подробно остановился на образе Полкана (из сказки о Бове), указав на его зависимость от итальянского Pulicano средневекового романа о Buovo d'Antona [18]. В своем предисловии к сборнику Я. Гримм сообщает некоторые сведения о распространении лубка в России, указывает на необходимость и важность изучения русских сказок учеными других стран и т. д. После предисловия Гримма переводчик и составитель сборника А. Дитрих также приводит некоторые не лишенные интереса данные о бытовании лубочных сказок в России в сравнении с так называемыми «Volksbücher» в Германии. Перевод Дитриха, хотя и несколько многословен, тем не менее гораздо ближе к подлиннику, чем пересказ Гайдеке [19].

Вскоре после выхода в свет сборника сказок Дитриха, в 1833 г., в «Немецком альманахе муз» появилось стихотворение одного из своеобразнейших немецких поэтов начала XIX в. Адельберта фон Шамиссо «Das Urteil des Schemjaka» с подзаголовком «Russisches Volksmärchen».

Жизнь и творчество этого знаменитого поэта-романтика, француза по крови и немца по духу, переводчика Беранже на немецкий язык и поклонника Шлегеля, Новалиса и Уланда, давно уже стали объектом самого пристального и внимательного изучения. Поэтому в настоящей статье нет смысла останавливаться на характеристике всего творчества Шамиссо, тем более что по крупнейшему его произведению — «Удивительной истории Петера Шлемиля»,— ставшему всемирно известным и переведенному на все важнейшие языки мира, имеется целая

[18] «Göttingische gelehrte Anzeigen». Bd. 2 (1832), Stück 72, 5. Mai 1832. Göttingen, 1832, S. 714—717. Перепечатано в кн.: J. Grimm. Kleinere Schriften, Bd. V. Berlin, 1871, S. 138—139. Оценку сборника Дитриха в русской печати см.: Н. А. Полевой. Об издании русских сказок на немецком языке. «Московский телеграф», 1832, ч. 46, № 13, стр. 131—133; А. Котляревский. Взгляд на старинную русскую жизнь по народным лубочным изображениям. Сочинения, т. I. СПб., 1889, стр. 36, 574; С. В. Савченко. Русская народная сказка. Киев, 1914, стр. 118—119. Оценка С. В. Савченко повторена последним исследователем повести И. П. Лапицким (указ. соч., стр. 442).

[19] См. сравнение текстов: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 5.

«Schlemihliana», насчитывающая не одну сотню названий [20]. Задача данной статьи иная. Для понимания характера обработки русской народной сказки у поэта-романтика необходимо остановиться на отношении Шамиссо к произведениям устного народного творчества и на характеристике русской темы в творчестве поэта.

Если мы откроем собрание сочинений Шамиссо, то нас поразит необыкновенный интерес поэта к произведениям устного народного творчества не только немецкого, но и многих других народов. Одни из его стихотворений или самим названием указывают на связь с народным творчеством («Deutsche Volkssagen») или авторскими подзаголовками обращают внимание читателя на источник — «Liebesprobe» (Nach dem Volkslied); другие его произведения не названы самим автором фольклорными, но исследователи давно уже установили их близость к устнопоэтическим источникам. Таковы «Hans im Glücke», «Die Sonne bringt an den Tag», «Abdallah», «Georgis» и многие другие. Шамиссо обрабатывал много французских и литовских народных песен, малайских народных сказаний и датских сказок, библейских преданий и средневековых рыцарских романов и т. д. [21]

Интерес Шамиссо к устнопоэтическому народному творчеству, его умение понять дух народной песни и сказания и выразить его по-новому в стихотворной форме предопределили использование поэтом формы немецкой народной песни для политической лирики. Так, в 1822 г. Шамиссо пишет небольшое стихотворение — шутку «Трагическая история», где рассказывается о человеке, пытавшемся изменить положение косы на собственной голове(напомним, что в XVIII в. в Германии косу носили военные). Коса — это традиционный символ прусской военщины, символ старопрусского государства. Шамиссо хотел сказать: как бы правительства Германского союза ни старались делать вид, что они следуют духу времени, феодальная реставрация остается прежней, как коса пруссака всегда висит сзади, куда бы он ни повернулся [22].

---

[20] Ph. Rath. Bibliotheka Schlemihliana... Berlin, 1919; U. Baumgartner. Adelbert von Chamisso's Peter Schlemihl. Frauenfeld — Leipzig, 1944. См. первый русский отклик на эту сказку в «Отечественных записках», 1842, т. XX, отд. VI (Библиографическая хроника), стр. 73—75.

[21] H. Tardel. Studien zur Lyrik Chamissos. Bremen, 1902, S. 1—23. См. также свидетельство самого Шамиссо: «Я иногда заимствовал из наших народных сказок, легенд и преданий. Эти источники, чисто человеческие, принадлежат всем векам» [«Библиотека для чтения», 1840, т. XL, отд. 7 (Смесь), стр. 93].

[22] А. Б. Ботникова. Лирика Шамиссо 20—30-х годов XIX века. «Труды Воронежского ун-та», вып. 47. Воронеж, 1957, стр. 173—174.

Немецкие поэты-романтики и до Шамиссо использовали народные песни для своих стихотворений, но они стремились воспроизводить их во всей фольклорной точности. Шамиссо порывает с этой традицией, он отбрасывает устаревшее содержание песни и, сохраняя лишь ее поэтическую и ритмическую структуру, вкладывает новое политическое содержание (ср. такие его стихотворения, как «Трагическая история», «Золотое время», «Песня ночных сторожей», «Французская песня» и т. д.). Ярким примером творческого метода Шамиссо в этом отношении служит стихотворение «Молитва вдовы»: в маленьком домике при скудном свете лампады бедная вдова молится о продлении жизни своего помещика. Тот удивлен, так как знает, что причинил ей много зла; ему кажется, что крестьянка пьяна. Но оказывается, что дед этого помещика отобрал у нее корову; она прокляла его, бог услышал ее проклятие — дед умер. Его сын — отец этого помещика,— отобрал уже двух коров и умер. Настоящий помещик отобрал четырех коров; у вдовы осталась лишь одна, и она молит бога, чтобы помещик не умирал, потому что его сын лишит ее последней коровы... Каждая строфа стихотворения заканчивается грустно-сатирическим рефреном: «Нужда заставляет молиться!».

Сюжет этого произведения интернационален; он, в частности, встречается в фацециях [23]. Шамиссо взял его у Лютера, а тот — у Дионисия Сиракузского. Но Шамиссо так сильно изменил традиционный сюжет, наполнил его такими новыми деталями и мотивами, что говорить о простой литературной обработке уже нельзя. Его стихотворение, написанное в июле 1831 г., было вызвано к жизни полосой массовых крестьянских волнений в Германии после июльской революции 1830 г. Вместо прославления кротости крестьянки (у Лютера) у Шамиссо — скрытая воля к сопротивлению: проклятия помещику, сатирическая издевка над «милостивым господином», обирающим бедную крестьянку [24].

Одни исследователи правильно поняли, что в стихотворении Шамиссо отражено положение немецкого крестьянства того времени [25]. Другие же, и среди них — один из наиболее известных исследователей творчества Шамиссо Г. Тардель [26], наоборот, стали горячо протестовать против такого понимания

---

[23] Ф. И. Булгаков. Сборник повестей скорописи XVII века. «Памятники древней письменности», вып. I. СПб., 1878—1879, стр. 100 (фацеция «О держателе злобнем»).

[24] А. Б. Ботникова. Указ. соч., стр. 186—187.

[25] Г. Кауфман. Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909, стр. 23—24.

[26] «Chamissos Werke», herausgegeben von H. Tardel, Bd. II. Leipzig und Wien, [1907], S. 402.

творчества Шамиссо, настаивая на традиционности сюжета. Уже одна эта полемика говорит о том, какой глубокой творческой переработке подвергался у Шамиссо традиционный сюжет. Шамиссо интересовал не фольклор вообще, а фольклор, откликающийся на социальные проблемы, фольклор острых драматических коллизий.

Обработку Шамиссо повести о Шемякином суде можно понять, если проследить важную черту в творчестве поэта — его интерес к России. Он пробудился еще во время участия Шамиссо в кругосветном путешествии русской экспедиции 1815—1818 гг. под начальством капитана Коцебу [27]. Во время этого путешествия Шамиссо посетил Россию, где ему было предложено остаться на весьма выгодных условиях, но он не согласился [28]. Коллекции, собранные им, были приобретены Ботаническим музеем Академии наук [29]. Позднее Шамиссо был еще раз в России — в 1834 г.

В 1832 г. Шамиссо публикует поэму «Die Verbannten» («Изгнанники») [30], источником которой был рассказ его друга доктора Эрмана о встрече с А. А. Бестужевым-Марлинским в Якутске, где Эрман в 1829 г. изучал земной магнетизм [31].

Поэма эта давно уже стала известна как один из своеобразных откликов немецкого поэта-романтика на декабристское восстание [32]. Нас она интересует как показатель пристального внимания Шамиссо к русской тематике; заслуживает упоминания и то, что сочинена она и опубликована одновременно со стихотворением «Шемякин суд». Видимо, в это время, в начале 30-х годов XIX в., Шамиссо особенно интересовался Россией.

Помимо этих двух произведений, тесно связанных с русскими источниками (кстати говоря, первая часть поэмы «Изгнанники» представляет собой поэтический пересказ поэмы Рылеева) [33], в

---

[27] Этот интерес, как справедливо указывает последний исследователь творчества Шамиссо, «не прекращался вплоть до конца жизни писателя» (А. Б. Ботникова. Творческий путь Шамиссо. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, стр. 8).

[28] «Отечественные записки», 1842, т. XX, отд. VII (Библиографическая хроника), стр. 73.

[29] Там же, отд. VIII (Смесь), стр. 72.

[30] «Chamissos Werke», Bd. II, S. 422.

[31] Н. А. Котляревский. Декабристы А. И. Одоевский и А. А. Бестужев. СПб., 1907, стр. 158—161.

[32] М. К. Азадовский. Поэма Шамиссо о декабристах. «Сибирские огни», 1926, № 3, стр. 148—159; М. П. Алексеев. Немецкая поэма о декабристах. «Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825—1925». Л., 1926, стр. 372—382.

[33] В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 318—319.

1838 г. Шамиссо переводит на немецкий язык балладу Пушкина «Два ворона» («Ворон к ворону летит»), источником которой, как известно, была баллада Вальтера Скотта [34]. Эта баллада была широко известна и в немецкой литературе; Тардель указывает на семь ее переводов [35]. Однако Шамиссо воспользовался пушкинской балладой, прозаический перевод которой он получил от Фарнгагега фон Энзе.

Исходя из всего сказанного, мы вправе утверждать, что появление стихотворной обработки повести о Шемякином суде у Шамиссо — явление не случайное, что оно подготовлено было интересом Шамиссо к социально звучащим произведениям фольклора и, в частности, к творчеству русского народа, с которым он длительное время соприкасался на почве своих научных интересов [36].

Вопрос об оригинале, использованном Шамиссо, может быть решен довольно точно. Во-первых, трудно предположить, чтобы провинциальное рижское издание Гайдеке было использовано Шамиссо после того, как в Лейпциге вышел сборник Дитриха да еще с предисловием Я. Гримма! Но и помимо этого соображения, можно найти гораздо больше точек соприкосновения между обработкой Шамиссо и переводом Дитриха, чем с пересказом Гайдеке. Подзаголовок стихотворения Шамиссо — «Russisches Volksmärchen», как у Дитриха, а не «Ein russisches Sprichwort», как у Гайдеке. Транскрипция имени судьи (Schemjaka) совпадает у Шамиссо со сказкой Дитриха; у Гайдеке судья носит имя Schemäka.

Лексический анализ стихотворения Шамиссо также убеждает нас в том, что поэт использовал в качестве образца перевод Дитриха. Так, у Дитриха слово «хомут» переведено как «Das Kummet» — специальный термин в немецком языке, употребляющийся, как правило, у шорников. Гайдеке перевел это слово более употребительным немецким термином, но не так точно — «Das Geschirr», т. е. упряжь, сбруя вообще. Но Шамиссо не заменил термина «Das Kummet» на более

---

[34] Ю. Г. Оксман. Сюжеты Пушкина. «Сборник памяти С. А. Венгерова». СПб., 1923, стр. 27—34.

[35] H. Tardel. Op. cit., S. 23.

[36] Следует отметить, что обращение к фольклору, особенно восточному, было вообще типично для немецких поэтов-романтиков начала XIX в, и в этом плане необходимо и творчество Шамиссо, и научные изыскания Я. Гримма, и переводы А. Дитриха рассматривать как характерные проявления передового немецкого романтизма начала XIX в.

употребительный и ввел его в свое стихотворение [37]. Самое развитие сюжета у Шамиссо, осложненное распространенными диалогами, все-таки гораздо ближе к переводу Дитриха, чем к пересказу Гайдеке.

Первый русский исследователь этого вопроса еще в 1926 г. высказал предположение, что именно перевод Дитриха послужил источником для Шамиссо, хотя и не решился утверждать это вполне определенно: «Этим изданием (т. е. переводом Дитриха.— *Л. П.*), вероятно, пользовался и Шамиссо» [38]. Немецкие комментаторы сочинений Шамиссо также указывают на сборник Дитриха как на источник для стихотворения Шамиссо, не приводя, однако, никаких доказательств и считая, по-видимому, бесспорным этот вывод; возможно, что их точка зрения основывается на знакомстве с рукописями Шамиссо [39], которые хранились в королевской библиотеке в Берлине. При комментировании этого стихотворения немецкие исследователи исходили главным образом из выводов русских ученых [40].

Анализируя всю сказочную группу этого сюжета, немецкие исследователи обычно ограничиваются ссылкой на работу Бенфея «Панчатантра». В остальном комментарии они не идут дальше обычных исторических примечаний, разъясняющих читателям некоторые бытовые подробности русской сказки, например, что такое «подворотня» и т. д.

В стороне от внимания исследователей остался вопрос, почему Шамиссо из 17 сказок сборника Дитриха выбрал именно «Шемякин суд». Случайно это или этот выбор продиктован определенными причинами? Обработка Шамиссо не сравнивалась с оригиналом.

Чтобы правильно понять и верно оценить обработку Шамиссо, следует рассматривать это стихотворение не изолированно, не только в связи с интересом поэта к народному творчеству и русской теме, но в связи со всем творчеством и мировоззрением автора конца 20-х — начала 30-х годов XIX в. Именно в это время Шамиссо вырастает как политический поэт-лирик, предвидящий надвигающую бурю общественных потрясений («Старый король», «Смерть Наполеона», «Не больше как сон» и

---

[37] Термин «Das Kummet» заимствован немцами из славянских языков еще в XII в. (см. Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 17-te verb. und verm. Aufl. Berlin, 1957, S. 411; см. также: Н. П. Лапицкий. Указ. соч., стр. 448).

[38] М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 374.

[39] H. Tardel. Anmerkungen zu Chamissos Werke, Bd. II. Leipzig und Wien, 1907, S. 412.

[40] «Chamissos Werke», hrsg. von O. F. Walzel. Stuttgart, 1892, S. 149.

другие стихотворения) [41]. Растет его вера в народ как активную историческую силу [42], он подвергает резкой критике антинародный политический режим Германии того времени. Революцию 1830 г. во Франции Шамиссо встретил восторженно, но ее результаты, равно как и итоги революций начала 30-х годов в государствах Германского союза, заставили поэта более трезво взглянуть на убожество современной ему полуфеодальной Германии и либеральной агитации того времени. Именно в этот период Шамиссо во «Введении к немецкому альманаху муз» (1833 г.), в стихотворении «В честь Гёте», подчеркивает общественное, общенародное значение поэтического творчества, требует активного освоения как классического литературного наследства XVIII в., так и фольклора. В произведениях этого периода Шамиссо как бы хочет сказать, что феодальный абсолютизм изжил себя, что народ — подлинная основа государства — может и должен заставить немецких государей считаться с его интересами и правами («Немецкие народные сказания», особенно «Игрушка великана» с рефреном «Крестьянин — не игрушка!»; «Memento!»; «Изгнанный король» и т. д.) [43]. Не находя в самой Германии положительного героя [44], Шамиссо обращается к образам декабристов, создавая свою поэму «Изгнанники» о революционных борцах, в тяжелых условиях ссылки не утративших веры в торжество того дела, которому они посвятили свою жизнь. Не случайно поэтому среди всех русских лубочных сказок, известных ему по сборнику Дитриха, Шамис-

---

[41] Ср. также «Песни и картины жизни» и «Вальзерская груша»:

«Греха полна ли мера? Взошел ли весь посев
Уже серпу навстречу и разразится ль гнев?
Боюсь беду накликать, но ясно мне одно:
Сурово наше время и странных тайн полно».

(З. Серапионова. Шамиссо. «Литературная учеба», 1938, № 8, стр. 56).

[42] Ф. Лешницер. Подлинный Шамиссо. К столетию со дня смерти. ИЛ, 1938, № 8, стр. 212.

[43] Ср. также то ощущение связи с революционной эпохой, которое слышится в «Урагане»:

Я не король в старом замке,
Увенчанный властелин,
Нет, я времен мятежных
Бессильный, робкий сын.

(З. Серапионова. Указ. соч., стр. 56).

[44] О поисках такого героя в немецкой действительности свидетельствуют его «Песни и картины жизни», в которых человек показан в его борьбе за право и свободу:

Где долг велит стоять, я стану там.
Паду — так лучших разделю я славу.
Мой стяг цветной колышется за право,
За справедливость. Им я жизнь отдам.

(З. Серапионова. Указ. соч., стр. 57).

со выбрал ту, которая была близка ему и по бунтарскому духу главного героя, и по социально заостренному сюжету борьбы бедняка за свои права, и, наконец, по оптимистической концовке, утверждающей победу представителя беднейших слоев общества над богатыми угнетателями. Он выбрал сказку в соответствии со своими политическими и художественными взглядами этого периода.

Остальные сказки сборника Дитриха — такие, как о Любиме-царевиче, об Иване крестьянском сыне, о семи Семионах, родных братьях, об Илье Муромце, Еруслане Лазаревиче и т. д., представляют собой обычные волшебные богатырские сказки, лишенные острой социальной направленности и сатирического отношения к действительности.

Демократические стремления поэта во многом обусловили и его эстетические воззрения; Шамиссо часто использовал народные сатирические произведения (песни и сказания) в качестве источника для своих лиро-эпических баллад. Можно указать в качестве примера «Der rechte Barbier» [45].

Следовательно, Шамиссо намеренно выбрал «Шемякин суд» для поэтического переложения; его выбор следует связать с поисками активно действующего положительного героя, способного постоять за себя, готового на риск и на борьбу за свои права [46]. Именно в этом направлении и шла переработка повести.

Шамиссо исключил из своей баллады экспозицию сказки и начал сюжет непосредственно диалогом бедняка с богатым братом; он никак не назвал и не охарактеризовал своих героев, и об их положении мы можем судить лишь по просьбе одного брата к другому:

Hilf, Reicher du, dem Armen! («Помоги ты, *богатый,— бедному*).

Желая вызвать сочувствие у читателя к своему герою, Шамиссо гораздо подробнее разрабатывает эпизод с конем, посвящая ему восемь строф из 32, т. е. одну четверть всей баллады. Рассказ Шамиссо взволнован и эмоционален, нищета бедняка — вот единственная причина его несчастий, как бы хочет сказать поэт.

Значительно усиливает Шамиссо (по сравнению с переводом Дитриха) перелом в мировоззрении бедняка, когда он со-

---

[45] E. Ehrlich. Das französische Element in der Lyrik Chamissos. Berlin, 1932.

[46] По свидетельству Раушенбуха, Шамиссо очень строго относился к выбору и переводу источников для своих произведений, особенно если не знал языка подлинника. Так, при переводе «Двух воронов» Пушкина он отдавал Раушенбуху свое стихотворение на проверку (см. J. E. Hitzig. Leben und Briefe von A. v. Chamisso. «Chamissos Werke», 4. Aufl. Bd. V—VI. Berlin, 1856, S. 273—274).

вершил два непреднамеренных убийства. Поэт так изображает его состояние: «К судье отправились теперь вчетвером; бедняк почти в ярости: чем помогло мне мое желание умереть? Худшее следует за дурным. Вдобавок к лошадиному хвосту — две смерти! И так как я уже подготовлен к виселице, то я хочу мстить. Я заверну в свой платок камень и понесу с собой. И если его (т. е. Шемяки.— *Л. П.*) приговор будет направлен против меня, клянусь, я его убью. Нет у меня денег, нет у меня имущества, и если я должен дать кровь за кровь, кровь за кровь хочу я и взять!».

Ничего подобного нет ни в переводе Дитриха, ни в древнерусском оригинале: Шамиссо создал новый образ бедняка, который вначале робко просит брата («Ты ведь сжалишься надо мной и пожалеешь меня...»), затем боится расплаты за содеянное («Ему мерещилось колесо и виселица...»), а после этого, когда все потеряно, когда вопрос встает о жизни или смерти, герой баллады преображается: «С гневным сердцем бедняк становится позади них (т. е. своих обвинителей.— *Л. П.*) и держит камень наготове». И в древнерусской повести, и в переводе Дитриха бедный брат «показывает» камень судье. У Шамиссо: «Вплотную за ним стоит бедняк, высоко в руке держит камень и *угрожает* им судье».

Особенно подробно и любовно обрисовывает Шамиссо своего героя в тот момент, когда он стал господином положения. Вот он приходит к богатому брату требовать себе коня. Как изменился его язык! Какие новые ноты появились в нем: «Давай коня! Я Шемяку могу сравнить с Соломоном!». Или: «Я хочу забрать твою жену! Ты знаешь судебный приговор Шемяки и что он мне приказал. Я хочу в искупление моей вины терпеливо перенести наказание и тотчас же приступить к действию!» [47]

Бросается в глаза тонкая ирония, а та лукавая насмешка, которая была свойственна лубочной сказке, почти пропала в переводе Дитриха и вновь возродилась (конечно, совсем по-иному) в балладе Шамиссо: «Он (т. е. бедняк.— *Л. П.*) пошел к осиротевшему сыну: «Я готов к смерти. Ты уже знаешь приговор Шемяки. Я в твоем распоряжении. Что же ты медлишь? Дорога длинна, маленький прыжок, удавшийся мне [48]. Возможно, он удастся и тебе!».

Изменился под пером Шамиссо и образ Шемяки. Вначале он рисуется мудрецом, восседающим на высоком стуле. Потом Шамиссо при помощи пословичного оборота: «Правосудие всег-

[47] Под «действием» подразумевается исполнение приговора Шемяки: бедняк должен забрать чужую жену и жить с ней до тех пор, пока она не принесет ребенка.

[48] Бедняк говорит здесь о том, что ему удалось остаться живым после того, как он прыгнул с моста и упал на проезжавшего внизу человека.

да слепо, Шемяка же видел далеко», который употреблен в балладе трижды, показывает жадность и корыстолюбие судьи, желающего приобрести сотню рублей сначала «охотно», а затем и «весьма охотно». Заканчивается баллада сатирическим развенчанием судьи, который «закашлялся, засморкался и, наконец, перекрестился: слава богу, что все обошлось благополучно!».

Это мастерство Шамиссо-переводчика, тонко чувствующего иронию оригинала и умело воспроизводящего ее новыми поэтическими средствами, по достоинству оценено исследователями. Так, Шаплер в работе «Юмор у Шамиссо» хотя и не разбирает специально баллады «Шемякин суд» как произведения переводного, но все же отмечает его «лукавое» звучание и то обстоятельство, что «Шамиссо оживил сухой тон русского оригинала и переработал с тонким юмором»[49]. Немецкие исследователи творчества Шамиссо давно уже обратили внимание на эту балладу. Меткое наблюдение над ее композицией мы находим у Шуботца в его исследовании «Стихотворения Шамиссо»[50].

Правильно оценивает идею «Шемякиного суда» и Эрлих в своей большой работе «Французский элемент в лирике Шамиссо»; разбирая балладу «Настоящий парикмахер», он касается и «Шемякиного суда»: «В «Шемякином суде» бедный русский крестьянин в конце концов провел за нос взяточника-судью, корыстолюбивого хозяина, жестокосердого богача. Для крестьянина это был вопрос жизни или смерти. Тяжело разочарованный, захваченный врасплох Шемяка, который, вместо того чтобы получить 300 рублей, услышал, что ему угрожала опасность для жизни, описывается так же живо, как и цирюльник. Комизм достигается единственно благодаря перемене ролей, тем, что у Шамиссо люди, стоящие более высоко в социальном отношении, уверенные в том, что они умны, защищены и им нечего бояться, бывают обмануты маленькими ничтожными людьми и осмеяны и ими, и нами»[51].

Легкости и живости повествования Шамиссо достигает введением в текст баллады звучных и выразительных пословиц («Der Hunger ist ein scharfer Gast», «Gerechtigkeit war immer blind», «Viel Kinder — viele Sorgen» и т. д.), повтором отдельных слов и выражений («Mein Kind! Mein Kind! Es ist erstickt», «Hier, Bruder, lieber Bruder, schau!», «Der Schwanz, der Schwanz fehlt meinen Gaul» и др.). Шамиссо, в соответствии с поэтикой баллады, часто применяет анафору («Hilf, Bruder, lieber Bru-

[49] J. Schapler. Der Humor bei Chamisso. Dt. Krone, 1897, S. 59.
[50] E. Schubotz. Chamissos Gedichte. Cassel. 1910, S. 68—69.
[51] E. Ehrlich. Op. cit., S. 120—121.

der mein, Hilf, Reicher du, dem Armen!» и др.), троекратное повторение в сюжете, столь характерное для поэтики сказки и фольклора вообще [52] и т. д. Главное же, что характерно для баллады Шамиссо — это пространные диалоги, которые и служат основным средством характеристики образов баллады.

Ритмико-строфическая организация стиха в балладе Шамиссо является довольно обычной для его творчества. «Шемякин суд» написан четырехстопным ямбом. Строфа в этой балладе семистишная, с рифмовкой типа ababccd [53] — такая же, как и в балладе «Der rechte Barbier». И этот размер, и эта строфика (или близкая ей, с добавлением восьмого стиха) обычны для баллад начала XIX в. как немецких, так и русских.

Баллада Шамиссо на русский сказочный сюжет прочно вошла в круг оригинальных его произведений и многократно перепечатывалась. «Шемякин суд» — не перевод и не подражание, это — самостоятельное поэтическое произведение на сюжет русской сказки, с собственными поэтическими образами, с самостоятельным поэтическим оформлением сюжета. После Шамиссо, насколько известно из литературы, никто обработкой повести о Шемякином суде в Германии не занимался [54].

Нельзя не согласиться с тем конечным выводом, который делает И. П. Лапицкий в результате изучения литературной истории «Шемякиного суда»: она «представляет собою редкий случай в истории литературного перевода, когда древнерусская по-

---

[52] О близости баллады Шамиссо к русской народной сказке см. также: E. Ermatinger. Die deutsche Lyrik in ihrer geschichtlichen Entwicklung von Herder bis zur Gegenwart. Bd. I. Leipzig — Berlin, 1921, S. 433.

[53] Приведем в качестве примера рифмовки одну строфу из баллады Шамиссо:

О милый брат мой, помоги
Ты бедному — богатый.
Ведь мы с тобою не враги,
О, сжалься же над братом!
Дай мне коня хотя б на день,
Чтоб привезти мог дров себе:
Зима ведь так морозна!

[54] Но литературная история баллады Шамиссо на этом не кончается. Спустя 40 лет после опубликования баллады Шамиссо в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1873 г. появляется стихотворение Ф. Б. Миллера «Судья Шемяка», созданное по балладе Шамиссо (см. И. П. Лапицкий. Указ. соч., стр. 454—456). В обработке Ф. Миллера исчезла лирическая взволнованность баллады Шамиссо, лукавая ирония, сатирическое обличение несправедливости, столь характерные для поэта. Исчезли присущие балладе анафора, пословичные выражения, тавтологические обороты. Бедняк баллады Шамиссо, все беды которого проистекают из-за нищеты, превратился в «брата убогого», в униженно просящего «о милости» «беднягу»; кажется совершенно чуждым тексту сказки такой оборот Миллера, как обращение «любезный братец» богатого брата к бедному и т. д.

весть через лубочную традицию вошла в состав переводного немецкого сборника русских сказок; немецкий перевод русской лубочной сказки в свою очередь стал источником немецкой романтической баллады, и эта последняя, наконец, была вновь переведена на русский язык, и перевод с немецкого был опубликован как оригинальное стихотворение русского поэта»[55].

Культурное общение русского и немецкого народов было длительным и многогранным. Изложенный выше эпизод из истории русско-немецких литературных связей — лишь частичка общей большой и еще в недостаточной степени изученной проблемы взаимного влияния русской и немецкой культур; но в этом частном случае можно видеть отражение более общих закономерностей. Не случайно обращение А. Шамиссо — видного поэта-романтика, в альманахе которого так хотелось печататься молодому Марксу[56],— к русской народной сказке.

Закономерны и оправданы те изменения, которым подвергся лубочный вариант древнерусской повести под пером талантливого и вдумчивого поэта, так высоко оцененного Энгельсом: «У Шамиссо преобладают то фантазия и чувство, то холодный рассудок; в терцинах в особенности видимость совершенно холодная и рассудочная, но под нею слышится биение благородного сердца»[57]. Шамиссо был одним из любимых поэтов В. А. Жуковского, его высоко ценил Д. И. Писарев («Шамиссо — замечательный лирик и человек с тонким и развитым вкусом»)[58]. В годы фашистской диктатуры вольнолюбивый поэт-романтик оказался в опале[59]. Но уже в наши дни в Германской Демократической Республике вновь издаются его труды, вновь изучается его богатое поэтическое наследство. Долг советских ученых — в полной мере раскрыть те пути, по которым развивалось культурное общение двух великих народов, имевшее и имеющее сейчас такое большое влияние на исторические судьбы России и Германии.

---

[55] И. П. Лапицкий. Указ. соч., стр. 456.

[56] К. Маркс. Письмо к отцу. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 1-е, т. I. М.— Л., 1928, стр. 438; Шамиссо был и впоследствии одним из любимых поэтов К. Маркса. Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях «Несколько штрихов к характеристике великого Маркса» Франциска Кугельман: «К его любимцам принадлежали и такие поэты, как Шамиссо и Рюккерт. Из Шамиссо он цитировал трогательное стихотворение «Нищий и его собака»» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 291).

[57] Ф. Энгельс. Платен. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 1-е, т. II, стр. 45.

[58] Д. И. Писарев. Сочинения, т. 1. М., 1955, стр. 339.

[59] Ф. Лешницер. Указ. соч., стр. 214.

* * *

Prenant pour exemple l'histoire littéraire de l'antique récit russe «Chemiakine soud» («le jugement de Chémiaka»), l'auteur montre le profond intérêt manifesté par les écrivains de l'école romantique allemande pour l'art populaire et, en particulier, pour le folklore slave.

La littérature russe du XVII-e siècle ne se borna pas à assimiler activement le roman chevaleresque de l'Europe Occidentale. Certaines œuvres de la littérature ancienne russe pénétrèrent dans les autres pays slaves et, de là, en Europe Occidentale où elles trouvèrent des lecteurs.

Le poète romantique A. Chamisso, attiré depuis longtemps par le thème russe, mit en vers un des récits satiriques russes du XVII-e siècle. Cette œuvre se distingue par sa haute maîtrise poétique, par la compréhension rafinée de la forme artistique, par la grâce des vers. La Ballade de Chamisso, fondée sur un récit russe antique, fut traduite en russe et arrangée par F. Miller, poète de la seconde moitié du XIX-e siècle.

Б. Б. Кафенгауз

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ АРХИВОВ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ

Для освещения международных связей России большое научное значение имеют материалы иностранных архивов. В качестве примера можно указать на донесения иностранных послов, аккредитованных в России, которые они посылали в Вену, Лондон, Париж. Эти донесения имеют первостепенное значение для освещения внешней политики и международного положения России, а кроме того, содержат сведения о ее внутреннем состоянии. «Сборники Российского исторического общества», издававшиеся в дореволюционное время, содержат десятки томов посольских донесений, извлеченных из архивов многих стран Европы. На основании дел Венского государственного архива Н. Г. Устрялов написал детальное исследование о царевиче Алексее, сыне Петра I, и о его побеге за границу. Отмечу, что известное исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (Пгр., 1916) также в значительной части основано на известиях, передававшихся иностранными послами из Петербурга.

Для изучения истории международных связей России большой интерес представляют материалы, собранные в заграничных архивах ученым корреспондентом Российской Академии наук в Риме.

В этой должности состоял в 1903—1917 гг. Е. Ф. Шмурло, скончавшийся в Праге в 1934 г. Результаты его занятий в иностранных архивах публиковались в сборниках Академии наук «Россия и Италия» [1] и «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» [2]. В этих изданиях приведены описи документов о России из итальянских и испан-

[1] «Россия и Италия», СПб.— Л., 1911—1927 (четыре тома).

[2] «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией», т. I, вып. 1. Л., 1925.

ских архивов, а также опубликованы отдельные документы о Ливонской войне XVI в., о Юрии Крижаниче (XVII в.) и др. Е. Ф. Шмурло издал книгу «Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 гг.» [3] с приложением значительного числа документов. В отдельных статьях Е. Ф. Шмурло также опубликованы ценные документы [4].

Однако в эти и другие издания и сборники вошли лишь некоторые из собранных ученым корреспондентом архивных материалов. Архив Е. Ф. Шмурло полностью входит в настоящее время в состав «Русского заграничного исторического архива», переданного СССР правительством Чехословакии. Из состава Заграничного исторического архива хорошо известна «пражская коллекция» рукописей А. И. Герцена и Н. П. Огарева, опубликованная в сборниках «Литературное наследство» [5]. Фонд Е. Ф. Шмурло вместе со всем «Русским заграничным историческим архивом» находится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в Москве (фонд № 3965). Даже предварительное ознакомление с этим фондом показывает, что он содержит много документов, не известных в науке.

Архивный фонд Е. Ф. Шмурло состоит из 790 единиц хранения, или папок, разделенных на семь групп (или отделов). Значительная часть этого фонда состоит из личных бумаг ученого, его служебных документов (раздел IV), рукописей его сочинений (разделы I—II), переписки с разными лицами (разделы V—VI) и статей и некрологов о нем (VII). Научный интерес представляют для нас материалы раздела III этого фонда. В него входят копии и фотокопии документов, хранящихся в заграничных архивах, а также описи дел, содержание которых имеет отношение к России. Этот материал состоит из 260 дел, которые значатся под № 342—600.

Большая часть этих документов относится к XVI и XVII вв., имеются и документы XVIII—XIX вв. Они извлечены из архивов Ватикана, Конгрегации пропаганды веры, из архива Тосканского герцогства во Флоренции, а также из архивов Парижа, Вены и др. По своему содержанию они относятся преимущественно к церковным делам и внешней политике, но имеются также документы и о внутреннем положении России.

Из дел XVI в. отметим донесения Поссевино и среди них его письмо о смерти Ивана Грозного (28 марта 1584 г.) с подробным изложением положения России после смерти царя, с ука-

---

[3] Прага, 1928.

[4] См., например: Е. Ф. Шмурло. Заметки по истории Лжедимитрия I. ЖМНП, новая серия, ч. LVIII, июль 1915, отд. II, стр. 1—26.

[5] Т. 61. М., 1953; т. 62. М., 1955.

занием на переход власти к Федору, о влиянии боярина Бельского и отношениях русского правительства к Польше. Из материалов, относящихся к XVII в., надо выделить дело о самозванцах, а именно о Лжедмитриях I и II. Они собраны в трех папках (№ 552—554), в которых дела расположены в хронологической последовательности с 1603 по 1610 гг., и содержат донесения о русских событиях, поступавшие в Ватикан и Флоренцию из Польши и других стран. Эти документы на латинском и итальянском языках говорят о появлении Лжедмитрия I в Польше, о его воцарении в Москве, о слухах, что он спасся от смерти и т. п. Следует отметить документы о Лжедмитрии II, письмо на латинском языке к польскому королю и сообщение о победе под Калугой. В указанных трех папках содержится более 300 листов материалов о событиях начала XVII в. в России [6].

Среди материалов, относящихся к XVII в., большое место занимают документы западнорусских церковных деятелей, в том числе письма полоцкого митрополита Мелетия Смотрицкого; имеется грамота царя Алексея и др.

Из дел, относящихся к началу XVIII в., нужно обратить внимание на собранные Е. Ф. Шмурло и систематизированные материалы о первом путешествии Петра I (на 147 листах) [7]. Здесь находятся главным образом известия из флорентийского архива, поступавшие к тосканскому герцогу из Амстердама, Вены и Лондона о «великом посольстве» и о самом Петре I. В одном из писем из Голландии от сентября 1697 г. дано описание внешности царя и его занятий за границей. Среди этих материалов имеются также документы о пребывании за границей Б. П. Шереметева с его дворецким А. А. Курбатовым, сделавшим по возвращении в Россию головокружительную карьеру в качестве первого «прибыльщика» и главы финансового ведомства. В письме П. А. Голицына 1699 г. из Москвы на итальянском языке к тосканскому герцогу упоминается о «музыканте Филиппо», итальянском певце Филиппо Балатти, привезенном им из Италии в Москву [8]. К концу XVII в. относятся также извлеченные из Венского государственного архива копии с донесений австрийского посла в Москве Гварианта. В них имеются известия о стрелецком бунте 1698 г.

---

[6] Фотокопии с этих документов переданы автором настоящей статьи в Отдел публикации источников Института истории академии наук СССР для подготовки их к печати.

[7] Фотокопии с этих документов находятся в настоящее время также в Отделе публикации источников Института истории Академии наук СССР.

[8] См. о нем: Б. Б. Кафенгауз. Записки Филиппо Балатти о России при Петре I. Сб. «Старая Москва». М., 1929, стр. 95.

Материалы, собранные ученым корреспондентом в Риме и других столицах Европы и находящиеся теперь в Москве, несомненно, дадут возможность расширить и уточнить наши сведения о международных сношениях России, особенно в XVI—XVIII вв.

* * *

L'article révèle le contenu des notes et documents du correspondant de l'Académie des sciences de Russie à Rome Chmourlo, occupé à recueillir des données dans les archives d'Italie, de France, d'Autriche et d'Espagne. Ce fond se trouve à Moscou dans le Archive de la Grande révolution l'Octobre. Certains documents sont publiés en appendice à l'article.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Письмо Поссевино о смерти Ивана IV — 6 июня 1584.

(Текст)

Illmo (etc).

L'ultime lettere che io hebbida Mons^re Illmo Bolognetti furono circa il principio del mese passato et espetto uno Corriero del Re di giorno in giorno quale me ne portera di molto fresche. Fratanto io ne ho ricevuto dal S^re Cancelliere di Polonia delli 29 Maggio per le quali mi conferma la morte del Grand Duca di Moscovia la quale segui à i 28 di Marzo, et essendo stata tenuta secreta alcuni giorni fr. nelun^te elessero Theodoro suo figlio mente capto con quattro Cjon^ri di quell'Imperio contre de quali io lungam^te trattai al negotion della pace col Re di Polonia. Nacque poi disparere frà loro et per un altro nominate Bielschi che fu grandiss^o favoritto del Duca morto, percio che non era stato nominato frà detti Gouvernatori ne seguvrano nella Regio la morte di 20 persone et ferite di molti altri.

Da guesto et da altre circonstanze il Sog.^re Cancell^e di Polonia congretturava che non durerebbe lungamente quel gouverno et io neramente penso che Dionoglia per stultitiam illius Principes saluos facere Moscis et che si da rèoccasione di spuntare pin innanti con la divina gratia à propagatione della Religione Catholice, si come gia si fa con l'auto d'Iddio in Livonia, la quale fu restituita al Re.

Il detto nuovo Duco di Moscovia hanca mandato una doppia ambosciata al Re di Polonia dimandando le pace concio sia consache cesfane la triequa por la morte de Padre; ma an'scrisse in S^re Cansell^o di Polonia che pansana che non si darebbe altra risposta se non che dal Re si mandreble in Moscovia una nuova legat^ne et ion per me credo che se il Re troverà dispositione ne Polachi ridomandera il Gran Dicato di Smolenscho gia pertinente alla Lithuania et che da questo forse Dio benedetto gli dara occasione do rendere la Reliq.^ne Cat.^ca insino nell Asia il che certo

à quel che co ho uisto non sareble difficiles^{mo} Pero con ogni reverenze et contutto e' animo supplico V. S. Illmo et amo per mezo suo Mons. Illmo dï Sn Prassede che vogliano pigliare à petto questo negotio nel cospetto d'Iddio ricordandosi parimente di me misero nelle loro orationi et in quelle delle sue Diocesi poiche forse tocherà per maggiore mia confussione di essere impiegato in alcuna di queste cose.

Il resto poi et delle cose di Sassonia et di qual che altro dissegno ò promotione del servigio divino sera de Mons. Illmo Bolognetti quando verrà in Italia detto a V. S. Ill, alla quale facendo pe hono frue prego Dio S^{re} mio che conceda ogni gratia et felicità. Di Praga il 16 di Giugno 1584 Di V. S. Illmo et R^{ma}.

Forse pensera V. S. Illmo di fare parte di questo à Mons. Illmo di S. Prassede etc.

Humilss. servo in Chro Ant. Possevino.

ЦГАОР. ф. Шмурло (№ 5965). Biblioteca Ambrosiana. F. 76. Inter. Lett. 243, Fog. 497.

Письмо Поссевино

(Перевод Л. А. Котельниковой)

Последние письма, которые я получил через светлейшего монсиньора Болоньетти, были от начала прошлого месяца, и сейчас я ожидаю со дня на день королевского курьера, который должен сообщить мне много нового. Между тем я получил [уведомление] от господина польского канцлера от 29 мая, в котором он мне определенно сообщил о смерти великого князя московского, последовавшей 28 марта и сохранявшейся в тайне в течение нескольких дней, пока не был избран (царем) его сын слабоумный Федор с четырьмя регентами этого государства, против которых я уже долгое время выступал во время переговоров о мире с польским королем. Потом возникли распри между ними и Бельским, который был в наибольшем фаворе у умершего царя, и из-за того, что он (Бельский) не был назван в числе упомянутых правителей, в стране было убито 20 человек и многие другие ранены.

В силу этих и других обстоятельств господин польский канцлер уверял, что это правительство долго не продержится, и я по правде думаю, что господь пожелает спасти московитов от глупости его правителей и таким образом с божьей помощью представится случай добиться большего успеха в распространении католической религии так, как это было сделано с божьей помощью в Ливонии, которая была возвращена королю.

Вышеназванный новый князь московский направил также второе посольство к польскому королю с предложением о перемирии ввиду смерти отца. Он написал также польскому канцлеру, что несерьезно то, что якобы невозможно было ответить иначе, чем это сделал король, отправив в Московию новое посольство. На мой взгляд, если поляки будут к тому расположены, король вновь [сможет] снестись с великим княжеством Смоленским, принадлежащим Литве, и быть может, это с благословения божьего даст ему случай распространить католическую религию вплоть до Азии, что мне представляется не столь уж трудным делом. И все же со всяческим почтением и от всей души умоляю Вашу светлость и очень желаю, чтобы светлейший монсиньор Прасседе изволил взять на себя эти переговоры, и перед лицом божьим вспоминая обо мне, ничтожном, в их [обращенных вновь] молитвах, потому что меня, возможно, больше бы смутило, если бы мне было поручено [выполнить] что-нибудь в этом роде.

Наконец, о положении дел в Саксонии, о чем идет речь в другом моем отчете, который Вы возьмете у монсиньора Болоньетти, когда он прибудет в Италию, где Вашему преосвященству все доложено; к чему присоединяя мои благочестивые молитвы, прошу моего господа бога, чтобы он мне даровал благодать и счастье. Из Праги 16 июня 1584 г. от Вашего преосвященства и из Рима. Может быть, Вы подумаете, Ваше преосвященство, о том, чтобы его преосвященство монсиньор Прасседе принял в этом участие и т. д.

Нижайший раб Ваш во Христе Антонио Поссевино

№ 2.

Письмо Лжедмитрия II королю Сигизмунду III. 30(?) ноября 1610. Брянск.

(Текст)

Demetrius Ioannis Dei Gratia totius Russia Uglecorum Grodecorum etc. dux aliorumque multorum dominiorum et regnorum Tartaricorum Muschovitic(a)e Monarchiae subditorum dominus et heres.

Iudicia Dei altissimi sunt occulta, et quidquid ille facit, sine causa non facit. Novit sacra R(egia) Maiestas Vestra progres-

sum universum, quo nos Deus hisce temporibus duxerit et super subditos nostros permiserit, in quo tamen hostium conatibus non benedixit, ita ut ipsi sibi optaverunt, cum nos salvos et incolumes esse voluerit.

Qua parte, nos de S(acra) R(egia) M(aiestate) Vestra persuasi, quod ut ante in recuperando regno patrio nos iuvit infelicitati illi conpatiendo, sic nunc incolumitate letabitur; quo nomine ad S(acram) R(egiam) M(aiestatem) Vestram internuntium nostrum nobilem Arnulfum Kalinsky mittimus in horas legatos magnos missuros. Interim felicem valetudinem et regnorum successum prosperum S(acrae) R(egiae) Maiestati Vestrae precamur.

Datum in dominiis nostris ex castris ad Bransk de S-ti Andrea. A(nno) D(omino) 1607. Demetrius Caesar.

Флорент. Гос. Арх. Mediceo. 943 л. 208. Копия. ЦГАОР, ф. Шмурло № 553, л. 110.

Письмо Лжедмитрия II.

(Перевод И. В. Шталь).

Дмитрий Иоаннович, божьей милостью князь всея Руси, Угличский и прочее, и многих других государств и татарских царств, подчиненных московскому царству, господин и наследник.

Неисповедим суд всевышнего, и что господь вершит, он вершит не без причин. Вашему королевскому величеству известно о полном успехе, с которым господь вел нас за собой в это время и благодаря которому он, сверх того, вверил [нам] наших подданных; при этом, однако, он не поощрял козней врагов, так что они сами избрали [свой путь], в то время как господь пожелал, чтобы мы оставались здравы и невредимы.

Поэтому мы твердо верим в то, что ваше священное королевское величество как прежде, когда мы отвоевывали отцовское царство, помогало нам из сочувствия к таковому несчастью, так [и] теперь возрадуется [нашему] благополучию. По этой причине мы посылаем Вашей священной королевской милости нашего гонца знатного человека Арнульфа Калинского [с известием], что мы в скором времени направим [к Вам] великих послов. При этом мы желаем вашему королевскому величеству доброго здоровья и благополучного правления.

Дано в наших владениях из лагеря под Брянском в [день] святого Андрея, году господнем 1607.

Димитрий, царь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв.
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийское обозрение
Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.
Глас САН — Глас Српске Академије Наука
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАН — Известия Академии Наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИБЛ — Известия на Института за българска литература
ИЛ — Иностранная литература
ИО — Историческое обозрение
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НПК — Новгородские писцовые книги
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.— Л., 1950

ПВЛ — Повесть временных лет. Подготовка текста, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.— Л., 1950
ПИ — Проблемы источниковедения
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Прибалтийский сборник — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СЭ — Советская этнография
ТЛ — М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Труды МГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AIPHOS — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire Orientales et Slaves
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje.
BGA, II, 2 — Opus geographicum auctore Ibn Haukal... Ed. J. Kramers. Leiden, 1938
BS — Byzantinoslavica
Byz.— Byzantion
DOP — Dumbarton Oaks Papers
HBzN — Hamburger Beiträge zur Numismatik
HGBll — Hansische Geschichtsblätter
HR — Hanserecesse
HRM — Historica Russiae Monumenta
HUB — Hansisches Urkundenbuch
HZb — Historijski Zbornik
JRS — Journal of Roman Studies
LUB — Liv-. Est- und Curlandisches Urkundenbuch
MGSS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
MLA — Monumenta Livoniae Antiquae
MPH — Monumenta Poloniae Historica
NZ — Numismatische Zeitschrift
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
REB — Revue des Études Byzantines
RRSE — Rerum Rossicarum Scriptores Exteri
SRH — I. Szentpétery. Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae Gestarum, vol. I. Bp., 1937
SRL — Scriptores Rerum Livonicarum
SRP — Scriptores Rerum Prussicarum
Sz — Századok
VfSWG — Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte.
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас I, шах Ирана 453—461
Абдаллах (Авдула), золотоордынский хан 229
Абдулла II, бухарский хан 454, 458—460
Абдулла-хан Устаджлу, правитель Ширвана 448
Абд-ул-Мумин, бухарский хан 454, 458—460
Абдул-Фаттах Фумени, иранский историк 454
Абу-бекр, ширванский феодал 452
Абу-т-Тайиб ал-Мутанабби, арабский поэт 28, 30
Абу' Умайр'Ади ибн-Ахмад ибн'Абд ал-Баки, шейх пограничных областей Сирии 27
Абу-Фирас, арабский поэт 28
Абу Хамид ал-Гарнати, арабский географ — 36, 42, 45, 115
Август, русский самозванец 498
Августа-Анастасия, литовская княжна 236
Авраамий, «святой» в Волжской Болгарии 60
Авраамий Палицын, русский церковный деятель и писатель 479, 480, 487
Агапит, византийский писатель 19
Адашев А. Ф., русский государственный деятель и дипломат 383—385
Аделунг Ф., археограф 464, 468, 473
Адемар, немецкий хронист 175
Адрианова-Перетц В. П., советский историк древнерусской литературы 239, 242, 518
Азадовский М. К., советский литературовед 523
Азиз, золотоордынский хан 230
Акбар, падишах из династии Великих Моголов 460
Акош, магистр, венгерский хронист 146
Акундинов Демид, отец самозванца Тимофея Акундинова 499
Акундинов Тимофей (Тимошка), русский самозванец 496—511
Алаванган см. Олег, древнерусский князь
Ал-Ауфи см. Мохаммед ал-Ауфи
Ал-Баттани, арабский писатель 24
Ал-Бекри, арабский писатель 33, 34, 36
Ал-Бируни, хорезмийский ученый 53, 514
Александр IV, папа римский 199, 201
Александр II, кахетинский царь 457
Александр Васильевич Чарторыйский, псковский князь 310, 311
Александр Глебович, смоленский князь 206, 221, 222
Александр Михайлович, тверской великий князь 236
Александр Ярославич Невский, новгородский князь 61, 240, 243, 254
Александренко В. Н., русский историк 485
Александров В. А., советский историк 430
Алексеев М. П., советский славист 339, 523, 525
Алексей, русский митрополит 231—233, 247, 262
Алексей Комнин, византийский император 18
Алексей Михайлович, русский царь 283, 495, 498, 516, 535
Алексей Петрович, русский царевич, сын Петра I 533
Алем Салих-паша (Асалих-паша), турецкий визирь 499, 503
Ал-Идриси, арабский географ 33, 34, 44, 82, 151

Ал-Истахри, арабский географ 34, 35, 38, 40, 41—43, 45, 60
Ал-Мас'уди, арабский географ 13—15, 21—31, 34, 35, 39, 42, 43
Ал-Мукаддаси, арабский географ 34, 35, 42, 43,45
Ал-Мутанабби см. Абу-т-Тайиб ал-Мутанабби
Ал-Хорезми, арабский писатель 30
Альбрехт, бранденбургский маркграф 426
Альдобрандини, кардинал 415
Альмош, вождь венгерских племен 131, 132, 136—144, 147, 148, 162, 170
Амир-хан Туркеман, правитель Азербайджана 451
Амир Хусрау, индийский историк 58
Амманн А. (Ammann A. M.), католический историк 17, 341
Амфилохий, архимандрит, русский историк церкви 265, 268
Анастасия Ярославна, русская княжна, венгерская королева 154
Ангелов Б., болгарский славист-литературовед 266, 269
Андерсон М. (Anderson M. S.), английский историк 419
Андреевский И. Е., русский историк права 86
Андрей I, венгерский король 145, 153, 154, 174
Андрей II, венгерский король 143, 168, 169
Андрей III, венгерский король 146, 147
Андрей Александрович, великий князь владимирский 254
Андрей Боголюбский, владимирский князь 60
Андрей Ольгердович, литовский князь 241, 243
Андрей Рублев, русский живописец 248
Андрейчич Л., черногорский священник — 503
Андрих см. Ольджих
Андроник Дука, византийский феодал 10, 11.
Андроник III Палеолог, византийский император 258
Андроник IV Палеолог, византийский император 249
Андрусяк М., историк 70, 143
Анна Васильевна, княгиня московская 287
Анналист Саксон, немецкий хронист 122
Аннинский С. А., советский археограф 153, 158—160, 209, 434
Аноним, нотарий короля Белы III, венгерский писатель кон. XII—нач. XIII в. 131—181
Аноним Галл, польский хронист 71, 119—121
Аноним Равеннский, географ (IX в.) 156
Антоний IV, константинопольский патриарх 263
Антонович В. Б., украинский археолог 174
Арабшаз (Арапша) золотоордынский хан 230
Арбузов Л. А., русский историк 317, 332
Аристов Н. Я., русский историк 280, 299
Аристотель, древнегреческий философ 400
Арндес, любекский печатник 347
Арнольд, кельнский архиепископ 96
Арнольд С. (Arnold S.), польский историк 403
Арнульф, восточнофранкский император 177
Арпад, венгерский князь 136, 148, 164
Арпады, династия венгерских князей и королей 154, 155
Арсений, архиепископ, церковный писатель 267
Арсений Елассонский, архиепископ, автор сочинения о России 477, 480, 481, 487, 488
Арсеньев С. В., русский историк 341, 346
Арциховский А. В., советский археолог 48, 102, 144, 287, 288, 291
Арцыбашев, русский дипломат 425
Асан, князь Волжской Болгарии 230
Аскольд, древнерусский князь 131, 173
Атаев Д. М., советский археолог 53
Аттила, предводитель гуннов 137, 141, 147, 148
Аттман А. (Attman A.), шведский историк 109, 377
Афанасий, русский игумен 234
Афанасий Афонский, византийский «святой» 259
Афанасий Высоцкий, русский игумен 259
Афанасий Никитин, русский путешественник и писатель — 58, 515

Афанасий Русин, русский монах 259
Афшар М., иранский историк 446
Ахиллес, венгерский феодал 189
Ахмат, золотоордынский хан 327
Ахмед ибн Фадлан, арабский дипломат и писатель 30, 34, 53, 54, 136
Ахмед-паша, турецкий визирь 499
Ачи-Хожей, золотоордынский дипломат 230

Бабенберги, династия австрийских герцогов 189
Бабур, падишах Индии 514
Базилевич К. В., советский историк 3, 306, 307, 324, 325, 335
Балатти Ф., итальянский певец 535
Бальцер О. (Balzer O.), польский историк 122
Бантыш-Каменский Н. Н., русский археограф 427
Барбагалло К. (Barbagallo C.), итальянский историк 446
Барберини А., кардинал 504
Барбье де Мейнар К. (Barbier de Meynard C.), французский востоковед 24, 34
Барня И. (Barnea I.), румынский историк 17, 75
Барсов Т., русский историк 263
Барсуков А. П., русский историк и археограф 439
Бартольд В. В., советский востоковед 14, 24, 33, 34, 36, 176
Барфельдт Э. (Bahrfeldt E.), немецкий нумизмат 90, 91, 101
Бархударян М., армянский историк 456
Басманов П. Ф., русский воевода 465
Батории, династия трансильванских князей 413, 414
Баторий Сигизмунд, трансильванский князь 414
Баторий Стефан (Иштван), князь Трансильвании, король Польши 404, 406—410, 412—414, 418, 433
Батый, монголо-татарский хан 143, 184, 187, 196, 197
Батюшков К. Н., русский поэт 519
Бауер Н. Н., русский нумизмат 75, 84, 85, 89, 90, 101, 103, 106, 111, 112
Баумгартен Н. (Baumgarten N. de), католический историк 8
Баумгартнер У. (Baumgartner U.), немецкий библиограф 521
Баус, английский посол в России — 431, 433, 435, 439
Бахрушин С. В., советский историк 283, 291, 368, 375, 380, 397
Баязид I, турецкий султан 245, 248, 249
Беактриса II, правительница Кведлинбурга 91
Безбородов М. А., советский историк техники 48—50
Бейлис В. М., советский историк-востоковед 4
Бекштедт А. (Beckstaedt A.), немецкий историк 360
Бела II, венгерский король 168
Бела III, венгерский король — 131, 132, 143, 161, 162, 164, 166, 168, 169
Бела IV, венгерский король —182—202, 257
Белицкий Я. (Belitzky J.), венгерский историк 150
Беловский А. (Bielowski A.) польский археограф 168
Белогорцев Д. И., советский архитектор 209
Белозерская Н. А., русский археограф 434
Белокуров С. А., русский историк 445, 447, 453, 457, 459
Белош, венгерский военачальник 168
Бельские, русский боярский род 375
Бельский Б. Я. русский боярин 534
Бёнгер, половецкий хан 138
Бендефи Л. (Bendefy L.), венгерский археограф 153, 158—160
Бенфей Т. (Benfey Th.) , немецкий литературовед 518, 519, 525
Бер М., немецкий пастор 473
Беранже Л. Ж., французский поэт 520
Бергер Ф. (Berger Fr.), немецкий историк 278
Бердибек, золотоордынский хан 228, 229
Бережков М. Н., русский историк 61, 113, 203, 209, 223
Березовец Д. Т., советский украинский археолог 109
Берков П. Н., советский литературовед 341, 342, 346, 516, 517
Бернгард фон дер Борх, магистр Ливонского ордена 316, 325
Бернякович К. В., советский украинский археолог 179
Бертольд Ханен, ганзейский купец 301
Бестужев-Марлинский А. А., писатель-декабрист 523
Беха ад-дин Мухаммед ибн Хасан

ибн Исфендияр, персидский историк 58
Бибер И., ратман из г. Юрьева 388
Бинеманн Ф. (Bienemann Fr.), прибалтийско-немецкий историк 387
Биргер, шведский военачальник 243, 254
Биргитта, шведская «святая» 344
Боак А. (Boak A. E.), английский византинист 14
Бобали М., дубровницкий дипломат 507, 508
Богусевич В. А., украинский советский археолог 48
Богухвал, польский хронист 168
Боде В. (Bode W. J. L.), немецкий нумизмат 98, 100
Бокгорст И., ливонский дипломат 383
Болеслав, мазовецкий князь 126
Болеслав Кудрявый, польский король 124
Болеслав Стыдливый, краковско-сандомирский князь 126, 127
Болеслав Храбрый, польский король 118—120, 123, 128, 129, 154
Болотников В., русский дворянин 488
Болотников Д., архангельский сборщик пошлин 488
Болотников И. И., предводитель крестьянского восстания 462—489
Болотников И. И., дьяк 488
Болотников Ф. И., тушинский воевода 488
Болуш, половецкий хан 150
Бонд Э. (Bond E. A.), английский археограф 434, 437
Боняк, половецкий хан 138
Боратыньский Л. (Boratyński L.), польский историк 442
Боривой, чешский князь 92
Борис Владимирович, древнерусский князь, «святой» 69, 258
Борис Всеславич, полоцкий князь 124
Борис Годунов, русский боярин, а затем царь 414, 439—442, 456, 483
Борисов В., русский историк 487
Борисов П. В., русский дипломат 370, 373
Борковский В. И., советский языковед 205—207, 287, 288
Борн Э. (Born E.), немецкий нумизмат 91, 94, 96—98, 100
Борнеман В. (Bornemann V.), немецкий нумизмат 99
Бороздин Ф. Б., русский феодал 288
Борромеус К., кардинал 406, 408
Борстель Ханен, штральзундский купец 301
Бортникова А. Б., советский литературовед 521—523
Борхлинг К. (Borchling C.), немецкий библиограф 347
Ботяков А. Д., советский филолог 205—207, 211—213, 217, 219, 221
Боялынь, золотоордынская ханша 228
Бранденбург Е. Н., русский археолог 48
Бржетислав II, чешский князь 92
Броссе М. И., русский историк 445
Бруно III, фрисландский правитель 90
Брунон (Бруно) Кверфуртский, немецкий церковный деятель и писатель 119, 120, 129, 140, 175
Брунс Ф. (Bruns Fr.), немецкий археограф и историк 302, 341, 344—346
Бруцкус Ю. Д., еврейский историк 71
Будак-бек, иранский дипломат 453
Бук Г. (Buck H.), немецкий нумизмат 98, 100
Букки В., католический епископ 502, 503
Булат-Султан, золотоордынский хан 247
Булгаков Ф. И., русский историк литературы 522
Булев Н., немецкий медик и астролог 348—351
Буллард Р. (Bullard R.), английский историк 446
Бурвиц, шведский агент в Риге 388
Бурундай, монгольский военачальник 199
Бурхан, ширванский феодал 448
Буссов К. (Bussov C.), немецкий хронист 462—464, 473—482, 484—486, 488—490
Буссов К., сын немецкого хрониста, участник восстания Болотникова 473
Бутурлин И. М., русский воевода 456, 457
Бухенау Г. (Buchenau H.), немецкий нумизмат 98
Быковский С. Н., советский историк 462, 468
Бэйнз Н. (Baynes N.), английский византинист 7
Бэнеску Н. (Bănescu N.), румынский византинист 13
Бюшинг И. Г. (Büsching J. G.), историк немецкой литературы 519

Вайнштейн О. Л., советский историк 420
Вайта, половецкий хан 138
Валле Я. де (Иван Белобород), антверпенский купец, агент Габсбургов 435—438, 441
Валуев, русский стрелец 473
Вамбери А. (Vambery A.), венгерский востоковед 36
Ваня З. (Váňa Zd.), чехословацкий археолог 142
Варганов А. Д., советский археолог 152
Варкоч Н. фон, германский дипломат 435, 440, 441
Варлаам, вологодский епископ 499
Василий, молдавский господарь 499
Василий, новгородский архиепископ 238
Василий, русский самозванец 498
Василий I Дмитриевич, московский великий князь 248, 250—253, 263, 266
Василий II Васильевич, московский великий князь 311
Василий III Иванович, московский великий князь 348, 351, 359, 369—372, 392, 426
Василий Зоска, русский купец 300
Василий Иванович, рязанский великий князь 287
Василий Шуйский, русский царь 462, 468—472, 474—490, 494, 495, 499, 503
Васильев А. А. (Vasiliev A. A.), историк-византинист 11—15, 20, 23, 28, 30
Васильевский В. Г., русский историк-византинист 15, 16, 25, 64, 65, 86, 91
Василько Романович, волынский князь 125—127
Василько Ростиславич, теребовльский князь 67, 151
Васильчиков Г. Б., русский князь, дипломат 453
Васой, венгерский герцог 154, 155
Вассиан Патрикеев, боярин, идеолог «нестяжателей» 259
Вацлав, чешский князь, «святой» 69
Велевицкий Я. (Wielewicki J.), польский историк 402
Великие Моголы, династия индийских императоров 460, 461
Вениамин, монах-доминиканец 349
Венцель Г. (Wenzel G.), венгерский историк и археограф 187, 193
Вервеке Г. ван (Werweke H. van), голландский историк 89, 99
Верленден Ш. (Verlinden Ch.), бельгийский историк 19
Вернадский Г. В. (Vernadsky G.), историк 8, 131, 178, 179, 352
Вертнер М. (Wertner M.), венгерский историк 154, 155
Веселовский А. Н., русский литературовед 517
Веселовский Н. И., русский историк 445, 446, 453—455, 457—460
Вестберг Ф., русский востоковед 25, 36
Вестергаард У. (Westergaard W.), американский историк 388
Виганд В. (Wigand W.), немецкий археограф 114
Вигерсм С. (Wigersm S.), голландский нумизмат 90
Видера Б. (Widera B.), немецкий историк (ГДР) 18, 66
Вилсонс М. Р., советский латвийский археолог 97
Вильгельм Рубруквис, папский дипломат 188, 196—199
Виноградова А. И., советский историк 66
Винтер Э. (Winter E.), немецкий историк-славист (ГДР) 5, 8
Винцентий Кадлубек, польский хронист 117, 168
Виппер Р. Ю., советский историк 380, 405
Висковатый И. М., русский дипломат 374, 383—385, 387—391, 395
Виссарион, черногорский митрополит 502
Витовт Кейстутович, великий князь литовский 223, 246, 251—253, 263, 264, 271—274
Виттенберг И., ганзейский купец 296, 297
Вихман, правитель Магдебурга 91
Вихманн Б. фон (Wichmann B. von), немецкий историк 455
Вишневецкий А., польский магнат 476
Владимир, пинский князь 125
Владимир Андреевич, серпуховской князь 236
Владимир Василькович, волынский князь 113
Владимир Мономах, великий князь киевский 18, 140, 176
Владимир Святославич, великий князь киевский 16, 66, 67, 71, 117—120, 128, 129, 140, 282

Владимир Ярославич, галицкий князь 168
Владимирко Володаревич, галицкий князь 168
Владислав I, чешский князь 92
Владислав IV Сигизмунд, польский король 491
Влах А., польский агент 468
Влодарский Б. (Wlodarski B.), польский историк 5, 116, 123
Воин, литовский князь 236
Войсил, болгарский феодал 258
Войтех, пражский епископ 77, 119
Володарь Ростиславич, перемышльский князь 155
Вольтус фон Герзе, магистр Ливонского ордена 313, 314
Вольф О. (Wolff O.), немецкий историк 190, 199
Вольфгер из Пассау, немецкий епископ 100
Воронин Н. Н., советский историк и археолог 218
Востоков А. Х., русский археограф 258
Вракиери Н., далматинский поэт 506
Врангель В., посол дерптского епископа 383
Вратислав, бриенский князь 67
Вратислав II, чешский князь 92
Всеволод Мстиславич, новгородский князь 60, 283
Всеволод Мстиславич, смоленский князь 211, 212
Всеволод Ольгович, великий князь киевский 168
Всеволод-Федор, русский ремесленник 17, 18
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимирский 60
Всеволод Ярославич, великий князь киевский 18, 150
Вюстенфельд Ф. (Wüstenfeld F.), немецкий востоковед 34, 35, 38
Вяземский Аф., князь, русский политический деятель 431

Габсбурги, династия 401—418, 423, 426, 428—430, 431, 434, 435, 437, 440—443, 491, 492, 495
Гавриил, сербский патриарх 496, 497, 501, 505
Гаврилка, русский самозванец 498
Гаген, фон дер (Hagen von der), историк немецкой литературы 519
Гадебуш Ф. (Gadebusch F. K.), немецкий историк 381
Гади-бек (Андибек), иранский дипломат 452, 453
Гази Хосров, иранский дипломат 454
Гайдеке (Heideke), переводчик 518, 519, 524, 525
Галл Аноним см. Аноним Галл
Галькевич И. Д., советский нумизмат 103
Гальстер Г. (Galster G.), датский нумизмат 90, 92, 97
Гамель И., русский историк 428
Ганс ван Лоон, ганзейский купец 320
Ганс Берзекамп, ревельский купец 301
Гаральд III, норвежский король 92
Гардизи, персидский географ 33, 34, 36, 178
Гаркави А. Я., русский востоковед 21—23, 25—27, 30, 31
Гваньини, польский хронист 274
Гварнент, австрийский дипломат 535
Гебхарт Г. (Gebhart H.), немецкий нумизмат 87, 91, 96
Геверник В. (Hävernick W.), немецкий нумизмат 88, 90, 94, 97, 99
Гедимин, великий князь литовский 223, 236, 241, 242
Геза I, венгерский король 155
Геза II, венгерский король 138, 141, 147, 150, 152, 161, 168
Гейцкофлер, австрийский посол в Польше 410—412
Генден Г., любекский купец 301
Гёнигер Р. (Höniger R.), немецкий археограф 99
Геннадий, новгородский архиепископ 348, 349, 351
Генрих, тюрингский пфальцграф 190
Генрих I, герцог Баварии 90
Генрих II, герцог Баварии 90
Генрих II, германский император 119, 120, 140
Генрих III Валуа, король Франции, король Польши 403, 404, 417, 418, 426
Генрих IV, германский император 122
Генрих V, германский император 84
Генрих Вегезак, ганзейский купец 302
Генрих Латвийский, немецкий хронист 209—211
Георгий Амартол (и его Продолжатель), византийский хронист 134 140, 171, 175
Георгий Пахимер, византийский историк 256, 258
Гёранссон С. (Göransson S.), шведский историк 416
Герасим, русский митрополит 275

Герд Сузинк, любекский купец 300
Герман, иерусалимский митрополит 235
Герман II, кёльнский архиепископ 90
Герман Мейер, штральзундский купец 301
Германус, курьер венгерского короля 192, 193
Гермоген, патриарх московский 478, 485, 486, 489, 494
Гертруда, жена князя Изяслава Ярославича 123
Гертруда Бабенбергская, герцогиня 193
Гётц Л. К. (Goetz L. K.), немецкий историк 86, 101, 112, 113, 204, 206, 207, 212, 279, 294, 298, 355, 360
Гёфке Р. (Höfke R.), немецкий нумизмат 96
Гизелла, венгерская королева 154
Гильдебранд Г. (Hildebrand H.), немецко-прибалтийский историк и археограф 62, 63, 88, 110, 205, 222, 279, 291—293, 297
Гинкмар, немецкий хронист 177
Гирей, династия крымских ханов 372
Гиршберг А. (Hirschberg A.), польский историк 464—466, 468—471, 480
Гитциг И. (Hitzig J. E.), немецкий литературовед 527
Глазер Л. (Glaser L.), венгерский историк 76
Глеб Владимирович, древнерусский князь, «святой» 69, 258
Глеб Ростиславич, смоленский князь 207, 221, 222
Глезер В. (Gläser W.), немецкий историк 340, 344, 346, 350
Гобель, ревельский купец 297
Годунов Б. см. Борис Годунов
Годуновы, боярский и царский род 476, 483
Гозиус, кардинал, епископ Браунсбергский 402
Голинка Р. (Holinka R.) чехословацкий историк 66, 76
Голицын П. А., князь, русский политический деятель 535
Голобуцкий В. А., советский украинский историк 488
Голубинский Е. Е., русский историк церкви 258, 259, 261, 264—266, 268, 269, 272, 274, 351
Голубовский П. В., русский историк 62, 203, 205—207, 210—213, 221—223
Гольст Г. (Holst H.), немецкий нумизмат 92
Гомбош Ф. А. (Gombos F. A.), венгерский историк 135
Гомулинский Ст., польский воевода 413
Гончаров В. К., советский археолог 48
Горсей Дж., английский купец и дипломат 432, 434, 437, 438
Горский А. В. русский богослов 258, 260, 275
Горский А. Д., советский историк 280
Горчаков Илья см. Лже-Петр
Горюнова Е. И., советский археолог 152
Готан А., сын печатника В. Готана 345
Готан В., любекский печатник 339—351
Готтфрид из Витербо, немецкий хронист 147
Готшалк Визе, ганзейский купец 297
Гофмейстер А. (Hofmeister A.), немецкий археограф 344
Грабский А. (Grabski A. F.), польский историк 66, 74, 118
Грегуар А. (Grégoire H.), бельгийский византинист 7, 9—11, 13, 15, 16, 20
Греков Б. Д., советский историк 3, 65, 66, 102, 117—121, 184, 197, 380
Грефенталь Б., ливонский историк 383
Григорий IX, папа римский 186, 189, 191, 199
Григорий XIII, папа римский 407, 408
Григорий Омиритский, византийский «святой» 259
Григорий Цамблак, болгарский церковный писатель, митрополит 260, 261, 265, 269—277
Григорьев В. В., русский востоковед 38, 39
Гримм Я. (Grimm J.), немецкий фольклорист 519, 520, 524
Грот Гриме, ревельский купец 297
Грот Я. К., русский филолог 473, 474
Гроте Г. (Grote H.) немецкий нумизмат 98, 100, 101
Гротхузен О. фон, ливонский дипломат 383, 385
Грубы В. (Hrubý V.), чехословацкий археолог 79
Грэнт А. (Grant A.), английский историк 448

Губин А. Ф., советский пчеловод 286
Гуе де (Goeje de), голландский востоковед 22, 24, 25
Гурий, русский игумен 288
Гус Ян, вождь реформации в Чехии 343
Густав Ваза, шведский король 388
Гэттенс Р. (Gaettens R.), немецкий нумизмат 103
Гюнтер К. (Günther K.), немецкий нумизмат 96

Дадон, епископ 171
Даль В. И., русский филолог 57
Даниил, игумен черниговский, путешественник 86
Даниил, сербский монах 494
Даниил Романович, галицко-волынский князь 125—129, 183—202
Данил Дмитриевич, русский князь 317
Данила Холмский, русский князь 316
Данилевич В. Е., русский археолог 103, 210
Данилова Л. В., советский историк 108, 280, 282, 289
Дарес Фригийский, средневековый писатель 163
Дарко Й. (Darko Jó.), венгерский историк 133
Дас Гупта С. Н., индийский историк 5
Дворник Ф. (Dvornik F.), историк-славист 8, 9, 71
Дворшак Ф. (Dvorschak F.), австрийский нумизмат 91
Девлет-Гирей, крымский хан 374
Деер Й. (Deér Jó), историк 133, 136
Делавилль П., автор сочинения о России 488, 490
Денисон Росс Э. (Denison Ross E.) английский востоковед 33
Дербов А. А., советский историк 420
Дефремери Ш. (Defrémery Ch.), французский востоковед 33, 34, 36, 38
Джалал эд-дин Манкубирти, хивинский хан 514
Джанибек, золотоордынский хан 228—230
Джаст М. (Just M.) католический историк (США) 8
Дженкинз Р. (Jenkins R. J. H.), английский историк-византинист 10—13, 20
Дженкинсон А., английский купец 429, 431
Диаментовский В., польский дворянин 462, 464, 465, 467, 469
Дикшит К. (Dikshit K. N.), индийский археолог 53
Димитриевич С., сербский историк 494
Димитрий Солунский, болгарский «святой» 275, 276
Дионисий, болгарский монах 261
Дионисий, суздальский епископ 232, 233, 247, 263, 275
Дионисий Сиракузский, античный писатель 522
Дипенбах В. (Diepenbach W.), немецкий историк 94
Дир (ал-Дира), древнерусский князь 13, 131, 173
Дитрих А. (Dietrich A.), немецкий врач и переводчик 519, 520, 524—528
Длугош см. Ян Длугош
Дмитриев Л. А., советский историк литературы 239, 247
Дмитриевский А., русский археограф 480, 481, 487
Дмитрий, русский царевич, сын Ивана IV 489
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 228, 232, 234, 236, 241, 243, 250, 251, 261—263
Дмитрий Ольгердович, литовский князь 241, 243
Докуз-хатун, моигольская ханша 198
Долинин Н. П., советский историк 5
Долли Р. (Dolley R. H.) английский историк-византинист 9—12, 14
Домановский Ш. (Domanovsky S.), венгерский историк 134, 145, 146, 152, 158, 161, 167
Допш А. (Dopsch A.), австрийский историк-экономист 114
Дорн Б. А., русский востоковед 21
Доукинз Р. (Dowkins R. M.), английский византинист 18
Дрславичи, чешский род 68
Дублер Ц. (Dubler C.), испанский востоковед 42, 45
Дуйчев И., болгарский историк-византинист 19
Дьёрдь П. Ракоци, князь Трансильвании 492, 509, 510
Дьёри Я. (Györy J.), венгерский историк 145
Дьёрффи Д. (Györffy Gy.), венгерский историк 142, 145, 146, 153, 155
Дьони М. (Gyóni M.), венгерский византинист 172

Дьяконов М. А., русский историк 207
Дэвидсон Д. (Davidson G. R.), американский археолог 17

Евтутий (Евпутий), литовский феодал 237
Евфимий, тырновский патриарх 259—262, 265, 269, 275, 276
Евфимий II, константинопольский патриарх 272, 273
Едигей, золотоордынский хан 227, 247, 256, 274
Едлицкий М. (Jedlicki M.), польский археограф 120
Екатерина Медичи, королева Франции 403
Елена Ольгердовна, литовская княжна 236
Елецкий Д. П., князь, русский воевода 459
Елизавета Тюдор, английская королева 421, 429, 431, 432, 437—439, 441
Ерошка, русский самозванец 498

Жданов И. Н. русский литературовед 347
Жеротины, моравские феодалы 68
Жолкевский С., польский гетман 488, 491
Жордания Г., советский грузинский историк 425
Жуанвиль Ж. (Joinville J. de), французский хронист 194, 195
Жуковский В. А., русский поэт 531
Жуковский С. В., русский историк 458
Жюжи М. (Jugie M.), французский католический историк 8

Заводский В. (Závodský V.), чехословацкий историк 66, 78
Зайончковский С. (Zajączkowski St.), польский историк 117, 127
Закарийа ал-Казвини, арабский писатель 34, 43
Закшевский С. (Zakrzewski St.), польский историк 120
Замойские, польские магнаты 412
Замойский Я., польский канцлер 406, 409, 410, 414
Заруцкий И. М., политический авантюрист 498
Заходер Б. Н., советский историк-востоковед 5, 25, 33
Зборовские, польские магнаты 412
Зеегер Г. (Seeger H. J.), немецкий историк 86, 95, 97
Земзарис Я. К., советский латвийский историк 294, 296
Земовит, мазовецкий князь 126, 127, 129
Зибот, аугсбургский епископ 190
Зиверт Ландер фон Шпангейм, магистр Ливонского ордена 308, 309
Зимин А. А., советский историк и археограф 204, 206, 207, 283, 463, 470
Зимрок К. (Simrock K.), немецкий литературовед 519
Зичи Л. (Zichy L.), венгерский историк 181
Златарский В. Н., болгарский историк 258, 261
Змеев Л. Ф., русский историк естествознания 348
Зубашева-Корнилович О., русский историк 445
Зуле А. (Suhle A.), немецкий нумизмат 93, 94, 97, 98, 100, 111
Зутис Я. Я., советский латвийский историк 377

Ибн ал-Асир, арабский историк 28, 37, 38
Ибн ал-Факих, арабский писатель 25
Ибн Даста см. ибн Русте
Ибн Зафир, египетский историк 28
Ибн Ийас, арабский писатель 34, 38, 44
Ибн Куджак, арабский поэт 28
Ибн Русте, арабский географ 26, 32—34, 36, 39, 166, 178
Ибн Фадлан см. Ахмед ибн Фадлан
Ибн Хаукаль, арабский географ 34, 35, 38, 40—45
Ибн Хордадбех, арабский географ 24, 25, 37, 38, 76, 82, 178, 514
Ибрагим I, турецкий султан 499
Ибрагим ибн Якуб, еврейский путешественник и писатель 70, 71, 77, 82, 83, 116
Ибрагим-хан Текель, иранский дипломат 452
Ибрагим-хан Туркеман, иранский дипломат 452
Иван, царевич, сын Ивана IV 498
Иван I Калита, великий князь московский 283, 287
Иван II Иванович, великий князь московский 287
Иван III Васильевич, великий князь московский 286, 287, 306—342,

345, 347, 348, 353, 362, 379, 380, 392, 425
Иван IV Грозный, русский царь 111, 369, 371, 372, 374—398, 404—406, 409, 417, 421, 425, 426, 428—432, 434, 441, 442, 446, 448, 450, 473, 480, 482, 498, 534
Иван Александрович, смоленский князь 206, 223
Иван Александрович Звенигородский, псковский князь 312
Иван Асень II, болгарский царь 257
Иван («воренок»), сын Лжедмитрия I 498
Иван Гаврилин, купец из Литвы 291
Иван Каразейский см. Акундинов Тимофей
Иван Михайлович, тверской князь 251
Иван Неронов, русский писатель 517
Иван Ростиславич Берладник, русский князь 75, 83
Иван Русин, болгарский военачальник 258
Иван Царегородец, византийский игумен 234
Иванов Й., болгарский историк и археограф 259, 265, 274, 276
Ивашка (Иван) Вергуненок, русский самозванец 498
Иглои Э. (Iglói E.), венгерский историк 173, 174
Игнатий, тырновский патриарх 259
Игнатий из Смоленска, автор записок о Турции 249, 250
Игорь, древнерусский князь 13, 22, 27, 31, 118, 140
Изяслав, витебский князь 216
Изяслав Мстиславич, великий князь киевский 141, 168
Изяслав Ярославич, великий князь киевский 67, 123, 154
Иконников В. С., русский историк 348
Иларион, митрополит, древнерусский писатель 153
Илков Д., болгарский археограф 276
Ильин А. А., русский нумизмат 61, 107, 111, 112
Ильинский Г. А., русский славист 495
Иль-Тумиш, монгольский султан 514
Имерий, византийский флотоводец 10, 13
Инальцык Х. (Inalcık H.), турецкий историк 449
Инама-Штернегг К. (Inama-Sternegg K. Th.), немецкий историк-экономист 96, 97, 99
Инголи, секретарь Конгрегации веры 504
Иннокентий IV, папа римский 186, 194
Иннокентий X, папа римский 505
Иоанн, русский переписчик 259
Иоанн, трирский архиепископ 114
Иоанн Анфипат Мистик, византийский патрикий 27
Иоанн де Плано Карпини, итальянский путешественник 74, 187, 188, 194, 196—198
Иоанн Драгослав, болгарский каллиграф 258
Иоанн Зонара, византийский хронист 260
Иоанн Калоян, претендент на византийский престол 249, 250
Иоанн Кантакузин, византийский историк 258, 261
Иоанн III, шведский король — 404, 407, 416, 431
Иоанн IV Комнин, византийский император 150
Иоанн IV Палеолог, византийский император 264
Иоанн Рыльский, болгарский церковный писатель 267
Иоанн Скилица, византийский хронист 13
Иоанн Цеца, византийский поэт 17, 18
Иоганн ван дер Молле, ревельский купец 297
Иоганн из Любека, профессор Пражского университета 343
Иоганн Фрайтаг, магистр Ливонского ордена 332
Иорга Н. (Iorga N.), румынский историк 451, 452
Иордан, венгерский дворянин 193
Иордан, готский историк 146, 147
Иосиф II, константинопольский патриарх 273
Иосиф, будимльский митрополит 501
Иосиф, молдавский митрополит 270
Иосиф, хазарский царь 40, 43
Иречек К. Й., чешский историк-славист 258
Исидор, русский митрополит 275
Исидор Севильский, испанский средневековый писатель 147
Искандер Мунши, иранский историк 447, 451, 452, 454—458, 460
Ислам-Гирей, крымский хан 371, 453

Исмаил II, иранский шах 451
Истрин В. М., русский историк литературы 140, 171, 172, 174, 175
Иштван, венгерский герцог («младший король») 201
Иштван (Стефан) I «Святой», венгерский король 118, 154, 155
Иштван II, венгерский король 92, 147, 168

Йакут, арабский географ 34, 35, 38, 40, 45
Йессе В. (Jesse W.), немецкий нумизмат 91, 98, 100, 110
Йозеф П. (Joseph P.), немецкий нумизмат 98, 99

Кабанов А. К., русский археограф 285
Кавер Д., посол дерптского епископа 383
Кадоча, вождь венгерских племен 136
Каждан А. П., советский историк-византинист 4, 7, 11
Казакова Н. А., советский историк 4, 5, 295, 308, 333, 336, 343, 346, 353, 555
Казанский Н. И., русский пчеловод 291
Казимир I, польский король 121—124, 128, 129
Казимир II Справедливый, польский князь 124, 169
Казимир Куявский, польский князь 126
Какаш С., имперский дипломат 456
Калайдович К. Ф., русский археограф 208
Калачев Н. П., русский археограф 205
Калин из Мариенбурга, чешский историк 68
Калиста З. (Kalista Zd.), чехословацкий историк 68
Калужняцкий Э. (Kałużniacki E.), славист-литературовед 276
Кальман, венгерский король 92, 154, 167, 168
Каминьский А. (Kamiński A.), польский историк 117, 127
Кампензе А., голландец, автор сочинения о России 283
Кан И. (Cahn J.), немецкий нумизмат 100
Канар М. (Canard M.), французский востоковед 23, 28
Каптерев Н. И., русский историк 494, 495
Карамзин Н. М., русский историк 132, 135, 218, 351, 444, 448, 450, 462, 473, 480, 488
Караффа см. Павел IV, папа римский
Карачоньи Я. (Karácsonyi J.), венгерский историк 154
Каргер М. К., советский археолог 53, 139
Карл Великий, император 519
Карл V, германский император 400, 423
Карл IX, французский король 403
Карл Кнутссон, ревельский купец 301
Карп Кошурников, русский купец 294
Карра де Во Б., французский востоковед 22
Карышковский П. О., советский историк 16
Кастроп Генрих Младший, любекский хронист 346
Кастроп Генрих Старший, любекский хронист 346
Катаев И. М., русский археограф 285
Катона И. (Katona I.), венгерский историк 189, 193, 199
Кауфман Г., русский историк 522
Кафенгауз Б. Б. советский историк 5, 535
Квален Э. (Kvalen E.), норвежский историк 26
Кёвари Л. (Kövári L.), венгерский историк 134
Кейстут Гедиминович, великий князь литовский 236, 252
Кейтген К. (Keutgen K.), немецкий археограф 85, 114
Кемп П. (Kemp P. M.), индийский историк 58
Кентжиньский В. (Kętrzyński W.), польский историк 462, 464, 465, 467, 468
Кентжиньский С. (Kętrzyński S.), польский историк 122
Кетель, половецкий хан 138
Кёчке Р. (Kötzschke R.), немецкий историк-экономист 89, 97
Кидарь (Хызр), золотоордынский хан 229
Кильбургер И. Ф., шведский дипломат, автор сочинения о России 283
Кильдибек, золотоордынский хан 229
Кинкель И. (Kinkel J.), немецкий историк 108
Киприан, русский митрополит 231, 233, 247—249, 252, 260—269, 275, 277

Кириак, сербский иеромонах 505
Кирилл см. Константин, просветитель славян
Кирилл III, киевский митрополит 258
Кирилл Туровский, епископ, древнерусский писатель 258
Кирхнер У. (Kirchner W.), американский историк 377, 388, 390
Киселков С. В., болгарский историк литературы 261, 267, 269, 271, 275
Киссельбах А. (Kisselbach A.), немецкий историк 111
Клаус Док, ревельский купец 300
Клауссен Б. (Claussen B.), немецкий библиограф 347
Клаус Петерс, выборжский купец 301
Клейненберг И. Э., советский историк права 5, 308, 360
Клементий, русский самозванец 498
Климент VIII, папа римский 455
Клуге Ф. (Kluge Fr.), немецкий лингвист 525
Кмошко М. (Kmoskó M.), венгерский востоковед 178, 179
Кнежа И. (Kniezsa I.), венгерский языковед-славист 150
Кнуд «Святой», датский король 90
Ковалевский А. П., советский востоковед 34, 136
Кован Т. В., русский пчеловод 291
Ковач Н. (Kovács N.), венгерский археограф 140
Кожевников Ф. И., советский историк права 352, 364
Кожемякин С., русский пчеловод 284
Козак Г. (Cosack H.), немецкий историк 332
Козма, венгерский феодал 189
Козубский Е., русский историк 485
Кокк Р., любекский хронист 340, 341, 345—350
Коковцов П. К., русский гебраист 35, 36, 40, 43
Коларж М. (Kolař M.), чехословацкий историк 68
Коллийн И. (Colli jn I.), шведский историк 344, 345
Коллон П. (Collomp P.), французский историк 18
Колтовская Анна, жена Ивана IV 498
Колчин Б. А., советский археолог 80, 103, 107, 108
Комаров П. М., советский пчеловод 286
Коменский Я. А., великий чешский педагог 68
Коммендоне, кардинал, папский нунций в Польше 403
Кондаков Н. П., искусствовед 18
Конрад, зальцбургский архиепископ 91
Конрад IV, римский король, германский император 190
Конрад, фрейзингенский епископ 191
Конрад Мазовецкий, польский князь 117, 125, 126
Конрад фон Юнгинген, магистр Тевтонского ордена 253
Константин (Кирилл), просветитель славян 177, 258, 259, 276
Константин (Кюстандиль-хан), кахетинский царевич 457
Константин VII Багрянородный (Порфирородный), византийский император и писатель 13, 14, 28, 29, 36, 42, 70, 81, 131, 133, 134, 136, 142, 156, 170, 171, 209
Константин IX Мономах, византийский император 18
Константин Костенчский (Философ), сербский писатель 260, 267, 276
Константин Манассия, византийский хронист 260
Константин Тих, болгарский царь 257
Копанев А. М., советский историк 466
Коппе В. (Корре W.), немецкий историк 298
Копульч, половецкий хан 151
Кордт В. А., советский историк 436, 485
Корецкий В. И., советский историк 463, 469
Корзухина Г. Ф., советский археолог 61, 62, 86, 106, 108, 109, 112
Королева Р. Г., советский археограф 463
Королюк В. Д., советский историк 66, 122, 377, 420, 430
Корренс Г., секретарь Т. Акундинова 506—509
Коста-Луйе Ж. да (Costa-Louillet G. da), американская византинистка 9
Костка (Константин Евдокимов), подьячий, товарищ Т. Акиндинова 499, 503, 504, 506—511
Костомаров Н. И., русский историк 378, 385, 390, 397, 479

Котляревский А., русский фольклорист 520
Котляревский Н. А., историк русской литературы 523
Коцебу О. Е., русский мореплаватель 523
Кочин Г. Е., советский историк 364
Кочубинский А. А., русский историк 142
Кошшаньи Б. (Kossányi B.), венгерский историк 149, 152
Краббе О. (Krabbe O.), немецкий историк 344
Крамерс И. (Kramers J. H.), голландский востоковед 34, 41
Красноперов И. М., русский историк 203
Краузе А. (Krause A.), английский историк 446
Крачковский И. Ю., советский востоковед 24, 59, 177
Крекич Б., югославский византинист 19
Крижанич Ю., философ 533
Кристина, шведская королева 510
Кропанюк, русский купец 300
Кругернус, чешский историк 68
Круглец (Евстафий) из Вильно, православный «мученик» 237
Круус Х. Х., советский эстонский историк 376, 377, 380
Крюков А., русский купец 354, 356
Крыйский, польский дипломат 428
Кубиньи Ф. (Kubinyi F.), венгерский историк 132
Кугельман Франциска, автор воспоминаний о К. Марксе 531
Куглер В. (Kugler B.), немецкий историк 196
Кудряшов К. В., советский историк 36
Кузьмина В. Д., советский литературовед 516, 517
Кулишер И. М., русский историк-экономист 98, 152, 203, 215
Кульна, золотоордынский хан 229
Куник А. А., русский востоковед 33, 206, 207
Кунце К. (Kunze K.), немецкий историк 278, 297
Купфер Ф. (Kupfer Fr.), польский гебраист 71, 76, 77, 82, 140
Курат А. Н. (Kurat A. N.), турецкий историк 450
Курбатов А. А., русский политический деятель 535
Куремса, монгольский военачальник 193, 199
Курицын И. В., русский дипломат 339
Курицын Ф., русский дьяк 334
Курц Б. Г., русский историк 283, 304
Кутеск, половецкий хан 151
Кучинский Ю. (Kuczynski J.), немецкий историк (ГДР) 88, 89, 95
Кучиньский С. (Kuczyński St.), польский историк 67
Кучум, сибирский хан 459—461
Кушева Е. Н., советский историк 456

Лаврентий, русский самозванец 498
Лавров П. А., русский славист 175, 177, 258, 260
Лазар Д. (Lazár Gy.), венгерский историк 132
Лазарь, сербский князь 249, 250
Лазарь Сербин, мастер 248
Ламанский В. И., русский славист 19
Ламберт фан Бодекен, ганзейский купец, 300
Ламберт Фролинк, любекский купец 300
Лампрехт К. (Lamprecht K.), немецкий историк-экономист 94—96, 110
Лапицкий И. П., советский литературовед 518—520, 525, 530
Лаппенберг Ю. М. (Lappenberg J. M.), немецкий историк 112, 204
Ларин Б. А., советский языковед 516
Ласкарис М. (Lascaris M.), греческий византинист 11
Ласло Сар, венгерский герцог 154, 155
Ласло I «Святой», венгерский король 145, 153—155, 167
Ласло Д. (László Gy.), венгерский археолог 157
Лаурдас Б. (Laourdas B.), греческий византинист 11
Лашков Ф. Ф., русский историк 368
Лебедев В. И., советский историк 380
Лев VI, византийский император и писатель 10, 11, 13, 171
Лев Грамматик, византийский хронист 170
Лев Диакон, византийский хронист 13, 15
Лев Триполитанин, арабский полководец 11
Лев Хиросфакт, византийский политический деятель и публицист 10, 13
Левашев В. С., русский дипломат 372

Леведий, вождь венгерских племен 134
Левенте, венгерский герцог 154, 174
Левицкий Т. (Lewicki T.), польский востоковед 60, 71, 72, 74—77, 82, 140
Левченко М. В., советский историк-византинист 3, 10, 12—15, 18, 22, 29, 86
Ледерер Э. (Lederer E.), венгерская исследовательница 5
Леммлейн Г. Г., советский минералог 53
Лёнинг Г. (Löning G.), немецкий историк 98
Леонарди, иезуит 496, 502
Леонид, архимандрит, русский историк 269
Лесников М. П., советский историк 280, 298, 299
Лестер, английский политический деятель 437
Лехнер Г. (Lechner G.), немецкий археограф 297
Лешек Черный, польский князь 127
Лешницер Ф., советский литературовед 526, 531
Лжедмитрий I, самозванец 417, 464—467, 469—476, 478—480, 483, 487, 498, 534, 535
Лжедмитрий II, самозванец 468 470, 472—474, 476—478, 481, 482, 489, 498, 534, 535
Лже-Петр (Горчаков И.), русский самозванец 469, 470, 475, 478—481, 484, 487, 498
Лигети Л. (Ligeti L.), венгерский историк 133, 134
Лимонов Ю. А., советский историк 5
Линдеблат, прусский хронист 274
Липшиц Е. Э., советская византинистка 9
Лихачев Д. С., советский историк древнерусской литературы 118, 121, 173, 226, 265, 266, 277
Лихачев Н. П., русский историк искусствовед 16, 206, 207, 267
Ловмяньский Х. (Lowmiański H.), польский историк 70, 87, 117, 119, 124, 125, 127
Локкарт Л. (Lockhart L.), английский историк 446
Лопарев Х. М., русский византинист 15. 16, 171, 176
Лосский К., русский историк 154
Лотоцкий А., историк церкви 270
Луба, самозванец 498
Лудат Г. (Ludat H.), немецкий историк (ФРГ) 17
Лудольф Г. В. (Ludolf H. W.), немецкий славист (XVI в.) 516, 517
Лудольф из Смоленска, немецкий купец 209
Лука, русский купец 300
Лукач Д. (Lukács Gy.), венгерский литературовед 517
Лурье Я. С., советский историк 5, 343, 426, 429
Лушин фон Эбенгрейт А. (Luschin von Ebengreuth A.), немецкий нумизмат 91, 98, 100
Люббен А. (Lübben A.), немецкий филолог 354
Любберт, немецкий купец 62
Любименко И. И., русская исследовательница 136
Любомиров П. Г., русский историк 46
Людвиг I, герцог Баварии 91
Людмила, чешская княгиня, «святая» 69
Людовик (Лайош), король польский и венгерский 252
Людовик IX «Святой», французский король 194—196, 198, 200, 201
Лютер М., немецкий писатель, основатель протестантизма 522
Лявданский А., русский археолог 50
Ляпунов П. П., дворянин, участник восстания Болотникова 479

Мавродин В. В., советский историк 15, 22, 75, 85, 86, 134, 169
Магмет-Салтан (Мамант-Салтан), золотоордынский хан 230
Магмет-Ходжа (Мамат-Хожа), золотоордынский хан 229
Магнус, епископ из г. Або 345
Магнус, принц датский, король Ливонии 405
Магнус Эриксон, шведский король 237, 238, 243, 254—256
Мадруч, кардинал 412
Маевский К. (Majewski K.), польский археолог 157
Мазарини, кардинал 491
Майков Л. Н., русский историк литературы 348—350, 519
Макарий, русский купец 300
Макарий, русский митрополит 275
Макартни С. (Macartney C. A.), английский историк 30
Мак Гриндль, английский историк 513
Маковский Д. П., советский историк 203, 209

Максим, новгородец 320
Максим, сербский игумен 505
Максим, сербский патриарх 505
Максим Грек, публицист и переводчик 268, 269, 348
Максими, иезуит 406
Максимилиан, австрийский эрцгерцог 410, 411, 413—416
Максимилиан I, германский император 334, 335, 339, 340, 342, 398
Максимилиан II, германский император 404, 406, 425, 426
Макушев В., русский историк-славист 494
Малеин А. И., русский археограф 187
Малькольм Д. (Malcolm J.), английский историк 446
Мальм В. А., советский археолог 280, 282, 284, 285, 291, 299
Малышев В. И., советский историк древнерусской литературы 240
Мамай, золотоордынский хан 229, 230, 238—244, 267
Манго К. (Mango C.), американский византинист 12
Манлих Б. (младший), немецкий купец 472
Мансветов И., русский историк литературы 265, 267, 268
Мануил, русский дипломат 358
Мануил, смоленский епископ 294
Мануил I Комнин, византийский император 55
Мануил II Палеолог, византийский император 249, 250, 272, 273
Маньков А. Г., советский историк 466
Марвази см. Шараф ал-Заман Тахир Марвази
Мардарий, цетиньский митрополит 496, 502
Мардарий, черногорский митрополит 496
Маржерет Ж., французский офицер, автор записок о России 469, 475, 476, 488, 491
Мария, польская королева 416
Мария Владимировна, киевская княжна, польская королева 123
Мария Дмитриевна, московская княжна 251
Мария Тюдор, английская королева 427—429
Маркварт И. (Marquart J.), немецкий востоковед 23, 25, 28, 30, 34, 36, 40
Марк Кальти, венгерский хронист 146
Марко, митрополит с Синайской горы 235
Марков А. К., русский нумизмат 57—59, 61, 62, 111
Маркова А. А., советский нумизмат 73, 103
Маркс К., 89, 95, 99, 278, 531
Марпергер П. Я., немецкий экономист 517
Мартин V, папа римский 274
Мартынка (Мартин), самозванец 498
Мархоцкий, польский военачальник, автор сочинения о России 481
Марцали Х. (Marczali H.), венгерский историк 134, 145, 158
Марш А., английский купец 436—439
Маслов В. И., русский литературовед 523
Маслов Н. М., советский археолог 103
Маслоковец Н. Г., русский историк 517
Масса И., голландский купец, автор сочинения о России 464, 471, 481—490
Масуд Сад Салман, индийский поэт 58
Матвей, русский купец 300
Матвей Парижский, английский хронист 190
Матфей, константинопольский патриарх 270, 271
Матфей, митрополит адрианопольский 248
Матью И. (Matthieu J.), немецкий литературовед 517
Мевс С. (Mews S.), немецкий историк 87
Медлин У. (Medlin W.), американский историк 8
Мезецкий В., русский дипломат 371
Мейендорф А., историк 7
Мейрано, семья венецианских купцов 97
Мелетий Смотрицкий, полоцкий митрополит 535
Мелих Я. (Melich J.), венгерский языковед 174
Мело Н. де, католический монах 468, 469
Менадье И. (Menadier J.), немецкий нумизмат 98, 99, 101
Менгке (Мангу), монгольский хан 197, 198
Менгли-Гирей (Минли-Гирей), крымский хан 370, 375
Менгу-Тимур, татарский хан 61, 62
Меп И., представитель дерптского епископа в России 388
Мерван, халиф 37, 39

Мерик Дж., английский посланник в Москве, автор сочинения о России 485—490
Мефодий, просветитель славян 177, 258, 259, 276
Мехди-кули-хан, правитель г. Ардебиля 454
Мешко I, польский князь 116, 118
Мешко II, польский король 121, 122, 129
Миклош, венгерский дипломат 192
Миклош Медьеши, венгерский миниатюрист 147
Миклошич Ф. (Miklosich Fr.), австрийский славист-языковед 263, 264, 270
Микула, русский купец 300
Микуцкий С. (Mikucki S.), польский историк 15
Миллер Ф. Б., русский поэт 530, 532
Милютин, сербский князь 498, 500, 503
Миндовг, великий князь литовский 125—127
Минорский В. Ф., востоковед 14, 20, 33, 34, 36, 39, 178
Мир-Калбаба-Кукилташ, наместник Герата 459
Мирон, русский купец 300
Мирчук И. (Mirtschuk I.), историк 9
Митчелл М. (Mitchell M.), английский историк 352
Митяй (Михаил), русский митрополит 232, 233, 262
Михаил, антиохийский патриарх 235
Михаил, венгерский князь 155
Михаил Андреевич, князь белозерский 288
Михаил Асень, болгарский царь 185, 257
Михаил Константинович, витебский князь 111, 220
Михаил Шишман, болгарский царь 258
Михальский Я. (Michalski J.), польский историк 403
Мишкох Панит, венгерский дипломат 201, 202
Мнишек Марина, польская авантюристка 464, 465, 467, 498
Мнишек Ю., сандомирский воевода 468, 470, 476
Мнишки, род польских магнатов 466
Моджтехеди М., иранский историк 446
Мойслав, польский феодал 122—124, 128, 129
Молвяников Я., русский дипломат 432, 433
Молла, голландский купец 436
Мольво К. (Mollwo C.), немецкий археограф 297
Мольнар Э. (Molnar E.), венгерский историк 132—134, 159
Монгайт А. Л., советский археолог 47, 115
Моравчик Д. (Moravcsik Gy.), венгерский историк-византинист 133, 135, 171, 177
Моттек Г. (Mottek H.), немецкий историк-экономист 95
Мохаммед, шах Ирана 452, 453
Мохаммед ал-Ауфи, персидский писатель 14
Мохаммед Ходабенде, шах Ирана 451, 452
Мошин В. А., историк 5, 18, 19, 498
Моэззи Н. К. Г., иранский историк 447
Мстислав, «святой» 258
Мстислав (Федор) Давыдович, смоленский князь 204, 206, 212, 214, 224
Мстислав Романович, смоленский князь 210, 211, 217
Мстиславский И. Ф., русский боярин 439
Мубарракшах Марварруди, персидский писатель 33, 58
Муравьев А. К., русский историк 494
Мурад I, турецкий султан 248, 249
Мурат-Гирей, крымский царевич 453
Мурид (Амурат), золотоордынский хан 229
Мустафа-паша, турецкий полководец 451
Мухаммед III, падишах Индии 515
Мухаммед Авфиз, индийский писатель 58
Мухаммед-Гирей (Герай), крымский хан 366, 453
Мухаммед-кули, хорезмский царевич 458
Мухаммед Соколлу-паша, турецкий великий визирь 449
Мухаммед Тахир Вахид, иранский историк 447
Мушерон, голландский купец 436
Мюллер И. (Müller J.), австрийский археограф 263, 264, 270

Навруз, золотоордынский хан 229
Нагой Аф., русский дипломат 374, 375

Накашидзе Н. Т., советский грузинский историк 420—422, 430
Напьерский К. Е., русский археограф 204
Насонов А. Н., советский историк и археограф 152, 173, 322, 380
Натон А., немецкий купец 472
Наум, болгарский «святой» 175
Нащокин А. Ф., русский самозванец 498
Немет Д. (Németh Gy.), венгерский тюрколог 142, 174
Немоевский С., польский дворянин 464—466, 470—472, 476
Непея О., русский дипломат 427, 428
Нерон, новгородский купец 300
Неру Д., индийский историк 460
Нестор, русский летописец 172, 175, 176
Нефедова Н. К., советская востоковедка 24
Ниенштедт Ф., ливонский историк 376, 378, 380, 384—386, 389, 390
Низами, азербайджанский поэт 56
Ниитемаа В. (Niitemaa V.), финский историк 337, 359, 360
Никандр Гаянский, византийский митрополит 248
Никитин А. см. Афанасий Никитин
Никитский А. И., русский историк 280
Никифор Фока, византийский полководец и император 29
Никола, дубровницкий купец 19
Никола Черногорец, византийский писатель 259
Николай Волк, немецкий купец 62
Николай Мистик, константинопольский патриарх, публицист 10—12
Никон, московский патриарх 505
Нил, константинопольский патриарх 262
Нил Курлятев, русский монах 268, 269
Нифонт, архимандрит из Иерусалима 235
Новалис, немецкий писатель 520
Новицкий Г. А., советский историк 383
Новосадский И. В., советский литературовед 341
Новосельский А. А., советский историк 366, 368
Новосельцев А. П., советский историк 5
Новосильцев Л., русский дипломат 434
Новоструев К., русский археограф 260, 275
Ногай, золотоордынский военачальник 202, 368
Нольте П. (Nolte P.), немецкий историк 97
Нордманн К. (Nordmann C.), немецкий историк 292, 300
Носек С. (Nosek S.), польский археолог 71

Овчинников Р. В., советский историк 463, 469
Одо, тосканский епископ 194
Одоакр, германский военачальник 69
Одоевский А. И., поэт-декабрист 523
Окко, голландский купец 436
Оксман Ю. Г., советский литературовед 524
Олег, древнерусский князь 9—15, 173, 175
Олег Иванович, рязанский князь 282
Олег Святославич, киевский князь 11
Олесницкий Н., польский посол в Москве 468, 472
Ольга, великая княгиня киевская 29, 31
Ольгерд Гедиминович, великий князь литовский 230, 236, 237, 241, 242, 251, 253, 256, 261, 263, 267
Ольджих, чешский князь 66, 92, 154
Ольчак И. (Olczak J.), польский археолог 80
Олчвари Э. (Olcsváry Ö.), венгерский историк 181
Онаш К. (Onasch K.), немецкий историк церкви (ГДР) 19
Опозда-Чапкевич М. (Opozda-Czapkiewicz M.), польский археолог 71
Оргельс П. (Orgels P.), бельгийский византинист 15, 16, 20
Орлов А. С., советский историк древнерусской литературы 124
Орлов В. С., советский историк 209
Орлов С. Н., советский археолог 97
Орозий П., римский историк 147
Осман-паша, турецкий великий визирь 453
Остен-Сакен П. (Osten-Sacken P.v.d.), немецкий историк 319
Острогорский Г., историк 9, 18, 19
Ота III, моравский князь 67
Оттокар, пфальцграф рейнский 190
Оттон III, германский император 118, 119
Очад, половецкий хан 138

Пабст Э. (Pabst E.), немецкий историк 349—351
Паве де Куртей (Pavet de Courteille), французский востоковед 24, 31
Павел IV, папа римский 401
Павлин Демский, католический миссионер 504, 505
Павлов А. С., русский археограф 264
Павлушкова М. А., советский историк 132
Пазуки Р, иранский историк 446
Паисий, будимльский митрополит 496
Паисий, сербский патриарх 496, 497, 500
Паиш Д. (Pais D.), венгерский историк литературы 135, 138, 140, 144, 163
Палффи Я. (Pálffy J.), венгерский историк 181
Папроцкий, чешский историк 68
Параскева Епиватская (Петка Тырновская), «святая» 270
Пардессю Ж. (Pardessus J. M.), французский археограф 357
Пархоменко В. А., советский историк 134
Паскуале Дж., католический миссионер 502, 503, 506
Пастернак Я., археолог 70, 156, 157
Пастор Л. (Pastor L.), немецкий историк 401
Патрикеев Иван, дьяк 499
Паулер Д. (Pauler Gy.), венгерский историк 134, 135, 145, 158, 171, 181, 192
Пахомий, переводчик 271
Пахомий Логофет, русский церковный писатель 277
Пашков Истома, дворянин, участник восстания Болотникова 463, 471, 472, 475, 479, 484—486, 489
Пашуто В. Т., советский историк, 86, 108, 117, 125—127, 169, 183, 185, 187, 197, 201, 215, 238
Паэрле Г., немецкий купец, автор сочинения о России 471, 472, 479
Перени Й. (Perényi Jó.), венгерский историк-славист 132—134
Перетяткович Г., русский историк 282
Перссон, шведский политический деятель 431
Пессина из Чехорода, чешский историк 68
Петр, русский митрополит 231, 266, 267
Петр I, русский император 352, 446, 515, 533, 535
Петр Дюсбург, немецкий хронист 117, 127
Петрей П., шведский путешественник, автор сочинения о России 462, 473, 475
Петров Н., русский историк 16
Пиварский К. (Piwarski K.), польский историк 403
Пий V, папа римский 450
Пик Б. (Pick B.) немецкий нумизмат 98
Пикок Р. (Роман Романов), английский купец 437, 438
Пимен, русский митрополит 233, 234, 247, 249, 262, 263, 275
Пирлинг П., католический историк 451, 468, 497
Писарев Д. И., русский критик 531
Писемский Ф., русский дипломат 432
Пич И. (Pič J. L.), чешский археолог 145, 156, 174
Пичета В. И., советский историк 211
Плано Карпини см. Иоанн де Плано Карпини
Платонов С. Ф., русский историк 386, 419, 439, 462, 476, 488
Плетнева С. А., советский археолог 139, 145, 150, 151, 172
Плеттенберг, магистр Ливонского ордена 379, 380
Пожоньи З. (Pozsonyi Z.), венгерский историк 154
Покорский-Журавко А. И., русский пчеловод 284
Покровский С. А., советский историк права 203
Полевой Н. А., русский писатель 520
Поливанов В. И., русский археолог 291
Полосин И. И., советский историк 377
Полянский Ф. Я., советский историк-экономист 95
Пономарев А. И., русский археограф 153
Попов А., историк древнерусской литературы 176, 480
Попов В. П., русский пчеловод 291
Попович Е., сербский историк церкви 261
Поппель Н., имперский дипломат 334
Попруженко М. Г., историк и филолог 261
Поршнев Б. Ф., советский историк 420, 422, 423, 442
Поссевино А., иезуит, папский нуций 407—409, 412, 413, 416, 432 434, 534

Потин В. М., советский нумизмат 5, 85, 92, 103
Пржемысловичи, династия чешских князей и королей 67
Приселков М. Д., русский историк и археограф 226
Прозоровский, путивльский воевода 310
Прончатов Н. Ф., советский историк 420, 436
Пронштейн А. П., советский историк 290
Прохор из Городца, русский живописец 248
Пташицкий С. Л., русский археограф 205
Пташьник Я. (Ptaśnik J.), польский историк 116
Пулад-Темир (Булак-Темерь), золотоордынский хан 230
Пушкарев Л. Н., советский историк 5
Пушкин А. С. 519, 523, 527, 533
Пшедзецкий А. (Przedziecki A.), польский археограф 123
Пшибыслав-Генрих, правитель Бранденбурга 91
Пфафф И. (Pfaff I.), чехословацкий историк 66, 78
Пыпин А. Н., русский литературовед и историк 519
Пясты, династия польских князей и королей 122, 123, 128
Пятый Андрей, новгородец 292

Рааб Г. (Raab H.), немецкий историк-славист (ГДР) 5, 343, 345, 349—351
Равдоникас В. И., советский археолог 103
Радомерский П. (Radomérsky P.), чехословацкий нумизмат 73
Радонич И., сербский историк 493, 495, 502, 506
Райнальд, архиепископ кёльнский 85, 96
Ралев Д., русский дипломат 339, 342, 348, 349
Ралев М., русский дипломат 342, 346, 348
Рамбо А. (Rambaud A.), французский историк 13
Рандольф Т., английский дипломат 429, 431, 433
Раппопорт П. А., советский археолог 137, 139
Расовский Д. А., историк 150
Рат Ф. (Rath Fr.), немецкий библиограф 521
Ратич А., советский украинский археолог 139
Раух Г. фон (Rauch G. von), немецкий историк (ФРГ) 8
Раушенбух, переводчик 527
Рашид-ад-Дин, историк и политический деятель монгольских правителей Ирана и Закавказья 198, 199
Регино и его Продолжатель, немецкие хронисты 135, 136, 155, 163
Рем, древнеримский легендарный герой 35
Ржига В. Ф., русский историк литературы 239
Рикард, венгерский монах 153, 158—160
Рихеза, польская королева 121
Рихтер А. фон (Richter A. von), немецкий историк 378, 380
Ришелье, кардинал 491
Рогге Е., епископ стренгнесский 345
Рогерий, венгерский писатель (XIII в.), автор сочинения о монголо-татарском нашествии на Венгрию 157, 181
Родес И. де, торговый агент Швеции в Москве 283
Рожков Н. А., русский историк 282
Рожнятовский А., польский шляхтич, приближенный Ю. Мнишека 465—472, 476, 479, 480
Розарио Р. (Rosario R.), итальянский историк 114
Розен В. Р., русский востоковед 33, 34
Розенберг, чешский магнат 406
Роман, болгарский монах 261
Роман Даниилович, галицкий князь 193
Роман Мстиславич, галицко-волынский князь 124, 143
Романов Б. А., советский историк 85, 87, 107
Ромул, древнеримский легендарный герой 35
Ронаи Хорват Я. (Rónai Horváth J.), венгерский военный историк 157
Ростислав Владимирович, тмутараканский князь 154
Ростислав Михайлович, черниговский князь 157, 185, 257, 258
Ростислав Мстиславич, киевский князь 19
Ростислав Мстиславич, смоленский князь 294
Ростовский И. С., русский князь 288
Ростовский С. (Rostowski St.), польский историк 402

Рохоньи Д. (Rohonyi Gy.), венгерский историк 157
Рошти Ж. (Rosty Zs.), венгерский историк 181
Рубинштейн Н. Л., советский историк 81
Рубрук см. Вильгельм Рубруквис
Руденко С. М., советский археолог 284
Рудольф II, германский император 410, 412
Рудольф из Эмса, немецкий средневековый писатель 97
Рунйар Ж., французский историк 18
Руссов Б., ливонский историк 325, 378, 379, 384, 386, 391
Рутенберг О. фон (Rutenberg O. von), прибалтийско-немецкий историк 392
Рутце Н., магистр Ростокского университета 343
Руффман К. (Ruffmann K. H.), немецкий историк (ФРГ) 419, 443
Рыбаков Б. А., советский историк и археолог 17, 48, 78, 85, 86, 102, 107, 108, 151, 203, 209, 217
Рыжмберки, чешские феодалы 68
Рылеев К. Ф., поэт-декабрист 523
Рэнсимен С. (Runcimen S.), английский историк 7
Рюдберг О. (Rydberg O. S.), шведский археограф 429
Рюккерт Ф., немецкий поэт 531
Рюриковичи, династия русских князей 411, 416
Рютимейер Э. (Rütimeyer E.), немецкий историк 95

Саадат-Гирей, крымский хан 453
Савва, болгарский монах 261
Савва, русский церковный деятель 259
Савелий, русский самозванец 498
Савельев П. С., русский нумизмат и археолог 72
Савин Н. И., советский археолог 50
Савченко С. В., русский фольклорист 520
Садиков П. А., советский историк 449
Сайкс П. (Sykes P.), английский историк 446
Сайф ад-Даула, сирийский эмир 28, 30
Саксон Анналист см. Анналист Саксон
Саксон Грамматик, датский хронист 85
Салаи Л. (Szalay L.), венгерский историк 181
Салчей, золотоордынский хан 231
Самойло А. С., советский историк 420, 436
Сапега Я. П., польский военачальник 476
Сапунов Л. П., русский этнограф и археолог 203, 223
Сапунов Б. В., советский историк 347
Сардари Р., иранский историк 447
Сартах, монгольский хан 196, 197
Сарторнус Г. Ф. (Sartorius G. F.), немецкий историк 112, 204, 205, 215
Саси С. де, французский востоковед 26
Сатя, рязанский бортник 287
Сахыб-Гирей, крымский хан 367
Свенссон С. (Svensson S.), шведский историк 377, 392, 393, 395
Сверре Сигурдсон, норвежский король 92
Святоплук, великоморавский князь 149, 177
Святополк «Окаянный», древнерусский князь 120, 121, 155, 173
Святополк Изяславич, великий князь киевский 82
Святополк Мстиславич, новгородский князь 67
Святослав Владимирович, древнерусский князь 140, 155, 173
Святослав Игоревич, древнерусский князь 16, 37, 45, 75, 76
Святский Д. О., советский астроном 349
Сейид-Хусейн (Сеит-Хосен), иранский дипломат 448
Сейпель А. (Seippel A.), норвежский востоковед 23—25, 30
Секфю Д. (Szekfü Gy.), венгерский историк 134, 157
Селиванов А. Ф., русский историк 299
Селим II, турецкий султан 449
Семен, русский самозванец 498
Семен Иванович, великий князь московский 230, 232, 236, 237
Семен (Лугвений) Ольгердович, литовский князь 251
Семен Черный, русский живописец 248
Семенов В., русский археограф 285
Сентпетери И. (Szentpétery I.), венгерский археограф 136, 137, 192, 194
Серапионова З., советский литературовед 526
Серафим Э. (Seraphim E.), прибал-

тийско-немецкий историк 314, 378, 379, 387, 390, 391
Середонин С. М., русский историк 439
Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевой лавры 234, 262, 264, 266
Сержпутовский А. К., русский этнограф 284, 291
Сесиль-Берли, английский лорд-казначей 432, 437
Сефевиды, династия иранских шахов 449, 452
Сигизмунд II Август, польский король 403, 405
Сигизмунд III, польский король 410—418, 464, 481
Сидко Молчанов, русский переписчик 268
Сизов И. А., советский историк 56
Сикст V, папа римский 409
Силадьи Л. (Szilágyi L.), венгерский археограф 132, 137, 140, 163, 167
Сильвестр Малой из Новгорода, студент Ростокского университета 344
Симеон, болгарский царь 170
Симеон, сербский митрополит 496
Симеон, тырновский патриарх 259
Симеон Логофет (псевдо-Симеон), византийский хронист 10—13, 15
Симеон Мироточивый, церковный писатель 267
Симеон Полоцкий, русский писатель 516, 517
Симон, картлийский царь 452
Симон (Шимон) Кезаи, венгерский хронист 146—148
Синан-паша, турецкий полководец 451
Синор Д. (Sinor D.), английский историк 158
Сиссон Ч. (Sisson Ch.), английский историк 437, 438
Скальский Г., чешский историк и нумизмат 73
Скарга П., польский проповедник 406
Скилица см. Иоанн Скилица
Скирмунт, легендарный родоначальник литовской княжеской династии 241
Скотт В., английский писатель 524
Скрипиль М. О., советский историк древнерусской литературы 246
Смирнов А. П., советский археолог 60
Смирнов В. Д., русский историк 452, 453
Смирнов И. И., советский историк 462, 463, 467, 469, 471, 474, 477, 479, 484, 485, 487
Смирнов Н. А., советский историк 449
Снегаров И., болгарский историк 5, 257, 259, 264, 271, 276
Снегирев И. М., русский фольклорист 519
Собеслав, чешский князь 67
Соболевский А. И., русский филолог 205, 258—260, 265, 268, 269, 277
Совард, вождь венгерских племен 136
Совин А., русский дипломат 431
Совин Г. И., русский дипломат 371
Соколов Ю. А., советский историк 420, 422
Соловьев А. В., историк 16
Соловьев С. М., русский историк 320, 321, 385, 462, 510
Соломон, иудейский царь 242
Сорранцо Яков, венецианский дипломат 494
Сотникова М. П., советский археолог 112, 113
Софья Витовтовна, великая княгиня московская 251, 252, 263, 267
Спада, кардинал 504
Спасский И. Г., советский нумизмат 90, 91, 106, 112
Сперанский Н. М., русский историк литературы 277
Спицын А. А., русский археолог 86
Срезневский И. И., русский археограф и языковед 37, 56, 107, 141, 144, 175, 205, 258, 260, 364
Стадницкий А., польский дворянин 465, 468, 471, 472, 479
Стадницкий М., польский дворянин 462, 465, 467, 470, 472, 476
Стамаки, слуга Т. Акиндинова 499, 506
Станкевич Я. В., советский археолог 87
Старокадомская М. К., советский историк 86
Старчук И. Д., советский украинский археолог 139
Стенбергер М. (Stenberger M.), шведский нумизмат 101, 106, 107, 112
Стефан Венгерский см. Иштван I «Святой»
Стефан Дечанский, сербский король 269

Стефан Душан, сербский король 259
Сторани Л., дубровницкий консул в г. Анконе 507, 508
Стригин-Оболенский Л. И., русский дипломат 371
Строичиньский К. (Stronczyński K), польский нумизмат 103
Сугорский, русский дипломат 425
Сугорский И., русский историк 445
Сулейман (Челябий), турецкий полководец 242, 243
Сулейман II Кануни, турецкий султан 449
Сулешевы, род крымских князей 367—375
Суиппер, иезуит 402
Сухомлинов М. И., русский историк литературы 518, 520
Сыроечковский Б. Е., советский историк 366—368, 370
Сюзюмов М. Я., советский историк-византинист 13

Табари, арабский историк 10
Тавернье, французский путешественник 514
Таганьи К. (Tagányi K.), венгерский историк 176
Такшонь, венгерский князь 145
Талшанин Ф. М., русский бортник 285
Тардель Г. (Tardel H.), немецкий литературовед 521, 522, 524, 525
Татев Б. П., русский боярин 484
Татищев В. Н., русский историк 81, 83, 124, 324, 325
Таубе М. (Taube M. de), историк 8
Тауфенбах, имперский посол в Польше 410
Тахмасп, иранский шах 450,451, 454, 457
Тверитинова А. С., советский историк 456
Тебеньков М., русский историк 56, 59
Тейбер В. (Taeuber W.), немецкий историк-экономист 94
Тейнер А. (Theiner A.), польский археограф 406
Тектандер Г., имперский дипломат 456
Телебуга, татарский хан 202
Телятевский А. А., боярин, участник восстания Болотникова 481, 483
Темеш, крымский дипломат 372
Теодоров-Балан А., болгарский славист 259, 260
Теплоухов А. Ф., уральский краевед 159
Терентий, русский купец 300
Тетень (Tuhutum), вождь венгерских племен 164
Тетцнер И. (Tetzner J.), немецкий славист 517
Тидеман Фосс, дерптский купец 300
Тизенгаузен В. Г., русский востоковед 63
Тизенгаузен Ф., юрьевский дворянин 390
Тиле Падзе, выборжский купец 297
Тимофеев И., русский историк 479, 487
Тимофей, болгарский монах 261
Тимур (Темирь-Аксак, Тимурлэнг), среднеазиатский полководец 227, 245, 246, 256, 514
Тимур-Кутлуг (Темерь-Кутлуй), среднеазиатский царевич 245—247
Тимур-Ходжа, золотоордынский хан 229
Тинибек, золотоордынский хан 228
Титмар Мерзебургский, немецкий хронист 120
Титов А. А., русский археограф 465, 471
Тихомиров И., русский историк 203
Тихомиров М. Н., советский историк 3, 12, 19, 56, 102, 131, 152, 206—208, 212, 239, 242, 251, 260, 277, 289, 494
Тихонравов Н. С., историк русской литературы 518
Товлувий, золотоордынский тёмник 229
Тогай, золотоордынский хан 230
Токта, золотоордынский хан 228
Толстов С. П., советский археолог и этнограф 53, 172
Толстой Ю., русский историк 419, 428, 429, 431—433, 436, 439, 441
Торкель Кнутсон, шведский маршал 254
Торнберг Х. (Tornberg Ch. J.), голландский востоковед 38
Тохтамыш, золотоордынский хан 244—247
Точик А. (Točik A.), чехословацкий археолог 79
Траханиот Ю., русский дипломат 339, 341, 342, 344, 345
Третьяков П. Н., советский археолог 48
Трифон, русский купец 300
Тройден, великий князь литовский 127

Тургенев А. И., русский археограф 465—467
Турек Р. (Turek R.), чехословацкий историк 78, 79
Гури Й. (Thury Jó.), венгерский востоковед 134, 156
Гури Г. фон (Делатор), имперский дипломат 334, 340—342, 349
Тюфякин В. В., русский дипломат 460

Узбек, золотоордынский хан 228
Уланд Л., немецкий поэт 520
Ульяна Александровна, тверская княжна 236, 251
Улыбашев С., русский бортник 287
Унбегаун Б. О. (Unbegaun B. O.), славист 136, 137
Ункель И. ван, автор свидетельства о В. Готане 345, 348
Унковский В. Я., русский дипломат 510
Уолсингем, английский государственный секретарь 437
Урбан VIII, папа римский 505
Усачев Н. Н., советский историк 4, 85, 203, 204, 210, 211, 215
Успенский С. М., советский филолог 205, 217
Устрялов Н. Г., русский историк 464—469, 472—478, 480, 481, 485, 533

Фаддей, монах 8
Фарнгаген фон Энзе, переводчик с русского языка на немецкий 524
Фархад-паша, турецкий полководец 452
Фархад-хан Караманлу, иранский полководец 454
Федор, слуга Д. Ралева 340
Федор Иванович, русский царь 410, 411, 417, 434, 435, 439, 441, 442, 453, 455, 475, 498, 534
Федор Ростиславич, смоленский князь 206, 220—222
Федор Федорович, князь 285
Федоров А. Ф., русский нумизмат 106—108
Федоров Г. Б., советский археолог 81, 109
Фейер Д. (Fejér Gy.), венгерский археограф 141, 143, 157, 169, 186, 194
Фекингаузены, семья купцов из Брюгге 300
Фельэдьхази Й. (Félegyházi Jó.), венгерский историк 181
Феогност, русский митрополит 231, 232, 234
Феогност, трапезундский митрополит 235
Феодор, игумен Симонова монастыря 265
Феодор, русский самозванец 498
Феодор Скутариот, византийский хронист 10
Феодорит, киевский митрополит 259
Феодосий II, тырновский патриарх 259
Феодосий, священник, приближенный Т. Акундинова 499, 500, 506
Феодосий, сербский священник 497
Феодосий Печерский, русский церковный писатель 258
Феодосий Полоцкий, русский церковный деятель 271, 272
Феодосий Тырновский, исихаст 261
Феофан Грек, живописец из Византии, работавший в России 248
Феофил, византийский император 42
Феофил, новгородский архиепископ 325
Феофил из Любека, врач и переводчик 351
Феофилакт Болгарский, церковный писатель 265
Феофилакт Севастийский, византийский церковный деятель 8
Фердинанд II, германский император 416
Фердинанд Тирольский, эрцгерцог 410, 412, 413, 415
Фердинанди М. (Ferdinandy M.), историк 131, 178
Ферменджин Е. (Fermendžin E.), хорватский археограф 497
Феррарский, герцог 404
Ферсман А. Е., советский минералог 53
Феттих Н. (Fettich N.), венгерский археолог 133, 134
Фехер Г. (Fehér G.), венгерский историк 133, 134
Фехнер М. В., советская исследовательница 5, 291, 366, 444
Фиала Э. (Fiala E.), чешский нумизмат 90, 92
Фидлер К., участник восстания Болотникова 474
Филарет, московский патриарх 487, 489
Филипп, писатель 259
Филипп II, испанский король 427, 428, 434, 435, 440—442, 450, 451

Филипп (Ф. С. Колычов), русский митрополит 517
Филофей, константинопольский патриарх 232, 261, 262, 264, 268
Финч, английский купец 437, 438
Флетчер Дж., английский дипломат, автор сочинения о России 304, 434, 436, 439
Флоровский А. В., историк 5, 68, 341
Фолкоун, рижский епископ 217
Фома, сербский князь 498, 500, 501
Фома Сплитский, далматинский хронист 181
Форстен Г. В., русский историк 429, 430
Фортинский Ф. Я., русский историк 214, 224
Фостер У. (Foster W.), английский историк 446
Фотий, константинопольский патриарх 7
Фотий, русский митрополит 271—273
Фрай Р. (Frye R.), американский востоковед 14
Франциск I, французский король 426
Франчес Э. (Frances E.), румынский славист 75
Фриденбург Ф. (Friedenburg F.), немецкий нумизмат 101
Фридрих I Барбаросса, германский император 55, 85
Фридрих II Гогенштауфен, германский император 189, 190, 195, 199
Фридрих Бабенберг (Воинственный), австрийский герцог 188, 189
Фридрих фон Совеникен, купец 300

Хаджи Халифа, арабский историк 34, 35, 454, 458
Хаджим-хан, хорезмийский хан 458
Хайдар-Мирза, иранский дипломат 454
Халаши Кун Т. (Halasi Kun T.), венгерский историк 133, 158
Халецкий О. (Halecki O.), историк 413, 417
Хамза-Мирза, иранский военачальник 452, 457
Хаммер И. де (Hammer J. de), австрийский востоковед 33—35, 451—453, 458
Хан-Ахмед-хан, властитель Гиляна 454
Ханенко Б. Н., украинский археолог 48
Ханенко В. Н., украинский археолог 48
Харун ибн Йахйа, арабский писатель 26
Хасан Румлу, иранский историк 447, 448
Хатц Г. (Hatz G.), немецкий нумизмат 97, 99, 100, 101
Хвойко В. В., украинский археолог 16, 48
Хвольсон Д. А., русский востоковед 32—34, 36, 38, 39, 178
Хворостинин И. А., русский писатель 487
Хейуорд Т., английский купец 437, 438
Хидырьбек, золотоордынский хан 228
Хинрик де Бохольт, ганзейский купец 296
Хмельницкий Б., гетман Украины 509—511
Хмыров М. Д., русский историк 109
Ховорт Г. (Howorth H. H.), английский историк 183
Ходинка А. (Hodinka A.), венгерский историк и археограф 168, 186
Хозников А., русский дипломат 450
Хокон VI, норвежский король 253
Хоман Б. (Homan B.), венгерский историк 91, 92, 96, 132, 134, 136, 145—149, 153, 155, 158, 161, 163, 164
Хонигман Э. (Honigmann E.), бельгийский историк 8
Хонти Я. (Honti J.), венгерский историк 164
Хорват М. (Horváth M.), венгерский историк 132
Хорват Я. (младший) (Horváth J. ifj.), венгерский историк литературы 146, 164
Хорошкевич А. Л., советская исследовательница 4, 88, 90, 99, 517
Хубилай, монгольский хан, император Китая 183
Хулагу-хан, монгольский хан 198, 199
Хюлек, вождь венгерских племен 136

Цамблак см. Григорий Цамблак
Цегледи К. (Czeglédy K.), венгерский востоковед 134
Целестин, папа римский 191
Целлнер Э. (Zöllner E.), австрийский историк 69
Цинар М. (Czinár M.), венгерский археограф 140

Цупенец А. (Cupieniec A.), польский нумизмат 101
Чапкевич А. (Czapkiewicz A.), польский археолог 71
Чарторыйские, польские магнаты 465
Челищев И., русский дипломат 369
Челябий-Амира, турецкий полководец 248
Ченслер Р., английский мореплаватель 427
Черепнин Л. В., советский историк 5, 280
Чернины, род чешских феодалов 68
Чешихин Е. В., русский историк и археограф 385
Чижевский Д., литературовед 343, 517
Чумиков А. А., русский археограф 389
Чингисхан, монгольский завоеватель 514

Шадибек, золотоордынский хан 247
Шадрин В., русский дипломат 369
Шаламон, венгерский король 155
Шамбинаго С. К., русский литературовед 242
Шамиссо А. фон, немецкий поэт 516, 520—532
Шаплер И. (Schapler J.), немецкий литературовед 529
Шарапова З., советский историк 142
Шараф ал-Заман Тахир Марвази, арабский писатель 14, 15, 33, 36
Шаррьер Э. (Charriere E.), французский археограф 428
Шаскольский И. П., советский историк 4, 5, 254, 320
Шаубе А. (Schaube A.), немецкий историк 86, 89, 100
Шафер, польский агент в Иране 451
Шафраньска З. (Szafrańska Z.), польский археолог 80
Шахматов А. А., русский источниковед и лингвист 172, 173, 175
Шаховской Г. П., боярин, участник восстания Болотникова 473—475, 478, 480, 481
Шебештьен Д. (Sebestyén Gy.), венгерский историк литературы 145, 163, 164
Шевригин И., русский дипломат 432
Шевченко И. (Ševčenko I.), американский византинист 19
Шегаб Эддин (Шихаб ад-дин), арабский географ 59
Шеленговский А. (Szelągowski A.), польский историк 442
Шереметев Б. П., русский политический и военный деятель 535
Шереметев И. В., русский боярин 439
Шереметев Ф., русский боярин 439
Шереф-хан Бидлиси, иранский историк 451, 452, 454
Шеттле Г. (Schöttle G.), немецкий нумизмат 91
Шехаб ад ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн али ал-Калкашанди, арабский писатель 59
Шиллер К. (Schiller K.), немецкий филолог 354
Шиманн Т. (Schiemann Th.), прибалтийско-немецкий историк 387, 397
Шиманьский В. (Szymański W.), польский историк 74, 77, 78, 80, 87
Шимрак Я. (Šimrak J.), хорватский археограф 497
Шихаб ад-дин Ахмед ибн Йахйа ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашки, арабский географ 59
Шлегель Ф., немецкий писатель 52
Шлитте И., представитель Ивана IV в Германии 396
Шлютер В. (Schlüter W.), немецкий историк 113, 292, 293
Шмелева И. Н., советский историк 304
Шмидт С. О., советский историк 5, 369, 386
Шмоллер Г. (Schmoller G.), немецкий историк 95
Шмурло Е. Ф., историк, 402, 403, 406—408, 435 493, 494, 497, 502—504, 506, 533—536
Шнелль И., любекский печатник 343, 345
Шош А. (Sos A.), венгерский археолог 134
Шпаковский Л. Я., русский историк 444
Шрёдер Г. (Schroeder H. G.), немецкий историк 86
Шрейнер И. (Schreiner J.), немецкий историк 88
Штавенхаген О. (Stavenhagen O.), немецкий историк 314
Штейн А., археолог 513
Штепкова И. (Štepková I.), чешский нумизмат 73
Штерн К. (Stern C. von), немецкий историк 310, 320, 321, 377
Штида В. (Stieda W.), немецкий археограф 279, 297, 302
Шуботц Э. (Schubotz E.), немецкий литературовед 529
Шуйский В., русский дипломат 371
Шуйский Василий см. Василий Шуйский.

Шуйский Д. И., русский боярин 171
Шуйский Иван Васильевич см. Акундинов Тимофей
Шумаков С., русский археограф 281
Шютц Э. (Schütz Ö.), венгерский историк 183

Щапова Ю. Л., советский археолог 48
Щеголев П. Е., русский историк 533
Щелкалов А. Я., русский дьяк 439. 440
Щербачев Ю. Н., русский археограф 379, 384, 389
Щербина П. С., советский пчеловод 286, 293

Эверт-Каппесова Х. (Evert-Kappesowa H.), польская византинистка 76
Эд, половецкий хан 138
Эдёмен, половецкий хан 138
Экбаль А., иранский историк 446
Эккехард, немецкий хронист 163
Энгельбрехт Боннит, рижский бюргер 298
Энгельс Ф. 95, 531
Эрдейи Д. (Erdélyi Gy.), венгерский военный историк 139
Эрик XIV, шведский король 429—431
Эрлих Э. (Ehrlich A.), немецкий литературовед 527, 529
Эрман, немецкий ученый 523
Эрматингер Э. (Ermatinger E.), немецкий литературовед 529
Эрнст, эрцгерцог 405, 412
Эт, половецкий хан 138
Этельред II, английский король 90

Юберсбергер Г. (Ubersberger H.), австрийский историк 342, 439
Юдьек, вождь венгерских племен 136, 137
Юлиан, венгерский монах, путешественник 153, 158—160
Юрий, новгородец 320
Юрий Васильевич, псковский князь 311
Юрий Владимирович Долгорукий, князь ростово-суздальский, великий князь киевский 141, 168
Юрий Всеволодович, великий князь владимирский 60
Юрий Данилович, великий князь владимирский 254
Юрий Дмитриевич, князь галицко-звенигородский 285
Юрьенс И. И., русский историк 321, 377, 378, 380, 386, 387, 389
Юстин, римский писатель 163
Юшков А., русский археограф 282, 286, 287

Явнут Гедиминович, литовский князь 236
Ягайло Ольгердович, великий князь литовский, король польский 236, 252, 264, 267, 274
Яган Синельсен см. Акундинов Тимофей
Ягеллоны, династия 401, 403, 404, 410
Ядвига, польская королева 252
Яжджевский К. (Jażdżewsi K.), польский историк 78
Якимович Р. (Jakimowicz R.), польский историк 74
Якуб Дуббельсон, фландрский купец 298
Якобсон А. Л., советский археолог 86
Якобсон Р. (Jakobson R.), славист 77
Яков, новгородский наместник 362
Яков Святослав, правитель области в Болгарии 257, 258
Якубович А. (Jakubovics A.), венгерский археограф 135
Якубовский А. Ю., советский востоковед 38, 42, 44, 184, 197
Яммер (Хатц) В. (Jammer-Hatz V.), немецкий нумизмат 87, 88
Ян (Иоанн) Длугош, польский хронист 123, 127
Янин В. Л., советский нумизмат 46. 47, 51, 52, 57, 72, 73, 75, 80, 84, 85. 89, 90, 98, 102, 104, 106, 107, 115
Янина С. А., советский нумизмат 47
Янья, раб дубровницкого купца 19
Яромир, чешский князь 92
Ярополк II Владимирович, великий князь киевский 168
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь киевский 18, 56, 119—124, 128, 129, 154, 289
Ярослав Всеволодович, князь переяславль-залесский 60, 61, 185, 320
Ярослав Святополкович, волынский князь 124, 153, 154
Ярослав Ярославич, великий князь тверской 57, 61, 62
Ясинский М. Н., русский историк права 358
Ясновский Я. (Jasnowski J.), польский историк 428, 442
Яцимирский А. И., русский историк 265, 269—272, 274—276, 495

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные сокращения: г.— город, д.— деревня, м.— местечко, о-в— остров, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село.

Аахен, г. 99
Абаскун, порт на Каспийском море 33
Абидос (Абуду), г. 23—25, 27
Або, г. в Финляндии 298, 300, 350
Абхазия 245
Австрия 69, 76, 91, 193, 401, 404, 405, 407, 414—417, 491, 492, 495, 509
Азербайджан 228, 448, 451, 454, 457
Азовское море (Меотида) 23, 24, 86, 174
Аккон, г. 195, 197, 198
Ак-Орда (Синяя Орда) 245
Аламут, крепость в Иране 453
Алания 158
Ал-Байда, г. в Хазарии 37
Албания 495
Александрия, г. 49, 235
Ал-Хадас, крепость 28, 30
Альта (Льто), р. 150
Америка 400
Амоль, г. в Иране 58
Амстердам, г. 535
Анатолия 24
Англия 5, 18, 278, 279, 286, 416, 419—443, 450
Анкара, г. 245
Анкона, г. в Италии 503, 507, 508
Антиохия 235
Арестовское, с. 282
Армения 245, 452, 454
Архангельск, г. 436, 475, 482, 488
Ассирия 245
Астраханское ханство 369, 449
Астрахань (Хазитороканъ), г. 231, 449, 450, 453, 458, 482, 498, 499, 507
Ателькузу см. Этелькёз
Аугсбург, г. 472
Афганистан 58, 59
Афон, гора 18, 248, 269, 274, 276, 499

Бавария 76, 83
Багдад, г. 58, 198, 245, 514
Бадахшан, область 53, 59
Баку, г. 58, 453, 455
Баланджар, г. в Хазарии 37
Балканы 65, 248, 256, 450, 494, 495
Балтийское море (Соленое море, Балтика) 72, 85, 116, 118, 123, 129, 210, 223, 240, 306, 328, 343, 344, 353, 357, 359, 361, 363, 364, 377, 383, 395—398, 402, 403, 408, 426, 429, 432, 443, 491. См. также Прибалтика
Балх, г. 59
Басра, г. 53, 58
Бахмани, область в Индии 515
Бахчисарай, г., столица Крымского ханства 368, 374, 453
Башкирия 159
Бежецкая пятина (в Новгородской земле) 282
Бежта, с. 53
Бездеж, г. 230, 231
Белая Вежа, г. в Хазарии 37, 39
Белгород Днестровский, г. 84, 85, 103, 105, 108
Белгородка, с. 16
Белград, г. 270
Белев, г. 477, 478, 480, 481
Белз, г. 139
Белзская земля 121
Белое море 240, 398, 423
Белоозеро, г. 288, 464, 465
Белоруссия 137, 286, 291
Бенарес, г. в Индии 514, 515

Бердаа, г. в Закавказье 14
Берестье (Брест), г. в Древней Руси 57, 120, 121, 123, 125
Берлад, г. в Древней Руси 75
Бидар, г. в Индии 515
Бихар, комитат в Венгрии 154
Благовещенское, с. 103
Боденское озеро 100
Бодрог, р. в Венгрии 156
Болгар Великий, г. в Волжской Болгарии 58, 60
Болгария Великая (в Причерноморье) 174
Болгария Волжская (Камская) 51, 56, 58—60, 62, 63, 153, 158, 159, 230
Болгария Дунайская 6, 9, 25, 55, 158, 239, 242, 243, 248, 257—277, 499, 509
Болехов, г. 156, 157
Болхов, г. 471, 477, 478, 480, 481
Борки, с 107
Боровск, г. 281
Боровская, д. 103, 108
Борщовка, д. 112
Босния 501
Босфор, пролив 22
Бранденбург, г. 91
Бранибор, г. 118
Братислава, г. 76
Брауншвейг, г. 221
Брахманабад, г. 53
Брест см. Берестье
Брно, г. 80
Брюгге, г. 100, 300
Брянск, г. 294
Буг Западный, р. 74, 123
Буковина 76
Бунда, г. 158
Бухара, г. и ханство 58, 445, 458—461, 515
Буяницы, д. 103
Быргеу (Боргои), перевал 157

Вавилонское царство 245, 246
Ваг, р. 144
Валахия 270, 509
Варшава, г. 411, 412
Васильевское, с. 50
Васьково, д. 103
Ватикан 5, 348, 450, 534, 535. См. также Рим
Веда, страна 158
Великая, р. 103
«Великая Венгрия» (область в бассейне р. Камы) 153, 158, 160
Великие Луки, г. 61
Великое, озеро 311, 317
Великоморавское государство 66, 149, 172
Великоселецкое, с. 105
Велюнь, повет 101
Вена, г. 401, 492, 533—535
Венгрия (Угрия) 5, 6, 48, 51, 75, 76, 81, 83, 92, 100, 121, 125, 130—202, 401, 404, 408, 415, 417, 424, 449, 492, 509
Венеция, г. и государство 407, 408, 428, 240, 492, 495, 502, 503, 508, 509
Верецкий перевал (в Карпатах) 143, 148, 156, 161
Верхнее Синевидное, с. 157
Вещево-Хейньоки, с. 103
Видин, г. 270
Византия (Византийская империя) 7—20, 21—31, 55, 65, 76, 86, 118, 140, 150, 172, 187, 231—234, 235 240, 245—250, 256, 262, 264, 265, 269, 275, 276
Вильно (Вильнюс), г. 237, 252, 271, 274, 275, 294, 408
Виньско (Винциг), г. в Польше 101
Вирландия (Вирумаа), область в Ливонии 315
Висби, г. 203, 204, 210, 214, 225
Висла, р. 66, 67, 70, 74, 129
Висмар, г. 300
Витебск, г. 210, 212, 219, 220
Витебская земля 62
Вихмязь, д. 73, 103, 108
Владимир, г. 59, 60, 62, 201, 500
Владимир-Волынский, г. 81, 132, 139, 142—144, 162, 168
Владимиро-Суздальское княжество (земля) 55—63, 160. См. также Суздальская земля
Влахерны, монастырь в Византии 15
Водская пятина (в Новгородской земле) 282, 361
Войнилово, с. 157
Волга, р. 37, 40. 52, 56, 58, 61, 63, 65, 118, 133, 137, 150, 153, 159, 229, 231, 282, 383, 449, 486, 514, 515
Вологда, г. 464, 482, 484, 499
Вологодская губерния 159
Волхов, р. 117
Вольмар (Валмиера), г. в Ливонии 301, 337, 383
Волынь, Волынская земля 68, 81, 128, 129, 142, 143, 183—202, 209, 237. См. также Галицко-Волынская Русь

Вормс, г. 90, 99
Воронеж, г. 134
Ворскла, р. 246
Восма, р. 470, 478, 479
Вроцлав, г. 74
Выборг, г. 297, 298, 301, 302
Вырка, р. 484
Вышгород, г. в Венгрии 154
Вышгород, г. в Киевской Руси 137
Вышгород, г. в Северо-Восточной Руси 281
Вышгородок Псковский, г. 325
Вятка, область 324
Вятская губерния 159

Газна, г. 59
Галагово, с. 179
Галац (Малый Галич), г. 75
Галицкая земля (Галичина) 70, 74, 75, 81, 125, 129, 140, 143—145, 163, 168, 183—202, 270. См. также Галицко-Волынская Русь
Галицко-Волынская Русь (княжество) 137, 139, 140, 183—202
Галич, г. 50, 76, 132, 139, 141, 144, 156, 157, 162, 168, 169, 185—202
Галич Малый см. Галац
Гамбург, г. 110, 111
Ганза 3, 61, 113, 203, 223, 293, 297, 304, 307, 332, 336, 338, 352, 352, 357, 358, 360, 363—365
Гаррия (Харьюмаа), область в Ливонии 315
Гарц, область в Германии 99
Гдов, г. 325
Гем, местность 12
Герат, г. в Афганистане 59, 459, 460
Германская Демократическая Республика 6, 531
Германия, Германская империя, Германский союз 55, 84—115, 118, 119, 121, 122, 135, 177, 190, 343—351, 396, 400, 423, 425, 434, 450, 455, 473, 491, 516—532
Гильдесгейм, г. в Германии 17
Гилян, область в Иране 245, 454
Голландия см. Нидерланды
Гольштиния, герцогство 511
Горган, залив Каспийского моря 33
Гороховский уезд 282
Гота, г. 98
Готланд, о-в (Готский, Готский берег) 85, 10, 106, 107, 112, 204, 208—210, 215—219, 221, 222, 224, 293, 301, 302, 357, 362
Гродно, г. 74
Грузия 183, 245, 445, 446, 453, 454, 457, 458
Гюлистан 245

Дагестан 53, 452, 453, 456
Далмация 182, 496
Дамаск, г. 57, 245
Данилов, г. 143
Даниловский уезд 103, 105
Дания 85, 97
Данциг (Гданьск), г. 301, 302, 326
Дарданеллы, пролив 22, 24, 25
Двина Западная, р. 52, 117, 209, 210, 217, 223, 471, 514. См. также Подвинье
Двуречье 58
Дегтяны, д. 73, 92, 103
Декан, область в Индии 58
Дели, г. 59, 514
Демшино, д. 103
Денисы, с. 103, 108
Дербент, г. 58, 239, 240, 245, 453, 455, 457
Деревская пятина (в Новгородской земле) 282
Дерпт см. Юрьев
Десна, р. 52
Дзанглун, местность в Тибете 519
Дмитров, г. 291, 316
Днепр, р. 12, 52, 74, 81, 117, 134, 137, 209, 210
Днестр, р. 40, 67. См. также Приднестровье
Домерарве, м. на о-ве Готланд 107
Дон, р. 37, 40, 42, 133, 134, 239, 240, 449
Донец Северский, р. 134
Дорогобуж, г. 103, 105
Доростол, г. в Болгарии 16
Древняя Русь (Древнерусское государство), Киевская Русь 3, 5, 7—20, 21—31, 46—54, 64—83, 92, 103, 115—129, 131—180, 209, 257, 405
Дриваст, г. в Черногории 495
Дрина, р. 257
Дрогичин, г. 74, 123, 126
«Дромос Ахилла», коса 12
Другабец, г. 139
Дубовицы, с. 157
Дубровник (Рагуза), г. 19, 495, 498, 500—503, 506, 507, 511
Дунай, р. 17, 65, 69, 70, 72, 74—76, 91, 134, 135, 141, 144, 150, 177, 182, 191, 257, 513
Духовский край в Чехии 79

Евфрат, р. 512
Египет 49
Елец, г. 475, 476, 478, 479, 489
Ереван, г. и область сефевидского Ирана 451

Жатц, г. в Чехии 79
Желачко, д. 311
Желачка, местность в Псковской земле 309, 310, 312, 314
Желенки, с. 79
Житомир, г. 174

Забельское, с. 103, 109
Заборье, с. под Москвой 485
Завелицкое поле (около Пскова) 327
Загреб, г. 191
Закавказье 44, 56, 58, 93, 72, 183, 449, 452, 453, 457, 461
Закарпатская Украина 76, 140, 156
Запорожье, местность на Украине 509
Звенигород, г. в Северо-Восточной Руси 103, 281
Звенигород Галицкий, г. 139
Золотая Орда 184—202, 219, 224, 227—231, 240, 244, 246, 247, 255, 256, 327, 422
Зоннеборн, г. 99

Ивангород, крепость 335, 510
Иерон, местность 12, 25
Иерусалим, г. 235, 245
Ижора, р. 254
Ижорская земля 361
Изборск, г. 326, 327
Ильмень, озеро 512
Индия, 6, 55, 58, 59, 63, 406, 451, 460, 512—515
Инева, р. 285
Иннсбрук, г. 410
Иран (Персия) 44, 55, 57, 58, 63, 198, 444—461, 494, 512, 513
Ирландия 433
Испания 19, 76, 116, 400, 401, 406, 412, 416, 427—429, 432, 438, 440, 442, 450, 492, 495
Исфахан, г. 57, 245
Италия 100, 189, 505, 535
Итиль, г. 32—45, 58
Итиль, р. 40, 136, 134

Кабул, г. 59, 515
Кавказ, Кавказские горы 65, 133, 246, 446, 461
Казанское ханство 283, 324, 369, 398, 449
Казань, г. 291, 331, 371, 383, 387 398, 448, 507
Казвин, г. 57
Каёлак, г. 197
Калка, р. 183, 211
Калуга, г. 464, 473, 476—478, 480—482, 484, 485
Калуш, г. 156, 157
Кама, р. 158, 159
Карабах, область сефевидского Ирана 451, 452
Каракорум, г. 197, 198
Карамышево, с. 103
Карелия 103
Каринтия 91
Каркус, г. 327
Карпаты, горы 76, 143, 148, 149, 156, 161, 163, 170, 172, 173
Картли, Картлийское царство 457
Каспийское (Хазарское, Хвалынское) море 14, 22, 24, 28, 43, 45, 55, 58, 133, 240, 513, 514
Каспля, р. 210
Кафа (Феодосия), генуэзская колония 19, 239, 240, 244, 452
Кахети, Кахетинское царство 457
Кахова, р. 312
Кашгар, г. в Синьцзяне 515
Кашмир, область в Индии 53
Кведлинбург, г. в Германии 91
Кёльн, г. 96, 99
Кельча, г. в Чехословакии 73
Кёрёш, р. в Трансильвании 144
Кеш, г. 501
Киев, г. 8, 22, 48, 50, 52, 53, 60, 63, 64, 70—74, 76, 81—83, 103, 105, 106, 113, 117, 119, 121, 131—139, 146, 148, 149, 152—154, 157, 161, 162, 169, 173, 174, 186, 209, 232, 246, 263, 271, 272, 274
Киевская земля (княжество), Киевщина 56, 68, 71, 140, 152, 153, 161, 183
Киевская Русь см. Древняя Русь
Кипр, о-в 194, 235, 424, 450, 451
Китай 44, 76, 245, 406, 482, 494, 512, 514

Кладзко, г. в Польше 74
Клуж, г. в Трансильвании 408
Клязьма, р. 52, 282, 287
Кобленц, г. в Германии 114
Кобылий городок (в Псковской земле) 326
Козельск, г. 473
Колодяжин, г. в Древней Руси 48
Коломенское, с. под Москвой 485
Коломна, г. 251, 281

Коломыя, г. 76
Колпино, с. 311
Колывань, г. см. Ревель, г.
Комарицкая волость 483, 486, 489
Коми АССР 84
Комлош, д. в Венгрии 192, 193
Константинов, м. на Украине 509, 510
Константинополь (Царьград, Стамбул), г. 8—12, 14, 15, 19, 22, 29, 86, 209, 231, 233, 234, 238—240, 245—247, 248, 250, 258, 259, 261—263, 269—273, 320, 428, 449, 454, 494, 498—500, 502, 506, 509, 511, 514
Констанц, г. 96, 100, 274
Копенгаген, г. 379
Копыльский район 73
Корея 183
Коринф, г. 17
Корсунь см. Херсонес
Коссово поле в Сербии 249
Кострома, г. 48, 281, 316
Котлы, д. под Москвой 479
Котор, г. в Югославии 495, 500, 502, 503, 505—507, 511
Коханы, д. 50
Краков, г. 70—74, 76, 83, 209, 410, 472, 499
Красное село (около Москвы) 471
Красный город (пригород Пскова) 314, 316
Кременец, г. 143
Кремс, г. 91
Крещеный Баран, с. 103
Крит, о-в 29
Кромы, г. 479
Крылос, д. 156
Крым, п-ов 24, 234, 239, 240, 383, 407
Крымское ханство 366, 423, 428, 444, 449, 451, 453, 479
Ксилургу (Древодела) монастырь 18, 19
Кубань, р. 133
Кузьмодемьянское, с. 288
Куликово поле 238, 239, 243, 244
Кум, г. в Иране 452
Куолаярви, г. 84, 103
Курдистан 452, 454
Куркийоки, с. 103
Курск, г. 152
Кутуково, с. 106
Кух-Гилуйе, область в Иране 451
Куштозеро, с. 103, 105

Лагора, г. в Индии 515
Ладога, г. в Древней Руси 117, 209
Ладожское озеро 73. См. также Приладожье
Латвия 103
Латорица, р. 156
Лахор, г. 58
Леведия, область в Южной Руси 133, 135, 156
Лейпциг, г. 519
Лемнос, о-в 250
Ленинград, г. 73, 275
Ленинградская область 84
Лепанто, г. 424
Ливан 49
Ливны, г. 477, 478, 480
Ливония (Лифляндия) 219, 297, 301, 302, 306—338, 361, 364, 376—399, 402, 405, 409, 423, 425, 428, 430, 477, 491
Линц, г. в Австрии 492
Лион, г. 186
Литва, Литовское Великое княжество 120, 127—130, 137, 208, 223, 230, 235—237, 240, 246, 251, 253, 256, 262—277, 291, 306, 325, 351, 372, 397, 398, 402—417, 423, 430
Лихвин, г. 480, 481
Лодейное Поле, г. 73, 84, 103, 105, 108
Лодзь, г. 80
Ложколово, с. 103
Лондон, г. 428, 435, 515, 533, 535
Лосицы, с. 282
Лотарингия 89
Лубны, г. 498
Луристан, область сефевидского Ирана 451
Львов, г. 408
Льговка, с. 103, 105
Любек, г. 85, 110, 216, 218, 222, 294, 295, 297, 300—303, 334, 339—351, 517
Люблин, г. 74
Людвище, с. 103
Лютомерска, с. 80
Люцино, с. 49
Ляды, с. 282

Магдебург, г. 91, 344
Мазовия, княжество 122—124, 126, 128, 129
Македония 12, 171, 248
Малая Азия 235, 248
Мантуя, г. 114
Манугехр, область сефевидского Ирана 452
Марамарош, комитат в Венгрии 140
Марош, р. в Трансильвании 144

Мартышкино, д. 103, 105
Матраха, порт 86. См. стакже Тмутаракань
Мачва, область в Сербии 257
Медебах, г. 85
Меотида см. Азовское море
Мерв, г. 58
Месемврия, область в Византии 12
Мешхед, г. в Иране 454
Мидия 12
Милан, г. 406
Милолюб, г. 252
Минск, г. 74
Минская область 73
Мисия 24, 25, 27
Можайск, г. 281
Мозель, р. 95
Мокашаны, д. 103
Мокша, р. 230
Молдавия 250, 270, 498, 499, 509
Молоди, д. 103
Моравия 66, 68, 77—83, 172, 173, 343
Морача, монастырь в Сербии 496, 499—503, 505
Мордовская земля 283
Москва, г. 103, 217, 226—256, 258, 263—277, 281, 287, 288, 291, 311, 315, 320, 321, 325, 333, 343, 345, 351, 356, 357, 361, 362, 367—375, 383, 388, 389—392, 394, 395, 405, 408—411, 414, 434, 435, 438, 439, 442, 449, 450, 453, 456, 459, 465, 466, 468, 470, 471, 473, 476, 477, 479, 482, 486, 489, 496, 498, 505, 507, 510, 511, 519, 535
Москва-река 52
Мохач, г. в Венгрии 181, 401
Мраморное море 22
Муранки, с. 291
Муром, г. 316
Муромская земля 289
Мюнстер, г. в Германии 221, 491

Нагинщина, с. 103
Нарва (Ругодив), г. 295, 300—302, 307—309, 314, 324, 329, 330, 332—336, 355, 377, 426, 473, 510
Нарова, р. 307, 308, 328, 335, 356, 362
Наручадская страна (область на р. Мокше) 230
Неаполитанское королевство 495
Нева, р. 243, 244, 254, 356
Неман, р. 74, 117, 129
Нидерланды 416, 432, 433, 440—442, 482, 535
Ниенгаузен (Нейгаузен, Новый городок), крепость 312
Нижегородская земля 283
Нижний Новгород, г. 231
Низовская земля 60, 63, 283
Нитра, г. в Словакии 76
Новгород Великий, г. и феодальная республика 3, 14, 46, 57, 60, 61, 63, 74, 85, 97, 102, 103, 105, 107, 112, 113, 117, 120, 209, 236, 237, 253, 256, 274, 278—338, 343, 346—365, 381, 382, 391, 392, 395, 479
Новгород-Северский, г. на Украине 499
Новгородская губерния 61
Новгородская земля 56, 510
Новый город, крепость 311
Ногайская Орда (степь) 369, 453
Норвегия 255
Норовское (Weghenkull), с. 361, 362
Нюрнберг, г. 9

Обь, р. 159
Одра (Одер), р. 72, 74, 116
Озолица см. Пириссар, о-в
Ойтуз, перевал в Карпатах 157
Ока, р. 51, 52, 282
Оксус (Аму-Дарья), р. 513
Оксфорд, г. 516
Оломоуц, г. 80
Олонецкая губерния 61
Оман, княжество 58
Оногория, область в Причерноморье 156
Ополе, г. в Польше 74
Опсикий, фема в Византии 12
Опур, р. 156
Орехов, г. 238, 254
Ормуз, о-в 55
Османская империя см. Турция
Оснабрюк, г. в Германии 491
Островцы, с. 326
Охрид, г. в Югославии 495
Охта, р. 254

Падмозеро, с. 103
Палестина 234
Паннония 141—145, 148, 155, 156, 160, 162, 167, 170—172, 179
Париж, г. 200, 533, 534
Патна, г. в Индии 515
Паусниц, г. 91
Пахарпур, г. в Индии 52
Паша, р. 73
Перемиль, г. 67
Перемышль, г. 66, 67, 71—74, 76, 81, 138, 168
Пересопница, г. 139

Переяславец, г. 76
Переяславль Залесский, г. 59, 60, 281
Переяславль Южный, г. 150
Переяславская земля 56
Переяславский уезд 61, 286
Пермская губерния 159
Пермь, г. 286
Пернау (Пярну), г. 310
Персидский залив 58
Персия см. Иран
Петербургская губерния 61
Печская губа 326
Печ (Ипек), г. в Сербии 273, 496, 504
Пивжа, р. 238
Пинск, г. 117
Пириссар (Порка, Озолица), о-в 310, 311
Плесневск, г. в Древней Руси 139
Пловдив см. Филиппополь
Плюсса, р. 282, 441
Поволжье 231, 239, 282, 366, 398, 449, 482, 489
Подвинье 103, 211, 220
Подолия, область на Украине 475
Полесье 286
Полна, д. 103
Полоцк, г. 62, 103, 108, 210, 212, 219, 293, 284, 303, 407, 408
Полоцкая земля 62, 210, 282, 303
Польша 5, 6, 70, 71, 73, 74, 80, 81, 83, 87, 100, 101, 104, 116—129, 154, 196, 237, 252, 397, 398, 400—418, 423, 426, 428, 430, 432, 434, 442, 451, 464, 466, 468, 471—473, 475, 482, 491, 493, 495, 498, 499, 509, 511, 534, 535
Поречье д. 103
Порка см. Пириссар, о-в
Поросье 152, 156
Прага, г. 70—73, 76, 77, 80, 83, 209, 412
Прибалтика 48, 51, 65, 72, 87, 101, 103, 104, 111, 209, 278, 298, 378—399, 426
Прибров, г. 90
Приднестровье 81
Призрен, г. в Югославии 195
Прикамье 48, 51
Приладожье 87
Припять, р. 117, 134
Приуралье 398, 399
Причерноморье 28, 31, 86, 174, 202, 428
Пруссия 116—129, 252, 299, 491, 511
Прут, р. 150
Псков, г. 62, 74, 251, 293, 297, 300, 301, 303, 307, 309—338, 380—382, 391, 413, 414, 510
Псковская земля (область) 62, 103, 105, 409, 510
Пустополково, с. 106
Путивль, г. 294, 370, 373, 469, 475, 477, 479, 482, 485—487, 489, 495
Пчельна, р. 469, 478, 484
Пьяна, р. 230

Рагуза см. Дубровник
Радванка, с. 179
Райковецкое городище 48
Раммельсберг, г. 99
Раффельштеттен, г. 69, 77, 83
Раценж Мазовецкий, г. 126
Ревель (Таллин, Колывань), г. 293, 297—304, 310, 318, 324—326, 333, 334, 336, 345, 346, 377, 379, 390, 396, 509, 510
Регенсбург, г. 64, 65, 70, 76, 83, 86, 91, 209
Рейнская область 49, 95
Речь Посполитая см. Польша
Ржев, г. 281
Рига, г. 62, 63, 112, 113, 203, 208—211, 214, 215, 217, 219, 221—224, 293, 294, 319, 326, 332, 336, 357, 377, 388, 390, 396, 408, 409
Рижский залив 72, 209
Рим, г. 8, 35, 49, 235, 239, 299, 320, 321, 348, 405, 407, 408, 411, 412, 450, 451, 495—497, 499, 500, 502—506, 508, 509, 511. См. также Ватикан
Родна, перевал в Карпатах 157
Росия, порт на Азовском море 86
Ростов, г. 59, 103, 105, 201, 316, 464, 468
Ростово-Суздальская земля см. Суздальская земля
Росток, г. 344, 348
Руда, м. 101
Руза, г. 281
Румыния 239
Русский конец (часть г. Юрьева) 322, 323, 330, 332, 335, 336, 384
Ручьи, д. 103
Рязань, г. 107, 108
Рязанская земля 282, 370

Сабольч, комитат в Венгрии 165
Сава, р. 257
Сазава, монастырь в Чехии 154
Саксин, г. в Хазарии 36, 58

Саксония 95, 517
Салмас, г. в Иране 456
Самандар, г. в Хазарии 37
Самарканд, г. 58, 245, 514, 515
Сан, р. 67, 71, 74
Сарай, г. в Золотой Орде 230, 231, 245
Саркел, г. в Хазарии 36, 37, 42. См. также Белая Вежа
Сахновка, д. 106
Свач, г. в Черногории 495
«Священная Римская империя» см. Германия
Свирьстрой, поселок 103
Севастия (Сивас), г. 245
Северный Кавказ 48, 133, 231, 239, 398, 445, 449, 452, 457
Северская земля 475, 483, 486, 489,
Седра Бюруммет, м. на о-ве Готланд 107
Секешфехервар, г. 146
Селезнево, с. 103
Селиврия, местность в Византии 12
Сенно, с. 103, 105
Сербия 248, 257, 270, 276, 496, 500, 504, 505, 511
Серпухов, г. 281, 470
Сибирь 291, 368, 464, 494, 513, 514
Силезия 101
Силиврия, г. 248
Симанка, г. 435
Синайский п-ов 234
Синеводский монастырь см. Верхнее Синевидное, с.
Синюха, р. 156
Сирия 27, 49, 57, 514
Сис, г. 245
Скадино, с. 84, 103, 105, 108
Скадор, г. в Черногории 495
Скандинавия 72, 117
Скифия 135—138, 148, 159
Словакия 76, 142
Смоленск, г. 57, 60, 62, 63, 103, 112, 204—224, 251, 295, 303, 352, 362, 413, 414, 471, 481
Смоленская земля (княжество, область) 56, 57, 62, 203—224, 282, 303, 409
Собачьи Горбы, д. 103
Сож, р. 52
Сосново-Рауту, с. 103
София, г. 495
Спанко, с. 84, 108
Средиземное море 23, 408, 450
Средиземноморье 235, 424
Средняя Азия 44, 48, 51, 53, 55, 58, 65, 72, 239, 240, 449, 459, 460
Срем, область в Хорватии 150, 45
Сталинабад, г. 515
Стамбул см. Константинополь
Станислав, г. 76
Старая Ладога, с. 103
Старая Рязань, с. 106, 108
Старе Место, г. в Чехословакии 79
Старково, с. 107
Старый Влах, область в Сербии 498, 500, 501
Стокгольм, г. 302, 345, 416, 50
Стражевичи, д. 103
Страссбург, г. 114
Стренгнес, г. 350
Суздаль, г. 62, 201, 217
Суздальская земля 136, 137, 141, 148, 149, 152, 157, 160, 161, 487, 488
Сунг, область в южном Китае 183
Сучава, г. 270

Табаристан 58
Табасаран, область сефевидского Ирана 452
Таджикистан 515
Такламакан, пустыня 513
Таллин см. Ревель, г.
Талыш, область сефевидского Ирана 451
Тамань (Matrica), г. 158. См. также Тмутаракань
Тана, генуэзская колония 19
Тарковское шамхальство (шамхалат) см. Дагестан
Тарту см. Юрьев, г.
Ташкент, г. 460
Тбилиси, г. 58, 245
Тверской уезд 61
Тверь, г. 106, 108, 228, 234, 331
Тебриз, г. 245, 452, 456
Темеш, р. 144
Темешвар, г. 495
Теребовль, г. 139
Терек, р. 453
Терский городок, крепость 453
Тигр, р. 512
Тисса, р. 141, 144, 148, 156, 163
Тмака, р. 61
Тмутаракань, княжество 18. См. также Матраха, Тамань
Толова, местность в Эстонии 32
Торжок, г. 60
Тормов, м. в Венгрии 154
Травна (Траве) р. в Северной Германии 208, 216, 217, 222
Трансильвания 142, 148, 149, 151, 157, 408, 492, 509, 510
Трансоксиана 514

Гранезундская империя 234
Грикефал, гора в Византии 12
Грир, г. 91, 96
Грогир, г. в Далмации 496
Тула, г. 462, 464, 473, 475—481, 484, 489, 490, 499
Тунис 424
Туранские степи 513
Туркестан 512—514
Туркмения 459
Туров, г. 117
Турово-Пинская земля (княжество) 117
Турция 234, 246, 366, 401, 404, 405, 407, 408, 412, 415, 423—425, 428, 432, 435, 441, 444, 449—461, 491, 492, 494, 495, 499, 505, 509, 511
Тырново (Тырнов), г. 239, 240, 248, 260—262, 269
Тюбинген, г. 91

Угер, р. 174
Углич, г. 473, 489
Угор (Хугор), с. 174
Угорники, с. 174
Угорские горы см. Карпаты
Угорский Тикич, р. 156, 174
Угорское, урочище 173
Угорце, с. 174
Угр, р. 174
Угра, р. 327
Угринов, м. 174
Угрия см. Венгрия
Угруйск, м. 174
Угруйска Воля, с. 174
Уж (Унг), р. 144, 148
Ужгород (Унгвар), г. 144, 179
Украина 137, 237, 371, 373, 499, 509, 510
Ульцин, г. в Черногории 495
Унг, комитат в Венгерском королевстве 144, 145,
Унг см. Уж, р.
Уппсала, г. 416, 417
Урал, р. 159, 459
Ургенч (Орнач), г. 229, 231, 239, 240, 245
Устюг, г. 239, 240
Устье, с. 103
Ушаки, д. 103, 105

Фарос, местность в Византии 12
Фаррис, г. 57
Феллин, г. 313, 327
Фергана, область 514
Фессалоники, г. 248
Филиппополь (Пловдив), г. 258
Финский залив 72
Фландрия 89, 279, 296, 298, 300, 425
Флоренция, г. 534, 535
Фракия 171
Франкония 95
Франкское государство 116
Франция 19, 186, 198, 423, 425, 428, 435, 450, 492, 526
Фризах, г. 91
Фульда, г. 100

Хазаран, часть г. Итиля 34, 41, 43, 44
Хазария, Хазарский каганат 32 45, 65, 133, 177
Хамлидж, г. 38
Харивка, с. 109
Харлапово, д. 50
Хвалынское море см. Каспийское море
Херсонес (Корсунь), г. 25, 86, 106
Хива, г. 459, 514, 515
Ховош, лес 140, 144, 145
Холм, г. 139
Хорасан, провинция в Иране 53, 245, 452, 453, 454, 458, 460, 514
Хорватия 164
Хорезм, г. и ханство 55, 458—461, 514
Хотанская область в Китайском Туркестане 513
Хроменьце, с. 103
Хуст, г. 76

Чагатайский улус 245
Чазма, монастырь в Хорватии 191
Червен, г. 67
Червенские города 66, 71, 118, 121—123
Чернигов, г. 79, 168, 488
Черногория 500, 503
Черное море (Понт) 12, 24, 33, 86, 133, 240, 403, 514
Чехия 55, 64—83, 92, 173, 343, 401, 417
Чехов, предместье г. Люблина 74
Чехословакия 6
Чигирин, г. 510
Чудское озеро 308, 324, 328

Шабран, г. 245
Шайо, р. в Венгрии 190
Шалахово, с. 109
Шарош, комитат в Венгерском королевстве 193
Швабия 100
Швеция 48, 51, 237, 238, 244, 255, 256, 324, 340, 342, 345, 347, 376,

404, 407, 409, 414, 416, 417, 423, 426, 429, 430, 442, 473, 491, 492, 495, 499, 510, 511
Шелонская пятина (в Новгородской земле) 282
Шемаха, г. в Азербайджане 245, 455
Шираз, г. 57, 245
Ширван, область сефевидского Ирана 448, 449, 451, 452, 454, 457
Ширинич, д. 103
Шлуков, г. 79
Шнееберг, г. 99
Шпаньково, д. 103, 105

Эверсмуйже, д. 103
Эмайыги, р. 326
Эмден, г. 90
Эрзерум, г. 245
Эстергом, г. 76
Эстония 112
Этелькёз (Ателькузу), область в Южной Руси 133—135, 156, 170
Этиль см. Итиль, р.
Эфес, г. 248

Югославия 6, 239, 498
Юрьев (Дерпт, Тарту), г. 293, 300, 301, 309—338, 382, 390, 391, 396, 398, 408, 409
Юрьевская (Дерптская) область (епископство) 309—338, 377, 380—399

Яик см. Урал, р.
Якутск, г. 523
Ям, г. 363
Япония 492
Ярослав, г. 125
Яролавль, г. 201, 281, 464, 466—470, 476
Ятвяжская земля 117—129
Яшловский бейлик (удел) в Крыму 375

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

А. П. Каждан. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947—1957) . . . 7

В. М. Бейлис (Чернобыль). Ал-Ма'суди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. 21

Б. Н. Заходер (Москва). Итиль (Три рассказа) 32

М. В. Фехнер (Москва). Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. 46

Ю. А. Лимонов (Москва). Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества 55

А. В. Флоровский (Прага). Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. 64

В. М. Потин (Ленинград). Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. 84

Б. Влодарский (Торунь). Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. 116

В. П. Шушарин (Москва). Русско-венгерские отношения в IX в. 131

Э. Ледерер (Будапешт). Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие 181

Н. Н. Усачев (Смоленск). К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. 203

Л. В. Черепнин (Москва). Отражение международной жизни XIV — начала XV в. в московском летописании 225

И. Снегаров (София). К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XV в. 257

А. Л. Хорошкевич (Москва). Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV вв. 278

Н. А. Казакова (Ленинград). Русь и Ливония 60-х — начала 90-х годов XV века 306

Г. Рааб (Росток). Новые сведения о печатнике Варфоломее Готанс 339

И. Э. Клейненберг (Ярославль). Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. 352

С. О. Шмидт (Москва). К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. 366

И. П. Шаскольский (Ленинград). Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани 376
Э. Винтер (Берлин). Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы 1575 и 1587 гг. 409
Я. С. Лурье (Ленинград). Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. 419
А. П. Новосельцев (Москва). Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. 444
Н. П. Долинин (Сталино). К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова 1606—1607 гг. 462
В. А. Мошин (Загреб). Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. 491
С. Н. Дас Гупта (Лакнау). К истории индо-русских культурных связей 512
Л. Н. Пушкарев (Москва). Обработка А. Шамиссо древнерусской повести «Шемякин суд» 516
Б. Б. Кафенгауз (Москва). Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России 533
Приложения 537
Список сокращений 541
Указатель имен 543
Указатель географических названий 569

Международные связи России до XVII в.

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *В. П. Шушарин* Технический редактор *О. Г. Ульянова*
Художник *С. П. Чахирян*

РИСО АН СССР №11-80В. Сдано в набор 22/IV 1961 г. Подписано к печати 28/VIII 1961 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 36,25. Уч.-изд. л. 39,4 Изд. № 5361. Тип. зак. № 1816.
Тираж 1700 экз. Т-09106.
Цена 2 руб. 56 коп.

Издательство Академии наук СССР Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
21	2 св.	Мас уди	Мас^{с} уди
89	15 св.	другую.	другую».
141	15 св.	ıгimates	primates
259	10 сн.	1937	1397
467	20—21 сн.	Диаменговского	Диаментовского